ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ
РОССИЯ – XX ВЕК

Как наших дедов забирали...

Российские школьники о терроре 30-х годов

Сборник работ
победителей Всероссийского конкурса
исторических исследовательских
работ старшеклассников

Как нащих дедов забирали...

Российские школьники о терроре 30-х годов

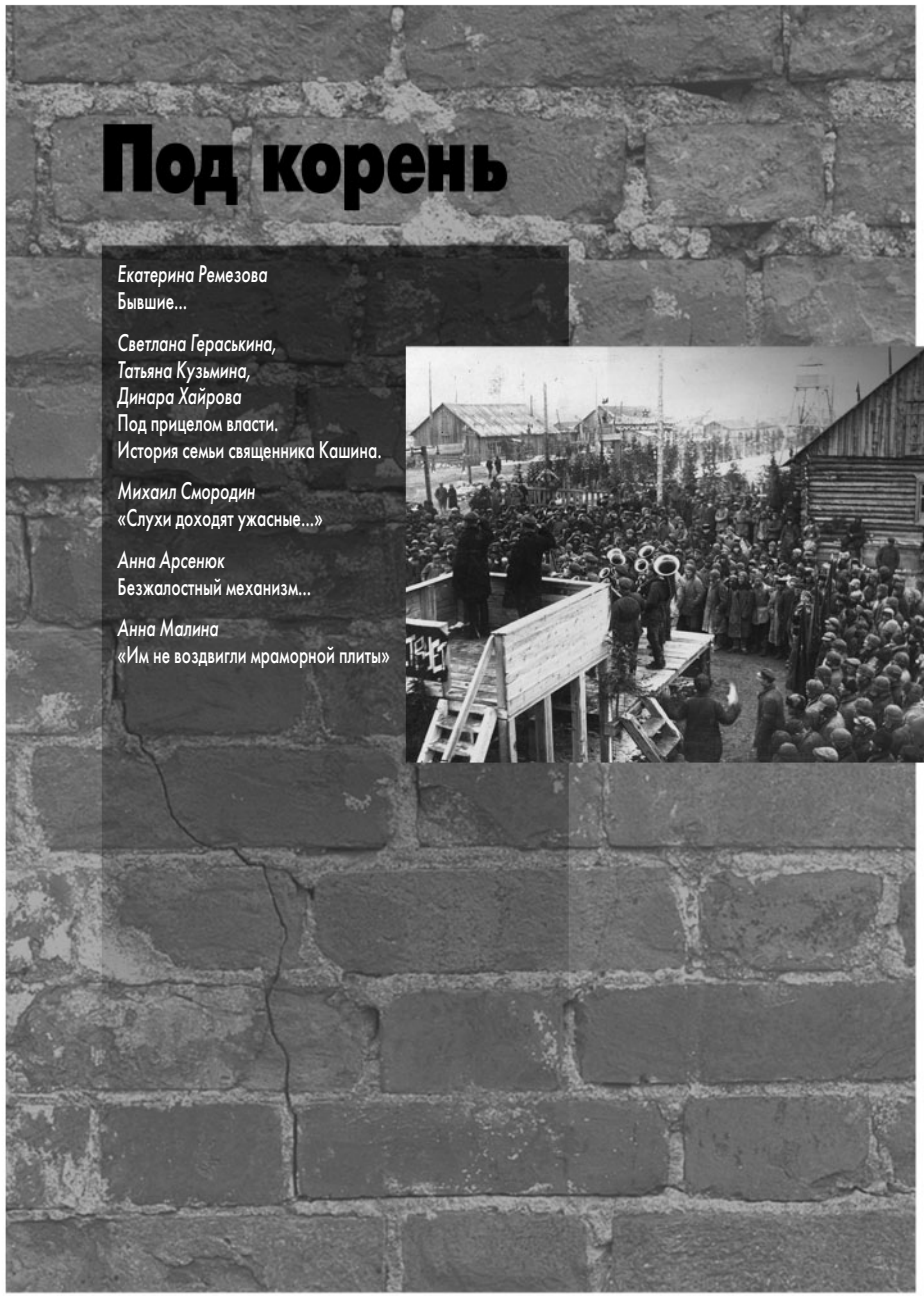
Сборник работ
победителей Всероссийского конкурса
исторических исследовательских
работ старшеклассников

Издательская программа
Международного общества «Мемориал»

Редакционная коллегия:
Александр Даниэль, Елена Жемкова, Татьяна Касаткина,
Марлен Кораллов, Никита Охотин, Ян Рачинский,
Арсений Рогинский (председатель)

Редактор-составитель Ирина Щербакова
Подготовка текста Александр Паповян

В сборник «Как наших дедов забирали... Российские школьники о терроре 30-х годов» включены работы российских школьников, отобранные из десяти тысяч сочинений, пришедших на Всероссийский исторический конкурс общества «Мемориал» в 2005 – 2007 гг. Большинство участников конкурса – подростки из небольших российских городков, поселков и деревень. В своих работах они рисуют трагическую картину массовых репрессий, охвативших советское общество в 20-50-е годы. Школьники погружаются в семейную и региональную историю, собирают устные и письменные свидетельства, работают над документами, найденными в частных и государственных архивах.

Екатерина Ремезова,

г. Владимир,
школа №21, 11 класс.
Научные руководители:
Шахова Е.В., Шехирев М.А.

Бывшие...

Но так жила не только наша семья, так жила почти вся страна, во всяком случае, большая её часть, в особенности те, кто был из «бывших». И ещё один момент видимо требует своего объяснения. Не смотря на то, что период времени, о котором говорится в работе, наполнен грандиозными по значимости событиями, изменившими миллионы и миллионы людских судеб, я постаралась не писать о них напрямую. Причина этому самая простая. Мои предки, о которых идёт речь, не шли на баррикады, не проявляли чудеса героизма на фронтах, они просто жили. Но жизнь их много лет подряд была постоянной борьбой за выживание самих себя и своих близких. И таких как они, среди наших соотечественников, было очень много. На мой взгляд, даже слишком много. Жизнь любого из этих людей, была такова, что вполне может быть определена как духовный и физический подвиг.

Нет! и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл —
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.
А. Ахматова

Судьбы моих родственников, во многом схожи с судьбами тысяч и тысяч россиян, чей жизненный путь был пересечён революцией, гражданской и Великой Отечественной войнами.

Единственной целью, которую я поставила, это попытаться рассказать о тех, кто, невольно

став игрушкой в огромном и жестоком социальном эксперименте, был просто человеком, желавшим жить, а зачастую просто выжить в те годы.

Разбирая семейные документы, я вновь убедилась в справедливости утверждения о том, что и среди самых обычных семейных бумаг могут находиться такие, которые не только касаются отдельных людей, но и как маленькое зеркало отражают грани жизни нашей страны.

Документы, которые легли в основу этой работы, не являются систематизированным семейным архивом, они охватывают очень небольшой промежуток времени (первую половину XX века и лишь отчасти, фрагментарно, касаются событий конца XIX века) и непосредственно относятся только к нескольким людям, моим родственникам по материнской линии. Поэтому разбирая их, я и обратилась с вопросами к своей бабушке — Надежде Васильевне Ремезовой (Ионовой). Именно её устные рассказы легли в основу истории, которую я хочу рассказать, а обнаруженные в доме документы только подтверждают правдивость её слов.

Мои предки, о которых пойдёт речь, жили до определённого момента очень неплохо. Поэтому они оказались не готовы к тем переменам, которые стали не закономерным следствием течения их обычной жизни, а стали возможными только благодаря тому грандиозному перелому, который принесли с собой в Россию революция и советская власть.

Начать свой рассказ я хочу издалека, что бы было понятно, кто те люди, о которых я буду говорить.

* * *

В Ковровском уезде Владимирской губернии существовало и существует до настоящего времени село — Эдемское. Именно в этом селе, в 1878 году в крестьянской семье Якова Васильевича и Марии Гавриловны Гусевых родилась девочка — Наталья, которая является моей прапрабабушкой.

Яков Васильевич, несмотря на своё крестьянское происхождение, кроме земледелия занимался ещё и предпринимательством. Он имел свою торговлю в селе Лемешки Ковровского уезда, расположенном совсем недалеко от губернского центра. Мария Гавриловна происходила также из крестьянской семьи, но, родившись ещё до отмены в России крепостного права, была дочерью так называемых «дворовых» одного из местных помещиков. Живя в имении и воспитываясь с детьми владельца имения, она естественному крестьянскому ремеслу и даже повседневной хозяйственной работе не была обучена. Выйдя

Яков Васильевич и Мария Васильевна Гусевы. 1878-1883.

замуж за Якова Васильевича Гусева, с удивлением обнаружила, что практически не приспособлена к ведению крестьянского хозяйства.

По меркам своего времени и по своему социальному статусу семья Гусевых была вполне благополучной. В семейном альбоме хранится фотография, на которой мы видим Якова Васильевича и Марию Гавриловну вместе с одной из трёх своих дочерей. Точно датировать эту фотографию трудно, но сделана она, скорее всего в 1878-1883 годах. Даже внешне эта пара производит очень приятное впечатление, красивая женщина и крепкий, с умным и добрым лицом мужчина.

Всю жизнь, помня о своём «дворовом» происхождении, Мария Гавриловна говорила, что: «сделает всё, что бы её дети могли и умели всё». Для неё, бывшей крепостной, выросшей вместе с барскими детьми, это означало только то, что её дети должны были владеть какими-то профессиональными навыками, а девочки — ещё и уметь вести домашнее хозяйство.

Никто из детей Гусевых не получил классического, в нашем современном понимании, образования. Например, Наталья Яковлевна, моя прапрабабушка, окончила только два класса церковно-приходской школы, но при этом она очень правильно, грамотно говорила, следила за своей речью и очень ценила в людях образованность. И, конечно же, не случайно, постаралась дать своей дочери возможность получить настоящее классическое образование.

И заканчивая разговор о Якове Васильевиче и Марии Гавриловне надо отметить ещё один факт, в последствии сыгравший определённую роль в судьбе их дочери. Оба выходцы из крестьянской среды Гусевы были глубоко верующими людьми и всех своих детей воспитывали в христианской православной вере.

Единственный сын в семье Гусевых — Василий со временем перебрался в губернский город Владимир, где открыл собственную торговлю скобяными изделиями. До своего замужества Наталья несколько лет помогала брату, занимаясь торговлей в его лавке.

Михаил Сергеевич и Наталья Яковлевна Кондратьевы. 1901/1902.

В 1900 году Наталья Яковлевна Гусева вышла замуж за Михаила Сергеевича Кондратьева. Нельзя сказать, что они не знали друг друга до свадьбы, но ни о какой большой любви, безусловно, и речи не было. Тогда браки устраивались родителями. Дети принимали их волю и учились любить и уважать друг друга согласно библейским заветам, пока смерть не разлучит их. Иногда случались трагедии, но в большинстве случаев пары подбирались подходящие по социальному уровню, интересам, что гарантировало прочные союзы.

По роду своей торговой деятельности Яков Васильевич Гусев общался со многими владимирскими купцами и женихов для своих дочерей выбирал из купеческих семей. Старшая и младшая сёстры Натальи так же вышли замуж за детей владимирских предпринимателей — подрядчика Митрофанова и купца Симакова, а брат Василий стал к началу века купцом первой гильдии.

Гусевы к тому времени уже проживали в селе Лемешки и будущий супруг Натальи, отдавая дань моде тех времён, ездил на свидание к невесте из Владимира в село Лемешки на велосипеде. Правда и расстояние позволяло — чуть более 10-ти километров.

После свадьбы молодая семья Кондратьевых переехала на жительство в село Второво Ковровского уезда, где Михаил Сергеевич

открыл самостоятельную торговлю. Торговля была самая разнообразная и розничная, и оптовая. Торговали самыми различными товарами, от продуктов питания, до мануфактуры, спичек и керосина. Дела шли, видимо вполне успешно. Спустя несколько лет Кондратьевы построили небольшой кирпичный завод. Изначально его постройка диктовалась исключительно личной необходимостью. Требовался кирпич для строительства нового кирпичного магазина и складов. Впоследствии продукция этого завода также пошла в продажу.

Строения, возведённые Кондратьевыми в селе Второво, просуществовали много дольше своих бывших владельцев. Магазин и склады были целы ещё во время Великой Отечественной войны и использовались в то время по прямому назначению. Двухэтажный дом, в котором они жили, стоит и в наши дни, в послереволюционные годы в нём располагались сельсовет и различные советские конторы.

10 декабря 1900 года у Михаила Сергеевича и Натальи Яковлевны родилась дочь. Она оказалась первым и единственным ребёнком в семье Кондратьевых.

Немного раньше я уже говорила о том, что сама Наталья Яковлевна не получила хорошего образования, но она сделала всё необходимое, чтобы такое образование было у её дочери. С пятилетнего возраста девочку начали обучать грамоте и рукоделию. До девяти лет Валя жила вместе с родителями во Второво, где и получила начальное образование, которое было необходимо для поступления в приготовительный класс Владимирской женской земской гимназии. Для этого Кондратьевы нанимали учителей и выписывали из Москвы учебники. По дореволюционным меркам, требования для поступления в гимназию были достаточно высокими. «Поступающие в первый класс должны уметь читать и писать и знать первые четыре правила арифметики».[1] Для сравнения можно сказать, что для обучения в первом классе современной средней школы таких знаний не требуется.

В 1910 году Валя поступила во Владимирскую земскую женскую гимназию. Среди документов, которые обнаружила я у нас в доме, каким-то чудом сохранился аттестат за № 191, полученный ею по окончании обучения в гимназии.

Самым лучшим временем Валя считала лето, когда могла надолго вернуться к родителям во Второво. Именно, летом в селе собиралось очень много детей. Приезжали многочисленные племянники Михаи-

[1] Страхов П.И. История открытия Владимирского пансиона. Владимир на Клязьме. 1903 год. стр. 105

ла Сергеевича и Натальи Яковлевны из Владимира, Москвы, Нижнего Новгорода. Все они были почти одногодками с Валентиной. Вечерами все собирались на большой террасе дома у огромного самовара.

Я так подробно рассказала о жизни семьи до 1917 года исключительно потому, что хочу показать, насколько разительно изменилась эта жизнь с приходом к власти большевиков.

* * *

Не могу сказать, что годы учёбы Валентины Кондратьевой в гимназии были самыми лучшими годами для нашей страны. На эти годы пришлась и первая мировая война и революция, а год выпуска из гимназии оказался вообще переломным для семьи Кондратьевых, да и для многих семей в России.

В середине 1918 года новая власть решила, что Кондратьевы слишком хорошо живут на «нетрудовые» доходы, являются «эксплуататорами» трудового народа и конфисковала у них торговлю и дом во Второво. По сути своей, семья осталась без жилья и средств к существованию.

Оказавшись бездомными, они перебрались на жительство в город Владимир, снимали комнату в доме на ул. Гороховой. Лишившись денег и торговли, Михаил Сергеевич, чтобы прокормить семью, вынужден был устроиться на работу в одну из новообразованных государственных контор в качестве «совслужащего». Где и кем он работал — мне пока узнать не удалось.

Спустя немного времени то же самое сделала и его дочь Валентина. С февраля 1919 года по март 1921 года она состояла на службе во Владимирской ГубРКИ — организации осуществлявшей госконтроль. В качестве кого, я так же не знаю, но среди домашних документов существует справка, датированная 23 апреля 1928 года, подтверждающая это.

Мне странно, но это факт, что новая власть, отобрав у «эксплуататора» дом, имущество и деньги, позволила ему и его дочери работать в новоиспечённых государственных конторах, по сути своей, став госслужащими, пусть даже и на самых маленьких должностях. Могу это объяснить только тем, что у большевиков в те годы просто не хватало грамотных, в прямом смысле этого слова, людей. Но, правда и опомнились достаточно быстро. Валя была уволена со службы практически через год.

В июне 1921 года, сразу же после введения в стране НЭПа, Михаил Сергеевич снова занялся торговлей.

Василий Алексеевич Ионов. и Валентина Михайловна Ионова (Кондратьева). 1927 г.

Ещё один любопытный факт, который я никак не могу объяснить. Во время НЭПа Кондратьевым каким-то образом удалось вернуть себе и магазин, и дом в селе Второво. Каким образом это произошло, я не знаю, но спустя много лет, Наталья Яковлевна в разговоре со своей внучкой об этом времени говорила так: *«Когда нам «товарищи» всё вернули ...»*

Надо отдать должное предпринимательской жилке Михаила Сергеевича, но во время НЭПа он довольно быстро, как сейчас говорят «поднялся». По сути своей, он фактически восстановил свою прежнюю торговлю, пусть даже и в несколько усечённом виде. Он, как и прежде, не только торговал в розницу в своём магазине, но и держал оптовую торговлю, привозя товар из столицы и продавая его мелким торговцам в своём уезде и во Владимире. Жена и дочь помогали ему, работая в магазине.

В ноябре 1927 года Валентина Михайловна вышла замуж за Василия Алексеевича Ионова. К этому времени Василий Ионов был весь, как говорится — «бывший». Бывший владимирский купец, бывший царский офицер участвовавший в Первой мировой войне и побывавший в плену, бывший военспец Красной армии, в 1927 году он также как и Кондратьевы занимался торговлей. Но время НЭПа уже подходило к концу, и его торговые дела шли всё хуже и хуже. Да и не только

у него одного, просто большевистское правительство уже начало проводить политику ликвидации частного сектора экономики.

У нас в доме хранится флакон из под духов и коробочка из под пудры французской фирмы «Котти». Это были первые подарки моего прадедушки будущей супруге. Этот парфюмерный набор Валя хранила всю свою жизнь. Сохранилось и несколько писем, которые писал Василий Алексеевич Валентине летом и осенью 1927 года. Они, перевязанные поблекшей розовой ленточкой, хранят в себе множество ласковых добрых слов, которые он посылал своей будущей жене.

Второго августа 1928 года, уже в трудное для семьи время, у Василия и Валентины Ионовых родилась дочь — Надежда. В тот год Василий Алексеевич полностью забросил торговлю и открыл скорняжную мастерскую, где и работал сам скорняком.[1] Причиной этого стала общая направленность внутренней экономической политики большевиков. Большевистское государство, видя в частнике конкурента и врага, стремилось не поддержать его, а наоборот — подавить. Я не случайно употребила слово «враг». Среди найденных мной документов оказалась одна страница владимирской газеты «Призыв», в которой был опубликован доклад Н.И. Бухарина.[2] Хочу процитировать только одну фразу из выступления этого большевистского лидера: «Вообще нужно понять, что стоящие перед нами задачи строительного периода по отношению к людям заключаются не в том, чтобы воспитывать попугаев, которые когда угодно, в особенности под бдительным взором начальства, могут повторять одно и то же, а воспитывать таких людей, которые разбираются в вопросах, могут дать правильные указания, ***которые любому врагу, будь то кулак, будь то нэпман, смогут дать на деле, в борьбе, правильный «ответ»,*** которые смогут переубедить колеблющихся, будучи сами убеждены и действуя не за страх, а за совесть»[3]. Я не случайно выделила часть фразы. На мой взгляд, это выступление Бухарина очень ярко иллюстрирует внутреннюю политику большевиков, проводимую ими в 1928 году.

Скорняжная мастерская Ионовых просуществовала меньше двух лет.[4] В итоге, к началу 1930 года, Василий Алексеевич Ионов окончательно отказавшись от попыток заниматься собственным делом, становится рабочим на кирпичном заводе.[1]

[1] Анкета для арестованных. Архив УФСБ России по Владимирской области, архивное уголовное дело № П-8371, л. 95

[2] Газета «Призыв» от 05 декабря 1928 года.

[3] Газета «Призыв» № 282 от 05.12.1928 года, стр. 6.

[4] Анкета для арестованных. Архив УФСБ России по Владимирской области, архивное уголовное дело № П-8371, л. 95

Такая судьба была уготована не только Василию Ионову. Практически то же самое произошло и с отцом Валентины Михайловны. В январе 1930 года большевики повторно конфисковали, имущество, принадлежащее Кондратьевым и семья, вновь оказалась без дома и средств к существованию. Наталья Яковлевна и Михаил Сергеевич перебрались на жительство в деревню Тереховицы, расположенную недалеко от Второва. В последствии, Наталья Яковлевна рассказывала своей внучке о том, что: ***«У нас из дома вывезли не только ценные вещи и мебель, но забрали очень многое из носильных вещей…».***

Жизнь в Тереховицах была для Кондратьевых очень трудной. Что бы просто не умереть с голоду 59-летний Михаил Сергеевич начинает работать в Павловском учлесхозе на лесозаготовках. У нас дома сохранилась справка, выданная ему в марте 1930 года и «Типовой расчётный лист для лиц, занятых на дроволесозаготовках Владимирского Окрлесзага».

Об этом расчётном листе хочу рассказать по подробней, так как этот документ очень любопытный по своему содержанию. По сути своей, это нечто похожее на современный трудовой договор. В этом расчётном листе указан характер выполняемой работы, продолжительность работы и порядок оплаты. Михаил Сергеевич должен был выполнять: «заготовку дров после рубки делового леса из вершинника с подбором и укладкой в штабели», продолжительность работы была указана как «неопределённая», т.е. продолжительность рабочего дня была ничем не ограничена, и за подобную работу оплата была «68 копеек с кубического метра» и ещё «муки 369 гр., крупы 61,5 гр., масла 3,15 гр., сахар и табак 6,15 гр.».

Мне кажется, любому нормальному человеку понятно, что подобная оплата труда отнюдь не соответствует работе, за которую она причитается. Но у Кондратьева выбора не было. Либо работа на зимней лесной делянке с ненормированным рабочим днём, либо голодная смерть его и жены.

Говоря об оплате труда, хочется сказать немного и о ценах. В «Известиях Владимирского Губисполкома и Губкоопсовета» была опубликована статья, в которой говорилось, что в 1929 году во Владимирской губернии произошел резкий рост цен на продукты питания и в

[1] Анкета для арестованных. Архив УФСБ России по Владимирской области, архивное уголовное дело № П-8371, л. 95

первую очередь на хлеб. Средне-губернские розничные цены на пшеничную муку выросли на 34,2 %.[1]

Кроме той зарплаты, которую получал Михаил Сергеевич, Кондратьевы в тот период ещё жили тем, что их поддерживали люди, которые помнили добрые дела Натальи Яковлевны тех лет, когда жизнь семьи была ещё благополучной. Бывшие односельчане помогали им, чем могли.

На лесозаготовках Михаил Сергеевич проработал зиму и весну 1930 года и был уволен. 7 мая он устроился на работу в Ковровскую кооперативную артель «Стройматериал». И вновь, почти шестидесятилетний человек получил работу не соответствующую своему возрасту и состоянию здоровья он стал «каменоломом». Думается совершенно не надо объяснять, что это была за работа, само название должности говорит за себя. Но выбора не было. Надо было, каким-то образом выживать, а его бывшего «эксплуататора» да ещё и «лишенца» на другую работу просто не брали.

Но и в каменоломне долго ему проработать не дали. Большевикам срочно потребовалось большое количество денег и с «бывших» начали требовать выдачи якобы спрятанного золота и других ценностей. Первый раз Михаила Сергеевича забрали в октябре 1930 года. По решению судебного заседания тройки при ОГПУ Ивановской промышленной области он просидел в домзаке с 28 октября 1930 года по 17 января 1931 года.

Среди документов, хранящихся у нас дома, есть справка, выданная администрацией Владимирского домзака для срочно следственных, о том, что Михаил Сергеевич был отпущен по отбытию установленного ему срока лишения свободы. Но это было только самое начало. Кондратьевы не прятали золота, все их средства были вложены в товар, который и был конфискован вместе с магазином и домом. Единственное что удалось сохранить Михаилу Сергеевичу и его жене — это часть личных носильных вещей, драгоценности, немного мебели, всё это, за несколько дней до конфискации, они передали на хранение своим соседям, знакомым, родственникам. Отчасти, моим предкам удалось выжить в те годы именно потому, что они продавали эти сохранившиеся от прежней жизни вещи.

Отбыв срок в домзаке, Михаил Сергеевич попытался найти себе более или менее приемлемую работу, но из этого ничего не вышло и, в

[1] Известия Владимирского Губисполкома и Губкоопсовета. № 10. стр. 27

конце апреля 1931 года, он вновь вернулся в каменоломни на бутовые работы. Казалось бы, ну что можно взять с нищих и бездомных стариков? Живут они себе потихоньку, властям не мешают, хотят только, что бы их оставили в покое. Но не тут-то было. Большевикам было мало, что они отобрали у людей всё, что было ими нажито, что загнали шестидесятилетнего старика ломать камень в карьере. В конце мая 1931 года Михаила Сергеевича и Наталью Яковлевну в принудительном порядке отправили на стройку металлургического завода в городе Магнитогорске. Вернее в тот год города как такового ещё практически не было, была грандиозная стройка на берегу реки Урал около горы Магнитная.

Несмотря на то, что моей бабушке ещё не было и трёх лет, день отправки в Магнитогорск она помнит отчётливо. Это был серый весенний день, дул сильный ветер и лил дождь. Она сидела на руках у матери, вокруг было много незнакомых людей, которые с мешками, чемоданами, ящиками сновали по перрону. Одни что-то кричали, другие плакали, третьи просто тихо о чём-то говорили. Её мама внимательно слушала последние наставления своих родителей, а по щекам текла горькая слеза. Девочка вытирала её своей маленькой ладошкой.

Потом вдруг толпа заволновалась и все увидели военных, которые очень громко грубо кричали, запихивая людей в вагоны. Наталья Яковлевна велела дочери немедленно уходить. На прощание они ещё раз очень крепко обнялись, расцеловались и Михаил Сергеевич, сказал дочери: «Береги себя и Надю, о нас не беспокойся, даст Бог, свидимся ещё на этом свете».

И старики поехали строить большевикам металлургический завод. Среди найденных мной документов сохранилась расчётная книжка, принадлежавшая Михаилу Сергеевичу. Этот документ не только подтверждает факт его присутствия на стройке в 1931 году и то, что он работал в должности землекопа организации с названием «Водоканалстрой» с 3-го июня. Этот документ любопытен ещё по другой причине.

В этой расчётной книжке указано, что зарплата выдаётся два раза в месяц. На приведённой ниже странице указано, что землекоп Кондратьев за полмесяца сумел заработать всего 17 рублей 88 копеек. Из них получил авансом три рубля и под расчёт, после вычетов ещё восемь рублей и шестнадцать копеек. И так практически на каждой странице с небольшими изменениями.

О жизни Кондратьевых в Магнитогорске мне, к сожалению, практически ничего неизвестно. Знаю только то, что в конце 1932 года они

каким-то чудом умудряются вырваться оттуда и возвращаются во Владимир. В нашей семье существует версия, и она, по всей видимости, близка к истине, что достаточно быстрое возвращение домой, связано с резким ухудшением здоровья. Иными словами их, скорее всего, списали как лиц негодных к работе. Достаточно вспомнить, что Михаилу Сергеевичу было уже 62 года.

Хочу вернуться назад и рассказать о том, что происходило в это время с семьёй Ионовых. Как я уже говорила, к началу 1930 года Василий Алексеевич был вынужден закрыть скорняжную мастерскую и устроиться на работу на кирпичный завод. Но и в качестве рабочего он оказался неугоден новой власти. В октябре 1930 года Василий Ионов был арестован вместе с целой группой лиц. Их обвиняли в причастности к деятельности так называемой контрреволюционной организации «Спасение родины и революции». 26 октября 1930 года начальник ОКРООГПУ подписал два документа: ордер № 3204 на производство обыска и арест Василия Алексеевича Ионова и постановление об избрании ему меры пресечения — содержании под стражей в домзаке.

Следствие по делу длилось очень недолго. Уже 12 ноября 1930 года обвинительное заключение было направлено на рассмотрение тройки ОГПУ, а 18 ноября вступил в силу приговор — три года концентрационного лагеря. Среди найденных у нас в доме документов сохранилась копия кассационной жалобы на решение суда по гражданскому иску, поданной Василием Алексеевичем после отбытия срока наказания. В этом документе, датированном 30 декабря 1933 года, Ионов сам указывает место, где он находился в течение трёх лет — Суздальский политизолятор.

После ареста мужа Валентина Михайловна оказалась в очень бедственном положении. Безработная, жена осуждённого «контрреволюционера», «лишенка», поражённая в правах в соответствии с конституцией 1925 года, она не могла рассчитывать ни на чью помощь, даже на помощь своих родителей. Как я сказала ранее, её отец был также арестован в октябре 1930 года. Положение усугублялось ещё и тем, что одним арестом Василия Ионова власти не ограничились. Всё имущество, находящееся в доме Ионовых было описано и конфисковано. Среди домашних бумаг есть два очень интересных документа. Они представляют собой копии списков имущества, конфискованного в доме Ионовых. Судя по тому, что их два, можно предположить, что и конфискация происходила в два приёма. Один из списков на

четырёх листах, поэтому я предполагаю, что он первый. Точно его датировать невозможно, но составлен он в период с 26 октября по 02 ноября 1930 года. Второй список много короче — всего на двух листах. Дата его составления 02 ноября 1930 года.

Когда я просматривала перечень конфискованных вещей, меня поразили два момента — отсутствие в доме у Ионовых к концу 1930 года каких-либо действительно серьёзных ценностей, и мелочность или извращённая жестокость представителей советской власти, которые не побрезговали ничем, конфисковав даже самые незначительные по стоимости, но необходимые любому нормальному человеку в повседневной жизни вещи.

В этом отношении особенно показателен список имущества, составленный работниками владимирского городского финансового отдела Шапошниковым и Антоновым. Они по сути своей дограбили то, что упустили из вида их предшественники, за несколько дней до того.

Надо отдать должное, Ионовы, как и Кондратьевы, предвидя репрессии со стороны большевиков, предприняли попытку сохранить часть своего имущества, передав его на хранение своим друзьям и родственникам. Значительную часть этого имущества Валентина Михайловна передала своей подруге, с которой училась в гимназии — Зинаиде Полторацкой. Оставшись без средств, к существованию, Валентина Михайловна обратилась к ней с просьбой о возврате отданного на сохранение, но получила категорический отказ. Полторацкая заявила, что ничего у Вали не брала, и пригрозила, что в случае настойчивости Валентины Михайловны в этом вопросе она обратится к властям.

Но были примеры и совершенно другого поведения людей. Кое-что из вещей Валентина Михайловна умудрилась отправить на хранение своей двоюродной сестре, проживавшей в Нижнем Новгороде. По обстоятельствам от неё независящим, забрать всё оттуда она долгое время не могла. Шли годы, а вещи по-прежнему продолжали храниться в неприкосновенности. Я обнаружила у нас в доме письмо, которое подтверждает этот факт, а также говорит о моральной чистоплотности человека, его писавшего.

Хочется обратить внимание на дату, когда было написано это письмо — 1936 год. То есть прошло шесть лет, а человек честно хранил вещи, переданные ему в трудный момент и даже воспользовавшись имуществом, направил Валентине Михайловне деньги, соответствующие стоимости этого имущества: «...одновременно с этим письмом я

посылаю тебе по почте деньги — 125 рублей, ... у нас лежала твоя материя подходящая на подкладку (если помнишь, лилового цвета, шёлковая, 3,5 метра). Мама говорит, что ты собиралась её продать, поэтому я и решилась её взять. Надеюсь, что ты не будешь очень сердиться».

Оставшись совсем одна, без жилья, денег, без поддержки близких, с крохотной дочерью на руках Валентина Михайловна искала различные пути, чтобы в буквальном смысле слова выжить. Первое, что было необходимо — это крыша над головой. Найти жильё оказалось делом очень трудным. Никому не нужна была в жильцы безработная «лишенка», жена репрессированного да ещё с маленьким ребёнком. Но на её пути встречались и добрые люди, которые, пусть и не надолго, но сдавали ей комнаты. За год Валентина Михайловна, пять раз поменяла место жительства, при этом, в большинстве случаев с неё даже не брали денег за проживание. Вторым насущным вопросом был постоянный заработок. Без денег не мог решиться и вопрос с жильём, за квартиру необходимо было платить и платить регулярно. Валентина Михайловна готова была выполнять любую работу, но устроится куда-либо, тоже было большой проблемой.

Около полугода она безуспешно пыталась найти себе хоть какую-нибудь работу, которая бы позволила ей и её маленькой дочери выжить. Только в мае 1931 года ей удалось устроиться разнорабочей на кирпичный завод имени Володарского, где раньше работал её муж. Сохранилась расчётная книжка за номером 1000, выданная второго мая 1931 года разнорабочей Кондратьевой. Расчётная книжка — документ сам по себе ничем не примечательный, но, как и в случае с расчётной книжкой Михаила Сергеевича, меня поразил размер заработной платы, который большевики, называя себя «партией трудового народа», платили за достаточно тяжёлую и грязную работу этому народу. В мае 1931 года Валентина Михайловна заработала 23 рубля 25 копеек. В последующие месяцы её заработная плата была практически такая же, и даже меньше. Например, в декабре 1931 года её она составила всего 10 рублей 25 копеек. Как она умудрилась выжить в тот тяжёлый год, я не могу понять и сейчас.

Свой первый рабочий день на кирпичном заводе Валентина Михайловна запомнила на всю оставшуюся жизнь. Спустя много лет она рассказывала своей дочери, как пришла на завод в жакете, длинной юбке и сапожках на каблуках — другого просто ничего не было, на руках были старенькие дамские перчатки, сохранившиеся от прежней жизни, а делать надо было простую, но очень тяжёлую работу — катать по заводу вагонетки с кирпичом. Перчатки порвались практически мгновенно, и поэтому руки были сбиты до крови, каблуки на обуви только мешали, грозя вот-вот обломиться. Одна из работавших с ней женщин долго смотрела на то, как мучается Валентина Михайловна, а потом не выдержала и, отозвав в сторонку, протянула ей пару старых рабочих башмаков и рукавицы. Башмаки были грубые и не совсем подходили по размеру, к концу рабочего дня натёрли мозоли, но это было всё же лучше, чем сапожки с каблуками.

В тот год произошло и ещё одно событие, подтверждение которого я нашла среди семейных документов. 29 ноября 1931 года Владимирским горзагсом было выдано свидетельство о расторжении брака между Василием Алексеевичем и Валентиной Михайловной Ионовыми. Причиной развода было то, что таким образом Валентина Михайловна пыталась формально обеспечить себе некоторое улучшение своего социального статуса. Думаю, нет необходимости объяснять в каком положении в то время находились родственники людей, осуждённых по 58 статье Уголовного кодекса. Решиться на развод, пусть даже фиктивный, Валентина Михайловна не могла очень долго. Не позволяло её воспитание, да и сам брак был не только зарегистрирован в ЗАГСе, но и освящён церковью. Она всегда помнила обещание, данное мужу в день венчания, быть с ним рядом и в радости и в горе, в болезни и во здравии.

Но жизнь складывалась так, что всё чаще и чаще в её сознании всплывали практически последние слова, сказанные мужем перед арестом: «Умоляю, ради Нади, сделай так, как сделала Вера». Валентина тут же поняла, что речь идёт о Вере Платоновой, жене друга Василия Алексеевича. После ареста мужа, новая власть неоднократно её сажала в домзак, женщину унижали, грозили выслать, требовали, чтобы дети отреклись от отца «врага народа». Вера не смогла вынести всего этого и подала на развод, чтобы дать возможность как-то существовать своим детям.

После ареста мужа Валентина Михайловна тут же почувствовала отчуждение окружающих её людей. Одни перестали здороваться, другие, при встрече опускали глаза и делали вид, что не замечают её. Морально было настолько тяжело, что высказать это словами просто невозможно. Очень часто в её голове звучал вопрос: «За что мне всё это?». Но таких «бывших» как она и её семья в стране были тысячи. Оставшись одна, с крохотным ребёнком, без жилья, без денег, без работы, униженная и загнанная в угол, она была вынуждена подать на развод.

Нечто подобное этому разводу совершила ещё в декабре 1930 года, сразу после ареста Ионова, Нина — дочь Василия Алексеевича от первого брака. Она публично, через газету «Призыв» отреклась от собственного отца.[1] Как оказалось, вырезка из той газеты также много лет храниться в нашем доме. Безусловно, можно винить Нину за такой поступок, можно винить и Валентину Михайловну за её развод с мужем, но прежде чем это делать, необходимо осознать тот факт, что только такое поведение зачастую могло дать возможность просто-напросто выжить в тех обстоятельствах. И не надо забывать, что на руках у Валентины Михайловны была её малолетняя дочь Надежда. То, что развод Ионовых был чистой формальностью, подтверждается тем фактом, что, отбыв назначенный ему срок, Василий Алексеевич возвратился не куданибудь, а к своей жене и дочери. Фиктивный развод всё же принёс свои плоды. В апреле 1932 года Валентина Михайловна смогла получить первую более или менее приличную работу. Ей удалось устроиться в трест «Свиновод» на должность статистки, с таким окладом, о котором раньше она и мечтать не могла — 150 рублей в месяц.

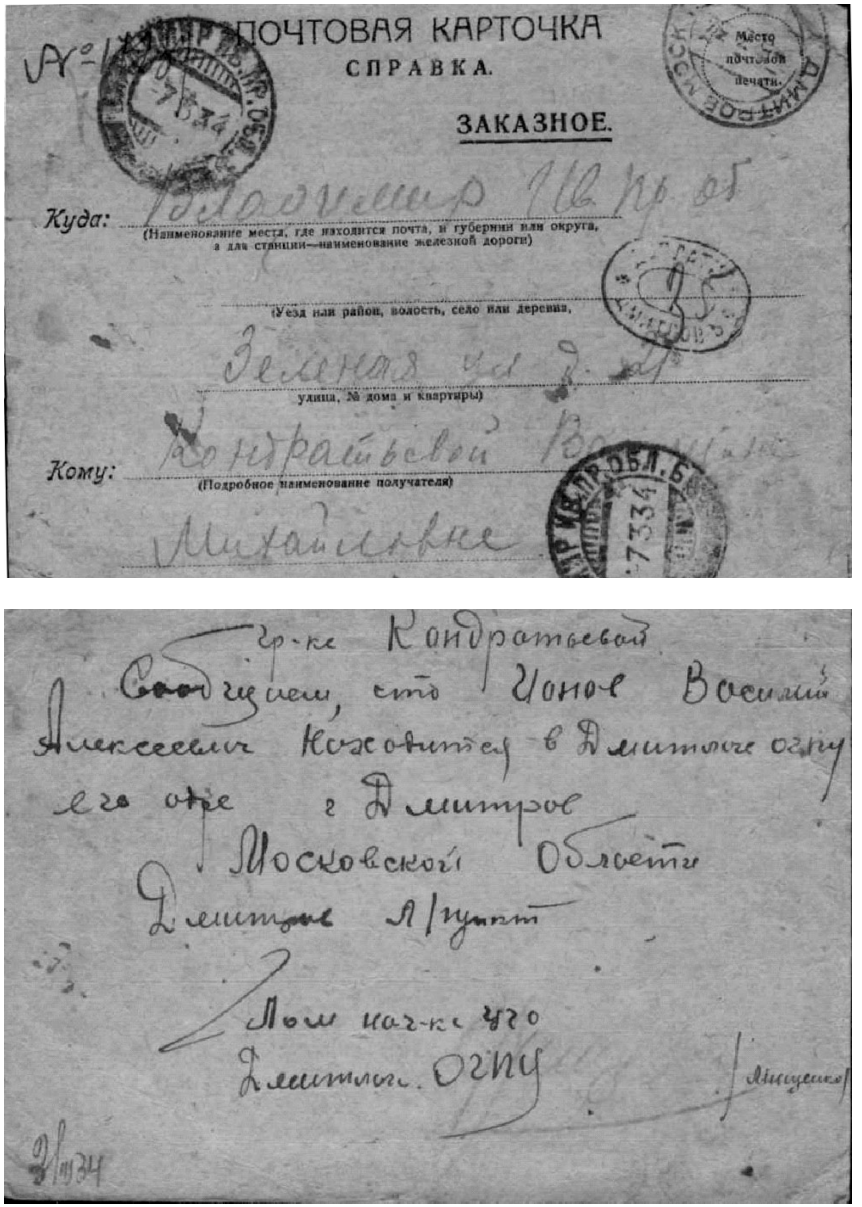
В 1933-ем году в январе ей наконец-то удалось найти относительно недорогое жильё, в феврале отбыв срок, возвратился Василий Алексеевич. В начале марта умер её отец буквально за полгода до этого вернувшийся со стройки Магнитогорска.

В тот год семья поселилась в доме 21 по улице Зелёной. Об этом доме, по всей видимости, необходимо рассказать особо. В каком-то смысле Валентине Михайловне и её матери повезло. Они нашли человека, который за 25 рублей в месяц согласился сдавать им по сути своей часть дома с отдельным входом. В квартире были две комнатки — 6 и 12 квадратных метров, небольшая кухонька и прихожая. По современным меркам жильё минимальное, без всяких удобств, на окраине города. То, что жилплощадь небольшая никого не смущало, в семье из имущества на тот момент была одна кровать, два небольших сундучка с носильными вещами, стол, два стула, две маленьких тумбочки и швейная машинка «Зингер». В этом доме Валентина Михайловна, Наталья Яковлевна и Надя прожили почти 15 лет.

Я попыталась найти этот дом, но, к сожалению, он не сохранился. На том месте, где он стоял, построено современное многоэтажное здание.

Относительное спокойствие в доме продлилось очень недолго. В конце 1933 года беды вновь наваливаются на Валентину Михайловну.

[1] Газета «Призыв». № 209. 15 декабря 1930 год.

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА
СПРАВКА.
ЗАКАЗНОЕ.
Куда:
(Наименование места, где находится почта, и губернии или округа, а для станции—наименование железной дороги)
(Уезд или район, волость, село или деревня,
улица, № дома и квартиры)
Кому:
(Подробное наименование получателя)
Место почтовой печати.

Сообщение из Дмитровского лагеря о нахождении в нем В.А.Ионова. 1934.

Письмо В.А.Ионова из Дмитлага.

В августе её увольняют с работы, а чуть позже повторно арестовывают Василия Алексеевича. Он получил новый десятилетний срок всё по той же 58-й статье. В своей предыдущей работе я писала, что не знаю, где отбывал свой второй срок Василий Ионов. Теперь, благодаря найденным в доме документам я это узнала. Во всяком случае, первую часть своего срока до 1937 года. У нас сохранился ответ на запрос, который делала Валентина Михайловна, желая узнать местонахождение своего мужа. Этот ответ датирован 3 марта 1934 года. Оказалось, что Василий Ионов был не очень далеко от дома — в Московской области. Ответ помощника начальника Дмитлага ОГПУ Мищенко шёл почтой до Владимира всего четверо суток. Второй документ, подтверждающий нахождение Василия Алексеевича в Дмитлаге, это конверт от заказного письма на имя Валентины Михайловны. По всей видимости, в этом конверте был очередной ответ на какой-либо её запрос. Трудно утверждать наверняка, т.к. в настоящее время конверт пуст. Обратный адрес на конверте — Бескудниковский участок Дмитлага НКВД СССР, расположенный на станции Бескудниково Ярославской железной дороги. Судя по штампу, которым «погашены» марки на конверте, письмо было отправлено 10 августа 1937 года. Все! Мужчины больше

не смогут содержать и поддерживать свои семьи. Наталье Яковлевне будет суждено пережить своего мужа на тридцать три года, Валентине Михайловне сначала ждать десять лет мужа из мест заключения, а потом еще жить, воспитывая дочь семнадцать лет после его смерти. Из членов семьи они превращаются в «добытчиков» и надо воздать им должное. Они проявят чудеса стойкости, предприимчивости, чтобы выжить самим и вырастить маленькую Надюшу, мою бабушку.

Новый 1934 год принес новые испытания для Валентины Михайловны. Ежедневная борьба за кусок хлеба для себя, дочери и матери. Бесплодные поиски постоянной работы. Нельзя сказать, что работы не было вообще. Нет, работа была, но везде только временная. К примеру, на фабрике «Пионер», будущем заводе «Точмаш», Валентина Михайловна проработала с сентября по декабрь 1934 года в должности конторщицы расчётной конторы, в Городском потребительском обществе с 30 декабря 1934 года по 24 февраля 1935, в должности кассира. Судя по документам, отовсюду она увольняется по собственному желанию, но это не вся правда. Обстановка на советских предприятиях тех времён была такая, что её «бывшую», да ещё и жену репрессированного «контрреволюционера» выживали с работы её же коллеги и администрация предприятий.

В середине 1935 года Валентина Михайловна, измученная постоянной нищетой, отсутствием нормальной работы, принимает решение заниматься надомным трудом. Судя по сохранившимся документам, в 1935 году властями это не запрещалось.

В найденных мной бумагах сохранилось регистрационное удостоверение за номером 281663, выданное Валентине Михайловне и дающее официальное право заниматься промыслом и торговлей в виде производства искусственных цветов и продажей их на рынке. Удостоверение выдано 15 сентября 1935 года.

По всей видимости, идею об изготовлении искусственных цветов на продажу Вале подсказала её мать. Все цветы, которые были сделаны Валей, Наталья Яковлевна возила в Ковров, где и продавала в церквях. Она же нашла дочери и человека, который научил её этому нехитрому мастерству. Это была жена одного из владимирских священников. Имени этой женщины я выяснить не смогла, знаю только, что дом, в котором они жили, находился на улице Годова Гора, именно туда и ходила Валя, чтобы овладеть мастерством.

Кроме этого сохранились налоговые декларации, поданные Валентиной Михайловной и подтверждающих тот факт, что изготовлением и продажей искусственных цветов она занималась с сентября

Сотрудники Владимирской районной детской комиссии со своими воспитанницами. В.М.Ионова сидит справа во втором ряду. Конец 1930-х.

1935 до апреля 1936 года. Из документов видно, что за восемь месяцев эта работа принесла семье менее полутора тысяч дохода, но и это были деньги. Правда, надо отдать должное, Валентина Михайловна, как сейчас говорят, частично уклонялась от уплаты налогов. Имея разрешение только на изготовление и продажу искусственных цветов, она ещё делала «поплавки» для лампад и варила ладан.

Честно говоря, узнав об этом, я была удивлена, но не тем, что Валентина Михайловна пыталась сэкономить лишнюю копейку, обманывая ограбившее её государство, а тем, что тот самый ароматный ладан, который используется в процессе службы в церкви можно изготовить прямо в домашних условиях.

Смолу, за которой ходили в лес всей семьёй, определённым образом вываривали, затем сливали горячий раствор в таз с холодной водой. После застывания получившуюся массу кололи на куски сахарными щипцами, пудрили, сбрызгивали одеколоном, укладывали в коробочки. Ладан, как и цветы, возили на продажу в город Ковров.

Весной 1936 года в связи с закрытием ряда церквей спрос на изделия Валентины Михайловны резко упал. Вновь, как и прежде остро

встал вопрос о трудоустройстве. И тут удача на некоторое время повернулась к ней лицом. С 25 июня 1936 года Валентина Михайловна устроилась на работу во Владимирскую райдеткомиссию. Должность была маленькая — помощник бухгалтера, но прослужить в комиссии ей удалось до конца мая 1939 года, до момента официальной ликвидации этой организации.

У нас в доме сохранился фотоснимок, на котором Валентина Михайловна (сидит справа во втором ряду) снята с сотрудниками владимирской райдеткомиссии и их воспитанниками — бывшими беспризорниками. Мне так кажется, что она, человек верующий, прошедший сама к тому времени через большое количество испытаний, занималась в деткомиссии не только бухгалтерией. Думаю что и чисто по-человечески, своей женской заботой и вниманием она помогала этим молодым людям.

О самой райдеткомиссии мне узнать удалось совсем немного. По сути своей, эта организация занималась тем, что обеспечивала жильём и трудоустраивала бывших детдомовцев. У этой организации было три небольших дома в центре города, недалеко от храма Архангела Михаила, в которых размещались общежитие и несколько мастерских. Бывшие детдомовцы столярничали, шли обувь и одежду.

О столярной мастерской хочу рассказать отдельно. Зимой 1938-1939 года в эту мастерскую часто ходила дочь Валентины Михайловны. Надя набирала в мешок стружку и опилки, на саночках, через весь город, везла его домой на улицу Зелёную. Этими стружками и опилками топили печку, так как из-за отсутствия денег закупить дров на всю зиму в тот год не смогли, а морозы даже по русским понятиям стояли очень сильные.

В феврале 1939 года произошла история, сама по себе не очень значительная, но по-своему очень показательная. На мой взгляд, она очень точно передаёт внутреннее, психологическое состояние, в котором находилась Валентина Михайловна в те годы.

С середины тридцатых годов, в одном из старых особняков на Зелёной улице расположились офицерские курсы. Военные, для своего удобства вырубили большой сад и на освободившейся площадке устроили спортивный городок. Как и почему так вышло я не знаю, но только по вечерам этот спортивный городок «поступал в распоряжение» окрестной детворы. На этой площадке, кроме спортивных снарядов были большие качели и так называемые «гигантские шаги» — столб с закреплённым на нём канатами с петлёй на

конце, которые офицеры сделали специально для детей. Зимой военные устраивали на этой площадке снежную горку, с которой дети катались на «тормозах» — самодельных деревянных санках. Ходила на эту горку и Надя.

За несколько дней до 23 февраля 1939 года к ребятишкам, катавшимся на горке подошёл офицер, собрал всех вокруг себя и предложил подготовить к празднику небольшой самодеятельный концерт для военнослужащих, взамен пообещав, что всех участников концерта вкусно покормят.

Надежда тоже решила участвовать в этом мероприятии, для чего начала разучивать стихи про армию. Когда Валентина Михайловна застала дочь за этим занятием и выяснила, куда и зачем Надя собирается пойти, то категорически запретила ей это делать. Никакие уговоры дочери не смогли повлиять на это решение. На вопрос, почему ей запрещают идти, ответ был один: «Вырастешь, сама всё поймёшь».

В те дни Надя очень обижалась на свою маму, не понимая причины запрета. Но спустя много лет, уже после смерти Сталина, между дочерью и матерью произошёл разговор, в ходе которого Валентина Михайловна сказала, что тогда в 1939 году она побоялась, что при желании военные могли узнать, кто родители тех детей, которые перед ними выступают. Вряд ли выступление дочери «врага народа» перед офицерами Красной армии могло быть встречено с одобрением. А последствия такого выступления могли, по мнению Валентины Михайловны, оказаться плачевными.

Настал май 1939 года, советские руководители пришли к мнению, что забота о бывших детдомовцах больше не нужна, и расформировали райдеткомиссию. Что стало с молодыми людьми, я не знаю, а для Валентины Михайловны вновь настали трудные дни — бесплодные поиски работы и постоянная забота о том, чем накормить шестидесятилетнюю мать и одиннадцатилетнюю дочь. Продолжилось её «хождение по мукам».

У нас в доме до сих пор сохранились две сумочки изготовленные руками моей прабабушки. Возможно, они просто остались не проданными, а возможно она сделала их лично для себя.

И ещё одно воспоминание о тех годах — очереди. В 1939 и 1940 году страна не знала карточной системы, но чтобы приобрести самые необходимые продукты надо было по несколько часов стоять в очереди перед магазином и ждать, когда возможно что-то привезут.

Возвратившись из школы, Надя шла к дверям «десяточки», как называли окрестные жители небольшой магазинчик, располагавшийся в бывшей купеческой лавке, и терпеливо стояла в очереди, что бы купить хлеба, какой-либо крупы, подсолнечного масла, сахар.

Довольно часто было так, что к людям, отстоявшим несколько часов, выходил заведующий магазином и говорил, что в этот день подвоза не будет. И очередь безропотно расходилась. Здание, где был этот магазинчик, сохранилось и сейчас оно используется новыми владельцами в качестве аптеки.

Шесть месяцев с сентября 1939 года по март 1940 года Валентина Михайловна смогла проработать в организации под названием «Главшахтстройснаб» в должности помощника бухгалтера, откуда была уволена по сокращению штатов. В апреле того же 1940 она уже заместитель главного бухгалтера «Сельхозснаба», а в августе — новое увольнение с работы и трудоустройство в должности плановика в артели «Утилькомбинат», где ей вновь удалось проработать только шесть месяцев.

Если не считать того, что Валентине Михайловне трижды пришлось сменить работу, с сентября 1939 года по март 1941 ей удалось проработать без длительных перерывов. Однако одной и при этом небольшой женской зарплаты для семьи из трёх человек было, конечно же, недостаточно. Нельзя сказать, что они голодали в эти предвоенные годы, но позволить себе купить что-либо кроме самого необходимого не могли. Сильно выручал огород и участок с картошкой, но всё же питание было достаточно скудным. О том, что бы купить что-то новое из одежды и речи идти не могло. Да и купить-то было практически нечего. В магазинах ничего не было.

Но так жила не только наша семья, так жила почти вся страна, во всяком случае, большая её часть, в особенности те, кто был из «бывших». Среди бумаг, сохранившихся у нас в доме, есть письмо, которое написал Наталье Яковлевне и Валентине Михайловне в мае 1940 года бывший владимирский купец и их старый знакомый Пётр Лапшов, высланный на жительство в город Петропавловск, но не дальневосточный, а тот, что расположен в Казахстане.

Позволю себе процитировать несколько фраз их этого письма. «С 14-го марта без работы, с последних двух работ, с должности зав. складом, уволен по сокращению с одной и по ликвидации с другой. За недостатком товаров». Не правда ли — очень напоминает то, что рассказано выше, по поводу работы Валентины Михайловны?

* * *

Чем ближе я продвигалась к окончанию своего рассказа, тем яснее понимала, что временные рамки, которые я для него установила, являются абсолютно условными. За их пределами осталось ещё очень многое, о чём можно и, наверное, нужно было бы рассказать.

Мне очень сильно повезло в жизни по той причине, что рядом со мной живёт человек, память которого, не смотря на долгую и нелёгкую жизнь, сохранила большое количество не только личных воспоминаний, но и подробности рассказов, которые были услышаны от других людей, родных, соседей и просто знакомых. Я считаю, что моя бабушка это живая книга памяти трёх поколений моих предков.

Хочу особое слово сказать о женщинах. Их труд, их служение семье, семейному очагу, детям представляется мне настоящим подвижничеством.

И ещё один момент видимо требует своего объяснения. Не смотря на то, что период времени, о котором говорится в работе, наполнен грандиозными по значимости событиями, изменившими миллионы и миллионы людских судеб, я постаралась не писать о них напрямую. Причина этому самая простая. Мои предки, о которых идёт речь, не шли на баррикады, не проявляли чудеса героизма на фронтах, они просто жили. Но жизнь их много лет подряд была постоянной борьбой за выживание самих себя и своих близких. И таких как они, среди наших соотечественников, было очень много. На мой взгляд, даже слишком много. Жизнь любого из этих людей, была такова, что вполне может быть определена как духовный и физический подвиг.

Рассказывая о жизни своих родственников, о тех трудностях, которые им пришлось пережить, о голоде, холоде, многолетнем тяжёлом и зачастую неблагодарном труде, я постоянно помнила о том, что рядом с ними были сотни тысяч и миллионы наших соотечественников в той или иной мере разделивших их судьбу.

Светлана Гераськина

Татьяна Кузьмина

Динара Хайрова

Республика Мордовия,
Ельниковский р-н, с. Ельники,
школа №1, 11 класс.
Научный руководитель:
Никишова Е.В.

Под прицелом власти. История семьи священника Кашина

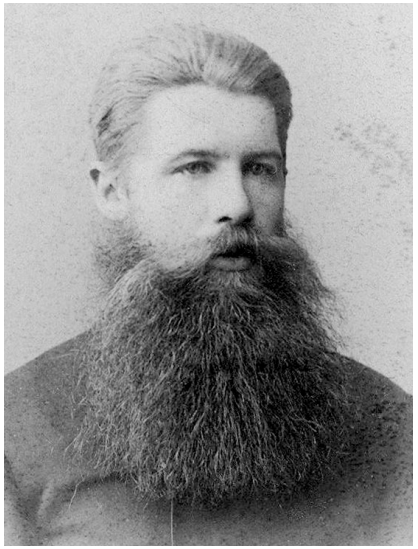
На этом несчастья Кашиных не закончились. Через три месяца после высылки Дмитрия, в марте 1930 г. состоялся ещё один судебный процесс. 1 марта 1930 г. Тройкой при ПП ОГПУ по Средне-Волжскому краю были осуждены сразу 12 человек по статьям 58-8, 58-10, 58-11 УК РСФСР. Среди них был и Василий Иванович Кашин. Вскоре после ареста священника служба в Ельниковской церкви была запрещена и туда стали ссыпать колхозное зерно. В 1936 году храм был варварски разрушен.

Семья Кашиных. 1869 — 1916 гг.

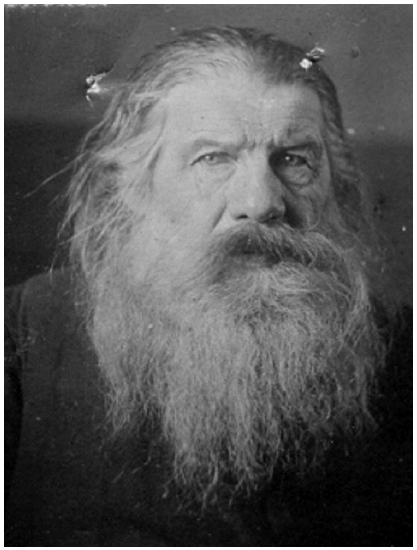
Глава семьи: крестьянин, учитель, священник

Перед нами фотографии одного и того же человека. На первой из них изображен красивый, уверенный в себе тридцатилетний сельский учитель Василий Иванович Кашин. Взгляд строгий и спокойный. Густые волосы аккуратно пострижены и ровно зачёсаны назад, борода тщательно уложена, лицо гладкое, без морщин. Хочется думать, что у этого человека впереди долгая и интересная жизнь.

На фотографиях из архива ОГПУ, сделанных в анфас и профиль, мы видим уже настоящего старика: мешки под глазами, морщинистое

В.И.Кашин. Москва, 1898 г.

В.И.Кашин в тюрьме ОГПУ. 1930 г.

лицо, свисающие сосульками волосы, нечёсаная седая борода. Взгляд тоскливый и тревожный.

На нем помятая крестьянская поддевка. Плечи безвольно опущены вниз.

В этом старике с трудом можно узнать того Василия Кашина, которого мы видим на первой фотографии. Что же произошло в жизни человека за те годы, которые прожил он между этими двумя фотографиями и которые его так сильно изменили?

Мы изучили много документов, писем и свидетельств родных и близких Василия Ивановича и, думаем, что можем ответить на этот вопрос. Можем понять, почему молодой сильный человек к концу своего жизненного пути подошел в таком страшном обличье — Василий Иванович уйдёт из жизни через неполные два года после того, как фотограф ОГПУ сфотографировал его для уголовного дела.

Василий Иванович Кашин родился в 1869 в селе Ново-Ямская Слобода, в пятнадцати километрах от нашего села. В семье Ивана Кашина кроме Василия были еще сыновья Петр и Степан и дочь Анастасия. Занимались Кашины крестьянским трудом. Жили безбедно — имели свои маслобойки, лошадей и коров. Наверное, Василий был самым способным из братьев. Именно его после окончания сельской

начальной школы отец отправил учиться в учительскую семинарию губернского города Пензы. В семинарии Василий Кашин подружился с Василием Кирюхиным. Через двадцать с лишним лет их дети (Александр Кашин и Анна Кирюхина) поженятся.

После окончания семинарии В.И. Кашин стал учителем начальной школы, проработав на учительском поприще с 1888 по 1903 год.

В 1903 году В.И. Кашин связал свою жизнь с православной церковью — он стал дьяконом, а с 1917 года — священником церкви Преображения господня в селе Ельники.

Старожилы села вспоминают священника Кашина только хорошими словами. Мария Федоровна Сидорина и Михаил Игнатьевич Белоусов помнят, как в пасхальные дни он обходил избы прихожан и в каждой избе давал детям со своей руки крашеное яичко.

В Ельниках в начале XX века было два прихода и два священника. Улица Зарека, на которой жила Анастасия, входила в приход В.И. Кашина. Анастасия Максимовна, в то время еще девочка, помнит, как ребятишки с её улицы хвастались перед своими ровесниками из другого прихода: «Наш священник лучше, чем ваш! Ваш — на Пасху яйца домой несет, а наш — нам раздает».

Детство и юность детей священника

Василий Иванович был женат на Наталье Васильевне Феоктистовой. У них родились восемь детей. Но четверо умерли в раннем возрасте.

Старший сын Александр родился в 1891 году. У нас немного сведений о его жизни. Воспоминания сестёр Марии и Зинаиды, рассказы Анны, вдовы Александра, хранимые памятью их дочери Татьяны. Некоторые сведения о жизни Александра мы получили от Пастушенко Н.Т., у которой хранится семейный архив Кашиных.

Александр, как и отец, учился в Пензенской учительской семинарии. Сохранилась фотография первого десятилетия XX века, относящаяся к годам учебы Александра. На ней запечатлены гимназисты с преподавателями. Александр — в центре. Он подтянут, аккуратен, серьезен. Ему идет форма гимназиста, на которой нет ни одной морщинки! С таким же достоинством он будет носить и форму офицера русской армии.

Мария, старшая дочь Кашиных, появилась на свет в 1895 году. Детские годы и молодость хорошо сохранились в её памяти — и родительский дом, и семья, и полянки в роще Пиксайке, расположенной

на окраине Ельников. Всё детство и молодость были связаны с этой рощей.

С началом нового учебного года пара лошадей увозила Марию и Володю (брат был на два года моложе) в Краснослободск.

На фотографии мы видим гимназистку Марию Кашину. Она строга и задумчива. Прилежная ученица. Тёмное платье, чёрный фартук, белый воротничок. Волосы гладко уложены. Здесь не видно густой косы Марии, которую мы ещё увидим на другой фотографии.

Мария Кашина

В августе 2005 года мы ездили в Краснослободск. Когда-то женская размещалась в доме бывшей богадельни, а мужская — в специально построенном на частные пожертвования двухэтажном здании. Мы стояли около этих зданий и представляли, как в их двери около ста лет назад входили гимназисты Кашины, садились за парты, в класс входил строгий учитель и начинался урок...

Во время зимних каникул дети Кашиных из Краснослободска и Пензы приезжали домой, в Ельники. Путь был нелёгким — до Ельников в те времена можно было добраться только на лошадях. Эти безмятежные каникулярные дни Мария Васильевна описала так:

«7 января 1981 года. День рождества. Вспомнились годы детства и юношества. Каникулы назывались рождественскими и продолжались две недели. Такие веселые, как никакие другие! Не хватало дней, чтобы побывать на всех ёлках, маскарадах, гостях.

Мы трое приезжали на каникулы домой... Любили сидеть вечерами во главе с папой в полумраке комнаты, когда горит зеленая лампада, предавающая комнате как бы лунное освещение.

Мама редко принимала участие в наших беседах. У нее было много забот и дел, и, пожалуй, главная — повкусней накормить нас. Да и

Гимназистки. Мария — сидит внизу крайняя слева

одеть тоже. Рождество и другие праздники — Новый год, крещение... По праздникам пеклись пироги со свининой и елись они с бульоном. Делалось заливное из поросят 12-дневных, и жарились гуси с капустой, утки с яблоками. Как давно это было».

Мария Кашина успешно окончила гимназию в 1916 году и получила свидетельство учительницы начальных классов.

Зинаида, Зинуша, была самой младшей из детей. Она родилась в 1905 году. Старшие дети Кашиных выросли в царской России, «при старых порядках». А вот Зинаиде в 1917 году было всего 12 лет, то есть она взрослела уже в советской России. Как относился священник к новой власти? Как он воспитывал дочь Зинаиду? Об этом нам написала Наталья Тимофеевна Пастушенко (по рассказам своей мамы Зинаиды Васильевны):

«Что касается дедушки, то он был очень умным (по словам мамы). Как она рассказывала, у них всегда было много друзей, вели споры о политике, о науке, медицине, искусстве, к папе приходили за советом, за помощью. Мама говорила, что он не был религиозным фанатиком, никогда никого не принуждал, не уговаривал, а умел научно обосновать:

«В мире всё подчинено законам природы, все взаимосвязано. И человек во Вселенной — это крапинка, и многого человеку не дано знать». Он не запрещал своим детям вступать в молодежные союзы, наоборот приучал быть среди людей, ходить в клубы. И все они были активной молодежью»[1].

Зинуша, как и старшая сестра, начала учебу в Краснослободской женской гимназии. Однако после Октябрьской революции гимназия была преобразована в единую школу второй ступени имени Ленина. Из гимназии Зинаида была переведена в эту школу. В 1924 году она окончила 7-ю группу школы, что давало ей возможность поступления в высшее учебное заведение. В то время такое образование в селе Ельники имели единицы.

* * *

В селе Ельники Кашины жили напротив церкви в деревянном пятистенном доме. В то время Ельники было волостным селом. В своих воспоминаниях М.В. Лукшина пишет:

«В центре села, конечно, стояла очень большая и красивая церковь, построенная теткой Алексея Михайловича, второго царя из династии Романовых».

Мы не знаем, каким источником пользовалась Мария Васильевна, утверждая это, однако в современной исторической литературе есть упоминание о том, что село Ельники действительно принадлежало родственникам Романовых.

В селе была построена церковь Преображения Спасова. Украшением церкви являлся «небольшой образ Казанской Божьей Матери в серебряной позолоченной ризе». Предание гласит, что когда-то в Ельниках жила княгиня Марфа Никитична, сестра патриарха Филарета, отца царя Михаила Федоровича, пожертвовавшая церкви икону[2].

В конце XIX века Ельниковская приходская церковь Преображения Господня владела 97 десятинами земли, и число ее прихожан достигала 5995 душ (3088 мужского пола и 2907 женского).

Мария Васильевна оставила подробное описание центральной части и окрестностей села:

[1] Письмо Н.Т.Пастушенко 09.03.2005.
[2] Край Ельниковский. Саранск, 1998. С.147.

«Церковь стояла в центре села у большой площади, то есть у базарной площади, с магазинами, лавками и лавочками, преимущественно бакалейными. Здесь же жили священники и остальное духовенство. Была 3-х классная школа с 2-3 учителями, Волостное правление, фруктовый сад, почти единственный, если не считать поповских садов. В Ельниках вообще не было садов. И сразу же начинается небольшая красивая роща Пиксайка...Я хорошо помню Пиксайку. Начиналась она аллей, красивейших берез (в 4 ряда). Здесь же были два небольших пруда, один из них с островом посередине. В Пиксайке было много красивых мест, живописных земляничных полянок в зарослях молодых березняка и осинника, где было много грибов — подосиновиков и подберезовиков. В низких, тенистых зарослях могучих лип, где царил всегда полумрак, было много белых грибов, груздей, дубовиков, волнушек. Кажется, и сейчас я бы отыскала эти знакомые с детства и юности места».

Мария Васильевна описывает село начала XX века. А как оно выглядит сейчас? За 100 лет в Ельниках многое изменилось: там, где раньше были лес и поле, теперь улицы. Из упоминаемых Марией Васильевной сохранился один пруд. Он находится на территории больницы, размещающейся в бывшем помещичьем имении. Правда, от имения сохранилось лишь одно здание и часть кованной ажурной железной изгороди. Другой же пруд, в середине которого был остров, высох. Березовая аллея, ведущая от села к роще Пиксайке, давно вырублена.

Первая Мировая и гражданская...

Подпоручик Александр Кашин

Александр Кашин не успел стать учителем. Началась первая Мировая война, и ему пришлось воевать. Н.Т. Пастушенко писала:

«Александр учился в юнкерском училище, видимо, после семинарии. Судя по юнкерским фотографиям, он учился до октября 1915 года, а в ноябре 1915 года — уже офицер. Много фотографий из действующей армии — 1915, 1916, 1917 гг.».

Александр Кашин учился в Казанском военном училище. Он получил чин подпоручика, что соответствует званию лейтенанта ны-

Юнкер Александр Кашин. 1915

Подпоручик Александр Кашин

нешней армии. На каких фронтах он воевал в годы первой Мировой войны? Нам не удалось это узнать. Но известно, что он был ранен.

С фронта Александр прислал несколько фотографий. Одна из них сделана в городской фотомастерской — на полу ковёр, окно зашторено тяжелым занавесом. Александр сидит в дорогом кожаном кресле и уверенно смотрит вперед. На ухоженном лице щеголеватые усы, которые полагалось носить русским офицерам. В правой руке — клинок. На ногах хромовые сапоги, начищенные до блеска. Чувствуется, что он гордится своим положением. На обратной стороне надпись, сделанная рукой Александра: «На добрую память от горячо любящего вас Александра. 19 ноября 1915 года».

Вторая фотография сделана через год с небольшим. Здесь он другой. Может быть, даже сразу после ранения. Лицо болезненное и осунувшееся. Во взгляде тревога и озабоченность. На обратной стороне надпись: «Действующая армия. 10 ноября 1916 года».

У Натальи Тимофеевны сохранилось несколько писем Александра с фронта. Одно из них он написал 16 декабря 1916 года:

«16 декабря.

Здравствуйте дорогие папа, мама, Маня и Зина! Сегодня получил письмо от Володи. Пишет, что доехал ничего. Новостей никаких не

Анна Кирюхина

Александр Кашин

пишет. Я ему сейчас посылаю письмо. Получил так же и твое письмо, мама, которое ты посылала 8-го декабря. Живу я пока ничего, слава Богу жив и здоров. После завтра пойду в церковь. От нашей деревни, где мы сейчас стоим, в двух верстах местечко, в котором есть православная церковь. Мне давно хотелось побывать в церкви, а то ведь я как уехал из Пензы и вот до сих пор не был. Мама, ты пишешь, что корову свою вы сменяли. Напишите, какова теперь у нас корова. Да мама, а как твои куры. Много ли их ...

Вы ждёте меня к празднику. Нет, к празднику мне не придется, так как моей очереди ещё не будет. Бог даст в январе или в феврале нужно ждать. Вчера мы ездили кататься на парах. Ночь была хорошая, теплая, чуть падал снег. Хорошо покатались. Дела сейчас почти никакого нет, только часа по четыре в день приходится заниматься. Землячки, т.е. солдаты чувствуют себя великолепно...

Будьте здоровы, целую всех, ваш Александр.

Привет всем знакомым».

На первый взгляд в этом письме нет ничего особенного. Но мы его читали с особым чувством, потому что это письмо с первой Мировой войны. Таких писем нам читать раньше не приходилось. Эта война кажется такой далекой! Из письма мы узнаем, что Александр

верующий человек и сожалеет, что давно не был в православном храме.

После Октябрьской революции подпоручик Кашин ушел из армии и поселился в Пензе.

Весной 1918 года он женился на Анне Кирюхиной. Ее образ сохранила фотография. Анна в праздничном светлом платье с нарядным кружевным воротником. На пышных волосах — темный шелковый бант.

Молодожены прожили вместе всего несколько месяцев. Шла гражданская война. Весной 1918 года в Пензе начался мятеж пленных чехов. Александр не принимал участия в этих событиях, но он, как офицер, попал под прицел новой власти — первым из семьи Кашиных. После подавления мятежа Пензенская ЧК подвергла проверке бывших офицеров и служащих полиции.

Об этом трудном времени Татьяна Александровна Макушина, дочь Анны и Александра, пишет так:

«...в 1917-ом произошла революция, а в 1918-ом война каким-то образом закончилась. Воинские части были расформированы и люди возвратились к семьям. В том числе и мой папа. Это потом нам стали объяснять, внушать и доказывать «необходимость и величие революции». А тогда в первые месяцы после переворота было страшное, непонятное время — все разрушено, перевернуто вверх дном, море крови и страданий. Люди не могли понять и определить свою дальнейшую жизнь.

И в это время арестовали их всех и поместили в Пензенскую губернскую тюрьму до выяснения их обстоятельств. И действительно, стали разбирать их дела и постепенно отпускать. Некоторые счастливчики были освобождены. И мама радостно ждала освобождения своего любимого Сашеньки. Отец ни в каких организациях, блоках, союзах против новой власти не состоял»[1].

Александр провел в тюремной камере 24 дня. О чем думал он в эти дни? Мы думаем, он очень надеялся на возвращение, ведь кого-то из арестованных уже отпустили.

В одной камере с Кашиным сидел такой же, как и он, арестованный офицер, который умел хорошо рисовать. На почтовой карточке простым карандашом он нарисовал небольшой портрет Александра

[1] Письмо Т.А.Макушиной, 10.12.2005.

Портрет А.Кашина в тюремной камере. Худ. П.Н. Фризе 1918 г.

в профиль. Высокий лоб, задумчивый взгляд, но особой тревоги на лице нет. Он не брит, щеки заросли щетиной, бриться в тюрьме не разрешали. В правом нижнем углу едва заметна личная подпись автора рисунка и дата. Дату нам удалось прочитать почти полностью. Месяц — сентябрь, год — 1918-й. У числа же читается только первая цифра — 1, а вторая цифра не прочитывается из-за изгиба на уголке, виден только круглый завиток внизу. Наверное, рисунок был сделан между 10 и 19 сентября.

Мы предположили, что автор рисунка — подпоручик Павел Николаевич Фризе. Татьяна Александровна прислала нам ксерокопию газеты со списком «политических убитых» 23 сентября 1918 . В этом списке только фамилия и имя Фризе подходит к прочитанной под портретом подписи.

Наши догадки подтвердила Татьяна Александровна в своем письме:

«А теперь относительно портретного рисунка. Подлинник находится у меня: на толстой, хотя и рыхлой бумаге. Я разобрала дату — это 17.9.1918 г. Мама каждый день ходила в тюрьму, и папа сам передал его ей. А потом, видимо, как-то пересняли и разослали родным. У меня сохранилось письмо родителей Александра к маме от 11.10.1918 г., в котором они оба утешают маму, называя ее своей дочерью, говорят, что так же любят ее, как и дорого Сашеньку. Приглашают приехать к ним, чтобы вместе переживать общее великое горе и чтобы ей немного отдохнуть. Просят не забывать их. «Пиши, зная, что я отец и не откажу в посильной помощи». На этом же листке пишет и Н.В., посылает свою материнскую ласку, старается подбодрить, хотя сама сражена этим горем».

Но Александру не суждено было вернуться домой к семье. Татьяна Александровна пишет:

Наталья Васильевна и Василий Иванович Кашины

«... в это время в Москве происходит выстрел в Ленина и как месть за это, приходит указ свыше — расстрелять всех без разбора их дел. Их всех просто вывели неподалеку от тюрьмы, расстреляли и зарыли в общей яме на пустыре. За что? Только за то, что они были офицерский состав русской армии. Расстреляли их 23 сентября 1918 года, объяснив это как убитых во время побега из тюрьмы. Конечно, никакого побега не было. Ложь! Мама сохранила на дне сундука листок газеты того времени «Ополчение бедноты», где помещен список расстрелянных. В нем 88 фамилий, а под №34 — Кашин Александр Васильевич. Спасибо маме, но эту газету нельзя было показывать — такое было время».

Вскоре известие о гибели сына дошло до Кашиных. Пережить эту потерю было им неимоверно тяжело. Но они думали в эти трагичные дни прежде всего об Анне, жене сына, теперь совсем молоденькой вдове, ведь Анна ждала ребёнка, которому теперь не суждено увидеть своего отца. И Василий Иванович и Наталья Васильевна пишут Анне письмо:

«Дорогая Нюра!

До сих пор еще не приду в себя от полученного удара. Случилось ужасное — непоправимое. Бедный! Какие ужасные мучения перенес он перед насильственной смертью в сознании своей невиновности.

Что же могу тебе сказать в утешение? Ни одного слова не нахожу. Плачь несчастная! Несчастье, как твое, а равно и наше, не подлежит описанию, не подберешь слов, чтобы хоть немного облегчить твое горе.

Об одном прошу, Нюра, не забывай нас, ты для нас любимое детище, не допускай мысли о том, что с потерей сына мы забудем тебя.

Пиши как можно чаще и обо всем, помни, что мы любим тебя одинаково, как и Сашу. Как ты обрадовала бы нас, если бы нашла возможность приехать к нам, пожила бы у нас, может быть, отдохнула бы после всего пережитого...

Мама после известия о смерти Саши теперь поправляется. Думает написать тебе.

Молю Бога, чтобы он дал тебе силы перенести такое ужасное несчастие. Пиши, зная, что я отец и не откажу в посильной помощи.

Будь здорова. Целуем тебя все.

Твой папа».

Татьяна Кашина родилась 13 марта 1919 года, почти через 5 месяцев после гибели отца. Анна долго не могла забыть любимого мужа и часто ходила с маленькой Таней на пустырь, где были тайно похоронены расстрелянные офицеры. Эти горестные походы запечатлелись в детских воспоминания Татьяны Александровны. В одном из писем она написала:

«Из моего раннего и далекого детства врезалась мне в память картина. Прекрасный солнечный летний день. И мы с мамой идём. Приходим на то место, где они были похоронены. Теперь этот пустырь зарос травой и цветами, это лужок. И мама падает на эту землю и плачет, а я была мала и не понимала этого, ходила по полянке, собирала цветочки. До сих пор вижу эти ромашки и колокольчики. Это на всю жизнь».

Прошли годы. Татьяна Александровна решила восстановить доброе имя отца. Она обратилась в прокуратуру города Пензы. В архивах не были найдены никакие документы. Основанием для реабилитации стала та газета «Ополчение бедноты» за 1918 год, которую Анна Михайловна и Татьяна Александровна бережно хранила. Она лежала на дне сундука, прикрытая другими газетами. Читаем на пожелтевшем от времени листке — набор извозчиков на городскую службу, открытие клуба имени товарища Троцкого и как-то буднично, между дру-

гими новостями — списки расстрелянных. Как же мало стоила тогда человеческая жизнь...

Так этот пожелтевший листок сделал доброе дело и помог восстановить справедливость.

2 февраля 2004 года прокуратурой Пензенской области Александр Кашин был реабилитирован. Вот копия документа о реабилитации:

Справка о реабилитации.
Гр-н — Кашин Александр Васильевич
Год рождения — 1891 года
Место рождения — точных сведений нет
Место жительства до ареста — г. Пенза
Место работы и должность до ареста — военнослужащий
Когда и каким органом осужден (репрессирован), квалификация содеянного, мера наказания (основная и дополнительная) —
Арестован по политическим мотивам 30 августа 1918 года по распоряжению Губернской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией. Убит 23 сентября 1918 года во время побега из Пензенской губернской тюрьмы.
На основании ст. 3 п. «а» и ст. 5 п. «а» Закона РФ от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий» гр-н Кашин Александр Васильевич реабилитирован.
Первый заместитель прокурора области
Государственный советник юстиции 3 класса — Н.Е. Снаткин.

В справке о реабилитации не указана квалификация содеянного и мера наказания. А содеянного-то и не было! Скорее всего, права Татьяна Александровна, написав, что арестованных расстреляли как заложников.

А.В. Кашин реабилитирован. Это значит, что власть признала — расстрелян он напрасно, без всякой вины, ненароком попав в горнило политической борьбы. Но это так дорого стоило его семье!

Военфельдшер Дмитрий Лукшин

Участником Мировой и гражданской войн был Дмитрий Михайлович Лукшин, будущий муж Марии Кашиной.

Дмитрий был единственным сыном в семье. По законам Российской империи в годы I-ой мировой войны он не подлежал призыву в

армию. Но Дмитрий все же был взят в армию, но не в боевую часть. После призыва его определили на учебу по медицинской линии. В 1916 году он получил свидетельство об окончании обучения фельдшерскому искусству при Московском Генеральном императора Петра Великого военном Госпитале. Служил фельдшером 251-го пехотного полка до мая 1918 года. Потом вернулся домой.

В конце того же года Дмитрий был мобилизован в Красную Армию. Сначала служил в Пензе, потом на Восточном фронте. Конечно, мы никогда не ответим на вопрос о том, был ли он убежденным сторонником «красных» или просто подчинился приказу новой власти и пошел служить. Службу нес в должности медицинского фельдшера 2-го Легкого артдивизиона 5-ой Стрелковой дивизии, о чем свидетельствует удостоверение, найденное нами в ельниковском архиве:

«Удостоверение
Дано сие от командира 2-го Легкого Артиллерийского дивизиона 5-й Стрелковой дивизии красноармейцу названного дивизиона Лукшину Дмитрию в том, что он состоит в должности медицинского фельдшера во вверенном мне дивизионе.
Удостоверение действительно с 22 декабря 1919 года по февраль 1920 года, что подписью и приложением советской печати удостоверяется.
Врио командира дивизиона Тагунов
Адьютант Карив»

После освобождения от «белых» города Омска, за ревностное отношении к службе, Дмитрий был поощрен двухмесячным окладом. Об этом тоже есть документ в архивной папке.

В 1920 году медфельдшер Дмитрий Лукшин заболел сыпным тифом и после выздоровления был демобилизован. Он вернулся домой и занялся сельским трудом.

Первый учительский опыт Марии Кашиной

В то время, когда брат и будущий муж Марии воевали, она начала учительствовать в отдаленном лесном селе.

Мария превратилась в Марию Васильевну. Непросто было молодой учительнице в первый год работы. Она откровенно пишет об этом в «Воспоминаниях»:

«В 1916 году закончила 8-й пед. класс Краснослободской гимназии Пензенской губернии. Назначена заведующей Ново-Никольской школы Краснослободского уезда в 12 верстах от Ельник, от дома... Мне характеризовали жителей как дикарей. На самом деле оказались очень добрые, простые люди, в чем я убедилась, проработав в школе 2 года... Тогда была только что выстроена светлая школа в два больших класса и квартира для учителя — большая светлая комната, спальня и кухня. Почему такая роскошь по тем временам? Да построил её помещик Ненюков, член земской управы и попечитель школы, для своей племянницы. Да племянница не променяла жизнь городскую... Конечно, первое время всё не ладилось — 100 учащихся в трех классах. Я одна, навыка никакого. Не раз приезжал помогать мне папа, и как хорошо у него получалось!»

В феврале 1917 года произошла буржуазно-демократическая революция, а в октябре к власти пришли большевики. Эти события круто изменили всю жизнь семьи Кашиных. Раньше Кашины имели высокое общественное положение. Отец — священник, старший сын — офицер, дочь — учительница. При новой же власти, которая объявила войну церкви и распустила царскую армию, Кашины не просто не вписались в новую общественную модель, но стали ее «врагами».

Мария Васильевна пишет:

«...В феврале 1917 г. как тогда говорили — отречение от престола Николая II, а в октябре революция, все происходило на моих глазах — и разгром помещиков, и заводов, и пожары».

В 1923 году Мария вышла замуж за Дмитрия Михайловича Лукшина.

Коллективизация: драма семьи Кашиных
Два судебных процесса

Это были годы расцвета НЭПа. Многие, у кого было желание и умение, обзаводились разнообразными промышленными и торговыми заведениями. На краю улицы Лепиловки, на берегу речки Вармы,

Дмитрий имел мельницу с нефтяным двигателем. По свидетельству старожила села А.С. Смагина мельницу так и называли «Митина мельница», и деревенские мужики говорили: «Митюшка Лукшин такую хорошую мельницу сделал!». Имел он и небольшую лавочку.

Лавка и мельница кормили семью, которая вскоре пополнилась двумя детьми — сыном Александром и дочкой Ольгой. Лукшины жили в просторном деревянном доме на улице Солдатской.

Но счастливая семья сразу же оказалась под пристальным вниманием сельсовета. Дело в том, что ещё в 1922 году Дмитрий Лукшин и его мать Евдокия Евлампиевна были лишены избирательных прав. В списке лишенцев по Ельниковскому сельсовету в графе «Причины лишения прав» было записано — «Торговец. Предприятчик». Выйдя замуж за Дмитрия, Мария Кашина тоже стала «лишенкой». В 1927 году сельсовет подтвердил списки лишенцев. Лукшины в этих списках остались. Но это было не самое страшное.

Самое страшное началось в годы коллективизации. Крепкие хозяева, такие, как Д.М. Лукшин, не хотели вступать в колхоз. Осенью 1929 года Дмитрий и Мария, опасаясь остаться без всего (а в деревне тогда без запасов не жил никто), собрали в деревянный сундук посуду, ситец, несколько серебряных часов, кое-что из одежды и тайно отвезли двоюродной сестре Дмитрия Михайловича Любови Ивановне, которая работала учительницей и была уважаемым человеком. Она хранила этот сундук вплоть до 1960-х годов, надеясь вернуть его брату, и не раз говорила: «Это Митин сундук». В декабре 1929 года в селе Ельники прошел первый судебный процесс против «антисоветских элементов». На этом процессе осудили 8 «кулаков», в том числе и Д.М. Лукшина. Каждый из них имел или кузницу, или мельницу, или торговое заведение.

Для Марии арест мужа был страшным ударом. Что ей делать? На её руках двое маленьких детей и престарелая свекровь Пелагея Евлампиевна. Как помочь мужу и спасти его от суда? Мария решила передать мельницу колхозу. Если у Дмитрия не будет мельницы, значит, он уже не «кулак» и его не осудят. Тем более он служил в Красной Армии, защищая новую власть!

Но Дмитрия уже ничего не могло спасти. Было сфабриковано дело, основанное на показаниях «свидетелей». В приговоре говорилось:

«Названные лица признаны виновными в том, что, входя в группировку, в течение 2-х последних лет занимались систематической ан-

тисоветской агитацией, распространением ложных слухов в отношении представителей власти — расправой при перемене власти. Свою работу проводили в целях подрыва авторитета власти в глазах населения и противодействия проводимым политическим и хозяйственным кампаниям на селе... Свидетели показывали, как виновные высказывали слова о том, что «В связи с хлебозаготовками и непосильными налогами советская власть окончательно разоряет крестьян», «коммунисты — нахалы, хлеб у нас отобрали», «советская власть разоряет нас, зажиточных, а затем доберется до бедняков, все это делается лишь потому, что мы, крестьяне, в своей стране не хозяева, нами управляет кучка людей, которая не считается с интересами крестьян».

Он попал под прицел власти так же, как осенью 1918 года Александр Кашин. Суд не учел ни службу Дмитрия в Красной Армии, ни его благодарности, полученные от командования пятой артдивизии.

17 декабря 1929 года Тройкой при ПП ОГПУ СВО «кулак» Лукшин был осужден по ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР к трем годам заключения в концлагерь с конфискацией имущества.

На этом несчастья Кашиных не закончились. Через три месяца после высылки Дмитрия, в марте 1930 г. состоялся ещё один судебный процесс. 1 марта 1930 г. Тройкой при ПП ОГПУ по Средне-Волжскому краю были осуждены сразу 12 человек по ст. 58-8, 58-10, 58-11 УК РСФСР.

Среди них был и Василий Иванович Кашин. Вскоре после ареста священника служба в Ельниковской церкви была запрещена и туда стали ссыпать колхозное зерно. В 1936 году храм был варварски разрушен.

До нас дошла только одна фотография, на которой супруги Кашины запечатлены вместе. Василий Иванович сидит на большом стуле. Он озабочен и даже насторожен. Рядом с ним, устало опираясь на плечо мужа, стоит Наталья Васильевна. Она худа, но сохранила прямую осанку. Губы её плотно сжаты. Взгляд устремлен куда-то вдаль. Может быть в небеса, где души её умерших детей. А может быть, её пугают плохие предчувствия...

Протокола допроса В.И.Кашина проливает свет на то, как 1 марта 1930 года проходило судилище над двенадцатью несчастными.

«Протокол

Допроса, проведенного Уполномоченным Мордовского Облотдела ОГПУ Кипаевым.

1. Фамилия — Кашин
2. Имя и отчество — Василий Иванович
3. Год рождения — 1869 г.
4. Национальность и подданство — русский
5. Происхождение — из крестьян села Н.Ямской Слободы
6. Местожительство (постоянное и последнее) — с. Ельники, того же района, Мордовской области
7. Род занятий (последнее место службы и должность) — священник
8. Имущественное положение — Дом, 1 корова, в настоящее время отобрано
9. Партийность — беспартийный
10. Семейное положение (состав семьи) — женат, жена и дочь
11. Образование — Учительская семинария
12. Пользуется ли избирательным правом — лишен
13. Чем занимался: а) до Октябрьской революции — до 1903 г. был сельским учителем и с 1903 г. дьяконом

б) После Октябрьской революции — священник в селе Ельники

в) Занимал ли выборные должности, когда и где — в 1912 г. был председателем и счетоводом кредит. т-ва в Ельниках, по день революции.

14. Отношение к воинской повинности (нач. состава запаса, рядовой, переменник перначсостава) — (прочерк)
15. Кто из близких родственников состоит на службе в рядах Красной армии (указать родство, фамилию, имя, отчество, год рождения, в какой части служит, место расположение части, занимаемая должность. Состоит-ли в разделе с обвиняемым и какую имеет с ним связь в настоящее время — никого нет.
16. Сведения о прежней судимости и за что:

а) До Октябрьской революции — не судим

б) После Октябрьской революции — не судим

Записано с моих слов верно — Кашин

По существу дела показал — торговлей с Березенцевым т.е. быть участником в таковой, я не состоял, в лавку ходить ходил, очень часто, и дружба с Березенцевым у нас хорошая. Со священником Вышеславцевым я хорошо тоже знаком, но ходим друг к другу очень редко, последний раз он был у меня уже очень давно и я даже не помню. В базарные дни он ко мне не приезжает... Имеет ли он связь с Еремеевым не знаю, т.к. видеть этого не приходилось.

Вышеславцев ко мне с Еремеевым оба никогда не приезжали.
Больше показать ничего не могу. Прочитано. Кашин
Уполномоченный Мордовск. Обл. отдела ОГПУ Кипаев».

В протоколе мы нашли биографические данные и сведения о «коммерческой деятельности» В.И. Кашина. Стараясь оправдать себя перед властью, некоторые крестьяне писали, что их вовлёк в торговлю «поп Кашин», который вёл с Березенцевым торговлю скобяными изделиями. Сами они, якобы, торговать не хотели.

Родственники В.И. Кашина говорили, что они никогда не слышали о том, что у него была лавка. Из протокола следует, что всё же определённое отношение Кашин к торговле имел. Он сам сообщил следователю, что в 1912-1917 году был председателем и счетоводом кредитного товарищества (такие товарищества чаще всего кредитовали торговлю). Но в протоколе говорится — «по день революции», поэтому-то родственники ничего не могут сказать о «торговой» деятельности Василия Ивановича, которой сам он непосредственно не занимался.

Второй документ мы приводим почти полностью. Он составлен в 1988 году сотрудниками Прокуратуры РМ на основе следственного дела в ходе реабилитации В.И. Кашина.

Мы убрали из этого документа лишь фамилии 11 «свидетелей», потому что в селе живут их внуки и правнуки. Вряд ли им приятно будет узнать, что их деды и прадеды давали «показания» на заседании Тройки ОГПУ.

«В президиум Верховного суда Мордовской АССР
ПРОТЕСТ
В порядке надзора по делу Вышеславцева А.И. и других...
Кашин Василий Иванович, 1869 года рождения, беспартийный, крестьянин, житель с. Ельники,
Березенцев Дмитрий Матвеевич, 1865 года рождения, русский, беспартийный, крестьянин, житель села Ельники
Заключены по ст.ст. 58-8, 58-10, 58-11 УК РСФСР каждый в концлагерь на 3 года с заменой высылкой в Мари область и с конфискацией имущества.

Указанные лица признаны виновными в том, что, составляя контрреволюционную группировку, организованно срывали мероприятия советской власти, вели ярую борьбу с колхозным строительс-

твом, провоцировали население на распродажу и убой скота. В результате деятельности группировки развалился колхоз... По отношению к беднякам-активистам члены группировки применяли теракты. Группировка проводила нелегальные собрания.

Осужденные виновными себя в совершении инкриминируемого деяния не признали.

Из показаний свидетелей... видно, как виновные высказывали слова о том, что «в колхозы входить не следует, там все умрут с голоду и работать будут как в барщину», «в партию записываться не нужно, там все безбожники, обождите, придет перемена власти и всех коммунистов перевешают за их такие дела». «Советская власть разрушает насильно нашу церковь и веру, но вам не надо слушать агитацию коммунистов», «власть советов ведет нас к гибели, общими будут и жены», «на что нам его (заем) брать, держи 10 лет без всякой пользы, только деньгам расход» «на кой нам черт колхозы, мы так будем жить лучше, а в колхозах работать будем на коммунистов, вот кричат везде свобода, а на базар придешь — нигде нет белого хлеба, везде эта власть — голод и холод». «в колхозах порядка не будет, туда отберут только скот, нас оставят голодными, а скот куда — нибудь угонят», «плохо теперь жить, раньше было лучше, но придет время, власть переменится, и поживем хорошо». «Ограбили всю деревню, врете, скоро все подохнете, мы над вами поиздеваемся тогда, сволочи»,... Следствием не добыто доказательств об организационной деятельности обвиняемых, направленной к подготовке или совершению контрреволюционных преступлений и совершению террористических актов против представителей советской власти.

По делу допущены грубые нарушения уголовно-процессуального законодательства. Таким образом указанное постановление подлежит отмене как незаконное с прекращением производства по делу за отсутствием в действиях заключенных состава преступления.

С учетом изложенного, руководствуясь ст. 371 УПК РСФСР, прошу:

постановление заседания Тройки при ПП ОГПУ СВО от 01.03.30 г. в отношении Кашина Василия Ивановича, Березенцева Дмитрия Матвеевича дело производством прекратить за отсутствием в их действиях состава преступления, Приложение: уголовное дело № 4433 п в 1 томе на 242 листах

Прокурор Мордовской АССР В.А.Адушкин».

Подсудимых обвиняли в том, что они создали группировку для борьбы против советской власти, проводили теракты, развалили колхоз. Конечно, это явно сфабрикованные обвинения. В группировку записали крестьян из трех деревень — Ельники, Малый Уркат и Большой Уркат. В 1930 году, когда в районе не было ни телефона, ни хороших дорог, а единственным средством передвижения были лошади, как же могли общаться между собой участники «группировки»? Да и было ли для этого время у крестьян, живущих личным хозяйством? Мы думаем, что члены Тройки ОГПУ специально создали эту «группировку», чтобы подчеркнуть опасность действий подсудимых и дать им более длительные сроки наказания и, если бы подсудимые совершили хотя бы один террористический акт, о нем бы обязательно упомянули на суде. Но таких сведений в материалах дела нет.

Теперь насчет развала колхозов. Властям нужно было оправдаться перед вышестоящими органами и найти виновных в замедленных темпах колхозного строительства. В Мордовии коллективизация шла более медленными темпами, чем в других областях. Виновными в этом в Ельниках и стали те 12 человек, которых судили 1 марта 1930 года.

В.И.Кашин почему-то в обвинении назван крестьянином. Может быть, из-за небрежности делопроизводителя, который писал приговор, а может быть, была такая установка власти, в уголовных делах священников не указывать, но постепенно от них избавляться. Потому что и некоторые другие священники указывались как крестьяне.

В 1988 году В.И.Кашин «за отсутствием состава преступления» был реабилитирован. Его имя занесено в республиканскую книгу «Память. Жертвы политических репрессий».

Василий Иванович Кашин в ссылке

Итак, Василий Иванович был осужден к 3 годам высылки, остальные — на сроки от 5 до 10 лет концлагерей. Это был очередной удар для семьи Кашиных.

После суда и вынесения приговора, В.И. Кашина и Д.М. Березенцева по этапу к месту ссылки отправили вместе. Конечно, семьи осужденных ничего не знали о их судьбе и были в постоянной тревоге. Какая же радость была у них, когда Зинуше через полтора месяца пришла почтовая карточка, отправленная В. И. Кашиным из-под Йошкар-Олы:

«16.4.1930.

Здравствуйте, дорогие родные!

Живы — ли, здоровы — ли? Поздравляем с праздником. Мы с Д.М. живы и здоровы и все пока благополучно. Из Казани мы 7-го числа в конечный пункт до гор. Красно-Кокшайск, около 150 верст к северу от Казани, но назначенного нам места пока не было. Живем вторую неделю. Жалею, что вам пока нет связи к нам писать, а как нам обоим хочется узнать о вас. Передайте, кому нужно и о Д.М. Будьте здоровы.

В.Кашин. Березенцев. Передайте Василисе Иван., что жив.»

На почтовой карточке указан обратный адрес: Красно-Кокшайск, Домзак, кам.№1. В. Кашин. Ныне карточка хранится у Натальи Тимофеевны Пастушенко, внучки священника. Она прислала нам ксерокопии этой карточки и двух писем Василия Ивановича, присланных из ссылки.

Ссылку бывший священник отбывал не в Мари области, как было сказано в приговоре. По его письмам можно назвать деревни, места ссылки — Князевка, Васильевка, Покровско-Берёзовка. Сначала Василий Иванович жил в изгнании один и с семьёй поддерживал связь по почте..

Через некоторое время к Василию Ивановичу приехала жена. Как следует из следующего письма, он заболел. Наталья Васильевна не могла оставить мужа без ухода. Она разделила с мужем тяготы ссылки.

В апреле 1931 года в письме дочери Зинаиде, оставшейся в Ельниках, Василий Иванович пишет об их с Натальей Васильевной жизни:

«Christos Voskrese.

Милая Зинуша!

С праздником поздравляю тебя и от всей души желаю тебе здоровья, как телесного, так и душевного и всякого благополучия. Неоплатное письмо получили, а письмо как ты пишешь с удостоверением маме не получено, почему не знаю. Живем с мамой пока, слава Богу, сносно, добрые люди и особенно «Лексевна» пока не оставляют. Живем мы теперь на новой квартире далеко от церкви... налево, вовсе к полю. Квартира пока бесплатная, теплая, светлая, мы в ней одни без хозяев. Купили солому за 8 р. Мама прошлый вторник ездила в Кондоль купила ведро, ведерко, таз, горшочков, истратив ... более 10 р. На старой квартире далее нельзя было оставаться. Хозяин тащил все что попало

... Мама кое-когда жалуется на голову... Но в общем ничего — бродит и работает. Я поправляюсь, но очень медленно. Маме теперь уходом за собой мало надоедаю, почти все делаю сам, видишь, даже пишу, на копейку зарабатывать буду, наверное, не скоро. Что можешь, продай Зина и пришли деньжонок. Те 20 рублей давно прожили. Читал все письма твои Зина, думал, что ты была сильно взволнована и расстроена, успокойся милая, помни, что мы сами помочь горю не можем. Послано рабам терпение и терпение, успокойся и о нас с мамой поменьше думай, береги себя. Одновременно с твоим письмом получил письмо и от Мани. Добралась она благополучно. Старается по милости Шуры найти какую-нибудь работу, вот тоже создалось положение. Есть ли ей ответ из Саранска и какой? Служат ли в церкви и кто? Пиши, пожалуйста, Зина, я уже просил каждую неделю. Получила ли посылку? Ну, будь здорова. Целуем, твои папа и мама.

Цены на продукты: мука — 9 руб., пшено — 12-15 руб., масло коровье — 4,5-5 руб., подсолнечное — 4 руб. 5 л.»

И это письмо безрадостное. Радоваться было нечему. Священник уже знал, что Марии пришлось покинуть родное село, что перед отъездом она отправила в Саранск в избирком прошение о восстановлении избирательного права. Он спрашивает у Зинуши, нет ли ещё ответа из Саранска. Успокаивает дочь, как может. Ведь она осталась в Ельниках совсем одна, бесправная и гонимая.

Потом Наталью Васильевну и Василия Ивановича перевели в село Покровско-Берёзовку.

Умер В.И. Кашин 3 декабря 1931 года в Покровско-Березовке Телегинского района Средневолжского края. Ему было 62 года от роду. В свидетельстве о смерти написано: «Причина смерти — простуда, воспаление легких. Смерть зарегистрирована со слов стар. Церковного Крашенинова Т.Е.».

Были репрессированы и братья Василия Ивановича — Степан (священник) и Пётр (крестьянин — единоличник). Когда Петра арестовали, у него было шестеро детей. Пятеро совсем маленькие — от одного года до двенадцати лет. А вот старший сын уже имел свое хозяйство — маслобойку, двух лошадей и двух коров. 21 сентября 1931 он был раскулачен.

Степан Иванович Кашин служил дьяконом в храме Успенья Божьей Матери в своём родном селе Ново-Ямская Слобода. В его семье росли два сына и две дочери.

В начале 1930-х в порядке поощрения за добросовестную службу С.И. Кашин был переведён батюшкой в соседнее село Большой Уркат и успел прослужить всего-то полгода.

По некоторым данным он погиб или на строительстве Беломорканала, или сгорел заживо в Чуфаровской тюрьме во время сильного пожара. Чуфаровская тюрьма была одним из самых страшных мест в довоенной Мордовии.

Женщины Кашины: неравный поединок с властью

После осуждения Дмитрия и Василия Ивановича женщины Кашины остались одни, без мужчин. Мария с двумя маленькими детьми. Наталья, вдова Владимира тоже с двумя детьми. Зинуша, не имевшая постоянного заработка. Две старые женщины — Наталья Васильевна, жена священника и Пелагея Евлампиевна, мать Дмитрия, которая жила в семье сына.

Все женщины Кашины были лишены избирательных прав. Мария — как жена владельца мельницы. Наталья Васильевна и Зинаида — как жена и дочь служителя культа. Наталья, вдова Владимира, как сноха священника. Они мужественно переносили свалившиеся на них беды. Мария, Наталья и Зинаида начали бороться за восстановление избирательных прав. Это было нужно им не только им, но и их детям. Дети подрастают, скоро пойдут в школу, а возьмут ли их? Если и возьмут, они будут не как все — детей лишенцев сажали в классе за отдельные парты позади остальных. Их не принимали в кружки, с ними не хотели дружить.

Мария начинает писать в разные инстанции прошения о восстановлении ей избирательного права. В апреле 1930 года она обратилась в первую инстанцию — в Ельниковский сельский совет.

Марии ответили отказом:

«Выписка

Из протокола заседания Президиума Ельниковского с/совета состоявшегося 12 апреля 1930 года.

Слушали: заявление проживающей в с. Ельниках Лукшиной Марии Васильевны о возстановлении в избирательных правах

Постановили: отказать, как жене торговца, имевшаго нефтяную мельницу и наемных рабочих и находящегося в настоящее время в домзаке за контрреволюционную пропаганду.

Выписка верна: секретарь Посников».

Отказ не остановил Марию от дальнейших шагов. Проявляя настойчивость и упорство, она пишет заявление в районную избирательную комиссию, в котором пытается доказать, что её муж осужден несправедливо, мельницу он содержал в рамках советских законов. Значит, её лишили избирательных прав тоже неправильно. К тому же она напоминает комиссии, что её муж был красноармейцем, то есть сражался за новую власть.

Вот это заявление:

«В Ельниковскую избирательную комиссию Мордовской автономной области

Гражданки с. Ельник М.В. Лукшиной

Заявление.

Я лишена избирательных прав в 1927 году по той причине, что муж мой Дмитрий Мих. Лукшин имел с 1925 года мельницу (нефтдвиг). В силу производства на предприятии мы имели одного рабочего (т.к. кроме мужа работников в семье не было). Одного же рабочего иметь допускалось по Конституции избирательного законодательства Союза ССР. Муж был участником как империалистической, так и гражданской войны. То, что был участником гражданской войны, я могу подтвердить документально. Лично же я до замужества в течение 6 лет учительствовала... В течение 6,5 месяцев я нахожусь на своем иждивении и кроме того на моем иждивении находятся двое детей 3 лет и 6 лет и старуха 73 лет. В силу вышеизложенного прошу избирательную комиссию восстановить меня в избирательных правах. М.В.Лукшина

1930 года апреля 13 дня. Заполненную анкету прилагаю».

К своему заявлению Мария Васильевна приложила анкету. В ней она ещё раз подчеркивает, что мельницу передала колхозу добровольно. Мы думаем, Мария Васильевна была не совсем откровенна, написав о добровольности. Ясно, что это был вынужденный шаг, возможно, сделанный по чьему-то совету. Этим шагом она хотела спасти своего мужа. Но Мария Васильевна очень хотела убедить членов избирательной комиссии в своей лояльности к советской власти.

Эта анкета, как и другие документы, хранится в нашем районном архиве.

Но и районная комиссия тоже ответила Марии отказом.

Однако Мария была упорна. Почему «лишенцы» так настойчиво добивались восстановления избирательного права? Мы думаем, они

боялись дальнейших репрессий. К тому же «лишенцам» было трудно устроиться на работу (по свидетельствам старожилов), как «неблагонадёжным» по отношению к новой власти.

Летом 1930 года Мария Васильевна написала заявление в Мордовскую областную избирательную комиссию, которая тоже ей в прошении отказала.

Дальнейших шагов Мария не успела предпринять, потому что ей пришлось покинуть Ельники. Произошло это следующим образом.

Ранней весной 1931 года сельсовет стал готовить списки на выселение семей кулаков. Ольга Дмитриевна, дочь Марии и Дмитрия, будучи в Ельниках, рассказала: «Мама говорила, что нас спасла Поля Усанова. Мне запомнилось это имя из маминых воспоминаний. Поля работала в Ельниковском сельсовете. Она пришла поздно вечером к нам и сказала маме, что завтра её арестуют».

Мария наняла извозчика (свою-то лошадь увели в колхоз!), глубокой ночью погрузила на телегу кое-какой скарб, взяла детей, Пелагею Евлампиевну и уехала. Ольга Дмитриевна вспоминала слова своей мамы, сказанные уже в 1990-х годах «Нашелся добрый человек и согласился нас отвезти». А ведь путь предстоял неблизкий — на юг, в Саратовские степи. 36-летняя Мария едет по ночной дороге на тряской телеге с малыми детьми и старухой ... Ольга Дмитриевна рассказывала нам: «Я помню, как мы уезжали из Ельников. Лежу на телеге. На фоне предрассветного неба вверху смыкаются верхушки елочек... Это боль и грусть моих воспоминаний о покинутой родине».

Наталья, вдова Владимира, тоже боролась за восстановление избирательных прав. Но её положение было ещё хуже.

Наталья родилась в 1901 году. Она не помнила своих родителей, рано оставшись сиротой. Однако была лишена избирательных прав, как дочь помещика. После смерти мужа Наталья вместе с малыми детьми вынуждена была поселиться в семье священника Кашина, своего свёкра. Это — ещё одно «тёмное пятно» в её биографии.

Ещё в начале февраля 1929 года В.И. Кашин разделил свой пятистенный дом и отдал половину Наталье. Уже чувствовалось, что тучи над священнослужителями сгущаются. Старый священник остерегался, что у него могут конфисковать дом, и внуки останутся без крыши над головой.

Но раздел имущества не спас семью. Она осталась без крыши над головой. После осуждения В.И. Кашина всё имущество священника было конфисковано. В том числе и жилой дом, обе его части. И та,

в которой жила Наталья с маленькими детьми, и та, где жила семья священника. Не проявил сельсовет милосердия и к молодой вдове с малыми детьми. Наталья Сергеевна устроилась на работу в Ельниковскую рогожно-кулевую артель в качестве конторщицы. Дочь помещика, выпускница Московской гимназии, которая провела детство в зажиточной семье, теперь стала заниматься подсчетом рогожных кулей в крестьянской артели. Поменялась власть в стране, поменялся и образ жизни.

Дети Владимира и Натальи Кашиных

Видимо, Наталья боялась, что отсутствие избирательных прав может потянуть цепочку других неприятностей, и она стала просить разные инстанции восстановить ей избирательное право. Вот одно из её заявлений:

«В Ельниковскую Райизбиркомиссию
Гр-ки с. Ельники Натал. Серг. Кашиной
Заявление

В 1929 году сельской избирательной комиссией меня лишили избирательного права по мотивам, что я дочь помещика и проживаю в семье священника. Я считаю эти мотивы неосновательными лишь потому, что я осталась от своих родителей сиротой лишь трех лет и воспитывалась у родственников, училась до 1921 года. В 1921 г. вышла замуж за Кашина Владим. Вас. Муж мой все время работал в Ельниковском Волисполкоме, избирательных прав не лишен, я находилась на его иждивении, после смерти моего мужа, который умер в ноябре 1927 года, вскоре поступила на работу в рогож. Кулев. Арт., а потому живу исключительно на свои заработки, а так же воспитываю двух малолетних детей, но в материальной зависимости при муже и после его смерти у священника я не была, т.е. средства проживания добываю общественно- полезным трудом и под действие к 15 избирательной инструкции не подхожу.

На основании выше изложенного прошу меня восстановить в избирательных правах.

К сему Н.Кашина».

По тем временам, у неё было «темное прошлое и настоящее» — дочь помещика и сноха священника, живущая с ним под одной крышей, поэтому избирательное право ей не восстановили.

Сначала Наталья боролась за выживание одна. Потом вышла замуж Последние годы жизни Наталья Сергеевна провела в семье дочери от второго брака.

Незавидной была и доля Зинаиды, которую родные ласково звали Зинушей. После высылки отца Зинуша осталась без работы. Когда по решению сельсовета у Кашиных отбирали дом, вынесли всё — продукты питания, одежду, посуду. Даже крест с шеи Зинуши сорвали. Изгнали её и из драматического кружка, который работал при Доме соцкультуры. Она бедствовала. Снимала чужие углы. Соседи тайком приносили крынку молока, краюшку хлеба, яйца. Открыто общаться с дочерью высланного священника боялись.

Лишение избирательного права очень мешало найти работу. Зинаида стала бороться за восстановление избирательного права, чтобы как-то устроить свою дальнейшую жизнь. Она писала в сельсовет, в райсовет, но ей отказывали. Тогда она написала в Мордовскую окружную комиссию:

«В областную избирательную комиссию г. Саранск
Гр-ки Кашиной Зинаиды Васильевны, живущей в селе Ельники того же района, Мордовской области
Жалоба.

Я лишена избирательных прав в 1927 году, как дочь быв. Священника, живущая в одном доме с ним. Постановление с/комиссии я нахожу неправильным, которое в отношении меня подлежит отмене по следующим обстоятельствам:

Отец в возрасте 62 лет находится в ссылке. Я в настоящее время живу самостоятельно, на моём иждивении находится мать 60 лет. Лично я окончила 7ми-летку, во время учения и после я принимала участие в общественно-полезном труде: работала по сель/хоз переписи, обязательному страхованию имуществ крестьянских хозяйств, по начислению оклада страховых платежей и по другим общ. Работам.

В силу постановления Президиума ВЦИК от 10.4.30 п.5, на основании коего я подлежу восстановлению в избирательных правах, как лиц, лишенных избирательных прав, достигших совершеннолетия после 1924 года, и если они в настоящее время живут самостоятельно хотя бы и жили совместно с лицами лишенных избирательных прав, или находились на иждивении лиц, пользующихся избирательными правами.

На основании этого постановления ходатайствую пред областной избирательной комиссией в избирательных правах меня восстановить.

К сему и подписуюсь З. Кашина. 6.8.30 года».

С какой надеждой Зинаида ждала ответа! Зинаиде тоже пришел отказ:

«Выписка

Утверждено През. Облисполкома 16.8.1930.

Из протокола заседания Мордовской областной избирательной комиссии

Слушали — ходатайство гр. С. Ельники того же района Кашиной Зинаиды Васильевны о восстановлении в избирательных правах, коих она лишена как жена служителя культа.

Постановили: в ходатайстве гр. Кашиной З.В. отказать

Выписка верна. Секретарь Облизбиркома».

Зинаиде отказали как «жене служителя культа». Это была ошибка, Наверное, таких документов в областной комиссии было так много, что члены комиссии начали путать, кто в каком родстве с кем состоит.

Она снова пишет в областную избирательную комиссию, прилагая справку из сельсовета, что была лишена избирательных прав не как жена, а как дочь священника:

Какой ответ получила Зинаида, нам не удалось узнать. В архивных папках документов больше нет. Мы только знаем, что последние годы жизни в нашем селе были очень трудными для Зинаиды. Когда умер Василий Иванович, его жена Наталья Васильевна приехала домой. В дороге она заразилась тифом. У неё поднялась высокая температура, начался бред. Потом от матери заразилась и заболела Зинаида.

Когда Наталья Васильевна умерла, Зинаида металась в бреду. Она даже толком не помнила, кто и как похоронил мать. Через несколько дней после похорон местные комсомольцы на кладбище сняли табличку с креста (чуждый элемент — жена попа!) и куда-то выбросили её.

Зимой 1941 года, когда в лютые морозы у жителей села не хватало сил добраться до леса за дровами, все деревянные кресты были сожжены в крестьянских избах. После войны Зинаида Васильевна пыталась отыскать могилу матери, но не смогла — появилось много новых могил и кладбище сильно изменилось.

Вскоре Зинаида Васильевна нашла другую работу. Её направили учительницей начальных классов в Русиновку, потом — в Будаево, а позднее — заведующей начальной школой в Гордеевку. То есть в «медвежьи углы», отдаленные деревушки, куда другие учителя не ехали. В Будаеве она работала 19 лет — с 1933 до 1952 года, в Гордеевке — 8 лет, с 1952 до 1960 года.

Лукшины: родина изгнала — чужбина приютила

Итак, Мария Васильевна вместе с детьми и свекровью покинула родное село. 18 января 2005 года Ольга Дмитриевна, которую более 70-ти лет назад маленькой девочкой увезли отсюда, написала нам:

«Мы поехали к тете Тоне (сестре Дмитрия Михайловича) в Саратов. Антонина Михайловна рано овдовела... Время было тяжелое, нам были не рады. Мы с Шуриком по ночам плакали, просили есть. А бедная мама закрывала нам рты ладошкой, боясь, что услышит тетя. Потом нас поселили в бывшем кулацком доме в селе Хорошенькое в 5 км от маминой конторы. Запомнились только скамейки и широкие доски на полах.

Тяжелейшей была первая осень, дожди, холод, непролазная грязь на проселочной дороге. По обе стороны дороги несрубленные подсолнухи. Между черными головами зрелых подсолнухов маме мерещились человеческие головы. Страдали от голода и холода. Папа присылал письма. Мама говорила людям, что она вдова, а пишет ей брат мужа».

Дмитрий Михайлович работал на «стройках народного хозяйства» в Пермской области. Когда закончился срок, определённый судом, некоторые его односельчане, осужденные вместе с ним, вернулись на родину. В августе 1937 год все они были арестованы и расстреляны по «первой категории».

Но Дмитрий Михайлович поехал к жене. Мы не можем сказать, почему Лукшины не вернулись в Ельники. Может быть, Дмитрий Михайлович предчувствовал опасность. Если бы он вернулся, его ждала бы та же страшная участь.

В том же письме от 18 января, написанном на 14 листах, Ольга Дмитриевна пишет:

«Дмитрий Михайлович отбывал свой срок в Пермской области. Работал на разработке бокситов (потерял все зубы). После освобождения, осенью 1932 г. он, наверное, взял направление в Калачевский рай-

здрав Воронежской области. Как раз на границе со Сталинградской, к которой относился совхоз «Динамо», где работала мама.

Медицинскую подготовку Дмитрий Михайлович получил на курсах, при Военно-медицинской Академии им. Петра Великого в Москве, когда был взят на службу в 1916 г. Какое образование было у Дмитрия Михайловича до этого, не знаю, только курсы он окончил с отличными оценками по всем предметам.

Сначала Дмитрия Михайловича приняли инструктором райздрава, но очень скоро перевели фельдшером в село Ясиновка. Папа увез нас из Хорошенького, и мы жили на квартире у очень добрых людей, которые подкармливали нас в это голодное время. Они были раскулаченные, но дом у них остался. Мама работала до отпуска. Приехала к нам зимой 1933 г. и больше в «Динамо» не вернулась. В августе 1933 г. её назначили заведующей 2-х ступенчатой начальной школы в деревне Репяховка. При школе была комната, где мы все (5 чел.) поселились».

Хрещатое стало для Лукшиных второй родиной, которая была более милосердна, чем та земля, где они родились. На чужбине они оказались нужнее. А разве не могли они жить и приносить пользу людям у себя на родине? Но время было такое, что их судьбами распоряжалась власть, а не они сами. Выбора у них не было.

Старшие Лукшины так никогда больше и не побывали в Ельниках, которые они покинули не по своей воле в 1929-1931 годах.

Мария Васильевна и Дмитрий Михайлович Лукшины вернулись на Родину лишь в 2004-2005 гг. — в памяти своих родных, в «ожившихся» документах из архивных папок, в тех личных вещах Марии Васильевны, которые Ольга Дмитриевна передала в музей. Она задумчиво произнесла короткую фразу: «Пусть эти мамины вещи хранятся в Ельниках. Мама никогда не забывала своего родного села».

Последние годы сестер Кашиных

Дочери священника В.И. Кашина прожили долгий век.

Ольга Дмитриевна пишет о последних днях Марии Васильевны:

«Я поднесла к маме икону и попросила: «Мамочка, помолись, и тебе, и Саше будет легче». Слезы полились из маминых глаз: «Не умею!».

Икона, бабушкино благословение, хранится у меня. Оставшись одна, я стала обращаться к Богу. Но вера дается очень трудно».

Вот как больно ударила власть по роду Кашиных... Дочь священника со слезами на глазах говорит, что не умеет молиться...

Зинаида Васильевна последние тридцать лет жизни тоже жила у дочери. Когда Наталья Тимофеевна в августе 2005 г. приезжала в Ельники, она рассказала, что у мамы всегда был свой уголок. Она непременно просила, чтобы ей ставили железную кровать, под которую можно поставить её заветный деревянный сундучок, следовавший за ней везде. В этом сундучке береглась память о её родных. Маленький холщевый мешочек, в котором ссыльный дед, священник Кашин, хранил документы. Лупа, с помощью которой он читал. Его простой карандаш. Записные книжки. Кусочки черного тюля от ротонды бабушки Натальи Васильевны. Фотоальбом дяди Александра времен первой мировой войны. Каждая вещь была для неё свята. Однажды Наталья Тимофеевна предложила выбросить холщевый мешочек. Зинаида Васильевна просто взорвалась: «Да ты что! Ты знаешь, что это такое! В этом мешочке папа хранил свои документы в ссылке!». Этот мешочек и ещё несколько личных вещей Василия Ивановича Наталья Тимофеевна передала в наш музей.

Наталья Тимофеевна писала, что события 30-х оставили болезненный рубец в душе мамы. Когда-то давно, проходя с 15-летней дочкой по улице села Ельники, она сказала ей, опасливо озираясь: «Посмотри на этот дом. Не сразу, не сразу! Это дом твоего деда. Он был попом». Наташу словно током ударило. Мама хотела, чтобы дочь знала о своем дедушке, но открыто говорить об этом боялась.

Вот так же всю жизнь опасалась Зинаида Васильевна, как бы прошлое не повлияло на жизнь и карьеру зятя и внуков. Наталья Тимофеевна пишет:

«Сколько помню, мама всегда всего боялась. Даже в семье она скрывала свое прошлое (были такие времена). У меня муж политработник, сын окончил Киевское военно-морское политическое училище, членами партии были. Только последние годы она как-то свободнее говорила, и то страх так до последнего часа ее преследовал».

Наша работа начинается с двух фотографий Василия Ивановича. Сравнивая их, мы видим, насколько жизнь измотала и рано состарила

его. Как хорошо начиналась его жизнь и как печально продолжалась и закончилась. Расстрел старшего сына, гонения на церковь и постоянное ожидание ареста, преследование семьи Марии, смерть сына Владимира, ссылка...

Трудно пережить все это одному человеку. Поэтому и состарился он раньше времени и в 62 года выглядел глубоким старцем.

Нелегко все это было пережить его детям и внукам, но они дожили до перемен в стране.

Если бы случилось чудо и воскресли В.И. Кашин и Д.М. Лукшин, они увидели бы большую дружную семью. Хотя их потомки и живут далеко друг от друга, но поддерживают между собой связь — переписываются, перезваниваются, встречаются.

Они бы узнали, что государство признало свою вину перед ними и давно их реабилитировало. Что интересно, реабилитировало в один день. В книге «Память. Жертвы политических репрессий» есть такие строки[1]:

«**Кашин Василий Иванович**, 1869 г.р., уроженец и житель с. Ельники, крестьянин, осужден 01.03.30 Тройкой при ПП ОГПУ по Средне-Волжскому краю по ст. 58-8, 58-10, 58-11 УК РСФСР к 3 годам высылки, реабилитирован 02.11.88.

Лукшин Дмитрий Михайлович, 1891 г.р., уроженец и житель с. Ельники, осужден 17.12.29 Тройкой при ПП ОГПУ по Средне-Волжской области по ст. 58-10 УК РСФСР к 3 годам заключения в концлагерь, реабилитирован 02.11.88».

Когда Ольга Дмитриевна узнала дату реабилитации деда и отца, она очень сожалела, что семья не знала в то время о реабилитации. Ведь в 1988 году были живы и Мария Васильевна, и Зинаида Васильевна. Это известие было бы очень важным для них — сняты нелепые обвинения против Дмитрия Михайловича и Василия Ивановича и восставлены их добрые имена.

Свидание с родиной

Весной 2005 года у нас возникла мысль собрать потомков В.И.Кашина в Ельниках. Мы беспокоились, что приехать им будет сложно. Ведь самой младшей внучке священника Наталье — 70 лет, Ольге — 78, Татьяне — 86. Но они приехали! Они просто не могли не приехать, ведь все они выросли на рассказах о дедушке, бабушке, дяде Александре, на глубоком чувстве уважения к ним.

[1] Память. Жертвы политических репрессий. Саранск, 2000. С.173, 175.

Накануне встречи приехала Наталья Тимофеевна с Украины. Билет из Николаева у нее был до Саранска, где ее встретил троюродный брат Владимир Тимофеевич Трушин. Они даже не знали о существовании друг друга. Лишь весной 2005 года брат взял у нас адрес своей сестры. Ведь внучки Кашина ничего не знали о своих родственниках, оставшихся в Мордовии. Владимир Тимофеевич собрал за гостеприимным столом всех остальных родственников, которые наконец познакомились с Натальей Тимофеевной.

21 августа 2005 года приехали внучки священника Ольга Дмитриевна Лукшина из Казани, Татьяна Александровна Макушина из Пензы с дочкой Кирой и ее семьей, правнучка Людмила Александровна Плющаева с мужем Валерием Ивановичем из Нижнего Новгорода.

Встреча состоялась в стенах музея. День был солнечный и теплый, как будто сама природа радовалась вместе с нами. Мы принесли для наших гостей гладиолусы и астры. В музее была оформлена новая экспозиция, посвященная жизни семьи священника Кашина, которая с приездом гостей была пополнена привезенными ими личными вещами Василия Ивановича Кашина и его дочерей.

На встречу мы пригласили наших родителей, а так же старожилов села, которые когда-то знали Кашиных. В музей пришла 92-летняя (!) Анастасия Максимовна Лазарева. Несмотря на свой почтенный возраст, она помнит священника Кашина. Ее детские впечатления связаны с днями православных праздников и священником отцом Василием. Пришли ученики Зинаиды Васильевны Кашиной и ее коллеги по работе.

Мы очень волновались, готовясь к встрече, ведь нам предстояло встретиться с теми, с кем были знакомы только по архивным документам и письмам. Вдруг что-то мы сделали не так! Но наши волнения оказались напрасными, все потомки священника оказались очень добрыми и интересными людьми. Татьяна Александровна сказала, что эта встреча — настоящее событие для рода Кашиных. Сколько лет не могли они собраться вместе, сколько лет мечтали побывать в Ельниках! И вот, наконец, их мечта сбылась!

Что чувствуем мы, завершая работу о семье священника Кашина? Мы помогли встретиться родным людям, разбросанным судьбой

по разным уголкам России. Помогли потомкам священника познакомиться с троюродными братьями и сестрами.

Наконец мы убрали еще одно «белое пятно» из истории нашего села. Раньше мы не знали о судьбе нашего земляка, высланного в годы репрессий из села.

Потомки священника нашли свое место в жизни. Среди них есть учителя, журналисты, экономисты и представители других профессий. Каждый из них мог бы стать полезным у себя в родных местах. Жаль, что в годы репрессий власть постоянно держала семью Кашиных под прицелом и вынудила их оказаться на чужбине.

К сожалению это была не единственная семья, изгнанная из родных мест...

Михаил Смородин,
г. Липецк, гимназия №12,
11 класс
Научные руководители:
Охват О.В. и Смородина Л.М.

«Слухи доходят ужасные...»

В протоколе допроса Митрофан Николаевич Заусайлов писал: «Советская власть отобрала у меня дом, положение и избирательные права, но я никакого недовольства ко всем этим лишениям не имел, т. к. мне теперь больше ничего не нужно, я свой век отжил, лишь бы дети вышли на дорогу».

4 ноября 2006 г. мама со своими пятиклашками собралась на экскурсию в Елец[1]. Пять лет назад я уже приезжал в этот город. Очень захотелось побывать в нем еще раз.

Во время поездки экскурсовод часто упоминал одну и ту же фамилию — Заусайловы: дома купцов Заусайловых, махорочная фабри-

[1] Елец — один из древнейших русских городов, впервые упоминается в Никоновской летописи в 1146 году как центр удельного княжества, находившегося в зависимости от черниговских, а затем рязанских князей. В 1238 году Елец разрушен татаро-монголами. В 1483 году город вошел в состав Московского княжества. К середине XIX века город превратился в крупный рынок торговли хлебом и продуктами животноводства. В Ельце быстро выросли значительные по тем временам мукомольное, кожевенное и махорочное производства. По внешнему виду и благоустройству Елец считался одним из лучших уездных городов России. Старинные елецкие купеческие роды славились не только богатством и деловой хваткой, но и благотворительной деятельностью.

ка Заусайловых, приют-ясли, построенные Заусайловыми, ботанический сад Заусайловых. Было ясно, что эти люди внесли немалый вклад в развитие города Ельца. Одного из представителей этого рода в начале XX века именовали не иначе как «махорочный король» и меценат.

«Владыка русских водок,
Знаток игристых вин
И творческих находок —
В Ельце такой один!
Молва же не устала
Греметь сто лет, изволь
Услышать: Заусайлов —
Махорочный король!»[1].

Каково было мое удивление, когда в местном антикварном магазине экскурсовод представил нам его хозяина, современного купца, которому принадлежат еще и книжный магазин и хозяйственная лавка. Коренастый плотный мужчина пятидесяти лет с неторопливой речью оказался Владимиром Александровичем Заусайловым, потомком купеческого рода купцов Заусайловых.

С этого момента мне захотелось как можно больше узнать о Заусайловых, ранее живших в Ельце. И я решил еще раз встретиться с Владимиром Александровичем.

Оказалось, что в юности он ничего не знал о своих предках. История семьи была известна Владимиру Александровичу Заусайлову только начиная с военных лет. О елецкой родне своей он знал мало, отец ничего не рассказывал: в сталинскую эпоху было крайне опасно говорить о том, что предки — богатые купцы. Александр Митрофанович Заусайлов, отец Владимира Александровича, залечивал в ташкентском госпитале фронтовое ранение. До армии он жил в Москве: в большом городе легче затеряться. Скрывая купеческое происхождение, со своим отцом (Митрофаном) отношений открыто не поддерживал. По той же причине после выписки из госпиталя возвращаться в Елец не захотел, да и вряд ли сына известного купца на родине ожидало что-то хорошее. Из детства Владимир Александрович помнит, что однажды к ним приезжала престарелая родственница Жаворонкова, вроде бы «купчиха», но бедно одетая, из-за чего он не поверил ее рассказу о том, какими богатыми они были. Она рассказала, что до революции 1917 года в Ельце они владели фабриками, заводами, имели большие и красивые дома и даже свой сад с лебедями и павлинами. Все это показалось Владимиру Александровичу фантастическими рассказами. Перед отъездом родственница подарила мальчику пригоршню серебряных полтинников: «На учебу — это все, что осталось от твоего деда».

[1] Ширяев Ю.В. Махорочный король. Елец, 2003.

Вид торговой улицы г.Ельца

В 90-е годы Заусайлов отыскал в Москве родного дядьку, приехал к нему в гости. Дядя Николай Митрофанович Заусайлов, родившийся в Ельце 1905 году, рассказал, кем были и где жили Заусайловы и Жаворонковы (родственники по материнской линии). Кроме того, он подарил Владимиру Александровичу самое ценное, что осталось у него: аккуратный рисунок генеалогического древа рода Заусайловых.

Александр Николаевич Заусайлов, 1860 года рождения, потомственный Почетный гражданин, владелец табачно-махорочной фабрики, гласный городской Думы, попечитель елецкого общества земледельческой исправительной колонии для несовершеннолетних, член управления комитета организации Красного Креста.

А дед — Митрофан Николаевич Заусайлов, 1878 года рождения, потомственный Почетный гражданин г. Ельца, купец, гласный городской Думы, председатель приюта для мальчиков и стариков, городского мужского приюта, член комитета мужской и женской богадельни.

Помимо генеалогического древа, дядя передал В.А.Заусайлову чертеж дома, принадлежавшего деду Митрофану Николаевичу Заусайлову, и план Ельца с обозначением всех построек и домов, принадлежавших семье до революции. Также указал он и адрес: город Елец, угол Успенской (ныне Советской) и Орловской (Коммунаров) улиц. Эта семейная реликвия не давала покоя.

На родину своих предков Владимир Александрович Заусайлов приехал в 1987 году, к этому времени он наизусть выучил переданные ему документы.

Во время беседы Владимир Александрович рассказывал мне о том, какое огромное волнение он испытал, когда смог прикоснуться к стенам своего родового дома. Все, что он увидел, точно совпало с указанными дядей местами, где жили, работали, занимались благотворительностью купцы Заусайловы. Особенно его удивило, что все здания выглядели хорошо и были задействованы в общественной жизни города. Было такое чувство, будто за сорок лет он впервые попал домой. В 1991 году он переехал на родину своих предков на постоянное жительство.

Роль купцов Заусайловых в жизни Ельца

Меня настолько поразила история легендарного махорочного короля (Александра Николаевича Заусайлова), имя которого звучало на устах многих коренных жителей города Ельца, история этого рода, что я стал расспрашивать Владимира Александровича о его предках, о роли купечества в жизни города. А так как, поселившись в Ельце, Владимир Александрович Заусайлов начал изучать и собирать разнообразный материал об истории предприятий, домов и построек, связанных с его предками, он пригласил меня в свой кабинет, показал фотографии семьи, свои картотеки и даже дал подержать в руках подлинные документы XIX века. Владимир Александрович оказался таким интересным собеседником! Он интересуется не только своей родословной. Будучи «истинным Заусайловым», то есть человеком деятельным, энергичным, предприимчивым, Владимир Александрович не только

владеет магазинами и лавкой, но и активно занимается краеведением. Возглавляет возрожденное Общество елецких купцов. Заусайлов занимается общественной деятельность и по мере возможности благотворительностью: выпускает на свои деньги книги об истории Ельца. Благотворительное Общественное Движение «Добрые Люди» наградило его орденом «Меценат».

С этого момента мне захотелось как можно больше узнать о Заусайловых, сделавших такой большой вклад в развитие города Ельца.

Прежде всего я отправился в Липецкую научную библиотеку. Познакомился с имеющейся литературой о деятельности елецких купцов, работал с заказами по межбиблиотечному абонементу[1].

Выяснил, что наиболее значимыми представителями рода Заусайловых были: Александр Николаевич и Митрофан Николаевич Заусайловы[2].

Они родились в городе Ельце в купеческой семье православного исповедания. Их отец Николай Гаврилович, купец 2-й гильдии, имел табачную фабрику на Манежной улице. Кроме братьев в семье было пятеро дочерей.

В 1871 году отец определили Александра в Елецкую мужскую гимназию, где он закончил пять классов. В 1887 году, после смерти отца, Александру, как старшему сыну, по наследству перешла табачная фабрика, основанная в 1861 году его дедом.

В 1894 году деревянная табачная фабрика братьев Заусайловых сгорела. Александр Николаевич представил проект совершенно новой табачной фабрики, предусматривающий самые современные технологии. К 1910 году при табачной фабрике состояли 75 приказчиков и около 1000 рабочих: мужчин и женщин. Годовой оборот табачной фабрики составил 4.000.000 рублей.

А.Н. Заусайлов, человек редкой энергии и ума, создает новую отрасль производства — ягодное и яблочное виноделие, затраты на это достигали 300.000 рублей. Им устроены поражающие гранди-

[1] Подробно изучил «Материалы по истории и статистике города Ельца», собранные действительным членом статистического комитета Н.Ридингером (Ридингер Н.А. Материалы для истории и статистики города Ельца. Елец, 1993); прочитал Орловские епархиальные ведомости за 1909-1913 год; книгу «Орловская епархия в 1906-1908 годы» (1914 г.), Ю.В.Ширяева «Незабываемое» (Ширяев Ю.В. Избранное. Елец, 2004), Заусайлова В.А. «Купеческий Елец. Письма» (Елец, 2004), газеты «Елецкий дневник» за 1913 год; «Хрестоматию по истории липецкого края (2 половина XIX — XX век)» (Липецк, 2004).

[2] Заусайлов В.А. Купеческий Елец. Альбом. Елец, 2004. С.3.

Александр Николаевич Заусайлов

Варвара Васильевна Шляхова,
жена А.Н.Заусайлова

озностью трехэтажные подвалы для выдержки вина, преимущественно шампанского, построена химическая лаборатория, созданы необходимые мастерские, перенесен опыт производства шампанского, который он изучил во Франции, на русскую землю. Имея обширные ягодные и фруктовые плантации, старший из братьев открывает новый источник заработка для народа через организацию виноделия.

Имение «Ключ жизни», где занимались виноделием, по своей планировке, экзотическим растениям, красивым строениям и укладу жизни, привнесенных из Франции, Италии и других стран, было одним из лучших в окрестностях Ельца[1].

[1] Там же. С.4-5.

Семья Заусайловых

Семья Заусайловых была большой и дружной. Жили открыто и хлебосольно. Митрофану Заусайлову исполнилось 8 лет, когда умер отец. Отношения между ним и братом Александром были теплыми. Когда Митрофан подрос, старший брат приобщил его к управлению отцовским наследством.

Накопленный капитал позволял им заниматься благотворительностью.

15 ноября 1909 года в Ельце на средства Заусайлова состоялась закладка нового храма[1]. Это церковь во имя Святых Благоверных князей Александра Невского и Михаила Тверского. Инициатором стал елецкий меценат, промышленник, миллионер Александр Зау-

[1] Горлов В., Новосельцев А. Елец веками строился. Липецк, 1993. С.245-248.

Великокняжеская церковь в г.Елец, построенная Заусайловыми

Приют и ясли, созданные Заусайловыми

Дом призрения, построенный Заусайловыми

сайлов. Покровительствовал строительству брат Николая II, великий князь Михаил Александрович.

Торжественное открытие церкви (освящение) состоялось 11 февраля 1911 года в 50-летний юбилей царского манифеста об освобождении от крепостной зависимости.

Следует отметить, что деятельность Александра Николаевича и Митрофона Николаевича была отмечена властью и обществом того времени. Оба брата удостоены звания «Почетный гражданин г. Ельца». Александр Николаевич Заусайлов имел награды от Министерства юстиции: орден Святой Анны 3-й степени (пожалован в 1898 году), Потомственное Почетное Гражданство (пожаловано в 1900 году), орден Святого Станислава 2-й степени (пожалован в 1905 году); от Министерства торговли и промышленности — звание коммерции советника (пожаловано в 1910 году).

Александр Николаевич Заусайлов являлся заказчиком строительства Казенного винного склада №2. В настоящее время это Елецкий ликеро-водочный завод — действующее предприятие, дающее в казну города и области большие деньги.

Украшением города стали дома красивой архитектуры, построенные А.Н. Заусайловым. Сред них «Загородный дом», где ныне располагается управление здравоохранения; дом старшего сына Владимира, который в настоящее время используется под экспозицию краеведческого музея; несколько домов стали жилищами ельчан.

На территории нынешнего городского парка Заусайловым был устроен ботанический сад с завезенными деревьями и цветами. В огромной стеклянной оранжерее росли экзотические фруктовые деревья, по аллеям разгуливали павлины, а в водоеме, имеющем контур Черного моря, плавали рыбки.

Братья Заусайловы были самыми богатыми людьми в городе Ельце. Четвертую часть получаемой прибыли они тратили на благотворительность: при табачной фабрике организовали приют-ясли, в них содержались бесплатно, на средства владельцев, до 50 детей, которые получали все необходимое и находились под присмотром воспитателей, в то время как их родители работали на фабрике. Во время I мировой войны купцы Заусайловы отправляли бесплатно махорку солдатам на фронт.

Умер Александр Николаевич в 1915 году, похоронен в Пещерной церкви[1], которая расположена под Великокняжеской. То, что А.Н.Заусайлова захоронили в церкви, своего рода оценка его деятельности, его вклада в развитие города Ельца.

После смерти Александра все дело семьи Заусайловых перешло к его брату Митрофану Николаевичу.

Судьба Заусайловых после 1917 года

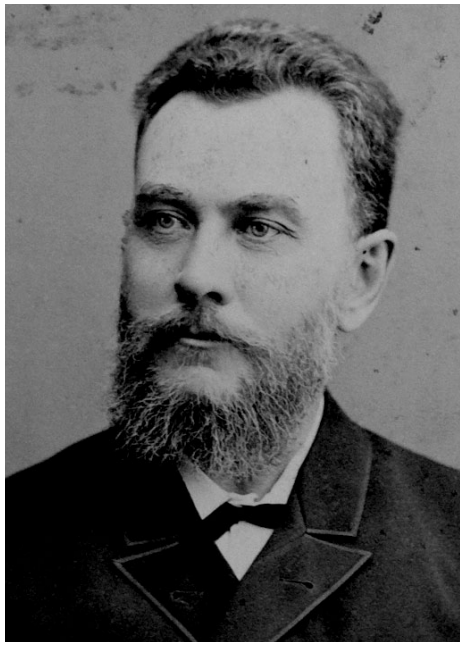
Наступил 1917 год. Революция стала катастрофой для многих купеческих семей. Фабрики, заводы, особняки, и даже личные вещи, — все было национализировано новой властью.

К сожалению, не сохранились свидетельств того времени самих купцов Заусайловых. Но упоминания о трудностях и лишениях, которым подверглись купеческие семьи в эти трудные годы, мы находим в письмах купцов Ростовцевых от 22 апреля 1918 года[2].

Читаю письма елецкого купца Михаила Ивановича Ростовцева (из личного архива В.А.Заусайлова).

М.И. Ростовцев писал сыну Сергею в Москву 29 января 1918 года:

[1] Орловские епархиальные ведомости. 1915 г.
[2] Заусайлов В.А. Купеческий Елец. Письма. Елец, 2004. С.92.

Митрофан Николаевич Заусайлов

«...В городе у нас беспокойно от поступков большевиков, которые ночью вламываются, делают обыски и налагают контрибуцию. Так они два дня сряду делали набег на Клуб, вооруженные делали обыски у присутствующих по карманам... Были у некоторых евреев. Делали очень тщательный обыск и наложили контрибуцию десять тысяч. А с другого 8 тысяч, деньги ими внесены... Продовольствие у нас становится хуже, мяса нет. А если есть, то очень дорогое...»[1]

М.И. Ростовцев писал сыну Сергею 7 февраля 1918 года:

«...Мы живем по-старому, но более тревожно, начались опять осмотры запасов. Были и у нас, обошлось все благополучно, теперь они издали декрет, чтобы им несли золотые вещи весом не ниже 16 золотников. Теперь народ и солдаты требуют за преступления немедленного расстрела...»[2].

А.И. Ростовцева сообщает сыну Сергею 24 февраля 1918 года:

«...У нас много солдат приехало, всюду их размещают, во все дома, независимо есть или нет квартиранты или другие. Власть все более и более забирается, жизнь ужасная, в уезде вооруженная борьба крестьяне с красноармейцами, есть убитые. Усиленно призывают всех в красную армию... Просвета ниоткуда не видно. Всюду плохое. Крепко тебя целую. Храни тебя Бог»[3].

[1] Заусайлов В.А. Купеческий Елец. Письма. Елец, 2004. С.87.
[2] Заусайлов В.А. Купеческий Елец. Письма. Елец, 2004. С.88.
[3] Там же. С.90.

Митрофан Николаевич Заусайлов остался в Ельце. Пытался както устроить свою жизнь и жизнь своей семьи. Служил в земельном отделе. В 1926 году он был лишен избирательных прав, его никуда не брали на постоянную работу.

В доме постоянно царило чувство тревоги, особенно оно усиливалось к вечеру, когда за окном сгущались сумерки, а в столовой горела только одна лампа. Тени по углам, тени за окном, каждый резкий звук заставлял всех вздрагивать, оглядываться на дверь. Родители потихоньку называли имена арестованных знакомых и друзей. Все чаще шли разговоры о произволе, творимом с арестантами. «Слухи доходят ужасные, говорят, что у многих семей конфисковано имущество, а отцы и братья взяты заложниками... Вечные угрозы, обвинения, что мы «белогвардейцы»... Все живут в удрученном состоянии» (Из писем Ростовцевых)[1].

В конце лета 1930 года Александр (старший сын Митрофана Николаевича), заметил, что за их домом все время наблюдает какой-то незнакомый парень лет 20-25. Один из знакомых сказал, что это сотрудник ОГПУ. Дети рассказали об этом отцу. Тот был очень обеспокоен, но убеждал их, что ни с ним, ни с семьей ничего не случится.

5 ноября 1930 года отец отправился в гости к своему знакомому П.Н. Дединцеву (они вместе учились в гимназии) и домой не вернулся. А поздно вечером раздался громкий стук в дверь и вошел сотрудник Елецкой опергруппы Богачев, с ними два красноармейца: один стал у двери, второй прошел в комнату, уполномоченный протянул Елене Митрофановне ордер на обыск, сказал, что отца арестовали[2].

Мать, рыдая, принесла узелок с туалетными принадлежностями и деньги. При обыске присутствовала соседка Зинаида Петровна Заседателева. Самой веской уликой оказались 2 чистых бланка с печатями трудовых-хозяйственных артелей.

Через несколько дней стало известно, что вместе с отцом и Дединцевым были арестованы Выдский, Ростовцев, Кожухов — все бывшие купцы. Их обвинили в связях с белой эмиграцией, в систематическом распространении антисоветских настроений среди обывателей. Потянулись страшные дни, дети видели, как мать часами сидела на диване, повторяя: «Это конец, конец, конец...».

[1] Там же.

[2] Государственный архив Липецкой области (далее — ГАЛО), ф. 2.2.1.0., оп.1, д. 24145. Протокол обыска. Л.1.

Однажды Александр Заусайлов (старший сын Митрофана Николаевича) встретил на улице уполномоченного Болдырева, подошел к нему (очень смелый по тем временам поступок) и спросил, где находится их отец Митрофан Николаевич. Болдырев долго молчал, а потом неохотно ответил: «Здесь его нет».

И, как ни поразительно, но другой информации о судьбе М.Н.Заусайлова у его внука Владимира Александровича не было. Он посоветовал мне съездить в Липецкий областной государственный архив. Первое посещение архива принесло мне разочарование. Архивариус объяснил, что раньше все дела были только в КГБ и только после 1991 года дела передали в областной архив, но дела выдают только с разрешения родственников. Но я упорно стремился к своей цели, оформил разрешение у Владимира Александровича и вот, наконец, я работаю в архиве. Сколько тайн хранят документы, которые здесь находятся. К своей радости я нашел «Дело № 773» по обвинению Заусайлова Митрофана Николаевича по статье 58 пункты 10 и 11 УК РСФСР, УК, которое было начато 5 ноября 1930 года, а окончено 23 декабря 1930 года[1].

В протоколе допроса читаю, что Заусайлов Митрофан Николаевич, 1878 г.р, уроженец Ельца, мещанин, отец — купец 2-ой гильдии, русский. Лишен избирательного права с 1926 г., работает на временной работе, женат на Жаворонковой Елене Митрофановне. Дочь Наталия в г.Липецке, сын Николай — работает на стройках в Москве, дочь Надежда работает в Москве в яслях. Сын Владимир — чернорабочий в Ельце. Сын Александр — учится в Елецкой семинарии.

Имущественное положение до ареста — земли 315 десятин, дома в Ельце. Он жил на средства от своего имения, до февральской революции служил помощником управляющего банка в Ельце. С 1917 года служил санитаром и надзирателем в лазарете, с 1922 года — кустарничал.

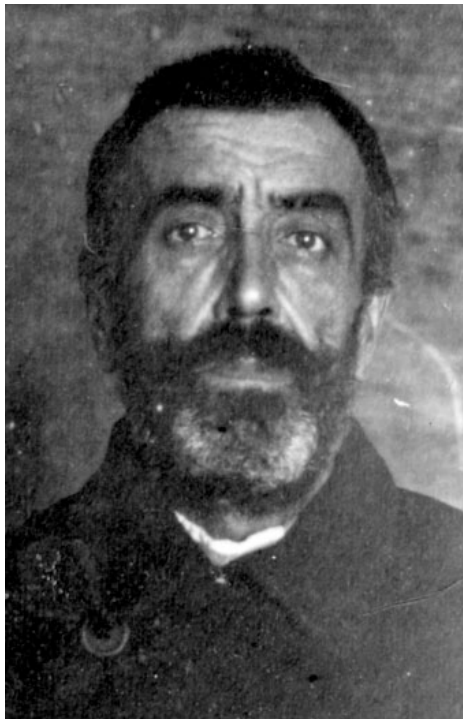
Из выписки протокола заседания Тройки при ПП ОГПУ по Центрально-Черноземной области по внесудебному рассмотрению дел от 1 февраля 1931 г. узнаю о решении заключить Заусайлова Митрофана Николаевича в концлагерь сроком на три года, считая срок с 6 ноября 1930 г.[2]

Находка этого дела — небывалое везение. Мне удалось получить массу интереснейшей информации, уточнить многие факты

[1] ГАЛО, ф.2.2.1.0., оп.1, д.773.

[2] ГАЛО, ф.2.2.1.0., оп.1, д.773. Протокол заседания.

из жизни Митрофана Николаевича, узнать подобности его родословной, и подтвердить многие факты, известные со слов Владимира Александровича. Самое, пожалуй, ценное в следственном деле — автографы: заполненные Митрофаном Николаевичем анкеты, автобиография.

Митрофан Николаевич Заусайлов (из следственного дела). 1930 г.

В тоже время сухие анкетные данные, стандартные вопросы позволяют представить, как работала вся репрессивная машина, перед которой стояла задача уничтожить инакомыслие и подавить людей, способных сопротивляться новой власти: набор стандартных вопросов, фактически отсутствие состава преступления и стандартная как у всех статья 58-10 УК.

Подобных дел в архиве сотни. Без суда, постановлением тройки людей отрывали от семьи, привычного жизненного уклада, отправляли в тюрьму и за колючую проволоку. Митрофану Николаевичу повезло, по тем временам он легко отделался. Многие получали от 5 до 10 лет.

Позже, в 1937 году многие люди исчезали в «лагерях без права переписки», что означало тайный расстрел. Митрофан Николаевич избежал подобной участи, но неслучайно он не называет точного места проживания своих детей и родственников. Он не называет и имен своих знакомых, которых могли, как это часто бывало, записать в соучастники.

Так новая власть обошлась с людьми, которые приносили столько пользы городу и могли бы еще многое сделать. Заусайлов был приговорен к заключению в концлагерь сроком на три года.

В Ельце В.А.Заусайлов показал мне фотографии своего деда до ареста[1]. Плотный краснощекий мужчина — настоящий купец. А с фотографии архивного дела на меня глядел измученный, осунувшийся старик.

В протоколе допроса Митрофан Николаевич Заусайлов писал: «Советская власть отобрала у меня дом, положение и избирательные права, но я никакого недовольства ко всем этим лишениям не имел, т. к. мне теперь больше ничего не нужно, я свой век отжил, лишь бы дети вышли на дорогу».

На уроках истории мы много говорили о культе личности Сталина, о тех жертвах, которые понесло наше общество. Но только здесь в архиве, работая с документами Митрофана Николаевича, мне стало по-настоящему страшно. Вдруг подумалось: «Через что должен был пройти человек, какие нравственные и физические унижения испытать, чтобы написать такие слова. Ведь ему в это время было всего 52 года!»

А дальше все как у многих репрессированных. Мучения физические и нравственные. После концлагеря поехал в Липецк, работал дворником, отношения с близкими не поддерживал, опасаясь причинить им неприятности, так был «врагом народа». Умер в 1937 году от чахотки, которой заболел в тюрьме. Похоронен на кладбище в г. Липецке. Я пытался найти могилу Заусайлова, но оказалось на месте этого кладбища теперь широкий проспект. И кладбище и находящаяся при нем церковь исчезли с лица земли.

Волна репрессий не обошла ни одну купеческую семью в древнем городке. Вместе с Заусайловым были репрессированы Ростовцевы, Кожуховы, Жаворонковы, Петровы, Шляховы... все известные купцы и меценаты, благотворители. Как же безжалостно обошлась власть с умными, честными, благородными людьми, которые стремились в своей жизни делать добро окружающим и быть полезными обществу.

* * *

Елецкие купцы строили здания основательно, на века, потому что сами были людьми основательными. Отобранные фабрики, заводы, купеческие дома и постройки до сих пор эксплуатируются без капитального ремонта.

[1] Личный архив В.А. Заусайлова.

Все предприятия, построенные Заусайловыми, по инерции долго работали. Но подлинных хозяев не стало и они рухнули. Давно нет садов, дававших сырье заводу, остановилась знаменитая махорочная фабрика Заусайловых и стены ее руинами высятся в центре Ельца, до сих пор привлекая внимание своей замечательной архитектурой. Любой приехавший в Елец человек, видя это здание, задается вопросом, что это было в прошлом: музей, театр, настолько они интересны и привлекательны.

В.А. Заусайлов по приезде в Елец пытался приобрести акции еще действующей махорочной фабрики, но ему не давали этого сделать. Когда фабрика остановилась, он приобрел несколько акций махорочной фабрики только для того, чтобы почувствовать себя хоть чуть-чуть владельцем и наследником имущества купцов Заусайловых.

Анна Арсенюк,
Владимирская обл., г.Ковров, гимназия №1, 9 класс.
Научный руководитель: Л.В.Воробьева

Безжалостный механизм...

Не смог Николай Никитич изменить свои убеждения, приспособиться к новой жизни, стоял на своем, хотя, возможно, и понимал, чем это ему и его семье может грозить. Николай Никитич Чукашёв, последний отпрыск купеческого рода Чукашёвых, был расстрелян в январе 1938 г., как сын купца, как «враг народа» по приговору «тройки» НКВД Татарской АССР.

В своей работе я использовала воспоминания родственников: прабабушки Евгении Николаевны Чукашевой, бабушек Энгрилии Яковлевны Арсенюк, Татьяны Петровны Крупиной, мамы Евгении Станиславовны Арсенюк. Они бережно хранят память о наших предках чуть ли не с середины XVIII века, рассказывают удивительные истории из жизни их родителей, близких родственниках, бабушек и дедов.

Бережно хранимые в нашей семье фото, документы, личные вещи, письма, архивные справки позволили мне представить и самые радостные события из жизни моих родственников, и самые трагические минуты в их жизни.

Меня очень поразил, тот факт, что моего прапрадеда Николая Никитича Чукашёва тройка НКВД Татарской АССР 6 января 1938 осудила к высшей мере наказания, а уже 14 января того же года решение тройки приведено в исполнение. А как же право на обжалование? Помилование? Почему не суд вынес решение о лишение человека жизни, а какая-то «тройка НКВД»?

Я хотела понять причины трагических событий, которые «сделали» моих родственников «врагами народа», одного лишили жизни, а других превратили в изгоев. Страшно подумать, что ещё два десятилетия назад об этом нельзя было не говорить, не тем более, разбираться в причинах. Моя бабушка, Энгрилия Яковлевна Арсенюк, говорит, что в семьях, в которых были репрессированные, старались долгое время не упоминать о них, словно хотели вычеркнуть их из памяти. Но родовая память не позволила этого сделать. В семьях моих бабушек и дедушек узнали горькую правду о жертвах политических репрессий в годы сталинского режима. Изучив историю жизни моих репрессированных родственников, я теперь лучше понимаю цели и сущность сталинского режима. Давайте обратимся к истории моей семьи.

Мои прапрадеды на протяжении нескольких поколений жили в городе Чистополе на реке Каме. Фамилия их Чукашёвы. Говорят, что произошли Чукашёвы из крепостных крестьян, потом кто-то из первых служил в лавке у богатого человека приказчиком, накопил деньжат, завел свою лавку, торговал солью. Далее повели хлебную торговлю, у них была фирменная марка «Братья Чукашёвы». Суда их во время навигации ходили по Каме, Вятке, Белой, до низовья Волги и в Каспий, доставляя хлеб в различные города Российской империи, Москву и даже Петербург, а по некоторым данным в Англию, Францию, Германию, Иран. Во второй половине XIX чистопольские фирмы Чукашёвы значились среди самых крупных хлебных фирм Российской столицы. Для хранения зерна возводились большие хлебные амбары, лабазы, склады и хранилища. И сейчас кое-где сохранились эти добротные постройки, напоминающие о былой силе их владельцев. Город Чистополь превратился в те времена в крупнейший центр хлебозаготовок. В начале XIX в., нажив капитал на торговле хлебом, купеческая династия Чукашёвых показала пример активной предпринимательской деятельности. Оборот её торговли достигал сотни тысяч рублей, что позволило моим родственникам записаться в I гильдию купечества. Природный ум, образованность и щедрая благотворительность Чукашёвых способствовала их популярности.

Они становятся почётными гражданами Чистополя. В 1829 году по ходатайству Казанского архиепископа Филарета было основано Чистопольское уездное духовное училище. Оно строилось на средства Чукашёвых и других чистопольских купцов, крупную сумму пожертвовал известный церковный деятель и писатель Иоанн Кронштадтский.

Николай Никитич Чукашёв

При Егоре Ивановиче Чукашёвым принадлежал один из самых богатых и красивых домов в городе. Целый усадебный комплекс был построен Егором Ивановичем на Екатерининской улице в первой половине XIX века. Он включал в себя жилой дом, флигель, арочные ворота и хозяйственные надворные постройки. Двухэтажный, главный кирпичный корпус и сейчас имеет фасады, покрытые пышным декором. После революции 1917 года усадьба была национализирована. В 1918-ом здесь размещался военно-революционный комитет исполкома Чистопольского уездного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Затем, до Великой Отечественной войны, в доме находился сельхозтехникум, в настоящее время педагогическое училище.

Никита Егорович Чукашёв был долгое время старостой Николаевского собора города Чистополя. Известно, что он подарил храму серебряное облачение престола, которое пропало вместе с другой драгоценной утварью храма в 30-е годы XX века, когда разрушали собор. Умер он в 1899 году, еще молодым человеком, и оставив малолетних детей: Александра, Сергея, Анну, Елизавету, и Николая.

О Николае Никитиче Чукашёве (1883 — 1938) я хочу рассказать подробнее. С 9-ти лет Николай, оставшись круглым сиротой, жил в Казани и воспитывался в семье своего дяди Подуруева — брата его матери. В начале века он женился на Нине Константиновне, в девичестве Шугаевой (1886 — 1939), моей прапрабабушке. Она жила в Казани, в молодости была домашней учительницей. Молодая семья совершила увлекательнейшую поездку по Швейцарии, где у них родилась в Женеве первая дочь — Милица Николаевна (сестра моей прабабушки). В семье хранятся фотографии, на которых мы видим счастливую улыбающуюся чету Чукашевых. Жизнь этого интелли-

гентного человека, почетного потомственного гражданина, складывалась сначала хорошо. В послужном списке коллежского регистратора Н.Н. Чукашёва времен царской России говорится, что он «окончил дополнительный курс общего отделения Казанского Реального Училища», затем «состоял в числе студентов юридического факультета Казанского университета». Страшно подумать, как всё трагически обернулось. После Октябрьской революции 1917 года семья Николая Никитича жила в Иркутске. В протоколе допроса после ареста в 1937 году он сообщает, что «на территории белых находился с июля 1918 года, а был принят в 1919 году в марте месяце в чин коллежского регистратора. И последнее время служил в инженерных частях. У Колчака пробыл до расформирования колчаковской армии... Занимал должность делопроизводителя административного отдела окружного инженерного управления Омского Военного Округа».

В июне 1921 года Николай Чукашёв вернулся с семьей в Казань. В 1937 году на вопрос следователя о причинах отъезда из Казани он честно ответил, что «будучи враждебно настроен к Советской власти и её мероприятиям, ушел с чехами на восток» и присоединился к белогвардейцам. Возвратившись в Казань, семья страшно бедствовала. Очень горько читать в деле Николая Никитича послужной список, где перечисляются разные работы, за которые он брался: недели две работает, продаёт пирожки в студенческой столовой, полгода без работы, потом опять месяц работает, три года работы нет, снова увольняют как «чуждого элемента». «Образованный, вежливый», конечно, но новая власть относилась к нему как к «врагу народа». Так написано в характеристиках в уголовном деле: «скрывает своё вражеское лицо, на собраниях сидит молча, в уголке, чтобы его не заметили, не выступает, говорит: «Бог есть и будет, и никогда вы не убедите меня в обратном».

Это свидетельствует о том, что не смог Николай Никитич изменить свои убеждения, приспособиться к новой жизни, стоял на своем, хотя, возможно, и понимал, чем это ему и его семье может грозить. Николай Никитич Чукашёв, последний отпрыск купеческого рода Чукашёвых, был расстрелян в январе 1938г., как сын купца, как «враг народа» по приговору «тройки» НКВД Татарской АССР.

Читая протокол допроса, я поняла, как тяжело было Николаю Никитичу в тюрьме. Я поняла, насколько необоснованными были обвинения, выдвинутые против него: на вопрос следователя о контрреволюционной, антисоветской агитации мой родственник прямо отвечает, что это были «обывательские разговоры», т.к. «два раза я

Памятная плита жертвам политических репрессий в Казани

был большое время без определенных занятий». Этого оказалось достаточно, чтобы признать человека виновным. Ещё одно обвинение было в переправке за границу денежных сбережений. Это обвинение арестованный отверг. Какие могли быть сбережения у человека, много раз оставававшегося без работы, еле-еле сводившего концы с концами?! Семья только через год узнала о смерти отца, его жена весь год носила передачи в тюрьму, которые принимали. Нине Константиновне Чукашевой, жене Николая Никитича, первоначально прислали справку о смерти мужа в тюрьме 14 января 1938 года якобы от энцефалита. И только в 1992 году после неоднократных обращений в архив КГБ их внучки, Татьяны Петровны Крупиной, была выслана справка о реабилитации Николая Никитича Чукашева посмертно в 1956 году. Мы до сих пор не знаем, где захоронен Николай Никитич. Возможно, вместе с другими жертвами репрессий его тело покоится в г. Казани на Архангельском кладбище. Во всяком случае, на мемориальной стелле выбита его фамилия, а в настоящее время в Татарстане готовится к изданию Книга памяти, куда, я надеюсь, войдет и фамилии моего прапрадеда. Последствия этой трагедии сказались на семье, особенно на младшей дочери Евгении Николаевне Чукашевой.

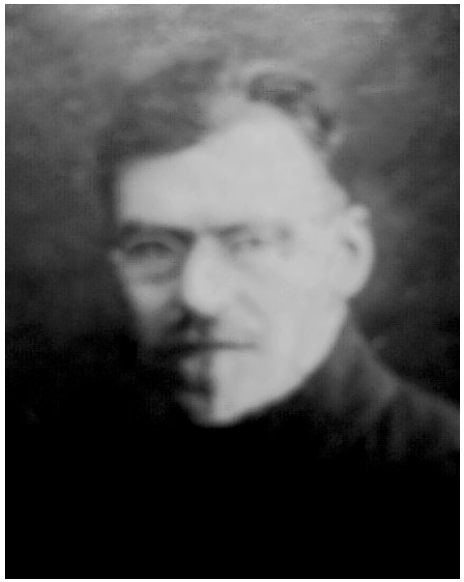
Евгения Николаевна Чукашёва — моя прабабушка по линии матери моей мамы. В 17 лет она поступила на биологический факультет КГУ. Её старшая сестра уже успела закончить геологический факультет Казанского университета. Младшая сестра во время ареста отца училась там же, и как только тройка НКВД вынесла обвинительный приговор, Евгению Чукашёву отчислили с четвертого курса, как «дочь врага народа», обвинив её в том, что она скрыла свое купеческое происхождение. Ведь известно, что высшее образование в 20-е — 30-е годы было привилегией выходцев из рабоче-крестьянской среды. Советская власть создавала новую интеллигенцию, в которой не должно быть места детям бывших эксплуататоров. С этого момента она всю жизнь работала на меховой фабрике. Во время Великой Отечествен-

ной войны делала выкройки курток для солдат, шила их и отправляла на фронт. В своей семье она рассказывала о трагических моментах в своей жизни, но за пределы семьи эти рассказы не выходили, поскольку над страной нависла черная тень сталинского террора, и она очень переживала за судьбы своих двух детей. Мне посчастливилось общаться с прабабушкой, я всегда называла её бабулей. У неё было крепкое здоровье и, несмотря, ни на какие травмы, она всегда оставалась доброжелательной, приветливой. Её муж Петр Матвеевич Талманов (1910-1983) родился в деревне Чинчурино Тетюшского района Татарии. Был в семье восьмым ребёнком. Имел среднее техническое образование, имел способности к портняжному делу, хорошо рисовал. Работал главным механиком на Табачной фабрике. Был призван на фронт, после ранения работал в тылу. Умер в возрасте 73 лет.

Евгения Николаевна Чукашёва

Чукашёвы и Талмановы предки моей бабушки Татьяны Петровны Крупиной, которая ныне проживает в городе Казани. Она родилась в Казани в 1937 г., окончила медицинский институт, всю жизнь проработала в медицинском училище заведующей фельдшерско-лаборантским отделением. Преподавала анатомию и физиологию человека. Вышла замуж за Станислава Васильевича Крупина, который также родился в Казани, окончил геологический факультет КГУ, защитил докторскую диссертацию по теме «Технология полимеров», и ныне является профессором кафедры физико-коллоидной химии при КГТУ, член-корреспондентом Российской Академии естественных наук. В детстве я очень любила гулять с дедушкой и бабушкой, они интересные рассказчики, много знают об истории Казани и о наших предках. Изменения в стране после смерти Сталина благоприятно повлияли на судьбу потомков рода Чукашевых. Они заняли достойное место в нашем обществе, стали уважаемыми людьми. Моя бабушка благодарна власти за то, что она в 1992 году полностью восстановила честное имя её отца и вернула семье добрую память о нём.

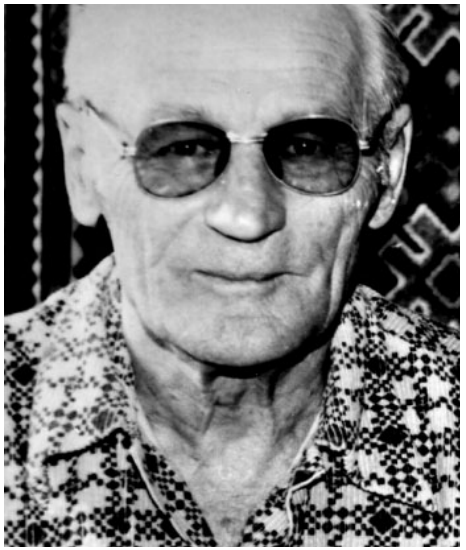

Степан Агапович Худяков

Худяковы — вторая линия моей родословной. **Степан Агапович Худяков** — (дедушка моей бабушки) (1880-1944), родился в селе Языково, Владимирской области. Служил в русской армии с 1910 по 1914 год в Польше. Там женился на Анне Марковне Заремба, проживавшей в городе Алитус. Родители Анны Марковны имели мастерскую в городе Вильно по пошиву белья. Анна Марковна была белошвейкой, вышла замуж в 1911 году и родила 6 детей. Умерла в возрасте 42 лет от воспаления легких. Таким образом, Степану Агаповичу пришлось поднимать детей одному. Степан Агапович по окончанию военной службы (к сожалению мы не знаем принимал ли он участие в Первой мировой войне и гражданской) приехал на родину, во Владимирскую область. Он с радостью принял новую власть, поверил в неё. Стал организатором первой Коммуны в селе Волковойна Камешковского района. В годы коллективизации, с 1931 года был заведующим земельным отделом в Ковровском районе. Что могло угрожать этому человеку? Многие годы своей сознательной жизни он трудился на благо советского общества. Ни помыслы его, ни дела не противоречили линии партии. Происхождение его — самое, что ни на есть народное. Репрессии 30-х годов не коснулись этой семьи. Но в годы Великой Отечественной войны наблюдалось новое усиление репрессий: арестовать могли за сущий пустяк. Что и произошло в 1943 году с моим прапрадедом. От бабушки я узнала удивительную по своей нелепости историю. Степан Агапович занимал административную должность в Ковровском районе. По традиции у него в кабинете висел портрет вождя И.В. Сталина.

По-другому в те времена и быть не могло. Очевидно, Степан Агапович любил чистоту и однажды он стал вытирать с портрета пыль, верёвка неожиданно оборвалась, и портрет упал на пол, Степан Агапович чертыхнулся и попытался повесить портрет на место. В кабинете в это время были посторонние люди. И через несколько дней (10.05.1943 г.), по доносу его арестовали на работе. Власть создавала благоприятные условия, для того, чтобы расцвели подлость и злопыхательство. Мелкие людишки бросились сводить счеты со своими обидчиками. Мы не знаем, кто и за что донес на Степана Агаповича. У нас нет его уголовного дела, обвинительного заключения. Его осудили на пять лет и отправили в один из лагерей Сибири. Сохранилось от Степана Агаповича письмо из Красноярского края, со станции Кача. В письме, написанном на клочке бумаги, он сообщает о своей «хорошей и сытной жизни», однако, просит прислать в посылке и чеснок, и лук, и соль, и бумагу, и конверты. Степан Агапович сообщает о своем питании в лагере: «хлеба получаю 500 г, три раза горячая пища». Зачем же тогда ему мука и соль, которые он просит прислать? Тем более, что он жалуется на самочувствие: «немного побаливает голова». Недолго смог выдержать Степан Агапович «прелести» лагерной жизни. В 1944 году он умер, о чем сообщило лагерное начальство его жене. Видимо, там же в Красноярском крае он и похоронен. После XX съезда партии и доклада на нем Н.С. Хрущева началась широкая волна реабилитации, в результате которой Степан Агапович был посмертно реабилитирован в 1956 году. В 90-е годы его имя занесено в областную «Книгу Памяти репрессированных по Владимирской области». Но в ней не только фамилия Степана Агаповича, но и его сына Александра Степановича.

Александр Степанович Худяков родился в г. Коврове, в 1920 году. Был участником Великой Отечественной Войны. В 1939 году он с отличием окончил школу №2 г. Коврова и поступил в военное училище связи города Ульяновска. В сентябре 1941 года им, курсантам 3-го курса, досрочно присвоили воинское звание лейтенанта и отправили на фронт. Он стал связистом-разведчиком. За одно из заданий, когда привели пленного офицера, который дал ценные показания о своей части, он был награждён. 25 января 1942 года он с небольшой группой солдат и офицеров ушёл на задание в тыл врага. Они попали в засаду. С боем и с большими потерями, раненые, они смогли вырваться из окружения и вернуться в расположение своего штаба. Им не поверили, что они смогли вырваться из окружения, и двух старших

Александр Степанович Худяков

офицеров расстреляли у них на глазах, а всех остальных осудили (моего прадеда на 10 лет) и отправили в лагерь для военнопленных в Сухобезводное Горьковской области и объявили предателями. Он работал в лесу вместе с уголовниками. В лагерях администрация использовала уголовников, как главную воспитательную силу. Они были опорой социально близкими для властей. Остальных называли фашистами. На Александра Степановича не раз покушались уголовники, дважды ранили. 10 мая 1951 года его досрочно освободили. Был ли это прежний Александр Степанович? Да нет, конечно. След остался на всю жизнь. Он почти ослеп, стал инвалидом II, затем I группы. Но из множества потерь он избежал главной — потери характера. Он сохранил свои основные нравственные принципы — исключительное трудолюбие, порядочность, честность, доброжелательность и любовь к людям. В те года, когда он вернулся (1951 год), страшнее статьи 58-й в Уголовном кодексе того времени — ничего не было. Он верил, что придут лучшие времена, и оказался прав. И смог дожить до своей полной реабилитации. В 1985 году военным трибуналом дело было пересмотрено, ему было возвращено честное имя офицера Советской Армии, звание лейтенанта, но здоровье уже было подорвано.

Анна Степановна Худякова (1915 — 1975) — мама моей бабушки, родилась в городе Алитус. Инженер-строитель, работала на заводе им. Киркижа, позднее заводе им. В.А. Дегтярёва, военный завод им. В.А. Дегтярева, известен на всю Россию. В настоящее время завод им. В.А. Дегтярева выпускает самое современное оружие. Анна Степановна работала на заводе до 1956 года. Она встречалась с Василием Алексеевичем Дегтяревым, с этим легендарным человеком, необыкновенной щедрости и уникальной честности и порядочности. Можно сказать он спас жизнь Анне Степановне. Ведь она работала на военном заводе, а

брат её А.С. Худяков и отец уже значились как «враги народа». Органы НКВД буквально охотились и за Анной Степановной, но благодаря вмешательству Василия Алексеевича Дегтярева, который знал её, отдал распоряжение не выпускать её из завода и тем спас ей жизнь. Она не выходила из завода более семи месяцев.

В этой работе я хотела показать влияние трагических событий советской истории 30-х — 50-х годов на жизнь моих предков. В моём роду было множество незаурядных личностей. Не всегда они были согласны с общегосударственной политикой, так в годы Гражданской войны одни мои родственники оказались в лагере белых (Николай Никитич Чукашев), другие — поддерживали советскую власть (Степан Агапович Худяков). Переживая минувшее в воспоминаниях вместе с бабушками, перебирая трудные судьбы милых и дорогих им и мне людей, презирая и ненавидя человека, создавшего и запустившего безжалостный механизм репрессий, я все-таки убедилась — добро побеждает, хотя, увы, часто это происходит слишком поздно, и столько добрых и прекрасных, талантливых и честных людей погибло.

Анна Малина,

г. Киров, Экономико-правовой лицей, 10 класс.
Научные руководители:
Н.Л.Головизнина, В.С.Жаравин

«Им не воздвигли мраморной плиты»

(Трагическая судьба немецкой семьи Берманов)

Я беру в руки архивное уголовно-следственное дело В. Бермана, с трепетом открываю его. Я вижу пожелтевшие от старости листы бумаги, разного формата и вида. Отпечатанные на старой пишущей машине, разноцветные полувыцветшие резолюции на них. 1918 год. Передо мной судьба человека, когда-то довольно известного в Вятке, сегодня незаслуженно забытого.

Проезжая по ул. Ленина, это центральная часть старой Вятки, невольно обращаешь внимание на старинное здание с надписью «Николаевская аптека». Необычность здания, название вызывают желание узнать об этой аптеке, о ее истории.

Мне удалось установить любопытный факт, что владельцами этой аптеки с момента ее появления были немцы. А последний ее хозяин Вольдемар Берман был репрессирован. Я выяснила, что такая же судьба была и у многих других немцев, проживавших в первой половине XX века в нашем городе. Эта тема глубоко заинтересовала меня. Мне, как будущему историку, важно было провести собственное историческое исследование, тем более что данная тема в нашей области недостаточно изучена. В основу моего

исследования была положена трагическая история немецкой семьи — семьи бывшего владельца Николаевской аптеки Вольдемара Бермана.

Свою работу я решила назвать строчкой из стихов поэта Николая Майорова «Им не воздвигли мраморной плиты». Многие репрессированные граждане погибли в тюрьмах и лагерях НКВД. Родственники погибших и пропавших без вести до сих пор не знают всю страшную правду об их судьбе, о месте их захоронения, где можно склонить голову в память о родных и близких.

Приступая к исследованию, я поставила перед собой следующие задачи:

- проследить трагические судьбы отца и сына Берманов, а также Марии Рихтер, немки по национальности, связавшей свою судьбу с семьей Берманов;
- найти родственников Берманов, получить от них сведения о судьбе их близких, выяснить коснулась ли их трагедия;
- узнать, сколько граждан пострадало в годы террора в Кировской области, в том числе граждан немецкой национальности.

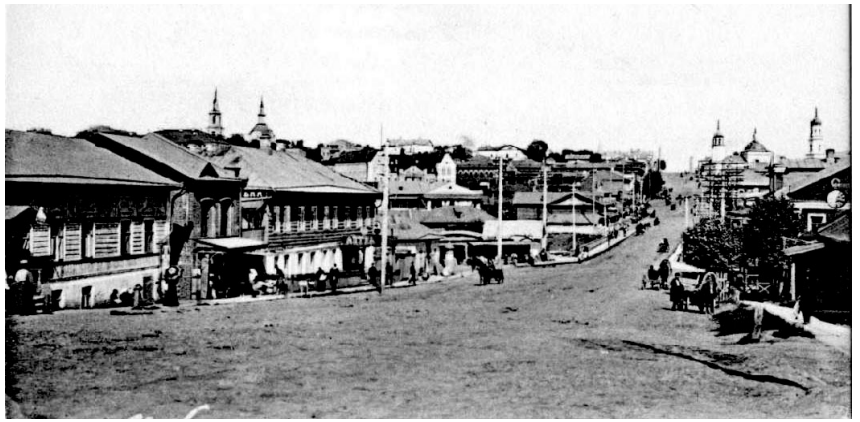
* * *

Первые сведения об аптеке я получила в краеведческом отделе Кировской областной научной библиотеки имени А.И. Герцена.

Там я узнала, что эта аптека является старейшей в областном центре, и была открыта в 1862 году провизором Юлием Фабером. На основе «Памятных книжек Вятской губернии и календаря» на 1906—1916 годы[1] я установила, что последним ее владельцем был провизор Вольдемар Берман. Просмотрев вятские газеты за 1906—1918 годы, я обнаружила рекламные объявления Николаевской аптеки. Удалось также установить, что Вольдемар Берман был участником русско-японской войны, был отличным музыкантом, и, имея прекрасный голос, пел в любительском оперном театре.

Так как сведения оказались очень скудными, мне пришлось обратиться в Государственные архивы — ГАКО и ГАСПИ КО. В Государственном архиве Кировской области (ГАКО), просмотрев документы фонда «Вятское губернское правление», я нашла фотографию аптеки конца XIX века и отдельные биографические сведения о Вольдемаре Бермане.

[1] Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1911 год. Вятка, 1911. С.138; Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1914 год. Часть 2. Вятка, 1914. С.77; Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1916 год. Вятка, 1916. Часть 2. С.51.

Здание аптеки Ю. Фабера, г. Вятка, ул. Николаевская. Фото конца XIX века, из архива ГАКО

Аптека №2. г. Киров, ул. Ленина. 1970-е гг.

Дальнейшие поиски привели меня в Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО), где хранятся архивные уголовно-следственные дела репрессированных граждан. Среди них дела на Вольдемара Бермана, его сына Юрия Бермана и Марию Рихтер, бонну (гувернантку) детей аптекаря. Мне было разрешено с ними ознакомиться. Эти документы и легли в основу моего исследования.

Чтобы найденные документы стали более понятными, я попыталась найти людей, которые смогли бы что-нибудь рассказать о семье

Берманов. К великому сожалению, очевидцев тех событий сегодня уже нет в живых. Но мне удалось разыскать Прасковью Кирилловну Безлюдько, которая в 1935-1945 годы проживала на улице Молодая Гвардия в соседнем доме с семьей Берманов. Она рассказала о семье Юрия Бермана, о времени, когда происходили те трагические события.

Мне очень повезло: я познакомилась с внучкой Вольдемара Бермана —Иветтой Юрьевной Васениной. Я узнала, что Вольдемар Берман (ее дед), а впоследствии его сын Юрий (отец Иветты Юрьевны) были расстреляны в годы террора из-за их немецкого происхождения, а его бонна была репрессирована и умерла в лагере.

В семейном архиве Берманов — Васениных никаких фотографий, писем, документов Вольдемара Бермана не сохранилось, а единственная семейная реликвия — его большой портрет в резной рамке — сегодня хранится в семье внука Льва Константиновича Годнева в г. Костроме. Я написала письма ему и его сестре Лие Константиновне Дурягиной, проживающей в Киеве, с просьбой поделиться хранящимися в их семьях воспоминаниями.

Лев Константинович Годнев откликнулся на мою просьбу и написал письмо, в котором сообщил все сведения, которые ему известны о его деде и, кроме того, выслал фотокопию замечательного портрета Вольдемара Бермана и другие фотографии из семейных альбомов.

Иветта Юрьевна Васенина разрешила мне отсканировать фотографии своего отца Юрия Бермана (единственную сохранившуюся у нее), его сестры Ирины Владимировны Годневой, и Марии Рихтер, маленькую фотографическую карточку которой она также обнаружила в семейном альбоме.

Мне удалось встретиться с краеведом и коллекционером С.А. Касановым, который изучает историю медицины. В его коллекции оказалась аптечная посуда, этикетки и сигнатуры из аптеки Бермана. Он разрешил их сфотографировать.

И, конечно, я постаралась найти в нашем городе места, которые тем или иным образом связанны с нашими героями, и сфотографировать их. Это здание Николаевской аптеки, дом по улице Молодая Гвардия, где семья Берманов проживала после выселения в 1918 году, здание тюрьмы №1 НКВД, ныне цеха текстильного комбината, памятник жертвам политических репрессий на Мезринском кладбище.

1918 год. Молодая Советская власть избавляется от инакомыслящих граждан. Трагедия Вольдемара Бермана

Я беру в руки архивное уголовно-следственное дело В. Бермана, с трепетом открываю его. Я вижу пожелтевшие от старости листы бумаги, разного формата и вида. Отпечатанные на старой пишущей машине, разноцветные полувыцветшие резолюции на них. 1918 год. Передо мной судьба человека, когда-то довольно известного в Вятке, сегодня незаслуженно забытого. Старожилы города, пожилые люди, среди них и моя бабушка, помнят, что еще в 1950—1960 годах Николаевскую аптеку называли аптекой Бермана. Так кто же такой Вольдемар Берман? Почему случилось так, что память об этом человеке сохранилась только в семье и отдельных воспоминаниях краеведов?

Листаю документы дела. Передо мной только один протокол допроса, который повествует о случившемся, но не дает никакого разъяснения, в чем же виноват арестованный В Берман. Попытаюсь разобраться сама.

Скупые строчки протокола допроса В. Бермана сообщают: «Сын врача, лютеранин[1], немецкого происхождения, уроженец Прибалтийского Края, тридцати шести лет, женат, имеет четверых детей, бывший владелец Николаевской аптеки»[2].

Собирая по крупицам отдельные факты, как картину из мозаики, я складывала образ неизвестного мне человека. Вольдемар Берман приехал в г. Вятку в 1903 году, после окончания Казанского Императорского университета. Имел диплом фармацевта, был принят помощником провизора в Вятскую губернскую земскую аптеку[3].

В 1904-1905 гг., во время русско-японской войны, по линии Российского общества Красного Креста в г. Вятке был сформирован санитарный отряд и лазарет, которые отправились в Забайкалье и на Дальний Восток оказывать помощь раненым. На должность фармацевта этого отряда был приглашен молодой, полный сил и энергии, а, главное, желания помочь раненым Вольдемар Берман. И надо отметить, что участие Бермана в формировании этого отряда-поезда было весьма активным. Необходимое медицинское оборудование собиралось спешно: инструменты пришлось выписывать телеграммой

[1] ГАКО. Ф. 583. Оп.443. Д.1459. Л.31.
[2] ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 9. Д. СУ—11554. Т.1. ЛЛ. 1, 7-8.
[3] ГАКО. Ф. 583. Оп.443. Д.1459. Л.31.

из Москвы, а за лекарствами и аптечной посудой фармацевт отряда отправился в Екатеринбург, чтобы купленные там медикаменты были приготовлены и погружены на поезд при проезде отряда через Екатеринбург[1].

Все лица, принимавшие участие в деятельности Российского Красного Креста, были награждены медалью Красного Креста, которая была учреждена 17 марта 1906 года в память о русско-японской войне.[2] Сведений о награждении медалью Вольдемара Бермана не имеется, но я могу предположить, что она у него также была.

Фотокопия портрета В. Бермана.
Из семейного архива Л.К. Годнева

После возвращения с Дальнего Востока, летом 1908 года В.Г. Берман женился на Марии Александровне Либерман, и поступил в Московский университет на фармацевтические курсы, после окончания которых в 1909 году приобрел в собственность аптеку и окончательно поселился в г. Вятке. В семье Берманов родились дети: Юрий, Ирина, Андрей и Дмитрий. В доме появилась бонна Мария Викторовна Рихтер, которая помогала их воспитывать.

Общественная жизнь в дореволюционной провинциальной Вятке была достаточно активна. Известные и наиболее авторитетные горожане являлись членами различных общественных организаций, обществ, попечительских советов. Среди них был и Вольдемар Берман: помогал вятчанам, обучающимся в высших учебных заведениях, состоял членом Губернского попечительного комитета о тюрьмах[3]. Будучи гражданином лютеранского вероисповедания являлся членом

[1] Касанов С.А. Дорогой милосердия. Киров, 1992. С.50–51.
[2] Там же.
[3] Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1916 год. Вятка, 1916. Часть 2. С.51.

церковного совета по постройке собственного культового здания[1]. Под руководством данного Совета в Вятке в 1914-1917 гг. была построена кирха, здание которой до наших дней не сохранилось.

Одним из увлечений местной интеллигенции была музыка. Любители оперного пения давно мечтали о создании местной оперной труппы. К 1913 году в Вятке было уже достаточно певцов, музыкантов, хористов, чтобы осуществить заветную мечту. Одним из первых спектаклей была опера А.С. Даргомыжского «Русалка». Спектакль произвел невиданный успех у публики. Одним из исполнителей был Вольдемар Берман. Природа наградила его прекрасным голосом. По воспоминаниям родственников, в доме был рояль и много нот. Театралы-любители собирались в здании городском благородного собрания.

«... Володя Берман носом водит,
И головой всегда трясет,
Теперь жену свою приводит,
В клубе с Лидиной поет.
В клубных залах дух лирический
Оркестр наводит симфонический...»[2].

В государственном архиве Кировской области сохранились чьи-то стихи, посвященные завсегдатаям благородного собрания.

По своим политическим убеждениям Вольдемар Берман не примыкал ни к какой партии.

«Я толстовец, *...не хочу одевать намордник. Как толстовец, я считаю, что ни с каким злом не надо бороться, жизнь сама покажет, какая программа и какой партии верна, и какое следует взять направление»,* — говорил Вольдемар Берман на допросе. Отвечая на вопросы следователя, он достаточно искренне выразил свое отношение к происходящим событиям и политическим партиям: «*...Скорее всего, я признал бы формой правления для России конституционную монархию... Но неограниченную монархию я не признаю, в этом отношении я схожусь с большевиками. Социальные реформы я признаю, но при постепенном проведении их.*

Я толстовец, в смысле непротивления злу, признаю только борьбу словом, но не крутые действия. Мое отношение к политическим партиям ровное:

[1] ГАСПИ КО. Ф.6799. Оп.9. Д. СУ—11554. Т.1. Л.1.
2 ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д.171. Л. 36.

Дом №2 по улице Молодой Гвардии, в котором проживала семья В. Бермана в 1918-1947 гг.

— в большевистской программе я считаю положительным при всех отрицательных сторонах только одну сторону, а, именно, упрощение жизни, а именно, то, что всех уравнивают, заставляя всех заниматься одним физическим трудом;

— у меньшевиков, я считаю, нет определенной физиономии;

— я считаю, что единственной партией, которая могла бы дать дельных людей — это, скорей, партия кадетов»[1].

Арестован и допрошен Вольдемар Георгиевич Берман 8 сентября 1918 года, а 10 сентября, он уже был обречен, как сообщает маленькая, всего в семь строк размашистого и очень непонятного почерка, записка следователя: «... зачислить Вольдемара Георгиевича Бермана в списки кадетов, как кандидата на расстрел»[2].

И это несмотря на то, что он при себе имел Удостоверение члена фармацевтической секции при Губернском комиссариате здравоохранения, являлся немецким подданным, находился под защитой германского правительства[3]. Новоиспеченной власти это не помешало арестовать его и расстрелять как врага народа.

1 ГАСПИКО. Ф. 6799. Оп.9. Д. СУ—11554. Т.1. ЛЛ. 1-2.
2 ГАСПИКО. Ф. 6799. Оп.9. Д. СУ—11554. Т. 1. Л. 9.
3 ГАСПИКО. Ф. 6799. Оп.9. Д. СУ—11554. Т. 1. ЛЛ. 4, 7.

В заключении о реабилитации Вольдемара Георгиевича Бермана имеется запись, что он якобы являлся «членом контрреволюционной организации «Национальный комитет»[1], но в документах дела каких-либо сведений подтверждающих его участие в этой организации не имеется.

Как мы знаем, с приходом большевиков к власти началась «чистка страны» от всех категорий «врагов» Советской власти, т.е. лиц с «компрометирующим социальным и политическим прошлым». Советская власть в государственном масштабе стала проводить политику устрашения населения, получившую название «красного террора». «Необходимо освободить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях... подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам», — записано в Постановление Совнаркома РСФСР от 5 сентября 1918 г.[2]

Так закончилась жизнь активного, интеллигентного, всесторонне развитого и мыслящего человека, способного при жизни принести ощутимую пользу своей стране, своему народу.

1938 год. Одна из задач ликвидации в СССР «шпионско-диверсионной базы» — операция по преследованию немцев. Трагедия Юрия Бермана

Дети Вольдемара Бермана выросли, по-разному сложились их судьбы. Ирина вышла замуж и уехала вместе с мужем в Горьковскую (ныне Нижегородскую) область, Дмитрий в 1931 году умер, Андрей после службы в армии остался жить в Сыктывкаре.

Юрий получил специальность киномеханика и, как старший в семье, в 17 лет начал работать в кинотеатрах «Прогресс», «Колизей», Доме Советской Армии, в клубе комбината КУТШО[3]. Имея великолепный слух и музыкальное образование, Юрий Владимирович играл на рояле в кинотеатрах, сопровождая немое кино. В 1930 году женился, и у него родилась дочка, которую он назвал именем одной из героинь любимого фильма — Иветтой.

1937-1938 годы — годы «Большого террора». Как отмечают современные исследователи, задачей операции по преследованию немцев была

1 ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 9. Д. СУ—11554. Т.1. Л.67.
2 Книга памяти жертв политических репрессий Кировской области. Т.1. Л.4.
3 ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 3. Д. СУ—3873. Т.1. ЛЛ. 4, 40 об.

ликвидация в СССР «шпионско-диверсионной базы» стран капиталистического окружения[1]. К этому времени тоталитарный режим уже имел хорошо отлаженную систему карательных органов. Массовые репрессии, захлестнувшие страну, не обошли стороной и наш город. От «шпионов», «заговорщиков», «контрреволюционеров», словом, инакомыслящих или врагов народа, в число которых попал обычный киномеханик немецкого происхождения, государство освобождалось быстро.

13 марта 1938 года Юрия Бермана арестовали.

Из воспоминаний Иветты Васениной-Берман:

Ю.В. Берман. Фото 1935 г.

«...Отца арестовали в 1938 году, пришли ночью. В доме, где мы жили, наших было две комнаты, мы с бабушкой, спали в комнате через коридорчик. Отец не зашел попрощаться. Я в ту ночь спала. Обычно же приходили ночью. Точно так же за бабушкой пришли ночью. Я не спрашивала: «Куда делся папа?» Понимала. Все понимали. Посадили и посадили. Так вот и осталась. Я все ждала, что папу освободят, все хотелось: «Ну, напишу Сталину!» Все ходила к тюрьме... Ходила и смотрела на окошечки, я уже была побольше, все смотрела, и думала: «...Наверное, сидит вот тут».

Обратимся к протоколам допросов арестованного Юрия Бермана:

Вопрос: «*Следствию известно, что Вы являетесь сыном предпринимателя аптекарского магазина в г. Вятке. Вы признаете это?»*

[1] Охотин Н.Г., Рогинский А.Б. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937—1938 гг. // Наказанный народ. Материалы научной конференции. Репрессии против российских немцев. М.: «Звенья», 1999. С.37.

Иветта Берман, внучка В. Бермана. Фото 1936 г.

Ответ: «*Да*».

Вопрос: «*За что судим был Ваш отец?»*

Ответ: «*Мой отец в 1918 году был осужден за контрреволюционную работу к расстрелу*».

Вопрос: «*Имеете ли Вы знакомых среди иностранных подданных в г. Кирове?»*

Ответ: «*Да имею...»*

Вопрос: «*... Вам предъявлено обвинение в том, что Вы являетесь агентом одной из иностранных разведок и по ее поручению проводили активную контрреволюционную фашистскую агитацию. Вы признаете себя виновным в предъявленном Вам обвинении?»*

Ответ: «*Нет, не признаю...»*[1]

Всего было 3 допроса: 14 марта, 5 и 8 апреля. И 26 сентября 1938г. в день своего 29-летия Ю.В. Берман узнает страшное решение Заседания Особой Тройки при УНКВД Кировской области: «Бермана Юрия Владимировича — расстрелять...» Через три дня приговор был приведен в исполнение[2].

Из воспоминаний Иветты Васениной-Берман:

«...Мама об отце тогда ничего не говорила. Когда его арестовали, ей было не до этого, не до разговоров... Маме и бабушке сказали, что арестовали без права переписки и все. А уже, когда Сталин умер, пошла реабилитация. Мама писала [с просьбой о] по реабилитации, так ответили, что он умер в 1943 г. от рака печени, а в деле я прочитала — расстреляли сразу...»

[1] ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 4. Д. СУ—5324. Т.1. ЛЛ. 14об., 17, 19.
[2] ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 4. Д. СУ—5324. Т.1. ЛЛ. 26-27.

Здание бывшей тюрьмы №1 НКВД

Почти 20 лет жена Ольга Сергеевна не имела никаких известий о муже. Первую попытку что-либо узнать о нем она предприняла в 1952 году, обратившись в Управление Министерства Внутренних Дел по Кировской области, где получила ответ, что Берман Юрий Владимирович числится в списках «без вести пропавших». В 1956 году ее письмо в Верховный Совет СССР также осталось без ответа. И только в 1957 году после ее очередного обращения в Верховный Суд СССР Управление КГБ по Кировской области и органы ЗАГС зарегистрировали смерть гражданина Бермана Юрия Владимировича, а жене было лично объявлено, что он «...в 1938 году был осужден за антисоветскую деятельность на 10 (десять) лет ИТЛ. Отбывая наказание, умер в местах заключения 12 декабря 1943 года...»[1] Продолжая сомневаться в его виновности, Ольга Сергеевна в мае 1958 года обратилась в прокуратуру Кировской области с просьбой пересмотреть дело мужа и реабилитировать его.

Для установления справедливости были допрошены сослуживцы и соседи Юрия Бермана. Из их показаний сложился образ трудолюбивого, добросовестного, увлеченного своей работой, совершенно мирного человека. О нем говорили: «...никогда он ни с кем не ссорился...» Что касается его политических взглядов и убеждений, то никто из допрошенных свидетелей ничего антисоветского за ним не замечал, никаких политических разговоров от него не слышали[1].

[1] ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 4. Д. СУ—5324. Т.1. ЛЛ. 30, 38.

Военный Трибунал Уральского Военного Округа провел дополнительную проверку по делу, и 26 сентября 1958 года Постановление Особой Тройки было отменено и дело прекращено за отсутствием состава преступления[2].

1943 год. В годы Великой Отечественной войны борьба с гражданами немецкого происхождения продолжается. Трагедия Марии Рихтер

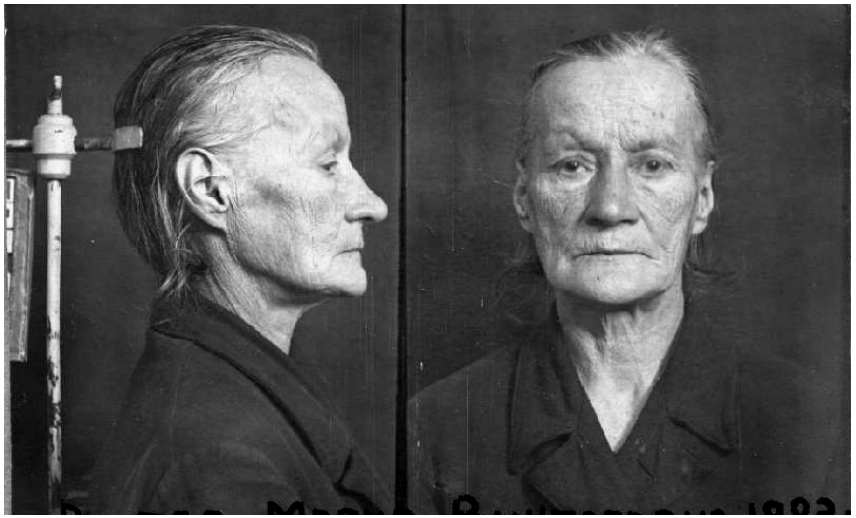
Есть еще один член этой семьи, попавший под жернова этой страшной мельницы, — это бонна детей старшего Бермана Рихтер Мария Викторовна. Я не оговорилась, назвав ее членом этой семьи. До самых последних дней своей жизни она пронесла любовь к этим детям, и они ей отвечали тем же. Имея немецкое подданство и воспитание, Мария Викторовна прививала любовь к немецкой культуре своим воспитанникам. После того, как дети выросли, а их воспитательница состарилась, она осталась жить в семье своего старшего воспитанника Юрия, а самым дорогим для нее человеком стала его дочка — Иветта.

Из воспоминаний И.Васениной-Берман:

«...Она была страшная кофеманка: все время пила кофе... Жила с детьми. Для меня стирала только она, маме не доверяла. Со мной ходила все время за ручку, водила в музыкальную школу.

Вот однажды была такая история: я была маленькая, а она любила ходить пить кофе в кондитерскую... В этой кондитерской она покупала себе кофе, мне пирожное... К октябрьским праздникам всегда делали выставки, оформляли окна, и в этом окне [этой кондитерской] *сидела кукла на машине и держала флажок. Я запросила: «Какая хорошая кукла, красивая, мне тоже надо такую». День рождения у меня 27 ноября, она, видно, сходила, договорилась, купила эту куклу ... 27-го утром я просыпаюсь, а мы с ней спали в одной комнате... и смотрю — у меня на стульчике сидит эта кукла. Конечно, радости было!*

[1] ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 4. Д. СУ—5324. Т.1. ЛЛ. 43-50.
[2] ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 4. Д. СУ—5324. Т.1. ЛЛ. 69, 69 об.

М.В. Рихтер. Фото из уголовно-следственного дела, 1943 г.

Очень хорошо помню — бабушка Мария Викторовна очень любила стряпать пирог «кафе-кухен». Пирог из кислого теста, внизу промазывала или вареньем, или повидлом, сверху второй слой теста, и сверху посыпка — масло, сахар и мука, все мешалось и посыпалось. Так вкусно!!! ...»

Кто же такая Мария Викторовна Рихтер?

Она родилась в 1883 году в Витебской губернии, в семье помощника начальника железнодорожной станции. С 6-ти лет воспитывалась у бабушки в г. Риге, так как рано осталось сиротой: мать умерла в год ее рождения, а отец в год ее 14-летия. В 8 лет бабушка отдала девочку в Рижский женский пансион, где она выучила немецкий язык. В 16 лет, после окончания пансиона служила гувернанткой у богатых хозяев в разных городах на Украине. В 1914 году, после начала 1-ой Мировой войны, имея немецкое гражданство, вместе с другими германскими подданными пыталась уйти от преследования со стороны властей и переехала в г. Житомир, но там получила приказание полиции в течение 24 часов оставить город. Она была выслана в г. Вятку и «поступила на службу к аптекарю Берману в качестве бонны»[1].

[1] ГАСПИ КО. Ф.6799. Оп. 3. Д. СУ—3873. Т.1. ЛЛ. 4-5, 10-11.

Арестовали ее 17 ноября 1942 года, «... как бывшую германскую подданную»[1]. На момент ареста М.В. Рихтер было 59 лет.

За стандартной фразой, записанной в обвинительном заключении: «Рихтер была враждебно настроена против Советской власти, высказывала недовольство жизнью в Советском Союзе, восхваляла условия и жизнь в Германии и немцев», кроется лишь уважительное отношение Марии Викторовны к культурному, грамотному и честному немецкому народу, каким она его знала, будучи немецкой гражданкой. Простая женщина наблюдала за прибывающими в госпитали города ранеными, жалела их: «...Красноармейцы питаются плохо и поэтому истощены», не понимала: «Почему же Красная армия отступает?»[2]

Из воспоминаний И.Васениной-Берман: *«...В деле по обвинению М.В., ее показания, рассказы о своей жизни, уж очень искренние, полны надежды на справедливое решение дела. Я в ее деле читала, что она спрашивала, почему наша армия отступает. Но ведь этот вопрос задавали почти все, не только она, не только граждане немецкого и польского происхождения, но и русские...»*

Ни на одном из 6-ти допросов Рихтер не признала свою вину.

26 июня 1943 года Особое Совещание при Народном Комиссаре Внутренних Дел СССР постановило: Рихтер Марию Викторовну за антисоветскую агитацию заключить в ИТЛ сроком на 5 (пять) лет.

А уже 21 июля 1943 года осужденная была этапирована на станцию Яр-Фосфоритная «в распоряжение начальника ВЯТЛАГА НКВД»[3].

Это испытание оказалось слишком тяжелым. Мужественная женщина, пережившая аресты двух ей самых близких людей, сама повторившая их судьбу, не вынесла ужасов жестокого следствия, несправедливого решения. 12 ноября 1943 года ее не стало.

Судьба Иветты Юрьевны Васениной-Берман

А как же сложилась судьба маленькой Иветты, дочери Ю. Бермана, внучки В. Бермана? Из воспоминаний И.Васениной-Беуман: *«...В годы войны мы жили на улице Молодой Гвардии, здесь приходилось дрова пилить, было печное отопление... Воду приходилось носить целый квартал, ... у нас грядки там были, рядом с оврагом, поближе к дому...*

[1] ГАСПИ КО. Ф.6799. Оп. 3. Д. СУ—3873. Т.1. Л. 1.
[2] ГАСПИ КО. Ф.6799. Оп. 3. Д. СУ—3873. Т.1. ЛЛ. 1, 1об.
3 ГАСПИ КО. Ф.6799. Оп. 3. Д. СУ—3873. Т.2. Л. 6.

Иветта Юрьевна Васенина (внучка В. Бермана) и Ирина Владимировна Годнева (дочь В. Бермана). Фото 1967 г.

Бабушка вторая (мамина мама) не отпускала гулять, пока 7 раз воду на коромысле не принесу, надо было поливать грядки... Очень тяжело было во время войны, особенно в 1941-42 годах, тяжко было голодно, карточки. Суп варили: картошка и морковь, и капуста, ешь, ешь, желудок набьешь, время какое-то прошло и снова пусто, хочется кушать... Зимой... катались с горок на лыжах, санках, только потрясывает... Очень интересно было жить в поповских домах ...»

Соседи по дому на улице Молодой Гвардии, как вспоминает Прасковья Кирилловна Безлюдько, знали, что рядом с ними живет семья бывшего владельца аптеки, но это не вызывало никаких пересудов, их даже в чем-то жалели. Видимо, все были заняты поисками куска хлеба, как говорится, было «не до пустяков».

В 1947 году Берманы переехали в другую квартиру, полублагоустроенную, с водой и теплым туалетом. Как вспоминает И.Ю. Васенина-Берман: «Жить стало полегче».

Иветта выросла очень похожей на своего отца. Но так получилось, что немецкие традиции в семье не сохранились: «не от кого было, разве что от бабушки», но и ее арестовали, когда девочка была совсем маленькой.

Она поступила в институт, но по семейным обстоятельствам учебу пришлось оставить. Пришлось идти работать. Помогло музыкальное образование, которое позволило устроиться музыкальным работником в детские учреждения. В них и проработала Иветта Юрьевна до выхода на пенсию.

К великому сожалению, от отца, деда, бабушки Марии Викторовны в семье Иветты Юрьевны почти не сохранилось никаких фотографий, книг, вещей. Сохранились только воспоминания о самых дорогих и близких людях. Они полны волнений, нежности и любви. Эти воспоминания, благодаря ей, бережно сохранятся в памяти ее детей и внуков.

Трагедия, коснувшаяся Иветты Берман, не отразилась на ее характере, не ожесточила ее. Это удивительно добрая, приветливая, любящая жизнь женщина. Я это почувствовала при личном общении. Обсуждая судьбу ее близких, Иветта Юрьевна печалилась о том, что только сейчас у нее появилась возможность открыто говорить об этом. Она была очень тронута моим участием в реабилитации доброго имени своих родственников. Особенно благодарна была за фотографии своего деда и отца, которые были мной найдены в процессе проведения исследования, так как весь семейный архив Берманов был утерян. Глядя в благодарные, наполненные слезами глаза пожилой женщины, я испытала чувство глубокого удовлетворения от проделанной мной работы.

Заключение

21 марта 1989 года Рихтер М.В.[1], а 18 июня 1992 года Берман В.Г.[2] Прокуратурой Кировской области были реабилитированы, как и Юрий Берман, который был реабилитирован ранее.

Имена всех троих занесены в Книгу Памяти жертв политических репрессий Кировской области[3].

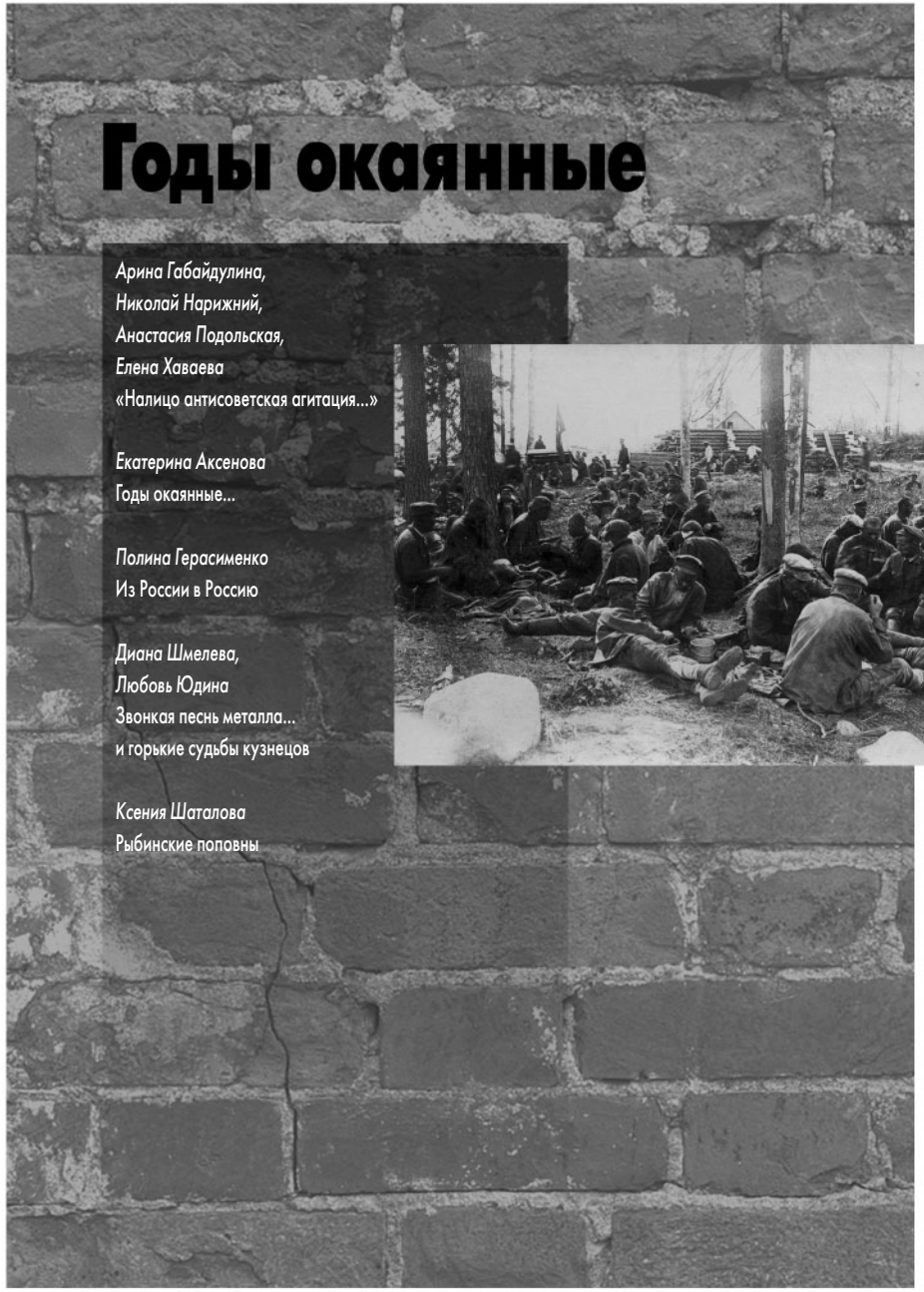
Я проследила судьбу только одной семьи из, троих немцев из 278, занесенных в Книгу Памяти жертв политических репрессий Кировской области. Конечно, каждая судьба трагична по-своему. Но есть и общее в их судьбе, судьбе граждан, удостоившихся особенно пристального внимания карательных органов. Люди были осуждены, расстреляны, отправлены в лагеря, не совершив преступления против своей Родины, против своего народа.

[1] ГАСПИ КО. Ф.6799. Оп. 3. Д. СУ—3873. Т.1. Л. 50.
[2] ГАСПИ КО. Ф.6799. Оп. 9. Д. СУ—11554. Т.1. Л. 67.
[3] Книга памяти жертв политических репрессий Кировской области. Т.4. С. 37, 202.

Очень горько, что пострадавшие, в том числе и семья Берманов, не нашли упокоения. Я могу только предположить места захоронения расстрелянных граждан — это Мезринское кладбище в г. Кирове. Сейчас там установлен памятный крест, на котором высечены слова поминальной молитвы: «Души их во благих водворятся и память их в род и в род». Каждый год, 30 октября, родственники погибших и пострадавших от репрессий собираются вместе и скорбят о происшедшем.

Очень приятно, что мое исследование оказалось полезным для потомков Бермана, особенно для Л.К. Годнева, внука В. Бермана, для которого это исследование было настоящим открытием. Годы строительства «светлого будущего» стерли из памяти все, что было связано с прошлым, родственники боялись хранить в семейных архивах какие-либо сведения о своих известных предках.

А сегодня, когда с каждым днем возрастает интерес к прошлому, особенно интерес к своим «корням», каждая крупица собранного материала превращается в целую историю.

Арина Габайдулина

Николай Нарижний

Анастасия Подольская

Елена Хаваева

Воронежская обл., Аннинский р-н, с.Новый Курлак, средняя школа, 11 класс.
Научный руководитель: Н.А.Макаров

«Налицо антисоветская агитация...»

На этот раз нам буквально через пять минут принесли дело № П-19644. Читая его, понимаешь, что 1932-33 годы были страшными. Могли посадить любого, кто скажет что-либо против советской власти, кто не хотел отдавать последнее из нажитого колхозу.

1929: Год великого надлома

Организационное собрание, на котором новокурлакские крестьяне должны были решить, нужен им колхоз или нет, состоялось 17 сентября 1929 года. Но решение уже было принято за них. Из района привезли и человека, которого необходимо было «выбрать» председателем. Его звали Василий Бирюков. Он — один из рабочих-двадцатипятитысячников, откликнувшихся на призыв большевиков «помочь становлению новой жизни на селе». Среди старожилов Нового Курлака нет полной уверенности в том, откуда появился Бирюков — то ли из Москвы, то ли из Тулы. Его выделяли пальто городского покроя и кожаная фуражка.

Свою «предвыборную речь» он начал с того, что весной все межи будут распаханы. По воспоминаниям С.П. Рогулькина[1], Бирюкову была

[1] Макаров Н.А., Микляева М.М. История села Новый Курлак. Рукопись, с.101.

Новокурлакские колхозники начала 30-х гг.

присуща такая характерная черта: он любил размахивать при разговоре руками и при этом громко свистеть. «Кто будет мешать распахивать межи (взмах рукой и свист) — с тем разделаемся по законам революционного времени», — говорил посланец партии.

Далеко не всем понравилось выступление оратора. Несмотря на то, что советской власти было уже почти двенадцать лет, в деревне оставались ещё крестьяне, имевшие хорошие избы, крытые железом, надворные постройки, скот, землю. Безусловно, им колхозы были ни к чему.

Но были и такие, кому коллективизация оказалась на руку. Это так называемая беднота, понявшая, что им без всяких усилий с их стороны перепадёт неплохая доля общего пирога.

По словам С.П. Рогулькина, собрание 17 сентября 1929 года в Новом Курлаке выдалось бурным. Среди прочих выделялся голос Данилы Ивановича Бассардинского. Он утверждал, что лучше нынче же повеситься, чем идти в колхоз. И многие прислушались к мнению контроратора[1]. Собрание, по существу, было сорвано.

[1] Там же.

Д.И. Бассардинский – один из активнейших противников колхозов в Новом Курлаке.

Но Бирюков знал, что если он, посланец партии, не справится с порученным ему заданием, то по головке его не погладят. На следующее утро были организованы группы активистов, которые обошли каждый курлакский двор. Действовали уговорами, а чаще угрозами: дескать, не пойдёшь в колхоз добровольно, так заставим всё равно.

Возглавляли такие группы коммунисты. В них в обязательном порядке включалась и «беднота».

Необходимо выделить Никиту Стефановича Суркова, имя которого стало нарицательным в Новом Курлаке. Легендарной стала уже его внешность. Мы видели это лицо на фотографиях времён коллективизации. В селе имели обыкновение пугать «Микитой» Сурковым, как пугают «сереньким волчком», маленьких детей. Ещё издали завидев его, ребятишки разбегались кто куда.

Это был горячий энтузиаст строительства новой, колхозной жизни. В 1929 году ему было уже 58 лет, но ни кола, ни двора он так и не нажил.

В колхоз он записался одним из первых, хотя после его создания нигде не работал, кроме как в «активистах». «Я вас собрал, а вы теперь работайте», — сказал он на общеколхозном собрании. Он считал, что, «собрав всех», выполнил свою историческую миссию.

Когда многие курлаковцы не захотели сразу же писать заявления о приёме в колхоз, к ним направляли Никиту Суркова. Он приходил со своей знаменитой пикой — длинным железным прутом с заострённым концом. И всегда находил хлеб, хотя до этого другие активисты уже проводили тщательную проверку.

Под разгром Суркова попадало не только «кулачьё», но и совсем немощные старики. «Микита» чувствовал себя хозяином. Он запросто мог зайти в дом, залезть рукой в чугунок со щами, находил мясо, доставал его и съедал. Семье приходилось доедать щи, «освящённые дланью» активиста.

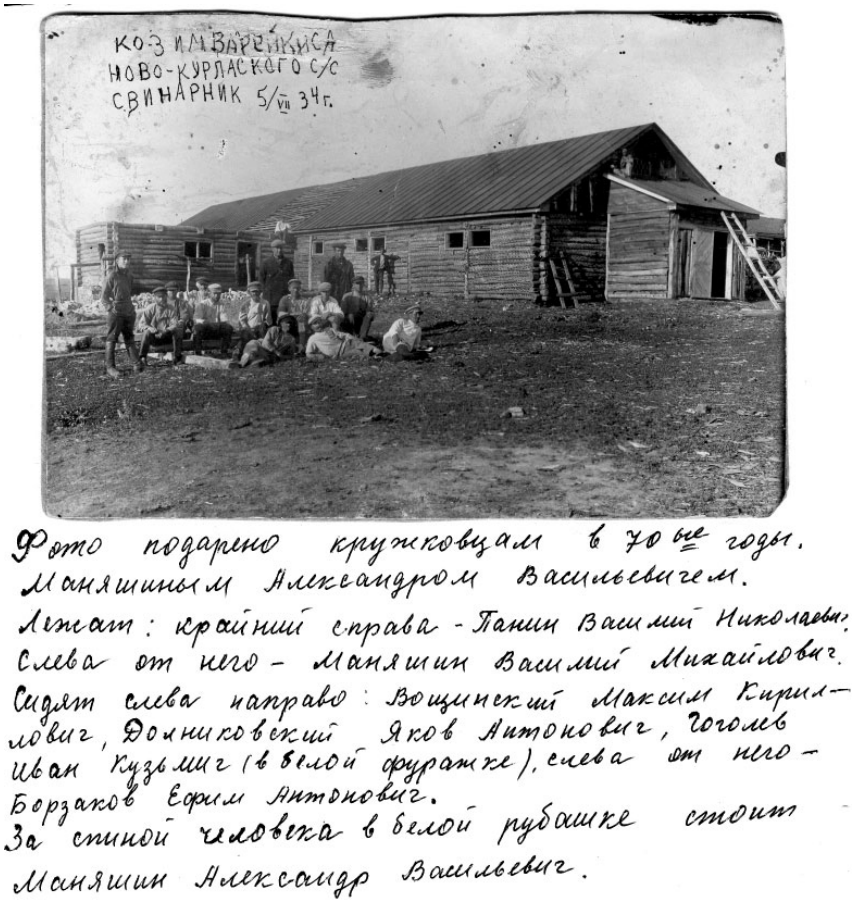
Новокурлакская ячейка ВКП(б) к ликвидации кулака как класса готова февраль 1930 г.

Колхоз в Новом Курлаке получил имя И.М. Варейкиса, который был тогда первым секретарём Центрально-Чернозёмного обкома ВКП (б).

Недовольных новыми порядками было немало. Уже в ноябре, а точнее 7 ноября, в самый крупный большевистский праздник, это недовольство вылилось в открытое сопротивление. На сельсовете была приклеена листовка, где жители села призывались «браться за оружие» и «бить этих коммунаров», так как группы активистов продолжали вычищать хлеб до зерна и заставлять сельчан пополнять собой списки колхозников.

В принципе, крестьяне были не против советской власти как таковой. В годы нэпа они жили относительно неплохо — по сравнению с безземельем до 1917 года и несколькими годами спустя, в Гражданскую войну. Они признавали виновниками всех бед именно коммунистов, которые, как им казалось, извращали идеи советской власти и революции. Вот почему выступление произошло 7 ноября, в день революции.

13 ноября ОГПУ были арестованы двенадцать жителей села Новый Курлак. Они обвинялись в «изготовлении и распространении

Свинарник, построенный в колхозе им. Варейкиса в 1934 г.

листовок, содержащих в себе призыв населения к восстанию против советской власти».

Кто же они, эти «враги»? Об этом можно узнать из материалов архивно-следственного дела, хранящегося в ГАОПИВО (государственный архив общественно-политической истории Воронежской области, фонд 9353, опись № 2, дело № П-20599). Эти материалы использованы в рукописной книге «История села Новый Курлак», откуда мы их и взяли.

По делу проходили:

1. Расторгуев Анатолий Иванович, 1869 года рождения, уроженец с. Н. Курлак Аннинского района Усманского округа ЦЧО, русский, женат, малограмотный, не судим.
2. Рыбников Дмитрий Андреевич, 1889 г. рожд., уроженец с. Н. Курлак Аннинского р-на Усманского округа ЦЧО, русский, женат, образование среднее, беспартийный, не судим.
3. Проторчин Никифор Михайлович, 1881 г.р., ур. с. Н. Курлак Аннинского р-на Усманского округа ЦЧО, русский, женат, грамотный, беспартийный, не судим.
4. Курзанов Пётр Тихонович, 1891 г.р., ур. с. Н. Курлак, русский женат, грамотный, беспартийный, не судим.
5. Курзанов Фёдор Макарович, 1885 г.р., ур. с. Н. Курлак, русский, женат, малограмотный, беспартийный, не судим.
6. Борзаков Кузьма Филиппович, 1875 г.р., ур. с. Н. Курлак, русский, женат, грамотный, беспартийный, не судим.
7. Поздняков Дмитрий Григорьевич, 1875 г.р., ур. с. Н. Курлак, русский, женат, грамотный, беспартийный, не судим.
8. Бассардинский Данила Иванович, 1872 г.р., ур. с. Н. Курлак, русский, женат, малограмотный, беспартийный, не судим.
9. Желнинский Филипп Ильич, 1872 г.р., ур. с. Н. Курлак, русский, женат, неграмотный, беспартийный, не судим.
10. Поздняков Иван Васильевич, 1879 г.р., ур. с. Н. Курлак, русский, женат, неграмотный, беспартийный, не судим.
11. Корнюшин Василий Иванович, 1888 г.р., ур. с. Н. Курлак, русский, женат, малограмотный, беспартийный, не судим. С 1910 г. служил в царской армии. Был в плену в Германии.
12. Матросов Павел Тарасович, 1883 г.р., ур. с. Н. Курлак, русский, женат, малограмотный, беспартийный, не судим.

Кроме того, на некоторых обвиняемых в деле имеется справка, выданная сельсоветом и подписанная его председателем Лабутиным. Эти справки расширяют сведения о заговорщиках:

«Справка сия дана от Н.Курлакского с/совета в том, что у священника Рыбникова из имущества нет ничего, находится на квартире, прибыл в Н. Курлак в 1928 г. неизвестно откуда. Имел связь с кулацко-зажиточной частью села. Наблюдались такие случаи: под лозунгом религиозных обрядов вербовал вокруг себя граждан населения. Имел случаи пьянки, с кулаками».

«Справка дана Н. Курлакским с/советом в том, что у Корнюшина В.И.

имеется в настоящее время 2 хаты, крытые железом, 2 амбара, крытые железом, надворная постройка, крытая соломой, одна рига, 2 лошади, 2 коровы, 14 овец, арендной земли 4,8 дес. В весеннюю хлебозаготовку агитировал за несдачу излишка хлеба, в настоящее время оштрафован вторично за несдачу излишков хлеба государству. Имеет сезонных батраков. До революции жил зажиточно. В настоящее время настроен антисоветски».

«Справка дана от Н.-Курлакского с/с в том, что у Расторгуева А.И. из имущества ничего нет ввиду отчуждения по хлебозаготовке весной. Расторгуев — бывший местный помещик, до революции имел большую территорию леса и земли, производство — мельницу, сукновалку и толчею, постоянных рабочих. Эксплуатировал чужой наёмный труд до 1928/29 г.г. Имел связи с кулацко-зажиточным классом. В 1926/27 г. был арестован по подозрению в контрреволюционном заговоре».

«Справка дана от Н.-Курлакского с/с в том, что у Проторчина Н.М. имеется дом-пятистенник, крытый железом, надворные постройки, рига, 1 корова. До революции занимался крупной торговлей, в данное время тоже занимается торговлей. В весеннюю хлебозаготовку был оштрафован. В данное время тоже оштрафован и отчуждено всё имущество за неуплату с/х налога. Индивидуально обложен в сумме 254 руб. 28 коп. Лишён земельного надела за тормоз хлебозаготовки».

«Справка дана от Н.-Курлакского с/с в том, что в хозяйстве Борзакова Кузьмы Филипповича имеется пятистенник, крытый железом, 1 лошадь, 2 коровы, 7 овец, 1 свинья, 1 амбар, надворная постройка, рига. Арендной земли имеет 3 дес. В весеннюю хлебозагоовку был оштрафован, в данное время тоже оштрафован. Ранее служил в полиции приставом. Хозяйство зажиточное. Лишён избирательных прав. Отец Борзакова был старшиной».

«Справка дана от Н.-Курлакского с/с Желнинскому Ф.И. в том, что он имеет в настоящее время 1 дом-пятистенник, крытый железом, второй дом-пятистенник, крытый черепицей, 2 амбара, крытые железом, 2 лошади, 3 коровы, 15 овец, надворную постройку, арендной земли 2 дес. С/х налога платил 30 р. 70 коп. В весеннюю хлебозаготовку оштрафован за невывоз излишков хлеба. В настоящее время оштрафован вторично. Хозяйство считается зажиточным»[1].

Если отбросить явно враждебный политически окрашенный стиль справок, то становится понятным, почему эти жители Нового Курлака

[1] Материалы архивно-следственного дела № П-20599 // Макаров Н.А., Микляева М.М., «История села Новый Курлак», стр. 195-199.

выступили против образования колхоза. Их уже грабили весной 1929 года, а осенью отняли последнее.

Их посадили в тюрьму и больше месяца вели следствие. В итоге 24 декабря по делу о «восстании» старший уполномоченный ОГПУ Меньшиков составил обвинительное заключение:

«В ноябре месяце 1929 г. в окружной отдел ОГПУ поступили сведения о том, что в с. Новый Курлак Анненского района бывший помещик Расторгуев, бывшие урядники и надзиратели Поздняков и Борзаков, бывший торговец Проторчин, поп Рыбников и группа кулаков ведут агитацию против хлебозаготовок и коллективизации, призывают население к вооружённому восстанию против сов. власти и распространяют контрреволюционные воззвания.

После проверки сведений по этому делу окружным отделом были арестованы и заключены 21.11.29 г. под стражу: Бассардинский Д.И., Желнинский Ф.И., Рыбников Д.А., Поздняков И.В., Расторгуев А.И., Корнюшин В.И., Курзанов Ф.М., Курзанов П.Т., Проторчин Н.М., Поздняков Д.Г., Борзаков К.Ф. и Матросов П.Т.

В результате следствия было установлено:

В селе Новом Курлаке бывший помещик, до революции имевший 700 дес. леса и 3000 дес. земли и 2 кож. завода, Расторгуев Анатолий Иванович создал кулацко-помещичью группировку и вёл контрреволюционную работу.

Они устраивали в доме бывшего урядника Позднякова нелегальные совещания, на которых обсуждали вопросы: о методах противодействия хлебозаготовкам, коллективизации и об организации восстания против советской власти. Иногда собирались у бывшего надзирателя Борзакова и других участников группировки.

Вся эта группа обвиняемых собирается и обсуждает вопросы о срыве строительства сов. власти (свид. Сурков Н.С.). Собираются они под видом кружка по пчеловодству, а ведут разговоры против власти (свид. Прокудин С.И.)

Тайные собрания устраивались часто. Они договаривались об открытом выступлении против сов. власти (свид. Щербаков). Однажды обвиняемый Курзанов Ф.М. сказал так: «Я же говорил вам, что не нужно собираться у меня» (показания обвиняемого попа Рыбникова).

Помимо общих таких нелегальных совещаний были ещё узкие совещания в доме Расторгуева, где присутствовали только Расторгуев, Поздняков Д.Г., Поздняков И.В., на которые они совершенно никого не пускали.

Например, участник этой группировки Бассардинский Д.И. в своём показании говорит: «Когда к Расторгуеву приходили бывший полицейский Поздняков Д.Г. и Поздняков И.В., то он в дом к себе больше никого не пускал. Разговоры вели за чаем».

Кроме того, с Расторгуевым имеют общение крестьяне и с других сёл. Из их показаний видно, что он намеревался организовать суконвальную артель, думая, что сам останется хозяином.

Накануне 12-й годовщины Октябрьской революции этой группой было написано воззвание и вывешено на столб возле помещения с/совета.

По поводу этого восстания бывший урядник Поздняков показал, что от группы женщин он слышал о расклейке антисоветской листовки, но от кого персонально он об этом слышал, запомнить не мог. А потом заявил, что нет, узнал об этом от своей снохи, Поздняковой Елены Васильевны, кроме того, показал, что это воззвание со столба было сорвано председателем с/ совета, но как он об этом узнал, не помнит. На вопрос, откуда ему было известно, что это воззвание контрреволюционного характера, Поздняков заявил, что он затрудняется ответить, а затем показал, что его сноха, рассказывая о листовке, произнесла слова: «Протест против СССР». В разговоре с Бассардинским Д.И. о прокламации последний заявил, что он раньше знал о её выпуске, также знал и Матросов (показания обвиняемого Рыбникова).

Будучи уже арестованным и во время сидки Поздняков Д.Г. говорил: «Я знал, что нас арестуют, мне об этом было передано, нужно было бы бежать — немного не управились». А Расторгуев в беседе с Поздняковым заявил, что он тоже узнал об аресте, дурак он был, когда пошёл в совет. Нужно было идти в Анну, садиться на поезд и уехать. Уехать они собирались к брату Расторгуева, Михаилу Ивановичу, который неизвестно куда скрылся (показания Бассардинского А.И.)

Угрожали убийством сельским активистам, говорили, что они скоро будут громить колхозы и призывали население к восстанию против сов. власти. Они говорили: «За то, что Борзаков Н.В. член комиссии по хлебозаготовке, посажу его на вилы». (Бассардинский Д.И.) «Проторчин угрожал мне убийством за мою работу по хлебозаготовке». (свид. Сурков Н.С.) Обвиняемый Рыбников показал: «Во время конвоирования нас в Усмань Корнюшин В.И. говорил, что они пропали через одну сволочь» (воззвание сорвали Долниковский и Лыгина), а Бассардинский Д.И. заявил, что эту «сволочь» нужно уничтожить, так как они нам вредят.

«Власть скоро переменится, колхозников будем рубить, выписывайтесь из колхозов». (Расторгуев).

«22 ноября 1929 г. все колхозники без крестов будут вырезаны. Кто не хочет сов. власти, надевайте кресты, а иначе вас вырежут». (Проторчин, Матросов)

«Сов. власть грабит крестьян, не подчиняйтесь, нужно дать ей отпор и свергнуть». (Бассардинский Д.И., Желнинский) <...>»[1].

26 декабря 1929 года состоялась коллегия ОГПУ, по постановлению которой все двенадцать жителей Нового Курлака получили разные сроки наказания: Расторгуев А.И. 10 лет концлагеря, Рыбников Д.А., Проторчин Н.М., Курзанов П.Т. и Курзанов Ф.М. — по 5 лет концлагеря, Борзаков К.Ф., Поздняков Д.Г., Бассардинский Д.И., Желнинский Ф.И. и Поздняков И.В. были высланы на 5 лет в Северный край, Корнюшин В.И. и Матросов П.Т. были высланы на три года в Северный край.

Так была на корню подавлена попытка сопротивления колхозам в Новом Курлаке.

Вслед за созданием колхоза началось раскулачивание. Курлакских кулаков распределили по категориям. Самой многочисленной оказалась I категория, то есть те, кто, по мнению властей, были смертельно опасны для колхозного строя (15 хозяйств, 34 человека); 12 хозяйств (17 человек) были причислены ко II категории. Кулаков этих двух категорий ждала печальная участь: высылка с семьями в холодные, необжитые края, где им предстояло работать в условиях каторги.

В III категорию вошло 8 хозяйств (13 человек). Этих людей выселили из Курлака, но в пределах Центрально-Чернозёмной области.

Всё имущество «ликвидированных» было отобрано, их дома заселялись ушлыми активистами, а в жениных и дочерних юбках и платках щеголяли жёны и дочери членов ячейки ВКП(б).

Невозможно не поразиться, когда читаешь описи отобранного добра, какой мелочью не погнушались комиссии по раскулачиванию: тут и «гарба неисправная», и «две дерюжки старые», и «самовар подержанный», и «доски на полатях», и «два старых пиньжака».

В Новом Курлаке жил в то время Василий Карпович Гоголев, тихий, незлобивый и вроде бы не ленивый крестьянин. Но он не имел хозяйской хватки, ютился со своей старухой в избе-завалюшке, питался на случайные заработки. Его то и дело включали в разные группы по раскулачиванию. Правда, активистом он был никаким, но как бедняк попадал в комиссии для численности. Он не отказывался, думал, что начальству виднее. Но и по «кулацким» сундукам не шарил.

[1] Материалы архивно-следственного дела № П-20599 // Макаров Н.А., Микляева М.М., «История села Новый Курлак», стр. 209-212.

В.И. Корнюшин (стоит слева) во время отбывания высылки в Северном крае.

По соседству с Карпычем (так его, только по отчеству, называли в селе) на той же улице Красный Лог жил Михаил Семёнович Козин — самый что ни на есть ретивый активист.

И вот когда «кулацкий класс» был выселен из Курлака, Козин предложил Карпычу перейти в один из ставших пустыми домов. Старик сначала отнекивался, а потом согласился.

Не сумел Карпыч ужиться в чужом доме, ему стали чудиться среди ночи голоса прежних хозяев. Он пошёл к Козину и объявил, что возвращается в своё хозяйство. Тот жарко начал переубеждать неразумного старика, но безуспешно. Наконец, Карпыч предложил такой вариант: «Давай, Мишка, я поселюсь в твоей избе, а ты иди сюда». Посмеялся Козин над такой хитростью соседа и принял «компромиссное» предложение.

Козина никакие голоса не допекали.

7 ноября 1929 года (в тот самый день, когда подняли «восстание» курлакские мужики) в главной партийной газете СССР «Правда» была опубликована статья Сталина «Год великого перелома». Мы же считаем, что этот год гораздо точнее надо было бы назвать годом великого надлома, так как российской деревне больше не удалось подняться.

1933: «Что посеешь...»

В селе Новый Курлак было образовано два колхоза. Один, имени Варейкиса, считался крупным, туда определили большую часть крестьянских хозяйств. Другой — имени IX съезда ВЛКСМ — находился на отшибе и был маломощным. В 1950 году оба колхоза «слили», но вначале они являлись самостоятельными единицами колхозного строя.

В 1932 году колхоз имени IX съезда ВЛКСМ в общей сложности собрал 899 центнеров всех видов зерновых — год оказался неурожайным. Район спустил колхозу «твёрдый» план хлебосдачи — 700 центнеров. И это при том, что весной необходимо было высеять 400 центнеров. А ведь надо бы и крестьянам было что-то дать на трудодни. Самые простые арифметические действия сложения и вычитания говорят, что план хлебозаготовок был абсолютно нереальным.

1932-1933 годы стали пиком борьбы сталинского режима за так называемые хлебозаготовки. Чуть ли не по всей стране эта борьба спровоцировала страшный голод, который остался в памяти людей на всю жизнь.

«Социалистическое государство» принимало против людей всё новые репрессивные меры. Во-первых, партийному руководству на местах разрешили конфисковать зерно в личных хозяйствах. Во-вторых, появился закон «о трёх колосках», в котором говорится, что каждого пойманного взрослого и ребёнка с горстью колхозного хлеба ждёт суровая кара, так как воровство зерна — это антисоветское действие. Газеты клеймили «кулацкие махинации» колхозов: «сперва себе, а потом государству».

На этом фоне становится понятной история, случившаяся в конце 1932 — начале 1933 годов в колхозе имени IX съезда ВЛКСМ. Трое жителей села (Шивинский К.Т., Борзаков М.П., Матросов Е.М.) стали обвиняемыми по ст. 58/10 УК РСФСР — антисоветская агитация и пропаганда.

Митинг, посвящённый первому выезду в поле (с. Моховое, 1930 г.)

Мы ездили в Воронеж, в архив, и читали архивно-следственное дело на них. Для нас это была очень интересная поездка. Мы представляли себе, что архив — это огромные залы с громадными полками, шкафами, где пылятся папки. Но мы очутились в маленькой светлой комнатке с невысокими шкафчиками. Это был читальный зал. Там сидела молодая сотрудница. Когда мы спросили нужное нам дело, она не дала его нам, сказав, что необходимо получить разрешение родственников.

Наш руководитель Николай Александрович Макаров ходил к директору архива, но он ему тоже отказал, сославшись на то, что срок секретности таких дел 75 лет, то есть мы могли бы познакомиться с ним только в 2008 году.

Мы не сдались: взяли старые газеты и искали в них статьи, заметки о хлебозаготовках. Листая давнишние подшивки, мы листали страницы истории. Мы очень аккуратно переворачивали листы, так как боялись, что они рассыплются в наших руках.

Нам ещё раз пришлось ехать в архив, через месяц. За это время Николай Александрович связался с председателем Воронежского «Мемориала» В.И. Битюцким., который лично знаком с директором архива. Вячеславу Ильичу удалось убедить директора разрешить нам поработать с делом. В Воронеж мы ехали радостные, с ожиданием успеха в поисках нужной информации.

У железного коня (1933 г.)

На этот раз нам буквально через пять минут принесли дело № П-19644. Читая его, понимаешь, что 1932/33 годы были страшными. Могли посадить любого, кто скажет что-либо против советской власти, кто не хотел отдавать последнее из нажитого колхозу. А ведь осуждённые крестьяне не выступали против колхозного строя как такового, они просто пытались доказать очевидное.

В состав «антисоветской группы» (как они названы в деле) входили:

— Шивинский Кирилл Трофимович, 1877 г.р., полевод колхоза им. IX съезда ВЛКСМ; в семье были две дочери (16 и 3 лет), два сына (11 и 8 лет), отец Трофим Васильевич, 95 лет; жена умерла.

— Борзаков Митрофан Павлович, 1907 г.р., завхоз колхоза им. IX съезда ВЛКСМ; жена Мария 22 лет, сын Иван 5 лет, дочь Анна 4 лет, дочь Александра 1 года.

— Матросов Егор Авдеевич, 1900 г.р., рядовой колхозник; жена Анна 28 лет, дочь Клавдия 9 лет, сын Владимир 6 лет, сын Иван 3 лет, сын Дмитрий 2 лет.

В середине ноября 1932 года в худосочном колхозе имени IX съезда ВЛКСМ проходили бурные собрания. Колхозники, отработавшие

весь сезон за «палочки», понимали, что если отправить собранный ими урожай в район, то сами они останутся с носом. Они кричали: «Отвезёте хлеб, а сами останемся голодными».

Районное начальство понукало председателя колхоза Бузина, но он ничего не мог сделать: колхозники преграждали дорогу нагруженным подводам. Бузина сняли с должности, исключили из рядов ВКП (б). Он подговорил Шивинского К.Т., как члена правления колхоза, написать в свою защиту письмо в районную газету. Шивинский поддержал бывшего начальника и взялся за перо. Это письмо в «Крестьянскую газету» и стало основной уликой антисоветской деятельности новокурлакских крестьян:

«Тов. Редактор.

Прошу пояснить мне заметку в вашей газете. Новокурлакское бюро ячейки совместно с сельсоветом додумались до точки, что в колхозе имени IX съезда ВЛКСМ урожайность в 1932 году совершенно слабая по всем видам культур, а именно урожай ржи намолочено 401 [подчёркивания в тексте письма сделаны сотрудниками органов ОГПУ] *центнер, овса 275 центнеров, пшеницы яровой 24 центнера, гороху 27 центнеров, ячменя 12 центнеров, проса 120 центнеров, вика зерно 40 центнеров. Пшеница озимая совершенно погибла. Ничего не даёт сдачи излишков хлеба государству.*

Вышестоящие органы дали такой план:

1. Сдать ржи 200 ц., овса 275 ц., гороха 130 ц., ячменя 12 ц., проса 91 ц., вики зерна 40 ц.
2. План посева на 1933 г.: ржи и пшеницы — 201 ц., овса 105, вики зерна 15 ц., вики на сено 45 ц., пшеницы 12 ц., гороху 20 ц., проса 6 центнеров.

Ввиду недорода план по хлебозаготовкам выполнить невозможно. Сняли предколхоза товарища Бузина Е.К. с работы с исключением из партии В.к.п.б. с отдачей под суд. Моё личное соображение — действие Н.Курлакского бюро ячейки таковое, что если хлеб не уродился и пропал, то член партии должен погибнуть, это бы хорошо, если такое в одном колхозе, а если по всему Союзу это делается, то и вся партия должна погибнуть. Работа Новокурлакского сельского совета неверна, и нужно это проверить редакцией «Крестьянской газеты»[1].

1 Материалы архивно-следственного дела № П-19644 / ГАОПИВО, ф. № 9353, опись № 2. Л.д.8.

Районная газета была подотчётна партийному комитету, поэтому содержание письма быстро стало известно первым лицам района. Была дана команда в районное отделение ОГПУ, и следователь Чеботарёв начал розыск.

Против грабительской хлебозаготовки были все колхозники колхоза им. IX съезда ВЛКСМ, но всех-то не арестуешь: кто будет сеять весной? Вот и нашли «козлов отпущения»: автора письма в газету Шивинского, завхоза Борзакова, у которого в амбаре отыскали 15 пудов припрятанного колхозного зерна, и Матросова, дружившего с этими двумя.

Все трое собрались в доме сапожника Железняка Егора Николаевича. На беду троицы мимо избы шёл член сельсовета Прокудин С.Е., которого они зазвали к себе. За столом колхозники разоткровенничались, стали жаловаться представителю советской власти. Прокудин потом и сдал их. В его показаниях написано:

«Кулаки Шивинский, Борзаков и Матросов занимались саботажем, они выступали против принятия хлебозаготовок. Кулак Шивинский говорил: «План хлебозаготовок нереален — выполнять его не нужно, это равносильно развалить колхоз». 15.11.1932 г. эта группа кулаков меня позвала в хату сапожника Железняка, подносили выпить, в это время Шивинский сказал: «Нажимай вывозить хлеб единоличникам, колхоз не трогай насчёт хлеба, а то развалится».

То есть Шивинский действительно болел душой за колхоз, что объяснимо: он занимал там достаточно высокую должность, поэтому был кровно заинтересован в том, чтобы зерно оставалось в колхозных закромах (он имел к ним доступ).

Следователь Чеботарёв без труда отыскал ещё нескольких свидетелей, которые охотно поделились с ним репликами, услышанными от «кулаков» (хотя сами на собраниях выкрикивали то же самое):

«15.11.32 г. среди колхозников 10 чел. Шивинский говорил: «Хлеб вывозить не нужно, если вывезти, то сами будем побираться, как украинцы».

28.10.32 г. Борзаков мне говорил: «На копку и возку сахсвеклы мы не пойдём, т.к. не дают хлеба, а раз хлеба не дают, и работать мы не будем».

8.11.32 г. Борзаков в группе колхозников 15 чел. говорил: «100 ц. выполним государству, и хватит, а остальное возить не нужно».

13.10.32 г. Матросов в группе 8 чел. говорил: «Мы в колхозе работаем за одни трудодни, денег нам не платят и ничего не дают, скоро нам придётся ходить голыми и босыми и никто о нас не заботится».

10.11.32 г. Матросов в группе колхозников 10 чел. говорил: «План не реален, если мы выполним хлебозаготовку, то сами останемся голодными и будем в таком положении, как на Украине. Сперва нужно раздать хлеб колхозникам, а что останется, — сдать государству».

«13.11.32 г. среди колхозников в группе 8 чел. Шивинский говорил: «Вот мы в колхозе работаем за одни трудодни, денег нам не платят и ничего не дают, скоро нам придётся ходить голыми и босыми, и никто о нас не беспокоится, так что нет никакого смысла работать в колхозе».

6.10.32 г. группа кулаков Шивинский, Борзаков и Матросов на собрании при обсуждении плана мясозаготовки говорили: «План мясозаготовок невыполним, принимать его не надо».

«4.11.32 г. у правления колхоза было запряжено 12 подвод для отправки хлеба в Анну. Шивинский эти подводы проводил обратно и хлеб сдавать не допустил.

6.11.32 г. в момент обсуждения вопроса об отправке хлеба в Анну в правление колхоза вошёл Шивинский К.Т., который заявил: «Отправляйте, а завтра будем подыхать, как подыхали когда-то лошади без корма».

Следователь Чеботарёв делает вывод:

«Итак, налицо антисовагитация, которую проводила вышеуказанная группа в целях срыва хозяйственно-политической кампании, и на этой основе разложение колхозной массы — в конечном счёте ставили задачу развала колхоза».

Допрошенные следователем Шивинский, Борзаков и Матросов своей вины не признали, но их участь была предрешена: надо же было выставить перед колхозниками пугало, а то разнесли бы колхоз по кирпичикам. Местные власти очень быстро отреагировали на «преступление», узнав об аресте трёх колхозников. Уже 19 ноября в стенгазете сельсовета «За ударные темпы» появилась «молния» с такими броскими заголовками: «Укрыватели хлеба играют кулаку на руку» (о Борзакове, у которого нашли спрятанный хлеб), «Не борются за урожай и тормозят хлебозаготовки» (обо всех троих). Среди прочего в последней заметке говорилось: «В колхозе им. 9 съезда ВЛКСМ обнаружено не заприходованного хлеба 50 ц разных зерновых культур. В озадьях, если их просортировать, можно насортировать зерна 40 ц».

Эти «материалы» тоже помещены в деле и фигурируют как доказательство вины Шивинского, Борзакова и Матросова. Шивинскому

К.Т. и Борзакову М.П. дали по 5 лет концлагерей. Хлеб из колхоза имени IX съезда ВЛКСМ, конечно, забрали.

Но уже в январе 1933 г. перед властями встала задача другого рода: что сеять? При райкоме ВКП (б) был организован специальный «посевной комитет», который заседал через каждые пять дней. На нём присутствовали первые лица района. На заседания вызывали провинившихся председателей колхозов и сельсоветов и щедро раздавали наказания. Как пример — постановление заседания комитета от 30 января 1933 г.:

«За слабую работу по сбору семенного и страхового фонда и непредставление к 25.01.33 г. сводок о ходе подготовки к весенней посевной кампании и сбора семфонда объявить выговор председателям следующих сельсоветов: Старо-Тойденского, Нащёкинского, Больше-Ясырского, Алексеевского, Садовского, Ново-Курлакского, Старо-Курлакского и Рубашевского; обязать под их персональную ответственность обеспечить к 5.02.33 г. полную засыпку семфонда в колхозах и обеспечить регулярное представление каждые пять дней сводок о ходе подготовки к весенне-посевной кампании и засыпки семян .<...>

Предупредить председельсоветов и секретарей партячеек, что в случае необеспечения семенами к 5.02.33 г. будут привлечены к партийной и административной ответственности».[1]

Как говорится, что посеешь, то и пожнёшь. Вот только сеять в 1933 году было нечего.

1935: «Вредитель»

Крестьян в колхозы вынуждали идти насильно, отбирая у них скот, наказывая вольнодумцев, которые имели своё мнение на этот счёт. Уклонение от колхозных работ расценивалось как преступление, подпадавшее под знаменитую 58-ю статью.

Это можно увидеть и на примере истории жителя Нового Курлака Фёдора Андреевича Гоголева. Он был слишком несдержанным на язык и вовремя не понял, что язык куда безопаснее держать за зубами.

Производительность колхозного труда была невелика, отсюда и репрессии со стороны властей. Нужно было запугивать крестьян, поэтому отыскивали «вредителей» и устраивали «показательные» суды.

Федора Гоголева арестовали 10 января 1935 года. В постановлении о возбуждении против него уголовного преследования говорится, что он уроженец и житель села Новый Курлак Садовского района Воронежской области. Садовский район только-только появился на карте Воронежской области (с 1 января 1935 года), поэтому там ещё не успели создать райотдел НКВД. Поэтому следствие вёл уполномоченный УГБ Анненского РО НКВД Чубаров. Он обосновал вину Гоголева при помощи таких аргументов:

«Гражданин Гоголев Фёдор Андреевич, 1885 г.р., уроженец и житель села Новый Курлак Садовского района Воронежской области, русский по национальности, колхозник, занимается хлебопашеством, в колхозе работает недобросовестно, среди колхозников колхоза им. Варейкиса ведёт антисоветскую агитацию, говоря: «Само правительство занялось спекуляцией, у крестьян берут по 90 копеек за пуд, а продаёт по 40 рублей за пуд». Принадлежащую колхозу вику отказался веять, заявил: «Пусть всё пропадёт, государству сдадут, и ничего не останется, пусть отвечают те, у кого толстый партбилет в кармане». При массовом приливе в колхоз Гоголев сказал: «Пошли люди прыгать в мутное болото колхоза».

Действия его преступления предусмотрены законом соввласти, как явно контрреволюционные, ведущие к подрыву существующего строя».

Предваряли это постановление вызов свидетелей и допросы. Они строились по такому принципу: сначала следователь для формы выяснял, знаком ли свидетель с обвиняемым, затем спрашивал о связях Гоголева с политически неблагонадёжными людьми, о фактах его «вредительства» в колхозе и в самом конце старался вывести допрашиваемого на то, что Гоголев проводил антисоветскую агитацию. Всего были допрошены четыре свидетеля.

Дьяконский М.К. показал:

Гоголев недисциплинирован, на работу выходит по настроению, сплошь и рядом открыто заявляет, что идти на работу не хочет в силу холода, а глядя на него, не идут и другие колхозники, почему у меня на бригаде выход на работу весьма слабый, а следовательно и систематически не выполняются задания. Как колхозник Гоголев плохой и настроен антисоветски, в прошлом был связан с группой эсеров.

Это интересный исторический факт: в Новом Курлаке, оказывается, существовала целая группа эсеров. В чём же заключалась их деятельность?

[1] Протоколы заседаний посевного комитета при Анненском РК ВКП(б). / ГАОПИВО, ф. № 21, опись № 1, ед. хр. № 133. Л.8.

Свидетель продолжает:

Гоголев посещал на дому эсера Матросова Павла Тарасовича, к которому приходил его брат Матросов Роман Тарасович. Связь Гоголева выражалась в том, что он заходил в дом Матросовых, производил распитие вина.

Гоголев был связан и с религиозными кругами Курлака:

Гоголев имел ещё тесную связь со священником с. Н. Курлак Андреем Афиногеновичем (фамилии его не знаю), с которым также часто вместе выпивают. Последний раз Гоголев распивал вино в конце 1934 года, в декабре. Ранее Гоголев был связан с церковным советом, но состоял ли членом его — я не знаю. Он собирал с граждан средства на постройки церкви, брал у меня лично 1 рубль. Кроме того, Гоголев посылался в качестве ходатая по переплавке колоколов сгоревшей церкви.

Свидетель Дяконский описал «вредительскую деятельность» Гоголева очень подробно. Дьяконский рассказал и о политически вредных высказываниях Гоголева. Они процитированы в постановлении об уголовном преследовании.

Сам Федор Гоголев был допрошен 16 января. Он, конечно, отрицал свои «контрреволюционные» и «антисоветские» высказывания, сознался лишь в том, что «говорил о трудностях и дороговизне хлеба, обсуждая постановление правительства о торговле хлебом, а также о том, что высказал своё сожаление о молодёжи, участвовавшей в убийстве т. Кирова, и в случаях отказа от колхозной работы». На очных ставках со свидетелями Гоголев почти всё отрицал или смягчал высказанные ими мысли, вроде «не поехал за кормом потому, что на левой руке нет пальца и это место очень чувствительно к холоду, а о великом празднике не говорил». Но специальной судебной комиссией Федор Гоголев был осуждён на 5 лет лишения свободы. Вот так создавали и укрепляли колхозы. Оторвали крестьянина от земли. Теперь, через семь с лишним десятилетий после коллективизации, стало ясно, что крестьянам не суждено больше к ней вернуться.

Екатерина Аксенова
г. Воронеж, школа №46, 11 класс
Научный руководитель: З.Я. Королькова

Годы окаянные...
(1929-1938 годы на территории села Подгорное)

Никогда бы не подумала, если бы не прочитала это следственное дело, что вот так просто, за вскользь произнесенное вслух слово, можно было поплатиться жизнью. Наверное, и сам обвиняемый, арестованный во второй раз, едва ли понимал, какая судьба ожидает его, поэтому продолжал возмущаться несправедливостью и нарушением прав по таким ничтожным, в сравнении с потерей жизни, поводом.

Раскулачивание, коллективизация и репрессии в 1929-1938 гг. — эта тема в селе Подгорном, как и везде по стране, вызывает большие споры. Некоторые люди считают, что хватит ворошить прошлое, что надо думать только о будущем. Но все же больше половины односельчан убеждены, что мы должны знать о жизни в деревне в то время. Знать историю «окаянных лет» нужно потому, что за время раскулачивания, репрессий, коллективизации жителей села разобщили, запугали, многие вообще убежали из села. Чтобы восстановить «связь времен», разобраться в сегодняшних проблемах, нужно задуматься над жизнью села в 30-е годы.

Поэтому я решила исследовать историю своего села Подгорное, тем более что она практически не изучена. Трудность в том, что очевидцев событий прошлого остается все меньше и меньше, и хотя есть архивы, но многое в годы войны было утрачено.

То, что я услышала, узнала, увидела за год моей работы — меня потрясло. Совсем по-другому я теперь смотрю на историю, на жизнь, быт своих односельчан.

Когда читаешь учебник, даже архивные материалы — не ощущаешь боли, того ужаса, который слышишь из уст переживших чудовищную несправедливость по отношению к себе, своим детям, близким и родным.

Черный передел

Кулаки в нашем селе! Кто они? Анна Петровна Бойченко, 1920 года рождения, семья которой была раскулачена в 1933 году, на этот вопрос ответила так: «Кулаки — это, наверное, те люди, которые наживались чужим трудом, а сами не работали. Но таких в нашем селе я не припомню. Многие жили средне: корову имели, лошадь, свинью, овец, коз, птицу держали, но все наживали своим трудом. А раскулачили многих моих односельчан»[1].

Пик раскулачивания на территории моего села пришелся на 1929-34 гг. Как и по всей стране, все происходило по одному сценарию. Единственное, на мой взгляд, различие в человеческих качествах раскулачивающих, поэтому в одних местах раскулачивание происходило мягче, в других наглее и жестче, но везде под контролем ЧК- ГПУ-НКВД.

С 1928 года по март 1932 года Подгорное входило в Ендовищенский район, а с марта 1932 года — Семилукский. Но тот и другой районы, так же, как и наше село, — пригородные. Ендовищенский «район имел плодоовощное, мясное и молочное направления»... «На территории района проживало 50 тысяч человек»,[2] в Подгорном было 700 хозяйств, около 6000 человек.

Подгорное — село небольшое, расположенное под горой, в 7 км. от г. Воронежа. Земли здесь в основном песчаные и еще в конце XIX века пострадали от эрозионных процессов. Многие жители занимались извозом, а землю свою сдавали в аренду односельчанам. Ее не хватало. Сеяли рожь, просо и овес, но урожаи были низкие — 3 ц, 6 ц с 1 га — хлеб шел на собственные нужды, а многим крестьянским дворам его на весь год не хватало и приходилось покупать в городе. Товарную продукцию давала пойма реки Дон: подгоренцам принадлежала небольшая часть пойменных угодий. Здесь многие косили траву, держали огороды,

[1] Интервью с Анной Петровной Бойченко, 3 августа 2005 г.

[2] Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (далее — ГАОПИ ВО), ф. 110, оп.1, ед.хр.10, кор.1, стр.31.

сажали на них капусту и огурцы, которые шли на продажу. Многие жители на лето сдавали свои дома под дачи горожанам (в пойме протекает река Дон, а вокруг села — красивый смешанный и сосновый лес).

Так что нажить крепкое хозяйство в нашем селе было нелегко. Люди экономили на всем.

«Отец мой, Акулов Андрей Ефимович, 1901 года рождения, жадный был, куда зря копейку не потратит», — вспоминает его дочь Нина Андреевна. «Бывало, покупал в городе несколько французских булок по 2 копейки за штуку и давал нам только 2 раза в неделю по полбулки». Для сравнения: тогда корова стоила 40 руб., налог на подворье — 3 руб. Так что вкусная французская булка в этой «кулацкой семье» была деликатесом. «Главная же еда почти в каждом доме — каша с молоком. Ели и мясо, сало, но в основном по праздникам. Мясо и сало солили в бочках или ящиках, на дно которых настилали сухие стебли подсолнечника. Одевались бедно: телогрейка на вате, «*куфайка*», овчинный полушубок, кирзовые сапоги или валенки».[1]

К 1929 году в Подгорном преобладали середняцкие хозяйства — бедняцких и кулацких было сравнительно мало. Особо батрачить в селе было не у кого. Но раскулачили многих, и тех, кто жил не особенно зажиточно: например, Рогова Герасима Евдокимовича, 1889 года рождения. «В хозяйстве имел 2 лошади, 2 коровы, 15 овец, приусадебный участок при доме и несколько десятин земли на поле».[2] Семья состояла из 7 человек, на каждого получается не так уж и много.

У Кузьмы Кондратьевича Агапова, 1895 года рождения были лошадь, корова, козы, в семье — 6 детей, он и жена. Семью раскулачили. Андрея Ефимовича Акулова, 1901 года рождения, имевшего в хозяйстве лошадь, корову, «ческу», птицу — раскулачили. Красивый деревянный дом его сломали. Семью, в том числе 2-х детей, выбросили на улицу. Когда ломали дом, Андрея Ефимовича «активисты» держали за руки, «а он ругался, плакал, вырывался, рвал на себе одежду».[3] Так жалко ему было свой труд. Бревна свезли к волости, где и пролежали они до войны, а потом неизвестно, куда исчезли?!! Андрей Ефимович после такого «бандитского налета» заболел и в 1933 году умер.

Да и со всеми «кулаками» поступили так же. Некоторых приютили на время родственники. «Кулакам» вскоре нарезали землю — «песок под лесом», «на выселках» — и обложили повышенным налогом.

[1] Акулова Н.А. Интервью 17 июля 2005г., с. Подгорное, ул. Ленина 153

[2] Из воспоминаний внука Рогова Д.Г.

[3] Акулова Н.А. с. Подгорное ул. Ленина 153, 20 сентября 2005г.

Эти хозяйства были взяты под строгий контроль местной власти. Им продолжали грозить репрессии: «За невыполнение посевного плана, кулацко-зажиточным хозяйствам с/советы обязаны их немедленно оштрафовать, а также передать на них дело в суд, для привлечения к уголовной ответственности, как за срыв посевной кампании.

Секретарь ВКП(б) Никитин»[1].

Естественно, что в таких условиях люди не могли выплачивать налоги: на песке высоких урожаев не получишь.

За что же их раскулачили? Батрацкий труд они не использовали. Они просто не хотели вступать в колхозы в 1929 году, когда активисты села и присланный из города рабочий Кириллов вместе с уполномоченным из района организовали его на территории села. А не хотели люди вступать в колхоз по своим убеждениям. Во-первых, в колхозы сразу потянулась беднота: батраки, поденщики, люди малограмотные. «Янов Тимофей Кириллович, 1907 года рождения, в прошлом был пастухом 3 года. На производстве работал 6 лет. С 1930г. работает зам. председателя совета «Подгорное», член колхоза, принят по 2-й категории, как колхозник в п/ячейку, являлся членом РИК».[2] Во-вторых, вышеназванные сельчане нажили хозяйства своим тяжелым трудом. Почему они должны отдать его «лодырям» и «бездельникам»?! В-третьих, многие просто боялись вступать в колхоз: дело было новое и непонятное для крестьян. Им надо было доказать, что в колхозе им будет лучше жить, но для этого у руководства страны не хватало терпения и времени. Вот и начался «кавалерийский наскок на деревню». Под страхом быть раскулаченными жители села стали вступать в артель имени Молотова. Так в 1929 году в Подгорном появилось первое коллективное хозяйство, куда вошли жители улиц им. Ленина, Калинина, Октябрьской, 9 Января, Пугачева, Грузовая (ныне Олифиренко), часть улицы Первомайской. То есть насчитывалось в этой артели «на 15 сентября 1932 года — 69 человек... Из них колхозников — 56 человек, коммунистов и кандидатов — 6 человек, единоличников — 7 человек, 8 ударников колхоза, 3 комсомольца».[3] Председателем колхоза им. Молотова в 1929 году был назначен рабочий Кириллов, 1903 года рождения, ранее работавший 7 лет в карьере Стрелица, член ВКП(б) с 1932 года.

В 1931 году организуется 2-й колхоз им. «13 лет РККА», куда вошли

[1] ГАОПИ ВО, ф.110, оп.1, ед.хр.10, кор.1, стр.12.
[2] ГАОПИ ВО, ф.110, оп.1, ед.хр.20, кор. №2, стр. 12.
[3] ГАОПИ ВО, ф.110, оп.1, ед.хр.38, кор. 3, из «Протокола открытого партийного собрания Подгоренской ячейки ВКП(б)», стр. 12; ед.хр. 20, кор. №2.

жители улиц Городской (ныне Победа), часть улицы Площадь Советов, большинство улицы Лесной, Садовой, жители переулка Пионерского. «Хозяйство насчитывало 47 дворов».[1] Председателем был избран житель села Кузьма Аникандрович Кузнецов. Изучив архивные документы из фонда 110, я пришла к выводу, что власть в селе у «тройки» была чисто символической. Актив села, в том числе и председатель с/совета, были просто исполнителями указаний вышестоящих органов, «маленькими винтиками», и практически не оказывали большого влияния на ход местной истории. «Сверху» им давались указания, постановления, наказы, распоряжения, даже сроки исполнения, а «внизу» они должны были безоговорочно их выполнять и отчитываться в письменной форме, т.е. писать докладные о выполнении задания в РК ВКП(б). Например, «Наказ Районного комитета ВКП(б) Ендовищенского р-на избирателям с/совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов.

1) Редактору газеты «Сталинец» Корякину: распечатать и разослать по селам плакаты-объявления для наклейки на воротах для тех крестьян, которые не уплатили всех обязательств.

Подгорное — широко применять наклейки плакатов на ворота единоличников.

2) Добиться решительной борьбы с нарушителями общественного порядка, особенно усилить борьбу с классовым врагом (кулаком и их агентами), стремящихся извращенно и нагло истолковывать революционную законность (Енд. райком ВКП(б))...[2]

«Товарищу Тихонову закончить материалы на 2 кулацко-зажиточных хозяйства и передать в суд (Подгорное). В газете опубликовать фамилии единоличников злостно не уплативших обязательства».[3]

3) В области с/хозяйства.

В соответствии с директивами XVI съезда ВКП(б) ... добиться к весенней посевной кампании 1931 года 75-80 % коллективизации района. К осенней посевной кампании 1931 года добиться сплошной коллективизации района и на этой основе полной ликвидации кулачества, как класса».[4] Указаниями из района РК ВКП(б) старается перевыполнить «Постановление ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 года», предусматривающее завершить коллективи-зацию района только к весне 1932 года.

[1] ГАОПИ ВО, ф.110, оп.1, ед.хр.38, кор. 3, стр. 35
[2] Там же, стр. 27
[3] Там же
4 ГАОПИ ВО, ф.110, оп.1, ед.хр.10, кор.1, стр. 21

4) Задание по производству с/хоз. продукции Райком доводит до сельсоветов: «Указанное изменению не подлежит».[1]

Под таким нажимом вступали жители села, как и других сел, в колхозы.[2]

Без экономической заинтересованности колхозники, под страхом вошедшие в колхозы, работают плохо, безразлично относятся к общественному имуществу: «Не мое». На мой взгляд, это была своего рода пассивная, скрытая форма борьбы в селе против жесткой системы управления и организации труда в артелях. При такой системе управления нужно было находить «врагов народа», мешающих процветанию и становлению артелей. И их находили.

Суровые испытания

Ужесточались меры наказания к жителям села. Данила Ивановича Даньшина раскулачили и выслали «на песочек под лес». Но его ждало еще более суровое наказание.

На улице Ленина в доме 123 живет Татьяна Даниловна Даньшина, 1928 года рождения. Добрая приветливая женщина согласилась рассказать о «годах окаянных»: о судьбе своей семьи в 1929-1938 гг. Приходили мы к ней много раз, в основном с 10 ч. утра и до 15 ч. на беседу. Это было время, когда кроме нее в доме никого не было. Она рассказала, что ее семья раньше жила на ул. Кирова, где находится сейчас ремонтная мастерская автомобилей. «Отец, Даньшин Данил Иванович, 1904 года рождения, мать, в девичестве — Акулова Марина Мироновна, 1905 года рождения, и четверо детей: старший брат — Алексей, 1924 г., Митрофан, 1926г., я, Татьяна, 1928г., и в 1929 году родилась сестра Евдокия. Жили неплохо по тем временам: нажили дом из красного кирпича, крытый железом, запомнилась возле дома высокая сосна, хотя сам домик был небольшой, низкий и вытянутый. Во дворе располагались амбар, сараи, погреб, сеялка, веялка, крупорушка. Нажили 2 лошади, 2 коровы, 50 овец. Земли вместе с приусадебным участком было около 10 га. Постоянных батраков не держали, но на уборку урожая нанимали людей. Сами трудились от зари до зари, как говорила мама. Все, что я сейчас рассказываю, с ее слов. Слава богу, она прожила много: 86 *годов*, умерла в 1991 году. Отец не захотел вступать в колхоз. И однажды совершенно неожиданно в дом пришли «активисты» села, 3 человека, и незваные гости из Ендовищенского РИК, все имущество у нас отобрали, приказали собираться. Алексея (5 лет) и меня, Таню (1,5 годика), мать быстро отвела родителям, Даньшину Ивану Тарасовичу и Ефросинии Васильевне, 1885 года рождения, а Митрофана (3 годика) и месячную Евдокию, взяла с собой. Родителей с детьми посадили на повозку и увезли на станцию Воронеж. Мы остались у дедушки с бабушкой, но через полгода раскулачили и их, дедушку репрессировали по ст. 58 п. 10. Выслали их из села в Архангельскую область. Меня и Алешу забрала двоюродная тетка, Кузнецова Варвара Егоровна. Она работала в колхозе им. Молотова дояркой. Я жила у нее жила 4 года, брат Алексей скитался, где придется: жил под мостом в городе, ночевал по чердакам, подвалам. Придет иногда, поест у тети или у другой тети Лизы и убегает. Не каждый мог взять детей из раскулаченной семьи. Бытовало мнение: кто возьмет «кулацких детей», с ними то же будет *(плачет)*.[1]

Татьяна Даниловна Даньшина (Пустовалова). 1998.

На железнодорожном вокзале родителей, брата и сестру погрузили в товарные «телячьи» вагоны и повезли в Котлас, путь был длинным. В Котласе их погрузили на баржу, привезли в тайгу, разгрузили: кругом лес и только вверху узкая полоска неба. *(Вытираем слезы она и я)*. Ночевали сначала под открытым небом, пока не построили себе бараки под жилье. Людей привезли много: тысячи. Хотя приехали они на «троицу», но в лесу еще лежал снег, было холодно. Мужчины рубили толстые сосны, бабы обрубали ветки, мокрые по пояс, негде просушиться, обогреться. Митрошу и Евдокию кутали во все тряпки, какие были с собой, но они заболели корью еще в дороге. По приезду на место умерла Евдокия, Митроша (3 годика) еще помучился с месяц и тоже умер. Не представляю, как смогли пережить, как вынесли все это горе родители?!

Питались скудно: хлебушка давали «малюсенькую паюшку». Все время хотелось есть. «Бывало ночью встану, отщипну немножко хлебушка и сосу долго-долго», — вспоминала Марина Мироновна.

1 ГАОПИ ВО, ф.110, оп.1, ед.хр.47, кор. 4, стр. 181
2 ГАОПИ ВО, ф.110, оп.1, ед.хр.10, кор. 1, стр. 21

[1] Интервью с Даньшиной Т.Д., сентябрь 2005г., ул. Ленина 123

Сушили кору сосны, растирали ее и пекли пышки. Спали (уже в бараках) на нарах. Перины, подушки делали из листвы.

Через 4 года, в 1934 году, кто-то организовал побег. Было все равно: лучше смерть сразу, чем такая жизнь. Ушло очень много людей из спец. поселения, особенно из Воронежского края. С каждым днем беглецов становилось все меньше. Кто умирал от болезни, голода, попадали под облаву, многие провалились в болото. Шли по течению реки Двины.

«Бросишь палку в реку и идешь в основном ночами. Днем у какого-либо селения женщины затаивались от облавы, а мужчины заходили в села и нанимались на работу, чтобы добыть хоть какую-то еду, одежду или деньги. Добрых людей много встретили на пути, они помогали нам, чем могли. Вышли из спецпоселения в апреле, а добрались в Подгорное в конце ноября 1934 года. Воронежцев возвратилось совсем мало. С нами в село вернулась еще одна семья подгоренская, по подворью «Кулажихины», жили по ул. Ленина д. 1. Дед Константин с женой и дочерью, Даньшиной Анной Константиновной.

А перед моими родителями встал вопрос: куда идти? «Ни кола, ни двора». Отцов брат, Николай, не побоялся, взял нас к себе. Жили они на «горках», забрали туда Татьяну с Алешей, теснота невозможная».

Через 3 месяца кто-то донес на Д.И. Даньшина, и его арестовали, судили за побег, дали еще 2 года. Отбывал срок в Семилукской тюрьме строгого режима.

«Нам не давали свидания с ним, не принимали передачи. 2 года о нем ничего не знали. Маму без документов не брали на работу, но потом все-таки взяли в город на завод «Вторчермет» рабочей. Бедная чуть свет вставала и шла пешком 7 км. до завода, а потом обратно.

До войны транспорта из нашего села в город никакого не было. 14 км. на работу и с работы ходили ежедневно многие жители села. Отец — Данил Иванович Даньшин — вернулся из тюрьмы в 1936 году. Нашли они квартиру на улице 9 Января (небольшой домик) и жили в нем до войны».

Очень жестокое было время. Удивляешься силе духа людей, детей, выдержавших все это.

Без вины виноватые

Судьба же ее двоюродной сестры, Анны Петровны, сложилась еще трагичнее. Анна Петровна, по мужу Бойченко, родилась в 1920 году в с. Подгорное. Отец, Петр Миронович Акулов, 1901 года рождения,

мать — Пелагея Уваровна, 1901 года рождения — родом из крестьян, занимались с/хозяйством так же как и дедушка с бабушкой, Мирон Васильевич и Пелагея Ивановна. Семья имела 2 коровы, лошадь, 10 коз, 10 кур, телка, телегу. У Петра Мироновича и Пелагеи Уваровны было 3-е детей: Анна, 1920 года рождения, Мария, 1924 года рождения и Иван с 1926 г. Жили они все вместе в маленьком доме на «Кончании» (сейчас ул. Победы). С соседями жили и живут дружно по сей день. Воспитанием детей занималась в основном мать, она же вела хозяйство по дому. Пелагея Уваровна была доброй и хорошей мамой, но рано ушла из жизни: в 1926 году, поэтому воспитывали детей отец, бабушка Пелагея Ивановна и дедушка Мирон Васильевич. «Нас все жалели, но как не хватало нам материнского тепла и ласки», — вспоминает Анна Петровна.[1] Семья была верующая, в доме висело много икон, по праздникам читали «Библию» или книги вслух.

В 1931 году после долгих раздумий семья вступила в колхоз «13 лет РККА» (на территории села в то время их было два). В колхоз отдали весь скот, который имели, а также сбрую, телегу, зерно. Петр Миронович работал бригадиром в колхозе, дедушка, Мирон Васильевич, развозил воду по дворам. Но спастись от высылки из села им не удалось, Анне Петровне в 1933 году было 13 лет, сестре Маше — 9 лет, брату Ивану — 7 лет.

«Однажды зимой к нам пришли какие-то люди (мужчины), выгнали нас из дома. Взять с собой ничего не разрешили, только то, во что одевались зимой: старые овечьи шубки, да истоптанные валенки. Бабушка в то время тяжело болела. Ее вынесли из дома и положили на снег, а мы, дети, сели около нее и плакали. У бабушки тоже полились слезы, и она запричитала, как по покойнику, не понимая, за что с нами так обходятся. Вокруг собрались люди и молча смотрели на все. Но бабушку все-таки кто-то из них забрал в дом. После этого нас на лошадях повезли на ст. Латное, собирали всех привезенных в сарае. Затем повезли к поезду. Везли в вагонах, в которых возили телят. Сколько лет прошло, а забыть это невозможно. В вагоне находились мужчины, женщины и дети. На улице стояла зима, в вагонах было очень холодно, народу было много. На полках, где спали, была постелена тонкая дорожка, а ткань, которая занавешивала полки, вся во льду от замерзающего пара. Туалет находился в вагоне, его завешивали тряпками. В дыру ничего не стекало, т.к. она замерзла. Все текло в вагон. Пробить ее не разрешала охрана. Кормили только детей: давали 200 г. мерзлого хлеба и стакан воды. Если кто-то из

[1] Интервью с А.П. Бойченко А.П., август 2005 г.

взрослых стучал в дверь и просил чего-нибудь, то их выводили, и они больше не возвращались. Думаю, их расстреливали. В дороге очень много людей умирало, особенно детей». Задумалась... «Да не приведи, господи, что пришлось моей семье испытать в жизни. Самое страшное время пришлось на мою молодость. Ссылка перевернула всю мою жизнь».[1]

А я все думаю, не могу понять, за что же эту семью выслали в Карелию; ведь они вступили в колхоз добровольно и все имущество отдали в колхоз?! Может, это был просто произвол местных властей?! Или месть одного из руководящих работников на месте?! Ведь на руководящие посты брали из бывших батраков, поденщиков, бедноты. Возможно, они вспомнили старые обиды? А может быть, надо было местным властям выполнить очередное постановление РК ВКП(б) по выселению?! Или за то, что семья колхозников была верующей и не сняла иконы со стен? Просматриваю архивные документы. Скорее всего, под высылку семья Анны Петровны попала на основании Резолюции, утвержденной VII Райпартконференцией от 12.01.1932 года, где на странице 11 (п. 3) архивного фонда 110, оп. 1, ед. хр. №20, кор. 2 в докладе о состоянии работы Ендовищенского Райкома ВКП(б) нахожу: «Наряду с положительными моментами, Конференция отмечает ряд крупных недочетов. ...Имела место наличие среди отдельных колхозников кулацко-рваческое потребительское настроение, вследствие засоренности чуждыми элементами (кулаками) отдельных колхозов (Подгорное)». И Конференция предлагает: «Райкому, ячейкам, организациям принять решительные меры в организационно-хозяйственном укреплении колхозов через ... немедленные очистки от чуждых элементов (кулаков), от всего этого зависит успех хозяйственного и политического их роста».

Все совпадает: именно зимой 1932 года высылают эту семью на Север. Треугольник с. Подгорное обязан выполнить решение VII Партконференции и отослать об этом в РК ВКП(б) докладную. Вот так, одним росчерком пера решена была судьба этой семьи, где находилось 3-е несовершеннолетних детей. Семья попала в категорию «деклассированных элементов», «изгоев». Она была поставлена в нечеловеческие условия и испытала на себе все тяготы того страшного времени. Несмотря ни на что, из этой семьи выжило 3 человека. Много ли их таких было на территории моего маленького села Подгорное? Вероятно, больше было тех, кто не смог дожить до Указа о реабилитации. Конечно, по дороге «туда» (а куда еще никто не знал) людей ждали новые страшные испытания.

[1] Интервью с А.П. Бойченко, сентябрь 2005 г.

Опять же зачем, за что? Наверное, только за то, чтобы растоптать в людях человеческое достоинство. «Ехали долго, иногда поезд останавливался и стоял часами, выходить не разрешали, хотелось пить, и негде было купить еды. На ст. Званга, (где это не знаю) нас повели в баню. В *тазы* налили керосин, и мы мыли голову от вшей, вещи отдали в *прожарку*. А после бани нас загнали в мерзлые вагоны. После этого заболела бабушка воспалением легких, потому что отдала свое пальто нам, детям. Заболела в дороге сестра Маша — 9 лет, она вся горела. По приезду в Карелию умер дедушка, через несколько месяцев — бабушка. Им было по 75 лет».[1]

Жизнь изгоев

«Поселили нас в поселке Медвежегорске. Жили, пока не построили себе бараки, в палатках на снегу, а позже нас перевели в бараки. Сестра Маша все болела и через несколько дней умерла. Даже похоронить ее по-человечески не смогли: просто обложили камнями...и осталась я с папой и братом Иваном (7 лет). В ссылке жила отдельно от отца и брата, в женском бараке. Отец, Петр Миронович, работал на лесоразработках, потом его перевели на лесопилку. На лесоразработках в Медвежегорске рабочие жили в бараках по 30 человек в комнате, получали буханку хлеба в день, немного сахара и масла. Полное бесправие»[2].

15-летняя Аня тоже работала, ходила с подростками крыть крыши, где строились бараки. Работала до обеда, а потом ходила в школу. «Кормили нас похлебкой из мерзлой свеклы 500 гр. и 200 гр. хлеба. Еще надо было съездить 2 или 3 раза в день на лесопилку за отходами, чтобы протопить в бараке. Вскоре люди стали болеть цингой и нам ввели в «рацион» пророщенную рожь и клюкву. Весной и летом было легче: можно было найти ягоды, грибы»[3]. В ссылке, в городе Медвежегорске, они пробыли все 7 лет. Правда, в 1935 году, когда Ане исполнилось 15 лет, она решила сбежать в с. Подгорное. По дороге к поезду натерпелась страху: натолкнулась на охрану с собаками, присела за куст и дрожала так, что зубы стучали «Ведь, если собака меня учует, мне конец. Но она на мое счастье пробежала мимо. Я добралась в село». Добрые люди приютили ее. У них она подрабатывала няней, подзаработала денег и поехала за братом. Только перед войной, где-то в 1940 году, всё их поселение распустили по домам.

[1] Бойченко А.П., Акулова Н.А., интервью, сентябрь, 2005г., ул. Победы, 12
[2] Интервью с Бойченко А.П., сентябрь 2005г.
3 Она же

После таких воспоминаний на душе тяжело. До этого мне казалось, что все это было где-то далеко, и с моим селом, семьей никак не связано. Но теперь я понимаю, что пережили близкие мне люди, мои односельчане, понимаю, что по всем «закоулочкам» моей Родины в 1929-1945 гг. шел целенаправленный процесс уничтожения тех, кто отказался «организовываться» или вышел из колхоза. Их либо подвергали открытым репрессиям, либо «давили» налогами. И всю бестолковость, неорганизованность колхозной жизни, при которой отсутствовал главный стимулирующий рычаг — экономический интерес работника, объясняли происками врагов. Самым крупным «политическим врагом» на территории моего села оказался Иван Тарасович Даньшин.

Жертва произвола

Этот трагический сюжет, но я обязана рассказать обо всем, что было с этим жителем моего села. Этого требует историческая справедливость. Передо мной Дело П-17902 по обвинению гражданина Даньшина Ивана Тарасовича по ст. 58 п. 10 УК.

Начато: 16 сентября 1937 г. Окончено: 19 сентября 1937 г.

В деле находится ордер, который «выдан сотруднику Семилукского райотделения ВД по Воронежской области тов. Черникову на производство обыска и ареста Даньшина Ивана Тарасовича по адресу с. Подгорное».

В примечании к ордеру всем должностным лицам и гражданам вменялось в обязанность «полное содействие для успешного выполнения операций».

Никаких вещественных доказательств, свидетельствующих об антисоветской агитации 52-х летнего малограмотного «кулака», в деле я не нашла, так же как не нашла решения суда, материалов следствия по данному делу. Для обвинительного заключения по закону полагались хотя бы формальные улики. Но следователи в этом деле, как и в других делах, не утруждали себя такими мелочами. В деле имеется протокол обыска (кстати, заполнен небрежно, простым карандашом с грубыми ошибками) у Даньшина Ивана Тарасовича, проживающего по улице проспект революции д. 49. В присутствии понятых гр. Крылова И.С., Павлова И.С. и домохозяйки изъято всего 2 вещи: «1. Паспорт серия ЦПО № 185947-1; профбилет № 425408-1. Вот и все улики». Но следователь при допросе (в протоколе даже не указана дата допроса обвиняемого) продемонстрировал ему осведомленность о том, какие

Приложение № ...РХИВНАЯ КОПИЯ

СССР

УПРАВЛЕНИЕ НКВД
по Воронежской области

ОРДЕР № 8
15/IX дня 1937 г.

Выдан сотруднику Семилукского райотделения
НКВД по Воронежской области тов. Черникову
на производство обыска и ареста
Даньшина Ивана Тарасовича

по адресу с. Подгорное

ПРИМЕЧАНИЕ. Все должностные лица и граждане обязаны оказывать лицу, на имя которого выписан ордер, полное содействие для успешного выполнения.

Начальник райотделения НКВД
по Воронежской области

Место для печати

Справка

Ордер на арест И.Т.Даньшина. 15.09.1937

разговоры вел он со своими односельчанами, Кузнецовым Е.Ф., Яновым Т.К., Пустоваловым Р.А., в апреле, мае, августе 1937 года при одноразовой с ними встрече.

Из протокола допроса:

«Вопрос: Вы арестованы за восхваление врагов народа, троцкистов. Признаете себя виновным?

Ответ: Я не знаю, может быть, я и говорил что-либо такого, но теперь забыл.

Вопрос: С Кузнецовым Егором Федоровичем Вы разговаривали о Троцком, Пятакове и др. троцкистах?

Ответ: С Кузнецовым я разговаривал еще весной сего года. О троцкистах я говорил, что, если бы Троцкий и его товарищи были у власти, нам жилось бы лучше, потому что они защищают самостоятельных мужиков, больше на эту тему я с Кузнецовым не говорил.

Вопрос: А с другими лицами Вы говорили ли о Троцком?

Ответ: Нет, на эту тему я ни с кем не говорил.

Вопрос: Активистам своего села за то, что Вас раскулачили, Вы угрожали?

Ответ: Нет, не угрожал.

Вопрос: Вы говорите неправду. Зачитывается Вам показание Янова Т.К. Верно ли это?

Ответ: Янову, может быть, я и угрожал, когда был выпивши, но я не помню.

Допрос вел начальник РО НКВД, старший лейтенант Государственной Безопасности Бондаренко»[1].

[1] Дело П-17902, из протокола допроса, листы 3-5.

Больше протоколов допросов Ивана Тарасовича Даньшина в личном деле нет.

Из материалов следствия видно, что арестован он был по доносу своих односельчан: Егора Федоровича Кузнецова, Тимофея Кирилловича Янова, Романа Алексеевича Пустовалова. Показания ими даны следователю еще до ареста И.Т. Даньшина: 14 и 15 сентября. К сожалению, свидетели, по сути, «утопили» своего односельчанина. А вернее всего это дело было сфабриковано и им ничего не оставалось, как под нажимом поставить свои подписи под протоколами допроса свидетелей.

В протоколе допроса Янова Т.К., 1907 года рождения, написано «б/п», но в архиве имеются сведения о том, что он с 1932 г. принят в партийную ячейку села «по 2 категории, как колхозник», образование низшее, состоит в РИКе рядовым, служил в Красной Армии.

«Вопрос: Расскажите об антисоветской агитации со стороны И.Т.Даньшина.

— В апреле месяце 1937 г., будучи в г. Воронеже, встретился. Он на меня в злобной форме, в повышенном тоне стал выражаться нецензурной бранью в следующих примерно выражениях: «Но как, *активистик*, и до сих пор продолжаешь пить кровь нашего брата, или уже конец приходит. Скоро мы вас начнем крыть, держитесь тогда, нас не всех уничтожили. Много осталось. Мы скоро вернем все свое добро, которое вы у нас награбили. Колхозам вашим долго не существовать, рассыпятся сами, когда мы за них возьмемся.

Старший лейтенант Госбезопасности: Бондаренко».[1]

В деле имеется протокол допроса свидетеля Р.А. Пустовалова, 1892 года рождения, без определенных занятий, показания он дает 14/IX.1937 г., то есть до ареста Даньшина.

«Вопрос: Что Вам известно о личности Даньшина И.Т.

Ответ: В августе 1937г. при встрече на улице Даньшин мне говорил: «Какая сейчас жизнь проклятая стала. Живешь как заяц, вот, вот тебя заберут. Хоть бы Троцкий пришел к власти поскорее, может быть, свободнее вздохнули бы»,- и далее говорил: «При Троцком, пожалуй, с коммунистами расправились в два счета, а то они зажирели.

Старший лейтенант Госбезопасности: Бондаренко».[2]

Кузнецов Е.Ф., 1890 года рождения, до революции — середняк, после революции — колхозник, образование низшее, б/п, 15/IX-37 г. показал:

«Вопрос: Что Вам известно о личности Даньшина И.Т.?

[1] Из протоколов допроса, листы 3-4

[2] там же

Ответ: Хозяйство Даньшина до и после революции было крупно кулацким. В 1929 г. раскулачено хозяйство. В мае 1937 г. я с ним встретился в г. Воронеже на рынке, в беседе мы коснулись вопроса о прошедших судебных процессах над врагами народа — троцкистами. Даньшин мне по этому поводу говорил так: «Если бы Троцкий со своими помощниками: Пятоковым, Радеком и др. пришли к власти, то было бы лучше. Они бы сделали нас людьми, а коммунистов посадили бы за решетку. Троцкий — мировая личность. С ним считаются во всех государствах. Его даже сам Гитлер уважает за его ум и те заслуги, какие он имеет в период гражданской войны!

Старший лейтенант Госбезопасности: Бондаренко».[1]

Вот и всё следствие и свидетели по делу Ивана Тарасовича. По существу оно не велось, суда не было, вина Ивана Тарасовича не доказана. Дело длилось всего 5 дней с 16 по 20 сентября 1937 г. По-моему, этому человеку не на что было рассчитывать изначально, т.к. само социальное происхождение говорило против него: «до революции и после революции» — кулак. Ясно и очевидно, что в никакой политической организации он не состоял, был, как и его свидетели, безграмотным, ну, а если в беседе когда-то коснулся разговора по поводу несправедливого, жестокого отношения к крестьянству, режиму, то в это время антисталинские настроения не являлись редкостью: где- то, что-то слышал, повторил.

Старший лейтенант госбезопасности Бондаренко поработал «в поте лица» и, «приняв во внимание, что гражданин Даньшин И.Т., 1885 года рождения, бывший кулак, малограмотный, б/п, на иждивении 3 человека, в 1929 г. был уже в г. Усмань осужден тройкой ОГПУ по ст. 58, п. 10 к 3-м годам (срок наказания отбыл), был лишен в 1929 г. избирательных прав, как кулак[2], принял «Постановление об избрании меры пресечения и предъявил обвинение».

«Изобличается в антисоветской агитации...»

«Даньшина Ивана Тарасовича привлечь в качестве обвиняемого по ст. на основании циркуляра УНКВД за №2455-УК, мерой пресечения, способов уклонения от следствия и суда содержанием под стражей в Воронежской Тюрьме по 1 к.».

Постановление принято 16 сентября 1937 г., т.е. в день ареста в г. Воронеже Даньшина Ивана Тарасовича. Человеческая жизнь для старшего лейтенанта госбезопасности Бондаренко ничего не стоила.

[1] там же

[2] Примечание: в ЦДНИ Воронежской обл. архивно-следственного дела за 1929г. в отношении Даньшина И.Т. на хранении не имеется. Основное дело №П-17902

Все так и было:

«18 сентября начальник Опре. Группы УНКВД по ВО лейтенант Госбезопасности Котов утвердил обвинительное заключение: «из материалов следствия установлено, что (см. приложение) Даньшин Иван Тарасович систематически проводил контрреволюционную агитацию. Восхвалял врагов народа — контрреволюционера Троцкого, Пятакова, Радека. Проводил к-р фашистские агитации, восхвалял Гитлера. Угрожал сельским активистам за раскулачивание».

На основании этих необоснованных, недоказанных домыслов следователя выносится постановление. *«Следственное дело по обвинению Даньшина И.Т, направить на рассмотрение Тройки УНКВД по Воронежской об.*

Начальник Семилукского РО НКВД ст. лейтенант Госбезопасности Бондаренко».[1]

Недоумение, боль и гнев возникает при виде этого сфабрикованного дела на «врага народа». Малограмотный человек, работающий дворником при школе №26 на Проспекте Революции — «агитатор»?! Где, кого и о чем он агитирует? Кто его слушает? Кому какой вред несут мысли безграмотного человека?!

А дело тут в том, что он бывший кулак. 3 июля 1937 г. на заседании Политбюро ЦК «строго секретно» принято решение «представителям НКВД взять на учет всех, возвратившихся на родину кулаков... с тем, чтобы наиболее враждебные из них были расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки ...»[2]

20 сентября 1937 г. тройка Управления НКВД по Воронежс-кой области, заслушав дело № 15104 «по обвинению Даньшина И.Т.», постановила: «Даньшина Ивана Тарасовича расстрелять.

Дело сдать в архив».[3]

На странице 20 к подлинному протоколу тройки подшита выписка из акта, где сказано, что *«Постановление Тройки УКНКД по Воронежской области от 20.09.1937г. — расстрел Даньшина И.Т. Произведено в исполнение 26.09.1937г.*

Нач. 1 спецотдела УНКВД ВО лейтенант Госбезопасности (Черников)».[4]

Никогда бы не подумала, если бы ни это дело, что вот так прос-

[1] Архивное дело за № П-17902, стр. 14
[2] Добровольский И.В. ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. Франкфурт / Майн — Москва, 2001г. Стр. 341.
[3] Дело № П-17902, стр. 16
[4] там же стр. 17

Приложение I

АРХИВНАЯ КОПИЯ

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА
заседания тройки Управления НКВД по Воронежской области
20 Сентября 193 7г.

СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:
Дело Семилукского Райотделения НКВД № 15104, по обвинению: ДАНЬШИНА Ивана Тарасовича, 1885 г.рождения, ур.с.Подгорное, Семилукского района, Воронежской области, прож. в гор.Воронеже, быв.кулака, раскулаченного, судимого в 1929 г. за антисоветскую агитацию на 3 г., до ареста работавшего дворником при школе № 2. Обвиняется в том, что систематически вел антисоветскую агитацию, пропагандировал троцкизм, угрожал убийством сельским активистам за его раскулачивание. Одобрял контрреволюционную деятельность троцкистов. Содержится в тюрьме г.Воронежа.	ДАНЬШИНА Ивана Тарасовича РАССТРЕЛЯТЬ. Дело сдать в архив.

зак. 732. 8/37 г. Секретарь тройки

Выписка из протокола заседания тройки УНКВД по Воронежской области от 20.09.1937.

то, за вскользь произнесенное вслух слово, фразу можно было поплатиться жизнью. Наверное, и сам обвиняемый, будучи арестованным во второй раз, едва ли понимал, какая судьба ожидает его, поэтому продолжал возмущаться несправедливостью и нарушением прав по таким ничтожным, в сравнении с потерей жизни, поводом.

До 1994 г. никто из родственников не знал о его судьбе. После ареста Иван Тарасович «как в воду канул» и только 14.09.1994 г., когда Та-

тьяна Даниловна, его внучка, при посещении архива писала заявление в суд на реабилитацию своего отца и себя (семья сына Ивана Тарасовича — Данила Ивановича — была тоже раскулачена и выслана в Котлас), ей принесли дело деда — Ивана Тарасовича. Так родственники узнали о его гибели. Ивана Тарасовича реабилитировали в 1989 г. за недоказанностью обвинения, за отсутствие в его действиях состава преступления.

Больно оставшимся в живых родственникам, что они не могут прийти на могилы к расстрелянным, положить цветы, молча постоять, почтить их память. Я думаю, что расстреляли Ивана Тарасовича, как и других, в тюрьме, без свидетелей, а затем вывезли тела и сбросили либо в яму в Дубовке, либо на северную окраину г. Воронежа, где жители с. Подгорное наблюдали в то время появление свежих холмиков земли у леса (сейчас в районе «немецкого городка»).

* * *

Уничтожение лучшего работника, хозяина на селе происходило в 30-е годы, но страшно то, что моё село Подгорное сегодня переживает вновь «черный передел». 373 колхозника ЗАО «Подгорное» при реорганизации пригородного колхоза должны были по закону получить по 4 га земли и акции на сельхозтехнику, поголовье скота, фермы и т.д. Но власти их обманули: обанкротили хозяйство. Идёт бесконтрольная распродажа ЗАО по частям. Колхозники (многие из тех же семей, раскулаченных и репрессированных) судятся за свои наделы. Дошло дело до Генпрокуратуры, но отсудить «своё» не могут. Пробовала добиться прав на землю и сельская интеллигенция, но также потерпела «фиаско». И ясно, почему землями пригорода завладели те, у кого в руках власть. Суд длится уже почти 15 лет. За это время многие земли колхозников изъяты из севооборота и на них, как грибы, выросли прекрасные замки для тех, кто «управляет» и «судит» моих односельчан. А потому на мой вопрос: во что верят они сейчас, дважды раскулаченные отвечают: «Никому и ни во что».

Радует меня одно: люди не сдаются, продолжают борьбу за свою землю, не однажды политую кровью. Односельчанам хочется верить, что кто-то в XXI веке в нашей стране поможет им добиться справедливости: остановить «упивающихся безнаказанностью коррумпированных чиновников».

А я верю, что так и будет.

Полина Герасименко,
г.Ульяновск, гимназия № 33, 10 класс.
Научный руководитель: Г.П.Красильникова

Из России в Россию

Спецпереселенцы должны были платить налоги, но это было почти невозможно, т.к. хозяйством обзавелись не сразу. За неуплату налогов привлекали к уголовной ответственности по статьям 60 и 61 уголовного кодекса. Мой дед, П.С. Корольков, был осужден в 1943 году на 2 года лишения свободы, освобожден в 1945 году, сидел в Итатском лагере Кемеровской области. Старший брат бабушки, Федор Суслов, отсидел на Колыме 12 лет.

Пока жива моя 83-летняя бабушка, ее дети, многое знающие о своих родителях и дедах, пока есть свидетельства прошлого, я думаю, важно приобщиться к этому прошлому, чтобы и мои дети и внуки могли черпать силу духа и воли у ушедшего поколения. Просто хочется разобраться в нашей запутанной истории на примере моей семьи. В моем распоряжении старые фотографии, документы, личные вещи, воспоминания взрослых моей семьи. А вспомнить есть что: переселение прадедов из Центральной России в Сибирь в годы аграрной реформы Столыпина, раскулачивание и спецпереселение на север Сибири, где отбывали еще и наказание в лагерях и откуда были освобождены через 20 лет, а затем вынужденное переселение из Казахстана уже моих родителей после распада Советского Союза.

К сожалению, обратиться к архивным документам периода раскулачивания у меня нет возможности, т.к. мы теперь живем далеко от Алтая. Часть этих документов, судя по ответам из УВД Томской области, не сохранилась, некоторые документы нам были высланы после реабилитации 1991 г. по заявлению моего дяди А.П. Корольков.

Многое я узнала из воспоминаний моей бабушки, Корольковой (Сусловой) Анастасии Филипповны, мамы, Стеблевской (Корольковой) Татьяны Павловны, и тёти, Красильниковой (Корольковой) Галины Павловны.

М.И.Королькова. 1956 г.

* * *

В школьной энциклопедии «История России. XX век» в статье о столыпинской аграрной реформе написано, что «отдельной задачей реформы было переселение крестьян из центральных губерний в Сибирь и Степной край. Общее число переселенцев составило 3 млн. 730 тыс. человек, из которых более 3 млн.осталось в Сибири»[1].

Среди этих 3 миллионов были мои прадеды: Степан Тихонович Корольков и Марфа Ивановна Королькова (Юнакова), Филипп Сафронович Суслов и Дарья Филипповна Суслова (Назарова). Первые были из Воронежской губернии, а вторые — из-под Курска и Орла. У Корольковых до переселения было уже трое детей. Подробности переселения мне не известны. Поселились на Алтае, в селе Порожнее (сейчас в Шипуновском районе). До Первой мировой войны родилось еще три сына. Потом Степан был мобилизован на войну, воевал на Западном фронте (в Польше), где был тяжело ранен. Вернулся домой без левой руки. Но семья была

[1] История России. XX век Школьная энциклопедия / Под ред. Шубина А. В. М.: Олма Пресс Образование, 2003. С.448-449.

Филипп Сафронович и Дарья Филипповна Сусловы.

большая, работящая. И крестьянское хозяйство пошло в гору. Семья росла. У Марфы Ивановны родилось еще четверо детей, в том числе в 1920 году и мой дед, Павел Степанович Корольков.

Дед за год до своей смерти поехал в родные края. Нашел село, нашел родственников, которые вступили в колхоз, нашел пруд, в котором его отец разводил рыбу и который до сих пор называется Корольковский пруд. Почти шестьдесят лет прошло, как дед мальчишкой покинул село. А как жили плохо, бедно те, кто пошел в колхоз, так и продолжали бедствовать. Колхоз уже к тому времени распался; колхозники получили свои наделы земли, но не знали, что с ними делать и чем обрабатывать, и сдавали наделы в аренду предприимчивым людям. Сами же бывшие колхозники выращивали картофель и гнали самогон. Дома бывших кулаков давно ушли на дрова. Грустно все это.

Когда прадед ушел на войну (простые люди её называли германская война), первая его жена умерла при родах. Остался младенец. Филипп Сафронович вернулся с пулей в груди. Малышу нужна была мать. Когда пришли сватать Назарову Дарью, она плакала, не хотела идти за вдовца. Но жизнь у них сложилась. Прадед был спокойным, добрым, набожным. Родилось у них чет-

веро детей. Дочь Анастасия (1923 года рождения) была любимой, так как пять девочек умерли в младенчестве.

Сначала прадед батрачил. Жили скромно, но НЭП и трудолюбие позволили разбогатеть.

Бабушка хорошо помнит большой деревянный дом, обитый тесом, ставни, расписанные цветами, большое хозяйство: 30 коров, 30 лошадей, гуся, простые сельскохозяйственные машины. Обязательно соблюдали пост, ходили в церковь. Сдавали продналог, а излишки продавали. Политикой не интересовались и не догадывались, что их ожидает.

* * *

Раскулачивание. Высылка. С точностью до вагона, до баржи было высчитано, сколько потребуется транспортных средств. Была спланирована потребность в войсках и охранниках. Всех намеченных на заклание разделили на три категории. Установили минимальный от общего числа раскулаченных процент для расстрелов, т.е. процент отнесенных к первой категории. Вторую категорию решено было выслать из родных мест в труднодоступные районы, третью лишить имущества и предоставить судьбе...

Сусловы попали в первую фазу раскулачивания. Отобрав все, их выслали на север зимой 1930 года.

Мне хочется понять, почему коммунисты не видели гибельности и преступности своих дел. Вот передо мной статья «Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта», написанная русским экономистом Б.Бруцкусом в 1921-1922 годах. Вот некоторые мысли автора: «...выбирать те экономические мероприятия, которые отвечают конкретным нуждам народа в данный исторический момент, а не те, которые приближают его к блаженному царству социализма», «...для вовлечения крестьян в плановое хозяйство рассматривать их как батраков, сидящими на государственной земле, обязанными вести хозяйство под диктовку власти и обязанными сдавать весь продукт государству...

Но это значит оставить мелкое хозяйство при всех его слабых чертах и лишать его единственного преимущества — личной заинтересованности трудящегося в результатах его труда»? Но, видимо, взгляды таких экономистов большевиков не интересовали. Их интересовала только власть над людьми. И это точно раскрыл английский писатель Д.Оруэлл в романе «1984».

«Истребительно-трудовые»

В феврале 1930 года семья Сусловых была отправлена на север Томской области, в Нарымский край, с. Колпашево, где потом и познакомились с раскулаченными Корольковыми. Сусловы вместе с другими спецпереселенцами ехали на санях, где по снегу, где по земле. С собой разрешили взять только самое необходимое. Бабушка рассказывает, что по дороге конвоиры их били, оскорбляли, издевались над ними. Когда можно было переночевать в селах, не разрешали. Заставляли ночевать на дороге. У Дарьи Филипповны был грудной ребенок. Она все время держала его возле тела. Пропало грудное молоко, стала жевать хлеб и давать мякиш через тряпочку. Для Филиппа Сафроновича места в санях не хватало, и он ходил всю ночь рядом, притопывал от холода ногами.

На новом месте пришлось рыть землянки. Первую весну и лето было очень трудно, питались в основном травами и ягодами, хлеб пекли пополам с лебедой. Потом стала спасать картошка. Бесплатная рабочая сила использовалась на лесоповале и лесосплаве.

Но жизнь и в ссылке продолжалась. Бывшие кулаки поставили избушки, дети стали ходить в школу. Бабушка закончила 5 классов, последний год пришлось учиться далеко от дома, жить на квартире у чужих людей, и школу пришлось оставить.

Спецпереселенцы должны были платить налоги, но это было почти невозможно, т.к.хозяйством обзавелись не сразу. За неуплату налогов привлекали к уголовной ответственности по стастьям 60 и 61 уголовного кодекса. Мой дед, П.С. Корольков, был осужден в 1943 году на 2 года лишения свободы, освобожден в 1945 году, сидел в Итатском лагере Кемеровской области. Старший брат бабушки, Федор Суслов, отсидел на Колыме 12 лет. Он рассказывал, как однажды группу заключенных посадили в карцер в пещере, обвинив их в хищении золота. Пока шло расследование, им давали только хлеб и воду. Домой, где его уже не ждали, приехал лысый и без зубов.

Федора отправят в Магадан из-за драки в тюрьме г. Колпашево, куда его посадят за отцовские налоги. Но недоимки снова появились. И вот пришла очередь бабушки. Это была трагедия, ведь ей еще не было и 17 лет.

Вот строки из заявления бабушки в УВД Томской обл. 1992 г.: «... Шел суд над моим отцом. Во время заседания он предъявил справку, из которой ясно, что от налога он должен быть освобожден: ему в то

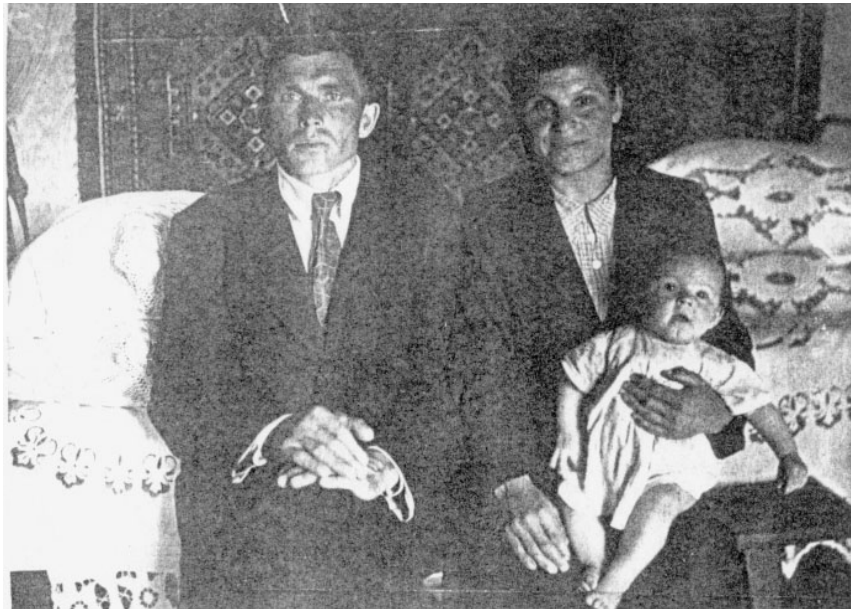
время было 60 лет, с Первой мировой войны у него была пуля в груди, и он страдал пороком сердца. Прямо в зале суда отца освободили. Но кого-то надо было наказать за неуплату налогов. И так как старший брат мой уже отбывал срок в то время, меня осудили к двум годам лишения свободы по ст. 61. По фиктивному документу мне определили 1922 год рождения, это означало, что я совершеннолетняя и могу отвечать за отца. А мне было 16 лет. Я же не могла быть в 16 лет главой семьи. Да и какой налог, если не было хозяйства, сами голодовали. Меня, несовершеннолетнюю девчонку, взяли под конвой и в Колпашевскую тюрьму, потом в Томскую и этапом в Мариинские лагеря Кемеровской области. Просидела я один год и три месяца. Была амнистия в конце 1941 года, меня освободили...».

Павел Корольков

Найти правду, надеяться на справедливый суд в то время было немыслимо. «Когда мы отрицаем принцип «независимости» судей в пролетарском государстве, — говорил Вышинский, — то мы отрицаем их независимость от пролетарского государства, от рабочего класса, от его общегосударственной политики». Те, кто, прикрываясь словами о рабочем классе, окружил кавычками вековечной юридический принцип, были по-своему логичны. В выстроенной ими системе юстиции для независимого суда не могло быть и места».

В лагерь, куда отправили бабушку (тогда совсем девочку), этапировали пешком из Колпашевской тюрьмы в Томскую, а затем в Мариинск, что в Кемеровской области. В реферате ученицы 9 класса православной гимназии «О репрессиях в Алтайском крае в годы Второй мировой войны» рассказывается о механизме осуществления массовых репрессий и дан список сталинских лагерей западной Сибири, где указан и лагерь Колпашево. Это был сельскохозяйственный лагерь. Анастасия работала в свинарнике, выращивала поросят. Из мужской

Павел и Анастасия Корольковы с первенцем в Казахстане. Быт переселенцев.

тюрьмы приводили мужчин. Их называли доходягами. Анастасия спрашивала разрешения у конвоиров и давала им поросячий корм — кашу.

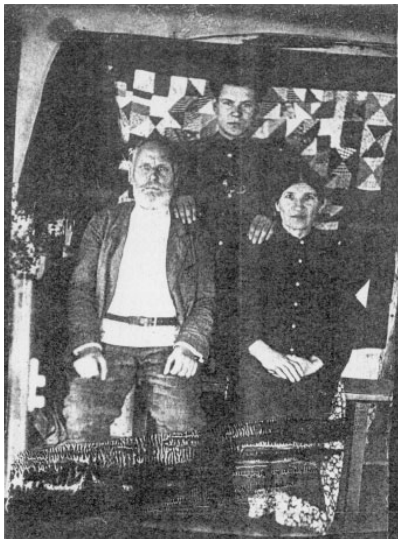
Жили в бараках. В 11 часов ночи, когда усталые за день люди валились с ног, начиналась проверка. Потом ранний подъем. Освободилась через один год и три месяца по амнистии военного времени. Десять дней зимой пешком она шла из лагеря домой в село Подгорное к родителям, которые постарели от горя, ожидая детей.

Я смотрю на старые фотографии. Ещё молодые дедушка и бабушка, оба красивые, энергичные. Они поженились в конце войны. Постаревшие их родители. А вот девушки на лесоповале. Крепкие, загорелые русские лица. Следили за модой как могли. Очень ценились портнихи, хромовые сапоги считались шиком. И ещё обращает на себя внимание то, что никто и никогда не мог бы сказать, что мои деды сидели в лагерях. Ни в поведении, ни в привычках, ни в обращении с детьми, ни в речи не было ничего лагерного.

А ведь там были всякие люди, но то, что было привито с детства, осталось, а все грязное не привилось. У бабушки образная,

яркая, народная речь. Отца она до сих пор называет тятей, вместо «новость» — «новина», вместо «врать» — лукавить, а как хорошо звучит «брат Гриша сначала рахитничал, а потом выбодрил». А как они пели, какие голоса! Знали все русские народные песни. Но звучали за столом иногда и такие строки:

Гуляй, моя детка,
Гуляй моя детка,
Пока я на воле, я твой
Тюрьма нас разлучит,
Тюрьма нас разлучит
Высокой кирпичной стеной

Ф.С. Суслов, Д.Ф. Суслова и их сын Григорий. 1950-е. гг.

Любимой бабушкиной песней стала «Север, север, далёкие страны...»:

Север, север, далеки края,
Север, север, далекие страны.
Север, север, далеки края,
Я девчонка совсем молодая,
По несчастью попала сюда.

Пущай струны гитары рыдают
И домой они скажут в ответ:
Я девчонка совсем молодая,
А душе моей тысяча лет.

Мчится поезд извилистым рельсом
Шум колёс отдаётся стуча
Этот поезд везёт заключённых,
В этом поезде ехала я.

Пущай струны гитары рыдают,
Дикой болью мне душу свело,
Как овины, серебряной пылью

Все дорожки домой замело.

Все подруги на воле гуляют,
Льёт шампанское быстрой рекой,
Только мы, заключённые птицы
Всё сидим за тюремной стеной.

А это песня её брата, который отсидел 12 лет на Колыме. Мелодии у них одинаковые:

Далеко из Колымского края
Шлю, Валюша, тебе я привет,
Как живешь ты, моя дорогая?
Напиши поскорее ответ.
Я живу близ Охотского моря,
Где кончается Дальний Восток.
Я живу без нужды и без горя,
Строю новый в стране городок.
Скоро кончу свой срок наказанья,
С Колымским краем навек распрощусь
И на поезде в мягком вагоне
Я к тебе, дорогая, примчусь.
Воровать завяжу ненадолго,
Чтоб с тобой, моя детка, пожить,
Любоваться твоей красотою
И Колымскую жизнь позабыть.

Раскулаченные крестьяне и колхозники — жертвы коллективизации. Больно за миллионы людей, попавших в 30-40 годы в молох коллективизации: «...с конца 1929 до середины 1930 года было раскулачено свыше 320 тысяч семей (не менее 2 миллионов человек), конфисковано имущество стоимостью свыше 400 миллионов рублей. Многие раскулаченные попадали в исправительно-трудовые лагеря или отправлялись в спецпоселения в отдалённые районы страны. По имеющимся данным, к осени 1931 года было выслано свыше 250 тысяч семей».

Однако общее число репрессированных крестьян значительно превышает эти цифры. В речи на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников, произнесённой 19 февраля 1933 года, Сталин при-

вёл данные о том, что до коллективизации на каждые 100 дворов в деревне можно было насчитать 4-5 кулацких дворов, 8 или 10 дворов зажиточных, 45-50 середняцких, 35 бедняцких. «Развернув колхозное строительство, — с гордостью сказал Сталин, — мы добились того, что уничтожили эту кутерьму и несправедливость, разбили кулацкую кабалу». Таким образом, на каждые 100 дворов Сталин насчитал от 12 до 16 кулацко-зажиточных. Всего же в начале 30-х годов в нашей стране было около 25 миллионов крестьянских хозяйств. Стало быть, более 3 миллионов из них Сталин отнёс в чёрную графу. Если учесть, что, по данным статистики тех лет, в каждой «кулацкой» семье было в среднем 7-8 человек, то в разряд «ликвидированных как класс» попало более 20 миллионов человек...»[1].

Из семей Корольковых и Сусловых один сын погиб на фронте, один был арестован (как выяснилось, по ошибке) и расстрелян. Мои родственники выстояли, выжили, пройдя тяжёлые испытания.

Наступили 50-ые годы. Из поселений разрешили выезжать. На старые места возвращаться не захотели. Некоторое время пожили в Ребрихинском районе Алтая, а потом переехали в Казахстан, где начиналось освоение целины. Это было самое лучшее время в жизни семьи.

Казахстан — Россия

Это было не переселение, а радостный переезд. Закончилась война, закончилась ссылка. Поезд вёз переселенцев на юг Казахстана, где они прожили потом 40 лет.

Это было время поднятия целины. Люди трудились, строили новые посёлки, обустраивали свой быт. Семьи Корольковых и Сусловых поселились в селе Каспан. Жили дружно, помогали друг другу. Недалеко от села была ферма, где жили высланные с Кавказа чеченцы. А вокруг жили депортированные с Волги немцы. Целые народы оказались врагами. Как такое можно было допустить?

У моей бабушки и дедушки, у которых 10 лет не было детей, за 5 лет родилось четверо: два сына и две дочери. Это было чудом. Наверное, тёплый климат, обилие овощей и фруктов, просто свобода дали им детей. Бабушка всегда ценила образованность и учёность и хотела дать детям образование. Семья переехала поближе к столице — Алма-Ате. Дед

[1] Реабилитация. Политические процессы 30-50-х годов /Под ред. Яковлева А.Н. М., 1991.

А.Ф. Суслова. 2003 г.

трудился разнорабочим, бабушка вела домашнее хозяйство. Но жили неплохо. Всегда держали корову, свиней, овец, кур, уток. Детей с раннего детства приобщали к ведению хозяйства. Дед часто говорил: «Отбери у меня всё, оставь только топор и молоток, через три года я всё снова наживу, никогда иждивенцем и голодранцем не буду». Эта кулацкая «закваска», это стремление самому отвечать за свою судьбу и за своих детей передалось и детям. Четверо детей выросло, получили образование, завели свои семьи, свои дома. На одной из фотографий показано кладбище, где был похоронен Суслов Филипп Сафронович, русский крестьянин из России, переехавший на Алтай, прошедший ссылку, вместе с детьми уехавший в Казахстан, где и нашел вечный покой. Но вот в Алма-Ате грянули события 1987 года. На назначение руководителем республики Г.Колбина казахская молодёжь ответила демонстрацией.

Советский Союз начинал распадаться. Русским стало всё тяжелее жить, начался бытовой национализм. А после распада Союза в 1991 году начались притеснения на работе, языковые проблемы. Мамины братья уехали: один из г. Ташкента в Горный Алтай, другой с женой-немкой — в Германию. Старшая сестра, Галина Павловна, работала в школе учителем. Педагогические советы стали проводить на казахском языке. И это при том, что большая часть детей и учителей были русскими. Стали вспоминать старые обиды, называть русских «колонизаторами». Моя мама работала секретарём с/совета. Делопроизводство перевели на казахский язык, а канцелярских слов в языке не было. Назначили переводчиков. Это мало помогало. Если бы оставили два государственных языка, никто бы из русских не стал уезжать. Казахстан стал для нас родным. И люди там хорошие. Но политики везде одинаковые: бездарные и честолюбивые. Семья Галины Павловны вместе с другими шестью семьями переехали в 1993 году в Россию под г. Ульяновск. Квартиру продать не смогли и уехали без денег в

зиму. Ехали на машинах пять суток, мороз был — 20 градусов, мели метели. Проезжали мимо г.Караганды и солженицынского Карлага. Три года семья жила в складском помещении, где промерзали стены и бегали крысы. Очереди к начальникам- бюрократам по вопросам гражданства, получения паспортов, талонов на продукты питания. И часто слышали фразы: «Понаехали тут! Вас никто не звал». Но семья добилась статуса вынужденных переселенцев и ссуды на строительства жилья. Заложили вишнёвый сад, построили дом, работали. Тетя до сих пор на попутных машинах и пешком добирается на работу в школу за 7 км., т.к. село маленькое и ничего, кроме домов, нет. Самое удивительное, что село с красивым названием Лесная Долина среди местных жителей называется «ХОЗО» (Хозяйственная зона). Здесь после войны были подростковые и женские лагеря. Поистине страна «Архипелаг ГУЛАГ». Но переселенцы построили улицу домов, посадили цветы и сады, привели в школы своих детей. Дети выросли, стали юристами, дизайнерами, менеджерами, кондитерами. Уже родилось на этой земле новое поколение. Я с мамой и бабушкой переехали в 1999 году. Папа ещё три года продавал дом в Казахстане. Добирались на поездах с пересадками. Особенно трудно было бабушке. Но преодолели этот путь в Россию. Оформление документов, поиск работы, жилья — вот уже несколько лет содержание нашей жизни. Но были и важные, интересные события: я окончила музыкальную школу (пианино привезли из Казахстана), были праздники и лагеря отдыха. Самое главное, наша семья почти вся вместе, кроме дяди, уехавшего на Алтай. Вернулся из Германии дядя Володя (не смог жить без Родины). Нас уже двадцать человек. Мы собираемся в доме тёти, большом, теплом, уютном, который построили сами. Праздники, дни рождения, бани по субботам, летние огородные работы, заготовка дров — всё вместе, как и было у наших дедов. Жизнь продолжается...

С верой и надеждой

Путь нашего рода из России в Россию, я надеюсь, закончился. Пусть будут поездки, путешествия, но не хочется больше быть переселенцем в своей стране. Хотя, может быть, именно трудности переселенческой жизни сделали нас стойкими и работящими, умеющими строить свою жизнь самостоятельно. Мне кажется, что в современной России переселенцы из бывших союзных республик — огромный людской потенциал, надёжный резерв. Я надеюсь, что мы найдём в России свою судьбу.

Диана Шмелева

Любовь Юдина

Республика Мордовия,
с.Ельники, средняя школа,
11 класс.
Научный руководитель:
Е.В.Никишова

Звонкая песнь металла... и горькие судьбы кузнецов

Когда я искала в книге «Память. Жертвы политических репрессий» материалы о Семене Дмитриевиче, я заметила, что не он один был осужден в этот день. Я проанализировала весь список «Книги» по нашему району и нашла еще 14 имен ельниковских крестьян, осужденных 27 апреля. Какое чувство я испытала? Наверное, прежде всего ужас — столько семей лишились кормильцев! А участь арестованных? Их ждут лагеря и неизвестность — вернутся ли они домой?

В далеком прошлом (и не очень далеком — в начале XX века) жители нашего родного села Ельники просыпались с зарей не только под мычание коров, которых пастухи гнали в стадо. Крестьян будил и звонкий стук молотов о наковальни, разносившийся из сельских кузниц.

Этот стук довелось услышать и нам, когда мы наблюдали работу кузнеца — любителя Андрея Хайдукова, который в наши дни возрождает кузнечный промысел. Этот стук действительно звонкий и чистый. Он возвращает нас в прошлое и напоминает о том времени, когда кузнечный промысел играл важную роль в жизни сельских жителей и оставил о себе хорошую память.

До нас никто не занимался изучением кузнечного промысла в нашем районе. И мы не пожалели, что выбрали эту тему, ведь перед нами

открылись новые страницы истории нашего края, полные драматических событий.

Мы посвятили свою работу династиям кузнецов Ветчинниковых. Написать ее нам помогли документы Ельниковского муниципального архива — анкеты, удостоверения, разные прошения и ответы на них местных властей.

Кроме того, старожилы села и близкие родственники кузнецов (75 — 89 лет) многое рассказали о них. И мы подумали: уйдут из жизни эти люди, и исчезнет целый мир, связанный с кузнечным промыслом. Если не мы, то кто же напишет о ельниковских кузнецах? И мы взялись за дело — мы ходили в музей, встречались с родственниками кузнецов и старожилами села, изучали литературу о промыслах, которую нашли в библиотеке.

В нашем краеведческом музее хранятся некоторые изделия деревенских кузнецов: таган, ножницы для стрижки овец, кочедыки, амбарные замки и ключи к ним и другие. Разглядывая их, мы получили первое представление о промысле.

Кузнечный промысел был одним из важных для жизни крестьян с глубокой древности. Кузнецы изготовляли множество нужных изделий — сельскохозяйственный инвентарь, подковы для лошадей, предметы быта.

Династии кузнецов Ветчинниковых

Вдоль восточного берега неглубокой речки Вармы («варма» на мордовско — мокшанском языке означает ветер) в центре села стояли кузницы Ветчинниковых. Неподалеку от моста, соединяющего улицы Солдатскую и Зареку, находились кузницы родных братьев Максима, Федора и Ивана. Примерно в километре от них вверх по течению — их родного дяди Дмитрия Степановича, которому сначала помогали сыновья Гаврил и Семен, позднее сами открывшие свои кузницы. На деревне сыновья часто перенимали ремесло своих отцов.

Умелыми руками братьев Ветчинниковых по заказам односельчан изготавливалось множество изделий. О них мы узнали из рассказов старожилов села Белоусова Михаила Игнатьевича, Смагина Александра Степановича, а так же дочерей кузнецов Татьяны Семеновны (75 лет) и Елены Федоровны (86 лет). Когда мы приступали к работе, мы очень мало знали о кузнечном промысле. Теперь же мы можем дать

описание изделий, сделанных кузнецами нашего села и правильно произнести их названия.

Самое большое бедствие, которого боялись наши предки, были пожары. Поэтому напротив каждой избы крестьяне строили кирпичные амбары. В них складывали все самое ценное — зерно, зимнюю одежду, домотканое льняное полотно, мануфактуру (ситец). Чтобы в случае пожара огонь не проник в амбар, их владельцы заказывали кузнецам кованные железные двери. Для дверей кузнецы изготовляли амбарные замки и ключи к ним.

В нашем селе сохранилась часть ажурной изгороди около имения помещика Селезнева. Сколько души вложили в нее кузнецы! Когда смотришь на нее, понимаешь, что изгородь не просто огораживала участок, но и украшала его. Она выполнена в виде сочетания прямых линий с завитушками и пиками, которые придавали ей легкость и красоту. Мы не можем точно сказать, сделали её кузнецы Ветчинниковы или другие мастера, но это все равно памятник кузнечного ремесла.

Кузнецы считались мастеровыми, знающими людьми, которых уважали односельчане. По мнению М.И. Белоусова они были как бы высшим сословием, быть кузнецом было, говоря современным языком престижно. Несмотря на тяжелые условия труда, это ремесло давало возможность жить безбедно, особенно в нашем селе, где низкоплодородные песчаные почвы.

Горькие судьбы братьев Ветчинниковых

Шмелёва Диана

Максим, Федор и Иван

Колесо истории безжалостно проехало в 1930-е годы по кузнецам Ветчинниковым. Большинство из них прошли через лагеря Гулага. Кому-то суждено было вернуться домой, а кому-то и нет. Максим, Федор и Иван отбывали сроки ссылки на лесоповале в Карелии, а их двоюродный брат Семен — на Соловках. Я нашла карту северо-западных лагерей во второй части электронного издания «Жертвы политического террора в СССР», которое выпустил «Мемориал».

На этой карте Карелия подписана, а Соловецкие острова обозначены красным кружочком в Онежской губе Белого моря.

Кузнецы Ветчинниковы — Максим, Федор и Иван (мой прадедушка) были уважаемыми людьми. Это уважение они заслужили своим ремеслом. Я думаю, они были так же самостоятельными и не-

зависимыми. Послушным и робким в годы коллективизации было легче приспособиться.

Семья Максима

Они были сыновьями Ивана Степановича Ветчинникова (моего прапрадедушки). В начале XX века он был известен в селе как владелец крупной лавки, в которой продавался разный товар — от керосина и спичек до сахара. Рядом с лавкой стояла большая кладовая для хранения товара. Кроме троих сыновей у Ивана и его жены было пять дочерей. Сыновья не пошли по стопам отца. Они стали кузнецами.

О Максиме я знаю совсем мало, потому что он погиб в Карелии на лесоповале. Моя бабушка Нина Ивановна (племянница Максима и дочь Ивана) рассказала мне, что у него была жена Полина и трое детей: Мария, Саша и Евдокия. Евдокия вышла замуж за военного подводника и осталась жить в Мурманске. Мария долго работала в сберкассе в Ельниках, а после смерти мужа переехала с сыном в город Саранск.

На фотографии изображёны Максим, рядом с ним — его жена Пелагея, а крайняя слева Федосья, жена Фёдора, брата Максима. Максим совсем молод. Лицо у него серьезное и сосредоточенное, он уверен в себе. Федосья слегка улыбается, а Пелагея спокойна и серьёзна, как её муж. У всех открытые русские лица.

Впервые увидев эту фотографию, я подумала, что это не крестьяне, а городские мещане. Ельниковские крестьяне носили домотканую одежду и лапти, а женщины обязательно повязывали на голову сатиновые платки. На фотографии мы видим совсем другое. Пелагея и Федосья одеты в одежду из фабричного ситца. Не понятно — на них платья или кофты с юбками, потому что на коленях у обеих расстелено покрывало или кусок ткани. На их головах нет платков. Максим тоже мало похож на крестьянина. Его одежда явно не домотканая, на голове картуз. И главное отличие от крестьян — их обувь. На ногах у Федосьи кожаные ботинки, а у Максима — сапоги. Обувь у Пелагеи не видно, но я думаю, что вряд ли она носила лапти. Эта фотография

является подтверждением того, что кузнецы жили не бедно, если могли позволить себе кожаную обувь и одежду из фабричных тканей.

Я думаю, что фотография сделана в середине 1920-х годов. Когда Максима арестовали в 1933 году, ему было 37 лет, а здесь он значительно моложе. Грустно смотреть на эту фотографию, ведь через несколько лет Федосья умрёт от болезни, а Максим погибнет на лесоповале.

О Федоре я знаю больше. О нём мне рассказала его дочь Елена Фёдоровна Шестакова (86 лет):

«У моего отца и его братьев Ивана и Максима были кузницы. Они располагались в ряд в конце улицы Солдатской. Все братья были хорошими кузнецами. В 1932 году они вступили в колхоз. Их кузницы обобществили — весь кузнечный инвентарь свезли в колхозную кузницу, которая располагалась на улице Садовой. Братья стали работать там кузнецами. Забрали их всех в одну ночь — 27 апреля 1933 года. Утром под конвоем отправили в Краснослободск в тюрьму, оттуда — в ссылку. Всем братьям дали срок — 10 лет ИТЛ. Забрали их по оговору — якобы они портят то ли сбруи, то ли подковы, чтобы губить колхозных лошадей.

Семья у нас была большая. У моих родителей родились пять дочерей и два сына. После ареста отца нашу маму Федосью Яковлевну по ночам вызывали в ОГПУ и требовали, чтобы она дала согласие вместе с детьми поехать с мужем в ссылку. Но она уже тогда болела и ее оставили дома. Через два года после ареста отца она умерла. Мы остались с бабушкой. Хлебнули горя! Весной собирали по полям замерзшую картошку, летом все работали в колхозе. Лет — то нам было — 12, 13, 15! Зимой пускали квартирантов. Я в 14 лет устроилась на работу в школу — уборщицей.

Отец наш работал на лесоповале неподалеку от города Котласа. Там он сильно повредил ногу, перелом кости был сложный. Одна нога у него так и осталась короче другой. Он хромал всю жизнь. Рады, что хоть живым вернулся. А брат Максим там погиб. Отец вернулся поздней осенью 1939 года, проработав на лесоповале 6 лет»[1].

Вот такой грустный рассказ получился у Елены Федоровны. Власть обездолила большую семью, оставив детей без отца.

После возвращения домой Фёдор работал в МТС кузнецом. Я думаю, что он был кузнецом высокой квалификации. Ведь по рассказам старожилов села ему доверяли изготавливать рессоры для тарантасов

[1] Интервью с Е.Ф.Шестаковой, записано 1.08.2006.

Ф.И. Ветчинников с дочерьми Татьяной и Еленой (справа). Конец 1950-х годов.

(двуколок и четырехколок) самих секретарей Ельниковского райкома ВКП(б). В те годы в райцентре не было ни одного легкового автомобиля. Секретари объезжали колхозы района на лошадях. Тарантасы, в которые запрягали лошадей, были самодельные, их делали в мастерской МТС. Дороги — просёлочные и ухабистые. Чтобы ездок не ощущал тряску, делали рессоры. Мастером по их изготовлению и был Федор Ветчинников. Но вскоре опять начались аресты. Не дожидаясь своего часа, Федор решил убежать. Он скрылся в Горьковской области.

Я думаю, что это решение далось ему с трудом. Ведь младшие дети ещё не встали на ноги. Вся ответственность за них ложилась на старшую дочь Елену. Елена вместе со своими братьями и сёстрами жила у бабушки. Вскоре она вышла замуж. Её муж Шестаков Иван Андреевич был агрономом. Елена Фёдоровна вспоминала, что жили все вместе одной семьёй. Иван был хорошим и добрым человеком и никогда не попрекал жену, что почти все заработанные им деньги расходуются на её большую родню.

В сентябре 1940 года у Ивана и Елены родилась дочка Валя. Но не пришлось Ивану растить свою дочь. 26 декабря 1941 года он был взят на фронт. Весной 1944 года Елена получила похоронку на мужа.

И снова Елене пришлось одной растить младших сестрёнок, а теперь и дочку Валю. Ведь Фёдор Иванович, их отец, остался жить в Горьковс-

Иван Иванович Ветчинников

кой области, в нем поселился страх снова быть арестованным. Конечно, он помогал Елене, но у него появилась другая семья, и родилось двое детей. Позднее Мария, младшая сестра Елены, вспоминала, что мачеха была скуповатой. Когда дети приезжали навестить отца, она не особо приветливо встречала их, но Федор требовал, чтобы та выкладывала на стол всё, что было.

Больше всего мне известно о моём прадедушке Ветчинникове Иване Ивановиче. Иван Иванович служил в Красной Армии.

На фотографии он выглядит серьёзным. Одет по форме, на голове будёновка со звездой. В левой руке — ножны от шашки, а в правой — сама боевая шашка. Я думаю, что он служил в кавалерии.

Моя прабабушка Ольга Ивановна рассказывала своей дочери — моей бабушке Нине Ивановне, что он был очень добрым. Кареглазым, высоким стройным и красивым. Ольга встретилась с ним в 1938 году. Она жила в деревне Корино, неподалеку от Ельников.

У Ольги и Ивана — одинаковые судьбы. Отец Ольги Иван Антонович Костров был раскулачен и вместе женой Александрой Дмитриевной и детьми и выслан в Карелию. Юная Ольга каким-то образом сбежала из ссылки и пряталась у своей тётки Солонии в Корино.

Моя бабушка Шмелёва Нина Ивановна вспоминает о своей маме:

«Моя мама родом из Корино. Её родителей и их четверых детей выслали на поселение в Карелию, а мама сумела убежать и скрывалась у родной тёти. Сначала она работала в колхозе, а затем устроилась в

школу уборщицей. А в школе работала молодая учительница Татьяна Петровна из Ельников, племянница Ивана Ивановича Ветчинникова. Вот она и познакомила моего отца с мамой»[1].

Раскулаченный Иван Костров и его жена Александра. Карелия, 1937 г.

Иван вернулся из ссылки в Карелию досрочно (вместо 10 лет пробыл около 6). Жена Василиса сразу после суда отказалась от него, чтобы избежать ареста и изъятия имущества. Он был одинок. Я думаю, когда он познакомился с Ольгой, тоже, как и он прошедшей через унижения, он не захотел с ней расставаться. Ольга тоже потянулась к нему, и они стали жить вместе.

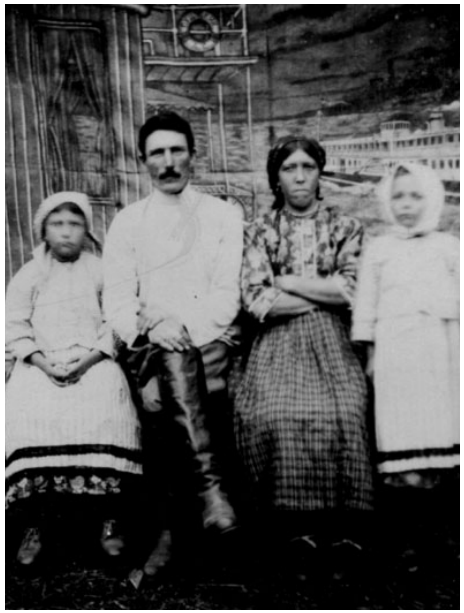
Иван и Ольга сначала свои семейные отношения не зарегистрировали, как тогда говорили, «не расписались». Почему? Я не могу точно ответить на этот вопрос. Может быть, Иван боялся нового ареста и опасался, что это может сказаться на судьбе Ольги.

Иван и Ольга сфотографировались в сельской фотографии на фоне нарисованного на холсте моря. У Ивана не отросли волосы — он только что переболел тифом. Волосы у него даже через несколько лет не выросли.

В глазах Ивана тревога: что ожидает его впереди? И у Ольги лицо несколько напряжённое. На их лицах словно отпечаталось всё пережитое за последние годы.

Иван поступил на работу кузнецом в Ельниковскую МТС. Ольга, а потом и её дочка Нина сохранили трудовую книжку Ивана. Первая запись в ней такая: «Общий стаж работы по найму до поступления в Ельниковскую МТС три месяца». Я просто ужаснулась, прочитав это. Получается, что в свои 32 года Иван работал всего три месяца! Впрочем,

[1] Интервью с Н.И.Шмелевой, записано 12.07.2006.

Семья Солонии, у них скрывалась Ольга, сбежавшая из ссылки, 1933 г.

Иван Ветчинников и Ольга Кострова. Конец 1938 г.

эту запись можно объяснить просто: когда-то он был кузнецом — единоличником, потом отбывал ссылку. Я думаю, что кузнецы были позарез нужны в МТС, и его взяли после ссылки на работу. Но указывать факт ссылки не стали. Наверное, руководство МТС тоже опасалось последствий, ведь на работу брали судимого!

Приведу ещё один рассказ бабушки о первых годах совместной жизни её родителей (по рассказам Ольги Ивановны):

«В 1939 году у них родился мальчик Владимир, который через полтора года умер от кори на руках у отца, тогда много детей умирало от этой болезни. Отец очень переживал смерть мальчика. Осенью 1940 года родилась я, папа очень любил детей, был трудолюбивым и настоящим Левшой своего кузнечного дела. Когда началась война, родители не пошли в ЗАГС регистрировать свой союз (они жили без регистрации брака), а пошли фотографироваться на память. Отец в то время работал в МТС».[1]

Мобилизации на фронт проходили одна за другой, но

[1] Интервью с Н.И.Шмелевой, записано 12.07.2006.

Иван и Ольга с дочкой Ниной, 22 июня 1941 г.

Ивана не брали, потому что у него, как у кузнеца, была бронь. Однако летом 1942 года срок брони закончился. Наступил черёд Ивана идти на войну. В его трудовой книжке записано, что он был уволен из МТС 7 июня 1942 года в связи с призывом. Только перед уходом на фронт Иван и Ольга зарегистрировали свой брак. Это позволит Ольге в последствии получать пенсию на дочку Нину за погибшего мужа.

На следующий день после отправки Ивана на фронт в МТС пришла новая бронь на кузнецов, но было уже поздно. Иван был в пути на фронт.

Жене Ольге Иван часто писал письма до самой своей гибели. Ольга долго хранила их и часто перечитывала. Вспоминая Ивана, она всегда плакала, а потом в какой—то недобрый час сожгла все письма. Слишком тяжело было их читать и сознавать, что муж ушел навсегда. Моя бабушка говорила позднее своей маме: «Зачем сожгла письма, мне бы хоть оставила почитать».

Осенью 1942 года из военкомата Ольге принесли страшное известие:

Извещение

«Ваш муж красноармеец Ветчинников Иван Иванович уроженец Мордовской АССР Ельниковский район Ельниковский сельсовет с.Ельники. В бою за социалистическую родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, был убит 18 сентября 1942 года. Похоронен 19 сентября 1942 года. Юго — Восточнее 700 м. от Разъезда № 564 Сталинградской области Городищенского района. Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии».

Иван Иванович погиб под Сталинградом. Почти через 40 там побывает его внук, мой папа.

Когда папа учился в университете, он ездил на практику в город Волгоград, бывший Сталинград. Бабушка ему сказала: «Саша, там погиб твой дед. Обязательно побывай на Мамаевом кургане». Папа купил цветы, поехал на Мамаев курган и положил их на братскую могилу.

В нашей семье хранится светлая память о прадедушке. А ещё его имя занесено в две Книги «Память». Переплет одной из них красного цвета, другой — черного. В одной — имена защитников Родины, погибших в годы Великой Отечественной войны (издана в 1994 г.). В другой — список реабилитированных (издана в 2000 г.). Вот строчки из обеих книг:

Ветчинников Иван Иванович, 1906 г.р., с. Ельники, Ельниковский район МССР. Русский. Призван в Сов. Армию в 1942, с. Ельники. Рядовой. Погиб в бою, сент. 1942. Похоронен в Городищенском районе, Волгоградская обл. («Память», стр. 417).

Ветчинников Иван Иванович, 1906 г.р., уроженец и житель с. Ельники, б/п, крестьянин, осужден 27.04.33 Тройкой при ПП ОГПУ по Средне-Волжскому краю по ст. 58-10 УК РСФСР и закону от 07.08.32 к 10 годам заключения в исправительно-трудовой лагерь, реабилитирован 27.08.98 («Память. Жертвы политических репрессий», стр. 170).

Это единственный житель нашего села, имя которого есть в обеих книгах. Жаль, что Иван Иванович Ветчинников, мой прадед, погиб на войне и не узнал, что он реабилитирован ровно через 65 лет после ареста и осуждения.

Я думаю, для него это было бы очень важное известие, ведь он действительно не имел перед советской властью никакой вины. Теперь это признано официально.

Когда я сказала бабушке, что буду писать исследовательскую работу о кузнецах Ветчинниковых, она одобрила мой выбор и во всем мне помогала. Спасибо ей за её рассказы о прадедушке и прабабушке. Она впервые подробно раскрыла для меня историю нашей семьи.

Раньше она тоже рассказывала мне что-то, но относилась ко мне как к маленькой внучке. Теперь всё было вполне серьёзно. Правда, бабушке не легко было возвратиться в прошлое. Рассказывая о своих родителях, она плакала. Я понимала, как дороги ей эти воспоминания.

Я уверена, что все до одного человека должны написать историю своих семей.

Любовь Юдина

Дмитрий Ветчинников, его сын Семен и внук Яков

Д.С. Ветчинников доводился родным дядей Максиму, Федору и Ивану.

Кузнечным ремеслом Дмитрий Степанович занимались еще до Октябрьской революции. Вёл торговлю хлебом, на что в годы советской власти имел патент. Об этом свидетельствует характеристика сельского совета:

«Гражданин Ветчинников до 1917 г. занимался торговлей своего производства скобяным товаром и хлебным фуражом, после 1917 г. до 1927 г. Занимался торговлей этим же с прибавлением машинных товаров, на что имел до 1927 патент 2 разряда»[1].

Из этой же характеристики я узнала, что семья Дмитрия Степановича жила безбедно. Она имела двух лошадей, двух коров, шесть овец, и двух свиней. Узнала я и то, что Дмитрий Степанович был в течение двух лет церковным старостой. На эту должность выбирали, как правило, самых уважаемых людей.

В годы советской власти такая характеристика грозила неприятными последствиями. И действительно, в 1923 году Дмитрий Степанович и все члены его семьи были лишены избирательных прав. Сам кузнец был лишен, как торговец по патенту и владелец кузницы, а все остальные — как члены семьи.

Дмитрий Степанович считал, что с ним поступили несправедливо, ведь он всю жизнь работал, не покладая рук — на деревне без кузнеца прожить невозможно, особенно во время сева или уборки урожая.

[1] Ельниковский муниципальный архив (далее — ЕМА), ф.1, д.«В», т.2, л.88.

Если инвентарь в страду выйдет из строя, починить его сможет только кузнец.

Дмитрий Степанович начал писать жалобы на действия сельсовета, и облисполком восстановил его в избирательных правах.

Семья продолжала трудиться и к большому неудовольствию сельсовета никак не хотела беднеть. Дмитрий Степанович ездил за железом и углем в город Лукоянов Нижегородской губернии и продолжал работать в кузнице.

Тогда в 1929 году сельсовет отнял у Ветчинниковых каменный пятистенный дом, в котором они жили[1]. В решении сельсовета говорилось, что дом изъяли за не уплату госналогов.

В апреле 1931 года сельсовет вторично лишил Дмитрия Степановича избирательного права:

«Выписка из протокола заседания президиума Ельниковского сельсовета 7 апреля 1931 председательствует Зеленцова.

Присутствуют: Виканов, Козлов, Юрина.

Повестка дня.

Слушают: пересмотр списков лиц, подлежащих лишению избирательных прав вновь лишенного гр — на с. Ельник Ветчинникова Дмитрия Степановича.

Постановление: гражданина Ветчиникова лишить с всем семейством т/к до 1917 года занимался торговлей своего производства скобяным товаром и хлебным фуражом после 1917 года до 1927 г. Занимался торговлей этих же с прибавлением машинных товаров на то что имел до 1927 г. патент второго разряда. В настоящее время занимался сельским хозяйством»[2].

В архиве больше нет документов о том, пытался ли Дмитрий Степанович снова вернуть избирательное право, но зато есть его заявления с настоятельными просьбами вернуть ему дом. Вот одно из них:

«Прошу вернуть мне обратно дом последний. В настоящее время в нем помещается бригада. В настоящее время дома своего не имею. Живу в землянке, возраст мой 72 года и жене 70 лет. Семья состоит из 5 человек. В чем прошу не отказать к сему Ветчинникову»[3].

[1] ЕМА, ф.1, д.«В», т.2, л.46.
[2] Там же, л.87.
[3] Там же, л.47.

Тяжба затянулась на несколько лет, потому что Дмитрий Степанович так и не вступил в колхоз. В 1934 году Дмитрий Степанович умер, так и не дождавшись положительного ответа. Его жена Евдокия продолжала писать заявления о возвращении дома, но его ей так и не вернули. В постановлении сельского совета говорилось, что у Евдокии есть дети, пусть она у них и живет.

Но дети жили своими семьями. Евдокия не хотела их стеснять, так и прожила в полуразвалившейся землянке.

Семен Ветчинников

Сын Дмитрия и Евдокии Семен, тоже кузнец, жил своей семьей. У них с женой Анисьей было шестеро детей. Дети рождались с большим промежутком: старший сын родился в 1914-ом, а младшая дочь — в 1931 году.

Кузнечному ремеслу Семен учился у отца с самого детства. Перед призывом в Красную Армию у него уже была слава хорошего кузнеца. Он и на гражданской войне был по специальности — в кавалерийской части подковывал лошадей. Об этом я узнала из архивных документов. В Фонде №1 в деле «В» в первом томе хранятся три удостоверения Ветчинникова С.Д., выданные командованием III-ей Армии Восточного Фронта. Из первого из них я узнала, что Семен служит в учебной кузнице:

«РСФСР
Центральная Учебная Кузница
Восточного фронта. Апрель 1919 г.
Предъявитель сего есть действительно кузнец-красноармеец Центральной Учебной Кузницы Восточного фронта Ветчинников Семён, что подписями и приложением печати удостоверяется.
Заведующий кузницей /подпись/»[1]

Из второго о том, что Семен хорошо владел искусством подковывания лошадей и был зачислен в Ветеринарный Лазарет III-ей Армии. Вот удостоверение от января 1920 года:

«РСФСР
Армейский Ветеринарный Лазарет
III Армии Восточного Фронта. 24 января 1920 г.

[1] ЕМА, ф.1, д.«В», т.2, л.106.

Удостоверение.
Предъявитель сего Ветчинников Семён есть действительно кузнец Армейского Ветеринарного Лазарета III-й армии, что подписью и приложением печати удостоверяется.
Заведующий лазаретом
Ветврач /Подпись/
Делопроизводитель /Подпись/»[1]

В июле 1921 года Ветчинников Семен служил в Омске уже старшим кузнецом ветеринарного лазарета и был на хорошем счету у командования. Когда он демобилизовывался, в выданном ему удостоверении отмечалась его хорошая служба и профессионализм. Я думаю, что как деревенский житель он не просто подковывал лошадей, но и любил их. Вот это демобилизационное удостоверение:

«Удостоверение.
Дано сие старшему кузнецу Омского гарнизонного Ветеринарного лазарета товар. Ветчинникову Семёну Дмитриевичу
в том, что он действительно кузнец — специалист как ковочного дела, а так же и других кузнечных работ, в бытность своего служения в ветеринарных лечебницах с 1919 года хороший практик ковки больных лошадей, знает хорошо строение копыта, а так же ковки горячих, холодных и др. К своим обязанностям тов. Ветчинников всегда относится ревностно, что подтверждаю приложением печати.
Начветуч. /подпись/
Военком /подпись/
Начканц. /подпись/ Омск, июнь 1921 г.»[2]

Эти удостоверения Семен Дмитриевич приложит позднее к своим заявлениям в Ельниковский сельсовет с просьбами о восстановлении избирательного права.

Вернувшись домой, Семен Дмитриевич продолжал работать в своей кузнице, которая стояла неподалеку от моста через мелководную речку Варма.

В конце 1920-х его лишили избирательных прав, как кузнеца-единоличника. Тогда он стал писать прошения о восстановлении избира-

[1] ЕМА, ф.1, д.«В», т.2, л.110.
[2] Там же, л.109

тельных прав. К ним он и прилагал документы, привезенные из Красной Армии.

Правда, районная избирательная комиссия не приняла положительного решения и оставила кузнеца Ветчинникова в списках лишенцев. Тогда Семен написал в областную избирательную комиссию, которая 26 июля 1930 года избирательное право ему восстановила, как бывшему красноармейцу.

О жизни семьи Ветчинниковых в эти годы рассказала дочь Семена Татьяна.

Я могу сравнить два ее рассказа с промежутком в 20 лет: один — в 1986 году, а другой — в 2006 году. Первый из них был записан учениками нашей школы 20 лет назад накануне празднования 50-летия школы. Татьяна Семеновна, учитель русского языка и литературы, рассказывая о себе, коснулась и истории семьи:

«Отец мой Семен Дмитриевич — исконный кузнец, профессию эту унаследовал от своих родичей. Жил ни шатко, ни валко, трудом добывал кусок хлеба. Работал в скудном земельном наделе своего отца. Затем с организацией колхоза трудился в общественном производстве. Во время Великой Отечественной Войны находился в штате бывшей промысловой артели «1 мая». Ковал здесь лошадей, занимался производством повозок военного образца для фронта. Со своей кузнечной профессией не расставался до последних дней жизни.

Мать Анисья Васильевна была хозяйкой большой семьи. С детства познала нелегкий крестьянский труд. С колыбелью и скромным запасом продовольственной провизии (квасом, зеленым луком, картошкой в мундире и испеченным наполовину с лебедой и мякиной черным караваем хлеба) выезжала с утренней зарей в поле. Там жала рожь, теребила лен, нянчила детей, оставалась на ночь»[1].

В этом рассказе нет ни слова о том, какие испытания пережила семья в годы коллективизации, о ссылке отца, о тех лишениях, которые семья пережила в его отсутствие. Это и понятно. Хотя уже шел второй год «перестройки», но еще не было массовой реабилитации. Тогда люди еще не рассказывали о своих репрессированных родных. О жизни семьи в годы репрессий Татьяна Семеновна расскажет лишь через 20 лет.

К началу коллективизации Семен Ветчинников был известным

[1] Воспоминания Т.С.Ветчинниковой (1986 год).

кузнецом. Большая семья Семена жила в то время в небольшом домике в конце улицы Зареки. Семен задумал построить новый дом рядом со своей кузницей. Дом помогали строить отец и братья. Сначала Семен не хотел вступать в колхоз. Но, видя, как один за другим властями высылаются раскулаченные, в колхоз он вступил.

Это подтвердил Александр Степанович Смагин, старожил села:

«Семен работал в нашей артели «1 мая» кузнецом. Молотобойцем был Петрушков с деревни Александровка. Я также хорошо знал и сына Семена Якова, который работал в нашем промкомбинате тоже кузнецом. У меня дома находятся изделия, сделанные Ветчинниковым Семеном — оконная дверь, дверные петли на ворота, отбой, чтобы отбивать косу. Все изделия сделаны на совесть»[1].

Однако справить в новом доме новоселье Ветчинниковы не успели. Семен Дмитриевич был раскулачен. Почему? Мне трудно ответить на этот вопрос. Ведь Семен же вступил в колхоз и передал туда свою кузницу. К тому же он был участником гражданской войны и воевал за советскую власть в Красной Армии.

Но 27 апреля 1933 года Тройкой при ПП ОГПУ по Средне-Волжскому краю он был осужден по статьям 58 -7 и 58 -10 УК РСФСР к 6 годам лишения свободы.

Когда я искала в книге «Память. Жертвы политических репрессий» материалы о Семене Дмитриевиче, я заметила, что не он один был осужден в этот день. Я проанализировала весь список «Книги» по нашему району и нашла еще 14 имен Ельниковских крестьян, осужденных 27 апреля. Какое чувство я испытала? Наверное, прежде всего ужас — столько семей лишились кормильцев! А участь арестованных? Их ждут лагеря и неизвестность — все ли вернутся домой?

А потом — недоумение. За что же осудили их? Только за то, что трудились день и ночь, создавая своим семьям нормальную жизнь?

Потом учителя истории объяснили мне, что в нашем районе темпы коллективизации были очень низкими. Пытаясь заставить крестьян более активно вступать в колхоз, власть запугивала их и устраивала такие показательные суды.

О том, какие события происходили накануне суда, рассказали (со слов своего отца) дети Семена Дмитриевича — Василий и Татьяна.

[1] Интервью с А.С. Смагиным, записано 2.07.2006.

Вот рассказ Василия Семеновича:

«Отец наш, Семен Дмитриевич, был кузнецом... Мастер он был хороший, работы ему заказывали со всей округи. Во время коллективизации кузницу отобрали, хотя семья вступила в колхоз. Была построена огромная колхозная кузница, где — то в центре села (около нынешнего кинотеатра, так кажется). Отец как опытный кузнец был назначен заведующим кузницей, а работал молотобойцем у него сосед по прозвищу «Бурак», а фамилия его, кажется Рассказов, точно не помню.

Отец, обучал его кузнечному делу, да и по соседству помогал им (Рассказовы жили бедно). Из-за зависти черная душа «Бурака» страдала. Он и его родственники (один работал в это время секретарем с / совета) сочинили на отца донос, якобы он делал для лошадей колхозных неправильные (негодные) сиделки, и от этого лошади портили спины.

Отца арестовали, на допросах во время очной ставки с этим «Бураком», отец сказал ему: «Что же ты говоришь неправду, ведь мы и сиделки для лошадей не делали»! Он потупился, все-таки совесть видно заела, и стал отказываться, верней замолчал. Тогда следователь пригрозил: «Десятку вам разделим потом». Так рассказывал отец об этом допросе»[1].

Рассказ брата дополнила Татьяна Семеновна, причины ареста отца она видит несколько иначе: «Весной 1933 года отец получил задание подготовить к пахоте и севу весь колхозный инвентарь. Он все подготовил — отремонтировал, отладил, сложил всё в кузнице в порядке вдоль стен. Утром пришла комиссия принимать работу. Инвентарь весь валялся, как попало, в беспорядке. Кто это сделал? Отец подозревал, что это его помощник из-за зависти. Отца обвинили во вредительстве и сразу арестовали»[2].

Чей рассказ ближе к правде? Мне кажется, эти два рассказа дополняют друг друга. Не очень власть любила Семена, могли быть и оговоры, и доносы, и просто провокации, как с разбросанным инвентарем. А «вредителей» тогда искали везде.

После ареста мужа Анисья Ветчинникова осталась одна с пятью малыми детьми. Двое старших сыновей уже жили самостоятельно.

Вспоминает его сын Василий Семенович:

«Отца угнали, только мы не знали куда, писем не было... Пришли из органов НКВД и решили всю семью выселить из села. Тогда мать сказала, собрав нас всех к себе: «Стреляйте нас всех на месте, я никуда не поеду с детьми». Вот эти слова матери я хорошо запомнил.

Нас оставили в селе, и даже мы работали в колхозе. У нас отобрали только что построенный дом, а мы жили в деревянном старом доме, но случился большой пожар, дом сгорел, и мы вынуждены были жить в амбаре, а дом нам не вернули. Много вспоминать голод и гонение на нас, я не хочу, но были и добрые люди, которые помогали нам выжить»[1].[22]

Анисья Васильевна в колхозе почти ничего не зарабатывала, одни палочки, означавшие количество трудодней. А выплата по ним — в конце года. Как же прокормить араву детей? Татьяна Семеновна так рассказала о тех тяжелых днях:

«Я была совсем маленькой, когда арестовали отца. Я не помню тех трудных для нас дней. Лишь когда мы стали взрослыми, о них мне рассказали братья.

Старший брат Яков уехал в Нижегородскую область и устроился работать, как и отец, кузнецом. То, что зарабатывал, присылал матери, чтобы хоть как-то прокормить детей. Мама тоже не сидела, сложа руки. Рано утром, еще затемно, она вместе с другими женщинами уходила пешком в город Первомайск Нижегородской области (около 25 км от Ельников). Там они покупали газеты, а дома их продавали. От этой очень тяжелой работы женщины получала грошовую прибыль, но и она была в помощь.

Вскоре ее арестовали. Других не трогали, а ее арестовали, потому что отец находился в заключении. Ночь она провела в милиции. Ее обвинили в спекуляции. Мама тогда еще кормила меня грудью. Всю ночь я кричала голодная. Старший брат Вася был главной нянькой. Ему было 11 лет, Ане — 7, а Наташе — 5. Утром Вася завернул меня в лоскутное одеялко и пошел со мной в милицию. Путь был не близкий, ведь мы жили на самом краю села. Милиционеры сжалились над нами и разрешили матери меня покормить. Через несколько дней её отпустили»[2].

Этот, второй рассказ Татьяны Семеновны (лето 2006 г.), совсем другой по сравнению с первым (1986 г.). Как много не было сказано ею 20 лет назад!

[1] Письмо В.С.Ветчинникова от 5.08.2006.
[2] Интервью с Т.С.Ветчинниковой, 20.08.2006.

[1] Письмо В.С.Ветчинникова от 5.08.2006.
[2] Интервью с Т.С.Ветчинниковой, 20.08.2006.

Вот знак перемен в нашей стране — люди могут теперь не скрывать настоящую, подлинную историю своей семьи.

А где же был Семен Дмитриевич Ветчинников после вынесения приговора?

Об этом позднее он сам рассказывал своим повзрослевшим детям. Татьяна Семеновна вспоминает:

«Срок (5 лет) отец отбывал на Соловках. Он не любил вспоминать об этом. Лишь когда в праздники выпьет рюмку-другую, начинал рассказывать и при этом плакал. Вспоминал, как их везли на судне по студеному морю к острову. Работал там, как и дома, кузнецом. Отец рассказывал, что условия были невыносимые: холод, плохое питание, в одежде и волосах на голове кишели вши, заедали комары, от которых спасение было только в кузнице. Уголовники творили настоящий произвол, но отца не трогали. В кузнице его напарником был цыган огромного роста и силы, и уголовники его боялись.

Отец вспоминал, что заключенные рассказывали новичкам о приезде писателя Максима Горького. Слышал эти рассказы и отец: как к приезду писателя всё ремонтировали, белили стены монастыря, мыли, чистили, вывели вшей, дали новую спецовку. В столовой на скатертях появились даже блестящие самовары»[1].

Меня заинтересовало упоминание о посещении Горьким Соловецких лагерей. Я полистала собрания сочинений Горького и нашла его очерки «По Союзу Советов». Хочу привести небольшой отрывок из главы «Соловки»:

«Хороший, ласковый день. Северное солнце благословенно освещает казармы, дорожки перед ними, посыпанные песком, ряд темно-зеленых елей, клумбы цветов, обложенные дерном. Казармы новенькие, деревянные, очень просторные; большие окна дают много света и воздуха. Время — рабочее, людей немного, большинство — «социально опасная» молодежь, пожилых и стариков незаметно. Ведут себя ребята свободно, шумно»[2].

Не лагерь, а просто санаторий получился в описании пролетарского писателя. Я думаю, что Горький поддался на ту показуху, которую устроил для него лагерное начальство.

[1] Интервью с Т.С.Ветчинниковой, 20.08.2006.

[2] Горький М. Собрание сочинений. М., 1988. Т.3, с.394.

Описание этой поездки я нашла и в книге Александра Солженицына «Архипелаг Гулаг» (глава «Архипелаг возникает из моря»):

«В окружении комсостава ГПУ Горький прошел быстрыми длинными шагами по коридорам нескольких общежитий. Все двери комнат были распахнуты, но в них почти не заходил. В санчасти ему выстроили в две шеренги в свежих халатах врачей и сестер, он и смотреть не стал, ушел. Дальше чекисты УСЛОНа бесстрашно повезли его на Секирку. И что ж? — в карцерах не оказалось людского переполнения и, главное, — жердочек никаких! На скамьях сидели воры (уже их много было на Соловках) и все... читали газеты! Никто из них не смел встать и пожаловаться, но придумали они: держать газеты вверх ногами. И Горький подошел к одному и молча обернул газету как надо. Заметил! Догадался! Так не покинет! Защитит!»[1].

Из этого описания мы видим, что Горький особо и не вникал в жизнь заключенных. Партийному руководству это и не нужно было. Писатель, как оно и хотело, изобразил Соловецкий лагерь, как эксперимент по воспитанию новых граждан.

Семен провел в лагерях пять лет вместо шести по приговору. Почему? Мы не можем ответить на этот вопрос. Татьяна Семеновна считает, что его отпустили на год раньше за хорошую работу:

«Отец рассказывал, что в начале шестого года заключения его вызвали в административное здание. В комнате сидел незнакомый человек в военной форме. Отец испугался — неужели расстрел? Но военный сказал: «Срок закончился, ты свободен ». От сердца отлегло».

Мы не знаем, насколько этот рассказ соответствует тому, что было на самом деле. Но факт остается фактом — Семен действительно вернулся домой на год раньше вынесенного по приговору срока.

Когда Семен вернулся домой, он поступил на работу в колхозную кузницу. Работал, не покладая рук. Но в его душе навсегда поселился страх. Татьяна Семеновна рассказала об одном эпизоде из жизни отца:

«Однажды незадолго до войны в кузницу привели молодую кобылу, чтобы ее подковать. Она была пугливая и никак не давалась отцу. Когда он попытался прибить первую подкову, кобыла резко метнулась в

[1] Солженицын А.И. Малое собрание сочинений. М., 1991. Т.6, с.5.

сторону и, повредив ногу, стала сильно хромать. Отец пришел с работы невеселый и сказал матери: «Собирай, Анисья, мне сухари, скоро меня заберут». Весь вечер он с тревогой вслушивался в каждый шорох и шаги за окном. Но кобыла поправилась, и все обошлось»[1].

С.Д. Ветчинников в 1960-е гг.

Не прошли просто так для Семена Дмитриевича годы заключения. Как видно из этого рассказа, страх долго не оставлял его: а вдруг снова посадят?

Во время Великой Отечественной Войны Семен Дмитриевич Ветчинников работал в промысловой артели «1 мая». Ковал лошадей, делал повозки военного образца для фронта.

Анисья Васильевна вместе с дочерями Анной, Натальей и Татьяной стригли овец, чесали и пряли шерсть, вязали варежки и носки для бойцов Красной Армии.

Трое сыновей Семена — Яков, Андрей и Василий были участниками войны. С фронта вернулись с боевыми наградами, покалеченные немецкими пулями и осколками мин.

На фотографии мы видим Семена Дмитриевича Ветчинникова в 1960-е годы. Если бы я не знала, что передо мной кузнец я бы подумала, что это учитель или агроном, то есть сельский интеллигент. Умное благородное лицо, глаза умудренного жизнью человека, аккуратные усы, волосы зачесаны с пробором. И одет он как интеллигент — белая рубашка, галстук, пиджак.

Я задумалась, почему так выглядит обыкновенный сельский кузнец? Наверное, это отголоски прошлого. Когда-то кузнецы были первыми людьми на деревне. Я думаю, это свое достоинство Семен Дмитриевич пронес через всю жизнь, несмотря на то, что прошел через унижения и тяготы лагерей.

[1] Интервью с Т.С.Ветчинниковой, 20.08.2006.

Ксения Шаталова

Ярославская область,
г.Рыбинск, средняя школа №19,
8 класс.
Наставник: М.И.Волкова

Рыбинские поповны

Наступил 1932 год. Однажды к дому Хмельницких подъехала телега. На ней — председатель сельсовета и понятые. Хмельницкие все поняли. Это было время гонений на церковь и духовенство. Не вдаваясь в долгие объяснения, приехавшие приказали сесть в телегу матушке Елизавете и Николаю. Телега тронулась в город. Младшая дочь 17-летняя Аня, которая осталась одна, побежала за телегой. Ее грубо оттолкнули, пообещав приехать за ней в следующий раз. Возвращавшийся из города отец Борис был арестован на дороге.

Иногда услышишь: «...толстая, как поповская дочка» или «...долгополая попадья». Люди старшего возраста говорят это, не задумываясь и мимоходом оскорбляя при этом женщин духовного сословия, которые совсем того не заслужили. Много ли мы знаем об этих женщинах, воспитанных по иным нравственным нормам, нежели большинство их современниц? Сегодня их вряд ли чем-то можно выделить в толпе. Разве что полным отсутствием косметики на лице, брюк в костюме и почти всегда — платком на голове. А как им жилось в недавнем прошлом, когда в стране происходили такие политические и духовные потрясения? Как складывались их судьбы в истории XX века?

Мы начали собирать материал по истории семей священнослужителей церкви Благовещения

села Иванова, что под Рыбинском, и церкви св. Александра Невского села Макарова, также под Рыбинском. Работая в архиве г. Рыбинска, мы обнаружили интересные документы по истории этих храмов. Заведующий историческим отделом Рыбинского историко-архитектурного музея-заповедника А.Б.Козлов помог найти карту Рыбинского уезда 1908 года и скопировать ее фрагмент, на котором видно, что оба этих храма расположены на небольшом расстоянии друг от друга и были построены на когда-то очень оживленной дороге — Мологском тракте, ведущем из Рыбинска в Мологу и далее — в Питер. Сейчас село Иваново исчезло, на его месте — территория рыбинского завода «Сатурн», его церковь стала фундаментом одного из цехов. Село Макарово стало деревней Макарово в черте города, а его церковь, которая долгое время была разрушена, теперь восстановлена и действует. С исчезновением города Мологи на дне Рыбинского водохранилища исчезло с карты и название Мологский тракт. В наших поисках оказались ценными материалы отца Сергия (С.М. Карамышева) — настоятеля церкви св. Троицы поселка Каменники Рыбинского района, опубликованные в газете «Рыбинские известия» (6 марта, 18 апреля, 15 мая, 6 июня 1998 года). Но самой большой нашей удачей стало знакомство с одной из этих удивительных женщин и ее воспоминания, записанные нами.

Ольга Александровна Хмельницкая-Беликова, внучка Павла Алексеевича Зеленецкого — дьякона церкви села Иванова, дочь Александра Николаевича Хмельницкого — первого настоятеля церкви села Макарова, родилась в 1912 году. В свои 95 лет она сохранила память хорошей и замечательно рассказывает историю нескольких поколений своей семьи. Ее рассказ, может быть, не всегда последовательный, но очень подробный и волнующий, стал основой нашей работы. Фотографии из семейного архива Хмельницких, которые Ольга Александровна сохранила, хорошо иллюстрируют ее воспоминания.

Село Иваново. Семья Зеленецких

Церковь Благовещения в селе Иваново Рыбинского уезда была построена и освящена в 1722 году стараниями крупного землевладельца Рыбинского уезда Сергея Александровича Хомутова. Об этом сообщает «Иллюстрированный Рыбинский календарь» на 1902 год, изданный С.Я.Разродновым. Среди ее священнослужителей во второй половине XIX века — имя диакона Павла Алексеевича Зеленецкого. Как гласит архивная запись от 1881 года:

«Псаломщик в сане диакона Павел Алексеевич Зеленецкий, 44 лет, дьяконский сын, Ярославского Духовного уездного училища Высокопреосвященным Нилом определен в должность послушника в Ростовский Белогостицкий монастырь. Там архиепископом Нилом рукоположен в дьякона к Спасской церкви, что в селе Кинтаново Любимского уезда. Епископом Ионафаном переведен на должность псаломщика села Иваново. Грамоту имеет.

В семействе у него:

жена Марья Семеновна 41 года, умеет читать и писать.

Дети их:

Анна 14 лет. 5 класс Рыбинской женской гимназии

Александра 13 лет. 3 класс Рыбинской женской гимназии

Елизавета 11 лет. 1 класс Рыбинской женской гимназии

Серафима 9 лет. Обучается дома

Вера 4 лет»[1].

Впоследствии в семье Зеленецких было шестеро детей — пять дочерей: Анна, Александра, Елизавета, Серафима, Вера и сын Полиен. Дочери Павла Алексеевича учились в Александровском начальном училище села Иванова, а затем в рыбинской Мариинской женской гимназии, по окончании которой получали право преподавать в младших классах. Именно такой путь и выбрала для себя Александра Павловна Зеленецкая. Она учительствовала в начальной школе села Иванова до начала I Мировой войны. Когда началась война, ушла работать в госпиталь сестрой милосердия. Ухаживая за ранеными, Александра Павловна заразилась сыпным тифом и умерла совсем молодой. Старшая из сестер Зеленецких Анна прожила долгую жизнь, много лет преподавала в Николо-Кормской школе Рыбинского района. Выйдя на пенсию, вернулась в отцовский дом на Павловской улице села Иванова, неподалеку от бывшей Ивановской школы, где когда-то работала Александра. О судьбах Веры и Серафимы неизвестно почти ничего, кроме того, что они вышли замуж и уехали с мужьями. А вот о Елизавете можно говорить подробнее.

Елизавета

Как свидетельствует запись в формулярной книге церкви села Иванова, Елизавета Зеленецкая родилась в 1869 году и была третьей дочерью Павла Алексеевича и Марии Семеновны.

[1] Государственный архив Ярославской области (далее — ГАЯО), ф.151, оп.1, ед. хр.51.

1881 год. В память о злодейском покушении на императора Александра II в Москве решено построить храм, средства на который собираются путем пожертвований. Учителями и учениками начальных училищ Рыбинского уезда собрано 405 рублей серебром. Среди подписных листов находим лист Александровского начального училища, что в селе Иваново. В списке из 81 фамилий учеников, пожертвовавших свои пятачки и гривенники на храм, старательным детским почерком выведено: Елизавета Зеленецкая — 10 коп.

Молодожены Елизавета Павловна и Александр Николаевич Хмельницкие. 1893 г.

Маленькой поповне было тогда 12 лет. А всего Александровским училищем было собрано на строительство храма 18 рублей.

В 1892 году в село Иваново приезжает выпускник духовной семинарии Александр Николаевич Хмельницкий, которому, чтобы получить приход, необходимо было жениться. Познакомившись с Зеленецкими, из пяти сестер он выбрал Елизавету. На фото — молодожены Хмельницкие. На обороте надпись: «От любящих детей Александра и Елизаветы Хмельницких дорогим родителям 1893 года 1 октября». Внизу приписка: Александр Хмельницкий, Елизавета Зеленецкая.

Александр и Елизавета прожили вместе 32 года и создали большую семью, в которой родилось 12 детей! Двое умерли сразу после рождения, остальные 10 (7 сыновей и 3 дочери) выросли и судьбы их оказались очень разными.

Семья Хмельницких. Макарово

В 1919 году в деревне Макарово был построен и освящен храм святого Александра Невского. Случай уникальный — при советской власти,

которая не признавала церковь, боролась с ней, а позднее просто расправлялась, строится новая церковь! Но факт остается фактом — население Поволжья между реками Мологой и Шексной росло. Приход Ивановской церкви стал огромным. Потребовался новый храм. Отец Александр Хмельницкий стал его первым настоятелем. Приход новой церкви насчитывал более 20 деревень. Отец Александр с матушкой Елизаветой, у которых было уже 10 детей, переезжает в Макарово. Построили дом, обрабатывали огород, развели скотину. Старший сын Александр получил профессию врача. С приходом советской власти вступил в партию большевиков, служил в воинской части в Москве. Второй сын Хмельницких Павел до революции служил в царской армии. Когда началась гражданская война, встал на сторону белых, воевал против большевиков, затем скрывался у родных. Сдаться советской власти отказался. Во время облавы, преследуемый чекистами, бежал из дома огородами. Больше родные его не видели. Николай и Михаил женились, жили с родителями. Борис учился в Рыбинске в промышленно-экономическом техникуме. Полиен и Ольга — в гимназии, а младшие Анна и Елизавета — в приходской школе села Макарова. Уважаемый всеми батюшка отец Александр в любую погоду шел по зову людей туда, где он был нужен: помолиться о благополучном разрешении роженице, соборовать умирающего, освятить новую постройку. Здоровье стало сдавать. В 1925 году случилось несчастье — отец Александр умер. Тогда один из сыновей Борис оставил техникум, в котором учился; женился, принял сан священника и отцовский приход. Молодой красивый священник, на которого вначале многие ходили полюбоваться, постепенно заслужил уважение прихожан, жизнь входила в привычное русло. В Макарове братья Хмельницкие построили новый дом, работали всей семьей, хозяйством после смерти отца в основном занимался Николай. Просились в колхоз, да не взяли: «Такие не нужны!». Остались единоличниками. Исправно сдавали государству все, что требовалось из продуктов своего хозяйства.

«Враги народа»

Наступил 1932 год. Однажды к дому Хмельницких подъехала телега. На ней — председатель сельсовета и понятые. Хмельницкие все поняли. Это было время гонений на церковь и духовенство. Не вдаваясь в долгие объяснения, приехавшие приказали сесть в телегу матушке Елизавете и Николаю. Телега тронулась в город. Младшая дочь 17-

летняя Аня, которая осталась одна, побежала за телегой. Ее грубо оттолкнули, пообещав приехать за ней в следующий раз. Возвращавшийся из города отец Борис был арестован на дороге.

Анна Павловна Зеленецкая.

Старший из братьев Хмельницких Александр, принявший новую власть, к тому времени офицер, военный врач, член партии — служил в Москве. Узнав о случившемся, он немедленно приезжает в Рыбинск и начинает хлопотать за родных. Ему удается добиться освобождения матери. Борис и Николай приговорены по статье 58 каждый к пяти годам лагерей. Мать Елизавета была выслана из Рыбинска.

Жены арестованных братьев Хмельницких немедленно взяли развод, сменили фамилии себе и детям, чтобы уцелеть.

Ольга вспоминает: «На нашу семью начались гонения. Отобрали дом, скотину, разрушили хозяйство, нас не принимали ни в какие учебные заведения, невозможно было устроиться на работу. В Рыбинске совсем не стало жизни. Здесь нас всюду гнали и преследовали».

Ольга уезжает в Москву к старшему брату Александру, поступает в медицинский техникум. Из чудом переданной весточки узнали, что Борис содержится в лагере под Москвой в районе станции Хлебниково Павелецкой железной дороги. Заключенные этого лагеря работали на строительстве канала имени Москвы. Добившись еженедельных свиданий, Ольга стала ездить к брату, который был уже тяжело болен. Вот что она рассказала нам:

«Последнее свидание с ним проходило в тюремной больнице. Мы тепло попрощались, а через 2 недели, когда я снова приехала и привезла ему французскую булку и фрукты, мне сказали, что брат умер.

Горе захлестнуло меня. Я попросила провести меня к нему. Больница находилась вне зоны, и врач разрешил мне пройти в морг. То, что я увидела там, стоит перед моими глазами всю жизнь.

В морге было всего два трупа. На столе лежал Борис, неподвижный и совершенно обнаженный, а в углу на полу валялось расчлененное на куски тело какого-то бедолаги, зарубленного, видимо, своими соседями по камере. Голова откатилась и валялась отдельно.

На просьбы родных отдать тело для захоронения было отвечено грубым отказом. Единственное, о чем удалось упросить, это отложить похороны на день, чтобы могла приехать мать (ее к тому времени выпустили из тюрьмы стараниями старшего брата).

И вот он наступил — день похорон. К моргу подъехала телега, на которой стоял большой ящик. Сначала в этот ящик свалили куски разрубленного тела, сверху бесцеремонно бросили тело Бориса. Мы привезли с собой одежду и просили позволить одеть умершего, но нас грубо оттолкнул охранник. Телега тронулась в путь. Следом, плача от горя и ужаса, шла я, за мной — мама и тетушка, ослепшие от слез. Когда телега подъехала к могиле, охранника уже не было. Возница и могильщики помогли одеть тело, обернуть в простыню. Такими были эти похороны. С тех пор прошло уже 70 лет, но этот день навсегда остался самым страшным в моей жизни».

Николай Хмельницкий отбыл весь срок в лагерях на Колыме и вскоре после освобождения умер. Елизавета Павловна уехала в Нижний Новгород к младшему сыну Полиену и жила там до конца жизни. Умерла она в 1946 году.

Много лет спустя пришли документы о полной реабилитации Бориса Александровича, Николая Александровича и Елизаветы Павловны Хмельницких.

Ольга

Получив в Москве профессию медсестры, Ольга Александровна возвращается в Рыбинск в тот самый дом на Павловской улице села Иванова, где когда-то жили Зеленецкие. Работает в детском санатории, затем в поликлинике на ул. З.Космодемьянской старшей сестрой детского отделения. Перед войной она выходит замуж за офицера НКВД Александра Беликова. Не все так просто и однозначно в истории, которую мы распутываем, словно старый клубок. И ответа на все вопросы пока нет. Храм, построенный при советской власти. Старшие

Ольга Александровна и Александр Сергеевич Беликовы. 30-е годы

братья Хмельницкие, выросшие в одной семье, Александр и Павел, люди противоположных взглядов: один член партии большевиков, другой белый офицер. И, наконец, Ольга. Маленькая поповна, оставшаяся без родных, затравленных в лагерях НКВД, становится женой одного из его сотрудников! Что это: простая случайность или стремление спрятаться, найти защиту и опору? И можно ли ее осуждать за это так же, как жен ее братьев, взявших развод сразу после ареста мужей? Но теперь она — Беликова. Словно приняв обет молчания, Ольга на долгие годы прячет в себе беду, случившуюся с ее семьей. Бесследное исчезновение Павла, разлука с матерью, смерть Николая и, наконец, страшную смерть и не менее жуткие похороны Бориса, свидетелем которых она не должна была стать, потому что так «хоронили» многих заключенных, умерших в лагерях, без ведома родных. Не должна была. Но стала. Все это, словно на дне глубокого колодца, хранила в глубине своей души много лет Ольга Александровна.

У Беликовых не было детей. Поэтому, когда началась Финская война, Ольга получила повестку о мобилизации раньше мужа. Работала в военном госпитале в Рыбинске. В 1941 получив повестку из

Дом на Павловской улице бывшего села Иваново, где жили Зеленецкие, позднее — Беликовы

Ольга Александровна Беликова перед отправкой на фронт. 1941 год

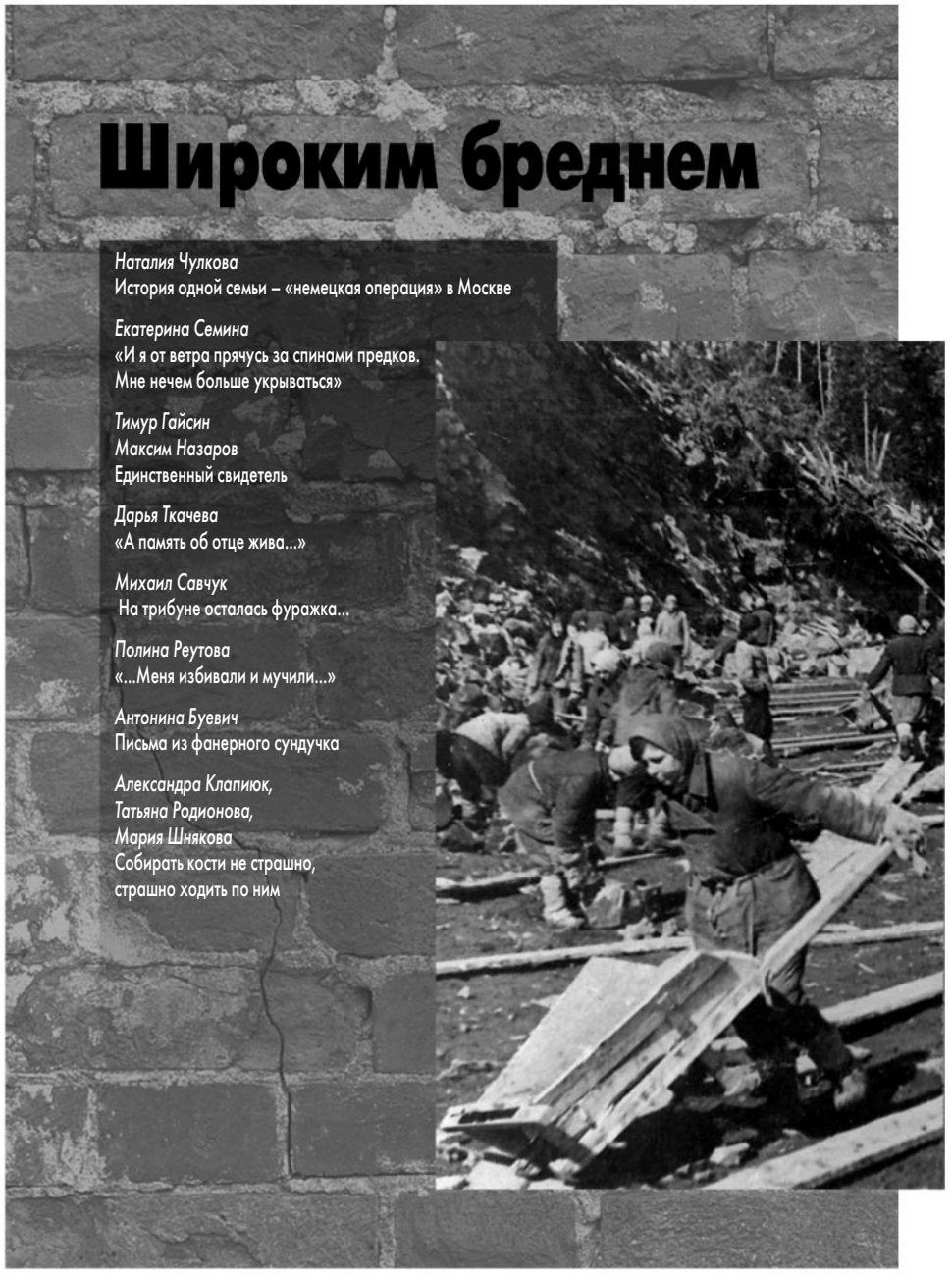
военкомата, Ольга уходит вновь на фронт защищать Родину, которая железной пятой растоптала ее семью. На фотографии 1941 года Ольга Беликова перед отправкой в армию.

Рыбинская поповна воюет на Карельском фронте, где в полевом госпитале спасает жизнь раненым. После выхода указа, разрешающего супругам служить вместе, переводится к мужу на Дальний Восток на флот. С войны приходит домой морячкой в звании старшины II статьи со многими медалями и орденом Отечественной войны.

После войны Ольга Александровна возвращается в поликлинику на З.Космодемьянской, где и работает до 1967 года (до выхода на пенсию). Село Иваново исчезло на территории завода, церковь стала фундаментом цеха №17.

Мы бываем в храме Александра Невского, на могиле отца Александра, а потом заходим в гости к Ольге Александровне. В свои 95 лет милая, добрая, кроткая эта женщина — рыбинская поповна сумела до конца сохранить в себе тот удивительный свет и чистоту, ту несуетность, которые были заложены ее се-

мьей и которые она сберегла, несмотря на все удары судьбы. В свои годы Ольга Александровна уже спокойно говорит о конце жизненного пути и не боится смерти. Единственным невыполненным долгом перед отцом она считает достойный памятник ему. Сейчас могила отца Александра первого настоятеля храма Александра Невского и маленький железный памятник ему совсем оттеснены другими богатыми захоронениями и не имеют ограды. Нынешние священники храма почти не обращают на эту могилу внимания, и этот факт очень огорчает Ольгу Александровну. По нашей просьбе этой проблемой занялся директор ритуального предприятия «Стикс» Виталий Игоревич Барулев и обещал к весне изготовить достойный памятник отцу Александру из черного гранита. Глава сельской администрации Смирнова Нина Константиновна помогает отвоевать на кладбище участок земли в 3 кв. м для ограждения могилы. Наша исследовательская работа и будущий памятник отцу Александру делаются для этого.

Наталия Чулкова
Москва, школа № 1080,
10 класс.
Научный руководитель:
Е.В.Булычева

История одной семьи — «немецкая операция» в Москве

Мой дед помнит страшную ночь 1937 года, арест своего отца, обыск в доме. Ему тогда было 6 лет. Его подняли ночью с кроватки, перетряхнули все. Его отец был очень спокоен, больше того, конечно же, был уверен, что произошла ошибка. Однако в лучшем в мире государстве ошибок не совершалось.

30—40 годы — это трагический период в истории нашей страны, когда мечта о всеобщем равенстве и справедливости обернулась трагедией миллионов людей, обернулась историей беззакония, несправедливости и террора государства против собственного народа. В то время террор охватил все слои общества. Никто не был гарантирован от ареста, какое бы положение он не занимал: самое высокое или, напротив, самое незаметное. Эти годы обошлись стране гибелью миллионов людей.

Сталинские репрессии — одна из самых страшных страниц в истории Советского Союза. Было проведено столько политических процессов и репрессий, что еще долгие годы историки не смогут восстановить все детали страшной картины этой эпохи.

Свою работу я хочу посвятить моему любимому деду, его отцу, его многострадальной матери и всем погибшим в ГУЛАГе.

В своей работе я опираюсь на воспоминания моего деда Андрея Альфредовича Паль и его тети (сестры его матери).

История 1. Прадед

«Уводили тебя на рассвете,
За тобой, как на выносе, шла,
В темной горнице плакали дети,
У божницы свеча оплыла.

Прадед мой — Альфред Андреевич Паль, немец по происхождению, родился в 1895 году в городе Лодзь. Там же пошел в школу, потом — работать. Осенью 1918 года, когда революция в Германии привела к свержению монархии и установлению Веймарской республики, прадед вступил в Коммунистическую партию Германии. Октябрьская революция в России всколыхнула тогда весь мир, поэтому вскоре он оказался в России, в Москве. Прадед приехал помогать молодой стране Советов строить светлое будущее. В 1918 году он вступает в партию большевиков ВКП(б).

В Москве устраивается на работу на шарикоподшипниковский завод (ГПЗ-1). В 1929 году женится на матери моего деда, Ксении. Жили они на Озерковской набережной, д.48/50. Этот дом стоит и по сей день. В 1930 году у них родился сын — Андрей. В семейном альбоме сохранились фотографии счастливой семьи. На них отец, мать и их маленький сын Андрей. На обороте читаешь: «На добрую память от сестры, зятя и Адика (так звал отец своего сына), а ниже подписано: «когда то была семья» (эту надпись сделала моя прабабушка уже в 60-е годы). Так и жили, были и радости и огорчения, и никто не знал, что эти огорчения ничто по сравнению с теми, что ждали их впереди.

Страшная беда подкрадывалась к ним. Уже по всему Союзу работала страшная машина, имя которой ГУЛАГ, бездна, куда сталкивалось огромное количество людей. Там за колючей проволокой, от холода, голода и болезней погибали тысячи советских граждан. Я совсем не знаю и мне трудно даже представить себе, как там было, что испытали те, кому было суждено попасть туда. Репрессии коснулись и рабочих промышленных предприятиях. Атмосфера и здесь была

накалена до предела. Так, после процесса так называемого «троцкистско-зиновьевского блока», МК и МГК ВКП(б) направили на предприятия закрытое письмо, в котором говорилось об «организации террористических групп» на фабриках и заводах. В атмосфере начинавшегося психоза подозревались все без исключения. Средства массовой информации открыто призывали граждан проявлять бдительность, разоблачать врагов народа, сообщать о подозрительных лицах и фактах в органы НКВД. Письма, заявления, доносы стали массовым явлением. В трагическом положении оказались в период массовых репрессий рабочие из Германии, Италии, Испании, приехавшие на родину всех трудящихся с искренним намерением строить социализм. Сейчас, когда стали достоянием гласности инструкции НКВД, стало очевидным, что иностранные рабочие методично уничтожались в плановом порядке.

Под подозрением были все «иностранцы». В обществе сознательно разжигалась ненависть к ним как потенциальным террористам и агентам иностранных разведок. Репрессивная машина работала вовсю. Единственное основание для ареста — иностранная фамилия.

Мой дед помнит страшную ночь 1937 года, арест своего отца, обыск в доме. Ему тогда было 6 лет. Его подняли ночью с кроватки, перетряхнули все. Его отец был очень спокоен, больше того, конечно же, был уверен, что произошла ошибка. Однако в лучшем в мире государстве ошибок не совершалось.

За арестом последовала тюрьма. Больше известий не было. Напрасно моя прабабушка бегала на Лубянку, спрашивала, узнавала. Вскоре стало известно, что мой прадедушка, Альфред Андреевич Паль, был приговорен по статье 58 УК РСФСР к десяти годам без права переписки. В семейном альбоме осталось две его фотографии, на них красивый молодой мужчина, с женой и с сыном.

На мой вопрос, за что арестовали его отца, дед ответил: «Ходили разговоры, что он крепко поругался с начальником цеха». Этой версии в семье так и придерживались, но мне что-то не очень верилось, слишком все казалось просто. И тогда я решила, что нужно эту тему изучить подробнее. В библиотеке общества «Мемориал» я нашла много статей и книг, которые мне многое объяснили. Оказывается, ни один директивный документ ЦК или НКВД, посвященный иностранцам, не обходился без упоминания о немцах. Германия была страной «главного противника», но противниками считались также и многие другие страны, такие как Польша, Япония, их союзники. И все немцы,

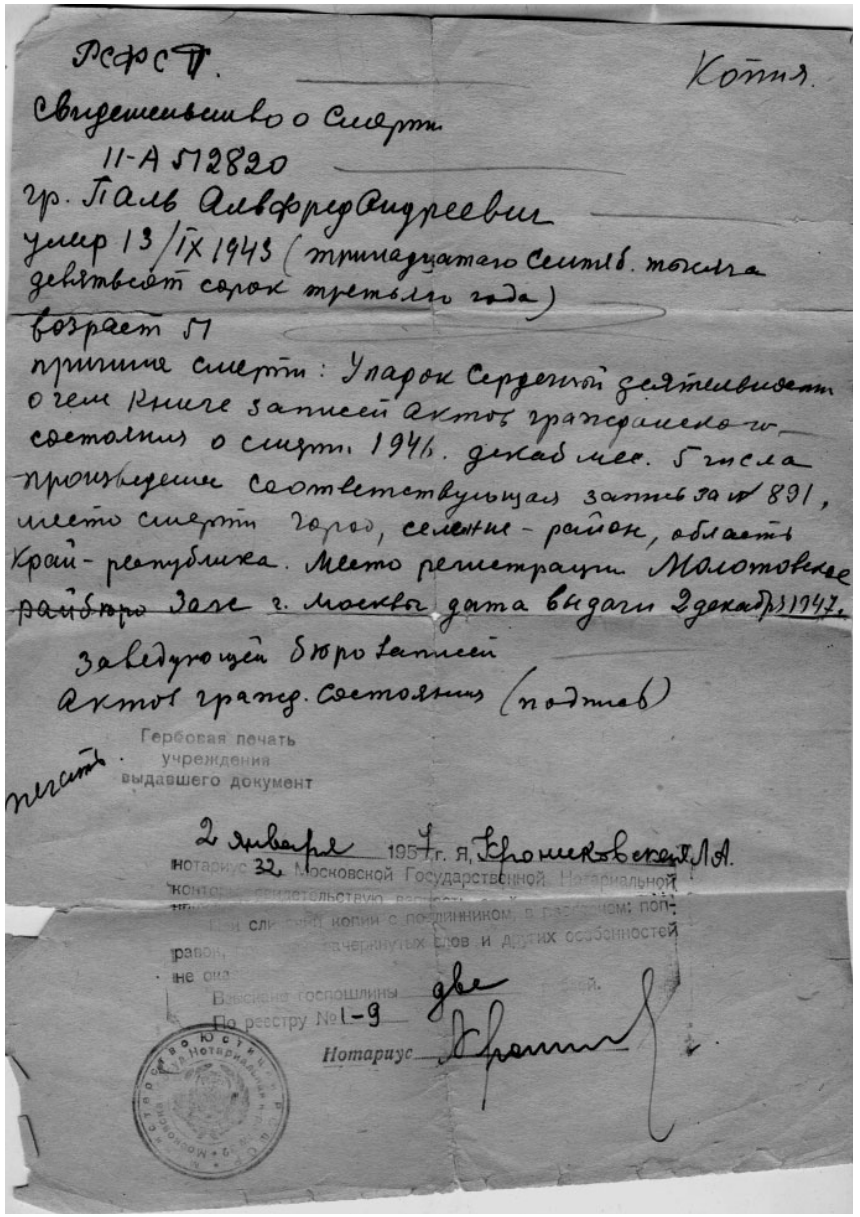
без исключения, по логике НКВД 1937 — 38 годов являлись «подозрительными по шпионажу».

Начало «немецкой операции» датируется записочкой Сталина, приложенной к протоколу заседания Политбюро ЦК ВКП (б) от 20 июля 1937 года: «Всех немцев из наших военных, полувоенных и химических заводов, на электростанциях и строительствах, во всех областях, всех арестовать». Он же собственноручно начертал и проект решения: Ежову приказывалось немедленно приступить « к аресту всех немцев, работавших на оборонных заводах...» Из статьи Н. Охотина и А.Рогинского «Из истории «немецкой операции» НКВД 1937-38 годов» я узнала о существовании «оперативного приказа НКВД за № 00439» по немецкой операции. Этот приказ Ежов выпустил уже 25 июля — приказ, который открыл целую эпоху массовых операций, затрагивавших как «своих» граждан, так и иностранцев соответствующей национальности. Германские граждане, «осевшие» на оборонных предприятиях, квалифицировались в этом приказе как внедрившаяся агентура германского генерального штаба и гестапо, подготовленная к диверсионной деятельности на период войны. В течение пяти дней всех их приказывалось арестовать.

«Операция началась в ночь на 30 июля, а к 6 августа было арестовано 340 человек, из них 130 в Москве и Московской области. По данным немецкого посольства, общее число граждан Германии, арестованных в СССР в 1937 — 1938 годах, составляло около 820 человек. По отношению к общему числу немецких граждан на территории СССР в 1937-1938г. (4015 человек, по данным Отдела виз и регистрации Главного Управления милиции НКВД), это составляло 20 % — исключительно высокий процент»[1].

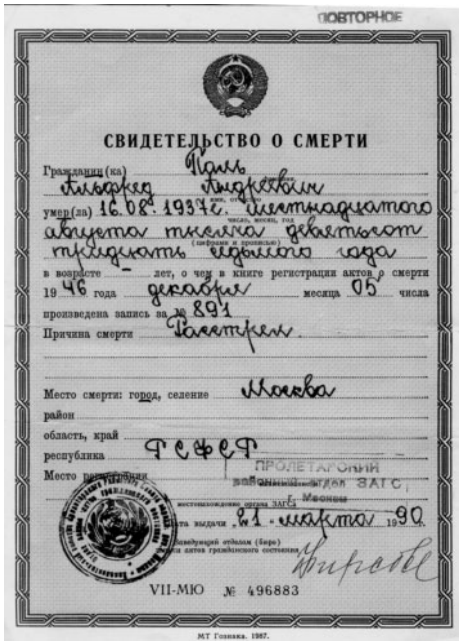
В течение почти 20 лет о судьбе моего прадеда не было никаких известий. Лишь в 1953 году, после смерти Сталина, начался пересмотр дел репрессированных в 1937- 1938 годах. Мой дед получил документы из Верховного суда СССР, из которых следовало, что Паль Альфред Андреевич умер 13 сентября 1943 года. Но эта была ложь, которая писалась на высшем государственном уровне. О судьбах арестованных лгали всегда. Просматривая семейные архивы, я находила справки, датированные разными годами. Почему так много справок? Ответом на этот вопрос мне послужила статья А.Рогинского «Без указания

[1] Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой депортации» НКВД 1937-1938 гг. // Наказанный народ. М.1999. С.49

РСФСР. Копия.
Свидетельство о смерти
II-А 572820
гр. Паль Альфред Андреевич
умер 13/IX 1943 (тринадцатого сентября тысяча девятьсот сорок третьего года)
возраст 57
причина смерти: Указом Сердечной деятельности
о чем книге записей актов гражданского состояния о смерти 1946. декабря месяца 5 числа произведена соответствующая запись за № 891,
место смерти город, селение - район, область Край - республика. Место регистрации Малоэтажное райбюро загс г. Москва дата выдачи 2 декабря 1947.
Заведующей бюро записей актов гражд. состояния (подпись)
Гербовая печать учреждений выдавшего документ
2 января 1957 г. Я. Бронниковская М.А.
нотариус 32 Московской Государственной Нотариальной
Взыскано госпошлины
По реестру №1-9
Нотариус

Свидетельство о смерти. 1953 г.

причин смерти»[1]. В этой статье я нашла интересные факты. Существовал приказ НКВД по этому вопросу, который относится к 1939 году. «Приказ предписывал на запросы родственников о судьбе... расстрелянного отвечать, что он был осужден на 10 лет ИТЛ без права переписки... Осенью 1945 приказ был скорректирован — заявителям стали теперь говорить, что их родственники умерли в местах лишения свободы». В 1955 году на заседании Президиума ЦК КПСС было вынесено Постановление, где «... приказывалось, как и раньше, сообщать относительно расстрелянных, что они были приговорены к 10 годам ИТЛ...» Также приказывалось регистрировать смерть в органах ЗАГС и выдавать свидетельство о смерти. «При этом дата смерти определялось органами КГБ произвольно в пределах 10 лет со дня ареста, вымышленной была и причина смерти». Как отмечает автор, «ложь образца 1963 года просуществовала до самых последних лет и была отменена... 30.09.1989.

ПОВТОРНОЕ

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

Гражданин(ка) Паль Альфред Андреевич

умер(ла) 16.08.1937г. шестнадцатого августа тысяча девятьсот тридцать седьмого года

в возрасте ___ лет, о чем в книге регистрации актов о смерти 1946 года декабря месяца 05 числа произведена запись за № 891

Причина смерти Расстрел.

Место смерти: город, селение Москва

район

область, край

республика РСФСР

Место регистрации ПРОЛЕТАРСКИЙ районный отдел ЗАГС г. Москва

Дата выдачи 21 марта 1990

VII-МЮ № 496883

Свидетельство о смерти. 1990 г.

В 1988 году из реабилитационного дела мой дед узнал, что его отец «... осужден Военной коллегией Верховного Суда СССР 16 августа 1937 года к расстрелу по обвинению в том, что он являлся участником контрреволюционной террористической организации, якобы существовавшей на заводе «Шарикоподшипник» имени Кагановича, на котором он работал до ареста. В этот же день приговор был приведен в исполнение.

Альфред Андреевич Паль виновным себя ни на следствии, ни в суде не признал, что подтвердилось в ходе дополнительной проверки

[1] Журнал «Карта» №2 (http://www.hro.org/editions/karta/nr2/roginsk.htm).

в 1956 году и явилось основанием для его посмертной реабилитации 2 июня 1956 года».

И далее запись: «Такие приговоры в тот период исполнялись немедленно, в том населенном пункте, где выносились, а места захоронений осужденных не фиксировались, в связи с чем установить их в настоящее время не представляется возможным.

Прошу принять искренние соболезнования в связи с трагедией, постигшей Вас и Ваших близких в следствии необоснованного осуждения Паль Альфреда Андреевича».

В 1990 году дед получил свидетельство о смерти своего отца, где было указано, что Паль Альфред Андреевич умер 16.08.1937 года. Причина смерти — расстрел.

Память о моем прадеде и других погибших увековечена на Донском кладбище на могиле невостребованных прахов. На общей могиле № 1 в центре круглой клумбы установлена плита с надписью: «Здесь захоронены останки невинно замученных и расстрелянных жертв политических репрессий 1930 — 1942 годов. «Вечная им память».

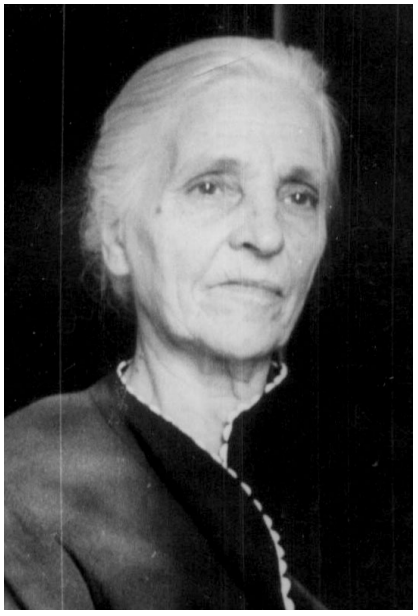
История 2. Прабабушка

«У меня сегодня много дела:
Надо память до конца убить,
Надо, чтоб душа окаменела,
Надо снова научиться жить».

Свою прабабушку, Ксению Федоровну Паль, я знаю только по фотографиям, по рассказам мамы и деда. Но я испытываю к ней глубокое уважение и бесконечную благодарность за то, что то, что она сумела вернуться к жизни через 15 лет.

Мать моего деда — Ксения Федоровна Юпина родилась в Рязанской области 21 января 1902 года. По обе стороны реки Оки простирались заливные луга. За ними находилось ее село Захарово, где жили ее мать и отец. Но там она прожила недолго. Всей семьей они переезжают в Петербург. Ее отец и мать работали на обувной фабрике «Скороход». В семье было 6 детей. Маленькая Ксения со своими братьями и сестрами ходила в торговую школу для детей крестьян и рабочих.

В 17 лет она сестрой милосердия пошла на гражданскую войну. В 1919 году она познакомилась с немецким летчиком, который приехал в Россию защищать молодую Советскую власть. Перед одним

Паль Ксения Федоровна
в день 70-летия. 1972 г.

Паль (Юнина) Ксения Федоровна.
Нач. 1920-х годов

Паль Альфред Андреевич (сидит в первом ряду, третий справа). Ок.1929-31 гг.

Ксения Федоровна Паль с сыном Андреем. Москва, 1931.

из своих вылетов, он предложил молодой сестре милосердия выйти за него замуж и уехать с ним к его семье в Германию. Но это оказалась последняя их встреча. Он летел ликвидировать банду Антонова, но попал к ним в плен, где его жестоко изрубили. Это была первая любовь молодой девушки. В 1925 году она переезжает с семьей в Москву, устраивается на работу, и вскоре знакомится со своим будущим мужем. Через год она выходит замуж за Альфреда Паль, моего прадеда.

В 1930 году у них родился сын Андрей. Жили они на Озерковской набережной, д.48/50. Это была счастливая семья. Летом они часто гуляли в парке Горького, выезжали на дачу в Загорянку. Зимой катались на лыжах по Яузе. После ареста мужа все изменилось. В квартире на Озерковской все замолкло. Маленький Андрюша постоянно оставался один, мать то работала, потом убегала, чтобы хоть что-то узнать о судьбе мужа. Но судьба готовила новый удар молодой женщине. В конце октября, также поздно вечером подъехал к ихнему дому «воронок». В комнату вошли трое мужчин. Поговорив с матерью, они предложили ей поехать на свидание к мужу. Она дала согласие и тут же в

Паль Альфред Андреевич с женой Ксенией и сыном Андреем. 1934 г.

одном легком ситцевом платье уже спускалась вниз. В этот день домой она так и не вернулась

Виновной она себя не признала. Но следователь и не добивался признания . Пожалуй, это был единственный вид дел 1937 — 1938гг, по которым они не обязаны были его добиваться. «Признание» здесь заменялось справками, открывающими следственное дело, где содержались сведения о том, что такая-то была женой такого-то, арестованного и осужденного по обвинению в том-то и том-то. В обвинительном заключении обычно писалось: «...проживала вместе с мужем 8 лет, знала о проводившейся им контрреволюционной деятельности, но об этом следственным органам не заявила». И далее: «...обвиняемую в порядке приказа НКВД СССР от 15.08.1937 года за № 00486 по согласованию с облпрокурором направить на рассмотрение Особого совещания НКВД СССР». Обвинение подлое и бредовое, если вспомнить, что муж ее, как бы он не относился в глубине души к Сталину и его диктатуре, также ни в чем не был виновен.

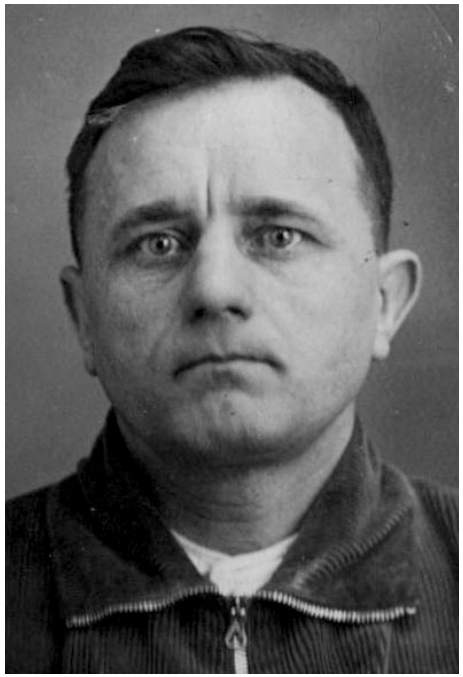
Семья на даче в Загорянке. Паль А.А. в верхнем ряду 1-й слева. 1934 г.

Аресты жен «изменников родины» начались сразу же после 15 августа.

Первые этапы членов семей изменников родины пошли в лагеря в сентябре 1937 года.

В качестве места, куда следовало направить заключенную Паль Ксению Федоровну, был обозначен Темниковский исправительно-трудовой лагерь, расположенный в Мордовии. В конце сентября 1937 года здесь было организовано первое специальное отделение для женщин.

Теперь на Лубянку стала бегать сестра моей прабабушки — Валентина, чтобы хоть что-нибудь узнать о судьбе сестры. Только через неделю Валя выяснила, что этапом ее отправляют в Темниковский лагерь. Несколько суток — мимо Рязани в Мордовию. Далее в товарном вагоне еще 5 км до 1-го лагпункта. В Темниковском лагере моя прабабушка была одной из первых среди партий жен-заключенных.

Паль Альфред Андреевич. 1937 г.
Фото из следственного дела

Что собой представлял Темниковский лагерь мне помог узнать Центр имени А.Сахарова, в частности электронная библиотека базы данных «Воспоминания о ГУЛАГе и их авторов», а также книга Тамары Петкевич «Жизнь — сапожок не парный». Бараки с двухэтажными нарами, нары на 8 человек: четверо внизу, четверо вверху. Спали на соломе, набитой в наматрасник. Это лесные лагеря. Лагпункты все были расположены в лесу. Жилых бараков было немного — по 200 человек в каждом. Как полагается, колючая проволока, вышки, собаки и комендатура. В первые месяцы работали на лесоповале — пробивали просеки к другим службам лагеря. Затем начало приходить оборудование для швейной фабрики. Кормежка была скудной: «утром — каша из овса или чечевицы, в обед — суп, часто из гнилой капусты и картошки.. иногда с селедочной головой, на второе — каша, на ужин — каша», — так вспоминает в своей книге Тамара Петкевич, которая тоже находилась в Темниковских лагерях. От такой скудной пищи начинались болезни: пеллагра и цинга. Потом заключенных перевели в швейные мастерские. Но и там было не легче. Смена продолжалась с 7 до 7, дневная и ночная. Работать было так тяжело, что иногда не было сил идти в столовую.

Больно думать о людях, которые обречены были лицом к лицу столкнуться с нечеловеческими условиями, невыносимой работой, голодом, лишениями.

Первые полтора года осужденные не имели права переписки. Не знаю, что отвечали ее сестре Вале в окошечке на Кузнецком, но сведений не было. Потом разрешили запросить о детях, которых забрали в детские дома. И только потом уже разрешили переписку всем — по одному письму в месяц.

Я не могу представить себе хоть сотую долю того, что испытала моя прабабушка. Наверное самым страшным было в лагере страдание матерей, отлученных от своих детей. Женщин арестовывали, а дети оставались одни в квартире, и они не знали, что с ними. И еще, когда начали приходить ответы на запросы о детях, находящихся в детдомах. Если приходил ответ, что ребенок в таком-то детдоме, это было уже счастье: он жив. Но на некоторые запросы приходил ответ: «Ваш сын бежал, и его местонахождение не известно». Эти дети почти все пропадали навсегда. Как выдержать такое?

Судьбы осужденных во многом были очень похожи. Похожи по приговору — ЧСИР, похожи тем, что для них арест оказался полной неожиданностью. Дед рассказывал, что его мама сидела с женами военных: Гамарник, Эйдеман, Якир. Много было женщин, причастных к литературе, искусству. Сидела жена историка Фридлянда, дочь Бонч-Бруевича, Наталия Сац, но она пробыла дня 2-3 и ее увезли. Всего в Темлаге было 7 тысяч заключенных женщин-ЧСИРов. 16 октября 1944 у прабабушки заканчивался срок заключения. У женщин, сидевших по 58-ой статье, свобода, которую они получали, оказывалась весьма условной, поскольку директива предписывала «всех отбывших сроки наказания освобожденных оставлять для работы в лагерях НКВД на положении вольнонаемных без права въезда с прикреплением до конца войны к районам работ лагеря-стройки». Паспортов таким «освобожденным», как правило, не выдавали, ограничивались лагерной справкой. Окончательно их освободили через год. Так как моя прабабушка отбывала срок как «жена изменника Родины», ее освободили, но при этом в паспорте у нее стояло указание об ограничении прописки в «режимных местностях». Это значило, что освобожденная Паль Ксения Федоровна не могла вернуться в родной город. Вместе с радостью пришло чувство отверженности. Никто не вернет вычеркнутых из жизни 15 лет, никто не воскресит умерших друзей. Разрывается сердце о муже, погибшем в подвале Лубянки в 40 лет, о

сыне, выросшим сиротой с клеймом сына врагов народа, об умершем с горя отце, о друзьях, замученных в лагерях, не доживших до реабилитации. Я все думаю, как такое может выдержать человек, эти 15 лет были похожи на кошмарный сон.

В 1945 году она возвращается в Рязань, устраивается уборщицей в местную больницу, потом переезжает в Тверь, работает прислугой у врача.

Ее дело было пересмотрено Военной Коллегией Верховного Суда Союза ССР 20 июля 1955 года. А в 1994 году ее сын получил документ, в котором говорилось: «Дело по обвинению Паль Ксении Федоровны, 1902 года рождения, необоснованно осужденной несудебным органом (без вменения конкретных статей Закона) как член семьи изменника Родины к 8 годам лишения свободы, пересмотрено Военной коллегией Верховного Суда СССР 20 июля 1955 года.

Постановление Особого совещания при НКВД СССР от 19 ноября 1937 года в отношении Паль К.Ф. отменено и дело прекращено.

Паль Ксения Федоровна, как жертва политических репрессий, по данному делу реабилитирована».

История 3 . Сын

«Клеймо с рожденья отмечало
Младенца вражеских кровей.
И все, казалось, не хватало
Стране клейменых сыновей».

Осиротевшие дети, дети, отнятые от родителей, — одна из самых страшных трагедий 30-40 годов.

В 1937 году закончилось счастливое детство моего деда. После ареста матери, этим же вечером забрали и его. Его отвезли в Даниловский детприемник для несовершеннолетних преступников. Официально он называлась «Детский приемник-распределитель ГУЛАГа НКВД». Больше маленький Андрюша домой не вернулся. Свое пребывание в детприемнике дед помнит не очень хорошо. Помнит, что его сфотографировали в анфас и в профиль, прикрепив к груди какие-то номера, и сняли отпечатки пальцев. Помнит, как выводили их на прогулку, отдельно от них гуляли испанские дети. Помещение детей в детские дома и наблюдение там над ними также возлагалось на сотрудников НКВД. Органы НКВД обязаны были проводить про-

верку персонала этих домов. Дети осужденных, размещенные в детских домах, учитывались как осужденные. Через месяц моего деда и других детей должны были отправить в Самару, в детскую колонию. Обо всем случившемся узнала сестра его матери, тетя Валя. Она пришла к ним домой на Озерковскую набережную и увидела, что квартира опечатана. Она сразу начала искать своего племянника. Нашла его в Даниловском спецприемнике. Ей отдали мальчика, и она увезла его к бабушке в деревню в Рязанскую область. Там прошло детство моего деда. Вместе с другими ребятами он бродил по лесам, собирал грибы, ягоды, в чистой Оке ловил рыбу. Помогал бабушке по хозяйству. Там же пошел в школу. Сохранилась фотография, где мой дед со своими одноклассниками в Захаровской школе. С отличием окончил 5 классов, но началась Отечественная война. Немецкие войска совсем близко подошли к Рязани, и дед уезжает к своей тете в Москву. Здесь на него оформила опекунство семья Романовых. Почему его не взяла к себе его тетя — не знаю, может быть побоялась, может что-то еще. Осуждать никого я не в праве. Это были не самые лучшие годы в его жизни. Дед жил у этих людей, ходил в школу, но контакта у них не получилось. Не мог он называть их мамой и папой, как они хотели, называл их дядя Ларя и тетя Шура. В конце концов он сбегает от них обратно в деревню к бабушке, но тетя Валя забирает его обратно в Москву. В 1944 году он поступает в ремесленное училище. После училища выпускается на завод № 715 в Болшево. Все эти годы он жил воспоминаниями об отце и матери, особенно матери. Мать для него была всем. В эти годы он познал, что такое быть сыном «врагов народа».

Первая встреча с матерью произошла зимой в 1945 году. К этой встрече дед готовился, экономил деньги, не покупал себе ничего лишнего, хотел сделать матери подарок — красивый пуховый платок. Но на рынке вместо платка купил теплые варежки, они ему очень понравились, а может быть было очень холодно, и дед постоянно мерз в своем пальтишке. На оставшиеся деньги купил что-то из продуктов. В поезд сесть было очень трудно. На перроне дежурили патрули, милиция, проверяли паспорта, билеты. Дед умудрялся как-то пройти незамеченным. Спасала его худоба, на вид ему давали не больше 12 лет. В поезде занял место, отогрелся, варежки засунул за пазуху. Его разморило. В памяти стояла мама, молодая, веселая мама, которая всегда с ним играла, гуляла, даже позволяла некоторые шалости. Отец был строгий, а мать всегда жалела маленького Андрюшу, когда тот его на-

казывал. Так он заснул. Когда проснулся, ни варежек, ни сумки с продуктами не было. Горькие слезы хлынули из глаз 15-летнего паренька. Слезы, которые накопились за много лет. Кто-то его успокаивал, кто-то протягивал какую-то еду. От слез и переживаний он совсем обессилел, поэтому добрался до деревни только к вечеру.

Встреча произошла, но не с молодой веселой мамой, а с больной, постаревшей, невероятно худой женщиной. Сколько слез они пролили вместе, проговорили всю ночь, а на утро дед уехал в Москву на работу. После этой поездки у деда засела в голове одна мысль, вернуть маму домой, в Москву. Хотя дома-то не было, он сам жил в общежитии при заводе.

В 1947 году его дядя предлагает ему ехать на Командоры. На завод, где работал дед, приходит перевод из Министерства внешней торговли, где содержалась просьба отпустить Паль Андрея Альфредовича в командировку на Командоры в зверосовхоз. Дед уезжает на Север, в надежде заработать деньги, которые, как он считал, были необходимы, чтобы прописать мать в Москву. Он уезжает без всякого энтузиазма, но именно эта страница в его жизни особенно запомнилась.

«Каждый, кто хоть раз побывал на Командорах, еще долго будет не спать ночами, вспоминая остров» — так всегда начинает свой рассказ мой дед. Он так красочно описывает этот уголок Земли, что невольно ощущаешь себя его обитателем. Именно в этих суровых краях оттаяло сердце моего деда. Казалось бы, что интересного и неповторимого в холодных волнах Тихого океана, шумно набегающих из сумрачной дали: что необычного в северной растительности и в островной живности? Да, именно эти острова согрели душу моего деда. Про Командоры дед может рассказывать часами, у него сохранилось много фотографий. Работал он там машинистом-мотористом на электростанции. Там он закончил вечернюю школу.

В 1952 году он возвращается в Москву. Прописывается за деньги у своего друга, и буквально через неделю ему приходит повестка в военкомат. Срок службы — 4 года. Определили его в дальний авиационный полк. Прошло 4 года. Подходил срок его службы, а ехать было некуда. Совсем отчаявшись, все рассказывает командиру, всю свою жизнь. И тот посоветовал написать Жукову или Хрущеву. Дед пишет в Москву, все подробно описывая. Буквально через 10 дней его вызывают в Москву, на улицу Воровского, д.13 в Военную Коллегию и просят заново все изложить. Так дед начинает хлопотать о реабилитации.

В то время кое-кого уже реабилитировали, но все тянулось страшно медленно: для подачи заявления о реабилитации требовали справки со всех мест, где работали мать и отец, где был прописан дед, а ведь жил-то он в Москве нелегально. Дед начал ходить, собирать справки. На заводе, где работал его отец, все его вспомнили, дали характеристику, все подписались, не побоявшись.

Так в 1956 году сбылась его мечта — вернуть маму обратно в Москву. Им дали комнату в коммунальной квартире на Хорошевской улице. Так они жили вместе. Мама его почти ничего не рассказывала, наверно сказывался тот страх, который прочно засел у нее в душе. Лишь на старых фотографиях ее рукой сделаны надписи. Наверное, пересматривая фотографии, вспоминала свою нелегкую жизнь. Скоро мой дед женился на моей бабушке, у них родилась дочь, через два года вторая дочь, моя мама. После этого прабабушка успокоилась: как она радовалась, что ее внучки выйдут замуж, и кончится род этой фамилии. Почему-то она думала, что все несчастья были из-за иностранной фамилии. Конечно, это было заблуждением. Ее муж был немец, но она любила его, не отреклась от него, не поверила ни одному пункту обвинения. Отсидела 7 лет в лагерях и еще 8 лет на вольных поселениях с этой фамилией. Но страх настолько глубоко въелся в ее душу, что уже никогда оттуда не уходил. Конечно она боялась, что ужас ГУЛАГа может повториться. Она почти ничего не рассказывала о том, что пережила.

Прабабушка умерла в 1978 году, когда моей маме было 13 лет. Через год ей попался в руки дневник бабушки. Там были замечательные стихи А.Ахматовой «Реквием» и А.Твардовского «По праву памяти», и совсем немного воспоминаний о лагере, о каких-то женщинах, вероятно о подругах с кем сидела. Когда я начала писать эту работу, мама моя, Елена Андреевна Паль, вспомнила про этот дневник. Дед нам отдал все справки, фотографии, но дневника так и не нашли. Но я решила, если дневника нет, то в работе обязательно должны присутствовать стихи А.Ахматовой и А. Твардовского, которые любила моя прабабушка.

* * *

70 лет назад в СССР произошла величайшая трагедия, когда тысячи граждан были объявлены врагами народа, расстреляны, замучены или отправлены в лагерь. Тысячи детей остались сиротами, а «семьи

изменников Родины» стали на долгие годы изгоями. В эти кровавые годы пострадали миллионы ни в чем неповинных людей.

«...Как жертва политических репрессий, по данному делу реабилитирован (а)». За этой фразой стоит один из самых тяжелых и трагических периодов жизни моего прадеда, прабабушки и деда.

Конец своей работы я хочу закончить словами Карла Ясперса: «Нельзя допустить, чтобы ужасы прошлого были преданы забвению. Надо все время напоминать о прошлом. Оно было, оказалось возможным, и эта возможность остается. Лишь знание способно предотвратить ее. Опасность здесь в нежелании знать, в стремлении забыть и в неверии, что все это действительно происходило».

«И я от ветра прячусь за спинами предков. Мне нечем больше укрываться»

Екатерина Семина
г.Владимир, лицей-интернат №1, 11 класс
Научный руководитель: С.В.Тихонова

Очередь в Таганскую тюрьму стояла в переулке Малые Каменщики и была длиннющей. Люди стояли возле красной кирпичной стены, а наверху, над ними, были тюремные окна, закрытые плотными тяжелыми решетками. Стояли, в основном, молча, подавленные и ушедшие каждый в свое горе. Изредка переговаривались, рассказывая о тех, к кому пришли. Судьбы были разные, но одно было общим для всех — никто не знал, за что были арестованы их близкие. Почти все считали арест страшной ошибкой, недоразумением.

В моей жизни мне случилось встретить человека, сохранившего для своих потомков память о предках — Елену Ильиничну Мелкобродову.

Когда я поступила в лицей, мне предложили написать исследовательскую работу по истории. Ни минуты не сомневаясь, я выбрала предметом своего исследования жизнь семьи Гершензон, «оказавшейся между молотом и наковальней».

Самая большая группа источников в роду Гершензон — это письменные. В семейном архиве сохранились письменные официальные до-

кументы, это: свидетельства о рождении, о смерти, извещение о гибели. Эти документы нам дают метрические данные героев, а также места их рождения, жительства, фамилию, имя и отчество супругов родителей, причины смерти и т.д.

Елена Ильинична Мелкобродова

Следующая группа документов это: трудовые книжки, профсоюзные билеты, грамоты, партийные билеты, членские билеты различных обществ, характеристика. Из них мы можем узнать о трудовой деятельности и общественной работе членов семьи: о том, где учились и как учились герои, их специальности, где они и как работали, какую роль играли в общественной жизни.

Устные источники (рассказы моей респондентки, ее воспоминания) и неофициальные документы — еще один, очень для меня важный источник информации.

Моя респондентка сама написала свои воспоминания, куда, я предполагаю, вошли и воспоминания её сестры, матери, причём Елена Ильинична не разграничивает их. И теперь очень сложно разобраться, где, чьи мысли и впечатления. В последствие, этот рукописный источник стал основой моей работы. Именно по нему я и составила родословную семьи Гершензон.

Чем сложны устные и неофициальные источники, тем, что человек может что-то скрыть или изменить в свою пользу. Респондент может о чем-то, что сознательно умолчать, дабы сохранить хорошее впечатление о себе или своих родственниках. Некоторых людей сложно разговорить, они плохо идут на контакт, но, к моему счастью, Елена Ильинична была рада нашему общению. В течение наших многочисленных встреч у меня возникали вопросы к респондентке, и она с удовольствием отвечала на них. К сожалению несколько месяцев назад

Елена Ильинична, чтобы дать хорошее образование внуку, переехала в город Владимир к своей дочери и теперь наши встречи не возможны.

История каждого рода, каждого человека уникальна. Через историю семьи Гершензон можно посмотреть на неофициальную историю страны.

Именно эту историю я хочу представить.

* * *

Илья Ефимович Гершензон родился в городе Тифлисе в 22 марта 1894 году в семье мещан. В словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой дано определение слова «мещанин — в царской России: лицо податного сословия (до 2-ой половины XIX в), состоящего из мелких домовладельцев, торговцев, ремесленников, служащих»[1]. Отец его, Ефим Гершензон, родился в 1860 году в городе Тифлисе, ныне Тбилиси, в семье мещан. Всю свою жизнь он прожил в этом городе работая землемером. О жене Ефима Гершензона известно лишь то, что по национальность она была грузинка. Брак они заключили примерно 1890 г. Кроме Ильи, в семье было еще 4 детей. Но судьбы трех детей не известны. Остались лишь записи о Ефиме, рожденном в 1894 году и его сестре Любови, рожденной в 1892 г. Елена Ильинична с гордостью рассказывает о том, что ее отец обладал острым умом, трудолюбием, был творчески одаренным человеком. Любил учиться, много читал и был замечательным рассказчиком. Окончил гимназию с золотой медалью. Илья окончил университет в Дармштадте (Германия) по специальности инженер-строитель. После окончания учебы Илья вместе со своим другом приехал к нему на родину, в Харьков. Там он устроился на работу по специальности. Как раз в это время (1 августа 1914 года) Германия объявляет войну России. Илья не принимал участия в военных действиях. В 20 лет он только закончил обучение и не успел послужить в армии и тем более попасть в запас, поэтому война обошла его стороной. И как вся молодежь того времени, Илья увлекался революционными большевистскими идеями. Там же, в Харькове, за свое увлечение он был арестован белыми, в 1919 году бежал из тюрьмы со своим другом в город Змиев (Украина) и остановился в его семье. Власть в городах постоянно переходила из рук в руки, поэ-

[1] Ожегов С.О., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997 г. С.355.

Илья Ефимович Гершензон. 1924 г.

Виктория Матвеевна Повзнер (Гершензон).

тому, скорее всего, искать его не стали. В то время Змиев был небольшой уездный город. Хорошее образование и, возможно, помощь его друга помогли Илье Ефимовичу устроиться на работу. Он стал работать заведующим Змиевским отделом народного хозяйства.

В семье своего друга он встретился со своей будущей женой, Викторией Повзнер. Она родилась в 1905 году на Украине в городе Змиев. Отец девушки, Матвей Повзнер, решительно отказался выдать ее замуж за мужчину 27 лет, который «сидит по тюрьмам» и сам не устроен. Меня удивило это высказывание, так как Илья работал заведующим в Змиевском отделе народного хозяйства. Но видно для Матвея Познера это не было доказательством устроенности в жизни жениха. Да и его тюремное прошлое говорило о неблагонадежности претендента на руку их дочери. Влюбленные решили бежать. В этом им помогла мать девушки, которая была особой романтичной. Да и жених ей очень нравился. Вот так в 1921 году Ефим и Виктория уехали в Москву.

«Искра души под ярким пламенем событий»

В 1922 году молодожены окончательно обосновались в Москве. Хорошее образование и партийность позволили Илье Ефимовичу устроиться работать в НКПС (народный комиссариат путей и сообщения). Наркомом в то время был Ф.Э.Дзержинский. В представлении нашего поколения он — жестокий человек. Но, в семье Ильи Ефимовича был культ Дзержинского. Он очень много рассказывал об этом чело-

веке, бережно хранил его письма, дома висел портрет с собственноручной подписью Феликса **Э**дмундовича**.** А после его смерти в 1926 году, вдова покойного подарила старое кресло на память (оно стояло в кабинете Ильи Ефимовича до ареста). Во время обыска и портрет, и кресло были изъяты, как вещественные доказательства. На память же о работе в НКПС рабочие в знак уважения подарили Илье Ефимовичу чугунную пепельницу с выпуклым изображением паровоза, которая долгое время хранилась в семье, и серебряный портсигар с надписью. Меня удивили эти воспоминания так, как они были кардинально противоположны тому, что знаем мы — молодежь — о «железном Феликсе». Я заинтересовалась, что могло восхищать Илью Ефимовича в этом человеке с твердой волей. Ведь сам Гершензон был сентиментальным, чувствительным. Я узнала, что у них было много общего: «Феликс Эдмундович родился в мелкопоместной дворянской семье. Так же как и Илья Ефимович, Феликс учился в гимназии, из которой ушел в 1896 году и занялся революционной деятельностью. Именно эти факты биографии, повлиявшие на формирование характеров данных личностей, и сближали их.

Приехав в Москву, молодые поселились на Домниковской улице. Теперь она застроена современными многоэтажными зданиями и совсем не похожа на ту, которая была 1922 году — узенькую, грязную с облупившимися и потерявшими свой вид домишками. В одном из таких домишек они и жили. Мои представления о коммунальной квартире складывались из произведений М. Зощенко, М. Булгакова и были несколько отстраненным от действительности, поэтому рассказ Елены Ильиничны о коммунальной квартире, основанный на воспоминаниях ее родителей, так важен для меня. «Это была громадная коммунальная квартира, где жило 15 семей, где была одна большая кухня. Здесь толпилась масса хозяек. Все они кричали, переругивались между собой или просто общались, стараясь перекричать друг друга. В кухне всегда стояли клубы пара от кипящего белья, а над головами висело несметное количество пеленок. В квартире было очень много детей. Когда плохая погода мешала им носиться по улице, вся эта ватага шумно веселилась в коридоре, длинном и всегда темном из-за постоянной экономии электроэнергии». Обитатели квартир, как вспоминает респондентка, были очень различны и по возрасту, и по культуре, и по общественному положению. От бедных, ничего не имеющих рабочих заводов и фабрик, до «бывших, которые на все раздраженно шипели и демонстративно «плавали» по коридору и кухне в

длинных шикарных пеньюарах, оставшихся от роскошной жизни» — в своих записях Елена Ильинична взяла эти слова в кавычки, видимо она взяла их из литературного произведения или из летописи.

Там, на Домниковке родилась первая дочь — Ирина. Позднее Илья и Виктория жили на Солянке, где провела их дочь первые 10 лет своей жизни в небольшой, как пишет сама Елена Ильинична, 3-х комнатной квартире. Если сравнить с настоящим временем, 3-х комнатная квартира доступна не всякой семье, т.е. Илья Ефимович должен был занимать определенное положение чтобы получить ее.

В этот период Илья Ефимович получает второе высшее образование в Московском литературном институте им. М. Горького, а Виктория Матвеевна оканчивает институт ВХУТИН. В московском Вхутемасе-Вхутеине (между 1921 и 1929) она учится вместе с будущими известными художниками Кукрыниксами — Михаилом Васильевичем Куприяновым, Порфирием Никитичем Крыловым, Николаем Александровичем Соколовым. Она в отличие от них выбрала другую профессию и стала работать инженером-технологом по крашению и отделки ткани на комбинате «Красная Роза». Документов подтверждающих ее работу в семейном архиве не сохранилось, но об этом факте не раз упоминается в воспоминаниях Елены Ильиничны.

В 1932 году Илья Ефимович, который тогда работал в издательстве ОГИЗ, получил новую квартиру в Машуровском переулке. Снова происходит улучшение жилищных условий семьи, это указывает на карьерный рост главы семьи. Здесь в 1933 году родилась вторая дочь — Елена, ее назвали в честь двух бабушек, а позднее уже в 1937 году третья дочь — Ольга.

«Сам Илья Ефимович пил только свое любимое сухое вино, что вызывало добродушное подшучивание гостей. Родители очень много работали, в их трудовых книжках благодарностей было не меньше, чем записей о работе» с гордостью рассказывает Елена Ильинична. Зато праздники были вознаграждением за напряженный труд. Особенно радостным событием для всех была демонстрация. Демонстрация — это такое явление, которое вспоминают люди разных поколений. Воспоминания моей мамы, рожденной уже в 70-е годы, имеют другую эмоциональную окраску. Когда она была студенткой пединститута, людей заставляли идти на демонстрацию, обещая за это отгулы. То есть демонстрация была принудительно-добровольным мероприятием. И совершенно другое мнение я услышала от Елены Ильиничны, люди, рожденные в 20-х годах вспоминают ее как праздник товарищей, объ-

единяющий, делающий людей сильнее: «Большинство взрослых и детей не представляли себе праздника без нее. На демонстрацию надевали все самое лучшее, самое новое. Делали специально прически, даже, если была плохая погода. На комбинат приходили очень рано — к 6-ти часам, хотя из ворот выходили не раньше 10-11 часов. На фабричном дворе распределялись знамена, транспаранты, портреты Сталина, которых всегда было очень много, и красные ленточки на грудь. Правофланговые назначались заранее. Это были самые проверенные товарищи, в основном, члены партии. Люди приходили веселые, оживленные, в праздничном приподнятом настроении, все это было искренне. Очень много пели. Чаще всего о Сталине, песню:

На просторах Родины чудесной,
Закаляясь в битвах и труде,
Мы сложили радостную песню
О великом друге и вожде...

Сталину были посвящены многие песни. Другие прославляли «кипучую могучую, никем непобедимую». Песни были громкие, бравурные. В основном, вся идея сводилась к одному:

Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек.

Демонстранты шли через весь город к Красной площади. Все знали, что в нескольких местах колонны демонстрантов подолгу стояли, но никому не приходило в голову уйти. Везде слышались шутки, смех, песни. Кругом были буфеты, множество ларьков, столов, где можно было поесть и выпить. В местах многочасовых стоянок устраивались танцы под оркестр, под гармошку, а то и просто под пение. Бывали случаи, когда кто-то терял своих и приходил на Красную площадь с другой организацией. Считалось, что очень не повезло, если в момент прохождения по Красной площади на трибуне не было Сталина. Портилось настроение, искренне горевали, переживали, чуть ли не до следующего праздника. Слов и изъявлений в любви Иосифу Виссарионовичу не жалели, на транспарантах писали: «Любим и верим!», «Под водительством Сталина вперед!», «Сталин — наша надежда и гордость», «Все силы и душу тебе и Родине!» и т.д.». 30-е годы были шумными и героическими такими их представляли средства массовой информации: кино, газеты, радио. Люди всей страны были свидетелями великих событий, как беспосадочный полет Расковой, Гризодубовой, Осипенко, зимовка лагеря Шмидта, строительство Турксиба, Донбасса, Днепрогэса. За всем этим следили с гордостью и волнением. На всю страну гремела песня «Широка страна моя родная», везде висели плакаты: «Даешь Хлопок!», «Даешь уголь!», «Даешь сталь!», «Даешь Стахановское движение!». Даешь... Даешь...

* * *

А в школах время от времени появлялись синие худенькие дети, которые приезжали с Украины, Поволжья и других мест, к своим родственникам в Москву, спасаясь от голодной смерти. На переменах эти дети шепотом рассказывали про «коллективизацию», про «кулаков», которых с детьми, женщинами, стариками безжалостно, в 24 часа вышвыривали из собственных домов и отправляли эшелонами в Сибирь. А в это время вся страна выполняла директиву партии о коллективизации страны. И почти каждый гражданин советской страны верил в истинность этого «судьбоносного решения» и был готов выполнять его. Ведь стране для строительства социализма нужен был хлеб. Дети учили в школе решения пленумов. А море горя захлестывало крестьянскую Россию. Происходило что-то невероятное! Потом появилось выражение «враг народа».

Первым пострадал брат Виктории Матвеевны, Леонид Матвеевич. Это случилось в 1936 году. В 1935 при МТС начали организовывать политотделы. Начальником Мичуринского политотдела послали Леонида. Через год он был арестован, и больше о нем ничего не слышали. Его жену исключили из партии, уволили с работы. В том же году был арестован как «враг народа» двоюродный брат Ильи Ефимовича А.Герман, который жил в Ленинграде, а его жену с двумя детьми в 24 часа без документов и самых необходимых вещей выслали из Ленинграда в Рыбинск. В 1937 году арестовали родного брата Ильи Ефимовича, Исаака, который работал хирургом в Подмосковье. Ни об одном из них больше ничего не было известно. В эти страшные дни повальных арестов, громких процессов над «врагами народа», людей приучили всего и всех бояться, никому, даже самым близким, не доверять, ни с кем не откровенничать.

Разговаривали, только, плотно закрыв двери, да и то в основном дома. И все-таки во время процесса Зиновьева и Каменева (1936 г.) Илья Ефимович сказал как-то дома, что хорошо знал их — это были

прекрасные люди, умные и талантливые. Эти высказывания были очень опасными для него и поделился ими он с людьми, в которым он доверял как себе самому — членами своей семьи.

Илью Ефимовича арестовали летом 1937 года, когда семья выехала на дачу, и он один оставался в Москве. В то время он работал заместителем директора института мировой литературы им Горького.

Кабинет Ильи Ефимовича и столовая были опечатаны. Его личные документы были изъяты во время обыска. Позднее в эти комнаты поселили семью работников НКВД Вавилова. «После ареста главы семьи в доме перестали бывать многие знакомые. Некоторые сразу прервали отношения, другие поделикатнее старались что-то объяснить. Очень часто встретив кого-нибудь из семьи, бывшие друзья, опустив глаза, делали вид, что не замечают или старались перейти на другую сторону. Все это было понятно — люди боялись друг друга и особенно семей арестованных. Самым большим потрясением для семьи было трусливое молчание окружающих и особенно совершенно затихнувший телефон. Тем дороже были друзья, которые поддерживали семью в это трудное время» с печалью в голосе вспоминает Елена Ильинична, как трудно было понять 4-х летнему ребенку изменения дома.

Днем — бодрые, радостные песни — «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!». Ночью — повальные аресты. Мало, кто дышал вольно. Большинство семей со страхом ложились спать, горестно думая о том, какое может быть пробуждение. Тем не менее, как и раньше, увлеченно ходили на демонстрации и радовались праздникам. Конец 1937 года ознаменовался еще одним значительным событием: была реабилитирована елка. С 1929 года празднование Нового года было запрещено как «пережиток прошлого. Но 1937 год — самый страшный год, который вошел в историю как символ жестокости, беззакония и насилия, страна провожала в блеске елочных свечей. Новый год, Рождество, Пасху как «буржуазные предрассудки» было запрещено праздновать в юной стране Советов. Единственные государственные праздники были: седьмое ноября, первое мая. Праздников было мало среди «борьбы и труда». Поэтому амнистия Нового года была радостно встречена в семьях советских граждан.

Узнать что-либо о судьбе отца Ильи Ефимовича могла только старшая дочь Ирина, которой в то время было 15 лет. «К счастью», как отметила Елена Ильинична, «родители не были официально зарегистрированы, у них были разные фамилии», это спасло жену от ссылки, а детей от детского дома.

«Ирине приходилось стоять в многочасовой скорбной очереди на Кузнецком мосту, где находилась приемная НКВД, и можно было что-нибудь узнать об арестованных. В приемной было 2 окошечка. В одном принимали заявления, в другом выдавали ответы. В окошечках сидели совершенно недоступные сотрудники органов госбезопасности. Они не грубили, но умели так разговаривать, что у людей пропадало желание к ним обращаться. Ответы были стандартными. Там, где принимали заявления, буркали: «Ответ через месяц-полтора». Во втором окне были варианты: «Содержится в Бутырской тюрьме (или в Таганской)», «Выслан без права переписки», что означало расстрел. Илья Ефимович находился в Таганской тюрьме. В тюрьмах в то время были сносные условия содержания, разрешали передавать заключенным деньги, а иногда и передачи. Но, чтобы добиться передачи, нужно было быть у окошка одной из первых в 6 часов утра. Деньги принимали 1-2 раза в месяц, но сумма не должна была превышать 5-ти рублей. Дело было не только в деньгах, главное — это была весточка с воли. Неоценимый знак того, что родные помнят, любят и ждут. Ведь было много случаев, когда родственники отказывались от осужденных. Вначале, тем, кто передавал и получал, разрешали подписываться, но потом это отменили. Очередь в Таганскую тюрьму стояла в переулке Малые Каменщики и была длиннющей. Люди стояли возле красной кирпичной стены, а наверху, над ними, были тюремные окна, закрытые плотными тяжелыми решетками. Стояли, в основном, молча, подавленные и ушедшие каждый в свое горе. Изредка переговаривались, рассказывая о тех, к кому пришли. Судьбы были разные, но одно было общим для всех — никто не знал, за что были арестованы их близкие. Почти все считали арест страшной ошибкой, недоразумением. Вера в партию оставалась непоколебимой не смотря ни на что. Поговорка «Лучше горька правда, чем сладкая ложь» в то время как бы не существовала. Веря в непогрешимость вождей, люди сохраняли иллюзорное чувство веры в светлое будущие.

В эти дни Ирина подала заявление о приеме в комсомол. На заседании бюро ей предложили отречься от отца. И, когда она этого не сделала, ей отказали. В семье было принято несмотря ни на что уважать родителей. А Ирина еще была для отца не только дочкой, но и верным другом и соратником. В 1939 году наркомом госбезопасности стал Берия, начало его деятельности было связано с тем, что некоторых заключенных выпустили из тюрем. Однажды осенью 1940 года в квартиру позвонили, и незнакомый женский голос сказал: «Илья Ефимович скоро вернется. Ждите его». И действительно, через не-

сколько дней он вернулся домой. Эту встречу невозможно описать: плакали все взрослые, в том числе и няня, тетя Поля, которая была фактическим членом семьи и не ушла в то трудное время, хотя ей предлагали. После возвращения Илья Ефимович долго болел воспалением легких, поправился с трудом. Перед освобождением с заключенных брали подписку о неразглашении. Поэтому то, о чем он рассказал, хранилось в строгой тайне. Которую он смог доверить самым близким людям — Виктории Матвеевны и ее дочерей. А Илья Ефимович рассказывал дома: «Нигде и никогда он не встречал так много умных, образованных, интеллигентных людей, как в тюрьмах».

И.Е.Гершензон. 1940 г.

Сначала Илья Ефимович был во внутренней тюрьме на Лубянке, где в глубоких подвалах применялись изощренные и жестокие пытки для признания несуществующей вины. Не выдерживая этих пыток, несчастные признавались в том, чего никогда не совершали. Добивало их еще сознание того, что их пытает и содержит в тюрьмах Советская власть, за которую большинство из них воевали и сидели в царских тюрьмах. Те, кого тогда освобождали, в большинстве своем верили, что именно с ними действительно произошла ошибка, которую исправили, а кругом действительно много врагов. Эта первая реабилитация коснулась небольшой части заключенных, знали о ней немногие и объясняли это приходом Берия и отстранением Ежова, о деятельности которого «другу народов» (Сталину) якобы не все было известно. Впрочем, уже тогда многие, в том числе и Илья Ефимович, начали понимать, что это очень сомнительно. С возвращением отца многое в семье изменилось. Настроение у всех было радостное, приподнятое. Новый 1941 год семья встречала радостно, нарядили елку самодельными игрушками, испекли

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

Гражданин(ка) Гершензон Илья Ефимович

умер(ла) 7/IV-1942 года седьмого апреля тысяча девятьсот сорок второго года

в возрасте 48 лет, о чем в книге регистрации актов о смерти 1976 года декабря месяца 30 числа произведена запись за № 14

Причина смерти Склероз сердца

Место смерти: город, селение Новоузенск

район

область, край Саратовская

республика РСФСР

Место регистрации Отдел загс Ленинского р-на г. Москвы

Дата выдачи 4 января 1977 г.

II-МЮ № 485495

Фоминов Р. К.

Свидетельство о смерти И.Е.Гершензона. 1977 г.

праздничный пирог, строили планы на лето. Никто тогда и не подозревал, как мало осталось мирной жизни. 22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война, а в ночь с 25 на 26 был арестован Илья Ефимович. На прощание он сказал своей старшей дочери: «Больше мы никогда не увидимся. Помни, что ты самая сильная. Береги себя, маму, девочек. Расскажи им обо мне, когда вырастут. Скажи, что я ни в чем не виноват». Такая же участь постигла многих, кто был тогда выпущен из тюрем. Этих людей только поманили свободой, а с началом войны арестовали снова. Только эту ошибку исправлять уже не стали. Все это было намного тяжелее, без всякой надежды на встречу с родными, на выживание. На другой день после ареста Ирина, как и прежде, пошла по знакомым адресам в приемные НКВД. Но куда она ни обращалась, ответ был один: «Какие сейчас сведения? Война!». Только в 1977 году дети узнали о том, что Гершензон Илья Ефимович умер 7 апреля 1942 года в городе Новоузенске Саратовской области от склероза сердца.

«Когда свинцовые...»

С первых дней войны в Москве все неузнаваемо изменилось. Ввели светомаскировку и комендантский час. Везде были расклеены плакаты с изображением матери-Родины с протянутой рукой. Буквально с первых дней зазвучала песня «Вставай страна огромная...» опустели

магазины, ввели карточки на продукты. Появились аэростаты, мешки с песком, заклеенные крест-накрест стекла. Началась мобилизация, объявили набор в народное ополчение. Илья Ефимович тоже записался туда, хотя после тюрьмы здоровье было очень плохое. В ополчение он не попал из-за ареста. В Москве стало неспокойно. Ирина, которой к тому времени исполнилось 19 лет, дежурила вместе с подругами на крыше своего дома по ночам; они гасили в песке зажигательные бомбы. Днем она работала. Виктория Матвеевна, которая в то время была заместителем начальника красильного цеха на комбинате «Красная Роза», сутками была на производстве. В эти дни в семье часто думали о том, что лучше бы Илья Ефимович ушел на фронт с ополчением. Как это не ужасно, но даже гибель на фронте — общая судьба. К тому же, человек не унижен, не втоптан в грязь незаслуженным приговором «враг народа», а напротив — он со всеми, он — защитник и герой до последнего вздоха, ему не надо думать о том, что скажут когда-нибудь о нем его дети. Между тем, положение на фронте все ухудшалось. Сводки информбюро становились все тревожнее. Москву бомбили регулярно, каждую ночь. Уже появились раненые и погибшие при артобстрелах, много было разрушенных домов от прямого попадания бомб. В июле 1941 года был издан приказ об эвакуации из Москвы всех детей. Семья Виктории Матвеевны, как и многие в то время, считала, что к зиме война закончится и все вернутся домой. Поэтому с собой не взяли даже самого необходимого. Из Москвы в эшелоне, состоявшем из товарных вагонов, всех эвакуированных привезли в Рыбинск, а оттуда на барже отправили по Волге до Набережных Челнов. Теперь там построен знаменитый автомобильный завод (КАМАЗ), но в то время там была просто небольшая пристань и низкий сырой берег Волги. Утром следующего дня эвакуированных отправили на подводах в с. Сармошово, центральную усадьбу колхоза. Участь эвакуированных была очень тяжелой. Пришлось испытать холод и голод (морозы зимой доходили до 50 , а топливом в лучшем случае была солома). Весной 1942 года Виктория Матвеевна получила вызов в г. Нуху Узбекской ССР от наркомата как опытный инженер-технолог по крашению и отделке шелковых тканей. Узнав, что она — жена « врага народа», вначале не хотели брать на работу. Приняли только из-за острой нехватки специалистов на должность сменного мастера в красильный цех. Ирину приняли в химическую лабораторию того же цеха. В Нухе от голода чуть не умерла младшая девочка Оля, у которой была дистрофия. Виктории Матвеевне пришлось продать свои

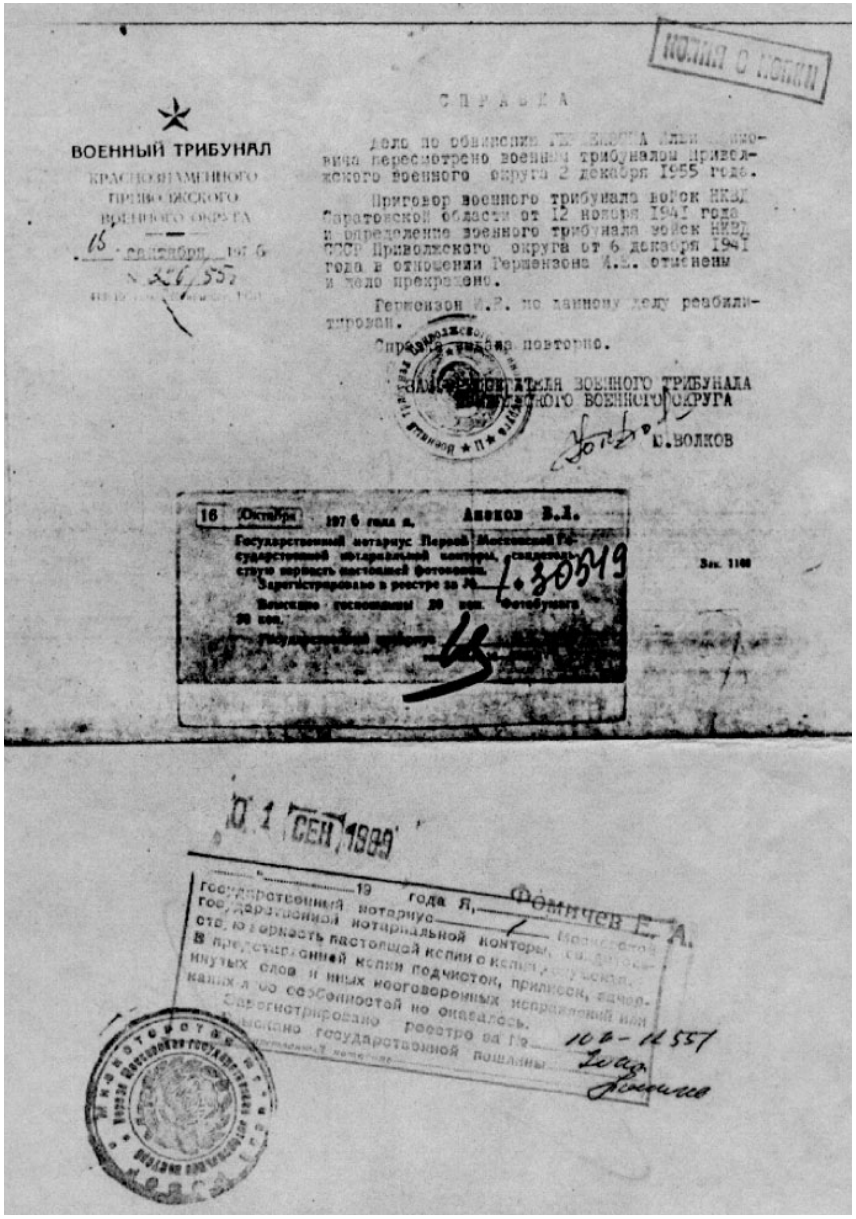
Ирина Ильинична Гершензон.

лучшие платья, постельное белье, чтобы спасти дочь. Но, несмотря на выздоровление, последствия страшной болезни остались у Оли на всю жизнь: она была бледной и худенькой, часто болела и быстро утомлялась.

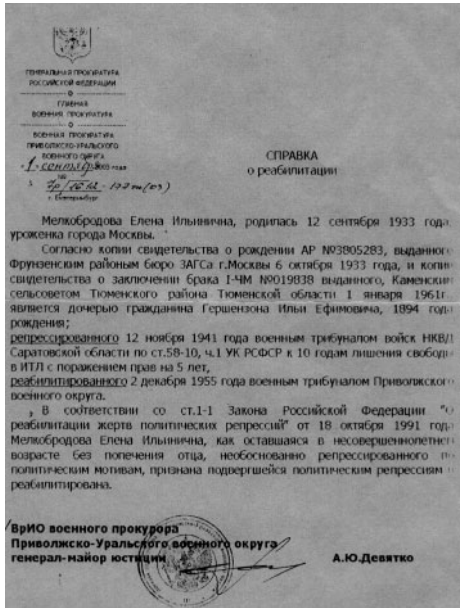
В 1942 году началась мобилизация девушек с 18-ти лет. Это было, как говорили тогда, «добровольно обязательно». Так Ирина попала в действующую армию: сначала на Кавказский фронт, а в мае 1945 на Дальний Восток, где началась война с Японией.

Зимой 1943 года Виктория Матвеевна с Леной и Олей возвращалась в Москву по Вызову Наркомата — видимо, Виктория Матвеевна была хорошим специалистом. С большим трудом удалось купить билеты в общий вагон. Все полки были заняты, люди ехали, даже сидя на полу в проходах. С большим трудом удалось найти местечко на 1-й полке, где спали по очереди. Поезд шел по местам недавних боев. Особенно врезался в память Сталинград: города практически не было, люди жили в землянках, а на окраинах было огромное количество изуродованной техники. Жизнь в Москве была нелегкой: семья осталась без жилья. Сначала жили у друзей и знакомых. Но отношение к семье Гершензон у знакомых изменилось.

Потом Виктории Матвеевне, учитывая ее прежние заслуги, дали комнату площадью 6 кв.м. в фабричном доме. Как изменились их жилищные условия за 10 лет, то была 5-и комнатная квартира с телефоном, а сейчас только одна комната. Продукты выдавали по карточкам. Все бытовые вопросы в то время «решала» Лена, которой было 10 лет. Именно она стояла долго в длинной очереди за продуктами. Иногда приходилось ждать на улице много часов. А морозы в те годы в Москве достигали -40°. Одежда была плохая, и люди в очереди очень мерзли. Продуктов по карточкам давали мало. Например, хлеба по 250 гр. на ребенка и 500 гр. на взрослого в день. Хлеб был сырой и тяже-

Справка о реабилитации И.Е.Гершензона

СПРАВКА
о реабилитации

Мелкобродова Елена Ильинична, родилась 12 сентября 1933 года, уроженка города Москвы.

Согласно копии свидетельства о рождении АР №3805283, выданного Фрунзенским районным бюро ЗАГСа г.Москвы 6 октября 1933 года, и копии свидетельства о заключении брака I-ЧМ №019838 выданного, Каменским сельсоветом Тюменского района Тюменской области 1 января 1961 г. является дочерью гражданина Гершензона Ильи Ефимовича, 1894 года рождения;

репрессированного 12 ноября 1941 года военным трибуналом войск НКВД Саратовской области по ст.58-10, ч.1 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы в ИТЛ с поражением прав на 5 лет,

реабилитированного 2 декабря 1955 года военным трибуналом Приволжского военного округа.

В соответствии со ст.1-1 Закона Российской Федерации "О реабилитации жертв политических репрессий" от 18 октября 1991 года Мелкобродова Елена Ильинична, как оставшаяся в несовершеннолетнем возрасте без попечения отца, необоснованно репрессированного по политическим мотивам, признана подвергшейся политическим репрессиям и реабилитирована.

ВрИО военного прокурора
Приволжско-Уральского военного округа
генерал-майор юстиции А.Ю.Девятко

Справка о реабилитации Е.И.Мелкобродовой

лый. Но никто не жаловался, ведь в местах оккупации и на фронте было еще труднее.

Лена училась в школе. Это было еще одно испытание. В школе было холодно, письменных принадлежностей не хватало, писали карандашами в основном не в тетрадях, а на оберточной бумаге, которую приносила мама с фабрики. Письма для сестры на фронт тоже писали на этой бумаге. С этим связана семейная легенда, которую рассказала Ирина, когда вернулась домой.

День 9 мая 1945 года запомнился на всю жизнь. Виктория Матвеевна вместе с Леной и Олей были в этот день на Театральной площади, вместе со всеми они праздновали победу над врагом.

После окончания войны с Японией вернулась домой старшая дочь — Ирина, к счастью, живая и невредимая.

Началась послевоенная жизнь со всеми трудностями и житейскими невзгодами для всех людей страны, но ко всем этим общим тяготам на членов семьи Виктории Матвеевны еще ложилось тяжелым грузом вечное клеймо «враг народа». Илья Ефимович Гершензон был посмертно реабилитирован во время «хрущевской оттепели» в 1955 году. Была выдана справка о реабилитации и отца и других членов семьи с формулировкой: «Об отсутствии состава преступления». Что бы получить ее дети обращались с запросами в архив генеральной прокуратуры Приволжско-Уральского военного округа.

Жилье семьи со временем стало просторнее, новая комната площадью в 15 кв.м. в центре Москвы на ул. 25 Октября, которая казалась дворцом, хотя в этой, снова коммунальной квартире, было 9 соседей. Виктория Матвеевна вынуждена была уйти с комбината «Красная Роза», где проработала много лет. Умерла она в 1966 году в Москве в возрасте 60 лет.

Ольга Ильинична самая младшая из сестер Гершензон, родилась в страшном 1937 году, о ней известно, что окончила электровакуумный техникум и продолжила образование в Сыктывкарском педагогическом институте на физико-математическом факультете. Познакомилась с математиком, аспирантом Островским Александром Давыдовичем. И в 1977 году уехала вместе с мужем в США. Ольга Ильинична умерла в Америке через 10 лет.

Ирина еще до войны окончила Московский библиотечный институт по специальности библиотекарь. После возвращения с фронта она устроилась работать в Московскую библиотеку им. Ленина эти сведения мы узнаем из воспоминаний Елены Ильиничны сестры Ирины. Обладая литературным даром, Ирина записала все воспоминания в семейную летопись. Также ею было написано несколько рассказов, но клеймо «дочь врага народа» не позволило их опубликовать. Вслед за сестрой она уезжает в США. Ирина Ильинична умерла в 2002 в Америке, завещав передать летопись своей сестре Елене, единственной оставшейся в живых из 3-х сестер.

Елена Ильинична окончила Московский государственный институт им. Потемкина по специальности учитель географии. Она пыталась поступить в геологоразведочный институт, но графа о национальности помешала ей в этом. Елена Ильинична по распределению работала в селе Каменка Тюменского района учителем географии. Там же она повстречала будущего мужа, Мелкобродова Александра Владимировича. В 1977 году они вместе уезжают в село Рождествено Собинского района Владимирской области, там она стала работать в должности учителя географии и заместителя директора по учебной воспитательной работе. У Елены Ильиничны есть сын Александр Владимирович и дочь Юлия Владимировна. Им она дала высшее образование: Александр и Юлия окончили Владимирский политехнический институт. У Елены Ильиничны подрастают внуки: Маргарита, Надежда и Павел. Она очень решительный человек: уже в преклонном возрасте она меняет свой сложившийся быт, 4-х комнатную квартиру в селе, окружение друзей-коллег на не обустроенную жизнь в городе. Это она делает для внука — у него проявились математические способности. Для того чтобы Павел мог их развивать, семья переезжает во Владимир и внук поступает в 5 класс школы №36 с физико-математическим направлением. Всегда для членов семьи Гершензон на первом месте стояли их родные, и данный поступок подтверждает это.

Я надеюсь, что Павлик, внук Елены Ильиничны, продолжит мои исследования и найдет много интересного в необыкновенной истории своей семьи.

Тимур Гайсин

Максим Назаров

Челябинская обл.,
г. Магнитогорск,
индустриальный техникум.
Научные руководители:
А.Г. Лаптева, О.А. Гакина

Единственный свидетель

К концу 1936 года органы безопасности города закончили «разработку» группы «вредителей и антисоветской пропаганды» инженера Семенова. Начались аресты. В следственные изоляторы были посажены Семенов, Осинцев, Жихарев, Калугин, Ткалич. Эти люди были арестованы, и для многих канули в вечность. Никто не знал, за что и почему арестовали студентов, и каждый думал, что это случайность, и они будут отпущены, ведь до защиты дипломов Жихарева и Калугина оставалось всего несколько месяцев. Да и какими вредителями могли быть работяги: бывший сталевар Жихарев, сталеплавильщики Калугин и Осинцев? А что касается Ткалича, то он вообще из комсомольских работников трех ячеек железнодорожного узла, в которых насчитывалось более 120 комсомольцев. Но наверное, уж очень хотелось органам «дело делать». «Групповое дело», это звучало громко, и на нем можно было отличиться.

На сцене актового зала индустриального техникума студенты играли сюжеты из рассказов Варлама Шаламова.

Не знали ребята, играя Шаламова, что в стенах их техникума пятьдесят с лишним лет назад разыгралась драма, еще никем не описанная. Тогда по доносу взяли целую группу студентов. Одни растворились в небытие, другие чудом выжили, но следы их потерялись. Но самое удивительное то, что товарищи

по техникуму, спустя десятилетия, из разных городов стали вести поиски пропавших без вести и нашли одного из них, бывшего учащегося Иосифа Ткалича. Как его ждали на этой встрече!

Обещал приехать, да не смог. После лагерного кошмара здоровье резко ухудшилось.

Узнали старые выпускники и правду о доносчике. Он жив и здравствует, тоже бывший фронтовик. Но с ним никто встречаться не хочет. На старости лет он остался один, без старых друзей — однокашников. А цену его предательства знает только Иосиф Ткалич...

Об этой истории одной дружбы мы, два друга — студенты Магнитогорского индустриального колледжа им. Н.И.Макарова, члены клуба «Поиск» при музее истории, и хотим рассказать. Когда мы ознакомились с материалами этого дела из архивов музея, то засомневались, стоит ли ворошить прошлое? Никого уже из упомянутых учащихся тех лет нет в живых. Но память не вгонишь ни в какие рамки «надо — не надо». Она есть — и все тут. Тимур прямо сказал: «Это драматичная история. Надо рассказать эту страшную правду, ведь доказательства упрятаны за железные рамки архивов, ничего нельзя проверить, доказать...»

Рождение техникума

В те годы Магнитогорск был ещё молод и «славен» своими одноэтажными барачными участками, которые так и именовались по номерам: 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й участки и т.д. Наиболее густо были заселены 1-й и 5-й участки. Один из участков именовался «Доменным городком», где жили, в основном, трудящиеся доменного цеха. Две домны уже работали. На местности между доменным городком и 5-м участком, видимо, еще первыми поселенцами города довольно беспорядочно было понастроено землянок. Эта местность получила название «Ежовка», а масса землянок — «Шанхай». Все жилые барачные участки расположились, в основном, вдоль левого берега реки Урал, а на довольно обширном пространстве между левым берегом Урала и барачными участками раскинулась строительная площадка строящегося металлургического комбината.

Строящимся цехам и другим объектам комбината нужны были технические квалифицированные кадры. Уже были созданы и функционировали горнопромышленное училище (горпромуч), фабрично-заводское училище (фабзауч), металлургический техникум, рабфак.

Домна и пятый участок Магнитогорска

На базе рабфака был образован и функционировал Горно-металлургический институт. На базе горпромуча и металлургического техникума был образован Горнометаллургический техникум, который вскоре был преобразован в индустриальный. Техникуму шел только третий год, но среди молодежи Магнитки он пользовался широкой известностью. Ведь в его стенах готовились кадры для уже работающего и ещё строящегося комбината, на котором ежегодно вступают в строй всё новые цехи и различные важные промышленные объекты комплекса цехов комбината.

Из воспоминаний А.А. Астахова: «Мы стали студентами нового, третьего набора. Нас распределили по группам и специальностям. Я оказался в группе «прокатчиков», которая представляла собой еще неорганизованный коллектив разновозрастных студентов, младшим было по 15-16 лет, старшим 18-19. Старостой нашей группы был назначен Иосиф Ткалич. Он был среднего роста, светло-русый, с лицом гоголевского склада. Фамилия его звучала непривычно, и я решил, что он украинец. Поскольку мне в своё время пришлось учиться в украинской «семиричке» — семилетке и общаться с украинскими ребятами, я заговорил с ним на ломаном украинском языке, как свой со своим. Оказалось, что Ткалич по происхождению действительно укра-

Иосиф Ткалич

А.А. Астахов

инец. Ещё во времена Столыпина его дед с семьёй выехал в Казахстан на «вольные земли», где украинцы вместе с русскими основали большое село, в котором большинство составляли русские. Украинцы села постепенно обрусели и уже третье поколение Ткаличей почти забыло свой родной язык. Иосиф знал его плохо, хуже меня, но это нисколько не мешало нам общаться. Этому способствовало и то, что в общежитии, где мы жили, мы оказались соседями по комнатам. И вскоре у нас с ним сложились дружеские отношения, несмотря на то, что он был старше меня на три года. В 1930 году семья Ткаличей покинула село и выехала на новостройку в Магнитогорск. Отец и сын Иосиф поступили на работу на железную дорогу (станцию Магнитогорск), построили себе семейную землянку и стали жить. Вскоре Иосиф на работе был избран неосвобожденным секретарем бюро комсомольской организации железнодорожного узла, а в 1933 году по комсомольской путёвке был направлен и принят в индустриальный техникум, где мы и оказались в одной группе. Таким же образом в техникум был принят и его друг Г. Он был одного возраста с Иосифом, тоже среднего роста,

круглолицый блондин, внешне обладал большей живостью характера, быстро умел входить в контакты с другими студентами и становиться «своим парнем». Было видно его стремление быть на виду в общественных делах, но как потом стало заметно, в учебе он не отличался сколь-нибудь заметными способностями. В отличие от него, Иосиф Ткалич был намного скромней и сдержаннее в общении, не говорлив, немногословен, доброжелателен.

Но в учебе он заметно выделялся своими способностями, что признавалось всеми в группе, а по таким предметам как математика ему не было равных. В учебе он всегда опекал своего друга Г., постоянно тянул его за собой. В учебе он помогал не только своему другу, но и многим из нас. Ко всему этому добавлю, что Иосиф был «коренным» магнитогорцем, потому что в городе он обосновался почти на три года раньше нас. Он мог рассказать нам о начале строительства и комбината, и города. Но в этом, как правило, его нескромно перебивал Г., а Иосиф уступал продолжать рассказ своему другу, невольно переходя в разряд слушателя. Но нужно сказать, что со стороны Г. это была не дружба, а лицемерие и зависть к тому, что друг превосходил его в способностях и пользовался авторитетом и уважением товарищей в группе. Так было и на железнодорожном узле, где они работали до поступления в техникум, где не его, красивого парня, говоруна и балагура избрали комсоргом узла, а, по его мнению, худоязычного Ткалича. Так произошло и в техникуме, где не его, расторопного, назначили старостой группы, а Иосифа Ткалича, который пользовался уважением товарищей по группе и авторитетом. Не знал тогда этого Ткалич и доверял ему как другу, который, придёт время, окажется злейшим его врагом, оговорит и оклевещет и навеки сломает ему судьбу и жизнь, и не только его, но и других товарищей по учебе.

В начале 1934-35 учебного года с вечернего отделения на дневное на второй курс были переведены сталеплавильщики Жихарев, Калугин и Митрофанов. Это были вполне взрослые парни, поработавшие в мартеновском цехе. Все трое закончили первый курс вечернего отделения. Имея практический опыт работы на производстве, они крепко брались за учебу. Но по программе они несколько отстали от дневного отделения и поэтому встал вопрос об оказании им помощи в освоении ими ещё не пройденного материала по ряду предметов, прикрепив к ним сильного студента. Им оказался Иосиф Ткалич. Конечно, об оплате тогда не могло быть и речи. Всё это тогда делалось, как теперь принято говорить, на общественных началах, в том числе и обучение на курсах ликвидации неграмотности, которые вели сами студенты.

Тот же Ткалич до поступления в техникум выполнял много различных поручений, нес массу нагрузок и руководил комсомольской организацией железнодорожного узла, насчитывавшей более двухсот членов, но ему и в голову не приходило, что ему за это должны платить. И таких как Ткалич было сколько угодно.

Один из бывших вечерников Елисей Жихарев, выходец из Белоруссии, он вместе со своим товарищем Никитой Осинцевым, который тоже планировал поступить в техникум, проживал в однокомнатной квартире в соц-городе (квартира без кухни). Они предложили Ткаличу (а он занимался с ними как с отстающими) поселиться у них, что значительно облегчило бы подготовку отстающих бывших вечерников Жихарева, Калугина и Митрофанова, а последние тоже жили в соц-городе совсем недалеко от квартиры Жихарева. Ткалич согласился, поскольку предложение было разумным. А это рядом со щитовыми домами, где находилось общежитие техникума.

Суровый жизненный поворот

Из воспоминаний А.А. Астахова: «В течение всего 1934-35 учебного года мы с Г. продолжали посещать квартиру Жихарева, где совместно занимались проработкой учебных материалов, выполнением заданий, решением задач и примеров. Были и беседы на житейские темы, воспоминания о проведенных летних каникулах в доме отдыха, на водной станции, кто и как провел каникулы с выездом на родину. Я хвалил дом отдыха, водную станцию, прыжки с вышки, дальние заплывы и в том числе к станице Магнитной, где был задержан на водной метеостанции. Жихарев рассказал о поездке на родину в Белоруссию, о скудной колхозной жизни в их колхозе. Не знали мы тогда, что каждые не так сказанные слова, фразы мотаются на ус и потом будут умышленно искажены, истолкованы в другом смысле и донесены Г. в репрессивные органы».

В ноябре 1936 года Иосиф перевелся на IV-й курс вечернего отделения и тоже по специальности «Электрическое обеспечение промышленных предприятий». Он выселился из квартиры Жихарева и прекратил общение с Жихаревым, Г. и другими, с которыми он общался, живя у Жихарева. Но было уже поздно. В органы госбезопасности стали поступать сведения о неблагонадежности квартиры Жихарева, о разговорах, там идущих, и студентах, собиравшихся там. Но никто этого не подозревал. Тогда «старички» Ткалич, Жихарев, Г. и Митрофанов выехали в совхоз близлежащего района подзаработать денег. Главный инженер совхоза Семенов их радушно встретил, дал работу и хороший заработок. Все каникулы студенты работали в совхозе и вернулись с «кучей» денег и благодарными чувствами к Семенову, с которым у них установились приятельские отношения. И потому, когда Семенов бывал в городе, он также навещал студентов в квартире Жихарева, что иногда сопровождалось легкой выпивкой и вольными разговорами. Получая об этом сведения, горотдел НКВД в лице инженера Семенова «определил» фигуру руководителя «антисоветской» группы.

К концу 1936 года органы безопасности города закончили «разработку» группы «вредителей и антисоветской пропаганды» инженера Семенова. Начались аресты. В следственные изоляторы были посажены Семенов, Осинцев, Жихарев, Калугин, Ткалич. Эти люди были арестованы, и для многих канули в вечность. Никто не знал, за что и почему арестовали студентов, и каждый думал, что это случайность, и они будут отпущены, ведь до защиты дипломов Жихарева и Калугина оставалось всего несколько месяцев. Да и какими вредителями могли быть работяги: бывший сталевар Жихарев, сталеплавильщики Калугин и Осинцев? А что касается Ткалича, то он вообще из комсомольских работников трех ячеек железнодорожного узла, в которых насчитывалось более 120 комсомольцев. Но наверное, уж очень хотелось органам «дело делать». «Групповое дело», это звучало громко, и на нем можно было отличиться.

Мы узнали, что арест произошел 2-го января 1937 года. По техникуму, пронеслись слухи: Как? За что? Почему? Но никто не мог дать ответа, и даже руководство техникума, которое было буквально потрясено и парализовано. В полном недоумении были преподаватели и студенты. Организованно встать на защиту товарищей значит и себя подвергнуть опасности, да и организованности такой не было. Все настороженно ждали дальнейшего развития событий.

Между тем в Магнитогорске вал репрессий нарастал, арестовывались десятки невинных людей. Наступил период сведения личных счетов между определёнными категориями людей. Огромная тюрьма за посёлком «Щитовые» оказалась битком набитой арестованными, мест не хватало и «блюстителям порядка» пришлось срочно под новую тюрьму переоборудовать новую школу и клуб.

Пятый студент из этой компании был арестован и уже осуждён за хулиганство по пьянке. Это был Семен Митрофанов. На свободе, по

понятным причинам остался только Родион Г., показания, которого и легли в основу «дела» группы студентов, обвиненных в антисоветской деятельности и пропаганде, по которому проходили Жихарев, Осинцев, Калугин, Ткалич и заочно Семёнов.

Долгих 9 месяцев тянулась следствие. И, наконец, студенты предстали перед судом. Челябинский областной суд поспешно при закрытых дверях воздал всем по заслугам, объявил приговор. Ткаличу дали 5 лет, остальным по 7 лет. Дальше пошло «воспитание» в исправительно-трудовых лагерях...

Нас интересовала дальнейшая судьба Г. Он заканчивал техникум уже без товарищей по группе, которых он предал, и они по его наветам были репрессированы органами НКВД и обвинены в принадлежности к, якобы существовавшей в техникуме контрреволюционной организации и в ее антисоветской деятельности.

Спокойно и весьма посредственно он закончил техникум, но по своему техническому уровню и общей культуре и образованности так и не стал даже весьма посредственным специалистом. Зато продвигался по линии общественной. Но прошел и через войну, имел ранение. Возвратившись в Магнитогорск, он оказался на одном из заводов, родившемся в первый год войны и еще находившемся в стадии становления и первого этапа своего развития. Он преуспевал в общественных и партийных делах, по-прежнему стараясь быть на виду у партийного и хозяйственного руководства. Так он жил до выхода на пенсию. Но, став пенсионером, он проявлял заметную активность в заводской организации ветеранов войны и труда, избирался в состав заводского Совета ветеранов, а позднее стал председателем Совета, распоряжался распределением материальных благ и помощи пенсионерам, выделяемых заводом Совету ветеранов. Неизвестно, помнил ли он о прошлом, тем более на заводе вряд ли кто об этом знал. Но он глубоко ошибался, полагая, что далёкое прошлое давно кануло в вечность и теперь никто не сможет обвинить его.

Иосиф Ткалич освободился из заключения в 1942 году, Калугин и Жихарев — в 1944 году. Следы Никиты Осинцева вообще затерялись. Иосиф Ткалич хотя и освободился раньше других, но ещё был поднадзорным, так как по приговору имел поражение в правах ещё на три года. Его сначала отправили в Тюмень на сплав леса. Но он был специалистом-электриком, которых так не хватало в той системе. Поэтому вскоре его перевели в Тавду в Сплавурал без права свободного выезда. Здесь он работал сначала начальником строительного участка, а затем начальником Электроцеха. Ему стало дышать легче. Но всё еще он был не свободен. Ему было уже под 30 лет, и появилась мысль о семье. Первая его любовь была безвозвратно потеряна, она осталась в техникуме. В 1947 году, в десятилетие со дня своего ареста, он женился. Но не долгим было его «счастье». Когда он уехал в командировку, жена связалась с уголовником и, захватив из квартиры всё возможное, скрылась в неизвестном направлении. Иосиф пережил и этот удар судьбы. К тому времени он уже был свободен от надзора и был волен распоряжаться собой. Однако всё ещё ощущал несправедливое отношение к себе. Для большинства, с кем приходилось общаться, он оставался «зеком», лагерником и даже врагом народа. Сталинские времена и репрессии ещё не окончились и малейшая ошибка бывшего «зека» рассматривалась как «умышленная» и можно было с снова угодить за решетку. И Иосифа потянуло подальше от здешних мест, туда, где, как ему казалось, спокойнее, больше солнца. Выбирать было не из чего, знакомства и связи были давно утрачены, и он решил податься в Моздок, где после войны обосновался его дядя. Через него, по переписке, он связался с Моздокским кирпичным заводом, где, как выяснилось, требовался специалист-энергетик. Письменно договорившись, он выехал в Моздок с документами, подтверждающими, что он работал электриком, мастером, начальником стройучастка, начальником электроцеха и справкой об учебе на последнем курсе индустриального техникума. Кандидатура по тому времени вполне подходящая, и он был принят на должность главного энергетика этого завода. И он приступил к исполнению своих обязанностей.

Иосиф Ткалич пытался вернуться в Магнитогорск, чтобы все-таки закончить техникум. В 1958 году он приехал в город и обратился к директору техникума с просьбой зачислить его на последний курс вечернего отделения техникума, с которого он был репрессирован. Но в техникуме, видимо, еще тогда, в 1937 году, по указке НКВД, а возможно и под контролем оперативных работников НКВД в делопроизводстве были аккуратно уничтожены все документы, касающиеся репрессированных тогда студентов, в том числе всех их «аккуратно» исключили из всех списков приказов, в ведомостях, в журналах техникума. Поэтому заявление Иосифа было отклонено со встречным предложением поступить на первый курс, т.е. начать все сначала, так как никаких данных о сдаче экзаменов, зачетов по предметам в делах не оказалось. Ткалич пошел искать правду в горотдел

УКГБ, где еще при аресте у него отобрали паспорт, комсомольский билет и зачетную книжку. Но и там его ждало разочарование. Ни в горотделе, ни в архиве УКГБ Челябинской области никаких документов о репрессированных студентах Магнитогорского индустриального техникума не оказалось. И единственным документом, подтвердившим его пребывание в техникуме, был приказ о его переводе в 1936 году с 4-го курса дневного отделения на 5-й курс вечернего отделения, согласно которому он получил справку ранее по почте.

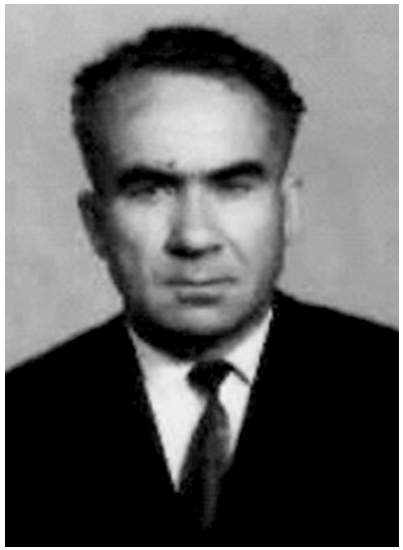
В Магнитогорске Ткалич решил поискать товарищей, которые как свидетели письменно подтвердили бы, что он действительно учился и сдал все экзамены и зачеты за три с половиной года учебы в техникуме, и решил побывать на калибровочном заводе, что недалеко от посёлка Димитрова, в котором проживала сестра. Он внимательно присматривался и к людям в надежде встретить, вдруг, знакомое лицо. И вдруг он увидел, но кого!?! Судьбе было угодно снова свести этих двух людей. Это был Г. Сначала Г. настолько растерялся, что не мог выговорить слова. Он с великим изумлением, видимо, не веря глазам своим, смотрел на приближающегося Иосифа. Ведь он давно «списал» из памяти своей «друга», которого оклеветал, а вместе с ним и других студентов, сломав всем им их судьбы и жизнь. И вдруг... Перед ним словно воскресший, живой Иосиф Ткалич».

Разговаривая с Ткаличем, Г. всё время озирался вокруг. Нельзя было допустить, чтобы кто-нибудь присоединился к их беседе, тем более кто-либо из бывших студентов техникума.

«...В своих оправданиях он так запутался и заврался, что дальше некуда. А затем, неуклюже извинившись, ушел». (Из письма Иосифа Астафьеву). Ткалич уехал в Осетию. Другие из репрессированных студентов так и не объявились в Магнитогорске.

Реабилитация

После смерти Сталина в 1958 году были реабилитированы Жихарев, Осинцев, Ткалич, Калугин. Но никто в Магнитогорске из их знакомых не знал об этом. И лишь в период перестройки о них снова вспомнили в печати. В 1989 году в многотиражке была помещена статья А.А. Астахова «Очная ставка», а затем небольшой отрывок из неё в газете «Магнитогорский рабочий». Отрывок был маленький, но этого было достаточно, чтобы из искры возгорелось пламя. На эту

Владимир Петрович Копцев

выдержку сразу же откликнулся Владимир Петрович Копцев, с которым все не виделись более сорока лет. Он позвонил в редакцию и написал письмо Астахову. Была создана инициативная группа по розыску и реабилитации репрессированных студентов.

Инициативная группа проделала большую работу, и некоторые члены группы начали было считать, что сделано всё и можно заканчивать. Из воспоминаний Астахова А.А.: «Мы, инициативная группа, не имели на них необходимых биографических данных. Прокуратура Челябинской области на мой запрос от имени инициативной группы, так и не ответила. Член городского «Совета по реабилитации» журналистка Турковская на моё письмо сделать повторный запрос, ответила, что при наших данных на репрессированных все двери для выявления места нахождения репрессированных закрыты. И, в сущности, никому не хотелось брать на себя лишние хлопоты. Мы организация неофициальная и не каждый пожелает иметь с нами дело. Так поступила и прокуратура Челябинской области, Магнитогорский «Совет по защите жертв сталинских репрессий», отдел кадров Магнитогорского металлургического комбината, куда я написал запрос о данных из архива комбината о работавших на комбинате до 1936-37 годов Жихареве, Калугине и Осинцеве. Ничего я не мог добиться и от Буранного зерносовхоза, где работал главным инженером Семенов, проходивший по групповому делу студентов. Порой казалось, Турковская права. Опускались руки, наступала апатия, казалось, никуда не пробиться. Но проходит день, другой, третий, наступало решение всё же «пробиться» и это заставляло браться за перо и от имени инициативной группы снова писать запросы по инстанциям. Один за другим написал и отправил три письма в журнал «Человек и закон», в еженедельник «Аргументы и факты» и в Прокуратуру РСФСР. В результате все эти письма оказались у прокурора России, и тот нашел возможным удовлетворить

Ф. № 28

ПРОКУРАТУРА СССР

ПРОКУРАТУРА РСФСР
103760 ГСП, Москва, К-31
Кузнецкий мост, 13

20.03.90 № 13р

620066, Свердловск,
ул. Мира, д. 3, В"
кв 39

~~Гр-ну~~ Астахову АА

Сообщаю, что ~~не~~ Вашей ~~жалобе~~ письмо о реабилитации группы лиц из Магнитогорского техникума направлено в прокуратуру Челябинской области

Прокурор отдела (управления) Ларионов

Первые ответы на запросы Астахова из Челябинской прокуратуры

нашу просьбу. Челябинск на это получил его указание. Был получен ответ Челябинской прокуратуры».

Мы считаем, что полученный из прокуратуры материал явился вершиной работы инициативной группы. Наконец-то мы узнали полные биографические данные, места рождения и ориентировочно после освобождения из заключения. Жаль, что было уже поздно, так как на запросы мы получили грустные ответы. Жихарев и Калугин к этому времени уже умерли, а Осинцев нигде не был установлен. На своей родине в Белоруссии он не появлялся с 1931 года.

А далее мы приводим полный текст письма Ткалича к Г. после их встречи в Магнитогорске.

Здравствуй <...>!

Письмо твое получил, признаюсь, был несколько удивлен, ведь сколько времени ты молчал. Я уже думал, что ты так и не ответишь на мое письмо. Да, наверное, так бы оно и было, если бы не появилась статья Астахова. Статью я получил, мне выслал племянник, который живет в Магнитогорске. С чего начать, даже затрудняюсь. Мне совсем непонятно твое поведение на следствии и суде, не забывай, что ты

РСФСР
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ПРЕГРАДНЕНСКОГО
сельского Совета
народных депутатов
Красногвардейского района
Ставропольского края
с. Преградное

УВАЖАЕМЫЙ
ИОСИФ ЕГОРОВИЧ !

На Ваше письмо исполком Преградненского сельского Совета сообщает,что в нашем селе имеется музей "Боевой славы",где нет никаких сведений о Калугине Семёне Ивановиче.

30.08.90

На № В беседе с многими пожилыми жителями села также сведений о Семёне Ивановиче мы не получили,были приглашены в исполком и лица фамилии Калугиных,их у нас не так много,но они тоже не смогли дать нам положительного ответа.

При всём нашем желании Вам помочь,сделать этого мы не смогли.

Зам. председателя с/Совета С.В.Ганагина/

был основным «свидетелем» против меня. В основном по твоим показаниям я был осужден. Кроме тебя был еще «свидетелем» Рожков (или Рыжков), который пересказал разговор о стахановском движении, но оно было настолько невинно, что даже Верховный прокурор Вышинский, когда в 1940 году был отменен приговор, специально указал, что оно не являлось контрреволюционным. Хотя следователь, в оправдание себя, сказал: «Хотя оно не является агитационным, но, смотря в каком тоне было сказано?». Как видишь, не будь основного, обвинительного материала, показанного тобой, тот материал не имел бы никакого значения. Тогда же он же сказал, что наша «группа», а мы обвинялись по статье 58-й пункт 10-й — агитация и 11-й групповая, т.е. организованная — «Так законспирирована, что из опрошенных более 100 человек (видно из техникума, с мест работ, и мест жительства) никто не мог или не хотел ничего рассказывать о вашей антисоветской деятельности и только двое оказались сознательными комсомольцами, разоблачившие твою контрдеятельность». Как же понимать твои слова, что ты не считал меня врагом.

Меня интересует, каким образом стало известно следствию о нашей поездке в совхоз, о том, что заходил к нам главный инженер этого совхоза и какие там велись разговоры, какие и кто рассказывал анекдоты. Кто из вас двоих, ты или Митрофанов все это донес, всю эту клевету в НКВД? Если бы Митрофанов, то какой ему резон доносить, если он сам участвовал: на работе в совхозе, во всех встречах с

гл. инженером, пел песни, как правило, похабные, поносил правительство и нецензурно выражался, за что был выдворен из комнаты Жихаревым и Осинцевым. Митрофанов на меня никаких показаний не давал. У меня с ним не было очной ставки ни на следствии, ни на суде. Он также обо мне ни слова не сказал. В 1940 году на повторном суде его вообще не было. Из этого видно, что основной обвинительный материал был построен на основании твоих показаний, а может быть и доноса. Не могу утверждать в отношении других, так ли это, но я перенес все муки ада, исключительно на основании твоих показаний. Хотелось узнать (хоть теперь честно признайся), что тебя заставило так жестоко оклеветать меня? Месть или трусость? Если месть, то неужели я нанес тебе такую обиду, что ты решил погубить меня? А то, что я перенес, вполне могло случиться. Рядом со мной таких же несчастных, ни в чем не повинных, были миллионы. Если это трусость, боязнь за свою судьбу, то почему же другие не трусили, ведь из сотни опрошенных больше никто ничего не показал. Астахов тоже был на допросе. Ему даже угрожали, а он ничего и ни на кого не показал. Вот и думается мне, что ты был свидетелем не по боязни и не по принуждению, а по собственной инициативе. Ты жалуешься на плохое здоровье в связи с большими ранениями, что ж, я от души сочувствую тебе и сожалею, но в этом моей вины нет. А за что я терпел и перенес муки ада, скажи, кто повинен в моих страданиях? Если бы ты знал, какие муки я перенес после очной ставки с тобой, мне не было покоя несколько суток. Ведь я не признал обвинений и не мог признать того, чего не было. Но следственные органы такого поступка не признавали, чтобы не добиться «признаний», для следователя это было большим минусом. Ты сделал свое «дело», тебе подписали пропуск, и ты

БЕСПЛАТНО

Верхотурский РОВД Свердловской обл.
наименование адресного бюро

Справка

Гр. Калугин Семен Иванович
фамилия, имя, отчество

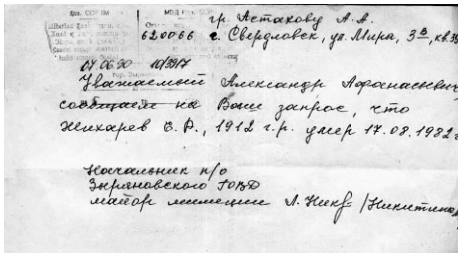
Год рождения 1916, уроженец _____

Прописан в Верхотурском районе
Проживал указать адрес на прежнем

Работал
Работает указать, где и в качестве кого

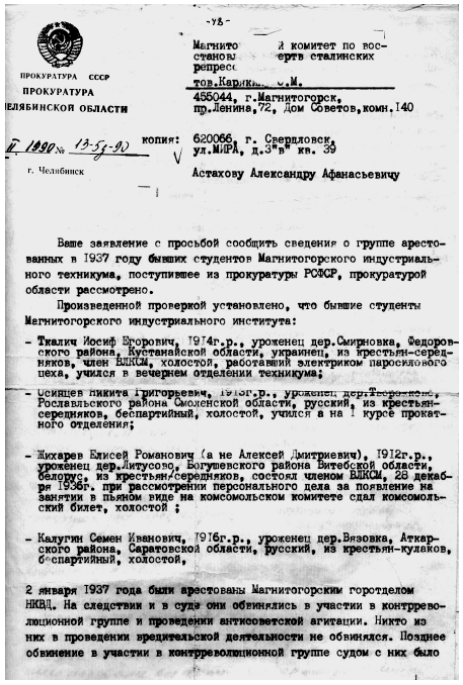
Выбыл
указать когда и куда

11 июня 1940 г. Подпись

гр Астахову А.В.
620066 г. Свердловск, ул. Мира, 3-в, кв.
Удостоверение Александр Афанасьевич
сообщает на Ваш запрос, что
Жихарев В.Ф., 1912 г.р. умер 17.03.1992 г.
Начальник п/о
Верхнесалдинского ГОВД
майор милиции А. Жихарев /Никитина

Такие справки и ответы приходили из разных районов Челябинской области

-УБ-

ПРОКУРАТУРА СССР
ПРОКУРАТУРА
ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Магнито[illegible] комитет по восстано[illegible]ертв сталинских репресс[illegible]
тов.Карк[illegible] С.М.
455044, г.Магнитогорск,
пр.Ленина,72, Дом Советов,комн.140

К 1990 № 13-5-90 копия: 620066, г. Свердловск, ул.МИРА, д.3"в" кв. 39

г. Челябинск

Астахову Александру Афанасьевичу

Ваше заявление с просьбой сообщить сведения о группе арестованных в 1937 году бывших студентов Магнитогорского индустриального техникума, поступившее из прокуратуры РСФСР, прокуратурой области рассмотрено.

Произведенной проверкой установлено, что бывшие студенты Магнитогорского индустриального института:

- Ткалич Иосиф Егорович, 1974г.р., уроженец дер.Смирновка, Федоровского района, Кустанайской области, украинец, из крестьян-середняков, член ВЛКСМ, холостой, работавший электриком паросилового цеха, учился в вечернем отделении техникума;
- Осинцев Никита Григорьевич, 1913г.р., уроженец дер.[illegible], Рославльского района Смоленской области, русский, из крестьян-середняков, беспартийный, холостой, учился а на 1 курсе прокатного отделения;
- Жихарев Елисей Романович (а не Алексей Дмитриевич), 1912г.р., уроженец дер.Литусово, Богушевского района Витебской области, белорус, из крестьян-середняков, состоял членом ВЛКСМ, 28 декабря 1936г. при рассмотрении персонального дела за появление на занятиях в пьяном виде на комсомольском комитете сдал комсомольский билет, холостой ;
- Калугин Семен Иванович, 1916г.р., уроженец дер.Вязовка, Аткарского района, Саратовской области, русский, из крестьян-кулаков, беспартийный, холостой,

2 января 1937 года были арестованы Магнитогорским горотделом НКВД. На следствии и в суде они обвинялись в участии в контрреволюционной группе и проведении антисоветской агитации. Никто из них в проведении вредительской деятельности не обвинялся. Позднее обвинение в участии в контрреволюционной группе судом с них было

ушел со спокойной совестью, «выполнившего гражданский долг, обезвредившего врага народа». А я остался на долгие годы. После твоего ухода следователь сразу же задал вопрос: «Ну что, и теперь будем запираться?» Я подтвердил свое непризнание. Тогда собралось их в кабинете с полдесятка, и начался настоящий «допрос». Один из них спросил: «Что ты из себя корчишь, ведь тебя разоблачил как врага народа твой лучший друг?». Ну и начался допрос, да такой, что и теперь при воспоминании «мороз» по коже пробирает. Какие издевательства и истязания я перенес, этого невозможно передать никакими словами. Несколько суток (в то время я им счёт потерял) по ночам проходили такие «допросы», а днем коридорные минуты не давали прилечь, а ночью снова «допрос», и так изо дня в день. Это изнуряло до такого состояния, что я терял сознание прямо на ходу. Не было сил выносить дальше истязания, и я объявлял голодовку и требовал свидания с прокурором. Пять дней я не принимал пищи. Сразу же меня перевели в изолятор. Допросы на время прекратили. В изоляторе 1,5 х 2,5 м. Нары во всю ширину, воздух чистый, в окне стекол нет, лежи и отдыхай, температура одинаковая, что на улице, что в изоляторе, а время — начало февраля месяца. Постели не положено, а одежда летняя. Тут не только лежать, но и из последних сил выбивается — прыгаешь и крутишься, а согреться не можешь, организм коченеет. Полчаса посидишь и уже дубеешь. Переведут на время в нормальную одиночку, пока немного отогреешься, и спрашивают: «Будешь принимать пищу? Прокурора не будет» Нет? Опять туда и так пять дней. Прокурора так и не вызвали, пришлось, отказаться от голодовки,

совсем обессилел, в изоляторе тело сразу коченеет, могла наступить смерть. После этого следователи убедились в бесполезности добиться признаний, прекратили издевательства. Не удалось сломать меня на ложное признание. Я так и не подписал фиктивный протокол допроса и на суде. В приговоре записано: «Виновным себя не признал, но изобличен свидетельскими показаниями». А сколько несчастных, ни в чем не повинных, не выдержали допросов и подписали сами себе даже смертельные приговоры, лишь бы избавиться от истязаний. Накануне ареста мне приснился странный сон, как будто я сорвался с кручи и полетел в темную, бездонную пропасть, при этом издал наяву душераздирающий крик, чем разбудил всех жильцов квартиры, где проживали кроме меня с сестрой еще три семьи. Все они кинулись к моей комнате и начали стучать в дверь. Я долго не мог успокоиться, меня всего трясло, сердце так колотилось, что в ушах звенело, нижняя челюсть так тряслась, что я слова не мог произнести, весь мокрый в холодном поту. Когда немного успокоился и рассказал сон, тогда соседка, жена полковника в отставке, предсказала: «Сынок, берегись, какое-то большое горе приключится с тобой». Целый день на работе, я был как в угаре, голова болела, плохо соображал и вообще чувствовал себя очень плохо. Вечером с занятий ушел раньше времени. В ту ночь я действительно «провалился в страшную пропасть» на долгие годы — меня арестовали. Я действительно заболел, у меня была высокая температура, о чем я попытался объяснить следователю, но ответ был такой: «Не знаем мы эту болезнь, там быстро вылечим», В коридоре НКВД, в здании у рынка я просидел чуть не до утра, несколько раз забывался, а под утро потерял сознание и упал, стул загрохотал, на шум из кабинетов повыскакивали. Тогда меня завели в один из них, и тут же следователь с ехидством и злорадством изрек: «Почувствовал, что пришел крах вашей контрреволюционной деятельности, что придется нести ответственность, поэтому начало кидать в беспамятство. Давай рассказывай честно и подробно обо всех ваших преступных деяниях, имей в виду, что честное признание своих действий и разоблачение действий других сообщников, будет способствовать смягчению наказания за свои действия!». Вот так сразу, прямо, расценили мои недомогания как якобы болезнь разоблачения в каких-то преступлениях. Ну, а что дальше было, кратко описано выше. О том, что я перенес и пережил «там», по ту сторону заборов и выше, можно написать не одну книгу, но понять по настоящему и почувствовать может только тот, кто сам пережил это или хотя бы, со стороны имел

возможность наблюдать. Скажу только, что мне еще раз пришлось держать голодовку, и не одни раз «погибать среди акул», именно, среди акул, потому что «там» бандиты-рецидивисты были во всем главарями. Могли творить, что им вздумается, абсолютно безнаказанно. И горе одиночкам, неорганизованным, они, как правило, погибали. И только выживали сплоченные, дружные бригады. Вот и меня несколько раз выручали, буквально из могилы, добросердечные люди, настоящие друзья. Благодаря их помощи и удалось выжить.

В 1942 году 17 мая я освободился, пересидев почти четыре месяца, в связи с войной «политических» задерживали. Освободили, но закрепили за Востураллагерем в г. Тавде Свердловской области, без права выезда с «намордником», т.е. поражением в правах на три года. Думаешь, освободился с заключения и все беды с плеч? Не тут то было. Этот «шрам» хуже любой контузии. Он сопровождал всю жизнь, да и по сей день сопровождает. До 1958 года, т.е. пока не реабилитировали, я балансировал на острие у края пропасти. Малейший промах или ошибка могли стать поводом для обвинения, как умышленным действием с привлечением к ответственности. Любой недоброжелатель мог запросто обвинить и даже оклеветать, и ты «в клетке». Вышестоящему руководству не смей слово поперек сказать или возразить против несправедливых указаний или замечаний, иначе тебе тут же напомнят, кто ты и что ты есть. Даже после реабилитации в 1958 году меня неотступно преследовало это «пятно», оно преследует и по сегодняшний день. Приведу несколько примеров из жизни на свободе.

После освобождения из «тех» мест на третий год назначили начальником строительного участка с 4-мя прорабскими пунктами по строительству лагерных объектов, промышленных площадок по переработке древесины, автомобильных дорог и др. Работы выполнялись в основном заключенными, доходило до двух тысяч человек (механизации почти никакой, все вручную) и годовых капиталовложений до 20 миллионов рублей. Должность очень ответственная, постоянная угроза и опасность подстерегала на каждом участке. За все в ответе: за расход финансов, за качество работ, за срок выполнения объектов, за тех. безопасность, за сохранение хозяйства и прочие. За все это был строжайший спрос. Было чрезвычайно трудно и опасно, а отказываться не имел права. Строжайшая воинская дисциплина, за невыполненные приказа следовало строгое наказание вплоть до отдачи под суд, а, имея такое прошлое, как у меня, делалось это очень просто. Все это так выматывало нервы и здоровье, что частенько целую

ночь уснуть не мог, а если заснул, то вскакивал от кошмарных снов. Доходило до такого состояния, что с ног валился и угождал на больничную койку. Были такие моменты, что свобода и даже жизнь висела на волоске. Так под постоянной угрозой проработал до 1947 года. По моей личной просьбе, директор Тавдинского фанерного комбината возбудил ходатайство перед управлением ВУЛа об отпуске меня в распоряжение коменданта на должность начальника электроцеха. Таким образом удалось окончательно расстаться с этой системой. Наконец легко вздохнулось, свалился с плеч тягчайший груз, постоянно гнетущий как пресс. На комбинате условия жизни и работы были более свободные, отношение нормальные, человеческие. На работе был па хорошем счету, пользовался авторитетом; ценили по работе, имел ряд ценных рациональных предложений, которые были отмечены главком и рекомендованы для внедрения на других фанерных комбинатах. Так было да 1958 года, когда бывший директор был отозван в Москву на должность заместителя министра лесо— и деревоперерабатывающей промышленности, а вместо него прислали другого. Новому не понравились смелые суждения, критические высказывания и непочтительные, по-рабски преклонения. Пошли придирки, окрики и незаслуженные наказания. Был в больнице на излечении, а в это время также произошла авария в хозяйстве. Директор, воспользовавшись моим отсутствием, не разобравшись в сути дела, возложил всю вину на меня и приказал отстранить от занимаемой должности с передачей дела в прокуратуру. Наверное, так бы и «загудел» я в «клетку», но помогла реабилитация: расследованием не усмотрено моей вины и как говорится — «трюк» не удался. Но приказ отменен не был. Пришлось обратиться с жалобой прямо в ЦК (в это время уже был Хрущев), в которой описал, подробно все безобразия и даже преступления, творившиеся на комбинате, против которых я резко выступил, что и послужило поводом для расправы. Из ЦК жалоба поступила в Свердловский ОК для расследования. В результате проверки была раскрыта преступная группа расхитителей, часть из которых были осуждены к различным срокам, а часть отстранена от занимаемой должности. Директор же не без выручки с верхов, отделался испугом, выговором по линии Главка и партвзысканием, но на должности директора оставлен. Я был оправдан, восстановлен на работе и мне выплатили зарплату за время вынужденного прогула. Ясно, что оставаться на комбинате было очень рискованно. Тогда и решил я переехать в г. Моздок, где у меня была предварительная договоренность на гардинной фабрике на

должность главного энергетика. Но в связи с событием на фанерном комбинате, по разбору жалобы, я в обещанное время не явился в Моздок, меня не дождались на фабрике и приняли другого. В то время, требовался специалист на должность директора Моздокских сетей. Я обратился с предложением в «СевКавэнерго» в г. Орджоникидзе, где меня сразу же оформили на эту должность. Два дня я знакомился и вел приемку электрического хозяйства, а на третий день мне объявили, что райком партии не утвердил меня, как судимого ранее по 58-й статье. Как видимо, не помогла и реабилитация. Потом удалось устроиться на кирпичный завод главным энергетиком, на которую не требовалась виза райкома. На этом заводе я проработал более 20 лет, оттуда и на пенсию ушел. Тот же «намордник» сопровождал меня и здесь. Я решил вступить в партию, но по негласному указанию райкома и с помощью директора, которому я успел «засыпать» соли под шкуру, мою просьбу отклонили (чуть больше половины голосов) — до «исправления». Здесь на заводе тоже у руководства был «удельный князек», с которым мы вскорости не сошлись «характером».

Мое прошлое преследует меня постоянно, куда ни кинься, везде тупики. Попытался добиться цемента, шифера и др. строй материала (у нас это дефицит), инвалидам, участникам ВОВ — пожалуйста, а мне как узнают, что я «бывший», сразу указывают на дверь, даже с презрением. Все инвалиды и участники ВОВ имеют право приобретать дефицитные товары и продукты повышенного спроса по особым спискам и везде вне очереди. А я этого права не имею. Много мне не положено, а что можно, то должен выстоять длинные очереди часами. Но беда не в том, что приходится выстаивать в очереди, теперь всем приходится стоять, такое время, а то неприятно, что на тебя смотрят с удивлением — пожилой, а становится в очередь, значит — не воевал, избежал фронта и смотрят на тебя с осуждением. Вот еще один пример. Недавно занял очередь за моющими средствами, а очередь на квартал, да еще в несколько рядов (слух был, что не всем хватит), а дома запас на исходе, вот и пришлось встать. Занял за двумя пожилыми женщинами, они обратили на меня внимание и осведомились: “А вы что ж в очередь, аль не ветеран?” Я сначала было хотел отговориться, и сослаться на то, что якобы забыл дома удостоверение (иногда уже приходилось так оправдываться), а потом как бы в шутку решил открыться (захотелось услышать как они отреагируют на это) и сказал: «Да я, тетеньки, прошел другой фронт — сталинско-бериевскую». Они от души посочувствовали мне. А впереди стояли две

«барыньки» из офицерш, и слушали наш разговор, потом, вроде бы меж-собой, но так чтобы слышно было заговорили: «Теперь многие рядятся под репрессированных — это стало модно, даж отпетые бандиты и убийцы тоже объявляют себя жертвами сталинизма». Вот так обернулась мне шутка, как будто мне кипятком плеснули в лицо. Что мне оставалось делать? Не оправдываться же перед ними, да и какой толк от этого — всех не убедишь. Пришлось сглотнуть эту ядовитую «пилюлю», ушел с глубокой болью на сердце. Вот такие почести я нередко получаю и поныне. Я очень и очень благодарен товарищам моей юности за их заботу хлопоты о моей реабилитации, но если даже она осуществится, все равно не вернуть мне всего того, что потеряно в результате репрессии. Никогда и никто не сможет вернуть загубленную молодость, здоровье, осуществить личные, сокровенные мечты.

Все, все, что я, с таким вожделением и трепетом ждал, и оно мне виделось в недалеком будущем, но всему этому не суждено было осуществиться, судьбе угодно было распорядиться по другому. Все, все мечты и надежды, кануло в пропасть, а точнее столкнули, вместе со мной. Да, все пропало: и молодость и мечты, никто и ничто теперь уже не в силах вернуть мне это. Я пережил муки “ада”, был на краю гибели, страдал без вины, но терпел все это один. А те, кто был связан семейными узами, страдали вдвойне, а может и больше. Они сами невинно изнемогали в мухах, а за что страдали их близкие, жены и особенно дети. Они тоже подвергались издевательствам, гонениям, терпели муки, переносили голод и холод. Особенно несчастные дети страдали, их мог обидеть оскорбить кто угодно, совершенно ни за что, лишь только потому, что их отцы были «врагами народа». И они молча сносили все муки и сколько их, обездоленных, погибало — кто знает? Будучи начальником строительного участка, о чем я упоминал выше, мне много приходилось встречаться с такими несчастными, видеть их бедственное положение и слышать слезы и стонания. Они обращались с просьбами о сведениях, молили об опознании, хотя какой-нибудь помощи для спасения страдающих от голода и в большинстве случаях больных, умирающих детей. Что я мог сделать для них больных? Но, несмотря на то, что я сам недавно «оттуда», я старался и оказывал посильную помощь, за что имел упреки и даже взыскания от командного состава НКВД. Начальство не любило этого, и на мои обращения я получал напоминание о личном моем прошлом. И все же, как бы опасно не было, но боль и жалость к несчастным меня вынуждали рисковать и оказывать посильную малую и большую помощь

многим. Родители мои, конечно, очень страдали, но они в то время жили далеко от Магнитогорска, и потому никто не знал о моем аресте и их никто не преследовал. Находясь «там за барьерами человеческого мира», я все время мечтал и надеялся и ждал «чудо». Постоянно казалось, что все это временное явление, что вдруг кто-то всесильный громогласно произнесет: «Стой, адская машина, остановись, довольно крови и жертв — все свободны!» И «сон кошмарный» спадет, откроются двери ада и люди, эти великие страдальцы, измученные, истерзанные — увидят свет и свободу. И я трепетно надеялся и ждал, ждал чуда, изо дня в день, из месяца в месяц, а потом и года. А чудо так и не появилось. (А он такой всесильный в стране был, которому достаточно было пошевелить мизинцем и сказать одно единственное слово — «стоп», чтобы остановить бег «адской машины», но ему не надо было этого, напротив, он требовал все новых и новых жертв, он как вампир, жаждал крови).

Так и уходили годы, а с ними и молодость, а я все ждал и надеялся. Каким великим свойством обладает это чувство — ждать и надеяться, оно не давало мне отчаиваться, в самые мрачные и безысходные периоды — не пасть духом, а выжить. Такое чувство постоянно помогало и мне. Ладно, хватит изливать боль сердца и крик души. На этом хочу закончить. А описал я несколько моментов из тяжелой, прожитой мной жизни для того, чтобы ты хоть немного понял, во что обошлась мне твоя «дружба». В тюрьме, один священник прочитал мне одно изречение из библейского писания, оно гласит: «Помоги мне, господи, уберечься от друзей, а от врагов я и сам уберегусь». Потом, «там», мне приходилось встречаться с агрессивно настроенными, даже с бандитами, но в большинстве случаев я выходил победителем или находил выход избежать поражения, а вот от друга уберечься не смог.

Я, конечно, не собирался и сейчас не имею ни малейшего намерения предъявлять тебе каких бы то ни было претензий. Все равно, от этого я не буду иметь ни малейшей пользы, так что будь спокоен и живи себе на здоровье.

Если хочешь знать, какое мое мнение о тебе и о твоем поступке, то попробуй мысленно представить себя на моем месте. Сделай вывод — как бы ты расценил мой поступок? Как ты со мной поступил?

Иосиф Ткалич

Ткалич написал только об издевательствах и истязаниях над ним самим. Но подобное прошли и остальные «члены», несуществующей

контрреволюционной группы. Но никто из них не признал ложных обвинений. Но не все, кто там сидел, выдерживали такие допросы и такое следствие. Многие, ни в чем не повинные, подписывали на себя ложные доносы лишь бы избавиться от истязаний, нередко «дело» заканчивалось смертным приговором. Наши четверо студентов, не видя друг друга, не имея очных ставок между собой, вели себя мужественно и отвергли все обвинения в свой адрес.

***

Дорого стоило советскому обществу сталинское недоверие и подозрительность к интеллигенции. Были уничтожены самые умные, образованные представители науки, искусства, литературы. Нанесен громадный ущерб интеллигентному уровню страны.

Во многом репрессии на Южном Урале повторяли всесоюзную схему. В первую очередь волна репрессий прошлась по народно-хозяйственным, партийным и государственным кадрам. В 1937 году были репрессированы и расстреляны хозяйственные руководители города Магнитогорска: Кудрявцев Н.А., Орлов В.П., Безмолитвенный А.К. и другие. По сведениям УВД к концу 30-х годов были репрессированы более 100 тысяч граждан Челябинской области. Нам страшно подумать, сколько безвинных людей погибло тогда, какие тяжелые последствия этих преступлений.

Дарья Ткачева

г.Астрахань, школа № 55, 7 класс.
Научный руководитель: Н.Г.Ткачева

«А память об отце жива...»

(История о «заговоре» в Астрыбвтузе)

Вообще забрали всех в ночь на 1 мая, в том числе и жену ректора, она была преподавателем истории. Мама три ночи стояла около окошка и ждала, что арестуют её. Меня она отправила к бабушке. На четвёртый день мама не выдержала и пошла в прокуратуру сама: «Арестовываете меня. Я больше так не могу».

В этом году я решила писать работу о судьбе репрессированного. Я уже готова к этому. Мой дедушка (он умер в 2005 году) много рассказывал мне о Сталине, Ежове, Берии, какое страшное было время, как уничтожали людей, «гноили» в лагерях, унижали человеческое достоинство, и как любой простой человек мог стать «врагом народа».

Мой прадед Сапогов Григорий Иванович — революционер — был послан в тюрьму и расстрелян как «враг народа». Никто об этом в семье не говорил, кроме деда.

Не могу согласиться с теми взрослыми, которые говорят: «Тебе еще рано этим заниматься. Будешь старше, тогда». А кто вообще может определить, когда рано или когда поздно? Я слышу аргумент — не нужно разрешать детям во всем этом «копаться». И, может быть, нам не всегда понятны многие процессы, происходившие в нашей стране, но пропустить через себя судьбы людей, разглядеть, где справедливость и несправедливость — мы в состоянии. В общем «пожалел»

меня мой друг Миша Савчук и дал телефон человека, пострадавшего от сталинских репрессий —Марины Александровны Золотокоповой.

Конечно, мне помогали собирать материал. Это наш библиотекарь — Наталья Станиславовна Лебедева, работники информационного отдела библиотеки им. Н.К. Крупской, работники Государственного Архива Астраханской области, мой учитель — Наталия Генриховна Ткачева, мой папа — Михаил Васильевич Ткачев — делал со мной все фотографии и конечно — Марина Александровна Золотокопова, которая предоставила в мое распоряжение архив своей семьи и дала интервью.

Встреча с Мариной Александровной

В тот же вечер после того, как мне дали телефон, я решила позвонить Марине Александровне и договориться о встрече. Я очень волновалась, мне очень трудно разговаривать с новым, незнакомым человеком. Но Марина Александровна оказалась очень приветливой женщиной и пригласила меня к себе в гости. Я ждала этого дня с нетерпением, наметила вопросы, приготовила диктофон. По пути я представляла себе ее. Звонок. Дверь открыла худенькая женщина, с кудряшками на голове, спортивно одетая. Первое, что мне бросилось в глаза, это — старинное фортепьяно. Я учусь в музыкальной школе и видела такие только в консерватории. Марина Александровна пригласила пройти в ее комнату. Первое впечатление — я попала в музей! На стенах висят старинные портреты в больших рамках, круглый стол, настольная лампа, старинная этажерка и комод, множество мелких статуэток прошлого времени. На столе уже разложены книги, документы, фотографии. Марина Александровна, так же как и я, волнуется. Она показывает документы и сразу пытается мне все рассказать. Начинаю задавать вопросы и включаю свой верный диктофон. Я понимаю, что вспоминать прошлое ей нелегко, но она собралась с мыслями и начала свой рассказ о семье. Иногда мы останавливались, рассматривали фотографии из семейного альбома, читали документы, отрывки писем и «Книгу памяти».

Семейный архив

Перелистываю пожелтевшие страницы прошлого времени, сохранившиеся в семейном архиве: письма отца из лагеря, проверенные цензурой конверты, фотографии. Марина Александровна начала свой рассказ.

Я соприкасаюсь с прошлым. Семейный архив

«Это мой дедушка — Арсений Петрович Покровский — по папиной линии. Дедушка родом из Тверской области, село Конаково (бывшее Кузнецово), где был знаменитый фарфоровый завод. Дед был там священником. Когда начались гонения на церковь, он в 1924 году был репрессирован и сослан на Соловки «за антисоветскую деятельность». В 1934-м году дед приехал в Астрахань к папе. В село он побоялся возвращаться. Приехал очень больной, так как они там жили в каменных пещерах. Он умер в 1937 году до ареста папы»[1].

В воскресной школе, при Успенском соборе, отец Дмитрий нам рассказывал, что период с1921 по 1936 год — это самые жестокие годы борьбы советской власти с церковью. Повсюду происходило осквернение святынь, разрушение храмов и обителей. Некоторые представители духовенства выжили в лагерях и ссылках, но вернулись очень больными, особенно те, кто был на Соловках. В Соловецких лагерях священников селили в бараки вместе с уголовниками. Очень много было осведомителей и велось постоянное наблюдение. В Соловках на каждого узника был заведен секретный формуляр, в котором отме-

[1] Воспоминания Золотокоповой М.А.

чалось его поведение, как он работает, что говорит и каких взглядов придерживается. На острове еще жили вольные монахи Соловецкого монастыря, которым было разрешено совершать церковную службу. Поначалу лагерная администрация не смотрела строго на присутствие узников — архиереев и священников — на этих богослужениях, но затем старалась уже не допускать заключенных на службы.

Я спросила отца Дмитрия, что значит «жили в каменных пещерах»? Он ответил, что по воспоминаниям священников, на Соловках были осужденные, которым выносили «дисциплинарное взыскание» и отправляли их на Секирную гору, где бараки были выдолблены в пещерах. Секирная гора представляет собой подобие внутренней тюрьмы с самым суровым режимом. Кормили там гнилыми продуктами, и то в самом малом количестве. На Секирной горе было два «отделения» — верхнее и нижнее. Целыми днями заключенные «верхнего отделения» должны были сидеть на жердочках, не доставая ногами до пола, вплотную друг к другу. На ночь разрешалось лечь на голом каменном полу, но укрыться было нечем. Заключенных было столько, что спать приходилось всю ночь на одном боку. В зимние месяцы это превращалось в пытку. Через некоторое время заключенных из верхнего «отделения» переводили на нижнее и тогда позволяли работать, но работу давали тяжелую.[1]

Возможно, Арсений Петрович Покровский отбывал наказание именно в этом месте, т.е. на Секирной горе. На фотографиях в семейном альбоме дед Арсений стоит с маленькой Мариной в русской рубахе, подпоясанной пояском. Вот таким она его и помнит.

Марина Александровна продолжает свой рассказ о семье: «Мои предки с маминой стороны жили в Астрахани. Мой прадед в XIX веке был главным архитектором Астрахани. Его завали Павел Апполосович Знаменский. Он построил несколько зданий в Астрахани, но самое главное по его проекту была построена церковь Покрова. При входе в храм висит табличка, на которой написано, что архитектором храма был мой прадед»[2].

Еду к Покровскому собору. В настоящее время он находится на реставрации и стоит весь в лесах. Это кафедральный собор нашего города и купола его видны с Большого моста. Главным инициатором строительства храма выступил известный купец и благотворитель Иван Иванович Губин.

[1] Рассказ отца Дмитрия.
[2] Воспоминания Золотокоповой М.А.

Проект храма был составлен архитектором Знаменским, и 11 октября 1878 года одобрен строительным отделением Астраханского губернского правления. 31 марта 1885 года в торжественной обстановке на колокольню храма были повешены колокола.

Как интересно в этой семье переплетаются линии жизни. Прапрадед — архитектор, строящий храм, дед — священник, служитель храма, пострадавший за веру.

Рассказывает Марина Александровна:

«У меня мама — Ирина Владимировна Покровская — урожденная Знаменская. А дед мой — Владимир Павлович Знаменский был юристом, он окончил Санкт-Петербургский институт. После Первой мировой войны и революции уехал в Ригу. Там он встретил бабушку, женился на ней и переехал в Астрахань. Работал юристом Ростбанка. Мама родилась в Риге, вместе с родителями в трехлетнем возрасте переехала в Астрахань, закончила Ленинскую гимназию. После окончания школы поступила в московский Второй Государственный университет на факультет математики. Окончив университет, стала работать в Саратове, но потом вернулась в Астрахань и устроилась в Рыбтуз — преподавателем математики. Папа —Александр Арсеньевич Покровский — был из Тверской губернии, из семьи священника. Закончил он Сельскохозяйственную академию им. Тимирязева. Учился на факультете рыбоводства, работал в Казахстане, на Аральском море. По конкурсу был принят в только что образовавшийся рыбный Астраханский институт — заведующим кафедрой промышленного рыбоводства. Там они с мамой познакомились и поженились. Они любили друг друга. Много путешествовали: ездили на Кавказ, на охоту, папа хорошо играл в шахматы, занимался фотографиями. Тогда было модно сдавать нормы на Ворошиловского стрелка. Мой отец был хорошим охотником. Он был очень добрый, даже моя бабушка говорила: «Он мухи не обидит!».

В 1935 году родилась я. Мама была беременна вторым ребенком, но когда папу забрали, она сделала аборт. Все было хорошо, пока не случилась трагедия».

Марина Александровна бережно открывает книгу памяти и читает:

«Покровский Александр Арсеньевич. Родился в 1896 году, русский, из семьи священника, образование высшее, преподаватель РыбВТУЗа, проживал в Астрахани. Арестован и обвинен в принадлежности

к антисоветской организации. Особым совещанием при НКВД СССР 14 мая 1940 года приговорен к 5 годам лишения свободы. Реабилитирован в 1957 году»[1]

Масштабные «разоблачения» вузов.

1937 год — тяжелый год в истории страны. Это был год опустошительных массовых репрессий, каких еще не знала страна. В истории института, как в капле воды, отражалась история советского общества.

Всем директорам вузов НКПП СССР было разослано письмо от 19 сентября 1937 года «Об итогах 1936/37 учебного года по вузам НКПП и организации педагогического процесса в 1937/1938 учебном году». В письме был целый перечень «крупнейших, совершенно нетерпимых недочетов»:

«1. Засоренность преподавательских кадров и руководящего учебного персонала (зам. директоров, руководителей кафедр) чуждыми классово враждебными элементами на ответственейших участках педагогического процесса (Киевской пищевой институт, Белоцерковский сельскохозяйственный институт, Астраханский рыбный институт, Куйбышевский строительный институт).

2. Совершенно неудовлетворительная постановка массовой политико-воспитательной работы среди преподавателей и студентов,...отсутствие большевистской непримиримости и бдительности в преподавании и в деле подбора и проверки кадров.

3. Слабый качественный подбор студентов при проведении приема в вузы в 1936 г. и плохая организация занятий с этими студентами.

...Директора институтов проявили недопустимое благодушие, ротозейство и «идиотскую беспечность» в этом вопросе. В результате такого отношения к делу ответственейшие кафедры возглавлялись врагами народа и вредителями (Киевской пищевой институт, Куйбышевский строительный институт, Краснодарский маслобойно-жировой институт, Астраханский рыбный институт), а директора не сумели вовремя разоблачить их».2

Начались проверки по всем направлениям деятельности института. В течении четырех дней (с 28 сентября по 1 октября 1937 г.) проходили

[1] Книга Памяти. Астрахань, 2000. Т.1. С.330.
[2] ГААО, ф.2181, оп.1., д.245, лл.23-27.

заседания общего студенческого собрания членов профсоюза Астрыбвтуза. На собраниях присутствовал и выступал в прениях директор института А.З. Шуба. Он начал свое выступление с позитивного, отметив хорошую работу кассы взаимопомощи и работу дома отдыха, затем перешел к недостаткам: плохая дисциплина, слабая культурно — массовая работа, непосещение студентами демонстраций, прохладное отношение студентам в изучению политических дисциплин. Завершая свое выступление, он доложил собранию об аресте преподавателей Л.К Кульбицкого (заведующий кафедрой «Органическая химия») и Д.А. Ксентицкого (заведующий химической лабораторией), как классовых врагов и поставил перед коллективом задачу повышать классовую большевистскую бдительность, выявлять притаившихся врагов народа, своевременно сигнализировать обо всех «неполадках» учебного процесса».[1]

Из «Книги памяти»:

«*Леонтий Константинович Кульбицкий*, родился в 1890 г., образование высшее, заведующий учебной частью Астрыбвтуза и заведующий кафедрой «Органическая химия», проживал в г. Астрахани. Арестован и обвинен, как один из руководителей диверсионно-шпионской организации. Выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР 27 июля 1938 года, приговорен к расстрелу. Расстрелян в тот же день. Реабилитирован в 1957 г.

Дмитрий Александрович Ксентицкий, родился в 1888 г., образование высшее, заведующий химической лабораторией Астрыбвтуза, проживал в г. Астрахани. Арестован и обвинен в принадлежности к диверсионно-шпионской организации. Выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР 27 июля 1938 года, приговорен к расстрелу. Расстрелян в тот же день. Реабилитирован в 1957 г.»

20 декабря состоялось общее собрание профессорско-преподавательского состава, студентов института и рабфака, в связи с приездом комиссии Наркомпищепрома по обследованию Астрыбвтуза. На повестку дня были поставлены 2 вопроса:

1. О 20-летней годовщине Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК)

2. о работе института за I семестр и задачах на II семестр.

Началось собрание с предложения А.З. Шубы направить тов. Ежову поздравительную телеграмму следующего содержания:

[1] ГААО, ф.2181, оп.1, д.249, лл.6-8 об.

«...В день 20-летия органов ВЧК, ОГПУ (объединенное государственное политическое управление), НКВД мы вместе с трудящимися нашего вуза, вместе с трудящимися всего мира заявляем: нет пощады врагу, нет пощады гнусной своре фашистских наймитов, троцкистско — бухаринской сволочи.

Да здравствует карающий меч революции — орган НКВД и славный нарком тов. Ежов!

Да здравствует ВКП (б) — организатор побед социализма!

Да здравствует вождь трудящихся всего мира тов. Сталин!».[1]

Текст телеграммы слушали стоя, по окончании аплодировали.

Завершающим аккордом выступления директора института А.З.Шуба был призыв к повышению «классовой бдительности: «... враг маскируется, враг пролезает буквально во все щели, особенно на идеологическом фронте, и нам надо очень зорко следить за ним. У нас в институте были враги Л.К. Кульбицкий и Д.А. Ксентицкий, которых НКВД изъяло от нас. Нужно, чтобы каждый студент, каждый педагог следил за всеми врагами, нужно не разговором, а делом доказать свою бдительность, нужно вести беспощадную борьбу с врагами. Я вас призываю сегодня выступить и рассказать обо всех недостатках и развернуть большевистскую критику, невзирая на лица».[2] Но очень скоро и он последует за теми, кого так гневно клеймит.

Преподаватели Астрыбвтуза — «враги народа»

Репрессии 1936—1938 г.г. коснулись всех вузов г. Астрахани. Первой жертвой стал Астраханский государственный педагогический институт. Затем в феврале 1937 года прошла «чистка» медицинского института. Но наиболее масштабным «разоблачениям» подвергся коллектив Астрыбвтуза. В Москве 4 января 1938 года был арестован В.Н. Кузнецов, начальник ГУУЗ Наркомпищепрома СССР, в ведении которого находился Астрыбвтуз.

19 марта того же года он был приговорен к высшей мере наказания за организацию антисоветской группы, которая якобы действовала не только в Москве, но и в тех городах, где находились учебные заведения Наркомпищепрома.[1]

[1] ГААО, ф.2181, оп.1, д.249, л.21.
[2] ГААО, ф.2181, оп.1, д.249, лл.21-27.

Рассказывает Марина Александровна Золотокопова:

«В 1932 году институт возглавил Андрей Зиновьевич Шуба. Через три года Астраханский рыбный институт стал вузом всесоюзного значения. Этот год стал для института памятным еще и потому, что его посетил нарком пищевой промышленности СССР Анастас Микоян. Позднее факт приезда Микояна сыграл роковую роль в судьбе большинства преподавателей вуза. Их обвинили в попытке совершения террористического акта с целью убийства наркома. История о «заговоре» в Рыбтузе хранится ныне в архиве УФСБ Астраханской области. В 1937 — 38 г.г. Астраханским окружным отделом НКВД Сталинградской области были арестованы и привлечены к уголовной ответственности директор института А.З. Шуба и целый ряд ведущих преподавателей — профессоров, доцентов и заведующих кафедрами.

Вообще забрали всех в ночь на 1 мая, в том числе и жену ректора, она была преподавателем истории. Мама три ночи стояла около окошка и ждала, что арестуют её. Меня она отправила к бабушке. На четвёртый день мама не выдержала и пошла в прокуратуру сама: «Арестовываете меня. Я больше так не могу». Но ей сказали, чтобы она шла домой, её арестовывать не будут.

Я помню, папа сидел в тюрьме «Белый лебедь». Маме дали свидание, и она взяла меня с собой. Нарядила, привязала бант и повела. Мы вошли, и я запомнила, что была мелкая-мелкая сетка, а за ней за столом сидел папа. Я его увидела, сразу начала плакать, кричать и мама выслала меня из комнаты, а сама осталась с ним разговаривать. Я вышла и говорю: «Папа как зверь сидит в клетке», а мне говорят: «Нельзя так говорить про папу!». Вот и все. Больше мы его не видели. Никакого суда не было. Просто решением комиссии, как тогда называли «тройка», ему предъявили обвинение, что он хотел убить Микояна и отравить Каспийское море. Ничего не уточнялось, потому что те, кто писали, были примитивного мышления. Там было написано, например, так: преподаватель английского языка — английский шпион, поляк — польский шпион, экономист — хотел развалить экономику страны, химик — отравить кого-то, а всем им приписывался

[1] На южном форпосте России. Из истории Управления Федеральной службы безопасности РФ по Астраханской области. 1918 — 2000 г.г.: Документы. Материалы. Воспоминания. Астрахань—Волгоград, 2000. С.91-92.

заговор убийства Микояна. Они, конечно, не подписывали липовые протоколы, тогда их били, как мама говорила об стенку, и говорят, они подписывали. Отца осудили на 5 лет и за все эти «преступления» отправили на Дальний Восток». [1]

Из «Книги памяти»:

«*Шуба Андрей Зиновьевич* <...> Военной коллегией Верховного Суда СССР 27 июля 1938 г. приговорен к расстрелу. Расстрелян в тот же день. Реабилитирован в 1957 г. Из анкеты арестованного:

«Родился в 1897 г. в селе Ярославец, Черниговской области, национальность — украинец, из простой крестьянской семьи. До революции работал простым рабочим, а после 1917 г. уехал в Харьков, там поступил учиться в Харьковский Коммунистический университет. Профессия и специальность — административно-хозяйственный работник».

Рассказывает Э. Кугрышева — заведующая Отделом истории Астраханского историко-архитектурного музея. Она работала с материалами дела «О заговоре» в архиве УФСБ.

«Женат он был на Ивоне Леопольдовне Оттен, которая работала учительницей в астраханской школе №7. У них было две дочери — Диана семи лет и Аэлита, которой в 1938 году исполнился год. Шуба не сразу дал признательные доказательства. Однако следственный аппарат НКВД свою работу знал. Одних следователей, так называемых «кололщиков», сменяли другие — те, кто грамотно составлял черновик протокола. С помощью избиения арестованных следователи в кратчайший срок добивались нужных показаний, затем составленный на их основе черновик протокола отправляли на корректировку начальнику отдела, а от него на просмотр к руководителю НКВД. Просмотрев его, они вносили нужные изменения. В большинстве случаев арестованные не соглашались с такой «редакцией» и отказывались подписывать протоколы. Тогда в ход снова пускались спецметоды. Вскоре Шуба «признался», что начал вести организованную борьбу с компартией и советской властью с1935 г., когда был завербован в организацию «правых» Кузнецовым В.П. Потом он уже перечислял фамилии тех, кого «завербовал» лично.[2]

Выписка из протоколов допросов:

[1] Воспоминания Золотокоповой М.А.
[2] Рассказ Кугрышевой Э.

«...Ксентицкий пообещал пустить вход химию, взорвать любой завод, отравить Астраханский полк. Кульбицкий готовился совершить диверсионные акты на маринадном заводе им. Ленина и рыбном заводе им. Крупской путем отравления рыбы отравленной жидкостью <...> Отравление рыбы в Волге и Каспийском море поручалось Киселевичу К.А. и Покровскому А.А., которые обещали достать флакон с сильнодействующим микробом (с каким именно, не назвал). Шпионской деятельностью в пользу Польши занимались Кульбицкий, Ксентицкий, Киселевич, Шапиро, т.к. они собирали сведения о рыбных запасах Северного Каспия».

Рассказ Э. Кугрышевой:

«...На допросе 3 апреля 1938 г. Шуба от своих показаний внезапно отказался. Видимо такой поворот дела следователей не устроил, и уже на следующий день они сумели получить новую порцию ошеломляющих откровений».[1]

Выписка из протоколов допроса:

«...Я давал Маслову С.А. задание по порче ценного оборудования, дал задание Архиповичу выпускать негодных, безграмотных специалистов и вести шпионскую деятельность в пользу Германии».

Рассказ Э.Кугрышевой:

«...26 июля 1936 года Шубе было предъявлено обвинительное заключение. 27 июля на последнем судебном заседании, проходившем в Сталинграде, он все показания, данные ранее, отрицал. Процесс был закрытым, без участия обвинения и защиты и без вызова свидетелей, без предъявления вещественных доказательств. Шуба был расстрелян. Позже его дочь писала прошение о пересмотре приговора. Она просто не знала, что его уже нет в живых, ведь родственникам расстрелянных говорили, что они приговорены к 10 годам лишения свободы без права переписки».[2]

Аресты преподавателей Астрыбвтуза продолжались еще несколько месяцев. Были арестованы С.А.Маслов, М.И. Полоцкий. Одним из последних был арестован ученый с мировым именем профессор К.А.Киселевич, который в связи с арестом директора института, по просьбе партийной группы института взял на себя исполнение обя-

[1] Рассказ Кугрышевой Э.
[2] Рассказ Кугрышевой.Э.

занностей директора Астрыбвтуза. 11 февраля 1938 г. К.А.Киселевич обратился с письмом в ГУУЗ Наркомпищепрома СССР, из которого видны масштабы и последствия «чисток» преподавательского состава: «Одновременно с Шубой 27.01 арестован преподаватель физики Маслов.Сегодня у нас изъяты еще три преподавателя — профессор Архипович по неорганической химии, и о. доцента Сената по биологической химии и доцент Виноградов по техноэкономическому проектированию, эксплуатации флота и характеристике районов. Это обстоятельство создает в Рыбтузе большие затруднения и перебои в работе, так как на месте некем решительно заменить преподавателей...»[1]

Из «Книги памяти»:

«Сергей Александрович Маслов — арестован и обвинен в принадлежности в диверсионно-шпионской организации. Выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР 27 июля 1938 г. приговорен к расстрелу. Расстрелян в тот же день. Реабилитирован в 1957 г.

Макарий Иванович Полоцкий, родился в 1888 г., из крестьян, образование высшее, доцент рыбвтуза, проживал в Астрахани. Арестован и обвинен в принадлежности к антисоветской организации. Особым совещанием при НКВД СССР 17 сентября 1939 г. приговорен к 3 годам лишения свободы. Реабилитирован в 1957 г.

Георгий Богданович Попов, родился в 1886 г., из служащих, доцент РыбВТУЗа, проживал в Астрахани. Арестован и обвинен в принадлежности к контрреволюционной организации. Особым совещанием при НКВД СССР 17 сентября 1939 г. приговорен к 8 годам лишения свободы. Реабилитирован в 1956 г.

Константин Андреевич Киселевич, арестован 11 июля 1938 года, обвинен в принадлежности к контрреволюционной организации. УНКВД Сталинградской области 2 октября 1938 г., дело прекращено со смертью обвиняемого. Реабилитирован в 1956 г.

Обвинения, предъявленные преподавателям просто абсурдны.

Многие из осужденных в 1938 году впоследствии получили дополнительные сроки заключения и ссылки.

Все арестованные обвинялись по ст. 58 (части 6, 8, 9, 10, 11) УК РСФСР 1926 года, (контрреволюционная деятельность: шпионаж, совершение террористически актов, разрушение или повреждение с

[1] Архив АГТУ, л.76; ГААО, ф.2181, оп.1, д.245.

контрреволюционной целью сооружений или имущества, пропаганда или агитация, содержащая призыв к свержению Советской власти, всякого рода организационная деятельность, направленная на подготовку или совершение преступлений, названных в ст.58). Обвинение строилось на собственных признаниях обвиняемых, по существу — самооговоре и (или) показаниях других подследственных. Главным средством получения признания были средства физического и психического насилия. В суд не было представлено ни одного вещественного доказательства. УКРСФСР 1923 г., запрещал следователю «домогаться показаний или сознания обвиняемого путем насилия, угроз и других подобных мер». Но с этим никто не считался. В широких масштабах избиения арестованных стало применяться с 1937 г.,[1] а в 1939 году эта практика и вовсе была «узаконена» партийной директивой.[2]

В справке группы военных прокуроров, составленной 22 сентября 1956 г. в связи с поступавшими после XX съезда жалобами и письмами, значилось: «Проверкой дел по обвинению бывших работников Астрыбвтуза установлено, что они к уголовной ответственности в 1938 — 1940 гг. были привлеченны необоснованно, никакой антисоветской организации не было».[3]

Лишь много лет спустя, 21-22 сентября 1956 г. «Дело Астрыбвтуза» было пересмотрено и прекращено за отсутствием состава преступления. Военной коллегией Верховного суда СССР все обвиняемые по данному делу были полностью реабилитированы.[4]

Вуз всего за один год понес невосполнимые потери. 1938 г. завершался под знаменем борьбы с «врагами народа». На митинге коллектива РыбВТУЗа, в котором участвовали студенты, преподаватели, рабочие и служащие, было сделано официальное сообщение о результатах судебного процесса над «бандой шпионов, вредителей и диверсантов»., о приговоре Военной коллегии Верховного суда СССР. Митинг принял резолюцию, типичную до того времени: «....советский суд подробно и тщательно, на основе неопровержимых фактов вскрыл тягчайшие и гнуснейшие преступления продажной банды».[5] В резолюции митинга перечислялись мнимые преступления «правотроцкистской банды».

Всего в Астрыбвтуза было арестовано 33 человека.[6]

[1] Берия: конец карьеры. Сборник. М.., 1991 с.314
[2] Политическая история. Россия — СССР — РФ . М., 1996 г. Т.2 с. 328.
[3] Перевезенцева. Т.В. Политические репрессии... С. 34.
[4] На рубеже веков... С. 200-202.
[5] ГААО, ф.2181, оп.1, д.249, лл.47, 47 об.
[6] Подсчитано по: Книга памяти... Т.1-2.

Письма издалека

У меня в руках два пожелтевших от времени письма. Это письма из лагеря Александра Арсеньевича Покровского своей семье — жене Ирине и дочке Марочке. Когда знаешь историю человека, который был осужден абсолютно несправедливо, читать их очень трудно, на глаза наворачиваются слезы. В них надежда на лучшее, воспоминания о прошлом, тревога за семью, самые простые просьбы и огромная сила духа. В письмах нет жалоб, но некоторые строчки выдают душевную боль, мучение. Поражает то, как мало надо человеку для счастья — «нехватка общения», «моторы весело стучат, как я люблю этот веселый хлопотливый стук», «шли фотокарточки. Как они будут мне дороги!». Там далеко, ценится каждая счастливая минута прошлой жизни. А для повседневной жизни — там, в лагере — нужно было еще меньше — лук, чеснок, сало, пару носовых платков, бумаги и конвертов. Откуда приходили письма? Вот полный адрес:

Бухта Нагаево. Магадан.
Хабаровский край
Почтовый ящик № 261 / 129
Почт/отд. Стрелка.

Рассказывает Марина Александровна Золотокопова:

«На Дальнем Востоке он находился в бухте Нагаево. Отец строил шоссейную дорогу от бухты Нагаево до Магадана. Зима, температура — 53, они легко одетые, тёплые вещи взять не разрешили и отец поморозил руки, ноги. Первую зиму он как-то пережил, вторую зиму он умер, когда точно не известно. Мама несколько раз ходила в прокуратуру, но началась уже война, не до осужденных было. Потом много лет спустя из тех, кого осудили, вернулся всего один, но он был психически больной. Мама к нему ходила и он маме сказал, что был на какой — то пересылке и ему передали, что если встретишь жену Покровского, передай, что он умер в лазарете от воспаления легких и его похоронили. Вот так закончилась жизнь моего отца. Мне помнится даже его высоковатый голос».[1]

Еще остались письма из далекой бухты Нагаево и номер почтового ящика.

[1] Воспоминания Золотокоповой М.А.

Отрывки из писем А.А.Покровского:

«...Привет мои милые дорогие любимые Ирочка и Марочка. Привет из Владивостока, мы все еще без писем у Золотого Рога, перспективы все так же не ясны, как прежде. Неопределенность положения. Единственное удовольствие 24 часа на воздухе когда хорошая погода, а когда дождь отражаем нашествие бескрылых»

«...Нас пятеро приятелей, хотя и из разных сторон, держимся дружной компанией, помогаем и поддерживаем друг друга. Земляков здесь никого нет и не слышно. Жизнь наша бедна событиями и впечатлениями, которыми можно было бы вас заинтересовать»

«...20 августа я послал Наркому ВД жалобу с просьбой отменить несправедливое решение. Хотя жалоба моя и законна, но надежды на удовлетворение нет, видимо ситуация не совсем благоприятная, я не в состоянии дать соответствующих показаний по делу. Все же, Ирочка, письменно или Женюра лично, наведи справки по делу. С бумагой тут трудновато, но при первой возможности напишу большое заявление в Прокуратуру Верховного совета с изложением всего хода следствия процесса, решения.»

«...Страшно скучаю по моей дорогой любимой семье, только она укрепляет меня во всех недугах, в надежде на нашу скромную и счастливую жизнь».

«...Получили ли мое первое письмо. Как успешно было Ирочкино свидание с московским адвокатом? Ируся! Как Мариночка реагирует на мое отсутствие и состояние? Ведь она теперь достаточно большая, чтобы задавать вопросы и многое знать из окружающих событий. Помнит ли она меня и вообще вспоминает ли. Она с таким любопытством смотрела на меня во время нашего свидания. Ее голубой бант так к ней шел, она была такая миленькая, что я запечатлел, ее образ и постоянно вспоминая, представляю».

«...Если вас интересует наше питание, то оно сносно для нашего положения. Недостаток зелени и жиров. Если будет возможность организовать посылку, когда будет адрес у меня, то самая большая просьба необходимость в чесноке, луке и, пожалуйста, в самом транспортабельном сале».

«..Я тронут отзывчивостью родных, которые тепло отнеслись к моей семье, но огорчен даже более того, полон негодования на Нину. Это возможно влияние Николая. Ну, еще будет время, когда они пожалеют о том. Я им писать ничего не буду. Что же Нина негодует, порицает или отмежевывается?».

«...Последнее письмо я писал из Магадана в декабре. С тех пор прошло много времени. Ты ошибаешься, если думаешь, что я работаю

по специальности. Из Магадана в середине декабря я был направлен на ж.д. строительство. Я с жаром взялся за работу — лопату, тачку. Был звеньевым, выполнял норму на 130 — 150 % по записи 100%, что было видно мало!»

«...Декабрь и январь здесь стояли морозы 20 — 25, считалось тепло. Было как — то –53 градуса и я в довершению ослабевшему организму, поморозил свои пальцы на ногах и руках, а мой бедный нос пострадал более всего, я боялся , что на носу останутся знаки, но сошли болячки благополучно. Я целый месяц не работал и был в инвалидной группе. Весил 53 кг. В конце февраля я попал на автодорожную трассу. Я попал на пост, где подобраны подобные мне, бытовые условия приличные и остальные тоже. Здесь я встретил астраханца товарища Ертулова, он очень тепло отнесся ко мне и оказал поддержку материальную и моральную, хотя и небольшую, но очень нужную. В этот момент мы теперь живем вместе».

«...Ну, ты Ируся понимаешь цену общения».

«...Вот и апрель. У вас тепло, вспоминаю, у Вас уже пароходы моторы весело стучат, как люблю этот веселый хлопотливый стук. У нас уже зима, пурга и морозы до -30 градусов. Только солнце ярко светит, так ярко, что приходиться носить очки с желтыми стеклами, иначе может кончиться печально для глаз. Расчистка трассы наша задача, и поэтому наш враг — снежная пурга, наметающая заносы. Сперва было трудно откидывать снег — был слой, но теперь я окреп и набираю сил, стало легко. Вечерами почитываю газетки, иногда я рассказываю какой — нибудь роман. Я стал профессиональным рассказчиком, старики слушают с удовольствием. Это мне тоже несколько помогает».

«...Дорогая Ируся! Я должен сознаться, что в связи с переживаниями закурил. Полюбил курить трубочку. Ты мне простишь это? В семейных условиях я снова отвыкну от этого!!!»

«...Шли фотокарточки Маришину, свою, только небольшого формата, максимум в открытку. О, как они будут мне дороги!»

«...Передавай привет родным и знакомым, кто хранит добрую память о нас».

«С первым криком я была уже репрессированной...»

Рассказывает Марина Александровна Золотокопова: «Когда папу забрали, маму уволили с работы, как жену «врага» народа, выселили нас с квартиры, где мы жили все семьёй. К бабушке и дедушке мама

побоялась идти. Мы стали скитаться по квартирам, которые квартирами-то назвать нельзя, это были такие «мазанки»- холодные, дверь открывалась прямо на улицу зимой. Вот как сейчас летние кухни. Я стала постоянно болеть воспалением лёгких. Маму на работу нигде не брали. Потом все-таки на работу взял её один очень хороший человек — директор 46 школы — Антон Григорьевич Иванов. Вот он не побоялся, взял её. Мама несколько раз ездила в Москву, доказывать, что папа не виноват, но как мы теперь знаем, это было бесполезно. Даже жен кремлевских брали, что тогда про наших говорить. Мне, конечно, никто не говорил, что у меня папа «враг народа».

Может благодаря тому, что мама была учительницей, меня как — то не задевали. А вот о других я знаю, мне рассказывали, как говорили: «Не дружите с ним. У него отец враг народа». Я этого не испытала. В институт поступила, сдала на все пятерки. Когда в 1953 году Сталин умер, но еще реабилитации не было, все законы действовали, меня хотели выбрать комсоргом, и поступило из спецчасти, что я буду учебным сектором, но комсоргом нельзя. Потом, когда я захотела в партию вступить, меня тоже не приняли.

Когда образовалось Астраханское мореходное училище, мама пошла туда работать. Пришли ребята — беспризорных много. У кого на ноге тапочки, у кого калоши веревкой завязаны, голодные, замороженные.

Это был 1943 год. В 1953 году сменился директор и он стал придираться к маме, что у нее муж «враг» народа. И она вынуждена была уволиться. Хотя была на хорошем счету».[1]

«Это было в марте 1957 года. Прошел уже XX съезд партии, когда Хрущев осудил культ личности. Мама несколько раз ходила в прокуратуру, но ей сказали, что пока занимаются документами тех, кто остался в живых, а потом будут реабилитировать умерших. Ну и это наверно было правильно. Живым нужен был документ, чтобы они могли, как — то устроить свою жизнь. До нас дошла очередь в 1957 году. Нас вызвали в прокуратуру, пригласили в кабинет, дали вот эту «бумажечку» и все. Мама очень любила папу, второй раз замуж она не вышла. Умерла в 1993 году».[2]

Современное общество далеко не сразу пришло к пониманию, что тяжесть репрессий, обрушившихся когда-то, калечила жизнь и несовершеннолетних детей. И когда 18 октября 1991 года вышел в свет

[1] Воспоминания Золотокоповой М.А.
[2] Воспоминания Золотокоповой М.А.

закон о реабилитации, сыновья и дочери бывших «врагов народа» не нашли в нем о себе ни строчки... Словно бы их жизнь под этим клеймом всегда была безоблачной. И лишь 3 сентября 1993 года, по требованию всей российской общественности в реабилитационный закон была введена ст. 2—1, в которой содержалась норма о пострадавших от политических репрессий. Это был первый шаг к восстановлению справедливости по отношению к детям репрессированных граждан. Второй шаг на этом пути был сделан 23 мая 1995 года, когда Конституционный суд РФ принял постановление, в котором указывал, что дети, находившиеся вместе с родителями в местах лишения свободы, ссылке, высылке, на спецпоселении, должны признаваться не пострадавшими от политических репрессий, а репрессированными.

Марина Александровна получила справку о реабилитации много лет спустя — в 2002 году, ее отец был арестован 1 мая 1938 года. Особым совещанием при НКВД СССР осужден 14 мая 1940 года по ст. 58, а реабилитирован 30 марта 1957 года. На основании свидетельства о рождении, она получила справку о реабилитации.

* * *

В декабре 1995 года на территории РыбВТУЗа был торжественно открыт памятник жертвам политических репрессий, т.е. тем, кто являлся участниками «заговора».

Рассказывает М.А.Золотокопова:

«Конечно, я храню память об отце и ежегодно приезжаю с подругами на митинг. В этом году, после митинга на площади, я решила посетить Рыбвтуз и поехала с цветами к памятнику. То, что я увидела, меня неприятно удивило. Памятник оказался в таком забвении у нынешнего ректората. Хотела потом позвонить, сказать, но очень расстроилась. Памятник забытый, а если он забыт — люди могут повторить то, что было».[1]

[1] Воспоминания Золотокоповой М.А.

На трибуне осталась фуражка

Михаил Савчук
г.Астрахань, школа № 55, 10 класс.
Научный руководитель: С.В.Савчук

Легко, наверное, судить нам через поколения, живя в совершенно другом государстве и думать, чем жили и о чем думали они, живя в страхе каждый день, мечтая о дне справедливости, надеясь, что разберутся и найдут виновных. Не веря в то, что люди, живущие с тобой, — это враги народа. Я думаю, что наступило время правды о незаслуженно осужденном человеке, который ждал этой правды каждый день и каждую минуту своей недолгой жизни.

С огромным волнением начинаю новую работу. Встреча с судьбой и историей жизни человека всегда интересна и загадочна. Так и сегодня — документы собраны, встречи проведены, статьи и книги перечитаны несколько раз и осталось рассказать еще об одной истории человеческой жизни. Хочется, чтобы и сегодня люди знали и помнили тех кто, когда-то безвинно пострадал от клеветы и человеческой зависти.

Правда, что если однажды прикоснешься к теме судеб репрессированных людей, то так и будешь продолжать искать и искать их. И каждая судьба будет интереснее той, о которой ты знал до этого. Так произошло и в этот раз...

30 октября 2006 года. Промозглая погода. Рядом с площадью Ленина есть парк, в котором собираются престарелые люди. Они собираются около памятника жертвам политических репрессий. Слышна торжественная музыка, хлопочут те-

левизионщики, настраивающие аппаратуру. Мы подъехали чуть раньше. Пожилые люди заволновались: «Детей то зачем привезли?» Наша учительница пытается им объяснить, зачем она привезла детей. Начинает беседу с нами, рассказывая об этих людях. Мы все слушаем. И я увидел женщину, стоявшую у памятника с цветами в руках и горько плачущую. Мелькнула мысль подойти и расспросить. Светлана Викторовна как будто прочитала, то о чем я только что подумал, сказала: «Ребята, подойдите к кому сами захотите. Поговорите с этими людьми. Вы узнаете историю не из учебников, а из уст тех людей, которые сами прошли через все жизненные испытания. Если у вас появиться желание написать об этих людях, то попросите адрес или телефон. Мы встретимся с ними после митинга и сможем узнать много интересного и поучительного». Мы подходили и расспрашивали, записывали адреса и телефоны. Так мы познакомились с Верой Михайловной Квитко, дочерью «врага народа».

Мы поехали к этой женщине в воскресенье, и она согласилась нам помочь. Говорить без слез она не могла. Она все плакала и плакала. Боль, обида, несправедливость в течение огромного времени не оставляли ее. Тяжело до сих пор.

Видно было, как она волновалась, когда подбирала документы и фотографии. Она пригласила на встречу свою тетю по матери, которая была свидетельницей некоторых событий в жизни отца. Слова этих двух женщин и легли в основу работы.

Жизнь любого человека тесно связанна с жизнью страны, в которой он живет, и, конечно же, с жизнью города. Поэтому я решил сначала связаться с государственным архивом города Астрахани и найти документы, в которых можно было бы узнать о судоремонтных заводах Астрахани, к которым герой моего рассказа Михаил Алексеевич Батистов имел непосредственное отношение.

Для этого пришлось поработать с архивными документами. И вот что я узнал.

В январе 1933 г. состоялся очередной Пленум ЦК ВКП(б). Открывшее его выступление Сталина содержало основные догмы и ориентиры политики государства на новом витке «борьбы за социализм». Лейтмотивом речи вождя звучала мысль о том, что по мере успехов социализма классовая борьба будет обостряться, и «на этой почве могут ожить и зашевелиться разбитые группы старых контреволюционных партий..., осколки контрреволюционных элементов из троцкистов и правых уклонистов... Рост мощи советского государства будет усиливать сопротивление последних остатков умирающих классов, которые будут переходить от одних форм наскоков к другим, более резким и опасным...» Таким образом была сделана традиционная для авторитарного государства установка на поиск и уничтожение « внутреннего врага».

Ожесточенные призывы «судить, расстреливать, гнать из партии» были в тот период наиболее употребимыми выражениями политического словаря генсека и прессы. Выполняя полученные сверху директивы, на местах активно взялись за разоблачение всякого рода вредителей, саботажников, уклонистов, рудиментов «вымирающих классов» и т.п. элементов.

Первые дела были громкие, но затем все чаще заканчивались увольнением с работы, снятием с должностей.

Мягкость этих наказаний объясняется лишь тем, что в 1933 г. уничтожение невиновных людей, массовые и жестокие репрессии не стали еще, в отличие от 1937 года, просто нормой жизни советского общества.

7 августа 1932 г. ЦИК и СНК СССР приняли написанный Сталиным закон «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной социалистической собственности» — знаменитый закон о «пяти колосках». По нему даже за незначительное хищение применялся расстрел или десятилетнее тюремное заключение.

Соответствующие директивы были направлены на места с призывом максимально широкого выявления расхитителей и их жестокого наказания. В условиях карточной системы получения хлеба и его нехватки, учитывая достаточный для состава хищения мизерный размер украденного (те же «пять колосков»), конечно же, возможны были такие случаи и в городе Астрахани. Но поступившие сверху требования о массовом выявлении расхитителей хлеба и их пособников, проведении публичных процессов над ними привели к тому, что отдельные случаи подобных краж были раздуты в городе Астрахани до размеров так называемой «охоты за зерном», которую развернули здесь» классово враждебные элементы». Они, как следует из сохранившихся материалов, «под всякими предлогами проникают на пристани, к баржам, под склады хлебом, расположенные на сваях, и расхищают народное добро». Утверждалось, что «охота за зерном процветает уже длительное время с ведома и при прямом попустительстве начальника сухогрузочных пристаней Тихонычева и других руководящих работников...» «Преступнейшее отношение к сохранности, поступающего с верховьев зерна»[1] расценивалось как вредительское.

[1] Обзор номеров газеты «Волга» за сентябрь-октябрь 1932 года.

В ответ на направленные в Москву для отчета материалы была прислана специальная телеграмма заместителя Прокурора СССР Вышинского на имя краевого прокурора следующего содержания: «в Астраханском порту процветают массовые хищения хлеба. Астраханский УРТ не принимает мер охраны и прекращения контрреволюционных безобразий. Необходимо провести немедленное следствие, виновных и их пособников из Заготзерна и УРТа предать революционному суду»[1].

В результате был осужден и подвергся суровому приговору широкий круг людей, в том числе управляющий Заготзерно Мостовой, начальник пристаней Тихонычев, «группы расхитителей и вредителей из числа работников астраханских портов»[2]. Причем астраханскую прокуратуру и судебные органы обвинили в недостаточном количестве разоблаченных случаев расхищения зерна и требовали более массового осуждения руководителей за вредительство, проведения показательных процессов над руководителями водного транспорта.

Тенденция разоблачать вредителей и саботажников именно из числа руководящих работников, которые, как правило, являлись членами партии со стажем, объяснялись новой стадией чистки партийных рядов, курс на которую был взят по инициативе Сталина специальным постановлением ЦК и ЦКК ВКП(б) «О чистке партии» на январском объединенном Пленуме ЦК 1933 год.

Чистка партии 1933 года была не первой подобного рода процедурой, ей предшествовали партийная перерегистрация 1920 г., чистка партии 1921 г., чистка непроизводственных ячеек 1924 г., проверка деревенских ячеек 1925 г. и чистка 1929-1930 гг.

Кроме того чистка с разоблачением «внутренних врагов» были необходимыми в виду того, что имеющиеся недостатки и провалы «генеральной линии» проще всего было списать на руководителей, специалистов, инженерно-технических работников местного уровня, обвиняя их во вредительстве и саботаже.

Это отчетливо проявлялось и в Астрахани в середине 30-х годов.

Так, не учитывая объективных экономических трудностей (отсутствие финансовой поддержки со стороны государства, должного технического оснащения), за невыполнение плана явно завышенных плановых показателей были обвинены в «демобилизационных настроениях» руководители судоремонтных заводов» как не осознавшие своей ответственности перед партией за исход нефтеперевозок и задержавшие

[1] Из документов, хранящихся в Государственном архиве г. Астрахани.
[2] Из газеты «Волга» за январь 1933 г.

выход судов из ремонта». Постановлением бюро горкома ВКП(б) от 22 сентября 1933 г. было вынесено «категорическое предупреждение директорам заводов — Макаркину (завод им. Ленина), Мастеру (баржеремонтное предприятие)» и другим руководителям судоремонтной отрасли о привлечении к уголовной ответственности, если они не добьются ликвидации запозданий выходов судов из ремонта, сокращения сроков, улучшения качества. Так как их демобилизационные настроения и самотек есть проявление саботажа, который нужно сурово карать»[1]

Руководители промышленных предприятий были поставлены в тяжелую ситуацию. От них требовали выполнения растущих плановых показателей в условиях отсутствия для этого достаточной материальной базы. Вынужденные изыскивать недостающие средства самостоятельно они действовали на свой страх и риск, оказываясь зачастую под угрозами новых обвинений.

Определенный резонанс в области получило «Дело срывщиков финплана», которыми были признаны, кроме работников горфинотдела и горсберкассы, руководители некоторых предприятий, «проявившие на практике явный оппортунизм». Как следует из материалов дела, «эти руководители задерживали удержанные с рабочих и служащих налоговые платежи, подлежащие взносу в госбанк, а тратили их на нужды предприятий, оправдывая свои действия тяжелым финансовым положением»[2]. Первыми были преданы суду и осуждены на значительные сроки директор трусовских промыслов Рубцов и главный бухгалтер Кубрин, директор хлебзавода № 3 Яшин и бухгалтер Чикота, за ними последовал целый ряд руководителей предприятий области. В обвинительных заключениях звучали призывы «не допускать расходования ни одной копейки государственных средств на нужды предприятий». Учитывая, что они были лишены возможности пользоваться по своему усмотрению собственной прибылью, это означало что предприятия обрекались на постоянные финансовые затруднения.

К этому периоду относится так называемое «Дело завода имени X годовщины Октябрьской революции», представленное судебными органами «как политический урок всем предприятиям города Астрахани». На его примере отчетливо видно стремление противопоставить «коммунистов от станка, которые ухватились за звено самокритики для устранения недочетов и старых методов работы»[3] и коммунис-

[1] Из Постановления бюро горкома ВКП(б) от 22.09.33 (архивные документы).
[2] Документы Государственного архива г. Астрахани.
[3] Материалы номеров газеты «Волга» за ноябрь 1933 г.

тов — руководителей, в той или иной форме, оказывающих сопротивление перестройки аппарата». Тем самым на руководителей в очередной раз списывались невысокие темпы производственного роста, обусловленные объективными экономическими трудностями и просчетами «генеральной линии». Руководство завода им. X годовщины октябрьской революции было обвинено «в отрыве от рабочих масс, в голом администрировании с нарушением принципов рабочей демократии, очковтирательстве, укрывании недочетов». В результате были смещены с занимаемых должностей и исключены из партии Есин — секретарь парткома, Михеичев — председатель завкома, Тоскубаев — заместитель директора и некоторые ведущие специалисты завода.

Следующим этапом развития этого дела стал процесс 1934 года над «классовыми врагами, срывающими судоремонт на заводе имени X лет Октября»[1].

В этот раз к судебной ответственности были привлечены Заславский — главный инженер завода («сын бывшего владельца фабрики в городе Одессе»), Ларинов — мастер одного из цехов («сын бывшего торговца»), Малафеев — капитан нефтевоза «Березина» («служил до революции в речной полиции Астрахани на командных должностях»), Сергиенко — бригадир электротехнического цеха («сын кулака») и некоторые другие специалисты, единственным доказательством вредительской деятельности и саботажа которых было «классово чуждое происхождение»[2].

На открывшейся в январе 1934 года 13-й Трусовской партконференции кроме производственных показателей обсуждались темпы разоблачения «внутренних врагов», организовавших вредительскую работу на судах, пристанях, в АРУРТе. По данным районной прокуратуры «наиболее засоренными оказались команды пароходов «Тельман», «Крестьянин», «Беднота», «Харьков», на которых проникли кулаки, спекулянты и белогвардейцы, расхищающие социалистическую собственность и срывающие успешное выполнение планов нефтеперевозок»[3]. На конференции отмечалось, что за 1933 год «среди работников АРУРТа было выявлено 63 классово чуждых элемента, на пристанях сухогруза — 25 кулаков, на земкараване 18 кулаков, значительный процент засоренности был выявлен среди портовых рабочих».

1 декабря 1934 года в Ленинграде произошло убийство С.М. Кирова. Сложившаяся политическая обстановка была в полной мере

[1] Из материалов Государственного архива г. Астрахани.
[2] Из материалов Государственного архива г. Астрахани.
[3] Из материалов 13 Трусовской партконференции за январь 1934 г.

использована Сталиным для окончательного утверждения своего единовластия. Всего через несколько часов после случившегося он собственноручно подготовил постановление ЦИК СССР, получившее название «закона от 1 декабря».

Это чрезвычайный акт предписывал заканчивать следствия по делам о террористических организациях и актах в 10-дневный срок, рассматривать их в суде без участия обвинения и защиты, не допускать кассационного обжалования и ходатайства о помиловании, а приговоры приводить в исполнение сразу после их оглашения.

Повсеместно началась эпидемия раскрытия всевозможных «контрреволюционных», «террористических», «зиновьевских» заговоров, отличающихся широким охватом всех слоев населения, несоблюдением правовых принципов судопроизводства, суровыми приговорами при отсутствии даже формально обоснованных обвинений.

* * *

В такой обстановке жил и работал герой моей истории. Он тоже самое не только читал в газетах, но и некоторых людей знал лично.

Легко, наверное, судить нам через поколения, живя в совершенно другом государстве и думать, чем жили и о чем думали они, живя в страхе каждый день, мечтая о дне справедливости, надеясь, что разберутся и найдут виновных. Не веря, что люди, живущие с тобой, назавтра во всех газетах назывались врагами народа. Я думаю, что наступило время правды о человеке, который, находясь незаслуженно осужденным, ждал этого каждый день и каждую минуту своей недолгой жизни.

Рассказ о Михаиле Алексеевиче Батистове

Мы сначала узнали историю из уст дочери Михаила Алексеевича — Веры Михайловны Квитко. На столе аккуратной стопочкой разложены документы и фотографии ее семьи. Рассматриваем их и слушаем рассказ Веры Михайловны. Рассказывая, она поглаживает фотографии, документы, письма отца. Как будто прикасается к ним.

«Вот мама моя Анна Михайловна Глазкова. Глазковы знаменитая фамилия на заводе Ленина. Дед мой в пароходстве Нобеля работал на пароходе «Цыган». Что бы не говорили о том времени — хозяин завода давал возможность учиться детям рабочих. Мама моя училась в гимна-

Банатов М.А. (стоит) с женой (сидит), сестра жены Зинаида Михайловна (стоит) и брат жены Михаилом Михайловичем (сидит)

зии. Это там, где сегодняшняя Консерватория. Дядя на нефтебазе № 5 проработал долгое время. Рассказывал, как бомбили их во время войны. Тетя Зинаида Михайловна в речном порту завода Ленина работала. Отец работал главным инженером завода Ленина в 1928-1929 годах (хотя имел образование только судового речного механика). Директором завода был Смирнов. В 1929 году мы переехали в Нижний Новгород. Он тогда Горьким назывался, прожили там два года. Маме не подошел климат, она часто болела и мы вернулись обратно в Астрахань. Папа работал снова в должности главного инженера, но ему уже подчинялись все судоремонтные заводы. 36 лет было ему, когда его арестовали «за связь с английской разведкой». Днем на 17 пристани в пароходстве было совещание. Он сидел в президиуме, оттуда его и взяли. Тетка моя Людмила Михайловна вам многое могла бы рассказать. Ведь она видела, как его везли в машине, и бежала за этой машиной до самого НКВД. Видела, как он вышел из машины, покачал головой, взглянул на нее и больше мы его не видели. Приехали домой с обыском. Да ничего не нашли. Да и не было у нас ничего, даже мебель была государственная. Взяли его 8 июня 1938 года, а 13 августа объявили приговор по статье 58-7. Сначала отправили в Сталинград, потом в Златоуст, а потом в Магадан. Только три письма и осталось. Да прочитать их невозможно — со временем ка-

Глазкова(Банатова)
Анна Михайловна в гимназии

рандаш стерся, бумага того гляди порвется.

Помню, как страшно было первое время. Я жила у бабушки, а мама в нашей квартире. Ей не разрешали переезжать и требовали, что бы она постоянно была дома. Каждый день мы с ней прощались и с нетерпением ждали, вернется ли она на следующий день. Через год мы смогли уехать в Уфу к маминым родственникам. Но долго там прожить не смогли. Климат не подошел. Пришлось вернуться в Астрахань».

Решил спросить: «А как же окружающие люди отнеслись к вам после ареста отца?»

«Никто не верил в его виновность. Все к нам относились хорошо. Помогали, чем могли. У мамы было 7 братьев и сестер, все были дружны между собой и хорошо помогали нам и морально и материально. Все надеялись, что его отпустят. Когда мы вернулись обратно, мама устроилась на работу. Отцу разрешили писать письма 2 раза в месяц. Договорились, что он не будет писать родителям, а только нам. Мама же будет сообщать родителям отца. Они жили в Нижнем Новгороде. Отец моего отца тоже был репрессирован в 1937 году. Он уже старенький был. Был священником в поселке Гнилицы. Арестовали его за проповедь. Потом из храма сделали клуб. Правда, говорят, что сейчас это снова храм. Отца звали Батистов Алексей, а отчества не помню.

Всю жизнь я пронесла в душе страшное прозвище «дочь врага народа». Даже скрыла при вступлении в комсомол, что отец был осужден. Я хорошо и добросовестно работала. Наш парторг предложил мне вступить в партию. Мне пришлось признаться ему, что я дочь «врага народа». Так в партию я и не вступила».

Спрашиваю: «А вы знаете того человека, который донос на отца вашего написал?»

«Он сам к нам приходил и просил прощения. Его заставили это сделать. Он капитан с завода Ленина. Ему пригрозили, что детей арестуют, он и написал. Мы его не виним, ведь каждый за свою семью пе-

реживал. А людей ломали страшно. Он не выдержал.

Мама так замуж и не вышла. Все ждала отца. Об его смерти мы узнали только в 1957 году. Мама по профессии была учителем. Работала в школе, а потом заведующей детского дома. Я вышла замуж. Муж был преподавателем в строительном техникуме. Родилась дочка Лена. Я всю жизнь добросовестно работала прорабом, считай весь поселок завода Ленина построила. Времени прошло много, а боль по отцу так и не утихает».

Квитко Вера Михайловна

В это время пришла ее родная тетя по матери Людмила Михайловна Москаева. Вера Михайловна ее специально пригласила на нашу встречу, так как она знала многое об ее отце не понаслышке, а сама принимала участие во многих событиях жизни этой семьи. Людмила Михайловна более подробно и точно рассказала историю Михаила Алексеевича: «Миша был не только главным инженером. Он был председателем квалификационного комитета по выпуску судов. Совещание в тот день шло в пароходстве, в диспетчерской на 17 пристани на 2 этаже. Он сам проводил совещание главных инженеров и директоров всех судостроительных заводов города Астрахани. Все уже знали, что арестован директор завода Ленина Морев. Он стоял за трибуной, когда его вызвали. На трибуне осталась его фуражка. 10 минут его нет, 20 минут, 30 минут, в зале мертвая тишина. Вошел человек и сказал, что Михаила Алексеевича увезли в НКВД. Все молча разошлись. Его фуражка так и осталась лежать на трибуне.

Я шла по улице Свердлова на остановку, когда увидела, что поворачивает машина и на заднем сидении сидит Михаил. Я побежала за машиной. Добежала до здания сегодняшнего УВД, а сбоку на Свердловской было здание НКВД. Он вышел из машины совершенно седой. Увидел меня на другой стороне улице. Качнул головой, а по щекам потекли слезы. Я все сразу поняла. Сделали обыск. Конечно, ничего не нашли. Конфисковывать было нечего, ведь Миша чтобы семью прокормить ночами делал чертежи. Все в квартире, даже мебель,

М.А.Банатов перед арестом

было государственное. Три года они гонялись за женой и дочкой. Мы стали прятать их по сестрам. Нам сообщили, что он осужден.

В 1956 году стали потихоньку пересматривать дела. Я сказала Анне: «Давай напишем жалобу военному прокурору. Ведь Миша не в чем не виноват». Написали. Прокуратура истребовала дело. Был вынесен протест генерального прокурора на отмену приговора и о прекращении дела из-за отсутствия состава преступления. Анну вызвали в прокуратуру. Она прибежала ко мне и говорит: «Я боюсь». Я ей сказала: «Не бойся, сейчас не 37 год. Наверное пришли документы по нашей жалобе». Так Анна получила документы по реабилитации. Сразу же ее вызвал на прием председатель горисполкома и дал квартиру на Татищевой. В 1958 году мы получили свидетельство о его смерти, где было сказано, что он умер 27 февраля 1941 года от паралича сердца. А в 1990 году по запросу Веры пришел из Магадана ответ, что «Бастистов Михаил Алексеевич умер в местах лишения свободы 27 апреля 1941 г. вследствие воспаления почек и цирроза печени». Только не знаем когда же поминать: в свидетельстве о смерти стоит 27 февраля, а в последнем документе — 27 апреля. С последним документом прислали и последнюю фотографию Миши.

Я работала в прокуратуре заместителем прокурора Ленинского района и решила запросить Мишино дело и изучить его. На мой запрос пришел положительный ответ.

Изучив дело, я узнала, что уголовное дело было возбуждено 5 июня 1938 года УНКВД Сталинградской области лейтенантом госбезопасности Орловым. Утвердил возбуждение дела начальник астраханского окружного отдела НКВД капитан госбезопасности Колосунин. Арест утвердил прокурор Ильичев (он был лично знаком с Михаилом) 8 июня 1938года, а 21 июня 1938 года М.А. Батистову было объявлено о начале судебного дела по отношению к нему.

Также в деле написано, что родился он 8 ноября 1902 года, в 1923 году закончил водный политехникум имени Зайцева в городе Горьком.

СССР

ние
х дел

Исполнительного комитета
Магаданского областного Совета
народных депутатов

«6» июня 1990 г.
№ 8/К-117

685000, г. Магадан, Дзержинского, 9

Гр. Квитко В.М.

414000, г. Астрахань, ул. Советская, д.11, кв. 10

Гр. Батистов Михаил Алексеевич, 1902 года рождения, уроженец Горьковской области, умер в местах лишения свободы 27 апреля 1941 г. Причина смерти: упадок сердечной деятельности вследствии хронического воспаления почек и цирроза печени при наличии истощения. Захоронен на кладбище лагерного пункта в пос. Кадыкчан, Сусуманского района, Магаданской области.

Извещение на регистрацию смерти было выслано 13.12.57 за № Б-1218 в ЗАГС Сталинградской области.

О судьбе гр. Батистова М.А. 13.12.57 за № Б-1218 было сообщено гр. Батистовой Анне Михайловне, проживавшей в г.Астрахани, дата смерти в извещении была указана 27 апреля 1941 г.

Высылаю сохранившуюся фотографию гр. Батистова М.А.

Начальник отдела УВД С.С.Блинда

Ответ из УВД Магаданской области

С военного учета снят по болезни. Первый допрос состоялся 23 июня 1938 г. Проводил его оперуполномоченный 4 отдела УГБ УНКВД Еремин. Второй допрос 25 июня проводился тем же оперуполномоченным. 27 июня Батистову объявили об окончании дела. Донос на него написал Банатов — капитан буксирного колесного парохода «Степан Разин». Его заставили написать о том, что судно вышло не в срок из ремонта. Сам Банатов отец 8 детей, приходил и просил прощение за содеянное.

По делу вместе с Михаилом проходили Морев — директор завода им. Ленина, Ильичев — главный инженер и он как председатель квалификационной комиссии по выходу судов из ремонта. В вину им ставилось: членство в троцкистской группе и проведение соответствующей работы по срыву планов ремонта судов. Судили их по закону от 1 декабря 1934 года. В народе этот закон назывался «Закон тройки». Приговор огласили 13 августа 1938 года. Суд заседал 10 минут. Начался процесс в 8 часов 10 минут, а закончился в 8.20. Осудили по статьям 58-7, 17-58-8, 58-11 в городе Сталинграде. В обвинительном заключении Батистов назван «участником правотроцкистской диверсионно-вредительской антисоветской контрреволюционной террористической организации, проводил по ее заданию вредительство, направленное на срыв ремонта речных судов, выпуск недоброкачественных судов нефтеналивного флота», кроме того, не раскрылся перед органами НКВД и отказался им помогать (т.е. отказался писать и наговаривать на других людей) и оказался изменником, двурушником. Приговор — 15 лет тюремного заключения с поражением прав на 5 лет и с конфискацией имущества лично ему принадлежащего. Приговор обжалованию не подлежит».

Людмила Михайловна пересказывала все эти данные наизусть, видно было, что данный материал ею не один раз перечитывался и разбирался.

Две женщины рассказывали про прекрасного, умного, доброго, дорого им человека. Слезы текли из их глаз. Боль утраты, несправедливости, горечи не залечили годы. До сих пор они чувствуют обиду, и даже документы о реабилитации не смогли залечить их раны. Первое желание, хоть чем-то помочь этим женщинам. А чем? Наверное, попробовать прочитать письма. Всего три листочка. «Были и еще письма, — говорит Вера Михайловна, — да со временем потерялись». В моих руках письма из далекого 38 года. Их ждали, но в них нельзя было писать лишнего. Наверное, каждое слово тщательно продумывалось. Главное, чтобы не лишили переписки — ведь это была единственная связь с родными и внешним миром. Через годы они дошли до нас, чтобы рассказать о том страшном времени. А может именно эти письма и есть голос через годы с призывом вспомнить и помянуть человеческую жизнь, которая закончилась так рано и не заслужено. Два письма написаны на тонкой промокашке простым карандашом. За годы карандаш выцвел, а третье письма на простой бумаге. Но от времени она порвалась на сгибах и части слов стерлись. Сейчас существует неплохая компьютерная программа восстановления утраченного текста. Ею я и воспользовался. Первые два письма расшифровал быстро. Вот что в них написано:

«Здравствуйте, дорогие жинка и Верочка. Я жив и здоров. Получил ваши одно письмо и 2 открытки, последнюю, ту которая написана 18. IV. очень рад, что вы здоровы. И живете ничего. Узнал, что ты работаешь счетоводом-кассиром. Никогда бы не подумал, что ты можешь быть сче-

товодом. Очевидно, обстоятельства сложились так, что ты по специальности работать не захотела. За работой, какая бы она не была, время идет значительно быстрее, и поэтому радуюсь за тебя с Верочкой. Верочка наверное в мае кончит учиться. Как я понял по письму, собирается ехать с бабушкой в Уфу к Наде. Это очень хорошо немного прокатятся и отдохнут. Ты тоже имеешь намерения переехать туда и просишь моего совета. Советовать я тебе затрудняюсь, потому что не знаю в какой обстановке и условиях ты живешь. Если рассчитываешь, что в Уфе будет лучше, тогда решай сама. Я помню, когда мы жили в Горьком, тебе не нравился климат, ты часто прихварывала. Уфа ничем не лучше Горького в части климата, напротив, там гораздо холоднее. Кроме того родных у тебя там почти нет, а знакомых и вовсе. По моему, будешь скучать, и тебе захочется на родину. Если обстановка в Астрахани тебе тяжела, то поезжай, но только советую по возможности устроиться самостоятельно, чтобы не быть зависимой от сестры и не попасть в положение бедной родственницы (прости меня за откровенность). В твоем письме я узнал. Что ты мне послала денег. Прошу тебя, когда будешь писать, сообщи, сколько ты их послала всего в Златоуст и когда. Я получил 20 и 15 рублей. Денег у меня еще много. Я их расходую очень аккуратно. И поэтому было бы лучше, если бы ты купила, что-нибудь Веруське. Будешь писать матери, напиши, что я жив и здоров, передай мой сердечный привет

Главное будьте здоровы и не расстраивайтесь. Обо мне думайте поменьше и не беспокойтесь.

Здоровье мое прекрасное. До свидания. Крепко целую. Поклон, всем вашим. Увидишь Марью Васильевну, кланяйся. Она живет на 4 Тепличной. На завод ты помнишь, поступила.

Любящий вас Михаил 1-V-1939 года

Мой адрес ст. Златоуст

Проз. Уральской железной дороги

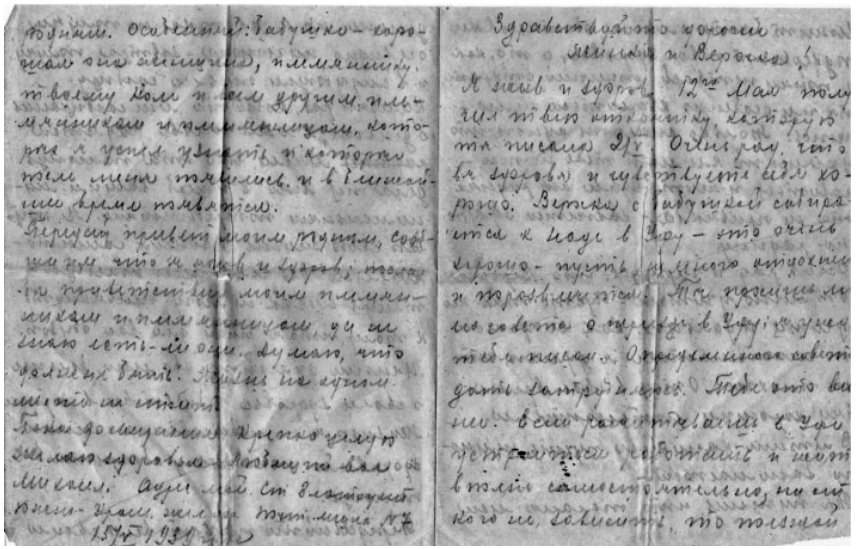
Челябинской области

Почтовый ящик № 7».

Второе письмо

«Здравствуйте, дорогие жинка и Верочка.

Я жив и здоров. 12 мая получил твою открытку, которую писала 2 мая. Очень рад, что вы здоровы и чувствуете себя хорошо. Верочка с бабушкой собираются к Наде в Уфу — это очень хорошо. Пусть немного отдохнут и поразвеятся. Ты просишь моего совета о переезде в Уфу, я же тебе писал. Определенного совета дать затрудняюсь. Тебе что важнее.

Письмо из лагеря

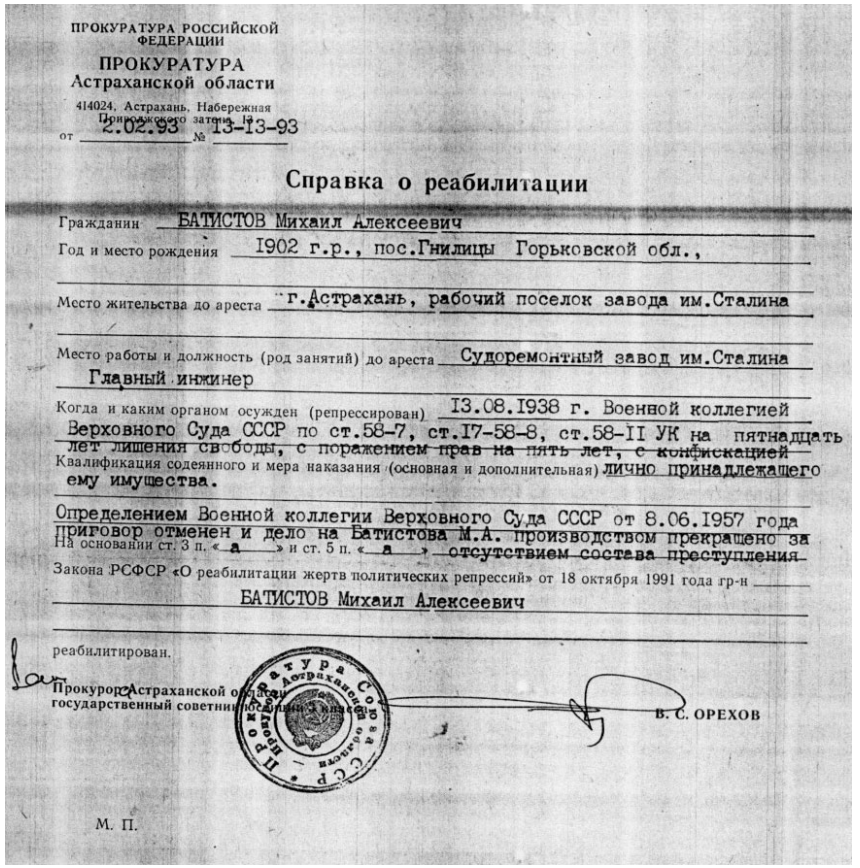
Если, рассчитываешь в Уфе, устроится работать и жить вполне самостоятельно, не от кого не зависеть, то поезжай. Может быть смена обстановки поддержит твое здоровье, а то как я понял по твоей открытке, ты им особенно хвалиться не можешь. Только понять нужно, что уфимский климат тебе не понравиться. И жить вдали от родных ты не привыкла — захочется обратно на родину. Очень рад и горжусь, что Верочка отлично учиться. Пусть также учиться и дальше. Как ее успехи по математике. Я думаю, что неплохо. Отец в свое время был хорошим математиком. В летние каникулы пусть немного занимается. Ты пишешь, что послала мне деньги, но я их так и не получил. Очевидно, не сегодня-завтра получу и в следующем письме сообщу. Каждый раз, когда ты мне сообщаешь о деньгах, в моей голове появляются мысли, что эту помощь делаете мне в ущерб вашим минимальным потребностям. Я человек свою жизнь прожил самостоятельно, без чьей либо помощи. Теперь никак не могу привыкнуть к этому, что я стал для вас обузой. Меньше думайте обо мне. Больше о своем здоровье и будет все в порядке. Жинка не переживай о моем здоровье. Пока могу обходиться без помощи. Передавай привет всем своим родным. Особенно бабушке — хорошая она женщина, племяннику твоему Коле и всем другим племянникам и племянницам, которых я успел узнать и которые там без меня появились и в ближай-

шее время появятся. Передай привет моим родным, сообщи им, что я жив и здоров, посылай привет моим племянникам и племянницам, даже не знаю есть ли они. Думаю, что должны быть. Жизнь на этом лишь и стоит. Пока до свидания. Крепко целую. Желаю здоровья. Любящий вас Михаил. Мой адрес Златоуст уральской железной дороги челябинской области почтовый ящик № 7 15 V 1939 года».

Над третьим письмо пришлось потрудиться, так как некоторые слова были почти что уничтожены. Письмо пришлось самым настоящим образом разрезать на кусочки, а потом собрать воедино. Вот что было написано в этом письме:

«Здравствуйте, дорогие жинка и Верочка!

Я жив и вполне здоров. Единственная мысль, которая меня ежеминутно преследует, это состояние вашего здоровья, как вы устроились без меня, где живете, как ваше материальное состояние? Я все это представляю себе в очень плохом свете, хотя с другой стороны, здравый смысл предсказывает ваше благополучие. Будучи в Сталинграде я получил твое письмо с посылкой и узнал, что Верочка учиться. Это самое главное. В мое временное отсутствие, ты, конечно, принимаешь все меры к тому, чтобы ее детство прошло если не совсем счастливо, то, по меньшей мере без особых переживаний. Я от тебя получил, будучи в Астрахани, денег 40 рублей и в Сталинграде 180 рублей. Получая эти деньги я очень беспокоюсь. Потому, что кажется, что высылая их вы лишаете себя самого необходимого. Только не надо думать, что я в них нуждаюсь. Что я тебе могу посоветовать. Прежде всего, надо жить с вашими вместе. С родными тебе легче будет переносить мое отсутствие. Устройся куда-нибудь работать. И самое главное, не ждать дурного. Чувствовать себя бодро, беречь свое здоровье и Верочкино. Знай, что если я узнаю, о тебе, что ты расстраиваешься или болеешь — это для меня будет самым худым, что можно придумать. Запомни одно, что мы еще будем жить вместе, и как это будет жаль, если мы встретимся больными, состарившимися преждевременно. Ты можешь мне писать ежемесячно 2 письма. Я буду писать столько же. Напиши мне все подробно как здоровье ваших, все ли они живут по старому. Кроме писем с исключением денег, мне ничего не присылай. Денег мне не нужно. Они у меня есть и хватит мне их надолго. Я живу очень экономно. Я хотел было написать письмо матери и раздумал. Решил все письма писать только вам. Может ты выберешь время написать сама (адрес п. Гнилица Автозаводской район) напишешь и мне сообщи.

ПРОКУРАТУРА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПРОКУРАТУРА
Астраханской области
414024, Астрахань, Набережная
Прокурору затона Ш
от 2.02.93 № 13-13-93

Справка о реабилитации

Гражданин БАТИСТОВ Михаил Алексеевич
Год и место рождения 1902 г.р., пос.Гнилицы Горьковской обл.,
Место жительства до ареста г.Астрахань, рабочий поселок завода им.Сталина
Место работы и должность (род занятий) до ареста Судоремонтный завод им.Сталина
Главный инженер
Когда и каким органом осужден (репрессирован) 13.08.1938 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР по ст.58-7, ст.17-58-8, ст.58-11 УК на пятнадцать лет лишения свободы, с поражением прав на пять лет, с конфискацией
Квалификация содеянного и мера наказания (основная и дополнительная) лично принадлежащего ему имущества.
Определением Военной коллегии Верховного Суда СССР от 8.06.1957 года приговор отменен и дело на Батистова М.А. производством прекращено за
На основании ст. 3 п. «а» и ст. 5 п. «а» отсутствием состава преступления
Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 года гр-н
БАТИСТОВ Михаил Алексеевич
реабилитирован.
Прокурор Астраханской области
государственный советник юстиции 3 класса В. С. ОРЕХОВ
М. П.

Справка о реабилитации

Адрес мой Челябинская обл.
Южно уральская железная дорога
Почтовый ящик № 7
Батистову.

Пока. До свидания. Передавай сердечный привет своим родным, особенно дорогой матери

Только не падай духом.
Пиши. Целую. Любящий Михаил. 1.XI. 38
Сообщи свой адрес
Чувствуй себя бодро».

Получилось так, что первое письмо Михаила Алексеевича я смог расшифровать последним. Именно в этом письме он еще надеется встретиться с семьей, строит планы на будущее, беспокоится об их здоровье и дает советы, как прожить жене это время. Поддерживая ее он и сам в это верит. В двух последующих письмах видно эта вера уже стала угасать. А в одном из писем он пишет, что пока обходиться без чужой помощи, наверное, рядом с ним были и такие, которые не могли без этого уже обходиться.

Работая в Интернете (готовя домашнее задание по литературе) я набрал на поиск имя Батистова Михаила Алексеевича. И чудо произошло. На сайте Сталинских списков по Сталинградской области[1] я нашел имя этого человека.

Тогда я решил продолжить поиск и его отца. Его я нашел на сайте «Новомучеников и Исповедников Русской Православной Церкви XX века» (созданном Православным Свято-Тихоновским Богословскиим Институтов и Братством во Имя Всемилостивого Спаса). Но я еще не верю в удачу. Захожу в полные списки и вот она удача: место служение — Нижний Новгород, поселок Гнилицы, храм Преподобного Сергия. Полностью подтвердились слова Веры Михайловны: «дедушку два раза арестовывали. Сначала отпустили. А потом он всегда дома держал узелок с вещами, говорил, что все равно заберут. Так оно и вышло». По документам его забирали в 1918 году, а потом 9 августа 1937 года. Расстрелян 21 сентября 1937 года. Так я смог найти крупицы материала и об отце Михаила Алексеевича.

* * *

Я часто думаю, что судьбы этих людей, о которых я узнаю, через годы учат меня жизни, заставляют глубже окунаться в исторические документы того времени, учат пониманию окружающего мира. Они учат меня не мести, а состраданию, не жестокости, а терпению и тверди. Я знаю, что впереди новые встречи, новые знакомства, новые люди.

Скоро Рождество. Завтра я пойду в храм и поставлю свечу за упокой души усопших Михаила и Алексея.

[1] АП РФ оп. 24 дело 418, лист 159.

Полина Реутова
г.Пермь, лицей №1
Научный руководитель:
А.И.Казанков

«...Меня избивали и мучили...»

(правдивая история ликвидации «финской агентуры» в г. Молотове в 1942 году)

Постепенно продираясь сквозь казенные формулировки, фантастическую орфографию (пунктуация отсутствует вовсе) каракулей обвиняемых, понимаю, что мое дело — «ящичек в ящичке», т.е. дело о следственном деле №1980. А в этом «втором ящичке» — история семи человек, в которой было все — предательство, насилие и произвол, глупость и безграмотность, жертвы и палачи. Это и есть та история, которая начиналась как анекдот, превратилась в трагедию, а закончилась фарсом, и которую я хочу сейчас рассказать — так, как сумела понять и представить себе.

Начало

У всякой истории есть свое начало. Эта началась для меня в тот момент, когда я впервые увидела архивное дело №33 из фонда прокуратуры Пермской области. Общий принцип моего научного руководителя: «Я могу объяснить, *как* искать, но не знаю, *что* ты найдешь». Конечно, ему пришлось сначала объяснить мне, разницу между следствием и надзором, т.е. органами НКВД и прокуратуры. Он помогал находить нужную литературу, когда мне потребовалось познакомиться с содержанием 58 статьи (да-да, той самой)

Уголовного Кодекса РСФСР 1926 г. Потребовалось объяснять мне и значение непонятных поначалу слов вроде «кассационная жалоба», «нацмен» и т.п. Но разбираться в истории о том, как весной-летом 1942 в Перми следователями НКВД была «создана» и ликвидирована диверсионно-террористическая группа, возглавляемая «резидентом» финской военной разведки Михаилом Кривошеиным, мне приходилось самой.

Особого впечатления дело не производило. Толстая (более полутораста листов) канцелярская картонная папка блеклого сероватокоричневатого цвета. Внутри — бумаги разного формата и вида. Исписанные выцветшими чернилами, плохо очиненными карандашами, отпечатанные на разболтанной машинке (пятые наверное, совершенно «слепые» копии). Постановления об аресте, мере пресечения, протоколы, материалы очных ставок, обвинительное заключение, приговор, кассационная жалоба — кипа документов пока еще не вполне понятного назначения.

Постепенно продираясь сквозь казенные формулировки, фантастическую орфографию (пунктуация отсутствует вовсе) каракулей обвиняемых, понимаю, что мое дело — «ящичек в ящичке», т.е. дело о следственном деле №1980. А в этом «втором ящичке» — история семи человек, в которой было все — предательство, насилие и произвол, глупость и безграмотность, жертвы и палачи. Это и есть та история, которая начиналась как анекдот, превратилась в трагедию, а закончилась фарсом, и которую я хочу сейчас рассказать — так, как сумела понять и представить себе.

Ошибка «Резидента»

Когда холодной мартовской ночью 1942 года работница завода №10 Наркомата боеприпасов Клавдия Егоровна Кусакина входила в цеховую душевую, то ни она, ни тем более мывшиеся там мужчины, знать не знала и ведать не ведала, к каким последствиям это приведет. Что увидела Клавдия Егоровна сквозь клубы пара — навсегда останется тайной, а вот что она услышала — нам известно, т.к. эта гражданка не поленилась сочинить донос и дать показания органам НКВД. Вот это поражающее простотой и безыскусностью описание:

«19 марта сего года я с работницей Быстровой в 23 часа зашла в комнату душа в цехе № 1, где было 8 человек рабочих, и обратилась к Кривошеину, есть ли у него на участке детали, который ответил:

— Пускай вечно не будет ничего, меня это не касается, — после этого он стал говорить о пребывании на фронте и в плену у финнов. Он заявил:

— Петрозаводск разрушили сами бойцы Красной Армии, финны были ещё далеко, а наши войска уже побежали. У Петрозаводска сдались в плен без одного выстрела 4 дивизии. Я также был в плену у финнов. Они с пленными обращаются хорошо, мне дали супу, хлеба, банку консервов, 2 пачки папирос и отпустили. Напрасно я ушёл из плена, надо было остаться у них. Я никому не поверю, что они с пленными обращаются плохо, это всё врут. А здесь кормят плохо, а норму требуют выполнять, если выработаешь 1000 деталей, тебе дают 1400 шт. Надо объявить голодовку, чтобы с завода всех выгнали и завод закрыли»[1].

Итак, Клавдия Кусакина стояла и слушала, а Михаил Кривошеин болтал (вспоминается плакат тех лет: «Не болтай! Враг подслушивает!»). Как часто бывает, должно быть, в сугубо мужских компаниях он «травил байки», сообщая «фронтовые были». На жизнь жаловался. Привирал, между прочим. Впоследствии он укажет, что в плену никогда не был, и сообщит, что это могут подтвердить в 52 полку 37 дивизии. Поскольку даже в царившей тогда неразберихе организовать подобный запрос не составляло труда, то, скорее всего, обманывать Кривошеину в данном случае не имело смысла. «Финский плен» на самом деле был мифом. Но, поскольку на финском фронте-то он действительно был, то вполне мог встречать бойцов, *действительно* бывших в плену, слышать *их* рассказы, а сейчас, ради красного словца, приписать их себе (по моему мнению, все мужские рассказы о боевых подвигах, охоте, рыбалке вообще сразу следует делить, по меньшей мере, на два).

Между тем, криминал уже был на лицо. Кривошеин болтал, кто-то, следовательно, слушал — вот тебе и *агитация*. Причем самая, что ни на есть антисоветская: Красную Армию очерняет — раз, фашистов восхваляет — два, к антисоветским выступлениям подстрекает — три, ослабить советскую власть посредством закрытия оборонного предприятия хочет — четыре. Статья 58 УК РСФСР пункт 10, десять лет исправительно-трудовых лагерей — минимум (в мирное время), верхний предел наказания — не ограничен. А тут еще это крайне подозрительное пребывание в плену...

Конечно, ничего кроме слов не было, но говорить подобные слова было тогда, в 1942 году опасно. Слушать и не донести — тоже. Воз-

[1] ГАПО, Ф. р1366. Оп. 2. Д. 33. С. 1-2

можно, именно поэтому Клавдия Егоровна и сообщила «куда надо». А, может быть, были иные причины. Ведь едва ли подобные разговоры были тогда редкостью: слишком памятен был ужас прошлого, 41-го года. Не могли не «болтать» в городе Молотове, переполненном эвакуированными, ранеными, военнослужащими, жившими сплошь и рядом в обстановке жутчайшей неустроенности и работавшими «на износ». Возможно, что у работницы Кусакиной были и какие-то личные счеты с бригадиром Кривошеиным?

22-го апреля 1942 года заместитель начальника 3-го отделения ЭКО (экономического отдела) УНКВД лейтенант государственной безопасности Монин составил постановление на арест Кривошеина Михаила Алексеевича (1902 года рождения; уроженец деревни Юферята, Перво-Ключевского сельсовета, Шабалинского района, Кировской области; из семьи крестьян; русский; гражданин СССР; беспартийный; образование низшее; по профессии слесарь[1]; в 1938 году судим по ст. 116 УК РСФСР к 3-ём годам лишения свободы — отбыл[2]; до ареста — военнослужащий рабочей колонны № 1022 при заводе № 10 имени Дзержинского[3]; проживал: г. Молотов, ул. Плеханова дом 41, барак 2[4]).

Лейтенант ГБ Монин, рассмотрев показания Кусакиной и материал в отношении Кривошеина, нашёл, что Кривошеин с августа месяца 1941 года и до ноября месяца 1941 года служил в Красной Армии и находился на северо-западном фронте. В октябре был в плену у финнов и из плена финнами был отпущен. Работал на заводе № 10 бригадиром, систематически среди рабочих вёл антисоветскую агитацию, направленную на восхваление фашизма, опровергал сообщения Совинформбюро о зверствах фашистов над военнопленными, высказывал намерения перейти на сторону немцев при отправке на фронт.

23-го апреля 1942 года Кривошеин, подозреваемый в преступлениях, предусмотренных ***ст. 58 п. 10 ч. 2*** статьи УК РСФСР (в дальнейшем я буду обозначать пункты 58 статьи так, как это делал сам следователь, т.е. 58-10 ч. 2), был арестован, и уже 2-го мая был привлечён к следствию в качестве обвиняемого[5].

25 апреля материалы по обвинению Кривошеина принял старший следователь следственного отделения ЭКО УНКВД Молотовс-

[1] ГАПО, Ф. р1366. Оп. 2. Д. 33. С. 1
[2] Там же. С. 4
[3] Там же. С. 1
[4] Там же. С. 65
[5] Там же. С. 3—4

кой области младший лейтенант ГБ Робинзон. И приступил к «производству расследования». Собственно, расследовать было нечего: в *антисоветской агитации* Кривошеин полностью изобличался показаниями гражданки Кусакиной. Но была в деле одна деталь, открывавшая заманчивые перспективы: пресловутое пребывание в плену. Ведь плен — это возможность вербовки иностранной разведкой, это возможный «канал» связи (финны Кривошеина отпустили — зачем? с какой целью?). Честолюбивому старшему следователю Робинзону пришло в голову, что гораздо внушительнее, чем обвинение в заурядной «болтовне», было бы раскрытие орудовавшего прямо в сердце индустриального Урала, прямо на оборонном заводе НКБ финского «шпиона и диверсанта», который — конечно! как же иначе! — сформировал там *диверсионно-террористическую группу*.

Судьба «Резидента»

В то время действовало негласное, но практически не знавшее исключений правило: если человек арестовывался — он уже был виновен и, с вероятностью 100%, — будет осужден. «Производство расследования» и по форме, и по содержанию мало отличалось от инквизиторского: расследование не ставило целью установление истины (истина была ясна заранее), оно лишь «приводило в согласие» обвиняемого и ту истину о нем, которая была известна «компетентным органам». Что, в свою очередь, предполагало хотя бы минимальное соответствие личности Михаила Кривошеина той роли, которая ему предназначалась. Между тем, трудно было найти человека, столь мало подходящего в шпионы и агенты-диверсанты.

Что (и на основании чего) можно сказать об этом сорокалетнем беспартийном, ранее судимом уроженце Кировской области? Вот, например кассационная жалоба, написанная им собственноручно. Неровные строчки. Корявые, крупные, пляшущие буквы. Мысль формулируется с трудом, что приводит к языковым конвульсиям: «Я человек малограматной батракак и вчем прошу верховный суд смякчит меры наказания так как я был саветкий гражданин и опят хочу бы преданым гражданином Саветкой Власти» (сохранена орфография и пунктуация оригинала). Так (и в таких выражениях) действительно мог писать человек, едва наученный азам грамоты. Какую, спрашивается, «шпионскую информацию» он мог сообщить — а тем более собрать? Какая разведка вербует слесарей, едва умеющих связать пару

слов? В приговоре будет указано, что имущество приговоренного конфисковано не будет — ввиду отсутствия такового. Голь перекатная, обитатель рабочего барака Кривошеин, едва понимающий, в чем его обвиняют, но, тем не менее, клявшийся искупить свою вину кровью, для роли «финского резидента» не подходил категорически. (Кстати сказать, — скорее всего, это понимали и следователи), т.к. в обвинительном заключении слова о «передаче сведений шпионского характера» будут, а п. 6 ст. 58 УК — *шпионаж* — нет).

Это не имело ровно никакого значения. Его заставили признаться, признаться во всем. Робинзон предъявил Кривошеину обвинение в том, что в 1941 году тот, «находясь в действующей армии, добровольно перешёл к белофиннам, сообщил расположение своей и других воинских частей, о вооружении и другие сведения шпионско-разведывательной и диверсионной работы, дав подписку о своём сотрудничестве с финской разведкой, был зачислен в вооружённый отряд и проводил диверсионную и шпионско-разведывательную работу против Советского Союза, а в 1942 году, прибыв в г. Молотов, среди работающих на заводе Дзержинского систематически вёл антисоветскую агитацию клеветнического и пораженческого характера, распространял антисоветские провокационные слухи о положении на фронтах Отечественной войны и клеветал на Красную Армию»[1].

Направляя после вынесения приговора кассационную жалобу в Верховный Суд, Кривошеин напишет, что его избивали и мучили, грозили сгноить в тюрьме. И, конечно, вскоре он стал называть «сообщников».

2-го июня 1942 года был арестован Ткаченко Иван Михайлович («1905 года рождения; уроженец с. Спасское, Бурлацкого р-на, Орджоникидзевского края; из семьи крестьян-середняков; русский; гражданин СССР; беспартийный; образование низшее; в 1921 году был исключён из рядов ВЛКСМ; в 1937 году родного брата за хулиганство осудили к 3-ём годам тюремного заключения; до ареста — боец стройколонны № 1022 при заводе № 10 Наркомата боеприпасов; проживал в г. Молотове по ул. Плеханова в доме 41 бараке 2»[2]).

Старший следователь Робинзон нашёл, что Ткаченко, прибыв в октябре 1941 года в г. Молотов, будучи зачислен как военнослужащий в рабочую колонну № 1022 при заводе №10, стал проводить среди военнослужащих колонны антисоветскую агитацию клеветнического и

[1] ГАПО. Ф. р1366. Оп. 2. Д. 33. С. 4
[2] Там же. С. 5

пораженческого характера. На допросе 28-го апреля 1942 года Кривошеин заявил, что Ткаченко, «являясь враждебно настроенным к существующему в СССР строю», создал антисоветскую повстанческую группу: «Однажды в разговоре с Ткаченко он заявил мне, что создаёт на заводе группу лиц с тем, чтобы организовать из них отряд, при этом заявил, что у него уже есть ряд людей, которые изъявили желание быть у него в отряде. Он предложил мне дать своё согласие войти в состав организуемого им отряда, на что я дал ему своё согласие»[1].

По словам Кривошеина, Ткаченко говорил: «Чем так жить и мучиться, лучше уйти в банду, там хоть с голода не умрёшь, вот настанет тепло, так много найдётся таких, как мы. У нас будет создан большой отряд, а насчёт оружия беспокоиться не следует. Оружие мы достанем всегда. Мы можем совершать нападения на составы, которые везут оружие, на перегоне останавливать поезда, забирать себе оружие, надо нам только не медлить с этим делом. Я скоро вам всем добуду документы совместно с Пулькиным»[2].

Ряд деталей заставляет предполагать, что подобный разговор (опять разговор — слова, слова!), скорее всего, происходил на самом деле. Удрать из ненавистной стройколонны, собрать банду из таких же дезертиров и пробавляться грабежом когда «настанет тепло», — отчего не помечтать, да не высказать мечту приятелю «в запале да в обиде» на окружающую действительность? Но для следователя это был настоящий подарок. Легко превращая намерения в действительность, он утверждает, — была группа-то, причем мнимая банда дезертиров столь же легко превращается в повстанческий отряд. Поэтому изменяется и квалификация вины.

Согласно предъявленному 17 июня обвинению, Ткаченко уже подозревается в преступлениях, предусмотренных ***ст. 58 — 2*** (вооруженное восстание, захват власти в центре и на местах), 58 — 10 ч. 2 (все та же антисоветская агитация), ***58 — 11*** (пункт, отягчающий вину, если преступники вступили в организацию).

Всю первую половину июня Кривошеин и Ткаченко продолжали, путаясь и сбиваясь, называть фамилии знакомых и подписывать протоколы, составляемые следователем. Аресты тоже продолжались. 17 июня было утверждено постановление на арест Готвенко Ивана Калистратовича («1902 года рождения; уроженец г. Сталинграда; из рабочих; русский; гражданин СССР; беспартийный; грамотный; в сентябре 1940 года

[1] ГАПО. Ф. р1366. Оп. 2. Д. 33. С. 5-6
[2] Там же. С. 6

в Ереманском районе был судим по ст. 74 УК РСФСР к 1 году лишения свободы — отбыл; работал токарем на заводе № 10; бывший военнослужащий стройколонны № 1022 при заводе № 10; проживал в г. Молотове по ул. Плеханова 41 б. 2»[1]); и Баранова Александра Ивановича («1899 года рождения; уроженец д. Сениха, бывшей Кандауровской волости, Пучевского р-на, Ивановской области; из рабочих; русский; гражданин СССР; беспартийный; грамотный; бывший военнослужащий стройколонны № 1022; работал токарем на заводе № 10; проживал в г. Молотове по ул. Плеханова 41, б. 2»[2]). 18 июня оба были арестованы.

20-го июня был арестован Пулькин Михаил Фёдорович («1911 года рождения; уроженец д. Негачева, Пустарсменского с/совета, Расмешковского р-на, Калининской обл.; из крестьян-середняков; по национальности карел; беспартийный; образование низшее; бывший военнослужащий строительной колонны 1022 при заводе № 10; работал в артели «Коопремонт» в г. Кунгуре; проживал в г. Кунгуре Молотовской области по ул. Карла Маркса 15»[3]).

Разумеется, все они были арестованы на основе «оговора» Кривошеина и Ткаченко (первый честно признается в кассационной жалобе, что «наврал на себя», забыв упомянуть, что он «наврал» на других). Всех троих подозревали в преступлениях предусмотренных ст. 58 — 2, 58 — 10 ч. 2, 58 — 11 УК РСФСР (стандартный набор). Арестовано уже пять человек — «диверсионная группа» была набрана. Выбивая из подследственных показания (слова Кривошеина «меня избивали и мучили» — лейтмотив), старший следователь Робинзон шаг за шагом сочинял свою историю .

Выходило примерно так: в конце февраля — начале марта 1942 агент финской разведки Михаил Кривошеин приступил к формированию группы (тут у следователя не сходятся концы с концами, — в апреле Кривошеин говорил, что это *он дал согласие Ткаченко на участие в банде*). Первым был завербован Пулькин, с которым «шпион» Кривошеин был знаком еще до появления в г. Молотов, по совместному пребыванию в г. Кунгур. Следующим был завербован Ткаченко и — далее опять разночтения — то ли он порекомендовал трех бойцов стройколонны № 1022, то ли (по версии Ткаченко) они были привлечены Кривошеиным. Пулькин порекомендовал Баранова, немедленно согласившегося на вербовку.

[1] ГАПО. Ф. р1366. Оп. 2. Д. 33. С. 12
[2] Там же. С. 17
[3] Там же. С. 21

Примерно в первой половине июня на допросах Кривошеин начинает вдруг говорить о планируемых диверсиях, причем почему-то изъясняется не иначе как формулировками из статей уголовного кодекса: «Мне было поручено подобрать из числа бойцов Красной Армии лиц, недовольных Советской властью, направлять их на распространение антисоветских клеветнических измышлений в адрес Советской власти и из них же создать антисоветскую группу, которая должна будет совершать диверсии по взрыву железнодорожных мостов, складских помещений, пускать под откос воинские составы и разрушать железнодорожное полотно. В состав созданной мною повстанческо-диверсионной группы входили Ткаченко, Пулькин, Готвенко и другие»[1].

Далее, во второй половине июня — еще более определенно: «Спустя 3 дня мы снова собрались, где Ткаченко нам сообщил фамилии трёх бойцов стройколонны 1022, которых он привлёк для совершения диверсионного акта на заводе. Помню сейчас только одну фамилию, названную им, это Попруга. Он также, как и мы, враждебно настроен к существующей власти в Советском Союзе, возводил клевету на руководителей ВКП(б), при этом каждый раз выражался по адресу руководителей ВКП(б) нецензурными словами»[2]».

Отметим, — в деле появляется новый фигурант (Попруга), и происходит что-то странное. Кривошеин гладко, как по-писаному (что ему не свойственно в принципе), начинает сообщать о подготовке диверсионных актов. Про нецензурные слова — это его, это он мог запомнить и даже процитировать. Материли, небось, в своем кругу руководителей ВКП(б). Остальное, разумеется, — придумано. Почему — догадаться не трудно. Созданной следователем группе нужно подобрать внушительное дело. Ну, если не дело, то, по крайней мере, — замысел. Возможность такая была, и называлась на тогдашнем следовательском жаргоне «дать девятый через девятнадцатую», т.е. *диверсию* (ст. 58, п. 9 УК РСФСР) через *намерение* (ст. 19 УК РСФСР).

И вот, 2 июля 1942 года Готвенко, Баранов и Пулькин были привлечены по делу в качестве обвиняемых. Готвенко был обвинён в преступлениях, предусмотренных ст. 58- 2, 58 — 10 ч. 2, 58 — 11 УК РСФСР[3], Баранов — в преступлениях, предусмотренных ст. 58 — 2, 58 — 10 ч. 2, 58 — 11, ***19 — 58 — 9*** УК РСФСР[4], Пулькин — в преступлениях, пре-

[1] ГАПО. Ф. р1366. Оп. 2. Д. 33. С. 13-14
[2] Там же. С. 48
[3] Там же. С. 31
[4] Там же. С. 32

дусмотренных ст. 58 — 2, 58 — 10 ч. 2, ***19 — 58 — 9*** УК РСФСР[1]. До этого подобные обвинения не предъявлялись никому. Конечно, эти новые пункты обвинения рикошетом вернутся к Кривошеину.

8-го июля 1942 года Кривошеину были предъявлены дополнительные обвинения. В процессе следствия были добыты «новые материалы», свидетельствующие о том, что Кривошеин помимо антисоветской агитации совершил преступления, подпадающие под ст. ***58 — 1б,*** 58 — 2, 19 — 58 — 9, 58 — 11 УК РСФСР[2]. Первый пункт 58-ой статьи говорил о том, что контрреволюционным признавалось всякое действие, направленное на ослабление Советской власти. В 1934 году в первый пункт были вставлены подпункты, и подпункт 1-б подразумевал *измену Родине*, действия, совершённые в ущерб военной мощи СССР.

Настал черед последних арестов. Кривошеи «сдает» еще двоих. 27-го июля 1942 года были утверждены постановления на арест Абдурагимова Рассула («1918 года рождения; уроженец д. Дейбук, Дохадаевского р-на, Махачкалинской обл.; из крестьян; по национальности даргин; гражданин СССР; беспартийный; образование низшее; бывший военнослужащий стройколонны 1022; работал на заводе № 10 Наркомата Боеприпасов в ОТК строительства; проживал в г. Молотове по ул. Плеханова 41, барак 2»[3]) и Попруга Владимира Карповича («1899 года рождения; уроженец д. Кобеняки, Полтавской обл.; из крестьян-бедняков; по национальности украинец; гражданин СССР; беспартийный; образование — 4 класса; бывший военнослужащий стройколонны 1022; работал токарем на заводе № 10; проживал в г. Молотове по ул. Плеханова д. 41 барак 2»[4]).

28 июля 1942 года Абдурагимов и Попруга, подозреваемые в преступлениях, предусмотренных ст. 19 — 58 — 9, 58 — 10 ч. 2, 58 — 11 УК РСФСР[5], были арестованы. А 11 августа Абдурагимов и Попруга были привлечены по делу в качестве обвиняемых.

Старший следователь Робинзон наверняка был доволен. В результате его действий из жителей второго барака, что по улице Плеханова 41, собиравшихся в мастерской у Кирвошеина язык почесать да власть поругать, была «организована» группа диверсантов, планировавшая (страшно сказать!) взрыв основного цеха №7 завода № 10

[1] ГАПО. Ф. р1366. Оп. 2. Д. 33. С. 30
[2] Там же. С. 51
[3] Там же. С. 42
[4] Там же. С. 47
[5] Там же. С. 46, 50 соотв.

НКБ и пуск под откос военных эшелонов. Каждый из них был подведен под «расстрельную» статью (и не одну), и все на основании слов избитого, измученного, запуганного «малограмотного батракака». (Причем по большей части слова эти принадлежали самому следователю, и лишь подписывались Кривошеиным).

Оставалось составить обвинительное заключение, что и было сделано 30 августа 1942 года. Перечислив все возможные вины семерки «диверсантов», старший следователь Робинзон предлагал применить к обвиняемым Кривошеину, Ткаченко, Готвенко, Пулькину и Абдурагимову ***высшую меру наказания — расстрел*** с конфискацией имущества, а к обвиняемым Попруга и Баранову применить лишение свободы в исправительно-трудовых лагерях сроком на 10 лет каждому[1].

После этого следственное дело № 1980 было направлено Военному прокурору Уральского ВО.

Конец «Резидента»

На некоторое время в нашей истории повисает пауза. Арестованные сидят, дело путешествует по инстанциям.

И 13 сентября надзорная инстанция вмешивается. В деле хранится документ, подписанный заместителем Военного прокурора Уральского ВО Яковлевым. Ознакомившись с делом № 1980, Яковлев находит, что каких-либо данных о том, что обвиняемые подготовляли совершение диверсионного акта на заводе № 10 следствием не установлено, все они работали в цехе № 1 и к цеху № 7 отношения не имели. Обвинения основаны на показаниях Кривошеина, который и являлся инициатором разговоров на эту тему. На высшую меру наказания в отношении Кривошеина Яковлев был согласен, но Ткаченко, Пулькину и Абдурагимову предлагал дать по 10 лет ИТЛ, учитывая то, что они были ранены на фронте. Применение расстрела в отношении Готвенко Яковлев считал нецелесообразным, а с предлагаемой мерой наказания в отношении Баранова и Попруга был согласен[2].

Заместитель прокурора Уральского ВО Яковлев вряд ли был ревнителем законности, человеколюбцем и вообще — грамотным профессионалом. Чего стоит тот факт, что, соглашаясь на применение высшей меры наказания в отношении Кривошеина, Яковлев не обратил внимания на то, что в деле нет каких либо следов, например, запроса

[1] ГАПО. Ф. р1366. Оп. 2. Д. 33. С. 73
[2] Там же. С. 57

в отдел СМЕРШ соединения, где тот служил. Да и вообще — материалов, подтверждающих не только вербовку финской разведкой, но и само пребывание в плену. Но уж слишком грубо было «сшито» дело и ему хватило здравого смысла указать на это.

18 сентября 1942 дело было направлено на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР и ... словно в воду кануло.

Прошло два месяца.

20-го декабря 1942 года Военный прокурор г. Молотова получил от Абдурагимова из тюрьмы № 1 корпуса 1 камеры 25 такое заявление: «Прошу сообщить за кем числится моё дело. Следствие моё закончено 28 августа 1942 года. Прошу ускорить моё дело и направить меня на фронт»[1]. Всего таких заявлений было четыре. В последнем, датированном 21 января 1943 года Абдурагимов грозился объявить следственную голодовку в том случае, если его не пошлют на фронт или в лагерь[2].

Прошло еще два месяца.

К 17 февраля 1943 года решение по делу всё ещё не было получено[3]. Особое Совещание так и не стало рассматривать дело № 1980.

Прошло еще два месяца.

И обвинители пошли другим путём. 26 апреля 1943 года следственное дело по обвинению Кривошеина, Ткаченко, Готвенко, Пулькина, Баранова, Абдурагимова, Попруга было направлено на рассмотрение Военного Трибунала Уральского Военного Округа[4].

19 мая 1943 года дело из Военной прокуратуры Уральского ВО поступило в Военный Трибунал Уральского ВО[5].

27-го мая 1943 года на подготовительном заседании Военного Трибунала Уральского ВО в Выездной Сессии был заслушан доклад помощника Военного прокурора Уральского ВО по Молотовской области по делу № 1980. Обвинительное заключение утвердили, исключив из него за необоснованностью обвинения по ст. 58 — 2. Дело было назначено к слушанию в закрытом судебном заседании без участия государственного обвинения и защиты[6].

И вот, наконец, 3 июня 1943 года Военный Трибунал Уральского ВО рассмотрел дело № 1980 и приговорил:

[1] ГАПО. Ф. р1366. Оп. 2. Д. 33. С. 77
[2] Там же. С. 81
[3] Там же. С. 80
[4] Там же. С. 90
[5] Там же. С. 92
[6] Там же. С. 93

Кривошеина на основании ст. 58 — 1 б к высшей мере уголовного наказания — расстрелу, без конфискации имущества за отсутствием такового у осуждённого;

Ткаченко и Готвенко на основании ст. 58 — 10 ч. 2 с санкцией 58 — 2 к лишению свободы с отбытием в исправительно-трудовых лагерях сроком на 10 лет каждого с последующим поражением прав на 5 лет каждого с конфискацией имущества;

Баранова и Попруга на основании ст. 58 — 10 ч. 2 с санкцией ст. 58 — 2 к лишению свободы с отбытием в исправительно-трудовых лагерях на 8 лет каждого с последующим поражением прав на 3 года каждого без конфискации имущества за отсутствием такового. Попруга по ст. 58 — 11 за недоказанностью предъявленного обвинения был оправдан;

Пулькина и Абдурагимова к лишению свободы с отбытием в исправительно-трудовых лагерях на 6 лет с последующим поражением прав на 3 года без конфискации имущества за отсутствием такового[1].

Приговор, по сути, означал крах первоначального замысла следователя. Поскольку обвинения по ст. 58 — 2 (вооруженное восстание) был исключены, перед нами вовсе не повстанцы. Но самый интересный казус произошел с тем самым «девятым через девятнадцатую» — диверсией через намерение. О нем просто забыли. В приговор не включили, а определения о прекращении дела «за недоказанностью» не вынесли.

Казалось бы, тут наша история и должна была бы закончиться. Но вышло не так.

9-го июня 1943 года Верховный суд СССР (высший судебный орган СССР, осуществлявший надзор за судебной деятельностью судов СССР) получил от заключённого Кривошеина Михаила Алексеевича кассационную жалобу. К моменту ее подачи «резидент» Кривошеин находился в тюрьме более года. Он был сломлен морально и физически: в августе он будет числиться коечным больным, и не доживет до середины октября. Поэтому, его жалоба — это стон отчаяния, последняя попытка обреченного. Она, как ни странно, возымеет действие, но будет слишком, слишком поздно.

А вслед за кассационной жалобой Кривошеина 20-го июня 1943 года в Военную коллегию Верховного суда СССР, которая осуществляла надзор за судебной деятельностью военных трибуналов и рассматривала отнесённые к её ведению уголовные дела, поступила кассационная жалоба от осуждённого Абдурагимова Рассула.

[1] ГАПО. Ф. р1366. Оп. 2. Д. 33. С. 94-97

Странный это был парень — Рассул Абдурагимов. Человек, оставшийся для меня загадкой. По множеству черточек явно выбивавшийся из ряда «молотовских диверсантов». Ему было 24 года, и он явно принадлежал к другому поколению. Умел врать и прибедняться, когда это было выгодно. Например, утверждал, что получил низшее образование, и при этом работал в Отделе технического контроля строительства. Говорил, что плохо понимает русский язык, а, между тем, его кассационная жалоба написана практически без грамматических ошибок накатанным, убористым почерком образованного (ну уж школу-то точно закончившего) человека. Абдурагимов хорошо знал, какие факты биографии следует выпячивать (сын маленького горского народа, веками угнетаемого и т.д.), и выражался языком газет того времени («полчища иностранной буржуазии», «уливаясь кровью и устилая трупами», «хищники из гитлеровской берлоги» и т.п.). При этом имел мужество бомбардировать заявлениями военную прокуратуру, требуя отправки на фронт, и грозить голодовкой. И в своей кассационной жалобе он, признавая свои вину (часть которой перекладывается, правда, на Кривошеина, Ткаченко и других), просит отправить его на фронт.

Военная Коллегия Верховного суда СССР нашла, что приговор Военного Трибунала от 3 июня 1943 года основан на противоречивых показаниях обвиняемых, и 23 июля 1943 года вынесла определение о возвращении дела на доследование с момента предварительного следствия[1].

9-го августа 1943 года заместитель 3 отдела 2 Управления Главной Военной Прокуратуры Красной Армии Недбайло дал указания по дальнейшим действиям, касающимся следственного дела № 1980 и осуждённых по нему Кривошеина, Ткаченко, Готвенко, Пулькина, Баранова, Абдурагимова и Попруга: «В процессе доследования необходимо тщательно перепроверить показания Кривошеина, данные им на предварительном судебном следствии, о его вербовке финской разведкой. Обратить особое внимание на то, что в кассационной жалобе Кривошеин категорически отрицает не только вербовку, но и вообще пребывание его в плену у финнов. ***Это обстоятельство нужно проверить путём посылки отдельного требования в отдел контрразведки «СМЕРШ» Армии, в которой служил Кривошеин.*** Не исследован также вопрос об организации антисоветской группы на оборонном предприятии, и в этой части***, кроме показаний самих обвиняемых, от которых они отказались, никаких доказательств в деле не имеется*** (выделено мною — П.Р.)»[2].

[1] ГАПО. Ф. р1366. Оп. 2. Д. 33. С. 100
[2] Там же. С. 105

14-го августа 1943 года начальник тюрьмы НКВД в письме просил Военного прокурора Уральского ВО принять соответствующие меры, касающиеся заключённого Кривошеина, содержащегося в тюрьме «с нарушением», так как 3 июня 1943 года он был приговорён к расстрелу Военным Трибуналом Уральского ВО. Также начальник тюрьмы сообщил, что «данных о рассмотрении дела от Военного прокурора Уральского ВО, за которым заключённый Кривошеин согласно извещения Военного Трибунала Уральского ВО от 25 июля 1943 года был перечислен, ему не поступало»[1]. В переводе с канцелярского на русский это означает примерно следующее: у меня тут заключенный есть, Кривошеин, за вами числящийся, очень плох, помрет скоро, а мне отвечать. Вы уж или расстреливайте его, коли приговорили, или пересматривайте его дело.

Тем временем громоздкая бюрократическая машина, неспешно поскрипывая, начинала реагировать на указания сверху.

Согласно определению Военной Коллегии Верховного суда СССР от 23 июля 1943 года 17 августа помощник Военного прокурора Урал-ВО по Молотовской области в адрес Управления НКГБ Молотовской области направил следственное дело № 1980 для доследования[2].

Только 26-го августа дело № 1980 было принято к следственному производству отделом УНКГБ по Молотовской области. При проверке местонахождения обвиняемых для вызова на допрос оказалось, что Кривошеин находился на коечном лечении в больнице тюрьмы № 1 и ввиду тяжёлого состояния на допрос следовать не мог. Остальные после суда Военного Трибунала Урал ВО были направлены в лагеря для отбытия наказания. И 27 августа 1943 года следствие по делу № 1980 было приостановлено до выздоровления обвиняемого Кривошеина и установления местонахождения и прибытия в УНКГБ Молотовской области остальных.

5-го октября 1943 года Кривошеин, находясь в тюрьме № 1 под стражей, умер от дистрофии. И 14 октября следствие по обвинению Кривошеина было прекращено за смертью обвиняемого[3].

Так закончилась жизнь крестьянского сына, простого слесаря Михаила Кривошеина. Здесь же обрывается вымышленная судьба агента финской разведки, диверсанта и главы повстанческой группы, «антисоветского агитатора» Михаила Кривошеина. Их так и не успели разделить — реального и выдуманного. Звучит кощунственно, но его

[1] ГАПО. Ф. р1366. Оп. 2. Д. 33. С. 99
[2] Там же. С. 106
[3] Там же. С. 108

смерть принесла пользу тем, кто попал в следственную мясорубку по его вине, ведь многие были «обличены» только его показаниями. Но он был не последней жертвой.

В декабре 1943 года следствие в отношении Баранова из-за смерти подсудимого было прекращено[1].

Дальнейшие события напоминают фарс. Дело «доследовалось» до мая 1944 года. И ВСЕ ОБВИНЯЕМЫЕ, В КОНЕЧНОМ СЧЕТЕ, БЫЛИ ОСВОБОЖДЕНЫ.

Раньше всех — Абдурагимов (14 марта 1944 года) — «за недостаточностью улик» дело прекращено.

Готвенко, Ткаченко и Пулькина все-таки судили повторно 9 мая 1944 г., на закрытом заседании Молотовского городского суда, и приговорили-таки по ст. 58 — 10 ч. 2: Ткаченко и Готвенко к 3 годам без поражения прав и конфискации имущества, Пулькина — к 2 годам без поражения прав. Ну не извиняться же перед ними! Пусть спасибо скажут, что «учитывая болезненное состояние» (т.е. попросту — инвалидность) освободили из-под стражи[2].

Последним вышел на свободу Попруга (дело прекращено 13 июля 1944 г.). К моменту освобождения он страдал дистрофией второй степени и к физическому труду был не годен[3].

Эпилог

Страшная история. Глупая и нелепая. Потрясающая именно своей обыденностью. Нет пафоса, нет громких имен. Нет открытых процессов с журналистами. Мир ничего о них не знал, все делалось «под сурдинку». Две жертвы, четыре инвалида (но все-таки выплюнутых) системой , «не годных к физическому труду». Но ведь — из десятков миллионов жертв. Ведь там, за стеной тюрьмы и за «колючкой» лагерей кровь рекой лилась. Случались истории и помасштабней, и пострашней.

Что в ней особенного? Что она может прибавить, например, к «Архипелагу ГУЛАГ»? Зачем нужно было ее писать?

В том-то и дело, что нет в ней ничего особенного, — она могла произойти в эти годы где угодно и с кем угодно. И к «Архипелагу» она ничего не прибавит. Но прикосновение к этой истории что-то «прибавило» ко мне, — если вы понимаете, о чем я.

[1] ГАПО. Ф. р1366. Оп. 2. Д. 33. С. 113
[2] Там же. С. 175
[3] Там же. С. 173

Антонина Буевич
Мурманская обл. г. Мончегорск
8 класс гимназии №1
Научный руководитель:
Зубкова Е.А.

Письма из фанерного сундучка

У меня возник вопрос: как же выжила в такое тяжёлое время молодая семья Соколовых с тремя детьми и одним работником? Я считаю, что это было возможно благодаря службе Якова Осиповича в органах НКВД, являвшихся опорой власти и обеспечивавших своим сотрудникам значительно лучшее материальное положение, чем у рабочих. [1]

История находки писем связана с трагическими обстоятельствами. Летом 1998 года в городе Воронеже умерла моя бабушка Галина Яковлевна, которой было 60 лет. Мой отец жил с бабушкой полтора года — все время ее болезни, а мы с мамой приезжали при любой возможности, чтобы помочь ему.

Дом бабушки осиротел после ее смерти. Он показался мне пустым и незнакомым, хотя я знала в нем каждый уголок. Однажды мы всей семьей наводили порядок в этом доме. Разбирая вещи в шкафу, в комнате бабушки, я заметила самодельный фанерный сундучок. Мне ужасно захотелось заглянуть в него. Когда я открыла его, я увидела пожелтевшие бумаги и фотографии. Я была тогда восьмилетней девоч-

[1] Подтверждение этому я нахожу в книге Е. Осокиной на стр. 132, где приводятся воспоминания И. Чекалика о материальном положении сотрудников НКВД за период 1934-1941 гг.

кой, и мне казалось, что эти документы должны содержать в себе какую-то семейную тайну. На верхнем листе были размыты чернила, и я не смогла ничего прочитать. Это заинтриговало меня еще больше, я достала стопку писем, и решила прочитать их все. Некоторые были написаны неразборчивым почерком, но все они были адресованы девочке Наде. Я спросила у мамы, кто такая эта Надя, она тоже не знала этого. Только еще раз перечитав письма, мама сказала мне, что Надя — младшая сестра моей бабушки. Я очень удивилась, поскольку бабушка никогда не рассказывала мне про свою сестру, как не рассказывала и о своих родителях, и о своем детстве.

Надя Соколова. 1950-е годы

Подумав, я решила, что начинать поиски нужно с документов, которые могли бы помочь мне установить биографию моих прадедушки и прабабушки. Мама помогла мне и мы нашли в секретере анкету и автобиографию моей бабушки, которые она писала в 1978 г. Из этих документов я узнала, что мой прадед, Соколов Яков Осипович, родился в 1904 году в селе Песчанка Саратовской области. Прабабушка, Соколова Анна Андреевна, родилась там же в 1913 году. У них было 6 детей: Галина (моя бабушка) 1931 года рождения, Таисия 1935 года, Юрий 1937 года, Любовь 1940 года, Надежда 1943 года и Виктор 1945 года. Трое старших детей родились в городе Ртищево, трое младших в поселке №26 Целиноградской области. Значит, семья, уже имея троих детей, вдругменяет место жительства, Какими причинами это вызвано?

Галина Яковлевна в своей автобиографии пишет: «*Отец работал в органах НКВД, мать домохозяйка. В 1937 году вместе с родителями переехала в г. Акмолинск (ныне г. Целиноград), где отец работала в военизированной охране Карлага НКВД на поселке №26*».

Семья Соколовых – Яков Осипович, Анна Андреевна, дети. Стоят (слева направо): Юрий, Таисия, Любовь, Галина. Сидят: Надежда и Виктор. Конец 1940-х годов

Эти фразы были мне непонятны, возникло много вопросов, ответы на которые были найдены значительно позже.

Во время нашего следующего приезда в Воронеж в 1998 году я нашла семейную фотографию моей прабабушки и моего прадедушки с 6 детьми. В старшей дочери на этой фотографии я узнала свою молодую бабушку. А самому младшему сыну, сидящему на коленях у отца не менее четырех лет. Я думаю, что это Виктор, родившийся в 1945 г. Я предположила, что фотография сделана в 1949 г., когда моя бабушка, Галина Яковлевна, окончила 10 классов и собиралась уезжать в город Свердловск, чтобы поступить в горный институт.

Однако позже я нашла удостоверение к медали « XXX лет Советской Армии и Флота», свидетельствующее о том, что «Мл. сержант Соколов Яков Осипович указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля 1948 года награжден юбилейной медалью». И о том, что «медаль вручена 6 ноября 1949 года заместителем начальника УМВД Карагандинской области майором Романенко». И у меня возникла

Здравствуй Надюша!
Как живешь?
Какое у тебя здоровье? Пиши.
Я живу хорошо.
У меня есть хорошая подруга Алла.
Такая же как у тебя Валя. Передавай Валя от меня и от Аллы привет.
Ладно? Как там Тая. Таня мне пишет. А тебе.
Но ладно будь здорова.
Всего проводи время.
Досвиданье.
Алла и Люба
16. 3. 58
ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА
40 копеек
Куда Свердловская обл. пос. Сухрес детский дом
Кому Соколовой Надежде Яковлевне.
Адрес отправителя Свердл. обл. г. Н-Тагил Мира 57-84 Соколовой
МОСКВА, ул. МАНЕЖНАЯ ПЛОЩАДЬ.

Открытка, адресованная Наде Соколовой. Подписана сестрой Любой и ее подругой Аллой. Нижний Тагил, 1958 г.

иная версия: фотография сделана позже, так как прадедушка сфотографирован в военной форме и на груди у него эта медаль. Вторую медаль мне определить не удалось, она перевернулась тыльной стороной, когда Яков Осипович усаживал на колени своего младшего сына Витю. Зато орден виден хорошо. Я обратилась за помощью к отцу, который достал мне книгу под названием «Книга будущих командиров», где изображены все воинские награды и знаки отличия. Я выяснила, что это «Орден Красной Звезды», учрежденный в 1930 году. Возникла новая загадка. Когда и за что мой прадед награжден этим орденом?

А так же появился вопрос, почему на фотографии запечатлена моя бабушка, которая к тому времени уже училась в Свердловске, находившемся далеко от Казахстана?

Ответ на этот вопрос я получила, прочитав хранившееся отдельно от других писем письмо моей прабабушки Анны Андреевны своей дочери-студентке. Письмо без даты, написано на половинке тетрадкой странички в косую линейку неграмотной женщиной, с трудом выводящей слова, пропускающей и путающей буквы. Все написано слитно,

без разделения на предложения и без знаков препинания. Тем не менее, бабушка с любовью хранила это письмо. Я предположила, что это единственное письмо ее мамы и написано оно в ответ на бабушкино письмо, в котором та сообщает, что хочет приехать домой на каникулы. Речь идет о зимних каникулах, т.к. в письме говориться о покупке зимней одежды. Значит вполне вероятно, что бабушка приезжала домой на зимние каникулы, будучи студенткой первого курса, и тогда была сделана эта фотография.

Находка еще одной старой фотографии помогла мне установить новые факты из биографии прадедушки. На фотографии запечатлена группа мужчин в военной форме, стоящих или сидящих на специально вынесенных стульях, и даже полулежащих на земле. По количеству сфотографированных (27 человек) и размещению участников, их напряженности и скованности видно, что собраны и сфотографированы они по важному и официальному поводу. На обороте фотографии имеется полуразмытая чернильная надпись: «Ударнику Кистендейского р.о. УНКВД, Соколову». Я узнала на ней прадедушку, сидящего слева в нижнем ряду. Он выглядит молодо, и я полагаю, ему не более 25 лет.

Где же находился этот Кистендей, в котором проживала семья Соколовых? Чтобы выяснить это, я взяла Атлас СССР, изданный Главным управлением геодезии и картографии МВД СССР в 1954 г. На странице 29-30 на северо-западе Саратовской области я нашла город Ртищево, а в километрах 25 от него населенный пункт Кистендей. Что же толкнуло сельского парня в возрасте 20-25 лет на переселение в город? В 1926 году в стране проживало 147 миллионов человек, городское население составляло 18 %, а сельское 82%. Половине жителей деревне еще не исполнилось 20 лет. 30-35% деревенских жителей составляла беднота. Дохода едва хватало на прокорм, а большая его часть зависела от работы на стороне. Зимой и осенью уходили бедняки на заработки в город, нанимались на стройки. В то же время в городе рабочие составляли свыше четверти населения. Основная масса их — выходцы из деревни. Условия проживания: бараки, теснота, антисанитария. Десятки сезонных рабочих не имели даже собственных нар. Приходящие со смены ложились на места ушедших товарищей...

Соотнеся факты биографии прадеда и обстановку в стране я пришла к выводу, что поступление на службу в органы НКВД было одним из путей получить хорошее место работы в городе, так как давало гарантированный заработок и обеспечивало обмундированием и жильем.

Возможно, что кроме экономических, могли быть и идеологические причины для поступления прадеда в НКВД: желание бороться с врагами советской власти, подражание лучшим чекистам 20-х годов (образ Ф.Э.Дзержинского). Привлечь могла даже и романтика военной формы.

Скорее всего, было так: молодой (25-26 лет) сотрудник Кистендейского районного отдела НКВД Яков Осипович Соколов приезжает в 1929 или в 1930 г. в отпуск в родную деревню Песчанку, встречает там подросшую за время его отсутствия девушку Аню (моложе его на 9 лет), предлагает ей выйти за него замуж и увозит за 100 километров от родной деревни. Более вероятным годом создания семьи я считаю 1930 г., когда Ане исполнилось 17 лет, т.к. в 1931 г. у Соколовых родилась старшая дочь Галина. Но возможно, что они вступили в брак в 1929 или в 1931 г. Молодая семья проживает в райцентре Ртищево. Прадед продолжает служить в органах НКВД. Прабабушка занимается домашним хозяйством, рожает и воспитывает троих детей.

К сожалению, мне не удалось найти документов, рассказывавших бы о жизни семьи Соколовых в это время. Чтобы выяснить, как жили советские люди в конце 20-х — начале 30-х годов, я решила обратиться к литературе[1]

Это были годы индустриализации, годы «великого перелома». В 1929 г. был принят первый пятилетний план, согласно которому страна за пять лет должна была превратиться в индустриальную державу с развитой «материально-технической базой социализма». Началось время больших скачков, перекосов в развитии хозяйства, бесконечного насилия и страха.

На бескрайних просторах страны намечалось построить почти две тысячи предприятий, в том числе таких гигантов, как Днепрогэс, Уралмаш, Магнитка и другие. Основным источником средств финансирования пятилетки было сельское хозяйство: крестьян фактически грабили, вывозя за рубеж зерно и лён. Также производился неумеренный вывоз нефтепродуктов, леса, пушнины. Активно работали на план: низкая оплата труда, рост розничных цен, инфляция, падение покупательной способности населения. В 1929 году были введены карточки на хлеб, к концу года карточная система была распространена на все продовольственные, а затем и на промышленные товары.

[1] См.История России, Советское общество. 1917- 1991» под общей редакцией В. Журавлёва, Москва, ТЕРРА, 1997 г. и Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия, Москва, Росспэн 1999

Среднемесячная зарплата рабочего равнялась 150—200 рублям, пенсия 25-50 рублям. Рабочие влачили полуголодное существование. Паёк индустриального рабочего Москвы, один из лучших в стране, обеспечивал в 1933 году на каждого члена семьи полкило хлеба, 30 грамм крупы, 350 грамм картофеля, 30-40 грамм мяса и рыбы в день, стакан молока в неделю.

В среднем в год на одного члена рабочей семьи покупалось около 9 метров ситца (реально это было 2 летних платья или 2—3 рубахи в год), менее пары кожаной обуви и менее пары галош. Мебель и хозяйственные вещи практически не покупались. Средняя норма жилой площади составляла менее 4 кв. метров на человека. Видимо так тяжело жили многие семьи. У меня возник вопрос: как же выжила в такое тяжёлое время молодая семья Соколовых с тремя детьми и одним работником? Я считаю, что это было возможно благодаря службе Якова Осиповича в органах НКВД, являвшихся опорой власти и обеспечивавших своим сотрудникам значительно лучшее материальное положение, чем у рабочих. [1] Около 70 % сотрудников и служащих жили лучше среднего советского гражданина. Их зарплата составляла в среднем 2 тысяч рублей в месяц. Кроме того, работники НКВД имели бесплатную форму (шерстяной костюм, шинель, фуражка на 2 года, хлопчатобумажный костюм, сапоги, 3 пары белья на год). Раз в год полагалась путёвка на курорт и денежное пособие на отпуск. Для жилья семейным предоставлялись 2 комнаты, холостым — комната в коммунальной квартире. Работники НКВД имели также свои магазины, где покупали товары по более низким ценам, чем «обычное» население».

В 1937 году семья с тремя детьми, младшему из которых не исполнилось и года, переезжает в г.Акмолинск, что, несомненно, связано с работой Якова Осиповича, т.к. в Казахстане он продолжает работать в НКВД, в охране Карлага на поселке №26. Найдя в Атласе (1954 года издания) на северо-востоке Казахстана областной город Акмолинск, поселка №26 я на карте не обнаружила, но заметила, что г. Акмолинск, как и г. Ртищево, где ранее проживала семья Соколовых, является железнодорожным узлом.

Я поняла, что индустриализация страны в первые годы пятилеток была осуществлена благодаря неисчислимым природным и людским

[1] Подтверждение этому я нахожу в книге Е. Осокиной на стр. 132, где приводятся воспоминания И. Чекалика о материальном положении сотрудников НКВД за период 1934-1941 гг.

ресурсам, трудовому героизму народа и использованию подневольного труда заключенных. Система Гулага, включавшая в себя и Карлаг, была целой индустрией, основанной на рабском труде заключенных.

Из всего прочитанного я поняла, что мой прадед Соколов Яков Осипович был маленьким винтиком страшной машины, переламывающей судьбы людей. С 1937 года до выхода на пенсию по болезни в 1948 году его работа была связана с охраной заключенных поселка №26 Карлага, используемых на строительстве железных дорог в районе города Акмолинска (это мое предположение). Именно за это он вероятно и был награжден орденом Красной Звезды, и двумя медалями.

Мне очень жаль, что не сохранилось документов (писем, дневника), из которых можно было бы узнать о личности прадеда, его мыслях, восприятии происходившего, отношении к жизни и работе. Но в то же время я понимаю, почему моя бабушка никогда не рассказывала о своем детстве, проведенном в поселке № 26. Вскоре после смерти Якова Осиповича на XX съезде КПСС (1956 г.) был разоблачен культ личности Сталина. Моей бабушке тогда было 25 лет, и она могла понять, что представляла собой работа ее отца в НКВД. Думаю, ей было тяжело жить с мыслью о том, что ее отец, хотя и рядовой охранник (возможно, что и не по своей воле), но причастен к трагедии людей, чьи судьбы были сломлены карательной машиной тоталитарного режима.

Александра Клапиюк
Татьяна Родионова
Мария Шнякова

Архангельская обл., г. Котлас, школа №17, 9 класс.
Научный руководитель: Клапиюк М.В.

Собирать кости не страшно, страшно ходить по ним

История кладбища Макариха

Установить количество людей, погибших на Макарихе практически невозможно. Не всегда велся учет при раскулачивании и высылке. Порою только устные воспоминания родственников позволяют установить факт гибели людей на Макарихе. К властям было обращаться бесполезно. Так, В.Н. Станишевский на свой запрос в ЗАГС г.Котласа получил ответ: «Регистрация смерти ваших братьев Станишевских по городскому отделу за 1930 год не значится».

История, которую мы здесь расскажем, произошла на соседней улице в мае-июне 2005-го года в нашем городе Котласе.

В мае 2005-го г. на улице Воровского началась отсыпка дороги гравийно-песчаной смесью. Фирма «Фрегат-авто» купила её у Котласского лесодеревоперерабатывающего комбината, чтобы проложить дорогу до своего офиса. И вот на дороге, протяжённость которой 1 км 800 м, появились огромные кучи. Но жители микрорайона, вместо радости от новой дороги, были беспредельно возмущены, шокированы. Что же вызвало их возмущение? Повсюду в кучах виднелись человеческие кости! А работники

«Фрегат-авто» возили и возили эту смесь. Тогда граждане обратились в милицию и написали в газету «Двинская правда». Кучи человеческих костей мешали движению, и они были... раскатаны по дороге. Материальный интерес владельца фирмы «Фрегат-авто» оказался выше каких-либо моральных принципов.

Шёл день за днём, а ситуация менялась только в худшую сторону. Потому что колёса машин всё плотнее утрамбовывали песчано-гравийную смесь вместе с костями. Взрослые же в лучшем случае выражали возмущение, ждали, когда отреагируют начальники и разрешат проблему: «Пусть ситуацию исправляет тот, кто это натворил». Некоторые жители улицы Воровского высказывались и так: «Все будет в порядке, если сверху покроют асфальтом».

Помочь решили мы, юные жители ул. Устье, что рядом с улицей Воровского. Мы с Ириной Андреевной Дубровиной, председателем КИПОД[1] «Совесть», собирали кости рядом с несущимися по дороге машинами. Кости были так прочно вкатаны в дорогу, что извлекали их с большим трудом.

Окружающие по-разному реагировали на наш поступок. Кто-то одобрял, кто-то недоумевал: «Вам что, больше других надо»? Кто-то с интересом спрашивал: «А не страшно было их собирать? Ведь это же человеческие кости!»

На такие вопросы мы отвечали: «Собирать кости не страшно, страшно ходить по ним...»[2].

Что же за многочисленные «костные останки», выражаясь казенным языком, были обнаружены в песчано-гравийной смеси? Ответ на этот вопрос можно найти в пояснительной записке Дубровиной Ирины Андреевны в Межрайонную прокуратуру Котласа. В ней сказано: «На территории ООО ЛДК находилось в 40-х годах 20 века кладбище. Начало ему положили захоронения погибших на строительстве ЖД моста через Сев. Двину. В качестве рабочей силы использовались заключённые, спецпоселенцы и военнообязанные в составе рабочих колонн НКВД. Из-за недостаточного питания, тяжёлой физической работы при любой погоде без соответствующей одежды, массовых инфекционных заболеваний при отсутствии лекарств, несчастных случаев на производстве среди рабочих строителей смертность была чрезвычайно высокой. Рядом с лагерем был лазарет, в который помещали истощённых, потерявших трудоспособность. Около лазарета и хоронили умерших.

[1] Котласское историко-просветительское общественное движение.

[2] Дзюба П. Страшно ходить по костям // «Точка» (г.Котлас), 27.10.2005.

Захоронения производили в общих ямах (траншеях). Когда строительство моста было закончено, кладбище уже занимало большую территорию. Эту территорию в начале пятидесятых годов отвели под промышленную застройку. Населению было предложено перезахоронить родственников, если там были их могилы. У большинства строителей моста родственников в Котласе не было. Строить здания цехов начали в 1952 -53 годах прямо на лагерных захоронениях»[1].

Судьба и власть были немилостивы к погибшим строителям моста. Несколько десятков лет по ним катались железнодорожные краны, а теперь должны были ездить автомобили. От следователя прокуратуры И.А. Дубровина получила ответ, что в возбуждении уголовного дела отказано и ей предложено согласовать мероприятия по перезахоронению с администрацией города[2].

Организацию перезахоронения взяло на себя общество «Совесть». 7 октября 2005 года в Свято-Стефановской церкви прошла панихида. Останки захоронили на маленьком уцелевшем участке кладбища.

Мы решили у себя в музее «Макариха» организовать выставку о строителях железнодорожного моста через Северную Двину. Мы увидели, что хорошо исследована история трудармейцев, так как их лагерь находится на правом берегу Двины рядом с городом. Многие бывшие трудармейцы после войны проживали в городе Котласе. А вот история строителей — заключенных, лагерь которых находился на левом берегу Двины, не изучена. Сведений о них мы не встретили ни в периодической печати, ни в воспоминаниях, хранящихся в архивах Котласского краеведческого музея. Мы сделали запрос в информационный центр УВД Архангельской области. Но оттуда пришёл ответ, что материалами по данной теме они не располагают и посоветовали обратиться в Ухту.

Ухтинский архив в настоящее время недоступен, так как его фонды переводятся в Сыктывкар. Тогда мы отправились в экспедицию на левый берег Северной Двины. Обошли деревни, прилегающие к железнодорожному мосту. Нам удалось встретиться со старожилами, которые были очевидцами строительства моста в годы Великой Отечественной войны. С их помощью мы определили место, где находилась зона, и место захоронения погибших заключённых-строителей.

[1] Дубровина И.А. Пояснительная записка в межрайонную прокуратуру (25.05.2005).

[2] Ответ старшего следователя Попова А.Н. председателю правления КИПОД «Совесть» Дубровской И.А. (30.05.2005).

История с перезахоронением человеческих останков, экспедиция на левый берег Двины заставила нас задуматься о судьбе мемориального кладбища Макариха. У нас возникла идея написать работу по истории этого кладбища и захоронений на территории Котласского района в XX веке.

Из архива Архангельского УВД мы получили 14 фотографий Макарихи 30-х годов. Большинство из ранее не публиковались и впервые использованы в нашей работе. По истории захоронения на кладбище Макариха воинов Великой Отечественной войны, умерших в эвакогоспитале, мы использовали два источника из архива Военно-медицинских документов Министерства обороны России. «Учетная карточка эвакуационного госпиталя 2520» позволила нам установить время дислокации этого госпиталя в Котласе.

Наибольшее внимание мы уделили работе с устными источниками. В городе Котласе проживают люди, которые в детские годы были свидетелями событий на Макарихе.

Макариха. Первое упоминание

Мы начинаем историю некрополя Макариха с попытки определить дату его возникновения. Известно, что кладбища чаще всего были при церквях, монастырях. Наша территория не явилась исключением. Один из первых краеведов Котласа Василий Андреевич Потапов в своей рукописи пишет о погосте с церковью на берегу Малой Северной Двины.[1] Имеется ввиду Стефановская церковь в деревне Петрухинской. В этой же рукописи мы находим сведения, что «захоронения на этом кладбище прекратились в начале 20 века».[2] Точной даты переноса кладбища на Макариху нам найти не удалось. Но в годы гражданской войны оно находилось уже на Макарихе.

Макариха — пересыльный лагерь

Макариха была кладбищем, на котором хоронили умерших жители города Котласа и близлежащих деревень. И ничем особенным оно не выделялась среди прочих погостов до 1930 года. Роковую роль в судьбе Макарихи сыграла ее выгодное географическое расположение. С одной стороны — близость рек Вычегды и Двины, с другой — железная дорога. На территории рядом с кладбищем был организован пересыльный лагерь для раскулаченных крестьян. Их по железной дороге привозили на Макариху, а затем по рекам доставляли в лесную глухомань добывать «зеленое золото».

[1] Потапов В.А. Котлас (Рукопись, 1960). С.28.
[2] Потапов В.А. Котлас (Рукопись, 1960). С.3.

Макариха – поселок крестьян-спецпереселенцев

Первые крестьяне-спецпереселенцы появились на Макарихе в 1929 году. Густав Викентьевич Лиходеевский родился в селе Будаваня Минской области. Он вспоминает: «Осенью 1929 забрали урожай, скот. В октябре привезли в Котлас. Поселили в бараках, бывшие конюшни для солдатских лошадей»[1]. Из Западной Белоруссии была раскулачена и выслана семья Червинских. Из воспоминаний Фелицы Игнатьевны Червинской: «В конюшнях до того стояли кони, больные сапом. Навоз за ночь оттаивал, утром выгребали. Детей старались поднять повыше, где потеплее. От заражения ядовитыми парами умирали дети и старики. У одной женщины за неделю умерли 7 сыновей в возрасте от 3 до 15 лет»[2].

С февраля 1930 года через Вятку по железной дороге в Котлас стали прибывать эшелоны высланных «кулацких семей». Гужевые этапы шли через Вологду. С прибытием этапов началось строительство ссыльными примитивных бараков вблизи кладбища Макариха.

[1] Воспоминания Лиходеевского Г.Д. (архив ККМ, папка № 50).
[2] Воспоминания Червинской Ф.И. (архив музея «Макариха»).

Как строились бараки? Воспоминает Фёдор Андреевич Селиванов: «Стропила почти до земли, сверху матица, затем обрешётка, и лапами ели, сосны покрывали. Сверху насыпали песок. Как шалаши были. Пола не было. По углам — печки-железки, они топились дежурными беспрерывно. Нары были по обе стороны в три этажа. На нарах, что на тебе есть, то и стелили. Были прорабы, но строили всё временное. Длина — 15 метров, ширина — 6 метров»[1].

Жительница деревни Куимиха под Котласом Мария Матвеевна Цирковцева вспоминает, что спецпереселенцев не только эшелонами доставляли в Котлас, а гнали многих пешком от Вологды. Она «девочкой наблюдала, как доставляли спецпоселенцев. На подводах, санях — дети, женщины и мужчины шли за подводами. У них были узлы и небольшие мешки. Узбеки, таджики — мужчины в полосатых халатах и тюбетейках. А мороз был 30 градусов. Женщины кутались в платки»[2]. Старожил микрорайона Макариха Александр Петрович Елсаков рассказывает: «Пригнали людей, одетых в халаты. Загнали всех в барак, а к утру они и замерзли. Вырыли один огромный ров, всех в нем и завалили»[3].

Макариха 30-х годов была местом страданий не только крестьян. На кладбище есть памятник репрессированным священнослужителям. На нем написаны шесть фамилий и время раскрывает новые имена. Например, от представителей церковной общины Стефановского храма нам удалось услышать историю об отце Макарии. Ее рассказал нам Василий Владимирович Бральнин. Он был совсем ребенком, когда началось разорение храма на Христофоровой пустыне. Дедушка у него был старостой в храме. Василий увидел, как святые образа из храма выбрасывают. Хоть и страшно было ему, но не выдержал, схватил одну икону, и бросился бежать. «Пытался меня один здоровый мужик догнать, да где там!» — вспоминает Василий Владимирович[4]. Принес он святыню домой. Это была икона Спасителя «Моление о чаше». Когда Василий уходил на фронт в 1941 году, мать его этой иконой и благословила. Василий Владимирович твердо уверен, что это благословение его и сохранило. А батюшку Макария с Христофоровой пустыни отправили в лагерь на Макариху. Василий Владимирович вспоминает, что доходили с этого страшного места до них известия об отце Макарии. В лагере он многих поддержал в трудные

[1] Воспоминания Селиванов Ф.А. (архив общества «Совесть»).
[2] Воспоминания Цирковцевой М.М. (архив общества «Совесть»).
[3] Интервью с Елсаковым А.П. от 10.10.2005 (архив музея «Макариха»).
[4] Интервью с Бральниным В.В. от 6.09.2005 (архив музея «Макариха»).

минуты, кому — то помог выжить, а вот сам погиб. Церковная община котласского храма уверена, что спецпереселенцы в память о нем стали называть это место Макарихой[1]. Это еще одна из версий происхождения названия «Макариха».

В 1930 году на Макариху попал «чудесный доктор» евангелист Лука, в миру Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий. Архиепископ, хирург, психолог, богослов[2]. В своей автобиографии он пишет: «По приезде в Котлас нас поместили за три версты от него, на песчаный берег Двины, в лагерь, получивший название «Макариха», состоявший из двухсот бараков, в которых целыми семьями жили раскулаченные крестьяне очень многих губерний. Двускатные досчатые крыши бараков начинались прямо от песчаной земли. В них было два ряда нар и срединный проход. Во время дождей через гнилые крыши лились в бараки потоки воды»[3]. Далее Лука Крымский вспоминает, что его перевели с Макарихи в Котласскую больницу как хирурга. «Перед самым моим переводом в Котлас в Макарихе вспыхнула эпидемия сыпного тифа. Жители Котласа мне рассказали, что год тому назад в Макарихе тоже свирепствовали сыпной и другие тифы, и эпидемии чуть ли не всех детских заразных болезней. В это страшное время на Макарихе каждый день вырывали большую яму и в конце дня в ней зарывали около 70 трупов»[4]. Современный житель Макарихи Яков Васильевич Кононов вспоминает по рассказам своих родителей (сам он родился на высылке в 1931 г.): «Нашу семью выслали из Белоруссии за отказ идти в колхоз. Всего семь человек: мать, отец и пятеро детей от 2 до 12 лет. Дети заболели скарлатиной. Похоронили всех пятерых за одну неделю. Каждое утро мать ходила на кладбище, ноги не держали от горя»[5].

Обитатели барака № 47 на Макарихе писали в Москву: « Мы все никогда не раздеваемся. Хлеба не хватает, дают 300 граммов, кипятку нет совсем...Бараки все обвалены дерьмом, народ мрет»[6]. Благодаря письмам и телеграммам в правительство в апреле 1930 года была создана комиссия для проверки положения кулаков в Северном крае.

[1] Интервью с Бральниным В.В. от 6.09.2005 (архив музея «Макариха»).
[2] Куратов А.А.Православные святыни и святые в истории Архангельского Севера. Архангельск, 2004. С.131.
[3] Святитель Лука Крымский. Я полюбил страдания. Автобиография. М.,2004. С.71.
[4] Святитель Лука Крымский. Я полюбил страдания. Автобиография. М.,2004. С.71-72.
[5] Интервью с Кононовым Я.В.от 6.08.2005 (архив музея «Макариха»).
[6] Козлов В.А. Неизвестная Россия. 20 век. Архивы. Письма. М., 1992.

Она установила, что незаслуженно раскулачены и направлены в Северный край 300 тысяч человек. Было разрешено отправить к родственникам на родину детей, но из раскулаченных отпущены были лишь единицы. Положение спецпереселенцев в крае почти не улучшилось, проверка не помогла[1].

Установить количество людей, погибших на Макарихе практически невозможно. Не всегда велся учет при раскулачивании и высылке. Например, «в документах архивного фонда Турковской районной особой комиссии по раскулачиванию за 1930 — 1941 годы списка членов семьи раскулаченного Топоркова Игната Михайловича не имеется»[2] — такой ответ получил А.И. Топорков о семье своего отца из Государственного архива Саратовской области. Порою только устные воспоминания родственников позволяют установить факт гибели людей на Макарихе. Например, в семье Крейдер, немцев- спецпереселенцев из Поволжья, вспоминают о смерти в шалаше на Макарихе самого младшего из семьи, грудного младенца Александра[3]. К властям порой было обращаться бесполезно. Так В.Н. Станишевский на свой запрос в ЗАГС г.Котласа получил ответ: «Регистрация смерти ваших братьев Станишевских по городскому отделу за 1930 год не значится»[4].

Юхим Спиридонович Михайлов

Есть на кладбище Макариха одна заброшенная могилка. На ней установлен оригинальный памятник — крест с четырьмя солнцами (три по краям и одно по середине). По версии Ирины Андреевны Дубровиной, председателя Котласского общества «Совесть», могила принадлежит украинскому поэту, художнику, музыканту Юхиму Спиридоновичу Михайлову, скончавшемуся 15 июля 1935 года в Котласе[5].

Юхим Спиридонович, председатель общества охраны памятников, директор художественного училища, профессор обвинялся по ст.54 п.11 УК УССР. Его выслали 27 марта 1934 года за пределы УССР на Север на три года за то, что он, якобы, состоял членом контрреволюционной организации[6].

[1] Ханталин Р.А. Невольники и бонзы. Архангельск, 1998. С.78.
[2] Архивная справка Топоркову А.И. из Государственного архива за № 4180-3 (архив музея «Макариха»).
[3] Интервью с Крейдером А.Ф. от 10.09.2005 (архив музея «Макариха»).
[4] Справка Станишевскому В.Н. из ЗАГСа г.Котласа. (архив музея «Макариха»).
[5] Свидетельство смерти Михайлова Е.С. (архив общества «Совесть»).
[6] Десяткин О.В. О чем поведал крест... // «Двинская правда», 23.09.2005.

Художник Юхим Михайлов родился в 1885 году в Олешках, на юге Украины. Творческая судьба его началась с учебы в Строгановской художественно-промышленной школе, затем учеба была продолжена в Московском училище живописи, скульптуры архитектуры под руководством преподавателей — известных художников В.Серова и С. Коровина. Очень много в творчестве художника значила украинская культура. Его тяга к народным традициям, стремление к поиску новых идей, а также и участие в некоем музыкальном обществе — все это было расценено как «политическая неблагонадежность». Результатом явилась высылка из Киева на Север. В Котласе он провел последние, самые тяжкие дни своей жизни, обреченный на разлуку с семьей, родиной. Юхим Михайлов нашел работу декоратора в рабочем клубе. До его приезда это место занимал местный житель — большой пьяница. Потеряв работу, он начал кампанию против Михайлова. Он повсюду выступал: «Враг народа работает, а я лишен работы». Нервные потрясения не прошли бесследно, Юхим Спиридонович тяжело заболел. Его можно было забрать как хронического больного на поруки, вернуть в Киев. Но у его жены Ганны в тот момент не оказалось паспорта. В милиции города Киева ей вручили приказ на выезд из Киева за 60 км в течение 24 часов и забрали паспорт.

Юхима Спиридоновича похоронили в Котласе.

Ганна Михайлова в годы второй мировой войны прошла через многие лагеря беженцев в Словении, Австрии, трудилась на принудительных работах в Германии, но сохранила более двухсот картин погибшего мужа[1]. В киевском музее есть картина Михайлова под названием «Улица в Котласе в дождливый день». С.Лисянская в 1997 году писала: «Где находится его могила — никому не известно»[2]. Но в сентябре 2005 года обнаружились доказательства, что предполагаемая ранее могила Юхима Михайлова таковой и является в действительности.

«Памятник имеет такую же форму» — вспомнила Ирина Андреевна Дубровина.

Разговоры о сталинских репрессиях стали столь привычными, что порой кому-то могут показаться пустыми словами. Но совсем другое дело, когда сталкиваешься с конкретными человеческими судьбами.

[1] Ноговицин В. Я не сегодняшний, чужой, час моего прихода долог... // «Двинская правда», 15.05.1993.
[2] Лисянская С. Его последним пристанищем был Котлас... // «Вечерний Котлас», 17.01.1997.

Макариха в сороковые годы

22 июня 2005 года в Котласе на кладбище Макариха был открыт памятник умершим от ран и болезней в Котласском эвакуационном госпитале № 2520. Памятник представляет собой три гранитные плиты. На двух крайних плитах поименно написаны все умершие в Котласском госпитале, это 16 человек. На средней плите изображён орден Отечественной войны и указана дата: 1941 — 1945 годы.

Эта идея появилась в 2002 году, когда из Архангельского военкомата в Котласский пришли документы. В них были обозначены 18 фамилий умерших в госпитале № 2520. Данная информация стала основанием для установления на территории мемориального комплекса памятника воинам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Познакомившись с архивом поисковой группы «Долг памяти», мы пришли к выводу, что никаких документов, подтверждающих, что эти воины скончались в госпитале от ран, в наличии не имеется. Разобраться в ситуации нам помогли документы из фонда «Эвакогоспиталь 2520», хранящиеся в Военно-медицинском архиве Министерства обороны России. Из «ученой карточки» мы выяснили, что эвакуационный госпиталь 2520 был сформирован 10 июля 1941 года[1]. А был расформирован 18 сентября 1942 года[2]. В «Докладе о работе эвакогоспиталя 2520» мы проанализировали главу «Исход». Из нее видно, что всего поступило за время работы госпиталя 1081 человек. И ошеломляющая запись: «не один больной, поступивший с Карельского фронта, в госпитале не скончался»[3]. Кто же умирал в госпитале? Кого хоронили на Макарихе? В «Докладе» дан четкий ответ: «Что касается гарнизонных больных, то из общего числа поступивших — 176 человек, умерло 50 человек. Причина смерти: туберкулез легких в стадии декомпенсации, общее истощение на почве тяжелой цинги»[4]. Кто такие «гарнизонные больные»? Обратимся к сводной таблице. В ней под № 13 Руут Эдуард Антонович, эстонец, по графе ФЭП служил в

[1] Учетная карточка эвакуационного госпиталя 2520, л.1. Архив Военно-медицинских документов Министерства обороны России.
[2] Учетная карточка эвакуационного госпиталя 2520, л.3. Архив Военно-медицинских документов Министерства обороны России.
[3] Доклад «О работе эвакогоспиталя 2520 с 1 августа 1941 г. по 1 июня 1942 г.», л. 19. Архив Военно-медицинских документов Министерства обороны России.
[4] Доклад «О работе эвакогоспиталя 2520 с 1 августа 1941 г. по 1 июня 1942 г.», л.19. Архив Военно-медицинских документов Министерства обороны России.

рабочих колоннах НКВД[1]. Старожилы Котласа хорошо помнят эстонцев в городе в период войны: «Привозили много, высокие, но быстро пропадали в наших краях»[2]. Летом 2004 в музее Макариха побывал гражданин Канады эстонец Томас Селга. Он рассказал нам о судьбе эстонцев в рабочих колоннах. «Наша жизнь ничем не отличалась от жизни заключенных. Разве что их не охраняли и не держали за колючей проволокой. Мобилизованы был эстонцы насильно, работали на пилораме и в лесу. Питание было скудным. Пайка хлеба, каша и соленая треска выдавались при условии выполнения нормы. Бывали случаи, когда по два-три дня совсем не давали и хлеба. Рабочую одежду не выдавали, в морозы работали без рукавиц. Не было валенок и портянок. Я работал в пиджаке и ботинках. Голодные солдаты эстонских «рабочих колонн НКВД» пытались красть свиней, коз, взламывали замки сараев, воровали овес у лошадей, ели падаль. Были кишечные заболевания, которые лечили только раствором марганцовки. От голода и холода многие умирали. Умерших закапывали неглубоко, засыпали снегом с песком. Сил не было у хоронивших»[3]. То есть, исходя из данных архивов, на Макарихе похоронены не воины, раненные на Карельском фронте, а те, кто был в рабочих колонн НКВД. Устные источники дополняют, что в большинстве это были депортированные эстонцы.

Во время уборки кладбища Макариха учащиеся нашли необычный крест. На нем надпись на немецком языке: «Покойся, Фридель». Представители немецкой общины города Котласа рассказали нам, что после войны в Котлас на спецпоселение были направлены немцы — репатрианты. Среди них был страшный голод. В 1947-1948 годах многие скончались от истощения. Христиан Морлок отмечает, что его мать умерла в 1947 году. В документах о смерти значится: « дистрофия третьей степени»[4].

Макариха стала местом упокоения людей, которые были насильно, как в 30-е годы, доставленных в Котлас.

[1] Сводная таблица «Воины, умершие от ран и заболеваний в эвакогоспитале № 2520» (архив группы «Долг памяти»).
[2] Интервью с Елсаковым А.П. от 10.10.2005 (архив музея «Макариха»).
[3] Интервью с Томасом Селгой от 10.07.2004 (архив музея «Макариха»).
[4] Интервью с Морлок Х. от 12.08.2005 (архив музея «Макариха»).

Послесловие

После закрытия кладбища Макариха на этой территории неоднократно производились разные работы. В 1962 году началось строительство насыпи для автодороги в Лименду. Землю для насыпи брали в юго-западной части кладбища. В результате появился большой заболоченный карьер. По генеральному плану застройки города от 1973 года на месте кладбища предполагалось создать парк. Наша учительница Милитина Владимировна Клапиюк заканчивала десятый класс в 1977 году. Она рассказывала нам следующее: «На уроках истории мы рассматривали вопросы перспективного развития Котласа. Когда учитель истории рассказала, что на месте кладбища на Макарихе будет разбит парк отдыха, мы, старшеклассники, были рады. Нас радовало, что под боком будут аттракционы, танцплощадка и прочие развлечения. И не нашлось в целом классе ни одного человека, кого бы смутила данная перспектива».

Нам сегодня трудно понять образ мыслей «советского» человека. Как можно танцевать на костях?

К счастью, этим планам не суждено было осуществиться. В 21 век кладбище вступило с новым статусом. По инициативе Котласского городского историко-просветительского общественного движения «Совесть» и на основании решения № 86 восьмой сессии Собрания депутатов первого созыва г.Котласа от 23 апреля 1998 г. оно стало мемориальным.

Захоронения «чужаков»

Наш край стал местом расправы для сотен тысяч жертв сталинской системы. Что мы знаем об их захоронениях? Почти ничего. В архиве мы нашли воспоминания о случае 1991 года в Сольвычегодске. При разработке участка под застройку было обнаружено братское захоронение — 35 скелетов без признаков гробов и одежды. Судмедэкспертиза останков производилась в Санкт-Петербурге. Было установлено, что давность захоронения около 50-ти лет. Возможно, это было захоронение жертв пеших этапов зимой 1932-1933 годов из Котласа[1]? Старожилы вспоминают, что на этом отрезке этапа трупы не бросали, их укладывали и закапывали в общую яму в Сольвычегодске[2].

Такова была реальность переселения крестьян в 30-е годы 20 века. Это была первая волна « чужаков».

[1] Дубровина И.А. Тезисы выступления на конференции в Сыктывкаре. 1992 г.
[2] Воспоминания Колосовой В.И. (архив ККМ, папка №51).

Новые захоронения чужаков появились на территории Котласского района в 1940 году. 1940 год — трагическая веха в истории польских семей. Речь идёт о развернувшейся с начала 1940 года депортации вглубь СССР сотен тысяч жителей западных областей УССР и БССР. Это были спецпереселенцы из числа «осадников». Так называли земледельцев-колонистов, получивших наделы от польского правительства за участие в войне 1920 года против Советской России. Это были также члены семей репрессированных польских офицеров, полицейских, помещиков, фабрикантов, крупных чиновников. В этой волне были и спецпереселенцы — беженцы, то есть лица, нелегально прибывшие в западные области УССР и БССР с польских территорий, оккупированных немцами[1].

Когда активисты музея «Макариха» были в поисковой экспедиции в посёлке Шипицино, они встречались с местными жителями, которые в 1940 году выполняли повинность по перевозке на подводах поляков—спецпереселенцев, направленных в глухие лесные местности. О поляках—спецпереселенцах 1940 года вспоминают современные жители Макарихи, ранее проживавшие в населённых пунктах Котласского района. Воспоминания о поляках-спецпереселенцах этого периода сохранялись у Зинаиды Семёновны Горячих (в девичестве — Лысцева). Зинаида Семёновна сейчас живёт на улице Устье (микрорайон Макариха). Детство и юность прошли в деревне Шумилово Удимского сельского совета Котласского района. Зинаида Семёновна Горячих родилась в 1927 году, то есть в 1940 году ей было 13 лет. Она вспоминает, что перед Великой Отечественной войной в их местность привезли много поляков. Поляки голодали. Сначала ходили, выменивали вещи на еду. Наш информант вспоминает: «Вошла невысокая девушка. Отец больной лежал. Я не понимала, что она говорит. А отец сразу понял: хлеба просит. Девушка совсем молоденькая, красивая, одета в зелёное шерстяное платье, туфли лаковые». Когда вещи у переселенцев закончились, голодные люди вынуждены были ходить побираться. Зинаида Семёновна вспоминает: «Мимо нашей деревни проходила большая дорога Котлас — Приводино — Великий Устюг. Поэтому к нам в деревню многие заходили. И хоть тогда все плохо жили, старухи и старики жалостливые были, всё чего — то попадут. Но от голода, болезней очень много людей умирало». Рассказывая о поляках, Зинаида Семёновна часто в своих воспоминаниях возвращалась к двум лицам: девушке Ксении и юноше Фёдору. Их из

[1] Костырченко Г.В. Лихолетье войны и закат Сталинизма // История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР. М., 2002. С.151.

жалости приютила у себя одинокая старушка. Повезло Ксении и Фёдору и с работой: они устроились на маслозавод. «Фёдор возил в Приводино масло на лошадях, а Ксения в ручную крутила маслобойню. Хоть и трудно было Ксении, но от голода не умерла. Приехало поляков много, а выжила только эта пара. У нас в Шумилово они и поженились. Долго жили Смаковские в наших местах. Свой дом в Удиме построили. Двух дочерей выучили в Архангельске: музыкальные работники».

Судьба многих складывалась гораздо трагичнее. Вот что вспоминает и Зинаида Семёновна: «Народу по дороге ходило много, побираются, а ноги-то уже не носили, голодные, упадут и умрут. Дети бегают и натолкнутся. Мой отец, Семён Максимович Лысцев, в молодости на флоте служил и был уже больным человеком. Но прибегут племянники, скажут, что опять покойник у дороги лежит. Отец позовёт младшего брата Ивана, и они идут хоронить. Мать, бывало, на отца бранится, что сам еле живой, с трудом ходишь. А отец отвечает: «Нельзя, чтобы люди валялись». Но умирало так много, что хоронить основательно сил не хватало. Отец говорил матери: «Хоть как-то захоронить. Ямы неглубокие делаем, дёрном присыпаем». Зинаида Семёновна не помнит, сколько человек похоронил отец и дядя. Но её память основательно зафиксировала место, где делались эти захоронения: «Место — можжевельник, Шарчиха, ближе к дороге. Недалеко от станции Удима была деревня Студениха. На высоком месте стояла школа. А вниз от школы — можжевельник. Вот в этом низком месте и хоронили поляков. Все в деревне об этом знали, никто ничего там не делал и позже»[1].

Мария Прокопьевна Елсакова, детство и юность которой прошли в поселке Приводино, помнит, что недалеко от Приводино были бараки, в которых жили поляки. Она видела, как дети и старушки группами, человек по десять- пятнадцать ходили в лес. «Наши то всё больше с корзинками, а они с кувшинами да с ведёрками». Но ягоды и грибы не могли спасти умирающих от голода людей. «Ходят, ходят и упадут. Их в лесу и закопают. А на этом месте берёзовый кол поставят. Мы идём, видим, берёзовый кол стоит, ну, значит, поляк лежит. Много по лесу таких колов стояло»[2].

Далее — трагическая история строительства железнодорожного моста через Северную Двину в годы войны.

Тамара Сабурова пишет: «В 1938 году образуется Севжелдорлаг — для строительства железной дороги от Котласа до Воркуты и

[1] Интервью с Горячих З.С. от 6.08.2005 (архив музея «Макариха»).
[2] Интервью с Елсаковой М.П. от 18.08.2005 (архив музея «Макариха»).

Севдвинлаг — для укладки полотна от Коноши до Котласа. Севдвинлаг насчитывал 61 отделение, в каждом из которых было до 35 и более лагпунктов, колонн, участков. Бараки заключённых тянулись вдоль строящейся магистрали, и каждый перегон, и мостовой переход, каждая станция построены ими[1].

Осенью 2005 года во время экспедиции на левый берег Двины мы познакомились со старожилом деревни Новое Село Василием Александровичем Шиляковым. Он указал нам место захоронения заключённых- строителей моста через Северную Двину**.** Он хорошо помнит время строительства моста. Место, где находилась зона, население ещё долго называло Колонной. В Новом Селе жили начальник колонны и взвод стрелков. Призывали в этот взвод и местных пожилых жителей. «Всего из нашей деревни во взводе охраны служило три человека. Василий Александрович Дудников рассказал нам о том, что сам видел, а также о том, что слышал от односельчан, служивших в охране. Он вспоминает: «Положение заключённых не было одинаковым. Одни не могли выйти из зоны, у других были пропуска. Срок на выходе, вот им и давали пропуска. Этим было чуть-чуть полегче. Хоть какое-то пропитание могли найти. В Вондокурье была силосная башня. Они в эту башню заберутся. А у нас в деревне оперативник, встретит и всё выкинет.

Спрашивает:

— Чего несёшь?

— Гражданин начальник, капустку.

— Будет тебе свинцовой капустки!

По осени таскали с полей капусту, картошку, зерно. Прятали, нары были с двойным дном. Меленки были маленькие из железа. Перемелют зерно, кашу сварят»[2].

Мы слушаем и понимаем, что таким образом часть заключённых могла поддерживать свои силы, притом, только летом и осенью. А остальное время? Василий Александрович, отвечая на наш вопрос, ссылается на рассказы односельчан: «Дадут черпачок болтушки. Поэтому силы быстро покидали людей. За день умирало около 50 человек. Восстанавливая события полувековой давности, наш рассказчик отмечает страдания заключённых от морозов: «Зимой температура — 40. Мы в такие дни старались из дома без особой нужды не выходить. А они работают. Одеты в бушлат изношенный, на ноги тряпки намотаны». О работе на мосту Василий Александрович вспоминает: «Мне было две-

[1] Сабурова Т. Рабы 20 века // «Правда Севера», 27.08.1998.
[2] Интервью с Шиляковым В.А. от 10.09.2005 (архив музея «Макариха»).

надцать лет. Мать посылала в город обменивать молоко на хлеб. Охрана меня знала и пропускала через мост. Во многих местах мост ещё был не достроен. На огромной высоте переброшены две доски, приходилось по ним перебираться. А ветер, бывало, страшный на высоте. Того и гляди порывом сбросит. А они от голода и без того шатаются. Ветер дунул — человек и упал»[1].

У этих строителей могил не было: утонул в реке, унесло весной со льдом. Тех, кто умирал от истощения, от болезней в лагере, хоронили на кладбище. Василий Александрович Шиляков рассказал нам, что зона была «с этой стороны линии, до нашей деревни метров 800. А хоронили заключённых по ту стону линии, метров триста от железнодорожной насыпи»[2].

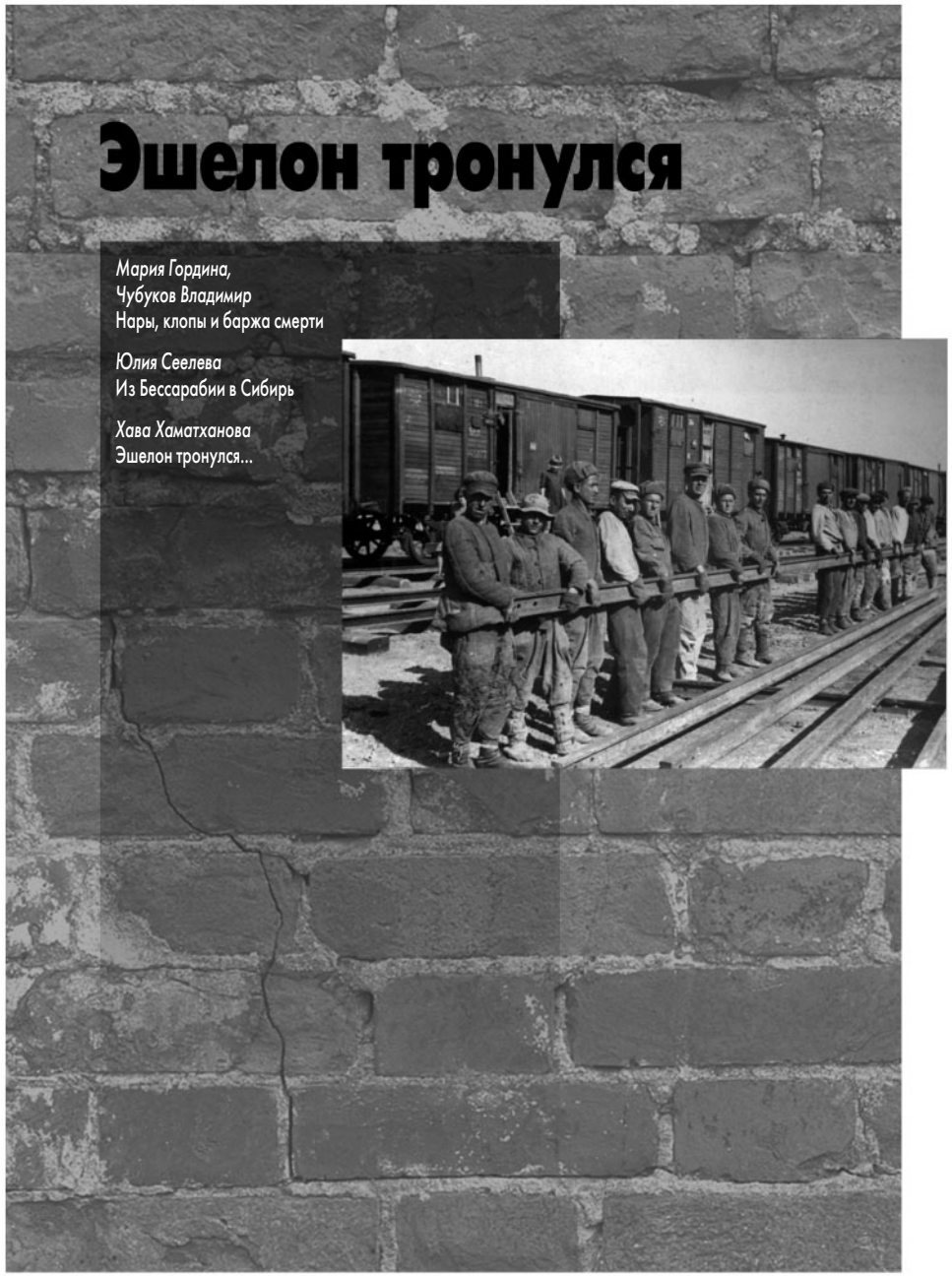
Валентин Александрович Шиляков, младший брат Василия Александровича, вспоминает: «После войны там сенокосы нашего колхоза были. Ещё выделялись маленькие холмики»[3].

Но многие жертвы строительства моста так и не были преданы земле. Ещё в начале 50-х годов местные жители натыкались на кости повсюду: в карьерах, в кустах, рядом с насыпью. «На лугу пасёшь овец, опять кости!»[4].

В архиве Котласского краеведческого музея мы нашли воспоминания В. Клепикова, очевидца строительства моста. Он пишет: «Рядом со строительством железнодорожного моста находились сенокосные угодья. Мы видели, что работа на мосту шла круглосуточно под усиленной военизированной охраной. Непонятно, почему-то крик заключённых, винтовочные выстрелы и всё тихо»[5]. И далее В. Клепиков замечает: «А сколько безымянных кладбищ только на участке стройки железной дороги на территории Котласского района»[6].

Во время экспедиции по берегам левого берега Двины мы познакомились с несколькими старожилами. Некоторые из них категорически отказались говорить с нами. Прошло полвека, как закончился сталинский режим. Время прошло, а страх остался.

[1] Интервью с Шиляковым В.А. от 10.09.2005 (архив музея «Макариха»).
[2] Интервью с Шиляковым В.А. от 10.09.2005 (архив музея «Макариха»).
[3] Интервью с Шиляковым В.А. от 10.09.2005 (архив музея «Макариха»).
[4] Интервью с Шиляковым В.А. от 10.09.2005 (архив музея «Макариха»).
[5] Воспоминания Клепикова В. (архив ККМ, папка № 51/1).
[6] Воспоминания Клепикова В. (архив ККМ, папка № 51/1).

Мария Гордина

Владимир Чубуков
Пермский край, г.Чайковский, профессионально-педагогический колледж, 2 и 1 курсы.
Научный руководитель: В.Н.Исмагилова

Нары, клопы и баржа смерти

В 1937-38 году в Воронцовке арестовали почти всех мужчин—немцев, кому было более 18 лет. Никто из них не вернулся в родное село. Родственники получали такие же ответы из НКВД как и Богеры.

Наш молодой уютный уральский городок, носящий имя известного композитора П.И.Чайковского расположен на юге Пермского края и на стыке трёх территорий: Удмуртской республики, Башкортостана и Пермского края. Строительство города началось в конце 50-х годов в связи с возведением Воткинской ГЭС на берегу Камы. С 1991 года в нашем городе существует отделение Пермского областного общества «Мемориал».

Активисты и добровольные помощники под руководством работников краеведческого музея собирают материалы о жертвах политических репрессий, проживающих в нашем городе. Так мы узнали о судьбе Тобиаса Петровича Богера.

5 октября 2006 ему исполнилось 90 лет. Об этом мы узнали из городской газеты, в которой ко дню рождения Богера вышла небольшая статья под названием «Герой нашего времени... Баржа смерти». Прочитав статью, я рассказала о ней преподавателю истории нашего колледжа, так как в день памяти жертв политических репрессий в нашем колледже традиционно проводятся

беседы и классные часы. По городскому телефонному справочнику мы узнали телефон Тобиаса Петровича и позвонили ему. Очень боялись, что он, сославшись на возраст или болезнь, не сможет с нами общаться. Нам ответил очень бодрый голос и пригласил прийти в субботу. В первую же встречу он нас поразил своей энергичностью и аккуратностью. Тобиас Петрович — замечательный собеседник, грамотный, тактичный и очень культурный человек. В первую встречу он вёл себя настороженно, скованно. В конце беседы, когда мы попросили о новой встрече, он удивился что всё уже рассказал, так-же, как тем, кто раньше приходил до нас. Им хватило информации от первой встречи. Он не сразу поверил в наш искренний интерес и согласился на новую встречу.

В нашей работе мы использовали: устные рассказы Тобиаса Петровича Богера, фотографии семейного архива, личные документы: трудовую книжку, грамоты, материалы переписки с Краснодарским архивом, письма-ответы на запросы из НКВД и справки, а также фрагменты видеофильма, снятого Ниной Тобиасовной в селе Воронцовка Ейского района Краснодарского края в октябре 2006 года, устные рассказы Нины Тобиасовны Богер, протоколы собраний Чайковского отделения общества «Мемориал». Хронику событий с 1953 года мы старались восстановить по личным документам и трудовой книжке. Так, из записи в трудовой книжке мы узнали, что в начале Великой Отечественной войны Тобиаса Петровича привезли в лагерь в Молотовскую область. Такое название наш край носил 17 лет, а теперь уже мало кто об этом знает. (3 октября 1938 года из состава Свердловской области была выделена Пермская область, которую в 1940 году переименовали в Молотовскую).

Богеры в Воронцовке...

Тобиас Петрович Богер родился 5 октября 1916 года в селе Воронцовка Ейского района Краснодарского края. До 1935 года жил с родителями в родном селе. Семья была большая, дружная и очень трудолюбивая. В семье Богеров всегда помнили и чтили своих предков. Вместе с Тобиасом Петровичем нам удалось составить родословное древо, которое начинается с 1854 года. Примерно в это же время село немецких поселенцев получило свое название Михенфельд. Оно входило в земельные владения графов Воронцовых. Прадед Тобиаса Петровича — Иван Иванович Богер — был одним из крупнейших хозяев села. Владел 200 гектарами земли; количество лошадей и коров доходило до 100 голов, разводили овец, птиц, прадед разбил фруктовый сад и довел пасеку приблизительно до 20 ульев. С 1856 года хозяйство постоянно расширялось, помогали сыновья — их было 7 человек. В конце XIX века прадед выделил сыновьям землю и они стали жить своим хозяйством. Дед Тобиаса Петровича — Матвей Иванович, многое обновил в хозяйстве. Его сын (отец Тобиаса Петровича) Петр Матвеевич имел уже огромное хозяйство, схему которого воссоздал Тобиас Петрович. Большой дом, который до сих пор сохранился в селе Воронцовка и почти не изменился, «если и есть изменения, то в худшую сторону». В советское время здесь проживало несколько семей. В настоящее время дом разделен на две части и является частной собственностью двух разных семей.

Семья Богеров

Дом, по описанию Тобиаса Петровича, имел 2 кухни, 2 детские комнаты, просторную гостиную, 3 спальные комнаты для взрослых, кладовку, просторный подвал, огромную веранду. С двух сторон дома — красивые цветочные палисадники, летняя кухня, машинный сарай, амбар, отдельный скотный двор. Для скота, еще в 1856 году, была построена конюшня, поделённая на 4 секции: курятник, коровник, сеновал, конюшня для лошадей. Ближе к дому находились колодец, свинарник, дощатый сарай, туалет, ледник, летняя кухня (или кормокухня, где готовили еду для скотины).

У Матвея Ивановича Богера было 8 детей. Одним из сыновей был отец Тобиаса Петровича — Петр Матвеевич 1898 года рождения. У Петра Матвеевича родились 4 детей: Петр (1915-1938), Тобиас и Марта (1916), Матвей 1925-2005).

В 1925 году братья отца организовали «Товарищество по совместной обработке земли». Таких товариществ и артелей в Воронцовке было несколько. В 1929 году начали создаваться колхозы, колхоз назывался «Neue Weg» («Новый путь»). Многие не хотели сдавать доб-

ро в колхоз: Матвей Иванович (дед Тобиаса Петровича), сказал сыновьям: «Отдайте всё сами. Хуже будет если против пойдете».

В центре села ежедневно шли торги: продавали венские стулья, посуду, мебель, перины, подушки, одеяла, ковры...

Тобиасу Петровичу о благополучной семейной жизни на родной земле напоминает фотография 1932 года, сохранившаяся в семейном архиве. На ней слева направо сидят: отец, младший брат Матвей, мать. Стоят слева направо: Тобиас, старший брат Петр и сестра Марта. (Тобиас и Марта — близнецы).

Тобиас Богер после окончания техникума

В 1933 году на фоне коллективизации начался голод. Жили хорошо только три брата Бельцлеры: они захватили всю власть в колхозе: председатель, парторг, бухгалтер. В 1934 году ломали церковь — этот эпизод особенно запомнился Тобиасу: сняли колокол, сказали, что его отвезут в музей: плакали не только женщины, но и мужчины. Но еще большие испытания и разочарования ждали Тобиаса Петровича впереди.

В 1935 году Тобиас Петрович поступил учиться в техникум советской торговли в городе Энгельс, однако проучившись две четверти, был исключен. Поводом для этого послужило письмо председателя колхоза Бельцлера, направленное в учебное заведение, с просьбой исключить Т.П.Богера из техникума, поскольку «он является сыном кулака, который имеет 200 десятин земли, 20 лошадей и коров, молотилку и прочий инвентарь...» Так Тобиас Петрович был первый раз репрессирован как сын врага народа. Директор техникума очень сожалел о потере хорошего ученика и даже отдал ему письмо председателя. В декабре 1935 года Сталин произнес фразу «Сын за отца не отвечает», которая была воспринята как послабление в отношении детей кулаков. Вскоре Тобиасу пришел вызов из техникума с предложением продолжить учёбу. Но далее произошло следующее. Из рассказа Тобиаса Петровича:

«14 августа 1937 года был арестован мой отец, и это было лишь началом несчастий нашей семьи. Мой старший брат Петр учился на третьем курсе Ейского механического техникума, 31 декабря 1937 года он приехал домой к маме, чтобы встретить Новый год. И тут снова облава. Забирали по списку НКВД всех мужчин села от 18 лет и старше. И надо же было такому случиться: мой дядя был в том страшном списке энкавэдэшников — его должны были арестовать. Но он как раз собирался везти рожать в больницу свою беременную жену. Слуги НКВД растерялись, спрашивают — нет ли кого знакомых, кто бы смог отвезти мою тетю в роддом. Бабушка, не подумав, сказала, что приехал племянник-студент. Они проверили список — Петр в списках не значился — ему и было поручено везти тетю в больницу. А утром 1 января 1938 года брата арестовали, дописав карандашом его имя в список».

Отца и дядю обвиняли в подготовке заговора против Советской власти.

Тобиас Петрович делал неоднократные запросы, чтобы узнать о судьбе своих близких, но до 1956 года ответ был всегда один: «*Осужден «тройкой» на 10 лет без права переписки, отправлен в дальние лагеря*».

В 1937-38 году в Воронцовке арестовали почти всех мужчин—немцев, кому было более 18 лет. Никто из них не вернулся в родное село. Родственники получали такие же ответы из НКВД как и Богеры.

В 1939 году Тобиас Петрович закончил техникум и вернулся в село с дипломом бухгалтера. В день приезда домой его сфотографировал знакомый фотограф. До призыва в Армию (14 мая 1940 года) работал бухгалтером в сельпо.

Жизнь советского немца до реабилитации

Из рассказа Т.П.Богера:

«Войну я встретил на советско-германской границе. Служил на Западной Украине в городе Красноармейске (бывшая Радзивиловка). В первый же день войны часть подверглась бомбардировке, всех служащих быстро собрали и начали отводить на восток. Передвигались в основном ночами. Привалы делали на кладбищах или у церквей, т.к. в первые месяцы войны немцы по храмам не стреляли.

В деревне Почаево у нас у нас был привал на ночь, на кладбище у церкви (костела). В 4 часа утра мы собрались в путь, во время завтра-

ка раздался колокольный звон и тут же налетели немецкие мессершмиты и стали нас обстреливать и бомбить. И так мы передвигались под обстрелами до ст. Белая Церковь (под Киевом), где при посадке на платформы нас последний раз обстрелял Мессер. А фашистов за время своего участия в войне я ни разу не видел». Под Таганрогом на станции Неклиновка провели переформирование части, всех немцев сразу же демобилизовали и отправили на спецпоселение в Быстро-Истокский район Алтайского края. Так Тобиас Петрович навсегда потерял свою малую родину. Не мог узнать о судьбе своих близких. Через много лет выяснилось, что все они не договариваясь искали друг друга одним способом: писали письма в Воронцовку, в свой дом. Счастьем было то, что его новая хозяйка — Полина Григорьевна Сюсюра — оказалась душевным человеком: она пересылала весточки родным.

Среди них была двоюродная сестра Тобиаса Петровича Екатерина. Ей было 23 года — у нее был грудной ребенок. О роковом дне жителей села Воронцовка (3 октября 1941 г.) Тобиас Петрович узнал много лет спустя из рассказов матери, сестры Марты и Екатерины Вениаминовны. Война сразу разлучила всех Богеров, ехали они в разных грузовиках, вагонах и попали в разные места.

Из рассказа Екатерина Вениаминовны (октябрь 2006 г.):

«Жестокая участь постигла всех жителей немецкого села Воронцовка в начале войны. Мужчин «забирали» с 1937 года — это уже становилось обычным делом, но то, что произошло 3 октября 1941 года — коснулось абсолютно всех: от грудных детей до почти столетних стариков. Утро начиналось спокойно, люди шли на работу, занимались хозяйством. На въезде в деревню остановилась машина с милиционерами. Они пошли в деревню. По дороге встретили девушек, которые шли на работу на ферму. Милиционеры велели идти девушкам по домам, собирать народ. Долго не ждали, собравшимся объявили, что их всех выселяют из села, скоро придут немцы. На сборы дали 24 часа. Собравшиеся жители Воронцовки с вещами шли к бывшей церкви. Катерина помнит, что они взяли сундук, посуду, муку. Катя ехала с ребенком и бабушкой (свекровь). Муж её ушел в Армию сразу же после Тобиаса Петровича — 24 мая 1941 года — и пропал навсегда. На станции всех посадили в поезд, ехали в телячьем вагоне. Сопровождал русский лейтенант. Всё, что происходило с ними 50 лет назад Екатерина помнит очень подробно и рассказывает об этом так, как будто это было вчера. Куда везут? Надолго ли? Хотелось знать, стали спрашивать у сопровождающего Иванова, а он говорит «Сам не знаю». Мы ему верили, т.к. он оказался

порядочным человеком, помогал нам. Поезд часто останавливался, видимо правительство еще не знало, куда нас везти. Поезд шел на Восток, потом резко поворачивал назад или на юг. Везли то в Казахстан, то в Сибирь. Катались больше месяца. Стало очень холодно, «вагон» топить нечем. На одной из станций лейтенант велел всем молодым женщинам выйти и ломать деревянный забор. Женщины сопротивлялись — они не привыкли брать чужое, а тут еще и ломать постройку. Лейтенант настаивал: «Если хотите выжить — ломайте». Тайно натаскали дров в вагон. Лейтенант где-то раздобыл печь — буржуйку. Установил печь и топил её всегда сам. В других вагонах люди повымерзли.

В ноябре выгрузили на станции в городе Юрга. Из Юрги отправили в деревню Крысиловка. Шли пешком. Дали узкие санки. Катя с ребенком и бабушка попали на квартиру с хорошей хозяйкой. Её звали «Одарка». Муж Одарки, уходя на фронт, сказал: «Ты этих людей не обижай, они не виноваты».

Люди по разному относились к прибывшим. Председатель колхоза заранее «готовил» народ к встрече и говорил: «Прячьте шубы, валенки, еду — немцы с рогами едут».

У Одарки было 5 детей, работы невпроворот. Катя старалась ей помогать. Ходила с санками на болото за дровами.

Многое пришлось увидеть и пережить. Труднее всего было переживать голод. Катя много раз видела, как малолетний сын хозяйки отбирал у деда лепёшку, вскоре дед умер. Катя пошла к председателю колхоза просить работу. Зиму и лето носили резиновые калоши, ноги оборачивали тряпками, старым одеялом и завязывали шнурками или тесёмками».

Семья Тобиаса Богера: мать, сестра инвалид, младший брат (1925 г.р.) и дедушка 96 лет были высланы на спецпоселение в Кемеровскую область.

26 января 1942 года Тобиас был мобилизован в трудовую армию. Из города Бийска, где формировался эшелон с трудармейцами, их отправили в Соликамск на работу в «Усольлаг». Из Соликамска всех конвоировали в лагерный пункт Усть-Язьва. Эта местность встретила трудармейцев сурово, вся она была обнесена колючей проволокой. Бараки оборудованы трехярусными нарами с ужасным количеством клопов.

«1 марта 1942 года, — вспоминает Тобиас Петрович, — *с нами провели беседу, разбили повзводно и под конвоем повели в лес на заготовку древесины. В качестве обуви нам дали чуни и калоши из автомобильных шин. Если мы выполняли нормы выработки, то получали паек*

600-700 г. хлеба и двухразовое питание. Тем же, кто не мог выполнить норму, давали по 300 г. Многие из трудармейцев не смогли выдержать суровый климат Северного Урала, особенно зиму... Смертей было много.

Вспоминается один страшный случай. В апреле 1942 года, видимо, по указанию высшего лагерного начальства пункта Усть-Язьва, была откомандирована большая группа трудармейцев (порядка 700 человек) в Ныроблаг. Ответственным за переброску заключенных был назначен главный инженер лагпункта Мочалов. Так вот, этот «нелюдь» додумался отправить полуголодных, плохо одетых людей в железной барже, в наглухо задраенных трюмах, по только что вскрывшейся Вишере. Когда баржу довели буксиром до Ныроба, в живых из заключенных никого не осталось, все замерзли, 4 человека, с которыми я служил в одной роте, попали на эту баржу. Я до сих пор помню их поименно. Такая вот была в моей жизни «баржа смерти». А Мочалова в «наказание» отправили на фронт, говорили, что служил в особом отделе и вроде даже орден получил».

Как вспоминает Тобиас Петрович, в 1946 году их перевели на положение спецпоселенцев, как лиц немецкой национальности, и подчинили спецкомендатуре. Каждую неделю необходимо было отмечаться у коменданта. Отлучаться от места поселения дальше, чем на 5 км, не разрешалось, нарушение каралось карцером или даже судом.

В те годы на Усть-Язьву начали приезжать семьи бывших трудармейцев. Семья же Тобиаса Петровича, учитывая, что и сестра, и младший брат были инвалидами детства, приехать к нему не могли. Работал, в то время Тобиас Петрович, благодаря полученному образованию, главным бухгалтером сплавного рейда и был одним из немногих поселенцев, кто имел на руках паспорт и пропуск для поездок по Пермской области.

«*И решился я на авантюру,* — продолжил свой рассказ Тобиас Петрович. — *Надо сказать, что комендатами в нашем посёлке были разные люди, встречались хорошие, а были и идиоты, которые запрещали даже гулять по посёлку. Так вот, находясь в хороших отношениях с одним из комендантов, уговорил его дать мне пропуск для поездки к матери, в Кемеровскую область. Написал он мне бумагу, но при этом предупредил, что если меня поймают, то на него не ссылаться. И пустился я в опасную дорогу... добрался до матери без проблем, погостил в родном доме, а вот на обратном пути прихватил меня на вокзале в Новосибирске патруль НКВД. Стою перед дежурным, а он сидит и все намекает, чтобы я дал ему подачку. Пришлось сунуть ему новенькую пятидесятку (как раз шла денежная реформа), и сразу же получил «зеленый свет», и только приехав в Пермь, почувствовал себя в безопасности».*

Семья Богеров, Юрга, 1948 г.

В Юрге семье удалось сфотографироваться — эта была первая встреча с близкими людьми, поэтому эта фотография особенно бережно хранится в архиве Тобиаса Петровича.

В 1948 г. Тобиас Петрович был «*оставлен на спецпоселении навечно в местах обязательного проживания без права возврата к месту прежнего жительства*» (именно так было обозначено в справке о реабилитации).

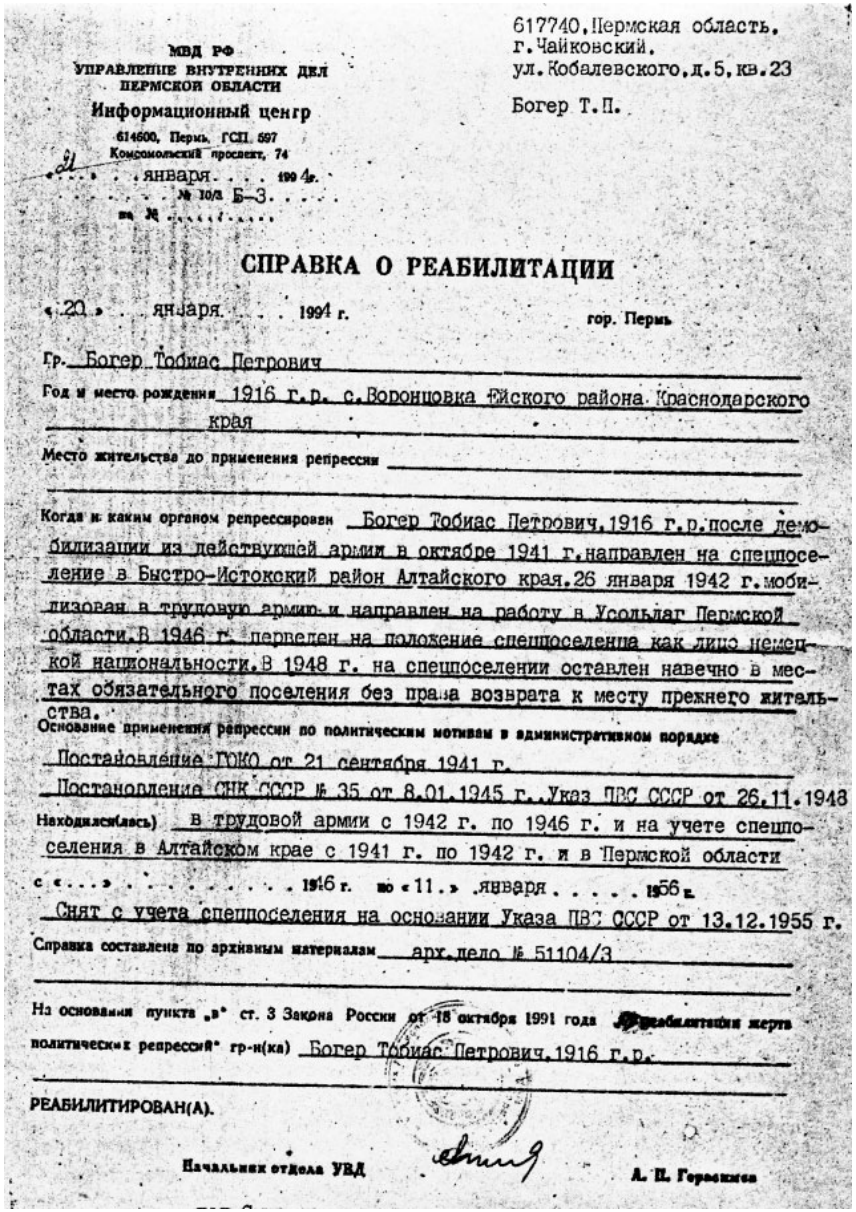
Усольлаг, Ныроблаг — все это лагеря, входившие в единую систему ГУЛАГ.

В Усть-Язьве были и политические заключенные. Неподалеку располагались женские лагеря. Мужчины и женщины работали в разных местах. С 1947 года порядок стал мягче. Можно было свободно перемещаться по посёлку. Ходили в клуб. Тобиас Петрович участвовал в художественной самодеятельности и работал бухгалтером. Здесь же встретил свою любовь. С русскими девушками немцам запрещалось встречаться. В двадцати километрах находился женский лагерь, где были женщины-немки. Хоть и редко, но встречи случались. Так Тобиас Петрович встретил свою будущую жену. Они получили разрешение на брак. Здесь в Усть-Язьве родились дети: дочь Нина и сын Петр.

Трудовую книжку завели в Усть-Язьве — первая запись от 22 февраля 1942 года: «Зачислен рабочим сплава».

Вторая: 26 ноября 1956 года Тобиас Богер был снят с учета спецпоселения — вечное спецпоселение отменили! Многие знакомые семьи стали уезжать из Усть-Язьвы. Тобиас Петрович был назначен главным бухгалтером Красновишерского бумкомбината.

Вел переписку с бывшими трудармейцами, многие из них уехали потом на Кубань, но никто не вернулся в Воронцовку. Видимо директива... «без права возврата к месту прежнего жительства» негласно действовала еще много лет. Это подтверждают и письма знакомых

617740, Пермская область,
г. Чайковский,
ул. Кобалевского, д. 5, кв. 23

Богер Т. П.

МВД РФ
УПРАВЛЕНИЕ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ
Информационный центр
614600, Пермь, ГСП 597
Комсомольский проспект, 74
«...» января 199 4г.
№ 10/3 Б-3
на №

СПРАВКА О РЕАБИЛИТАЦИИ

«20» января 1994 г. гор. Пермь

Гр. Богер Тобиас Петрович

Год и место рождения 1916 г.р. с. Воронцовка Ейского района Краснодарского края

Место жительства до применения репрессии

Когда и каким органом репрессирован Богер Тобиас Петрович, 1916 г.р. после демобилизации из действующей армии в октябре 1941 г. направлен на спецпоселение в Быстро-Истокский район Алтайского края. 26 января 1942 г. мобилизован в трудовую армию и направлен на работу в Усольлаг Пермской области. В 1946 г. переведен на положение спецпоселенца как лицо немецкой национальности. В 1948 г. на спецпоселении оставлен навечно в местах обязательного поселения без права возврата к месту прежнего жительства.

Основание применения репрессии по политическим мотивам в административном порядке
Постановление ГОКО от 21 сентября 1941 г.
Постановление СНК СССР № 35 от 8.01.1945 г., Указ ПВС СССР от 26.11.1948

Находился(лась) в трудовой армии с 1942 г. по 1946 г. и на учете спецпоселения в Алтайском крае с 1941 г. по 1942 г. и в Пермской области с «...» ... 1946 г. по «11.» января ... 1956 г.
Снят с учета спецпоселения на основании Указа ПВС СССР от 13.12.1955 г.

Справка составлена по архивным материалам арх. дело № 51104/3

На основании пункта „в" ст. 3 Закона России от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий» гр-н(ка) Богер Тобиас Петрович, 1916 г.р.

РЕАБИЛИТИРОВАН(А).

Начальник отдела УВД А. П. Герасимов

Справка о реабилитации Т.Богера

трудармейцев, уроженцев Поволжья. Они были немцами Поволжья и после указа ПВС СССР от 13.12.1955 поехали жить в родные сёла, где жили их сёстры, вышедшие замуж за русских, но их выдворили из родных сёл в 10-тидневный срок.

Тобиас Петрович хорошо знает немецкий язык, грамотно пишет, но его дети, особенно дочь Нина, стеснялись своей фамилии. Она прогуливала уроки немецкого языка, по этому поводу у нее даже возникали конфликты с учителями.

В 60-е годы Тобиас Петрович продолжил поиск своего репрессированного отца и других близких. До 1954 года всегда приходил ответ: осужден судом на 10 лет лагерей без права переписки, умер 18 апреля 1943 года в г.Ейске от перитонита. После хрущевской оттепели стал писать во все инстанции. Наконец-то он получил реабилитирующие справки на отца и брата.

Разве что-то изменит справка Военного трибунала Северо-Кавказского военного округа от 6 августа 1958 года л 2/1007 (г. Ростов на Дону), полученная Тобиасом Петровичем? Вернет ли отца?

«Дело по обвинению Богер П. М. — 1894 г.р., уроженца с. Воронцовка Ейского района Краснодарского края до ареста 17 августа 1937 года — колхозник колхоза «Новый путь» Ейского района Краснодарского края пересмотрено военным трибуналом Северо-кавказского военного округа 4 августа 1958 года. Постановление от 5 сентября 1937 года в отношении Богера П.М. отменено и дело прекращено. Богер П.М. — полностью реабилитирован посмертно.

Председатель военного трибунала СКВО — генерал-майор юстиции С.Синильников».

И брат Тобиаса Петровича — Петр Петрович — реабилитирован 30 октября 1957 года Военным трибуналом Ленинградского военного округа.

Тобиас Петрович и все члены семьи тщетно пытались найти могилу отца и брата Петра Матвеевича Богера, оказывается не умершего, а расстрелянного 11 сентября 1937 года в г. Краснодаре. Такие противоречивые документы в разное время получил Тобиас Петрович в ответ на свои запросы.

Последний ответ Тобиас Петрович получил из Главного информационного центра МВД СССР от 01.02.1990 г. №35/3/4 — 81бс, которое уведомляет, что место захоронения Богера П.М. не установлено, родственникам рекомендуется обратиться в УКГБ СССР по Краснодарскому краю.

В 1998 году в Воронцовку из Германии приехала родственница Тобиаса Петровича Екатерина Вениаминовна Семке, которая была очень удивлена тем обстоятельством, что российские граждане до сих пор не могут получить подробную информацию о жертвах политических репрессий по национальному признаку. Еще в 1994 году она привозила на Родину книгу памяти жертв репрессий русских немцев, изданную в Германии 1991 году, где очень много сведений о репрессированных немцах из села Воронцовка Ейского района. Она оставила ксерокопии этих страниц. Книга издана на немецком языке. Тобиас Петрович нашел своих родственников и перевел текст на русский язык:

Петр Матвеевич Богер (1882-1937) — член контрреволюционной фашистской группы, созданной в с. Воронцовка, в 1937 году — расстрелян. 11 сентября 1937 года.

Богер Петр Петрович (1915-1938) — студент, обвинен, как член контрреволюционной фашистской организации, вел среди студентов антисоветскую пропаганду, восхвалял фашистскую систему. Расстрелян 28 февраля 1938 года в г. Краснодар.

* * *

Все члены семьи Тобиаса Богера с 1937 по 1943 гг. были репрессированы. Они лишились дома, своей малой родины. С 1965 года Тобиас Петрович живет в городе Чайковском. Но так уж устроен человек — Родиной он считает то место, где он родился, где жил с родителями, где прошли юные годы, где можно прийти на могилы своих близких людей.

Всё это уничтожено! Кем и во имя чего? Кому от этого стало лучше? Ответ один — «никому». Дом семьи Богеров в Воронцовке — имеет жалкий вид, часто меняются владельцы, нет настоящего, любящего хозяина. Богеры не имеют возможности встретиться всем вместе на родной земле. Хотя, Тобиасу Петровичу отчасти повезло: в Воронцовке все-таки по-прежнему живёт внучка Екатерины Вениаминовны, но живёт она в другом доме.

Тобиас Петрович был выдворен из родного села, только за то, что он немец по национальности.

Постскриптум:

С 1965 года Тобиас Петрович живет в городе Чайковский. До пенсии работал главным бухгалтером Чайковского сплавного рейда.

В 1999 году репрессированных граждан в нашем городе в живых оставалось 3 человека, а в 2005 году остался один Тобиас Петрович.

Юлия Сеелева

г.Томск, гимназия № 24, 11 класс. Научный руководитель: А.В.Коломиец

Из Бессарабии в Сибирь

На станции уже стояли эшелоны, состоящие из товарных вагонов, и было привезено очень много людей — «кулаков». Конвоир согласно имеющегося у него списка выкрикивал фамилии арестованных. Мужчин заталкивали в вагоны одного эшелона, а женщин с детьми — в другой эшелон. Конвоиры торопились, кричали: «Побыстрей, побыстрей!» Мужья, жены их дети обнявшись, горько плакали, кричали от горя. Конвоиры хватали мужчин, отрывали от них жен и детей и запихивали их в вагоны, а женщин с детьми пихали в другой эшелон. На станции стоял дикий крик и плач; кто-то кому-то на прощание что-то наказывал.

В своей работе я расскажу о судьбах людей, которые в период репрессий были высланы из Бессарабии в Сибирь.

После захвата в 1940 году в Бессарабии началась обычная советизация: аресты, расстрелы и депортации. Но особую страницу в истории Молдавии занимает «зачистка прифронтового тыла»: депортация 13 июня 1941 г., когда в Сибирь и Казахстан было выселено 22,5 тыс. человек. В их числе были и семьи моих прадедов.

Ссыльнопоселенцы из Молдавской ССР были высланы в Казахскую ССР, Коми АССР, Красноярский край, Омскую и Новосибирскую области. В целом численность репрессированных в Молдавии по различным оценкам составила 30 389 человек.

А общее число вывезенных на поселение и в исправительно-трудовые лагеря в ходе массовой

майско-июньской депортации 1941 г. составило 106 тысяч человек: 87 тысяч ссыльнопоселенцев и 19 тысяч заключенных исправительно-трудовых лагерей.

Спецпоселение моих прадедов началось в с.Асино Новосибирской области, а закончилось в том же с.Асино, только уже Томской области.

Десятки тысяч таких же людей, как мои прадеды, отбывали ссылку в Новосибирской и Томской областях. Оставшиеся в живых смогли вернуться на Родину лишь во второй половине 1950-х. Большинства уже нет в живых, а сосланные когда-то в Сибирь детишками сегодня пожилые люди. История их пребывания на Томской земле ещё не написана. В ней слишком много «белых пятен» — многие годы тщательно скрываемых фактов жестокого произвола властей, кровавых репрессий, скотского существования и массовой гибели, особенно стариков и детей. Отсутствует даже точная цифра спецпереселенцев — депортированных, в разные годы и не по своей воле оказавшихся в наших краях.

История семьи Настас

8 февраля 1909 года в бессарабском селе Кондратешты Унгенского района Бельцского уезда, в простой крестьянской семье родился мальчик — Василий Настас. Настасиу и Настасэ — это варианты этой же фамилии, этого же человека, встречающиеся в различных официальных документах. Четырьмя годами позже, 3 марта 1913 года, в этом же селе, только в семье побогаче и позажиточней, родилась дочь — Василиса Андронович. О судьбах этих людей и людей, живущих в селе Згордешты этого же Унгенского района, этого же Бельцкого уезда, я хочу рассказать в своей работе.

В 1931 году подросший мальчик Василий, как и многие молодые люди, живущие в его селе, отправился на службу в румынскую армию. В 1933 году, перед демобилизацией офицер на построении сказал солдатам: «Кто хочет поехать домой, сделайте 2 шага вперед». Василий шагнул вперед. Посмотрев на него, офицер пророчески предупредил: «Думаешь, ты домой поедешь? Не домой, а в глубь Сибири». Василий не обратил внимания на эти слова. И вспомнил о них спустя годы.

Вернулся Василий из армии в родное село, жил жизнью простого сельского парня. В 1934 году 16 ноября Вася женился на молодой красавице Василисе. Василиса родила троих детей: сына Яуджена в 1935 году, в 1938 году дочь Аурику и в 1940 году — дочь Лучику.

Василиса воспитывала детей, вела домашнее хозяйство. Василий занимался земледелием: выращивал виноград, фрукты, пшеницу, ку-

Яуджен Настас со своей тетей. Бессарабия, 1937/1938 г.

курузу. Разводил домашний скот и птицу. Были у него — лошади, корова, тёлка, бык, овцы, свиньи, поросята. Также птица: куры, индюки, домашние утки. Были виноградник, фруктовый сад, пахотные земли, участок леса. Василий день и ночь работал в своём приусадебном хозяйстве. Василиса растила детей и помогала мужу по хозяйству.

Но в жизни многих людей советской Молдавии был роковой день, и для молодой четы Настас наступил этот день — 13 июня 1941 года.

Завистники всегда найдутся. Нашлись они и у Василия. «Врагом народа» и «кулаком» стал за то, что работал день и ночь. Старался жить лучше, приобретал земли, технику для её обработки. А вот лодырям и любителям выпивать не нравилось, что у соседей всё спорится и ладится.

Вообще, мне кажется, что для того времени это было характерно. Суть тоталитарного режима состояла в сплошном уравнивании людей. Получалось так, что люди не имели права жить не так как все, не имели права на собственное мнение. То, что в настоящее время кажется нам обыденным и естественным, тогда считалось запретным.

В ту роковую ночь, 13 июня, в дом Василия приехали вооруженные люди на нескольких телегах. Разбудили спящую семью и приказали собираться и усаживаться в подводы. Дети и женщина плакали. Они уже слышали, что кого-то из односельчан увезли так же, как сейчас собирались увезти их. Вооруженные разговаривали с отцом и матерью как с

арестованными только в приказном тоне: «не бери то..., не ходи туда...», даже в туалет нельзя было ходить без охраны. Когда в телеги было кинуто то, что разрешили взять с собой, приехавшие проверили, чтобы родители не забыли взять с собой всех своих детей. Когда собравшихся, обезумевших от ужаса происходящего людей начали отвозить от родного дома, начинало светать, накрапывал дождик — таким они запомнили это утро на всю оставшуюся жизнь. Казалось, что даже природа сочувствовала несчастным, сдернутым с родной земли людям, людям которым больше никогда не суждено, будет вернуться и жить в родном доме.

Вот официальный документ, который решил всё ещё за два дня до того рокового утра, и 13 июня коренным образом изменил судьбу пяти человек:

«Зам. Наркома госбезопасности МССР
капитан госбезопасности Мордовец
«11» июня 1941 г.

СПРАВКА

На Настас Василия Сафроновича

Настас Василий Сафронович 1909 г. рождения
уроженец и житель с. Кондратешты
Корнештского района Бельцского уезда
МССР
по национальности молдаванин,
малограмотный, женат.

Настас в прошлом по социальному происхождению из кулаков, эксплуатировал наёмную работную *(так в документе)* силу. Состоит членом партии либералов.

Состав семьи: жена — Василиса, 1913 г.р.
сын — Евгений, 1935 г.р.
дочь — Аура, 1938 г.р.
дочь — Лучина — 1940 г.р.
Настас Василий Сафронович подлежит аресту.
Начальник Корнештского РО НКГБ
сержант госбезопасности (Филатов)
Начальник уездного отделений НКГБ
лейтенант госбезопасности (Ржавский)
Верно: оперуполномоченный Бельцского РОМВД (С.Перцев)»[1]

1 Арх.д.№ 53745, лист 7

Семью Настас привезли на ближайшую железнодорожную станцию — Унгены. Высадили из телеги людей и выгрузили крохи имущества, что разрешено было взять с собой и что осталось от нажитого. Люди были в шоке от происходящего, плакали и взрослые и дети. На станции уже стояли эшелоны, состоящие из товарных вагонов, и было привезено очень много людей — «кулаков». Конвоир согласно имеющегося у него списка выкрикивал фамилии арестованных. Мужчинам предлагалось проходить в вагоны одного эшелона, а женщинам с детьми — в другой эшелон. Конвоиры торопились, кричали: «Побыстрей, побыстрей!» Мужья, жены их дети обнявшись, горько плакали, кричали от горя. Конвоиры хватали мужчин, отрывали от них жен и детей и запихивали их в вагоны, а женщин с детьми пихали в другой эшелон. На станции стояли дикий рёв, крики, плач кто-то кому-то на прощание что-то наказывал.

Вагоны, в которые грузили людей, были телятниками, раньше в них перевозили скот. Они были оборудованы нарами в два яруса, все окна очень плотно и хорошо закупорены. Вагоны заполняли людьми до отказа и закрывали двери, оставив маленькую щель. Туалета естественно в таких вагонах не было. Крыши вагонов были металлическими. Днем на солнце они очень сильно накалялись, и стояла жуткая духота. Ночью становилось чуть-чуть прохладней. Во время остановок на станциях людям давали немного воды и кидали как собакам чего-нибудь из съестного — случалось это не часто. Многие ехавшие в эшелонах из Молдавии даже не знали русского языка.

А тем временем эшелон с Василисой Настас и её тремя детьми шёл за Урал, в Сибирь. Куда отправился, поезд с мужчинами и её мужем она не знала.

Судя по документам, Василия Настас привезли в Свердловскую область г. Козельщак в Ивдельский лагерь. И как стало известно позже, глава семьи Василий Настас был осужден и приговорен к ссылке:

«ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 55-с Особого Совещания при Народном Комиссаре ВД СССР
от «11» июля 1942 года

Слушали: 395 дело № 03912\НКВД МССР об обвинении Настас Василия
Сафроновича 1909 года рождения, уроженца с. Кондратешты,
Корнештского района МССР, молдаванин, гражданин СССР

Постановили: Настас Василия Сафроновича как социально-опасного элемента

сослать в один из отдаленных районов Новосибирской области

сроком на 5 лет; считая срок с 13 июня 1941 года.

Копия верна: Подпись

Верно: уполномоченный УСО ПП ОГПУ по ЗСК»[1]

А жена Василия — Василиса с тремя детьми поехала... (согласно официальным документам):

«Секретно

На гражданку Настас Василису Константиновну 1913 г. рождения Бельцский уезд по данным 1 спецотдела УНКВД по НСО имеется следующий компроментирующий материал:

В 1941 году Бельцским НКВД выслана на 20 лет в Новосибирскую область, Бакчарский район.

«30» августа 1944 г.»[2]

Василису с детьми поездом довезли до станции, рядом с которой была река. Возможно, это были город Томск или Омск. На реке ссыльных уже ждали баржи, для продолжения пути в неизвестность. Пересадив людей на баржи, их повезли по воде в п. Колпашево Новосибирской области. По приезду людей высадили на берег и в ожидании других барж для продолжения пути держали под открытым небом. Уже начиналась осень. Дождавшись барж люди, продолжили свой путь по воде.

В пути с Василисой произошёл интересный случай. Своего сына при рождении она назвала Яуджен, до ссылки его так и звали *(молдавское имя)*. И вот на барже одна женщина спросила у матери — Василисы: «Как зовут сыночка?» Она ответила: «Яуджен». «Ну, значит, Евгением будет» — сказала женщина. Таким образом, пятилетний мальчик на всю жизнь сменил молдавское имя Яуджен, на русское — Евгений.

Водная дорога Василисы с детьми закончилась в с.Цуйга. Там уставших, голодных, замерзших женщин с детьми пересадили в подводы на санях и повезли в д.Чернышовка Бакчарского района. В д.Чернышовке ссыльных распределили по квартирам местных жителей.

[1] Арх.д. №1905, лист дела 1.

[2] Арх.д. №1905, лист дела 3

В Сибири

Василису с детьми поселили к женщине, у которой был сын лет 12-ти, муж ушёл на фронт. Хозяйка квартиры днём уходила на работу. Василису тоже гоняли на работу в колхоз — обрабатывать лён. Все дети на целый день оставались дома одни. Хозяйский сын обижал непрошенных гостей — бил детишек Василисы, загонял их на русскую печь и целыми днями не давал слезть с печи.

Время тогда было очень тяжёлое для всех. Стоял страшный голод. Придя с работы, по вечерам Василиса ходила по деревне и меняла кое-какие оставшиеся после «раскулачивания» и трудной дороги вещи на картошку или что-нибудь съестное. Ведь нужно было хоть чем-то накормить троих детей. Иногда после работы ссыльные ходили в «контору» и ждали, когда им дадут что-нибудь из продуктов, или может быть повезёт — падёт какая-нибудь «животина» и удастся получить кусочек мяса. Зачастую приходилось ждать до полуночи и уходить ни с чем. Голодные дети не спали, ждали мать с едой. Очень часто приходилось им засыпать голодными.

Отношение местных жителей к ссыльным было негативным. Сибиряки ненавидели приезжих, называли их «ссыльными», «врагами народа» и т.д. Дети, глядя на взрослых, относились к ссыльным, так же. Ссыльные дети были изгоями в детском обществе. Очень мало людей им сочувствовало. Председатель колхоза, в котором работала и жила Василиса, переживал за ссыльных, но сам очень боялся доноса за сочувствие «Врагам народа».

В первом своём пристанище Василиса с детьми прожила до тех пор, пока у неё были какие-то вещи и было чем делиться. Когда остатки былой роскоши у молдаванки закончились, (часть продала или выменяла на еду, часть украли) хозяйка дома выгнала Василису с детьми на улицу. Приютили несчастную женщину товарищи по несчастью — такие же ссыльные. Жили они в одном доме четыре семьи, семья Василисы стала пятой. Дом был большой, но без крыши. В центре единственной комнаты стояла русская печь, рядом ещё небольшая металлическая. Электричества, естественно не было, освещали дом лучинами. Дрова добывали, кто как мог. Каждой семье в доме было отведено по углу. В семьях было по несколько детей.

Тяжело было ссыльным в Сибири. Русский язык знали плохо. Детям чужой язык давался гораздо легче, чем взрослым. Они быстрей его осваивали.

Взрослые работали в колхозе за трудодни. В конце года получали расчёт — 100 г. зерна за один трудодень.

В 1942 году Жене исполнилось семь лет. Зимой он надевал на шею сумку и шёл по деревне просить милостыню. Зимы тогда стояли очень морозные. А может быть это ещё и очень яркие детские впечатления. Женя помнит всю жизнь, как он ребёнком ходил с «торбой» по деревне и коченел от холода. Кто-то из местных жителей жалел мальчонку — посадят к тёплой печке, напоят горячим, чаем без сахара. Подавали, кто что мог. Кто картошку, кто кусочек хлеба, который частично тоже состоял из картошки. Иногда, встретят Женю на улице мальчишки постарше его и начинают проверять, что в сумке. Что приглянётся — отберут. Если мальчик не давал сумку — били.

С приходом весны стало легче. Когда растаяла земля, ссыльные ходили по чужим огородам, собирали перемёрзшую, прошлогоднюю картошку, которая осталась осенью после копки. Её тёрли, добавляли батун (зелёный лук) и пекли лепёшки. Пахли эти лепёшки очень хорошо — луком, но по вкусу были земля-землёй. Когда появилась крапива и трава, начинали питаться зеленью. В то голодное время ели всё, что жевалось лишь бы заполнить хоть чем-то пустой желудок.

Картошку, которую подавали на милостыню зимой, Василиса чистила так, чтоб очистки были очень толстыми, чтобы сохранились «глазки». Эти очистки с «глазками» весной посадили. И осенью уже выкопали первый урожай картошки. Картошка уродилась мелкая, но была она уже своя.

В то время очень часто вспоминалась хорошая сытая жизнь в Молдавии. Все мысли крутились только вокруг еды. Было одно самое большое желание избавиться от чувства голода.

Василисе очень хотелось иметь отдельный угол, устала она от жизни в общем доме. И за лето рядом с домом с помощью соседей слепила мазанку. В Молдавии такие лепили для домашних птиц и животных. Ближе к зиме перебралась женщина с тремя детьми в «новый дом». Но дом получился не очень-то удачным — стены не успели просохнуть, печь дымила, а от сырости, когда топили печь в доме, стоял пар. Младшая дочь Василисы в эту зиму 1943 года заболела воспалением лёгких и умерла, Аурика на следующую зиму в 1944 году умерла тоже от воспаления лёгких. Женя каким-то образом выжил в этом кошмаре, но частично потерял зрение.

В это время шла Великая Отечественная Война. Василисе приходилось работать очень много. Этот период был очень страшным для

всей нашей страны. Были истощены не только экономические ресурсы, но и людские. Для чего в то время был этот геноцид собственного народа? Грубо говоря, людей, которых ссылали, можно было послать на фронт и они там также могли бы умереть. Непоследовательность действий властей советского государства и их необоснованность очень характерная черта того периода. И у Василия и у Василисы родители остались в Молдавии их не сослали. Они погибли во время войны. Кроме родителей погибли и другие родственники, которые не были сосланы осваивать Сибирские просторы.

История Василия

Как же жил Василий после расставания с семьей?

Эшелоном 10 июля 1941 года прибыл он в Свердловскую область, г.Козильчак в Ивдельский лагерь НКВД. Несколько дней на него составляли и заполняли все необходимые документы, заводили личное дело, составляли дактилоскопические карты, проводили медосвидетельствование, проводили санобработку. Вот некоторые из этих документов:

«ФОРМУЛЯР К ЛИЧНОМУ ДЕЛУ Форма №6

1. Фамилия — Настас
2. Имя — Василий
3. Отчество — Сафронович
4. Год рождения — 1909
5. Место рождения — с.Кондратешты, Бельцского усада — 29 -
6. Место жительства (последнее) — с.Кондратешты, Бельцского усада
7. Национальность — молдаванин
8. Соцположение — крестьянин-кулак
9. Партийность — член партии Либералов
10. Служба в органах — не служил
11. Профессия и специальность — кузнец
12. Прибыл — в Ивдельский лагерь «10» июля 1941 г. г. Козильчак с этапом

рост — 166

телосложение — нормальное

цвет волос — русые

цвет глаз — серые
нос — прямой

Составлен в И.п. уч-ке Ивдельского НКВД
«15» июля 1941 г.
Начальник УРЧ
Регистратор Подпись»[1]

«ПЕРВИЧНОЕ МЕДОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЕ
06.08.1941 г. Здоров Подпись врача
30.10.1941 г. Умеренно истощен. Подпись врача
22.02.1942 г. Кокексия пеллагра.
И.п. II втор. на 6 месяцев Подпись врача»[2]

Из справки видно, что прибыл Василий в лагерь здоровым, но через 3 месяца он уже был «умеренно истощён», а через 10 месяцев уже болел.

В лагере работал Василий на лесозаготовках. Если заключённые выполняли дневную норму лесоповала, то им давали 600 гр. хлеба в сутки, если же сил не хватало выполнить дневную норму, то получали 300 гр. хлеба в сутки.

В Ивдельском лагере Василий пробыл до осени 1942 года. В архивном деле №1905 мной была обнаружена выписка из протокола Особого Совещания НКВД, с которой Василия ознакомили «8» сентября 1942 года:

Выписка из протокола № 55-с Особого Совещания
при Народном Комиссаре ВД СССР
от «11» июля 1942 года
Слушали: 395 дело № 03912\НКВД МССР об обвинении Настас Василия
Сафроновича 1909 года рождения, уроженца с. Кондратешты,
Корнештского района МССР, молдаванин, гражданин СССР
Постановили: Настас Василия Сафроновича как социально-опасного элемента
сослать в один из отдаленных районов Новосибирской области
сроком на 5 лет; считая срок с «13» июня 1941 года.

[1] Арх.д. №1905, лист дела 12.
[2] Арх.д. №1905, лист дела 13.

Нач. Секретариата Особого Совещания при Народном Комиссариате ВД СССР
Печать Подпись

С постановлением Особого Совещания НКВД ознакомлен Настас Василий Сафронович 8 сентября 1942 года.

Постановление Особого Совещания объявил:
старший инспектор УРЕ л\и Ивгельского Подпись
«8» сентября 1942 год[1]

Эти документы наводят на мысль, что после ознакомления с решением Особого Совещания пребывание Василия в лагере закончилось. Были подготовлены справки о задолженностях заключенного, о заработанном, об уплате им членских взносов. И после оформления необходимых документов, Василия отправили этапом в город Новосибирск, а из него в село Асино для дальнейшего отбывания ссылки-высылки.

В ноябре 1942 года Василий Настас прибыл в Асино — начался очередной этап его жизни.

Жил Василий в с. Асино, Новосибирской области, работал кузнецом в промартели «Красный деревец». Как и у всех жизнь была трудной, голодной и холодной. Зимы казались ужасно студёными, люди помнят, что даже птицы замерзали налету. Люди, насильно привезённые из тёплых краёв одетые в лохмотья, падали и замерзали, идя по улицам. Старожилы рассказывали, что была специальная бригада из местных жителей, которая собирала замёрзших и свозила их в пустую силосную яму и только весной, когда оттаивала земля, умерших закапывали.

Василий выжил, потому что работал в кузнице. Там около горна было тепло. И в свободное от работы в артели время — по ночам, он мог что-то отремонтировать, что-то сделать своими руками, ковал даже посуду, духовки в печки и т.д. Люди рассчитывались, чем могли. Это очень помогло Васе выжить.

Но то, что не было никаких известий от семьи, связи с ней не было, семья практически была потеряна — не давало покоя Василию ни днём, ни ночью. Поехать на поиски мужчина не мог, так как находился под комендатурой, нужно было 2 раза месяц ходить в коменда-

[1] Арх.д. №1905, лист дела 14.

туру на отметку, да и выезжать из Асино было нельзя. Везде проверяли документы.

Писал Василий письма с просьбой оказать содействие в розыске его семьи и в г.Новосибирск, и в г.Омск. Привожу только одно из них:

от 7 августа 1944 года. Начальнику спецотдела Новосибирской области.

Начальнику НКВД
Первый спецотдел
Новосибирской области

Уважаемый Начальник! Прошу Вас не откажите мне выслать сведения о моей семье, так как 4-ый год разыскиваю жену и трёх детей которые были эвакуированы в 1941 г. «13» июня из деревни Кондратешты Бельцского уезда Бессарабии. Жена моя Настас Василиса Константиновна по прозвищу матери её зовут Соня — рождена 1913 г., дети: сын — Евгений В. рожден в 1935г., дочь — Анна В. рождена в 1938 г., дочь — Елизавета В. рождена в 1940г. До эвакуации все жили в Бессарабии.

Прошу Вас дорогой начальник сообщите где они находятся.

Проситель Настас Василий Сафронович.

с.Асино Новосибирская область, Вокзальная улица № 1.

дом Ушакова «7» августа 1944 г.[1]

Все просьбы и заявления Василия написаны разными почерками. Вероятно, эти заявления он писал не сам. Может быть, ему кто-то их написал, а он ставил только свою подпись. Сначала получал Василий на свои запросы не утешительные ответы:

«Сов. секретно

Начальнику Асиновского РО НКВД

г. Асино, Новосибирской обл.

При этом возвращаем Вам заявление адмссыльного Настас Василия Сафроновича просим объявить ему, что сведениями о местонахождении его семьи не располагаем.

Приложение: упомянутое

Зам. начальника 1 спецотдела УНКВД Омской области

капитан (Табасов)

[1] Арх.д. №1905, лист дела 25

Начальник 2 отделения

майор госбезопасности (Витов)

август 1944 г.[1]»

Но, продолжая искать, верил Василий в то, что все равно найдет свою семью. И ожидания оправдались. Жена и дети были найдены. Радости не было предела.

С нетерпением оформлял Василий необходимые для встречи с семьей документы:

Томскому областному НКВД

1 спецотдел

Настас Василий Сафронович

Томская область, г.Асино

«Красный деревец»

13 июня 1941 г. я вместе с семьёй был выслан на 5 лет. Вместе мы выехали, но по дороге я был задержан и послан в г.Асино а семья моя в Томской области Бакчарского района, с.Чернышовка, колхоз «Северное Сияние».

Прошу разрешить мне поехать на жительство к семье моей состоящей из:

жены: Настас Софьи Константиновны — 1913 г.р.

3 детей:

сына: Настас Евгения Васильевича — 1935 г.р.

дочери: Настас Анны Васильевны — 1938 г.р.

дочери: Настас Елизаветы Васильевны — 1940 г.р.

15 мая 1945 год[2]

Не знал Василий тогда, что детей у него уже не трое. Не знал, что выжил только один сын.

Встретились...

В конце мая разрешение на поездку к родным было получено. И поехал Василий к семье, которую не видел с того рокового утра 13 июня 1941 года.

[1] Арх.д. №1905, лист дела 20.

[2] Арх.д. №1905, лист дела 29.

За несколько недель до этого события залетала в мазанку Василисы птичка. И сказали женщины, что хорошие вести приносят залетевшие в дом пташки. Оказалось это правдой. Женя в тот день, был на поле. Шла посевная. В колхозе был один трактор. Тракторист — женщина. Мальчишкам было очень интересно бегать за трактором, наблюдать за его работой. А какой же удачей было, если трактористка ещё и прокатит. Если случалось, что трактор ломался, его ремонтировали прямо в поле. Вечером бежал Женя с поля домой и ребятишки сообщили, что к нему приехал отец. Ссыльные дети часто мечтали об этом, мечтали о встрече с отцом, о воссоединении семьи.

Отец схватил прибежавшего, запыхавшегося сына, прижал к себе крепко-крепко, и заплакал. Потом стал подкидывать его до устали. А Женя вцепился в руку отца и боялся её отпустить, боялся, что потеряет его вновь.

Одежда сына привела Васю в ужас. Она была холщовая и ярко оранжевого цвета, так как её красили луковой шелухой либо корой дуба.

Больно было узнать, об умерших дочерях.

Посмотрел Вася, как и где жила его семья и решил, что Василиса с сыном переедут к нему в Асино. Сначала уедут Вася с сыном, Василиса приедет позже. Ей нужно было рассчитаться с налогами. Для этого она собиралась продать своё нехитрое жилье, овощи, которые были выращены и запасены. На вырученные деньги Василиса купила продукты и рассчиталась с налогами. Налоги молоком, яйцами, маслом, шерстью платили тогда все, даже те, кто не держал никаких домашних животных.

Василий с сыном из Чернышовки на попутной грузовой машине доехали до п.Шегарка (п.Мельниково). Дорога была плохая, шли дожди. Мужчина с мальчиком ехали в кузове с грузом, который везли в Шегарку. Из Шегарки на другой попутной машине два путешественника доехали до Томска. Погуляли по Томску. Сходили на продуктовый рынок, Василий купил кое-какие продукты. Зашли в гости к знакомому Василия, тоже высланному из Бессарабии. И потом из Томска на поезде приехали в Асино.

Когда вышли из поезда, Василий сказал сыну, что пойдет, посмотрит всё ли в его доме в порядке, ведь он отсутствовал несколько недель. Женю с собой не взял. Мальчик ждал на вокзале. Вернувшись, отец сообщил, что в его дом кого-то заселили, пока его не было, и первое время придётся жить всем вместе. Но понял десятилетний Женя, что с «заселённой» в отцовский дом женщиной отец знаком. По всему

было видно что, она ждала Василия. Был приготовлен ужин. Когда пришло время, ложиться спать, легла она с отцом в одну постель. Она была гражданской женой Василия. Звали её Пелагея Викентьевна Логунова. Пелагея была родной сестрой председателя артели «Красный Деревец», в которой жил и работал Вася.

Дом Василия был пристроен к кузнице, одна стена была общей с кузницей.

К приезду Василисы Пелагея переехала в другой дом. Но не оставил её Василий. Жил меж двух огней.

Привезя Женю в Асино в 1945 году, отец отдал его в школу, в первый класс. Только для первого класса возраст — 10 лет не очень подходящий, перерос уже мальчик. И пришлось отцу омолодить сына. Сказал Василий, что сын родился не в 1935 году, а в 1937. Поэтому в документах личных дел у Жени разные года рождения — 1935 (настоящий) и 1937 (выдуманный).

В школе Женя частенько чувствовал плохое отношение к себе, чувствовал себя униженным. Так как очень часто вольно или невольно, но ему напоминали, что он ссыльный, он враг народа.

Приехав в Асино, Василиса узнала, о гражданской жене мужа. Но делать было нечего, время было такое, не хватало мужчин. Часто она видела, как приходила Пелагея к Василию в кузницу. Переживала, пыталась с этим бороться, даже обливала непрошенную гостью помоями.

Испытав горечь и разочарование решила Василиса любой ценой уехать из ненавистной Сибири. Откладывала по копейке деньги и обдумывала, как же ей лучше поступить. Два раза в месяц ходила на отметку в спецкомендатуру.

В 1946 году, сходив в очередной раз на отметку, Василиса собрала сына и пошла на вокзал. За две недели, до следующей отметки, она могла бы быть уже далеко от Асино. Василий пошёл проводить жену с сыном. При отправлении поезда в последний момент он выдернул сына из рук жены. И поехала Василиса в родные края одна. А Женя на этот раз остался без матери. Долго и горько он плакал. Собирался догнать мать на следующем товарном поезде, но отец не позволил. Не мог Василий понять, что тяжело будет сыну в его новой семье, не мог он понять и то, что тяжело ребёнку без самого родного и близкого человека — матери. Эти события происходили летом 1946 года.

13 июня 1946 года, закончились 5 лет ссылки, к которым был приговорен Василий. По прошествии этих долгих, мучительных и ужас-

ных пяти лет, он из ссылки был освобожден, ему выдали справку.

Василий Настас с сыном Женей. 1948/1949 г.

За две недели, которые были у Василисы на дорогу, до следующей отметки, добралась она до Молдавии, до родного села. Но нелегко ей пришлось. Естественно её начали разыскивать. Вот строки из документа архивного дела № 1905 подтверждающие это: «13 июня 1946 г. Асиновским РО МВД Томской области Настас Василиса Константиновна из спецпоселения была освобождена и выбыла к прежнему месту жительства в Молдавскую ССР. 9 отделом УМГБ Томской области Настас Василиса Константиновна разыскивается для водворения её к прежнему месту поселения».

Шесть или семь лет пряталась Василиса у родственников. Как чувствовала, что на её след выходят — уходила от одних к другим. Благо, что родственников было много. Месяцами жила она на чердаках и в погребах, выбираясь из них только по ночам. И не смогли найти люди из органов Василису, и не вернули её назад в Сибирь.

Василий после отъезда Василисы жил с сыном и Пелагеей. Пелагея родила Васе двоих детей: Ивана в 1946 году и Валентину в 1948 году. Женю мачеха не очень любила: часто обижала, ругала, заставляла нянчиться с маленькими детьми. Уговаривала Василия отправить Женю к матери.

Под комендатурой

А между тем жизнь текла своим чередом. Ссыльные находились под неусыпным контролем со стороны органов госбезопасности, два раза в месяц ходили в комендатуру на отметки, иногда им устраивали допросы.

Вот постановление, которое я думаю, не обрадовало Василия:

«Утверждаю»
Начальник Управления
МГБ Томской области
полковник госбезопасности (Великанов)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

13 ноября 1952 г.

Я оперуполномоченный 3 отделения 9 отдела УМГБ Томской области старший лейтенант госбезопасности Рензяев, рассмотрев материалы на Настас Василия Сафроновича 1909 года рождения, уроженца с.Кондратешты Корнештского района, Молдавской ССР.

НАШЁЛ:

Настас Василий Сафронович 11 июля 1942 года Особым совещанием при НКВД СССР был осужден как социально-опасный элемент на 5 лет ссылки в Асиновский район Томской области. При отбытии срока ссылки Настас В.С. остался проживать в Асиновском районе, Томской области.

Его семья в составе: жены — Настас Василисы (Софья) Константиновны, сына — Настас Евгения Васисильевича, дочери — Настас Лучины Васильевны в 1941 году была выселена из Молдавской ССР в Бакчарский район Томской области на спецпоселение.

13 июня 1946 г. Асиновским РО МВД Томской области Настас Василиса Константиновна из спецпоселения была освобождена и выбыла к прежнему месту жительства в Молдавскую ССР.

9 отделом УМГБ Томской области Настас Василиса Константиновна разыскивается для водворения её к прежнему месту поселения.

Принимая во внимание, что Настас Василий Сафронович находился в ссылке поэтому одновременно со своей семьей выслан на спецпоселение не был и руководствуясь Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1952 года и приказом МВД и МРБ № 00219\00374 от 1 апреля 1952 года.

ПОСТАНОВИЛ:

Настас Василия Сафроновича взять на учёт спецпоселения, объявив ему, что он зачисляется на вечное поселение и за побег с места обязательного поселения будет привлечён к уголовной ответственности по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года.

Оперуполномоченный 9 отдела УМГБ Томской области старший лейтенант госбезопасности

Подпись (Рензяев)

Согласны: Зам. начальника 3 отделения 9 отдела УМГБ Томской области

капитан госбезопасности

Подпись (Тюфин)

Начальник 9 отдела УМГБ Томской области
подполковник госбезопасности
Подпись (Толстых)[1]

Женя учился в школе. Накануне шестнадцатилетия его тоже поставили на учёт. Случилось это 24 апреля 1953 года. Заполнили на Женю анкету, он написал все предложенные ему расписки:

РАСПИСКА

Я нижеподписавшийся гражданин Настас Евгений Васильевич 1937 г.р. даю настоящую расписку спецкомендатура МГБ №_____, в том, что мне объявлено, что вместе со своей семьей по решению Совета Министров СССР оставлен на спецпоселение навечно и если совершу побег с места поселения, буду привлечён к уголовной ответственности по указу Президиума Верховного совета Союза ССР от 26 ноября 1948 года, которым за это преступление предусмотрена мера наказания — 20 лет каторжных работ.

24 апреля 1953 год. Подпись лица, отобравшего расписку
комендант Асиновской с\к
старший сержант Подпись (И.Аноп)[2]

И шестнадцатилетний подросток, как и его отец, стал ходить отмечаться в спецкомендатуру, два раза в месяц, как и было положено.

В архивном деле Жени я обнаружила документы о его розыске. И вспомнила, рассказ Жени: «Комендант передал Василию, чтобы Женя пришел на отметку. У мальчика были срочные дела в школе и на отметку, он решил сходить на следующий день. Когда он пришел в комендатуру на следующий день, комендант негодовал, ругался нецензурной бранью, махал кулаками перед лицом и кричал: «Что я с тобой в куклы играть буду?» Речь идёт о коменданте Асиновской спецкомендатуры — И.Аноп, в документах он фигурирует.

Может быть, в связи с этими событиями и было возбуждено на Женю розыскное дело № 45 находящееся в его архивном деле № 53745:

Сов.секретно
СПРАВКА *(рукописная)*
Спецпоселенцу Настас Евгению Васильевичу 1935 года рожде-

[1] Арх.д. №1905, листы дела 30, 31.
[2] Арх.д. №53745, лист дела 3.

Василий Настас с сыном Женей. 1951 г.

ния находящийся в розыске, на которого по малолетности обязательства по уголовной ответственности за побег с места поселения не распространяются и регистрационный лист прохождения ежемесячной регистрации заведен не был состоял на спецучете вместе с родителями.

Начальник Бакчарсокго РО МВД
майор госбезопасности
подпись (Харитонов)

Комендант Поротниковской спецкомендатуры МВД
лейтенант госбезопасностиподпись (Красношапка)

3 июля 1953 г.[1]

Краткая характеристика *(рукописная)*
5 июня 1953 года.

Настас Евгений Васильевич 1935 года рождения, национальность молдаванин.

Прибыл в колхоз в 1941 году, работал в колхозе «Ударник», учился в школе. К работе относился недобросовестно. В 1942 году самовольно из колхоза уехал не известно куда. После этого в колхоз не возвращался.

Председатель колхоза Подпись
Бухгалтер Подпись
Печать
(*возможно это 4 лист розыскного дела №45*)

Эта характеристика у меня вызывает недоумение, т.к. в 1945 году Женя уехал из Бакчарского района, в школе он там не учился. И о какой добросовестной работе шестилетнего ребенка идёт речь, тоже понять сложно.

1 Арх.д. №53745, лист дела 10.

СПРАВКА *(рукописная)*

У разыскиваемого спецпоселенца Настас Евгения Васильевича 1935 года рождения, из его родителей и родственников на спецпоселении в Бакчарском районе Томской области никто не проживает.

Начальнок Бакчарского РО МВД

Печать майор Подпись (Челобитченков)[1]

Судя по предыдущим документам, Женю разыскивали. Хотя он говорит, что в «бегах» никогда не был. Да и бежать-то собственно, было не куда.

Складывается такое впечатление, что власти не давали выселенцам ни на миг забыть, кто они, что они должны знать своё место в этом обществе.

После смерти Сталина жесткий тоталитарный режим начал понемногу смягчаться. В 1954 году до апреля месяца Евгений ходил на отметку два раза в месяц, а с апреля стали отмечать один раз в месяц.

Отношения Жени с мачехой со временем не улучшались. Ненависть друг к другу только росла. В 1955 году Василий с сыном построили новый дом. И Женя поставил условие отцу, чтобы ноги Пелагеи в нём не было. Так в 1955 году и распался гражданский брак Василия и Пелагеи.

В новом доме Василий с сыном начали жить вдвоем.

В средней школе Евгений проучился до середины десятого класса. Школу пришлось оставить из-за проблем со зрением. Подорванное в раннем детстве здоровье напоминало о себе. Позже среднее образование Женя получит в вечерней школе.

В 1957 году хотел Женя съездить в Молдавию. За разрешением для выезда поехал в КГБ в город Томск. Разрешения не получил. Разговаривали с ним в КГБ только по местной телефонной связи. Сотрудник комитета госбезопасности сказал, что нечего Евгению делать в Молдавии.

Свобода...

Только в 1958 году, Женю и его отца сняли с учёта спецпоселения, были оформлены и выданы им соответствующие документы:

«Утверждаю»

Начальник УВД Исполкома Томской области

1 Арх.д. №53745, лист дела 11.

Василий Настас (справа) с друзьями. Крайний слева – ссыльный Ильиных В.Е. Конец 1950-х

Совета депутатов трудящихся

полковник (Тарасенко)

15 мая 1958 года

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

(о снятии с учёта спецпоселения)

24 апреля 1958 год с.Асино

Я, комендант Асиновской спецкомендатуры Кравцов рассмотрев личное дело спецпоселенца Настас Е.В., 1937 года рождения, уроженец с.Кондратешты, Молдавской ССР, по национальности молдаван, гражданин СССР, проживает в г.Асино Томской области.

НАШЁЛ:

Настас Е.В. на спецпоселении в Томскую область был выселен в 1941 году в составе семьи: отца — Настас Василий Сафронович — 1909 г.р. Постановление НКГБ Молдавской ССР от 11 июня 1941 г.

Учитывая, что Настас родился в 1937 году и что в момент выселения ему не было 16 лет, поэтому руководствуясь приказом МВД СССР № 0126 от 1 апреля 1958 года

ПОЛАГАЛ БЫ:

Настас Е.В. 1937 года рождения с учёта спецпоселения снят. Одновременно объявлено ему под расписку, что снятие с него ограничений по спецпоселению не влечёт за собой возвращения ему имущества, конфискованного при выселении и что он не имеет права возвращаться в место, откуда был выселен.

Личное учетное дело по исполнении сдать в 1 спецотделение УВД Томского облисполкома для хранения в архив

Комендант спецкомендатуры Подпись (Кравцов)

Согласны: Начальник отела милиции Асиновкого райсполкома

Подпись (Мякин)

Начальник 4 спецотдела УВД

Томского облисполкома Подпись (Толстых)

9 мая 1958 год[1]

[1] Арх.д. №53745, лист дела 21.

РАСПИСКА

Мне Настас Евгению Васильевичу 1937 г.р., уроженец Кондратештского района Молдавской ССР объявлено, что сняли с меня ограничения по спецпоселению. Но это не влечет за собой возвращения мне имущества конфискованного при выселении и что я не имею права возвращаться в место, откуда был выселен.

Евгений Настас и Зиновия Рошка. 1960 г.

30 мая 1958 год

Расписку отобрал: Комендант Асиновской спецкомендатуры МВД

Подпись (Кравцов)[1]

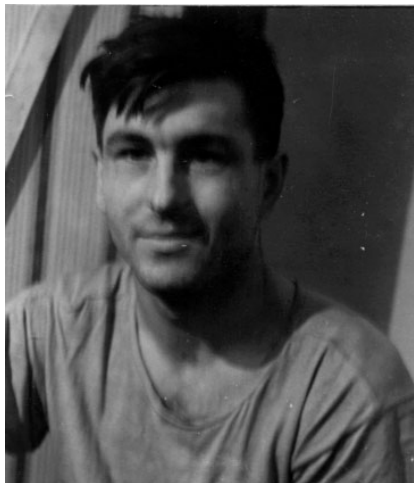
В строках этой расписки вопиющая несправедливость.

Только в 1958 году после снятия с учёта Женя смог поехать на Родину. Спустя 17 лет после того рокового утра в июне 1941 года, Евгений вернулся в Молдавию. Но вернулся он не навсегда. Повидал мать, побывал в родной деревне Кондратешты, посмотрел на родной дом. В то время в нём располагался деревенский детский сад. Председателю деревенского сельсовета не нравилось, что приехал сын бывшего хозяина дома, да ёще и ходит вокруг него. Передал он через тётю Жени, чтобы тот пришёл для разговора по душам. Но встретиться мужчинам не удалось. Позже тётя рассказывала, что председатель дал приказ разобрать дом по частям.

В Молдавии Женя понял, что уже прирос душой к Сибири. Ведь вырос-то он здесь. Здесь знакомые, друзья. Здесь учился в школе. Здесь живёт отец. Решил он, пока остаться в Асино. В 1960 году Евгений прошёл курсы повышения квалификации и получил квалификацию электромонтера электростанции. В 1961 году он женился на Зиновии Рошка. Она была такая же сосланная из Молдавии вместе с родителями тем же летом 1941 года.

В том же 1961 году Евгений с отцом начал строить для своей молодой семьи новый дом. Тогда же поступил Женя на заочное отделение Томского Лесотехнического техникума. Окончил его в 1967 году. Жизнь шла своим чередом.

[1] Арх.д. №53745, лист дела 20.

Евгений Настас. 1960 г.

Зиновия Рошка. 1960 г.

Василиса замуж больше не вышла. Получилось, что, уезжая из родного дома в то роковое утро 13 июня 1941 года она теряла всё, что было ей дорого в то время, в той жизни — дом, мужа, детей. В декабре 1990 года она умерла в селе Корнешты в Молдавии.

В 1963 году и Василий с новой женой Ольгой уехал в Молдавию. Жили они в г.Бендеры. Василий умер в 1978 году, Ольга — чуть раньше.

Евгений с Зиновией так и не уехали в Молдавию. В голоде, холоде, мучениях и страданиях всё же приросли они к земле сибирской, стала она для них второй Родиной. И в настоящее время живут они в Асино. Вырастили и воспитали троих детей.

Заключение

На XX съезде КПСС, состоявшемся в феврале 1956 г., Хрущев осудил сталинскую политику репрессий, положив тем самым начало новому периоду советской истории, который обычно называют «оттепелью».

Первая волна реабилитации, начатая после 20 съезда КПСС, сняла ярлыки «врагов народа» с сотен тысяч безвинных жертв. Но она только приоткрыла чудовищную картину репрессий. В период «оттепели» многие жертвы политических репрессий — в том числе как минимум 6 миллионов «кулаков» (зажиточных крестьян) — не были реабилитированы, это произошло лишь в эпоху гласности.

Евгений Настас с Зиновией Рошка и сыном Андреем. 1966.

26 апреля 1991 года был подписан Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов». В нём признаётся существовавшая ранее политика произвола и беззакония. Стремясь к восстановлению исторической справедливости, Верховный Совет РСФСР провозгласил отмену всех незаконных актов и принял настоящий закон о реабилитации народов. А чуть позже, принципиально новый подход к восстановлению достоинства жертв политических репрессий и признанию их страданий положил принятый 18 октября 1991 г. Закон Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий». Впервые целью настоящего Закона определены реабилитация всех жертв политических репрессий, подвергнутых таковым на территории РСФСР с 25 октября (7 ноября) 1917 г., восстановление их в гражданских правах, устранение иных последствий произвола и обеспечение посильной в то время компенсации материального и морального ущерба.

Согласно ст. 3 Закона реабилитации подлежат лица, которые по политическим мотивам были осуждены за государственные и иные преступления, подвергнуты уголовным репрессиям по решениям органов ВЧК, ГПУ-ОГПУ, УНКВД НКВД, МГБ, МВД прокуратуры и их коллегий, комиссий, «особых совещаний», «двоек», «троек» и иных органов, осуществляющих судебные функции, подвергнутых в административном порядке ссылке, высылке, направлению на спецпоселение, привлечению к принудительному труду в условиях ограничения свободы, в том числе «в рабочих колоннах НКВД», а также иным ограничениям прав и свобод, необоснованно помещены по решениям судов и несудебных органов в психиатрические учреждения на принудительное лечение, необоснованно привлечены к уголовной ответственности и дела на них прекращены по нереабилитирующим основаниям (в связи со смертью, изменением обстановки, истечением сроков давности), признаны социально-опасными по политическим мотивам и подвергнуты лишению свободы ссылке, высылке по решениям судов и внесудебных органов без предъявления обвинения в совершении

Василиса Настас с племянницей. 1960-е гг.

конкретного преступления. Кроме того, согласно ст.1-1 Закона подвергшимися политическим репрессиям и подлежащими реабилитации признаются дети, находившиеся вместе с родителями в местах лишения свободы, в ссылке высылке на спецпоселении. Деятельность по реабилитации (признанию пострадавшими от политических репрессий) граждан отнесена к компетенции органов прокуратуры и внутренних дел, причём последние занимаются исключительно реабилитацией лиц в соответствии с п. «в» ст. 3 Закона — подвергнутых по политическим мотивам в административном порядке ссылке, высылке, направлению на спецпоселение, привлечению к принудительному труду в условиях ограничения свободы, в том числе в «рабочих колоннах НКВД», а также иным ограничениям прав и свобод.

Органы внутренних дел устанавливают факт применения ссылки, высылки, направления на спецпоселение, привлечения к принудительному труду в условиях ограничения свободы и иных ограничений прав и свобод, установленных в административном порядке, после чего составляют заключение и выдают справку о реабилитации или сообщают об отказе в выдаче такой справки. Справки подтверждающие применение ссылки были выданы семье Настас 29 декабря 1990 года Комитетом Государственной безопасности Молдавской ССР. И подтверждением того, что хоть какая-то справедливость восстановлена, являются справки о реабилитации выданные: Василисе о реабилитации её мужа Василия, семье Настас о реабилитации всей семьи, Евгению о его реабилитации, Зиновии о реабилитации её и всей её семьи.

18 октября 2006 года исполнилось 15 лет со дня принятия Закона о реабилитации жертв политических репрессий. Этот Закон впервые

признал ответственность государства за массовый политический террор, осуществлявшийся коммунистическим режимом.

Сегодня, спустя 15 лет, приходится с горечью констатировать, что многие из тогдашних достижений утрачены. Конечно, в полном объеме Закон не выполнялся никогда, но сегодня многие из важнейших его положений практически отменены. Сегодняшнее экономическое положение России во много раз лучше, чем в 1991 году, но российские власти сочли необходимым фактически отменить компенсации жертвам репрессий. Выплата компенсаций теперь возложена на региональные бюджеты.

Настас Василиса и Евгений попробовали вернуть отнятое в далёком сорок первом. Собрали много бумаг, прошли множество инстанций. Надежда вернуть былое была. И даже было принято решение о выплате компенсации в размере — 90 лей. Только это сумма в переводе на рубли в 2006 году составляет 65 рублей — даже не хватит на билет, чтобы доехать из Асино до Томска. Вот каков размер компенсации за утраченное имущество; «счастливое», холодное и голодное детство; отобранную Родину!

Работая с архивными делами своих прадедов и дедов, я погрузилась в атмосферу тех страшных лет. У меня такое ощущение, что я побывала в том, времени, прошла рядом с сотнями тысяч сосланных и репрессированных.

Во время подготовки работы на конкурс меня охватывали разные противоречивые чувства негодования и возмущения, жалости и сострадания, горечи, обиды и сочувствия.

Хава Хаматханова

Республика Ингушетия,
г.Назрань, Студия искусств,
1 курс. Научный руководитель:
А.У.Плиев

Эшелон тронулся...

Казалось, все это пройдет, я был готов поклясться, что это сон. Я вспоминал отца, арестованного в 37 году... Мне казалось, вот-вот проснусь, отец зайдет, я все это расскажу... Но это был не сон...

В 1931 году в Ингушетии в селении Насыр-Корт родился Хаджи-Умар Орснакиевич Костоев. В свои 75 лет он работает преподавателем звукорежиссуры в Студии искусств. Именно в этой студии мне и посчастливилось познакомиться с этим замечательным человеком.

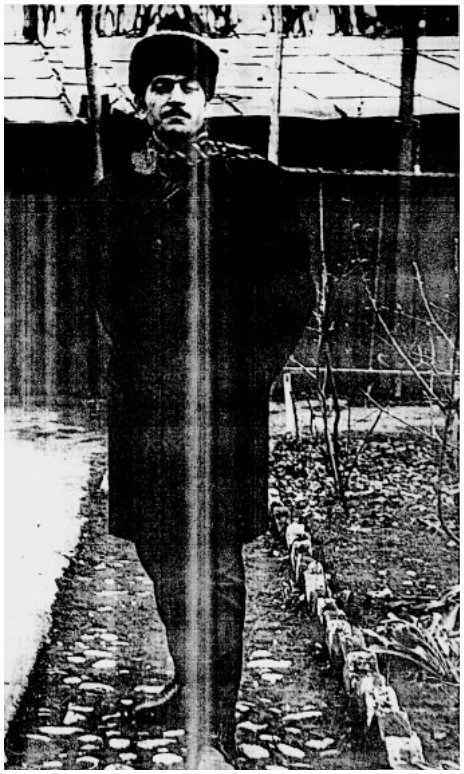
В 1992 году Костоев вместе со своими единомышленниками основал телевидение в Ингушетии.

Совсем недавно я вдруг узнала, что в 1937 году, когда ему было всего шесть лет, его отец был репрессирован, а спустя семь лет, тринадцатилетний Хаджи-Умар был назван «изменником родины» и сослан в холодные степи чужой земли, вместе с больной матерью, двумя братьями и сестренкой...

Хаджи-Умар не любит говорить о своей жизни, и тем более посвящать кого-то в свои переживания... Я понимала, что вспоминать обо всем и рассказывать о тех страшных событиях ему будет тяжело. Но я хотела узнать правду. Узнать всю цепь этих событий и понять: «Что заставило ингушей остаться сильными и как удалось им выжить?..»

Хджи-Умар рассказывает все так, как это было — он помнит свое детство, юность. И я впервые увидела его лицо, выражающее боль, когда он сказал: «У меня не было детства, я в 15 лет чувствовал себя стариком...»

Хаджи-Умар начинает свой рассказ, я внимательно слушаю и понимаю, что этот рассказ — это новое испытание для него.

Хаджи-Умар Костоев

Да не повторится этот день

«...Люди в военной форме впервые появились в селении Насыр-Корт, в моем представлении, в 40-м году. Они проехали по нашей улице на военной технике, у них были пушки и орудия, двигались они в сторону Экажево, и где-то там, в русле реки Сунжа, проходили военные маневры. В войну впервые они пришли где-то в конце 41-го года и в начале 42-го со всем военным снаряжением. Ребята они были очень словоохотливые, шутили, угощали нас детей, чем богаты были, давали нам сахар. Мы в свою очередь помогали им чистить ружья, особенно противотанковые орудия с длинными стволами. Но в конце 43-го пришли совсем другие военные, уже в красных погонах.

Побывали военные и у нас в доме. Я достаточно хорошо владел русским языком, это помогало налаживанию контактов с ними.

Помню, как однажды офицер попросил мать пустить в одну из комнат жильцов: женщину со взрослой дочерью и подростком примерно моих лет. Я даже помню его имя, звали его Сашей. По вечерам девушка куда-то исчезала, возвращалась поздно ночью. Необходимо отметить, в селе в целом царила необычная обстановка: ходили слухи,

люди терялись в догадках, поговаривали о том, что нас собираются куда-то выселять.

Штаб военных находился в школе, в этом длинном 1-этажном здании Насыр-Корта, и туда близко никого не подпускали. Однажды наш родственник Якуб стал утверждать, что слухи о нашем выселении не беспочвенны, что это правда. Он был счетоводом. Постоялица наша сообщила матери под большим секретом, что нас будут выселять.

За несколько дней до выселения мы с братом пошли на берег Сунжи. Развели костер, посидели. Это было в то время нашим любимым детским увлечением. Было какое — то предчувствие, все вокруг както поникло, да и погода стояла без снега, сырая какая-то, неприветливая. Я там насобирал разных камушек, так что карманы у меня набиты были ими. Кстати, один из таких камешков, желтый такой, продолговатый, хранится у меня по сей день. Я его пронес через всю жизнь. 17 лет скитаний... Больше всего я боялся потерять этот камушек, сейчас он очень дорог мне.

22-го февраля вечером возле школы играл оркестр, и со стороны Экажево появилась большая колонна военных, одетых в полушубки и белые шапки. Это уже другие военные, совсем не похожие на тех, которые стояли в селе. Эти были в шинелях, а те в полушубках. И эта колонна прошла к школе. Вот 22-го февраля мы уже точно знали, что нас собираются выселять.

23-го февраля утром громким и настойчивым стуком в дверь нас разбудили офицер и два солдата. Это были те служивые, которые постоянно приходили к нам пить чай. Предупредив о том, чтобы мы собирались, офицер пошел во двор, к нашему родственнику Абдуле. А солдаты остались, И когда мы с матерью стояли во дворе, один из этих странно одетых людей, о которых я говорил выше, вошел во двор. Я помню его очень хорошо. И сегодня его образ стоит передо мной.

Старший брат взял ведро кукурузы, глиняную чашку на случай, если понадобится попить воды. У меня в руках было ведро с яйцами. Средний брат, Хаджи-Мурад, стоял рядом. У матери правая рука была покалечена, и она в левой руке держала швейную машинку. Подошел этот странно одетый человек и потребовал от матери, чтобы она поставила машинку. Мол, нельзя брать. Мать стала упрашивать его, говоря: «Ну как же, у меня покалечена одна рука, надо каким-то образом детей кормить». А он потянул швейную машинку к себе. Вырвал у матери, поставил на землю и сказал: «Не эти солдаты вас выселяют, а

мы, осетины, вас выселяем. Не они вас выселяют!» И оттолкнув мать в сторону, забрал машинку.

Затем вошел в дом. Мать попросила меня взять портфель, где хранились документы отца. Я вошел в прихожую, затем в комнату. На стене в комнате в три ряда под самый потолок были установлены стеллажи, а на них лежали книги из отцовской библиотеки на английском, арабском языках, специальная литература, Кораны. И все они валялись на полу, и возле них находился мужчина, о котором я говорил. Вбежав, я схватил портфель и дечиг-пондур (нам его дед подарил). Месяца за три до этого трагического дня он скончался и еще при жизни подарил нам этот инструмент. Тогда этот мужчина выхватил у меня из рук дечиг-пондур и с размаху ударил им об косяк двери и разбил, вырвал портфель, ударил меня сильно и выбросил меня на улицу. Но плакать я не плакал, помню хорошо.

Издалека донеслась пулеметная или автоматная очередь, выстрелы были в этот день в разных концах села, одиночные выстрелы, а тут — целая очередь.

Люди были напуганы. И через некоторое время мы узнали, что около родника, внизу, стреляли по мужчинам, которые утром были выгнаны из дома и согнаны под предлогом собрания. Пять человек было ранено.

«Студебекеры» стали подъезжать к железнодорожному вокзалу, наш эшелон оказался на первом пути. Нас почти самыми первыми туда подвезли и стали загружать в вагоны. Помню, это был двухосный небольшой вагон. Людей там было очень много. Родственники старались быть вместе, хотя военные и не церемонились, закрывали двери вагонов и завязывали проволокой.

На перроне в это время появился старик, которого все хорошо знали. Он что-то громко доказывал солдатам, покрикивал на них, просил о чем-то. Позже я узнал от матери, что он ругал солдат, утверждая, что русская интеллигенция не простит этого варварства. «Я здесь живу 10 лет, — говорил он, — эти люди меня от смерти спасли, нельзя их выселять, что вы делаете, дети мои, нельзя этого делать, нельзя». Бил палкой по земле. Он работал врачом. Как мне помнится он жил у Бузуртановых возле школы.

23-го февраля к вечеру, когда поезд отошел от Назрани, пошел снег, большими-большими хлопьями. Когда поезд дошел до Беслана, на перроне в двух местах играли на гармошке и танцевали. Чуть далее стояли женщины, что-то говорили, покачивая головами. Помню

в двух местах эти танцы, столы там стояли, В общем, был праздник... для кого-то... Большой праздник... наслаждаться страданиями людей... Смотрели... и танцевали... Эту картину я помню хорошо. И до смерти не забуду.

В вагоне мы оказались под нарами. Взрослые и старики были наверху, а мы, впятером — мать и четверо детей, оказались внизу. Я не замедлил вытащить из кармана ножичек и потихоньку просверлить маленькое отверстие на уровне глаз. Сидя на корточках, стал выглядывать. Это отверстие помогало нам всю дорогу. Мы также пользовались им по легкому, а когда ложились спать, закрывали его тряпочкой. Днем и ночью, когда я просыпался от холода или стука колес, все эти 18 дней я был как дозорный, выглядывая в это отверстие, я с одной стороны видел все: это белое безмолвие, бесконечные снежные равнины. Это был мир, который я видел на протяжении всей дороги, за исключением, когда открывали дверь, дверь открывали редко, либо раз в день, либо в полтора дня. Первое, что людей больше всего мучило — это жажда; голод, что-то не так ощущался, и по естественной нужде людям приходилось туговато. Помню, кто-то произнес: « Сталинград».. Здесь нам выдали по два куска сухаря, по ложке желтого яичного порошка, два или три раза нас кормили. И вот, когда мы высыпали на вокзал, кругом были одни руины и между рельсами лежало много много гильз. А дальше, когда поезд тронулся, выглянуло солнце, и справой стороны, и со стороны «моего» отверстия видно было много разбитой военной техники-самолеты, танки и т.д.

В вагоне было очень тесно: 57 человек, даже присесть негде было. Более молодые, сильные стояли вдоль дверей. По середине стояла круглая чугунная печка. На остановках пытались добыть и забросить уголь, дрова.

В пути следования были очень трогательные моменты: во время остановки уже на половине пути, к примеру, когда поезд подходил к Уралу, чаще всего люди искали своих кровников, своих обидчиков, чтобы простить их. Выходили мужчины, вдоль вагонов выкрикивали имена, искали кого-либо, братались, обнимались. В тот день несколько кровников простили друг друга.

Мы еще не доехали до Оренбурга, как у одного парня умерла мать. Ее закопали в снег, во время остановки. Сын тут же на корточках на снегу молился, когда раздалась команда «по вагонам!» Это был обычный окрик, иногда давали и выстрел вверх. Все заспешили к вагонам,

а парень тот оставался сидеть в той же позе, а эшелон тронулся с места. Тогда военный повторил окрик, а потом подошел сзади к парню и в спину выстрелил, парень как — будто вздрогнул, дернулся, помню это было совсем недалеко от вагона, а потом упал лицом в снег. Военный отбежал, заправил магазин и выстрелил еще раз. Затем побежал вдоль вагона и скрылся.

В нашей семье случилась трагедия. Мать с больной рукой не могла ни высадить, ни поднять на вагон мою сестренку. Я ее всегда высаживал, и когда два эшелона оказались рядом, люди стали метаться в разные стороны, а женщины под вагоны, на виду у всех. В это время я высадил сестренку, а когда раздалась команда «По вагонам!» через определенное время (подсаживать ее мне иногда другие помогали, иногда я ее сам подсаживал, а иногда меня самого подсаживали), в этой суматохе и поезд тронулся, сестренки в вагоне не оказалось. В вагоне не было никакой суматохи, никто не плакал, было спокойно. Мать держалась. Наверху сидела молодая женщина, она одна всплакнула. Мать резко прикрикнула на нее, прижала нас остальных к себе и замолкла. Все молчали... Мне казалось в это время, что я сплю, что вот проснусь — все окажется сном...

Не помню, сколько дней мы ехали, *Я* был в каком-то забытьи, и выглядывать — то боялся.

Казалось, все это пройдет, поклясться был готов, что это сон. Я вспоминал отца, которого в 37 году лишился. Мне казалось, вот-вот проснусь, отец зайдет, я все это расскажу... Мне всегда казалось, что вот-вот я проснусь. Но я не просыпался.

Помню, как прибыли в какой-то город, поезд наш в тупик загнали. Невдалеке стоял барак. Туда нас поместили более 700 человек. Это был длинный барак с низкими окнами в горизонтальную длину. Крыша была с человеческий рост, можно было до крыши дотянуться. Как потом выяснилось, это прежде была какая-то пилорама. В бараке стояла огромная бочка с водой, на цепи висела деревянная кружка. Посреди барака — обогревательная печь. Но это печь не обогревала, потому что центр барака был высоко поднят. Были нары тройные, наскоро сбитые из необструганных досок Мы оказались с правой стороны от входа. Во дворе была сооружена кухня, и тоже на скорую руку. Печки были плоские, чугунные, их было несколько. А чуть дальше стоял туалет.

В первые дни стояли военные, спрашивали, куда идешь. Наверное, боялись, что мы разбежимся, да никто и не собирался бежать.

Разговоры пошли, что вагоны, в которых нас привезли, еще стоят на вокзале. Что нас, очевидно, вернут, погрузят и обратно повезут на Кавказ. Иные говорили от непонимания, другие желаемое выдавали за действительность. И как-то во время очередного собрания, когда мужчины начали вести разговоры, мол, никто не расходитесь, не устраивайтесь, вернемся, вышла мать, попросила слово и сказала: «Вы никуда отсюда не вернетесь, пока существует этот строй. Неужели вы думаете у Советской власти других дел нет, как возить нас вперед-назад. Никуда вас не пустят, дайте людям обустроиться, кто как может». Но на эти слова некоторые мужчины обиделись.

Затем смерть начала косить людей одного за другим. Первым умер старик, точно не помню, кажется по фамилии Оздоев. Затем умерла девочка, что напротив наших нар. На скорую руку в метрах за 150 от барака сделали кладбище. Это, очевидно, был овраг, там были опилки, доски. Все годами накопилось, выровнялось. Когда начали копать, выяснилось, что прокопать можно легко, без труда, потому что земля была не очень твердой. Начали хоронить, в первое время редко кто умирал. Стали потом туберкулезом болеть. Где-то в конце апреля в начале мая, а мы прибыли в марте 13-го или 14-го, вспыхнула эпидемия тифа. Сыпной, возвратный, брюшной, как-то он назывался. Температура поднималась до 40 градусов. Бывало, больные в бреду вставали, кто-то голым мог пройти по бараку, что-то ворча. Приходили иногда врачи, увозили больных, или родственники их увозили. В мои функции входило относить «бустам» — мерку, длину трупа, чтобы копали соответствующей длины яму. Оба моих брата лежали в больнице с брюшным тифом. Мать не заболела, я тоже никогда не болел там, в Казахстане.

Мать где-то устроилась на работу. Она неплохо владела русским языком. Она рассказывала, что они с отцом в 1909 году работали в Забайкалье, отец — на железной дороге. Потом в Санкт-Петербурге, Архангельской губернии, до 14-го года там были. Вот там мать и научилась русскому языку, владела им довольно сносно. Устроилась домработницей, мыла посуду, хотя правая рука была больной. Картошку перебирала. Начальник железнодорожной дороги (не помню его фамилию) взял ее на работу, оттуда она иногда приносила борщ или кашу, завернутую в бумагу картошку.

Где-то в середине или в конце мая оба брата вернулись из больницы. К нам в барак пришли люди из подсобного хозяйства завода «Казсельмаша», чтобы вербовать людей для полевых работ. Каким-то

образом, они взяли нас, человек 12 (вместе с матерью нас было трое). Местность, где мы работали, называлась Чубары. Мы пололи и окучивали картошку, другие работы проводили.

Так до осени мы проработали. Иногда по воскресеньям приезжали рабочие с завода, поскольку подсобное хозяйство было заводское.

И осенью, когда мы вернулись, нас уже повезли в другой барак. Улица называлась Театральной. Бараки эти принадлежали рабочим и были приличнее тех, в которых Мы провели весну 1944-го года. В небольшом бараке была одна большая комната, в этой комнате нас жило 13-14 семей. Поставили перегородки — кто фанеру сбил, кто тряпку повесил между жильцами, а со стороны прохода все было видно — кто спит, кто лежит.

Помню, в одно утро к нам зашли несколько солдат и погнали нас на площадь. Сказали: «Победа!» и при этом выкрикивали: «Предатели, вы хотели Советскую власть продать, посмотрите, мы все равно победили». И больных, и здоровых вышвыривали из барака. Площадь была совсем близко, и мы туда пошли насильно. Вот, помню, ехал тогда на запряженной лошади казах, солому вез, и кто-то, возможно, наши, не помню, подожгли эту солому, пока на трибуне кто-то говорил. Торжествовали, плясали, а лошадь испуганно побежала, люди разбегаться стали. Этот эпизод помню.

Наступило лето. Летом я ходил за речку, готовил травяные веники из прутьев. Целую неделю готовил, а в воскресный день на тележке возил их продавать на базар. Это давало кое-какие возможности продлить жизнь.

Еще под землей маленькие «шахты» были, там мы набирали белую глину, делали из нее круглые аккуратные комья и на тележке возили их на базар на продажу. А когда и то, и другое не получало результата охотников на них не бывало, тогда утром рано идешь, набираешь газет целую охапку по 20 копеек и на базаре продаешь по рублю. Так и прошло лето 1945 года.

К осени, учитывая холода зимы с 44-го на 45-й, люди на кладбище заготовили много могил. Конечно, никто себе этого не желал, а делали, учитывая предыдущий год, когда копать мерзлую землю было очень трудно.

С наступлением осени я уже «притерся» к хлебокомбинату, и при возможности там околачивался. Кому при погрузке помогал; военные, когда приезжали, заходили туда, грелись, на улице в кабину их сядешь, чтобы никто не подошел. Что-нибудь да перепадало.

С наступлением лета 46-го года опять взялся за старое. Я начал по базару скитаться. И как-то один мужик мне говорит: «Что ты ходишь, бродишь здесь». Он знал мое занятие: приходилось что-то и украсть, и утащить, и схватить — голод давал о себе знать. Тогда он мне предложил: «давай, — говорит, — чистильщиком будешь, смотри, я зарабатываю деньги, и ты будешь зарабатывать». Принес для меня откуда-то венский стул, ящичек, в нем находилась подставка для ног, колодочки, крем черный в большой банке и щетки. У меня было несколько участков, которые я менял в зависимости от наплыва клиентуры. Это мог быть кинотеатр «Заря» или базар, железнодорожный вокзал. Ящик через плечо на ремне, стул для клиентов, и отправляюсь. Зарабатывал сносно. Кто 3 рубля, кто 5 рублей, а кто порой пинка даст. Запомнилась, удивительна вещь, только ботинок ему почистишь, а почему, думаешь, он второй не ставит, глядь, у него ноги нет. Много было калек тогда.

У меня закончился гуталин, а без крема никто не платил. Походил месяц-полтора в чистильщиках, потом бросил и это занятие. Чтобы пойти осенью в школу я недостаточно хорошо знал русский язык, а не пойти нельзя было. Ну походил в школу в лохмотьях до наступления первых холодов, а снег там выпадал в конце августа, в сентябре уже почти зима начиналась. Пришлось бросить и школу.

Вдоль полотна железной дороги иногда уголь из вагонов вываливался. А порой мы ходили до разъезда. Забирались на железнодорожный состав с углем, накладывали его к краю вагона, и выбрав момент начинали сбрасывать его. В этом деле нужна была сноровка и быстрота. А за тем с проходящего товарняка на ходу спрыгивали. Каждый раз мы бывали кто с фингалом, кто лицо разбивал, не умеючи спрыгивать с вагона. Собирали этот уголь, иногда его продавали.

За все время мы сменили два барака и переехали в старый саманный дом, состоящий из одной комнаты; он стоял на отшибе. Целыми днями я пропадал на базаре. Где что утащу, где что выпрошу, кому помогу что-то выгрузить.

И вот наступила осень, затем и зима с 46-го на 47-й год. Умер наш родственник Якуб, дядя мой, хороший был человек, грамотный. Мы никак не могли похоронить его. Труп несколько дней пролежал, совсем окоченел. Но вот мы положили его на сани и повезли через город, уже к готовой могиле, и там его похоронили. Когда пришел домой, топить было нечем. А недалеко от внутренней тюрьмы, квартала через два, находилось здание, где размешался военный трибунал. Я повадился в их сарай, открывал ночью и оттуда уголь воровал.

Как-то ночью думаю, а что если забраться вовнутрь? Ножом выставил окно со стороны сарая и залез вовнутрь здания военного трибунала. «С другой стороны на столбе горел свет, и внутри все было видно. Я там походил, взял большую красную с бахромой скатерть и графин. Пролез опять в окно, положил их и думаю, сейчас я их вытащу, а потом стекло на место поставлю, чтобы никто не заметил. И когда сам вылез и начал вытягивать через окно эту скатерть, меня сильно кто-то схватил за шиворот. Поворачиваюсь — это милиционер. Я стал плакать. Он спрашивает: «Ты чей?» я говорю: «Амината сын». Тогда он заставил меня залезть обратно, положить скатерть, а графин я еще не успел вытащить. Стекло я опять вставил. Он повел меня к матери, зашел, увидел, как мы живем. Он долго рассматривал комнату, потом матери какие-то деньги дал, сказал, что если еще раз полезет, то упрячет меня в колонию. И ушел. На второй день утром он пришел и говорит: «давай, бабушка, я его в совхоз оправлю, там он хоть в безопасности будет, здесь пропадет малец». И это Герасименко отправил меня на машине в откормочный совхоз.

Иногда мне удавалось принести зерно, мясо, мне разрешали уходить оттуда. Там не было комендатуры, но были спецпереселенцы разной национальности. В мои функции входило уход за скотиной. Прорубь прорубал, канавку для воды, чтобы поить скотину, там было около 100 коров, быки, овцы. Как подохнет какая скотина, взваливали ее на сани и я должен был довести ее до АЛЖИРа (расшифровывалось это слово так: Акмолинский лагерь жен изменников родины). И туда надо было возить эту дохлятину.

Помню еще эпизод в 47-м году. У матери был национальный свадебный пояс с нагрудником, покрытый золотом с камнями, богатый пояс. Наш родственник Магомед Лолохоев и еще один близкий родственник договорились, что муку и еще что-то дадут нам, если пояс им отдадим. А мать потом, смотрю, сидит, плачет. Они вечером должны были муку принести и деньги за этот пояс, Я выкопал яму в сарае, там и зарыл пояс. Вечером покупатели пришли, а мать не нашла пояс. Обвинили в краже Мусу, был у нас дальний родственник днем, после того как они ушли, он тоже был у нас. На него все это и свалили. И когда мы уже немного лучше стали жить, уже в 48-м году, спустя почти год, откопал этот пояс вместе со всеми его приложениями и отдал его матери. Мать меня побила хорошо. Но, слава Богу, этот пояс по сей день у меня. Еще в Казахстане, умирая, мать, сказала:

«Своему сыну, младшему, завещаю этот пояс, и пусть Бог благословит вас всех, но этот пояс отдадите ему».

Однажды сидел я на базаре, подходит какой-то мужчина и просит почистить кожанку. По национальности ингуш, он сразу заговорил на ингушском языке, мы разговорились. Когда в городе появлялись незнакомые ингуши, я начинал расспрашивать о своей пропавшей сестренке. Я объяснял, сколько ей было лет и приметы лица. И вот счастливый случай! Человек в кожанке сказал, что где-то в г.Кушмурун, мол, есть девочка, которая не знает своей фамилии. Зовут ее Фатима, живет у таких-то. Обрадовались, я пригласил его к нам домой, чтобы он рассказал все матери. Мать записала адрес, и буквально через два часа была на вокзале. Выезд более чем на пять километров считался преступлением, за которое судили сроком до двадцати лет, но несмотря на это, мать, никому ничего не сообщив, выехала в Кушмурун. И через девять дней наша семья восстановилась.

К осени 1949-го я уже умел объясняться на русском языке. Опять надо идти в школу. Я пошел в 4-й класс. Обуви у меня толком не было, целое лето пробегал босиком, надеть было нечего, это было труднее всего.

Что изрядно нас мучило: в летнее время на базаре или где-то на площади начинались облавы. Откуда ни возьмись появлялись милиционеры, охватывали весь базар; Охватят на базаре участок и всех сгоняют в кучу, потом выстраивают в ‘колонну и отправляют во двор внутренней тюрьмы. Там по одному звали в кабинет, обыскивали, допрашивали.

Некоторых отбирали в сторону и арестовывали. Наберут 2-3 машины работоспособных, и увозят на полевые работы, И вот, как на зло, как ни облава, обязательно меня ловили, каждый раз я оказывался в этой толпе. Нас выстраивали в колонну и гнали. Правда это было недалеко, по городу, но все равно, по бокам идет милиция, ведет людей.

И однажды, когда началась очередная облава, один мужик дал мне большой финский нож, говорит: «спрячь». Ничего не подозревая, я взял у него нож. А когда сказали, что в следующей комнате обыскивают, это мужик исчез, он раньше прошел туда, на проверку, у него ничего не нашли. Я стоял и думал, куда деть этот злополучный нож. А там в кабинете висел портрет Сталина. Вот за него забросил я этот нож. Обыскали меня, ничего не нашли, дали по шее и выкинули. Вы-

шел мужик стоит: «дай нож!» Я говорю: «Там, в кабинете следователя, за портретом лежит твой нож».

Хаджи-Умар Костоев, Казахстан, 1952.

Так прошло лето 49-го года. Все свободное время я проводил на базаре. Во время облав я хорошо ознакомился с расположением внутренней тюрьмы. Это было 3-этажное П-образное здание. Оттуда спуск был в сторону мясокомбината, в направлении озер, которые в половодье накапливались, а дольше было кладбище. Хорошо ознакомился. В ворота нас загоняли, а через двери, как через фильтр, выпускали уже с главного входа. Если кого, конечно, выпускали. Иные там так и оставались, может быть и надолго, я не знаю. Я, во всяком случае, каждый раз оттуда в ту пору уходил.

В 52-м году я пришел в артель «Металлист». Уже в декабре я шлифовал дуги для кроватей в гальваническом цехе. Когда не бывало работы, меня подключали к электросварщику. Это был не плохой человек, но очень часто пил. Меня часто заставлял бегать за вином.

Зима была холодная. Как-то мы стояли вокруг печки, грелись. Он пришел и говорит: «Мне сказали, чтобы я решетки для тюрьмы сделал, не буду я им делать решетки для тюрьмы». (Там начали новую тюрьму строить). А машину я сам видел, она приехала, выгрузила арматуру во дворе мастерских, толстое-толстое арматурное железо было. Он говорит мастеру: «Вы меня 10 лет продержали по ту сторону решетки, а теперь хотите, чтобы я сам их делал для других? Не буду я «варить!» Они сильно переругались с мастером из-за этих решеток. Сварщик отказался от этой работы.

Где-то в феврале я в очередной раз должен был идти в комендатуру, так как через каждые две недели заставляли отмечаться. Комендант грубо спросил, почему только на второй день явился. Стоял,

Мать Хаджи-Умара Костоева. Казахстан, 1952

стоял и говорит: «Иди, отнеси эти повестки десяти дворникам. Придешь, дам расписаться». Я обходил целый день, 9 человек отыскал, а 10-го не нашел, дома отдал. Пришел, доложил ему. Он говорит: «На, распишись». Я расписался за себя, а у меня мать сильно болела, я говорю: «Я и за мать расписываюсь». Он говорит: «Когда это старая карга подохнет или будет в комендатуру нормально ходить?» А еще люди там стояли. Я ему плюнул в лицо за то, что он мать обозвал. Он выхватил пистолет, схватил меня за воротник и с размаха нанес мне рукояткой пистолета сильный удар по голове, Я пошатнулся, но устоял, потом смотрю, у меня по лицу кровь пошла с пробитого места. Кровь стала заливать лицо. Тогда я резко схватил со стола чернильный прибор из толстого стекла и в ответ нанес им удар по голове. Ударил, не выпуская чернильницы из рук, я еще раз размахнулся и запустил чернильный прибор в него. Не знаю, попал или нет, так как я упал, у меня произошло сотрясение мозга.

После этого момента я пришел в себя только на второй день. Я оказался в каком-то подвале, на руках у меня были надеты наручники, и с правой стороны, у ребер, сильная ссадина. Это меня не так мучило, как то, что я не знал, где я нахожусь. На мне не было ни шапки, ни туфель. Какая-то скамейка находилась посреди камеры. Как сегодня помню эту скамейку из двух широких досок и одной узкой, ножки ее из труб уходили в бетон, дотронулся до головы — боли не было, но выступал гной. Рана, длинная, кожа разошлась. Я почти сутки, по всему видать, там пролежал.

В это время открылась дверь. Вошел мужчина небольшого роста, им оказался тюремный врач. С ним был охранник. Врач осмотрел

рану, с меня сняли наручники. Руки были в синяках и ссадинах. Пошептавшись между собой, они ушли. Я остался лежать в камере.

На второй день пришли другие, стали допрашивать. Говорят: «ты коменданта чуть не убил». Его, оказывается, в больницу положили, у него тоже сотрясение «куриных» мозгов. Зюня была его фамилия. Такая была сволочь. Среди этих негодяев он был самый большой негодяй.

В солнечные дни бывало некоторое утешение. В 8 часов утра кровать пристегивали к стене. Лежать нельзя было днем. Ходишь как зверек по этой маленькой камере. В углу стояла параша.

В марте месяце был такой момент: поведение охранников стало другим, молчаливые, не ругались. И вот 8 или 9 марта я узнаю, что умер Сталин. Видимо, из-за этого они хмурые были.

11 марта меня вызывают на допрос. Вывели из камеры, я эту 3-ю камеру я запомню на всю жизнь. Надо было идти по ступенькам вверх. И с правой стороны, я увидел, вывели из камеры человека маленького роста, руки у него были сзади связаны и мешок надет на голову. В таком виде он казался без головы. Один держал его за руку через мешок, а в левой руке была винтовка со штыком. Когда эту картину увидел, я перепугался сильно. Только сделал из подвала два шага вверх, а меня никто не держал за руку, мне сказали: «вперед иди», и когда их увидел, я остановился. А когда они прошли передо мной, сделал несколько шагов по ступенькам вверх и упал. Не помню, упал или что, колени подкосились, я сел и покрылся потом. Какой-то испуг, как будто меня вывернули на изнанку и в снег затолкали. Потом еле-еле ватными ногами пошел вверх.

Зашел. Сидел какой-то незнакомый человек Он сказал: «Садись сюда». Я сел. Он говорит: «Такого-то числа, помнишь, похороны были?» я говорю: «Помню». Хамсат, говорит, старуха, когда умерла. Я говорю: «Помню». Он положил передо мной снимок стариков человек 14-15.

— Ты здесь внизу подпишись, что они молились и просили Аллаха, чтобы Сталин умер. Вот здесь распишешься — мы тебя отпустим.

Я отказался. Он заявил, что сгноит меня в тюрьме. А я не знал, что сзади кто-то стоит. Когда я встал, человек, который стоял сзади, ударил меня, я растянулся на полу кабинета.

Меня сильно били: бровь рассекли, сапогом по лицу ударили несколько раз, кровь начала все лицо заливать, Я опять потерял сознание, пришел в себя опять в камере. Били меня часто. Бровь так и не зашили, она сама по себе зажила.

Прошло время, не знаю сколько. Уже весна была. На прогулку на 15 минут выведут, на расстоянии 5 шагов друг от друга по двору внутренней тюрьмы погуляем, потом опять по камерам заталкивали как зверей. А на четвертой стене П-образного этого здания, наверху, сидел охранник, у него стоял пулемет, повернутый во двор, это бывало видно во время прогулки. В углу стены была куча мусора. Это я заметил, когда меня вывели убирать этот мусор, иногда заключенных заставляли выполнять эту работу.

Месяца через три арестовали Берия. После его ареста меня перевели в общую камеру. В общей камере было человек шестьдесят, в карты играли, били. Никто им сдачи не давал, они верховенствовали. Особенно одного старика они все время терзали, заставляли ползать и под нары его заталкивали. Просто издевались. После этого прошло дня четыре. Вдруг открывают дверь и заводят еще троих.

Один из них был то ли кореец, то ли казах по виду, а двое других сразу задали вопрос по-ингушски: «Есть ли здесь ингуши?». Я ответил также по-ингушски: «Я один». Он говорит: «О-о, что с тобой?» Я говорю: «Я в 3-ей камере сидел больше 3-х месяцев».

— А что ты сделал?

– Избил коменданта, отказывался документы подписывать.

– Суд был?

– Никакого суда не было, не знаю, что они меня тут держат.

А блатяга, атаман, который верховодил в камере, что-то сказал одному из своих собратьев. Тот подходит, с ног до головы осматривает вошедших, подбежал к своим, что-то сказал. Ингуш спрашивает: «Что это с ними?». Я говорю, что старика под нары заталкивают, каждый день его избивают «А кто у них главный?» Я говорю: «Тот, что сидит вон там». Он подошел к двум сидящим за картами, ударил в лицо этого атамана. Тот соскочил, другие с нар повскакивали. Кореец и два ингуша стали наносить им такие удары, что аж нары трещали. Дрались минуты две-три, у всех лица разбиты, кто валялся, кто на нары залез.

В это время открывается дверь камеры, входят два охранника и небольшого роста казах-майор. Как они вошли, ингуш повернулся, говорит: «Тут порядок наводим, у вас тут порядка нет». Тот говорит: «Хорошо, наводи порядок, наводи».

Недели полторы нас группами выводили во двор и заставляли долбить лед. Там сверху мусор, а внизу нерастаявший лед. Во время

этой работы говорит мне ингуш: «Пролезешь через это отверстие, если мы снимем эту решетку?» Я говорю: «Пролезу, если снимете». И вот они как будто долбят лед, а там, на самом верху, сидел охранник, а прямо внизу мы работали, он поддел ломом старую сгнившую решетку, которая пропускала нечистоты, стекавшие в сторону озер. Они вычистили место, и я прямо под стеной полез... Мне казалось, это, наверное, самый длинный туннель... Через эту грязь прополз.

Хаджи-Умар Костоев, Омск, 1956.

Вышел, секунду постоял, потом пошел влево, в сторону свалки, и не дойдя до нее, пошел вдоль дороги. Справа осталось озеро, слева тоже какой-то водоем, т.е. половодье. По этой дороге дошел до русского кладбища. Там отсидел часа 2-3, а потом пошел домой, мы через железную дорогу недалеко жили.

Пришел домой, мама меня увидела: «Ва-ай, из могилы встал!». Я говорю: «Сбежал я». — «Суд был?». — «Не был».

— Пока ты сидел, Сталин умер, Берия арестовали.

— Что ты намерен теперь делать?

— Убегу.

Мать наскребла денег, и я быстро двинулся на вокзал, и в эту ночь я уехал. Через Атбасар, доехал до Карталы, утром второго дня был в Карталах. Потом поезд пошел на Запад до Оренбурга. Купил карту, смотрю: Уральск ближе к Кавказу, чем Оренбург. Сел в поезд, поехал в Уральск, устроился на работу.

Написал письмо брату, он ответил: «Больше домой не пиши, тебя разыскивают. Один розыск по Казахстану, другой — Всесоюзный, два розыска на тебя объявлены». Тогда я быстро ушел с работы, а подъ-

емные надо было вернуть — мои знакомые ребята дали мне денег, и я оттуда ушел.

Пошел на базар. А уже осень была. Где дыню стащу, где еще что умудрюсь достать, голод утолял, ходил.

Смотрю, недалеко цыгане передрались с местными казаками. Стою в стороне, эта суматоха всегда помогает неблаговидными делами заниматься на базаре.

Думаю, слава богу, повезло мне, и сумку себе набил то одним, то другим. В это время получаю сильный удар кнутом. Смотрю, какой-то мужик орет на меня: цыганская рожа, воруешь?! Тогда схватил его за этот кнут, сильно ударил между ног, он скрутился, кнут оказался у меня в руках, другие налетели, и я с этим кнутом побежал в сторону цыган. Раз меня бьют как цыгана, куда еще деваться? Половина базара по одну сторону от нас, другая половина — по другую, и я с этими цыганами отступил, там овраг, потом лес. Они орут что-то по-своему. Я не понимаю их, но знаю, что мне надо затеряться среди них. У меня были длинные черные волосы, в общем видок был еще тот.

Эту зиму мне пришлось провести с цыганами в большом саманном доме, это не дом даже, две комнаты, в них жили, многие на полу спали.

Промышлял я тем, что ночью на санях ходил по реке Урал с цыганами, местные казахи ставили приспособления для ловли рыб, «морды» назывались, а мы вытаскивали эти «морды», наполняли сани рыбой и на второй день на базар эту рыбу отвозили. Сами не ставили эти сети, а чужие доставали, цыгане знали хорошо эти места.

Прошло время. Наступила весна 54-го года. Совершенно случайно в парке я оказался возле интеллигентно одетого человека. В руках у него был футляр для скрипки. Этот человек оказался артистом или музыкантом театра оперетты. Он повел меня к своему администратору и устроил осветителем театра.

То, что я увидел в театре, меня тронуло до глубины души. То, что видел до сих пор: слезы, униженья, оскорбленья — все это осталось там, в далеком детстве. А сейчас я на мир смотрел другими глазами, да и нрав у меня был другой. Ведь униженный человек остро ощущает потребности уважения к себе...

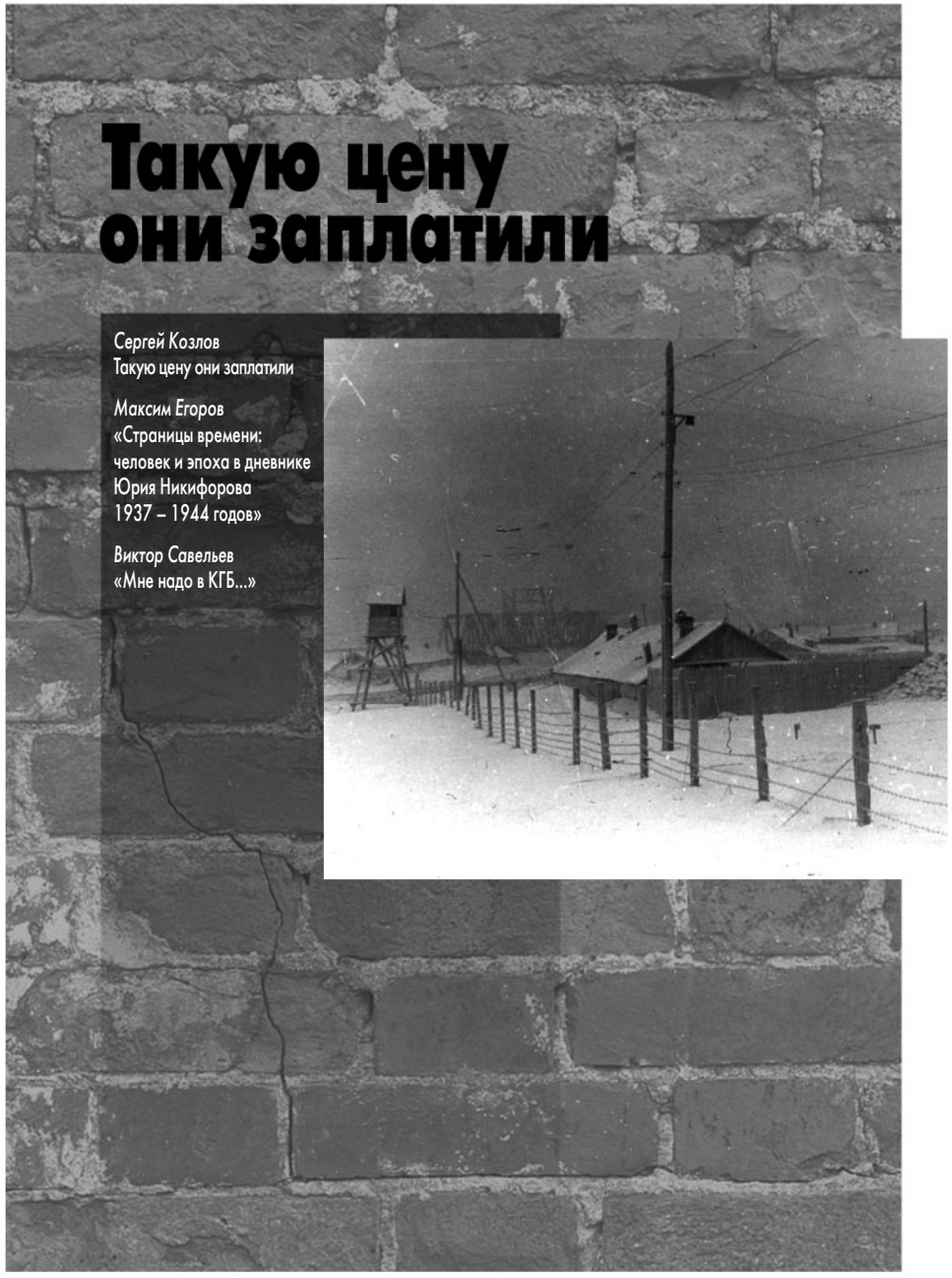
И я был уже не тот юнец, который со страхом глазел на тюремную камеру. Входил туда со слезами на глазах, со страхом. Оттуда вышел мрачным, полным отчаяния. Я чувствовал, что у меня внутри что-то

надломилось, мне казалось, что весь мир уже не для меня, я как бы не живой.

Театр состоял из удивительных людей, в большинстве своем в коллектив входили бывшие политзаключенные, в свое время осужденные, потом освобожденные.

И вот с этим театром я вернулся в город. Вернувшись домой, я говорю маме: «Мама, я работаю в театре, целое лето я проездил с ними, лишь осенью вернулись с гастролей».

И вот все это позади, уже пошел седьмой десяток лет после этого черного февральского дня. Но до сих пор непроизвольно в душе встает вопрос «За что?» За какие грехи мой народ был выслан с родных гор на вымирание?

Сергей Козлов

Республика Коми, г.Ухта, пос. Ярега, школа №15, 11 класс.
Научный руководитель: Е.А.Долонина

Такую цену они заплатили

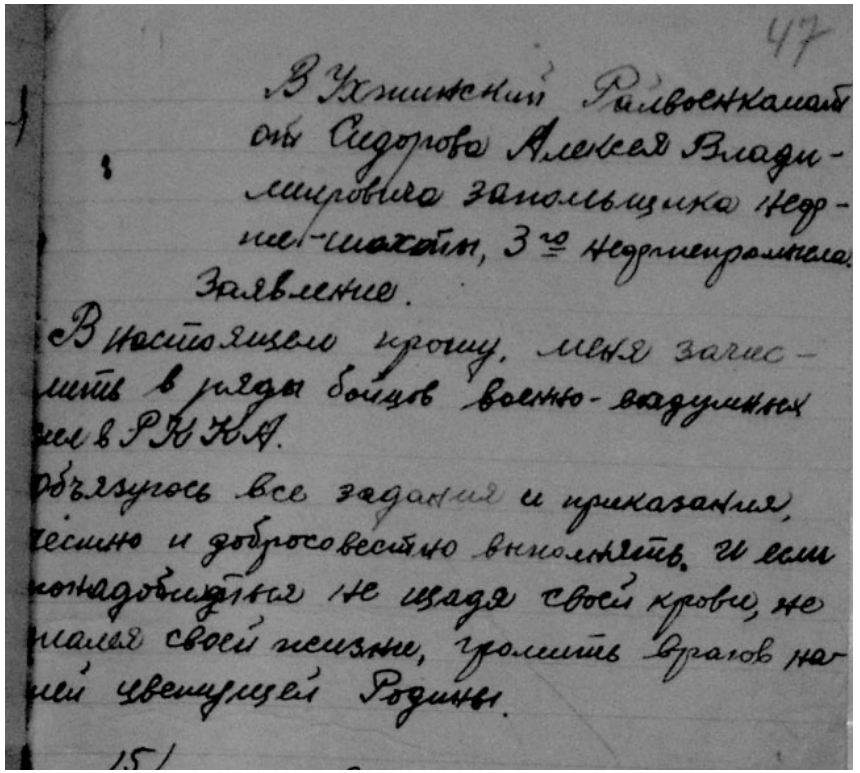
В заявлении заключенного Бориса Дмитриевича Шаранкова моему взору предстала тяжелая судьба человека. Он участвовал в военных действиях 20-х годов, был даже командиром кавалерийского эскадрона в кавалерийском полку. Но в 1937 г. был осужден по статье «контрреволюционной агитации» на 5 лет, а после освобождения направлен не в армию, а на тяжелые работы на нефтепромысле. В своем заявлении он обращается к военному комиссару с просьбой: «поймите меня, подайте мне руку спасения и дайте мне снова возможность встать с клинком в руке на защиту Родины рядом со священными защитниками». Причина его понятна, точнее это великое желание вернуть себе доброе имя. Благодаря такому рвению его просьбу удовлетворили, и отправили на фронт.

По неполным данным, в народном ополчении и других добровольческих формированиях во время войны находилось не менее 4 млн. человек. Огромное количество юношей и девушек шли в военкоматы, настаивая принять их в действующую армию добровольцами. Некоторые 16-17-летние юноши и девушки обивали пороги военкоматов в надежде быть отправленными бить фашистов, несмотря на малый возраст. Шли добровольцами и люди зрелого возраста, взывая о снятии с них брони, чтобы мстить врагу за смерти родных и близких. Интересно стало узнать, как по-

падали они в армию, что заставляло их проситься на фронт (хотя они могли и в тылу принести немалую пользу, а некоторые могли просто тихо отсидеться вдали от боёв), ведь никто не имел права им приказать, никто не тянул их за руку в длинные очереди возле военкоматов. Усиленно просились в армию и те, кого в те суровые годы продолжали считать врагами народа, те, кто продолжал отбывать сроки в сталинских лагерях.

Задавшись этим вопросом, мы обратились к архивам Ухтинского военкомата. Работники военкомата сообщили нам, что сохранились некоторые документы только 1941 — 1944 гг. Судьба этих документов чуть не стала трагедией для историков. Военкомат обязан хранить документы 10 лет (по крайней мере, так было обозначено на книгах с документами). Несколько книг с документами сохранились чудом, будучи благополучно забытыми на дальних полках. Когда их обнаружили, то решили, что срок хранения давно истёк, военкомату они не нужны, поэтому книги списали, в военкомате они больше не числятся. И предложили посмотреть книги одному из краеведов Ухты Федотовой Татьяне Александровне. Только благодаря её вмешательству книги сохранили. Она обещала передать эти книги в музей, а перед этим разрешила нам, участникам школьного краеведческого кружка, поработать с документами. Нам разрешили сделать фотокопии документов, чтобы удобнее было работать, и чтобы не надо было ездить каждый день в Ухту (это очень затратно и по времени и по деньгам). Поэтому в списке источников, указывая названия книг документов военкомата, я не указываю архивных или музейных данных, на сегодня их просто нет.

Меня интересовали те документы, которые касались моих земляков — жителей трёх маленьких отдельных лагерных пунктов (дальше — ОЛПов) с примыкавшими к ним посёлочками. ОЛПы были организованы возле месторождений тяжёлой нефти в 1936-1939 годах. Это были ОЛП №4 возле нефтешахты №1, ОЛП №11 возле нефтешахты №2, ОЛП №2 возле нефтешахты №3. В ряде документов нефтешахту №1 ещё называли нефтепромысел №3. В годы войны посёлки состояли всего из нескольких бараков. Население лагпунктов в основном составляли заключенные, а также строители и шахтёры нефтяных шахт, прибывшие на строительство шахт из коми деревень по комсомольской путевке по строжайшему отбору, и совсем немного вольных квалифицированных специалистов и охраны. Чтобы узнать, сколько моих земляков ушло на фронт, я обратился в музей поселка,

В Ухтинский Райвоенкомат
от Сидорова Алексея Владимировича запольщика Нефтяной-шахты, 3го Нефтепромысла
Заявление.
В настоящее время, меня зачислить в ряды бойцов военно-воздушных сил в РККА.
Обязуюсь все задания и приказания, честно и добросовестно выполнять. И если понадобиться не щадя своей крови, не жалея своей жизни, громить врагов нашей священной Родины.

Заявление Сидорова Алексея Владимировича с просьбой зачислить в ряды РККА

где мне предоставили следующие данные: призвано шахтеров 750 человек, из них 66 погибло, 8 пропали без вести, и всего 14 вернулись на Ярегу. Остальные вернулись в Коми или разъехались по всей стране.

Количество заключённых, освобождённых досрочно для отправки на фронт, узнать не удалось, можно лишь предположить, что было их немало (по примерным подсчётам более 150 человек).

Заявления 1942 г написаны от руки карандашом на двух — трех тетрадных листах, чаще в линейку. С 1943 г добровольцам стали выдавать чернильные ручки и бланки, на которых впоследствии ставились печати. Встречались заявления малограмотных людей, которые закончили всего 2-3 класса. Есть заявления, которые написаны по шаблону, а есть даже поэтические, также есть групповые по 6 — 8 че-

ловек, скорее всего членов одной бригады или соседей по общежитию. Бумаги, на которых писались заявления, обтрепались, в некоторых местах просвечивают. Текст кое-где трудно читается. В некоторых заявлениях трудно разобрать почерк. Судя по заявлениям, военным комиссаром в годы войны был Султанов (его звание менялось в течение войны: большая часть документов подписана старшим политруком Султановым, с марта 1943 г. — он интендант 3 ранга, с апреля 1943 г. — капитан административной службы). Заявления и документы подписывали так же начальник 1 части Шафеев, младший лейтенант Семириков, технический интендант 2 ранга Канев.

Среди документов были списки отправленных на фронт работников шахт, были списки заключённых, освобождённых досрочно для отправки на фронт, запросы из разных военных училищ об отправке к ним призывников для подготовки специалистов военного дела. Но самыми интересными мне показались заявления, в которых содержались просьбы об отправке на фронт. К заявлениям прилагалась автобиография, изредка характеристика на добровольца, написанная секретарём комсомольской организации. Первые заявления, которые оказались в нашем распоряжении, появились в райвоенкомате еще в октябре 1942 г. Последние из помещённых в имеющиеся книги военкомата — заявления 1944 года. Задача, которую я поставил перед собой, — доказать, что документы военкомата и в частности заявления добровольцев о приёме в армию являются ценным историческим источником по истории Великой Отечественной войны.

«Желаю смыть с себя чёрные и позорные пятна...»

Заключённые — люди, лишённые всего, даже права защищать родину. Их было много на Ярегских ОЛПах, более трёх тысяч человек. Материалы книги по отправлению на фронт за 1944 год позволили составить небольшой список отправленных на фронт заключённых ОЛПов при нефтешахтах (записана только та информация, которую удалось прочитать, так как эти листы плохо сохранились). Список интересен ещё и потому, что по месту рождения или жительства кто-то может попытаться восстановить подробности биографии этих людей.

Удивляет разнообразие статей у освобождённых для отправки на фронт. Очевидна так же разница в уровне образования, разброс велик: от 1 класса до высшего образования. Да и география мест жительства и рождения тоже широка, сроки отбывали, работая на нефтешахтах,

отовсюду. Разница в возрасте не так ощутима: от 19 до 34 лет. Понятно, зачем нужен на фронте пожилой и немощный. Если учесть, что заключённым мог стать любой, трудившийся во время войны на предприятиях с бронью, за какие-либо нарушения трудовой дисциплины, то можно представить, что замена срока службой в армии (особенно для молодых) не была единичным случаем. Посмотрим, какие преступления фиксирует военкомат (данные найдены в Книге по отправлению в РККА за 1944 год).

С.5. А.А. Коршунов, статья 5. Вина — оставил охраняемый им объект и занялся разгрузкой рыбы из вагонов, принадлежащих ОРСу с 15 до 18 часов. До этого имел уже 5 суток ареста тоже за самовольно оставленный пост.

С.7 Качаров. Вина — «съел» 148 кг охраняемого им картофеля, приговор — срок 3 года. С.8 Заключённый Х. срок 2 года за то, что «неорганизованно принял макароны из вагона», недостача 71 кг на сумму 4082 руб.)

С. 217. Приговор в отношении Мурзина Нуриахмеда Мурзеевича, 1915 г.р., с. Рюм-Дюм, Ялобушского р-на Татарской АССР. Рабочий нефтешахты №3, по вольному найму, оставил производство, работал в Ухте на частных работах. Как дезертир производства (преступление по Указу от 26.12.1941) 5 лет без поражения в правах и направить в армию.

С.418-419. Приговор по обвинению Сосикова Григория Ефимовича 1914 г.р., с. Красный Клин, Дмитриевсикй р-н, Муромская обл. Работал по вольному найму на нефтешахте №1 Ухтоижемского лагеря, с июня по ноябрь 1943 г. допустил дважды прогулы, самовольно затем оставил производство, позже сам явился как вновь принятый. Преступление по Указу от 26.12.1941 г. (6 лет с поражением в правах). Направлен в действующую армию.

К уголовникам в годы войны отнеслись терпимее, разрешив им сокращать сроки наказания с условием, что они проявят себя в боях, или откладывать начало срока до окончания боевых действий с предложением отправиться в армию на передний фронт или в штрафную роту и попытаться проявить героизм в боях. Приговоры с таким текстом встречаются не однажды. «В силу примечания 2-го к статье 28 УК РСФСР исполнение приговора отсрочить до окончания военных действий, а осуждённого направить в часть действующей Красной Армии, и если он проявит себя стойким защитником СССР, то по ходатайству соответствующего командования, Военный трибунал мо-

жет освободить его от назначенной меры уголовного наказания полностью, либо применить таковую более мягкой (книга 1944 года, с.7); «приговор исполнением отсрочить, до окончания военных действий. Направив его в действующую армию. Разъяснив ему, что если он проявит себя стойким защитником родины, то по ходатайству командования части, в которой будет находиться перед Военным трибуналом, он может быть частично или вовсе освобождён от отбытия меры наказания.» (книга 1944 года, с.8).

А вот пересмотр наказания по политическим мотивам встречен лишь несколько раз, когда в списках отправленных на фронт заключённых указано, что отправлен на фронт. Например: шахта №1. Никольский Сергей Дмитриевич, 1906 года рождения, высшее образование, рядовой, русский, Тульская обл., г. Калуга. Ст. 58-3 срок 10 лет (книга 1944 г., с.153). Шахта №1 Хаит Абрам Исакович, 1918 г.р., еврей, 10 кл., Киев. Ст 58-10 срок 8 лет (книга 1944 года, с.274). Шахта №1. Галоненко, 1920 г.р., среднее образование, Иркутская обл., Тугунский р-н, ст. 58-10 срок 8 лет. Курзин Дмитрий Данилович, 1912 г.р., среднее образование, Саратовская обл., г. Ртищев, ст. 58-10, срок 8 лет. Будник Михаил, 1910 г.р., украинец, Киев, Карелевка, стастьи 193, 58-10. Срок — 10 лет (книга 1944 года, с. 357). Можно отметить, что призываться «политические» стали в основном в 1942 году, то есть после того, как положение дел на фронтах стало критическим, а солдаты были очень нужны.

В книге 1942 года есть списки призывников, освобождённых из мест заключения УхтИжемлага НКВД и призванных в РККА Ухтинским Райвоенкоматом Коми АССР. В списке от 27 июня 1942 г. 24 человека. Рассмотрим этот список: все призывники 1922-23 года рождения, образование — от 2 до 7 классов и 1 среднее, национальность — русские и украинцы, есть 1 молдаванин, 1 коми. Дата начала срока — 1940-41гг., статьи: 170, 162, 165, 104, 70, 82, 74, 72, 71. Все к моменту отправки в армию отсидели по 2 года (книга 1942 года, с. 100).

Сразу после отсрочки приговора освобождённых отправляли на фронт. Перед этим и перед отправкой многие писали заявления, в которых указывали, что желают смыть позор лагерей кровью на фронте.

В заявлении заключенного Бориса Дмитриевича Шаранкова моему взору предстала тяжелая судьба человека. Этот человек участвовал в военных действиях 20х годов, был даже командиром кавалерийского эскадрона в кавалерийском полку. Но в 1937г был осужден по статье «контрреволюционной агитации» на 5 лет, а после освобождения направлен не в армию, а на тяжелые работы на нефтепромысле. В своем заявлении он обращается к военному комиссару с просьбой: «поймите меня, подайте мне руку спасения и дайте мне снова возможность встать с клинком в руке на защиту Родины рядом со священными защитниками». Причина его понятна, точнее это великое желание вернуть себе доброе имя. Благодаря такому рвению его просьбу удовлетворили, и отправили на фронт.

Судя по заявлениям, в прошлом большинство из заключённых, просившихся или по приговору суда отправленных на фронт, военные или имеющие высшее образование. Осуждены они были на 5-7 лет. По освобождению оставались работать на нефтешахтах. Заключенные, имеющие военную профессию, просились на фронт по специальности, в определенный род войск. В своих заявлениях каждый упоминает, что хочет загладить свою вину. Например, в заявлении Половченко Ивана Трофимовича: «сейчас, когда я отбыл свой срок наказания и чувствую себя физически годным к несению воинской службы, сейчас, когда лучшие люди встали грудью на защиту своего государства, мне, как бывшему комсомольцу, сыну члена ВКП(б) сидеть в тылу не к лицу. Желаю исполнить свой гражданский долг перед Родиной, там на фронте смыть с себя черные и позорные пятна, наконец, не желая отстать от своего отца и брата, которые сейчас находятся на фронте» (книга 1942 года, лист 55). А ведь этот человек был осужден всего на год исправительно — трудового лагеря, к тому же он являлся ранее солдатом Красной Армии. Его просьбу удовлетворили и отправили на фронт.

Рассматривая заявление подобного характера, стоит отметить грамотность этих заключенных. Эти люди оканчивали училища, институты и даже академии, а лагеря просто губили их жизни, попасть на фронт значило для многих искупление грехов (даже если они их и не совершали, то всё равно старались «очиститься кровью» в глазах людей). Форма их заявлений была, скорее всего, произвольной. Писали чаще на тетрадном листе, карандашом. В мои руки попало заявление отличное от других. Оно было написано чернилами, на каком — то старом бланке заключенным Сергеем Георгиевичем Ростошовым. Самое интересное, что ему осталось еще два с половиной года сроку, а он просит зачислить его в ряды РККА, ссылаясь на то, что он имеет военный опыт, был командиром взвода кавалерийского полка. Он считает, что мог бы оказать помощь Красной Армии в борьбе за правое дело.

Памятник погибшим в Великой Отечественной войне, многие из которых были бывшие «враги народа» (п.Ярега)

Заявление Бориса Ивановича Балабанова поразило меня. Выходец из крестьян, еще ребенком был отправлен с отцом в Сибирь, а затем на строительство Китайско- Восточной железной дороги. За свою жизнь этот человек сменил множество профессий: от монтера телеграфа до шофера автоинспекции. В 1937 г. был осужден по статье «КРА» на 8 лет, освобожден досрочно за хорошую работу на шахте. Просится на фронт, так как не может оставаться в тылу: «Я получил от жены письмо, в котором она спрашивает, почему я освободился досрочно и еще не на фронте. Прошу взять меня в Армию, я оправдаю свой долг перед Родиной». Но на его заявление пришел ответ: «О призыве в Красную Армию удовлетворить не можем, ввиду того, что бронирован, и поэтому просим обращаться к начальству шахты о призыве в Красную Армию»к «Бронированный» человек получал защиту от армии, оставался в тылу. Можно сказать, что этот документ сохранял человеку жизнь. Но что самое удивительное, многие отказывались от такой привилегии, отпрашивались у начальства и уходили на фронт.

Заключенный Иван Давыдович Рогожников — выходец из крестьян, отсидел два года по уголовной статье, был освобожден досрочно, в прошлом участвовал в боях за озеро Хасан, воевал с финнами. В своем заявлении он пишет: «...И сейчас не хватает моего терпения сидеть в тылу, когда враг посягает на нашу Родину...» (книга 1942 года, лист 87).

Рассмотрев заявления заключенных можно сделать вывод, что все эти люди остаются преданными своей Родине, хотят защищать её, они верят в то, что только долг перед отчизной поможет им избавиться от позора, или они погибнут и смоют все свои черные пятна кровью.

Если заявление удовлетворялось (а были случаи, когда заключённому отказывали в досрочном освобождении или отсрочке приговора), то новобранец отправлялся в армию. В пути следования были долго. Для порядка таких группировали и назначали старшего, который был ответственным за группу, отчитывался за всех. Писали ответственные расписки и отчёт в военкомат, что прибыли, как доехали и что произошло в пути (например, Книга 1944 года, с. 192: «В пути краж и прочих неподобных вещей не случалось»).

Некоторых новобранцев-освобождённых комиссия на месте прибытия отсеивала как неподходящих по здоровью (книга1944, с. 192): «из числа направленной вами команды в распоряжение командира 34 запасного стрелкового полка по направлению №42, по заключению мед.комиссии приёмного пункта 5 человек оказались истощёнными. На основании распоряжения штаба А 130 за №М/5/93 от 15.02.1944г., ниже поименованные в/обязанные приёму в полк не подлежат и возвращаются обратно в ваше распоряжение» (книга 1944 года, с.254). Удивляться такому не приходится. Известны условия содержания заключённых в лагерях, тем более в военное время, когда многие умирали от истощения.

Поэтому в голову приходит мысль о том, что для многих заключённых попасть на фронт означало не только смыть позор заключения, но и, вероятно, умереть не в лагере от голода, а на фронте героем.

Ещё один интересный факт: «командиру польского запасного полка. При этом направляю военнообязанного АТРАС Францу Мартыновича, 1919 г., уроженец с. Шулица Томашево Люблинского уезда, Люблинского воеводства, Польша для прохождения воинской службы польской армии. Основание: распоряжение военкомата Коми АССР. Приложение: справка об освобождении 1 штука. Ухт райвоенком капитан Елин. Начальник 2 части старший лейтенант Корычев»[1],

[1] Военный Комиссариат Коми АССР. Ухтинский райвоенкомат. Дело №27. 1944 год. По отправлению в РККА. Начато 2 января 1944 г., окончено 31 декабря 1944 г. С. 496.

подобное распоряжение в отношении « Майшак Александр Андреевич, 1922 г., уроженец г. Варшава (приложение: удостоверение об освобождении из под стражи №63/120823)»[1]. Эти документы подтверждают факт частичной отправки амнистированных поляков, отбывавших срок в наших лагерях, в начале войны, в августе 1941 года, добровольцами формирующейся на территории СССР Польской освободительной армии. Кто не хотел в армию — оставались в лагере. Но в 1944 году, когда заканчивались сроки их наказания, всех ждала польская армия, пусть даже запасной полк.

Таким образом, мы увидели, что и заключённые отправлялись защищать Родину. У каждого были свои мотивы, а кто-то становился защитником по решению суда. В любом случае заключённые получали шанс снять с себя судимость. О том, куда попадали они на фронте, догадаться несложно. Скорее всего, это были штрафные части (роты или батальоны). Знакомясь с литературой по этому вопросу, я встречал противоречивые точки зрения как на сами штрафные формирования, так и на штрафников. Впрочем, в своей работе я не ставил целью дать характеристику этого явления. Скажу только, что, на мой взгляд, мало кто из бывших заключённых оставался в живых. Их вернулось с фронта гораздо меньше, чем тех, кто уходил на фронт, будучи вольными. Такую цену они заплатили. Имён этих людей, вероятно, мы не встретим на памятниках или в Книгах памяти (как исключение — имя Героя Советского Союза Александра Матросова, скорее как пример для подражания, как в своё время был таким примером, только в труде, Алексей Стаханов).

Судя по спискам, никто из отправленных на фронт бывших заключённых, оставшихся в живых на войне, на Ярегу обратно после демобилизации не вернулся.

[1] Военный Комиссариат Коми АССР. Ухтинский райвоенкомат. Дело №27. 1944 год. По отправлению в РККА. Начато 2 января 1944 г., окончено 31 декабря 1944 г. С. 517.

Максим Егоров
г.Владимир, гимназия №3,
10 класс
Научный руководитель:
О.Н.Гуреев.

«Страницы времени:
человек и эпоха в дневнике Юрия Никифорова 1937 — 1944 годов»

Из управления ФСБ Владимирской области были получены судебные приговоры на С.И. Никифорова и И.И. Никифорову. Отец Юрия был осужден за «антисоветскую пропаганду» по 58 статье за то, что он «на протяжении 39—40 годов систематически ведёт антисоветскую агитацию и дискредитирует руководителей ВКП(б) и советского правительства» на 3 года . Приговор матери был — 5 лет : «Ирина Ивановна достаточно изобличается в том, что на протяжении четырех лет с 1936 г. систематически ведет антисоветскую агитацию и высказывает террористические намерения против руководителей ВКП (б) и советского правительства»[1]. Обвинения строились на их высказываниях о советском строе, правительстве, уровне экономики в стране.

Уже много лет учащиеся гимназии № 3 г. Владимира, в которой я учусь, ведут работу по увековечению памяти выпускников, погибших в годы Великой Отечественной войны.

В 2001 году мы совершили экспедицию в Витебскую область республики Беларусь. Мы посетили могилы трех выпускников нашей шко-

[1] Боль и память. Книга Памяти жертв политических репрессий Владимирской области. I том. Владимир, 2001. С.58.

лы — Александра Сорокина, Геннадия Довженко и Юрия Никифорова. Все они погибли в 1944 году, освобождая Белоруссию.

Летом 2001 г. нам удалось найти племянницу Юрия Никифорова Ирину Ивановну Лактионову. Юрий Никифоров был родным братом её матери Елены Сергеевны Никифоровой. С детства Ирина Ивановна слышала рассказы матери и других членов семьи о Юрии. В семье Никифоровых бережно хранится всё, что было связано с ним: фотографии, рисунки Юрия, фронтовые письма. Самая большая ценность семейного архива — личные дневники Юрия Никифорова, которые он начал вести в 1937 году, ещё учеником школы № 3. Дневники Юрий вел практически до последних дней своей короткой жизни. На встрече с Ириной Ивановной Лактионовой мы впервые увидели эти дневники, а потом родилась идея силами школьной театральной студии «Art — Мастер» поставить спектакль по дневниковым записям Юрия. Премьера спектакля «Дневник лейтенанта» состоялась 7 мая 2002 года. Девять мальчишек играли одну роль — Юрия Никифорова. Я тоже участвовал в спектакле и, готовясь к. нему, всё больше и больше погружался в дневники. Ирина Ивановна разрешила нам сделать с них копию.

При чтении дневников создавалось ощущение, что ты переживаешь события, описанные автором, что человек из далеких 40-х годов XX века общается с тобой.

В ходе исследования мы работали и с подлинниками дневников, которые хранятся в личном архиве Ирины Ивановны Лактионовой. Это две тетради, трофейная записная книжка, разрозненные листы с записями. В первой тетради записи велись с 26 ноября 1937 года. Юрий Никифоров красочно оформил обложку своего первого дневника. На ней в правом верхнем углу он поместил свою фотографию, по краям сделал орнамент, по диагонали поместил надпись «Дневник». Записи он делал практически ежедневно, синими и зелеными чернилами ровным, каллиграфическим почерком.

Второй дневник записывался в «Книге для записей» в толстой, серой, полотняной обложке. Записи во второй тетради начаты 1 января 1940 года и закончены 21 апреля 1942 года. Дневники были продолжены и на фронте. Часть фронтовых записей велась в трофейной, немецкой, карманной записной книжке, часть на отдельных листах. Фронтовые дневники написаны менее разборчиво, часть записей делалась карандашом, сведения были отрывистыми. Особенно трудно было расшифровать записи в трофейной записной книжке размером

Семья Никифоровых. 1931 г. (Юрий сидит второй слева)

8 на 4 см. Здесь миллиметровые карандашные записи полустерлись, читать можно только с увеличительным стеклом.

После ранения в сентябре 1943 года Юрий Никифоров лежал в госпиталях городов Калуги и Владимира и оставил дневниковые записи дома. Последняя запись в дневнике сделана 15 января 1944 года.

«А если враг...»

«26 ноября 1937 г.
Веселый и радостный шёл я домой, напевая песенку: «А если враг нашу радость живую отнять захочет в упорном бою, тогда мы песню споем боевую и встанем грудью за Родину свою».

«Времена не выбирают...» Герой нашего исследования прожил недолгую жизнь — погиб в 23 года. Семь последних лет жизни вел дневник. Человек во времени, время в дневнике.

Юрий (Георгий) Никифоров родился 17 мая 1920 года во Владимире в семье Сергея Ивановича и Ирины Ивановны Никифоровых.

Отец Юрия был служащим, работал в различных учреждениях г. Владимира. Мать не работала, занималась воспитанием детей. У Юрия было три сестры — старшая Валентина и младшие Руфина и Елена. Жили Никифоровы на ул. Урицкого в доме № 12. До революции улица называлась Подсоборной. Со двора дома была видна Клязьма и заливные заклязьменские луга. На крутом холме возвышался величественный Успенский собор. По праздникам звонили колокола на соборной колокольне. В 1929 г. собор закрыли, колокольный звон прекратился.

Юрий Никифоров учился в школе № 3. Вместе с ним в школу ходили его сестры Руфа и Лена. Родителей радовала целеустремленность Юры: он хорошо учился, прекрасно рисовал, занимался фотографией. Как и многие мальчишки того времени, мечтал стать военным.

В десятом классе, в ноябре 1937 года, начал вести дневник.

Первая запись в дневнике — о самом главном в жизни: «*26 ноября 1937 г. Сегодня мой день осенен радостью! Я получил повестку явиться в гор. отдел НКВД. Но я не дрожал, я шёл туда смело, потому что я знал, что пришел, наверное, ответ от т. Ежова. Ещё в сентябре я подал заявление Народному комиссару внутренних дел, Генеральному комиссару государственной безопасности товарищу Николаю Ивановичу Ежову с просьбой послать меня учиться в училище НКВД. И вот сегодня в гор. отдел на моё имя пришёл ответ от Николая Ивановича. Он пишет, что я поздно написал письмо и мне придется подождать до будущего года. Товарищ из 2-й комнаты велел мне подать заявление в августе месяце на его имя. Я был очень рад тому, что такие люди, как Н.И. не забывают ни одного «незаметного человека». Я велел передать товарищу Ежову искреннюю благодарность. Веселый и радостный шёл я домой, напевая песенку: «А если враг нашу радость живую отнять захочет в упорном бою, тогда мы песню споем боевую и встанем грудью за Родину свою»*[1].

Юрий счастлив! Сбывается его самая главная мечта — стать военным. Он действительно верит, что ему, «незаметному человеку», помог сам Н.И. Ежов. Оптимизм, искренний патриотизм переполняют его. Получив повестку, Юрий с радостью идёт в городской отдел НКВД. «Но я не дрожал, я шёл туда смело», — пишет он. Об этом говорится не случайно, ведь в 1937 г. повестка в НКВД для многих советских людей ассоциировалась далеко не с радостью, а с приговором, заключением, лагерем...

[1] Отрывки из дневника Ю. Никифорова цитируются по подлиннику, хранящемуся в личном архиве И.И. Лактионовой.

Но Юрий живёт другой жизнью: он учится в выпускном классе, готовится к поступлению в училище НКВД, думает о своей будущей профессии: «*8 апреля 1938 г. Красный пограничник! Как много понятий вкладывается в эти два слова: сила, организованность, дисциплина, смелость, культура — всё это связано с родной советской разведкой. Почему я решил стать пограничником? Потому что люблю свою страну. Люблю её за ту заботу и любовь, которыми окружает она меня, — сына рабочего. Ведь мой отец прожил до революции тяжелую жизнь (хотя, как старый человек, он в этом не сознается). Я будущий командир погранзаставы, обещаю, что право на образование, право на труд и отдых — великое право, завоеванное нашими отцами, я буду охранять, не щадя своей жизни*».

В дневнике он часто писал о размолвках с отцом, спорах. Отец иногда мог в кругу семьи резко отозваться о «политике партии и правительства», подшучивал над сыном:

«*7 декабря 1937 г. Вечером был на собрании избирателей 26 избирательного участка. В 11 часов сел писать лозунги. Отец стал поправлять и смеяться надо мной. Он вывел из терпения. Я бросил кисточку, обрызгав лозунг и диван краской. Лег спать. Не спится. Стал писать дневник... Потом опять лозунг. В час лег*».

У самого Юрия нет сомнений в политике партии, он в полной мере ощущает себя «советским человеком»: «*12 декабря 1937 г. Особенно ярко, празднично, нарядно выглядит сегодня город. В два часа пошел в свой избирательный участок (здание городского Совета) и выполнил долг гражданина Союза ССР — отдать свой голос за кандидатов блока коммунистов и беспартийных т. Шестакова — народного комиссара легкой промышленности и т. Симочкина — секретаря обкома ВКП(б). Я надеюсь, что мои кандидаты сумеют выполнить свой долг перед народом! Этот день долго будет неизгладим в моей памяти*!»

1938 год. Процесс над так называемым «право-троцкистским блоком»: «*27 февраля 1938 г. В ночном выпуске последних известий с глубоким удовлетворением и одобрением встретил сообщение прокуратуры Союза ССР о предании суду Бухарина, Рыкова, Ягоды. Трижды презренные мерзавцы ставили своей задачей насильственное свержение советского правительства. Карающая рука советского правосудия выразит единодушное мнение всего 170-миллионного народа и выполнит самый суровый и беспощадный приговор для всех без исключения подсудимых. Провел общешкольный митинг о сообщении прокуратуры СССР, о предании суду «право-троцкистского блока»*». Юрий даже в личном днев-

нике воспроизводит пропагандистские штампы: «глубокое удовлетворение и одобрение», «карающая рука советского правосудия», «трижды презренные мерзавцы».

Но жизнь идет своим чередом. Школа закончена, впереди — поступление в военное училище.

«10 августа 1938 г. Приехал из Лосиноостровска. Зачислен кандидатом 1-го курса Московского военного училища ПВО им. Менжинского».

Юрий стал курсантом военного училища. Новая жизнь вдали от дома, новые знакомства, новые цели.

Юрий Никифоров – курсант МВУ НКВД им.Менжинского.

«22 сентября 1938 г. Этот день надолго останется в моей памяти. Сегодня общим парт. собранием я утвержден кандидатом в члены ВКП(б)». Что значила для Юрия партия? Партия ассоциировалась у него с Родиной, а необходимость стать членом ВКП(б) была естественной потребностью.

«1 января 1939 г. 1939 год — новый счастливый год встречал в клубе училища. В последние часы старого года просмотрел пьесу «Пограничники». В 0 часов 00 минут старший политрук на сцене зрительного зала срывает последний лист календаря — 31 декабря 1938 г. и... настал новый 1939 год. На сцене уже — 1 января 1939 года. «С Новым годом, товарищи! За новые большевистские победы под руководством великого Сталина!» Слышится громовое «ура!» Сколько радости и веселья на лицах людей! Веселье идет до 4 часов 30 минут утра».

Юрий с радостью встречает 1939 год, верит в мощь своей страны, в справедливость правительства. Курсанты военного училища, в котором учился Юрий, участвовали во многих государственных мероприятиях: парадах и демонстрациях; совершали агитационные походы в окрестностях Москвы; стояли в почетном карауле на похоронах государственных деятелей и деятелей искусств.

Курсант Юрий Никифоров с матерью Ириной Ивановной

2 марта 1939 года Юрий делает в дневнике запись о похоронах Н.К. Крупской: *«Страна хоронит Н.К. Крупскую. Несу оперативный наряд на Красной площади. Нахожусь около левой трибуны Мавзолея Ленина, около Кремлевской стены за трибуной. Приближается траурная процессия. Около стены проносят венки. Вижу Молотова, Сталина, Ворошилова, Шверника. Митинг окончен. Члены правительства несут катафалк с урной через левую трибуну Мавзолея. За елями вижу нишу и подставку для орденских подушечек. Льются скорбные звуки. Раздается троекратный орудийный выстрел. Воздух сотрясают звуки «Интернационала»*.

Юрий пишет в дневнике о своих приездах во Владимир из училища. Дома его всегда ждут отец и мать, младшие сестры, школьные друзья. Для них он не только сын, брат и друг, но уже человек из столицы, который может о многом рассказать...

Февраль 1940 года стал черным месяцем в семье Никифоровых. Против родителей Ирины Ивановны и Сергея Ивановича были выдвинуты обвинения в антисоветской пропаганде. 27 февраля телеграмма об этом была направлена в училище, где учился Юрий.

«7 апреля 1940 г. 5 апреля перед обедом выписался из лазарета. К 17.00 с командиром роты к комбату. Сердце уже предугадывало. Только в 18.15 пришёл комбриг и комиссар. Суть в роковом для меня дне 27 февраля (получена телеграмма по обвинению родителей как «врагов народа»). Решение отдела кадров — отчислить. С курсантами не знал, что и говорить. Стыд и большее горе».

Из Москвы Юрий едет домой во Владимир. Он подавлен, это отражается в дневнике: *«17 апреля 1940 г. Как и все эти дни бесцельно шатаюсь. Скука грызет! Сходить куда? Глаза стыдно показать. Был в ГК и в гороно. С 20-го должен быть закреплен за Домом пионеров заведующим оборонно-физкультурным отделом. Но устраиваться не хочется. Хочется на лето уехать с глаз долой из города. В лагеря, а там... что видно будет. Пришёл из бани. Мыться пришлось с бойцами. Какая грязь кажется после училища».*

Родители арестованы. Состояние Юрия и сестер — смятение, подавленность... В дневнике — трагедия семьи.

«23 апреля 1940 г. 3.50. Увели отца. Обыск. Затем мать».

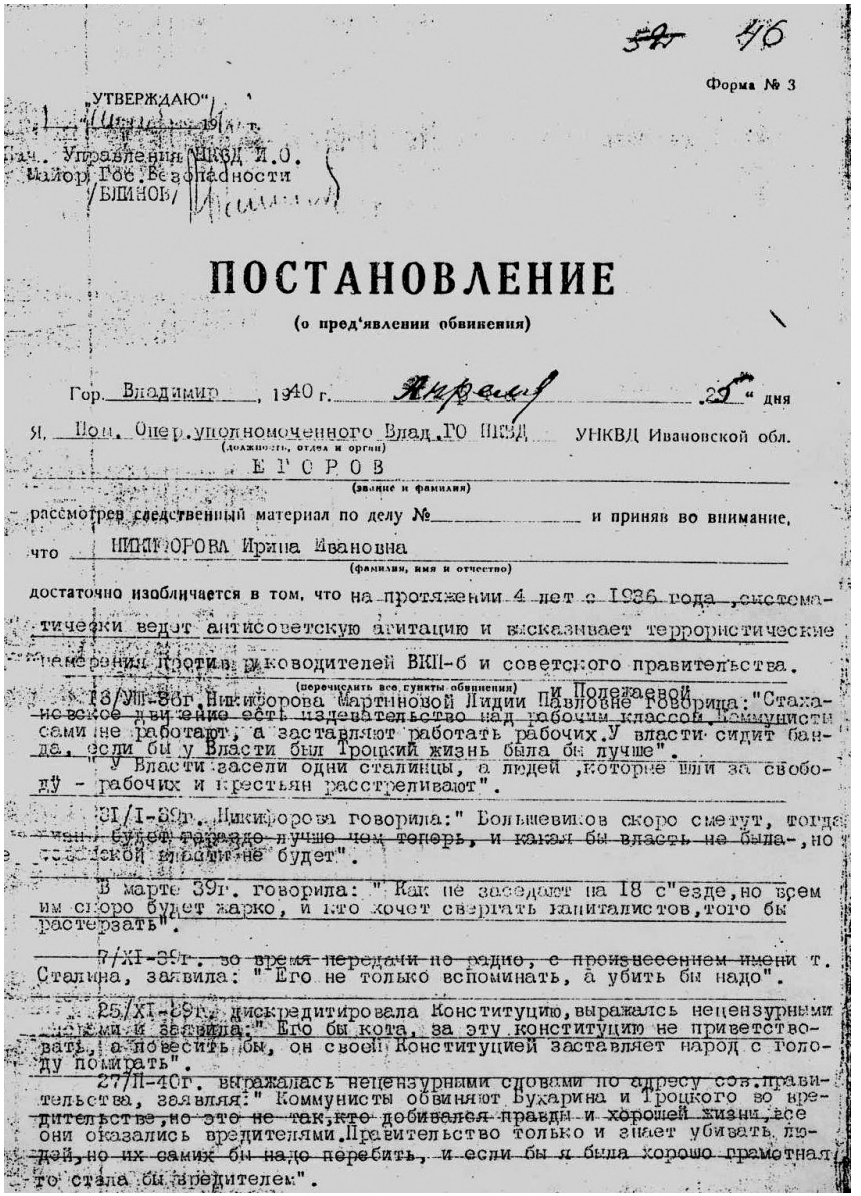
«18 июля 1940 г. Суд над отцом. Впервые испытал такой тяжелый удар. В душе накопилось много горечи и обиды за несправедливость следственных и судебных органов».

«20 июля 1940 г. Свидание с отцом. Какая низость и мерзость может быть со стороны близких родных! Теперь понятно, кто, желая сберечь свою жалкую шкуру, погубил ни в чем не повинного отца!»

«19 ноября 1940 г. Писать много не могу. Мать осудили. Как много в душе накопилось злобы! Выходит — не жизнь, а всего-навсего существование. Жизнь?!»

Из управления ФСБ Владимирской области были получены судебные приговоры на С.И. Никифорова и И.И. Никифорову. Отец Юрия был осужден за «антисоветскую пропаганду» по 58 статье за то, что он «на протяжении 39—40 годов систематически ведёт антисоветскую агитацию и дискредитирует руководителей ВКП(б) и советского правительства» на 3 года . Приговор матери был — 5 лет : «Ирина Ивановна достаточно изобличается в том, что на протяжении четырех лет с 1936 г. систематически ведет антисоветскую агитацию и высказывает террористические намерения против руководителей ВКП (б) и советского правительства»[1]. Обвинения строились на их высказываниях о советском строе, правительстве, уровне экономики в стране.

[1] Боль и память. Книга Памяти жертв политических репрессий Владимирской области. I том. Владимир, 2001. С.58.

Форма № 3

"УТВЕРЖДАЮ"
Нач. Управления НКВД И.О.
Майор Гос.Безопасности
/БЛИНОВ/

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(о пред'явлении обвинения)

Гор. Владимир, 1940 г. Января "25" дня

Я, Нач. Опер.уполномоченного Влад.ГО НКВД УНКВД Ивановской обл.
(должность, отдел и орган)

ЕГОРОВ
(звание и фамилия)

рассмотрев следственный материал по делу № _____ и приняв во внимание, что НИКИФОРОВА Ирина Ивановна
(фамилия, имя и отчество)

достаточно изобличается в том, что на протяжении 4 лет с 1936 года ,систематически ведет антисоветскую агитацию и высказывает террористические намерения против руководителей ВКП-б и советского правительства.
(перечислить все пункты обвинения)

18/VII-36г.Никифорова Мартиновой Лидии Павловне говорила:"Стахановское движение есть издевательство над рабочим классом.Коммунисти сами не работают, а заставляют работать рабочих.У власти сидит банда, если бы у Власти был Троцкий жизнь была бы лучше".

У Власти засели одни сталинцы, а людей ,которые шли за свободу - рабочих и крестьян расстреливают".

31/I-39г. Никифорова говорила:" Большевиков скоро сметут, тогда будет гораздо лучше чем теперь, и какая бы власть не была-,но такой плохой не будет".

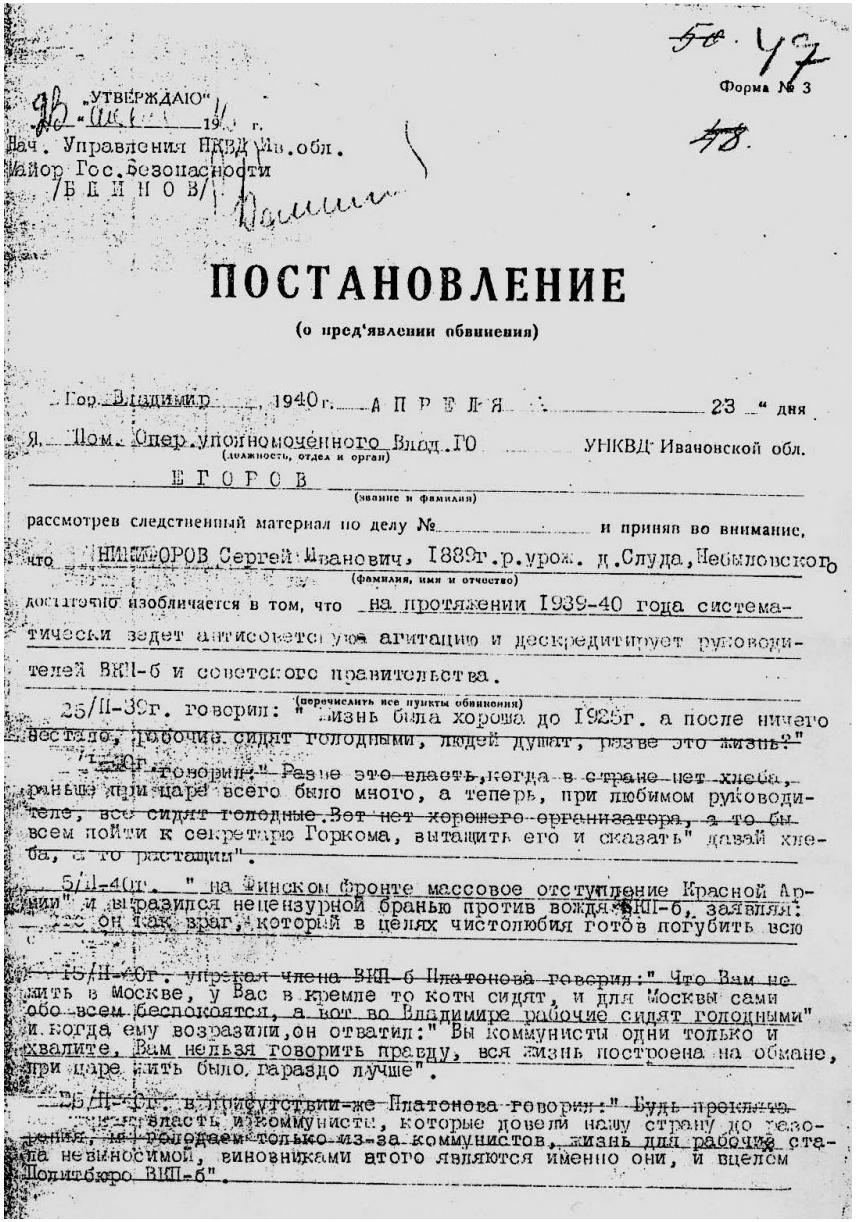
В марте 39г. говорила: " Как не заседают на 18 с"езде,но всем им скоро будет жарко, и кто хочет свергать капиталистов,того бы растерзать".

7/XI-39г. во время передачи по радио, с произнесением имени т. Сталина, заявила: "Его не только вспоминать, а убить бы надо".

25/XI-39г. дискредитировала Конституцию,выражалась нецензурными словами и заявила:" Его бы кота, за эту конституцию не приветствовать, а повесить бы, он своей Конституцией заставляет народ с голоду помирать".

27/II-40г. выражалась нецензурными словами по адресу сов.правительства, заявляя:" Коммунисты обвиняют Бухарина и Троцкого во вредительстве,но это не так,кто добивался правды и хорошей жизни,все они оказались вредителями.Правительство только и знает убивать людей,но их самих бы надо перебить, и если бы я была хорошо грамотная то стала бы вредителем".

Постановление о предъявлении обвинения Никифоровой Ирине Ивановне

Форма № 3

"УТВЕРЖДАЮ"
19 г.
Нач. Управления НКВД Ив.обл.
Майор Гос.Безопасности
/Б Е Л И Н О В/

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(о пред'явлении обвинения)

Гор. Владимир, 1940г. А П Р Е Л Я 23 " дня

Я, Пом. Опер.уполномоченного Влад.ГО УНКВД Ивановской обл.
(должность, отдел и орган)

Е Г О Р О В
(звание и фамилия)

рассмотрев следственный материал по делу № и приняв во внимание,

что НИКИФОРОВ Сергей Иванович, 1889г.р.урож. д.Слуда, Нейловского
(фамилия, имя и отчество)

достаточно изобличается в том, что на протяжении 1939-40 года систематически ведет антисоветскую агитацию и дискредитирует руководителей ВКП-б и советского правительства.

(перечислить все пункты обвинения)

25/II-39г. говорил: " Жизнь была хороша до 1925г. а после ничего не стало, рабочие сидят голодными, людей душат, разве это жизнь?"

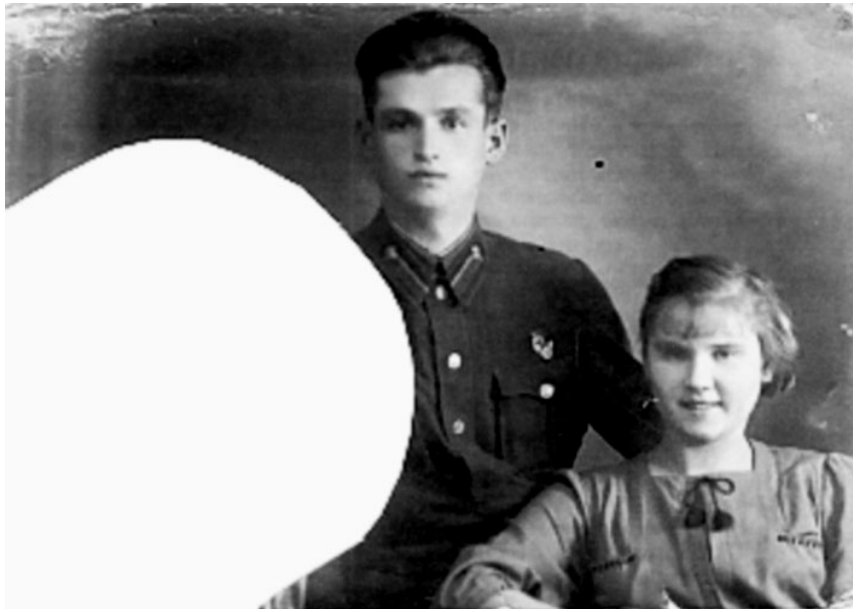
7/I-40г. говорил:" Разве это власть,когда в стране нет хлеба, раньше при царе всего было много, а теперь, при любимом руководителе, все сидят голодные.Вот нет хорошего организатора, а то бы всем пойти к секретарю Горкома, вытащить его и сказать" давай хлеба, а то растащим".

5/II-40г. " на Финском фронте массовое отступление Красной Армии" и выразился нецензурной бранью против вождя ВКП-б, заявляя: что он как враг, который в целях чистолюбия готов погубить всю

15/II-40г. упрекал члена ВКП-б Платонова говорил:" Что Вам не жить в Москве, у Вас в кремле то коты сидят, и для Москвы сами обо всем беспокоятся, а вот во Владимире рабочие сидят голодными" и когда ему возразили,он ответил:" Вы коммунисты одни только и хвалите, Вам нельзя говорить правду, вся жизнь построена на обмане, при царе жить было гораздо лучше".

25/II-40г. в присутствии же Платонова говорил:" Будь проклята власть и коммунисты, которые довели нашу страну до такого состояния, мы голодаем только из-за коммунистов, жизнь для рабочих стала невыносимой, виновниками этого являются именно они, и вцелом Политбюро ВКП-б".

о предъявлении обвинения Никифорову Сергею Ивановичу

Фотография – символ эпохи. Слева вырезана старшая сестра Валентина. 1.11.1941.

«13/VIII 36 г. говорила: «Стахановское движение есть издевательство над рабочим классом. Коммунисты сами не работают, а заставляют работать других. У власти сидит банда. Если бы у власти был Троцкий, жизнь была бы лучше».

25/II 39 г. говорил: «Жизнь была хороша до 1925 г., а после ничего не стало, рабочие сидят голодные, людей душат, разве это жизнь?»

5/II 40 г. «На Финском фронте массовое отступление Красной Армии» и выразился нецензурной бранью против вождя ВКП(б), заявляя, что он как враг, который в целях честолюбия готов погубить страну.

15/II 40 г. говорил: «Вы, коммунисты, одни только жизнь и хвалите. Вам нельзя говорить правду. Вся жизнь построена на обмане, при царе было гораздо лучше».

Видимо, муж старшей сестры Валентины в течение двух лет доносил на родителей своей жены. Арест родителей расколол семью. Символом этого стала семейная фотография, сделанная в 1940 г. Из фотографии вырезано лицо Валентины. Много нелестных слов о старшей сестре и её муже Юрий написал в своем дневнике...

Жизнь Юрия превращается в «существование» без радостей, записи в дневнике краткие, отрывистые: «*24 марта 1941 г. В военторге сшили шинель и брюки. Ладно, теперь хоть есть в чем ходить. Плохо, что нет гимнастерки*».

22 апреля 1941 года Юрий делает запись о свидании с матерью: «*Ночью, около 4 часов, приехал во Владимир из Коврова, куда ездил к матери. 21-го утром был в тюрьме. Приняли только передачу. Выхлопотав свидание сильно замерз. Свидание было очень коротким. Мама очень изменилась. Вид очень беспокойный и нервный*».

После исключения из училища, ареста и осуждения родителей резко меняется тональность дневников: оптимизм, гордость за свою страну уступают место отчаянию, разочарованию. В это время Юрий работает военным инструктором в Доме пионеров. Его задача — готовить подрастающее поколение к будущей войне, угроза которой становится все более реальной. Юрий это полностью осознает.

Еще в военном училище Юрий был зачислен кандидатом в члены ВКП(б). После ареста и осуждения родителей вступление в партию было поставлено под вопрос: «*5 сентября 1941 г. Перед партсобранием заходил к Гусевой. В анкете она дала рекомендацию, но до сих пор ее не написала и сегодня заявила, что дать мне её не может, потому что я поддерживаю связь с родителями. Ну так что ж! Теперь я ещё более убежден, что интересы у меня (как и большинства населения) и членов партии разные. Стоять за такую партию особенно не приходится. Думаю, что на партсобрании был в последний раз*».

Отношения с родителями, которые вырастили, воспитали, боль за отца и мать, горе семьи для государства становятся «связью с родителями». У Юрия меняется отношение к коммунистической партии, на страницах дневника — крамольные мысли: «*Стоять за такую партию особенно не приходится*», «интересы *у меня... и членов партии разные*». Эти фразы в 1941 году могли стоить Юрию жизни.

В первые месяцы войны Ю. Никифоров пытается уйти добровольцем на фронт: «*9 октября 1941 г. Вчера в 11 часов прибыл из Иванова. Проходил отбор в парашютный десант. Медкомиссию прошёл без сучка задоринки. На отборочной был отчислен по причине дискредитации родителей. Все прошедшие медосмотр, а их оказалось годными из 48 человек не более 20, были отправлены в Тейково. Часть непригодных была отправлена тут же на Ленинградское направление, а остальные приехали обратно во Владимир. Но и здесь утешаться не пришлось. Вручили многим повестки явиться к 23.00 для отправки на фронт. Я*

же в числе немногих был оставлен до особого распоряжения и вечером давал уже уроки. Ребята встретили мое возвращение с большой радостью. Поехав в Иваново, все мы были обмануты комиссаром. Он заявил, что все до одного приедете через два дня, с собой ничего не берите, расчет не производите. Все это заявил, а сам был извещен, что люди будут отправлены на фронт. Каково же уехавшим в действующую! Они не взяли ни одежи, не произвели расчета, а некоторые не простились и с семьей. А ведь все почти отцы семейства, 4, 7, 12, 14 годов рождения. Я среди них был самым молодым! Как им не хотелось ехать!»

В октябре 1941 года, когда фашисты стояли на подступах к Москве, Владимир превращается в прифронтовую зону: «*19 октября 1941 г. Уже четвертый день без перерыва, сплошным потоком идут автомашины с так называемыми «беженцами» из Москвы, машины с противотанковыми орудиями, с зенитками... И так день и ночь. Уже четвертый день старшеклассники работают на земляных работах по укреплению города. Посещаемость в средних классах катастрофически упала. Настроение народа плохое: высказывают открыто недовольство. Цены на продукты растут с каждым днем. Это настроение разделяют и сами руководители. На заводах идет разбор оборудования. Полная подготовка к эвакуации. Рабочие глушат с горя спирт. В ГК тоже подготовляются. Жгут. Началось! Но пока не все! Все впереди*!»

Во Владимир из Лосиноостровска эвакуируется Военное училище, в котором учился Юрий. Он подает просьбу о зачислении в училище. 31 октября получает положительный ответ, повторно зачисляется в ПВУ имени Менжинского.

«*31 октября 1941 г. В 11 часов получил повестку. «Были сборы недолги». С большим трудом достал хлеба на 10 дней следования к месту назначения*».

Эшелон с курсантами направляется в Сибирь. Под Омском они проходят краткосрочные курсы младшего командного состава. Затем — на фронт.

Записки фронтовика

26 апреля 1942 г.
С этой тетради начинается новый дневник — «Записки фронтовика»

День за днем Юрий Никифоров делал записи о боях, отступлениях, наступлениях, раненых, убитых... Вспоминал о родителях и сестрах, делал отметки о присланных и написанных письмах... Записывал, какие книги читал, какие фильмы смотрел с однополчанами, что ели, а чаще — сколько времени не ели... И всё это в 1942 — 1943 годах, день за днем, на фронте.

Юрий сознавал важность своих записей: «*Больше года храню я пожелтевшие тетрадочные разрозненные листы. Они покрыты грязью, были не один раз в воде и под снегом. Карандашные строки разбираются с большим трудом. Эти строки дороги мне. Они являются летописью хроники дней великой войны. Вот почему я решил их переписать, сохраняя стиль, внеся некоторые грамматические поправки. И после того, как они будут переписаны, их подлинник придется предать огню. Жаль, но ничего не сделаешь! Придет время, возможно с подругами и товарищами, с сестрами и родными я буду с любовью читать их, а если придется умереть на поле бранном, пусть их читают мои командиры и бойцы. Нет! Переписывать не буду. Пусть листы будут грязны, написаны разным карандашом, пусть будут некоторые слова неразборчивы, но они близки к сердцу, они написаны под огнем, в жару и холод, когда тебя часто подстерегала смерть*» (16 июня 1943 г.).

«Записки фронтовика», как определил их сам Ю.Никифоров, были начаты им в Сибири. В Омской области Юрий Никифоров вместе с другими курсантами Московского военного училища им.Менжинского готовился к отправке на фронт: «*26 апреля 1942 г.: с 24 числа зачислен во взвод связи 10 СБ бригады...Части готовятся к отправке...На днях едем*».

27 апреля эшелон двинулся на фронт. Омск — Петропавловск — Курган — Свердловск — Красноармейск. В пути Ю. Никифоров описывает настроение новобранцев и офицеров: «*30 апреля. Дисциплина в батальоне очень низкая. Процветает воровство, пьянство, грубость, неподчинение командному составу, со стороны командования наблюдается рукоприкладство*». Несколько дней в пути солдаты ехали впроголодь. 4 мая прибыли в Вятские Поляны: «*Голодные бойцы, живущие на сухарях, селедке — устремились на рынок. На рынке на деньги же*

купить ничего нельзя, а если удается, то с большим трудом. Буханка хлеба, осьмушка махорки — 100 рублей, одно яйцо доходит до 10 рублей. Идет обмен хлеба на белье, которое выдали как НЗ, махорку на мыло».

7 мая — Арзамас, Муром, затем, минуя родной Владимир, по Ленинской (ныне Казанской) железной дороге на Москву.

В Москве долго не задержались.

9 мая 1942 г. — первый марш: «*Разрушенный Волоколамск. Остановились на привал в сосновом лесу, что в 10 км от города. Следы недавних боев. Местность кругом минирована. Несчастные случаи от взрывов*».

Под Волоколамском часть, в которую входил взвод Ю. Никифорова, расквартировалась до конца июля. 13 мая получили оружие. «*А то все время часть была без единой винтовки, да и сам я не имел оружия с 1940 года*», — записал Юрий в дневнике.

14 мая — ещё одно знаменательное событие для бойцов: «*После обеда командование 8 гвардейского корпуса принимало в свои ряды нашу часть. Отныне я — гвардеец. Парад. Даже неудобно произносить это слово к проходившим кое-как людям, не полностью вооруженным, плохо одетым. Некоторые из них не носили оружия по нескольку лет. Нет! Это не мощные, радующие глаз парады на Красной площади! И их, вероятно, не будет долго*».

После этого — постоянные тренировочные маршброски, учеба, стрельбы.

26 июля получен приказ о наступлении: «*Теперь, вероятно, начнется другая жизнь. Вперед*».

1 августа 1942 года. Первый бой, отраженный в дневнике двумя скупыми строками: «*Первое крещение. Под пулеметным и минометным огнем на линии. Артиллерийская перестрелка. Нахожусь на К.П. Смеркается*».

Первый бой перешел в первые бои, которые продолжались весь август.

В страшных боях под Ржевом взвод под командованием Ю. Никифорова принимал участие в конце ноября — начале декабря 1942 г.

Жизнь на войне — не только бой. Это, прежде всего, фронтовой быт. В дневнике Юрий Никифоров пишет о распорядке дня, жилом помещении (землянке, блиндаже, доме в прифронтовой деревне), обмундировании и обуви, досуге, прочитанных книгах. Автор дневника много пишет о фронтовых товарищах, иногда о командовании.

Голод часто был естественным состоянием.

Конечно, на войне «не до жиру — быть бы живу». Однако в днев-

нике есть страницы, где в отсутствии нормального питания напрямую обвиняется командование: «*11 мая 1943 г. Последние дни, особенно сейчас, в эшелоне возросло недовольство командного состава, в том числе и бойцов, командованием батальона. Сегодня в обед — жидкая похлебка, а вечером вовсе не варили, не кормили. В то время как командование варит, жарит, едят в три горла. Партбюро молчит...*»

Походные условия давали о себе знать. Часто встречаются записи о том, что месяцами Юрий не раздевался, спал в одежде, мучали блохи, вшей. Большая радость — новая форма: «*7 ноября 1942 г. С утра получено теплое, новенькое комсоставовское обмундирование — шинель, сапоги, гимнастерка, суконная шапка, брюки диагоналевые, носки и портянки, свитер и овчинный жилет*».

Особое значение для Юрия имели письма родных и знакомых. Письма были единственной связующей нитью с домом, с Владимиром, с довоенным прошлым. Воспоминания о доме — наиболее трогательные страницы записей: «*26 января 1943 г. Лег рано. Долго не мог уснуть. Думал обо всем: и о доме, и о сестренках и родителях, и о днях перед войной*».

4 июня 1942 года Юрий получает первое письмо из дома: «*С сегодняшнего дня вновь наладилась переписка с домом... Дома, судя по письму, все благополучно. Хорошо, что сестренки разделались с «заботливой» родней Платоновыми*». Юрий на фронте, а дома, во Владимире, трагедия продолжалась. Родители в лагере. Сестры Руфа и Лена порывают отношения со старшей сестрой Валентиной... Позже Юрий иногда писал, что Валентина с мужем продолжает вредить сестрам. Записи о маме и папе в дневнике — после каждого письма из дома.

«*14 июля. Вместе с фотокарточкой получил Ленино письмо... С папой и мамой есть связь — они почти рядом. Дома все хорошо. Остается благополучно вернуться домой*». С родителями переписываться нельзя, связь только через сестер: «*26 августа. Получил письмо от Руфы. Утешенья мало — здоровье папы и мамы плохое*».

В августе 1942 г. Юрий вновь пытается вступить в партию. Единственная преграда — арестованные родители: «*28 августа. С Уполномоченным неприятный разговор. Попрекания о родителях?*» И все-таки 11 сентября Юрий стал коммунистом. Об этом в дневнике два коротких предложения: «*Партсобрание батальона. Приняли единогласно в члены ВКП(б)*». Здесь уже нет восторженных комментариев, которые встречались в 1937 — 1938 гг.

Настоящий праздник 4 ноября 1942 г.: «*Получил письмо с сверхрадостной вестью — папа вернулся домой. Слезы брызнули от радости.*

Послал открытку». Отец Юрия, Сергей Иванович Никифоров, провел 3 года в заключении. А мать пока еще сидит.

По дневникам можно проследить, как Юрий переживает о родных, заботится о них, посылает посылки и деньги, зная, что жизнь в тылу не менее тяжела, чем на фронте.

«*7 ноября 1942 г. Перед обедом — короткий митинг. День морозный и солнечный. Падает редкий снег. Обед. Собрались в землянке. Выпили. Мой первый тост за Родину и родных*».

«*21 ноября. Принесли письмо от папы, которое я ждал больше двух недель. Написал в четыре страницы ответ. Мамы до сих пор нет*».

17 декабря 1942 г. Юрий сделал в дневнике запись об отправлении новогодней открытки во Владимир. Открытка сохранилась. Она адресована папе, Лене и Руфе.

«*9 сентября 1943 г. К вечеру получил письмо от папы. Строки о здоровье мамы вычеркнуты цензурой*».

Но, несмотря на все тяготы фронтовой жизни, на душевные переживания, связанные с родителями, у Юрия Никифорова на войне находилось время на чтение.

«*7 сентября 1942 г. Сегодня с Почхвой мы — патрули в городе Карманово. Патрулируем, а затем сходим на высоту пообедаем. Сейчас достали лирику Пушкина. Читали вслух, лежа на лугу. Изредка идет артперестрелка. Почхва заснул. Я продолжаю читать Пушкина! Душа отдыхает! Давно мечтал достать его пленительные стихи*».

Письма из дома, книги, ... Всё это записано в перерывах между боями. Война продолжалась...

«*14 сентября 1943 г. К вечеру получил боевой приказ на наступление. Не ужиная, вышел на рекогносцировку...Шинель мокрая. Сильно взволнован*».

15 сентября Юрий получил ранение:

«*К 4 часам Звягин привел взвод. Всё в порядке. Организовал связь. Достал ракеты и ракетницу. Позавтракал. Линии трассирующих пуль и разрывы мин. В траншеи сыплется песок. В 5 — 8.50 — начало артподготовки. Эти строки приходится писать в санбате д. Кукуево. Во время артподготовки противник вёл орудийный и минометный огонь. Находясь на КП у телефона командира СБ около 8.45 был ранен осколком разорвавшегося снаряда в два места левой руки. Вырван большой клок ткани. С ранением оставался на месте, но только через полтора часа стал отходить. Петр Иванович, мой комиссар, крепко поцеловал и заплакал.*

Простился с ребятами. Не без труда добрался до санроты. Девчата с любовью сделали перевязку, наложили шину. Каждая старалась чем-либо подсобить. Мария Васильевна заплакала. Машина доставила в МСБ. По дороге, увидя меня, сели старшина пульроты и Конюхов. Операционный стол. Просьбы оставить в МСБ безрезультатны. Сходил в старое расположение. Ребята покормили. После бессонной ночи крепко уснул».

Из санбата через Ельню, Спас — Деминск, Сухиничи эшелон с ранеными прибыл в Калугу: *«21 сентября. Рано утром эшелон прибыл в Калугу. Пришёл в распределительный госпиталь, а затем в госпиталь 699. Баня, перевязка, обед и ужин. Рука чувствует себя хорошо. Ещё вчера начал крутить цигарки. По дороге в госпиталь, а он находится в здании дома пионеров, встретил командира взвода Данилова. Колоссальные потери в людях».*

В Калуге Ю. Никифоров находился в госпитале до 2 октября: ходил в кино, гулял по городу, встречался со старшеклассниками и комсомольцами. 3 октября раненых офицеров, срок излечения которых превышал 60 дней, эвакуировали в Москву. С Курского вокзала Юрий бежал, сел на поезд до Владимира.

«5 октября. Владимир. Здание бывшей поликлиники — госпиталь. Сейчас только что пообедал и хочу черкнуть о моём финише. В 23 прибыл на вокзал. Дома не ждали. Слезы и радость. Коротко побеседовал и направился в госпиталь. Принять отказались: нет продаттестата и направления. Велели придти завтра в 8. Снова дома, беседа, выпили. Лег в 4, а в 8 был в госпитале. Началось хождение по мукам. МЭП и этапно-заградительная комендатура. В числе 4-х направили в госпиталь 5859».

Долгожданная встреча дома: *«Эти дни будут неизгладимыми в моей памяти. Я их буду помнить и в окопе, и в блиндаже, и в бою, и на марше, зимой и летом. Сколько лишений, одиночества и мучений пришлось испытать за эти два года! И вот ровно через два года я вернулся в родной дом. Дома отец, дома мать, которая вернулась за несколько дней до моего приезда, дома Руфа и Лена. А ведь родителей я не видел более трех лет. И их этой кабалы они вышли живыми. Дома такой же уют, как и при мне. Иуды Вальки нет. Да, она и не заслужила, чтобы о ней вспоминали. Радужный прием. Слезы радости».*

Юрий находился в госпитале во Владимире до 15 декабря. Почти каждый день бывал дома, встречался с друзьями. 8 ноября было получено сообщение о награждении Ю. Никифорова орденом Красной Звезды.

В конце декабря 1943 г. — начале января 1944 г. Юрий в Москве и Калуге выправляет орденские документы, ждет направление в действующую армию.

И.И. Лактионова сказала нам, что у Юрия была возможность остаться в тылу по ранению. *«Я не трус»*, — ответил Юрий и снова пошёл на фронт. Новый 1944 год Юрий встречал в Калуге:

«31 декабря 1943 г. Прожит ещё один военный год. Прошёл год лишений, опасности и тоски по дому. Прошедший год был счастливым для меня: я встретил семью, встретил любимых родителей, с которыми разлучился более 3 лет назад, более 2-х месяцев побывал дома и рад их хорошей жизни. Год сохранил мне жизнь и принес правительственную награду. Через 10 часов наступает новый 1944 год! Буду надеяться, он принесет счастье всей нашей семье! В эти минуты все мои помыслы и думы о родной семье. Иных мыслей у меня нет».

На Курском вокзале он решает на один день перед отправкой на фронт заехать домой во Владимир: *«В 23.00 дом. Дома! Даже трудно поверить».*

15 января Юрий сделал последнюю запись в дневнике и оставил его у родителей: *«Скоро поезд. Прощай родной дом! В 44 году вернусь! Вернусь и буду жить!»* На фронте идут первые бои за освобождение Белоруссии...

В марте 1944 года родителям Юрия Никифорова приходит извещение о гибели сына. В нем сообщалось, что старший лейтенант Никифоров Юрий Сергеевич погиб в бою 23 февраля 1944 года, похоронен у деревни Шведы Витебской области. Вскоре приходит письмо однополчанина — Федора Фомичева. Имя Ф. Фомичева часто встречалось в дневниках Юрия, они вместе были ещё в Сибири. Федор Фомичев сообщает в письме, отосланном в конверте Юрия, что он погиб в бою 22 февраля и захоронен на кладбище деревни Братково.

Ирина Ивановна Лактионова вспоминает: «Сколько себя помню, в нашем доме незримо присутствовал Юра, мой дядя, о котором всегда говорили: «добрый, честный, справедливый...», словно он был где-то рядом. Я смотрела на фотографию — очень симпатичное лицо, светлые, грустные и очень серьезные глаза. В День Победы перед фотографией ставили свечу, это был день слез...Часто из старого кожаного портфеля доставали папки с надписью «Документы Юры»: фотографии, дневники, рисунки Юры, фронтовые письма, извещение о смерти».

Семья точно не знала, где его похоронили. В 60-е годы Ирина Ивановна начала поиски. После войны советские солдаты из братской

могилы в д.Шведы были перезахоронены в д.Крынки. Родственников погибших не оповещали тогда о перезахоронениях, сведения не пересылались и в военкоматы, откуда были призваны солдаты. Поэтому в «Книге Памяти Владимирской области», изданной в 1994 г., сведения были указаны по похоронке: «Никифоров Георгий Сергеевич. Род. 1919. г. Владимир. Призван в армию в 1939. Лейт. Погиб в бою в февр. 1944. Похоронен в д. Шведы Витебской обл.»[1].

Мать Ирины Ивановны, Елена Сергеевна, и её тётя, Руфина Сергеевна, несколько раз ездили в село Крынки Лиозненского района Витебской области. Во время одной из поездок они установили на братской могиле фотографию Юрия.

В октябре 2001 года Ирина Ивановна была с нами в Витебской области, проехала по местам боев, посетила могилу дяди. Мы передали в школу с. Крынки копии фотографий Юрия, отрывки из его дневников.

«В полях за Вислой сонной лежат в земле сырой Серёжка с Малой Бронной и Витька с Моховой...» Лежат они и под Москвой, и под Смоленском, и в Белоруссии...

Уроженец г. Владимира, мой земляк Юрий Никифоров погиб пятьдесят девять лет назад.

Перед моими глазами прошла вся жизнь Юрия Никифорова. По дневникам мы проследили взросление человека, изменение его мировоззрения. В обстоятельствах жизни, бытовых мелочах высвечивается эпоха 30 — 40 годов XX века. Юрий Никифоров в дневнике причисляет себя к «большинству», он советский человек. В середине 30-х годов он идеализирует советский строй, политику Сталина. Арест родителей меняет тональность дневников, отношение Юрия к партии.

В условия тоталитарного строя высказывать свои мысли даже в кругу близких было крайне опасно. Доносы на отца и мать Юрия — тому подтверждение. Дневник становится для него своеобразной отдушиной: только бумаге Юрий доверял свои сокровенные мысли, сомнения.

Делая записи на фронте, Юрий подвергал себя серьезной опасности. За некоторые дневниковые страницы в условиях военного времени Юрию могло грозить более тяжелое обвинение, чем «антисоветская пропаганда». Но и на фронте человеку требовалась душевная свобода, поэтому Юрий продолжал писать дневник.

[1] Книга Памяти. Владимирская область. Т. I. Владимир, 1994. С.257.

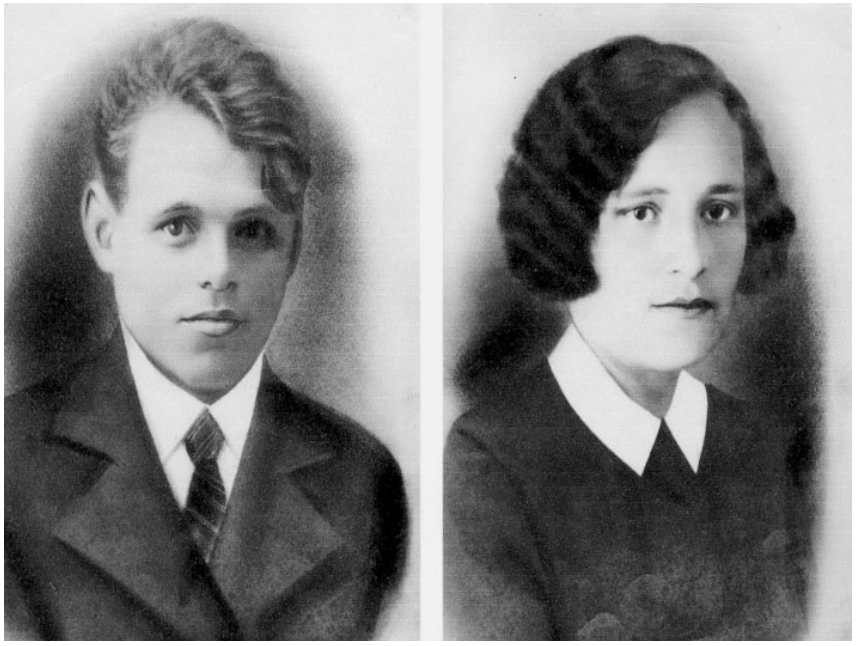
Виктор Савельев
г.Владимир, гимназия №3, 11 класс.
Научный руководитель: В.С. Бузыкова

«Мне надо в КГБ...»

Прежнее решение суда (об освобождении из под стражи) было отменено, а старый приговор остался в силе. 17 апреля 1937 года Алексей Тюлюлин в зале суда был взят под стражу и направлен в Таганскую тюрьму. А из Информационного центра УВД Владимирской области его семья получила ещё один документ, в котором, помимо вышеуказанной информации, сообщалось: «26.03.1938 года осуждён тройкой УНКВД Дальневосточного края к высшей мере наказания, по какой статье не установлено. Приговор исполнен 7.06.1938 года». В 1990 году Алексей Григорьевич Тюлюлин был реабилитирован за отсутствием состава преступления. Так трагически закончилась жизнь молодого человека, чья вера в закон и справедливость были жестоко попраны сталинским режимом. А сколько сотен тысяч, таких как Алексей Тюлюлин, расстрелянных, замученных, искалеченных и поруганных могли бы стать гордостью страны!

Много лет учащиеся нашей гимназии занимаются восстановлением истории судеб выпускников школы, погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны.

Просматривая в архиве списки учащихся разных классов, выписывая их и сверяя фамилии мальчиков с Книгой Памяти, мы устанавливаем, кто из учеников и выпускников военно-

Александр Григорьевич и Анастасия Степановна Тютюлины, родители Алевтины Александровны Максимовой

го времени погиб, кто пропал без вести, кто, возможно, ещё жив. Так в списках учащихся 20-ых годов я нашёл фамилии двух братьев Тюлюлиных: Александра и Ивана, Иван числился в Книге Памяти[1] как пропавший без вести, об Александре там сведений не было. Все наши попытки найти родственников или одноклассников братьев через телефонный справочник, через других выпускников, оказались безрезультатными.

Большая удача ждала нас в архиве недавно упразднённого учреждения «Владимирский Некрополь»[2]. Мой научный руководитель, Вера Сергеевна Бузыкова работала во «Владимирском Некрополе». Однажды, просматривая листы регистрации захороненных на Князь-Владимирском кладбище, она в числе прочих обнаружила фамилию

[1] Книга памяти. Т.1. Владимир, 1995.

[2] Эта организация несколько лет занималась превращением старого городского кладбища в музей под открытым небом. Её работники составляли списки захороненных на кладбище, устанавливали связь с их родственниками, ухаживающими за могилами.

Семья Тютюлиных. Стоит: Татьяна Алексеевна Тютюлина. Сидят (слева

Александра Григорьевича Тюлюлина. В документе было указано, что уход за могилой осуществляет его дочь — Алевтина Александровна Максимова, и был указан её телефон. Это событие стало отправной точкой для будущей работы.

Мы встретились с Алевтиной Александровной. Честность и откровенность рассказа Алевтины Александровны, собравшей большой материал о судьбе всех братьев Тютюлиных, поразили меня до глубины души. Я хочу выразить ей огромную благодарность за то, что она предоставила все документы, она не скрыла от меня ничего, хотя некоторых сведения могли бросить тень на ее родственников. Более того, она не стала давить на меня, не заставляла учитывать в исследовании её мнение. Наоборот, она предоставила возможность нам самим судить.

Данные, полученные нами от Алевтины Александровны Максимовой, документы государственного архива Российской Федерации, Государственного Архива Владимирской области, Центрального Архива Министерства Обороны г. Подольска, а также литература и информация из Интернета легли в основу моей работы.

«Неразвившаяся классовая чуткость» и её последствия для семьи Тюлюлиных

В семейном архиве А.А. Максимовой хранится несколько фотографий семьи Тюлюлиных, сделанных до революции. Добротная одежда, спокойное и уверенное выражение лиц свидетельствуют о благополучие и достатке в семье. До тех пор, пока Алевтина Алек-

сандровна не узнала о послевоенной судьбе своего дяди, считавшегося пропавшим без вести, ей казалось, что она знает о своих предках почти всё. Иван Григорьевич заставил её в этом усомниться, но об этом позднее.

От своей бабушки Татьяны Алексеевны Тюлюлиной Алевтина Александровна знала, что её семья в 30-ые годы оказалась в списке «лишенцев», то есть была лишена избирательных прав. Причин для лишения Алевтина Александровна не помнила и обратилась в областной архив за помощью. Вскоре была получена «Архивная справка» по делу лишения избирательных прав членов семьи Тюлюлиных. Полученные документы содержали достаточно полные биографические сведения о семье: где и когда родились, чем занимались до и после революции 1917 года, где учились и работали. Но мне захотелось самому просмотреть эти дела, и Вера Сергеевна помогла мне в этом. То, что не вошло в «Архивную справку», оказалось исключительно важным для меня в понимании характеров членов семьи Тюлюлиных, и прежде всего, Ивана и Алексея.

Из «Архивной справки» следует:

«Тюлюлин Григорий Андреевич, 45 лет, лишён избирательных прав как бывший торговец». Чуть ниже*: «С 1922 по 1924 г. торговал по патенту 3 разряда, который сдал в УФО 2 апреля 1924 года»*. Лишёнными избирательных прав оказались также его жена Татьяна Алексеевна и двое детей — Иван и Алексей, как члены семьи, находившиеся в те годы на его иждивении.

Лишение избирательных прав было встречено всеми членами семьи с глубоким возмущением, но в своих заявлениях это решение властей каждый аргументирует по-своему. По заявлению Ивана Григорьевича чувствуется, что он отчётливо понял, что власти надо писать то, что она хочет от него услышать. Он сознательно подбирает аргументы и строит фразы, которые должны убедить представителей «закона» вернуть ему гражданские права. Во-первых, он соглашается с властью в том, что торговля — позорное дело. Он пишет в заявлении: *«отец сознавал, что это позорный момент в его жизни»*. И.Г. Тюлюлин прекрасно понимает, что именно этих признаний ждёт от него избирком. Далее он сообщает, что торговля разорила отца и сделала его нищим: *«Весь товар и часть имущества были взяты за налоги, потом было установлено, что взять больше нечего, и другая часть налогов была снята после 1924 года»*. Об этом в своих заявлениях пишет только Иван. Он знает, что власти нужно доказать, что торговля не

принесла семье богатства. Далее он отказывается от обвинения в том, что находился на иждивении отца и от своей причастности к торговле. Однако невозможно поверить, что 15 — 16-летний сын — подросток не помогал отцу-инвалиду (которым тот стал после первой мировой войны) в его работе, но рассказать правду было нельзя. В конце своего заявления Иван Григорьевич писал: *«Прошу срочно разобрать моё дело и дать ясную резолюцию, правильно или нет меня лишили избирательных прав, если нет — восстановить, так как я почти уже кончил допризывную подготовку, успешно изучал военное дело, чтобы быть активным бойцом в деле защиты СССР. И вдруг такой моральный удар — вы-де, гражданин, из чуждого класса, вам нельзя доверить оружие, чтобы защищать оплот всех трудящихся — Советский Союз. Заявляю, что в моём сознании, в моей идеологии нет ни единой мысли недовольства Советской властью, наоборот, я весь слился со стройкой новой жизни в СССР, чувствую себя клеткой громадного коллектива, строящего себе лучшую жизнь, строящего социализм. Осталась неделя допризывной подготовки и сдать экзамен мне, как лишённому избирательных прав, не дают»*.

Эти слова написаны будто для агитплаката. В них выражается такая уверенность в коммунистической идеологии, которая должна была бы снять всякие сомнения по поводу его личности. И всё же современный человек не может не почувствовать, что все эти громкие слова написаны для чиновников, в чьих руках в тот период находилась его судьба. Иван выбрал очень веский аргумент для положительного решения своего вопроса: успешная допризывная подготовка, которую ему важно закончить. В своих гражданских правах Иван Григорьевич был восстановлен в 1929 году, самым первым из всех членов семьи.

Совершенно по-другому пишет заявление его младший брат Алексей Тюлюлин. Своё ходатайство он начинает так: *«Настоящим прошу Владимирский горсовет восстановить меня в правах, которых против всех существующих законов и инструкций вышестоящих органов, лишён Вами. Эту ошибку горсовета необходимо исправить в кратчайший срок»*. Алексей искренне возмущён, он требует соблюдения закона. Он уверен в несправедливости. Далее Алексей Григорьевич описывает свой трудовой путь, который он начал с одиннадцати лет. И в конце заявления он пишет: *«Сын крестьянина, бывшего мелким торговцем (не эксплуататором) в 23-24 г., получивший образование в советской школе, никогда не живший паразитом, а наоборот, не-*

прерывно работающий в советских органах, да в добавок и не живущий с отцом (которого, надеюсь, вы используйте в соцстройке, а это надо сделать). Вы до сих пор числите в позорном списке лишенцев. Товарищи, проснитесь, пора! Давайте повнимательнее разбираться в людях (нам не хватает их), а допущенные ошибки благодаря неразвившейся классовой чуткости, давайте быстрёхонько исправлять». Алексей осмеливается критиковать власть, пытается указывать ей на её классовую нечуткость! Он, в отличие от Ивана, хочет справедливости, ищет защиты у закона.

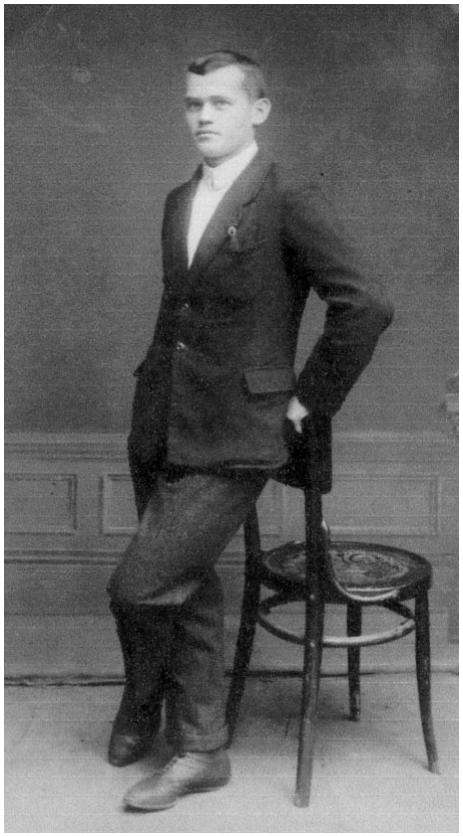
В деле Григория Андреевича Тюлюлина и его жены Татьяны Алексеевны храниться два заявления от Григория Андреевича. Одно заявление написано почерком Алексея, другое — почерком Ивана. В заявлении, написанном Иваном, как и в его личном заявлении, бросается в глаза аргументация, реабилитирующая ответчика: его крестьянское происхождение, работа на эксплуататоров, тяжёлые заболевания после ранений, полученных на Первой мировой и гражданской войне, приведшие его к инвалидности, неспособность к тяжёлому физическому труду и необходимость кормить семью с сыновьями-подростками. Особенно меня поразили следующие строки: *«К этому источнику я прибег в период НЭПа, когда торговля не преследовалась законом. Я не мог предвидеть, что в будущем, допущенная НЭП торговля, явится поводом к лишению меня избирательных прав».* Потрясающая логика! Как можно преследовать человека за то, что не выходило за рамки закона? Григорий Андреевич не совершил ничего преступного. Советская власть официально разрешила частный бизнес, когда без этого она могла погибнуть, а потом же обвинила тех, чьей помощью ей удалось экономически окрепнуть. Григорий Андреевич имел патент на торговлю, платил непомерные налоги, которые, кстати, укрепляли государственный сектор торговли, а его самого разорили в конец. И в заключении Григорий Андреевич пишет: *«Из моей автобиографии видно, что большая часть моей жизни проведена в труде по найму и на общественно-полезной работе. И только два года, именно с 1922 по 1924, я вынужден обстоятельствами жизни заниматься не общественно-полезным трудом».* В этом заявлении, написанном рукой Ивана, его отец не возмущается решением горсовета о лишении его избирательных прав. Он просит войти в его положение: *«Прошу облизбирком принять во внимание моё социальное происхождение, мой трудовой стаж и постановление от 12.11.1930 года отменить и восстановить меня в избирательных*

правах. 10 апреля 1931 года». Однако Григорию Андреевичу и его супруге пять раз отказывали в этом. Вот какой ответ дал избирком на одно из заявлений Г.А. Тюлюлина: *«Постановили в ходатайстве отказать. Первому как бывшему торговцу по патенту 3 разряда и последней как не потерявшей до сего времени связи с мужем и живущей совместно с ним».* Сегодня это решение избиркома иначе как абсурдом не назовёшь: от жены для её восстановления в правах требуют отречься от мужа-инвалида, с которым к тому времени она прожила почти четверть века!

Очень интересно и заявление Татьяны Алексеевны: *«Родилась в 1883 году в селе Ямском Владимирского района. До замужества занималась крестьянством. Живу тем, что помогают 3 взрослых сына и тем, что работаю на других. Более года работала в прислугах на инженера Макарова (Студёная, 39), и сейчас стираю на них ряд лет и посейчас стираю бельё, мою полы и ношу воду семье техника Мешалкина (Студёная, 32). Прошу мою просьбу разобрать».* Удивительно, как советская власть не видела в труде Татьяны Алексеевны на других явной эксплуатации её советскими чиновниками? Наверняка ей платили значительно ниже, чем этот труд должен бы был оплачиваться, наверняка, работала она без всякого трудового договора и никаких налогов ее хозяева не платили.

Как я уже сказал, в борьбе за восстановление родителей в избирательных правах принимают участие оба сына Григория Андреевича. Вот как пишет за отца заявление Алексей Григорьевич: *«Жалоба. Считаю постановление Владизбиркома неверным... Ввиду бедности я отдан в 13 лет в город к купцам. В эксплуатации работал до 1914 года и был взят на войну, где пробыл до 1918 года. Раненный и больной тифом вернулся... Вся моя жизнь, ещё раз утверждаю, исковеркана старым строем, и даже отдельные небольшие моменты, позорящие меня (торговля) не дают лишать меня избирательных прав. Не заслужил я этого».* Стиль жалобы в адрес власти схож с упрёками и критикой, которая ярко выражена в личном заявлении Алексея.

Моё знакомство с делами членов семьи Тюлюлиных по восстановлению их в избирательных правах помогло многое понять в характерах двух братьев: Ивана и Алексея. Иван — умный, прозорливый, остро чувствующий бесполезность борьбы с новой властью и потому не пытающийся вступить с ней в полемику. Его отношение к власти скрыто в глубине его души, внешне он — *«клетка громадного коллектива».*

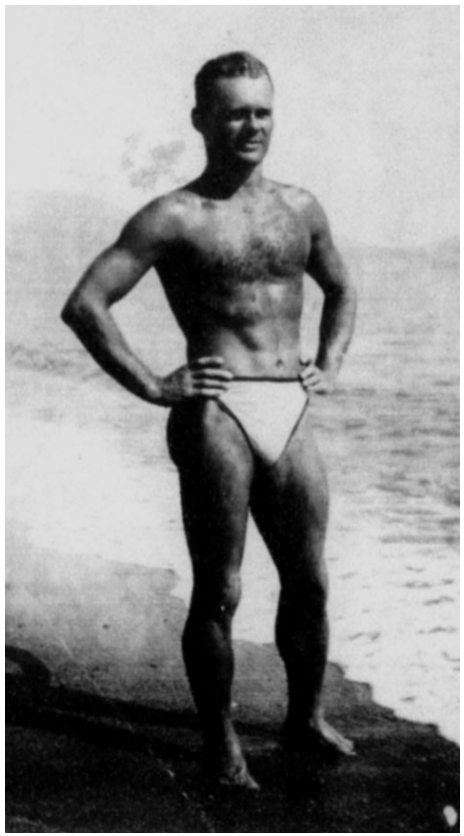

Алексей Григорьевич Тютюлин

Другое дело — Алексей. Он младше. Он принял новую власть, но он хочет изменить её по — справедливости. Он думает, что власть заблуждается в отношении него, его семьи и других членов социалистического общества. Он пытается бороться. Результат оказался трагическим.

В 30-ые годы Алексей поступил в институт в Москву, но был арестован НКВД и посажен в Бутырку. На свидание с ним ездила мать Алевтины Александровны. Через некоторое время Алексея освободили, и он вернулся во Владимир. Однако мать, Татьяна Алексеевна, очень хотела, чтобы сын учился. Она была уверена, что с сыном произошло простое недоразумение, что в его деле уже разобрались, его освободили и что больше ничего подобного с ним не произойдёт. Она убедила сына вернуться в Москву и продолжить учёбу. Алексей не хотел, видимо он предчувствовал что его ждет беда, но ослушаться мать он не решился. Алексей снова едет в Москву и опять оказывается в застенках НКВД. Он был осуждён на 10 лет (как помнила Алевтина Александровна) и отправлен в неизвестном направлении, больше о его судьбе семья ничего не знала.

Вера Сергеевна Бузыкова, мой научный руководитель, помогла Алевтине Александровне составить ходатайство в архив УФСБ города Москвы и Московской области по уточнению сведений о судьбе Алексея и через некоторое время Алевтине Александровне пришли ответы из разных архивов Российской Федерации. Из

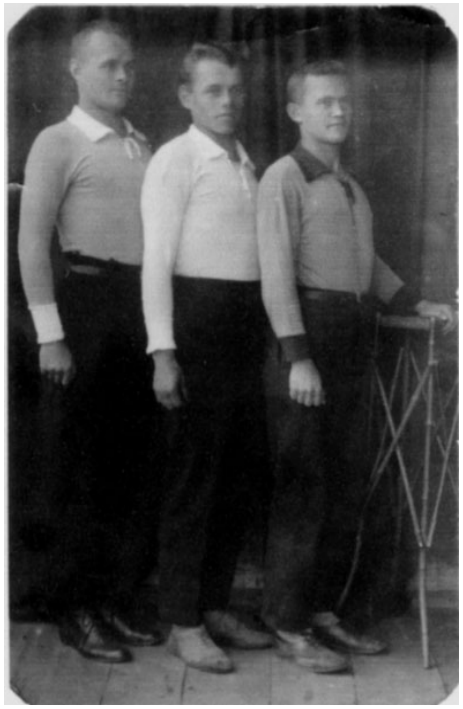

Иван Тютюлин

«Архивной справки», поступившей из Государственного архива Российской Федерации, стало известно, что Алексей был арестован 20 октября 1935 года (он учился на 1-ом курсе Плехановского института) органами НКВД за ведение *«антисоветской агитации, т.е преступление, предусмотренном ст. 58. п. 10 УК РСФСР»*. 13 февраля 1935 года *«приговором суда был подвергнут лишению свободы сроком на 5 лет с содержанием в исправительно-трудовых лагерях»*. Однако 31 марта того же года освобождён. Как известно, он вернулся во Владимир, но по настоянию матери на следующий год вновь поступил в тот же институт. А в январе 1936 года он вновь был арестован. Прежнее решение суда (об освобождении из под стражи) было отменено, а старый приговор остался в силе. 17 апреля 1937 года он в зале суда был взят под стражу и направлен в Таганскую тюрьму. А из ИЦ УВД Владимирской области Алевтина Александровна получила ещё один документ, в котором, помимо вышеуказанной информации, сообщалось: *«26.03.1938 года осуждён тройкой УНКВД Дальневосточного края к высшей мере наказания, по какой статье не установлено. Приговор исполнен 7.06.1938 года»*. В 1990 году Алексей Григорьевич Тюлюлин был реабилитирован за отсутствием состава преступления. Так трагически закончилась жизнь молодого человека, чья вера в закон и справедливость были жестоко попраны сталинским режимом. А сколько сотен тысяч, таких как Алексей Тюлюлин, расстрелянных, замученных, искалеченных и

поруганных могли бы стать гордостью страны!

Иван Григорьевич избежал участи брата, хотя, по полученным архивным справкам, вызывался по делу Алексея в органы НКВД. Известно, что в начале 30-ых годов Иван Григорьевич работал на заводе «Карболит» в городе Орехово-Зуево. В 1935 году поступил в Московский институт физкультуры им. Сталина и окончил его в 1939 году с отличием. Его диплом хранится в архиве семьи Алевтины Александровны. О том, что он был увлечён спортом, укреплением своего физического здоровья свидетельствуют фотографии Ивана Григорьевича того периода и пометки, сделанные им на обратной стороне этих документов. На одной из них он стоит на берегу моря. На обратной стороне фото надпись: «Любая мать может гордиться таким здоровым ребёнком: 180 см роста, 80 кг чистого веса». Он горд своей прекрасной физической подготовкой, он полон сил и здоровья. Другая фотография запечатлела трех братьев. Они стоят по росту. Самый высокий Иван, чуть пониже — Александр и последний — Алексей. На обратной стороне фото рукой Ивана даются подробные записи всех физических параметров братьев: рост, вес, объём бицепсов, грудной клетки, шеи, талии, и многое другое. У всех братьев — хорошие спортивные фигуры.

Слева направо: Иван, Александр, Алексей Тютюлины

Изучение судеб членов семьи Тюлюлиных в период с 1917 года по начало Великой Отечественной войны дало мне обширный материал для размышлений. Унижения братьев и их родителей, которые они вынесли во время тяжбы за восстановление их в избирательных правах, начисто лишили эту семью веры в закон, справедливость, порядочность окружающих. А арест ни в чём не повинного Алексея ещё раз доказал это. Соприкоснувшись с «красной мясорубкой» и понимая своё бессилие, Иван избрал для себя путь молчания, скрытности, чтобы выжить в этом новом жестоком мире. Мой герой ещё не знал, что обстоятельства жизни не только не позволят ему сбросить старые, но и вынудят примерить новые маски, снять которые он уже не сможет до конца жизни.

«Определённость в паспорте формально облегчит последние годы моей жизни»

Судьба Ивана Григорьевича в военные и послевоенные годы, наверное, похожа на судьбы многих других военнопленных, которые после войны отказались добровольно покинуть Германию или другие страны Западной Европы. Но два уникальных документа из его архива, попавшие в руки Алевтины Александровны уже после его смерти, её встреча с госпожой Бюль, которая со своим мужем долгие годы были друзьями моего героя, информация сотрудников Международного консульства о том, что Иван Григорьевич после смерти Сталина пытался восстановить связи со своими родственниками, заставили меня более глубоко задуматься над проблемами войны и плена.

Проблемы эти неразрывно связаны с политикой правительства СССР в отношении советских граждан, по тем или иным причинам попавших в плен, а в частности с неоправданно жёстким отношением к ним органов НКВД.

Вот передо мной лежат два уникальных документа из архива И.Г. Тюлюлина, написанные в 1972 году. Оба эти документа связаны с решением Ивана Григорьевича получить статус гражданина ФРГ. Оба документа — письма-ходатайства. Одно — в полицию города Мюнхена. В нем И.Г. Тюлюлин объясняет, почему он остался в Германии после войны. Очевидно, что он пытается обосновать легитимность предоставления ему немецкого гражданства. Второй документ — черновик письма в Верховный Совет СССР с просьбой о выходе из советского подданства.

Письмо моего героя в Мюнхенскую полицию при первом прочтении повергло меня в шок. Иван Григорьевич начинает так: *«Мой отец, Грегор Тимолин, родился в или неподалёку от Вилны. ... Он говорил по-литовски и по-русски. Его мать (моя бабушка) тоже немка.*

Мой отец умер в мае 1940 года во Владимире». Далее он сообщает, что его мать, Татьяна Алексеевна Шпагина — русская, умерла осенью 1940 года. Он также сообщает, что будучи *«ребёнком, основное время ... проводил под Вилной, в деревне и в Минске, у тети и бабушки, где ... выучил немецкий язык»*. Прочитав эти строки Алевтина Александровна была крайне удивлена, её отец (средний брат — Александр Григорьевич) никогда ничего не говорил ей о немецко-литовских корнях её деда. Для того, чтобы окончательно разобраться со своими корнями она обратилась в Государственный Архив Владимирской области, откуда и получила справку о том, что родители её деда — Григория Андреевича Тюлюлина — *«крестьянин села Сновицы — Андрей Терентьевич и Анна Гавриловна»*. Таким образом, Иван Григорьевич даёт заведомо ложные сведения о своём происхождении. Более того, он сообщает, что родители его умерли в 1940 году, т.е. ещё до начала Великой Отечественной войны, хотя до войны умер только его отец, а Татьяна Алексеевна прожила долгую жизнь и умерла в 60-ые годы. Об этом свидетельствует фотография из семейного архива А.А. Максимовой.

Первая версия, которая пришла мне в голову — легенда о разведке. Уж слишком много в судьбе моего героя загадочных и необъяснимых моментов существовало на момент начала исследования. Но в ходе бесед с компетентными людьми и изучения литературы по теме «война и плен» мне стало казаться, что разгадка заявления И.Г. Тюлюлина в другом.

Я узнал, что: *«Согласно ялтинской договорённости, СССР и его союзники обязаны возвратить друг другу всех своих граждан, включая освобождённых военнопленных. Англо-американское командование не считало однако советскими гражданами тех лиц, которые не проживали в СССР до сентября 1939 года, т.е. жителей Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии»*[1]. Иван Григорьевич не случайно с максимальной убедительностью пытается доказать, что у него прибалтийские корни. Я выяснил, что одним из важных условий для получения немецкого подданства являлась необходимость доказательства того, что ты этнический немец. Возможно поэтому и возникает бабушка-немка.

Далее в своём письме в Мюнхенскую полицию Иван Григорьевич сообщает, в целом, достоверные сведения о себе, братьях и родителях,

[1] Священная война. 1941-1945. М., 2005. С.420

хотя и с некоторыми неточностями: *«Достигнув высоких успехов в спорте, я смог в 1939 году закончить институт по физической культуре и спорту и работал учителем физкультуры»*[1]. Но затем идут такие строчки, в которые я до сих пор не могу поверить, да и дополнительные документы дают повод усомниться в их истинности: *«В июле 1941 года был послан с ротой санитаров на фронт»*.[2] С одной стороны всё понятно: крепкий, физически сильный боец мог быть определён в санитарную роту для того, чтобы вытаскивать с поля боя тяжело раненых бойцов, с другой стороны, такие солдаты нужны были и для ведения боевых действий. Но возможно также то, что И.Г. Тюлюлин специально написал, что служил в санроте, чтобы максимально снять с себя подозрения в том, что он уничтожал немецких солдат. Однако то же самое — службу лейтенантом в санитарной роте — он подтверждает и в письме в Верховный совет СССР. А вот что далее пишет Иван Григорьевич в письме в Мюнхенскую полицию: *«В октябре 1941 года под Вязьмой я перебежал к немцам и остался в роте в качестве переводчика зимой 1941/42»*.[3] Неужели это правда? Тогда почему в областной «Книге Памяти» написано, что *«Иван Григорьевич Тюлюлин, 1907 года рождения, призван Владимирским ГВК в июле 1941 года, рядовой, пропал без вести в марте 1943 года»*.[4] Зная, что картотека на всех погибших владимирцев хранится в общественной организации «Народная память» (наш музей сотрудничает с этой организацией), мы с Верой Сергеевной пришли к её председателю Сергею Павловичу Кудрину. Там обнаружилась карточка на И.Г. Тюлюлина, в которой было указано, что извещение о том, что он пропал без вести было вручено его матери Татьяне Алексеевне, проживавшей всё по тому же адресу: Студёная гора — 34. Но Сергей Павлович решил проверить сведения о моём герое по специальному журналу, в котором фиксируются данные о пропавших без вести владимирцах, которые были получены из Центрального архива Министерства Обороны г. Подольска. Оказалось, что в этом журнале есть запись, которая почти полностью повторяет запись об И.Г. Тюлюлине в областной Книге памяти. По данным ЦАМО[5] Иван Григорьевич пропал не в марте 43-его, а в марте 42-ого года. Но всё-таки это не осень 1941!

[1] Семейный архив А.А. Максимовой
[2] Семейный архив А.А. Максимовой
[3] Семейный архив А.А. Максимовой
[4] Книга памяти. Т. 1. Владимир. 1995
[5] ЦАМО. Оп.18004. Д.855. Л.82 (указано в журнале организации «Народная Память»)

Данным архива Министерства Обороны нет оснований не верить, однако остаются открытыми ещё несколько вопросов. Почему по данным ЦАМО и областной Книги Памяти И.Г. Тюлюлин числится как рядовой, в то время как в своих письмах в мюнхенскую полицию и Верховный совет СССР он пишет, что был лейтенантом. Зная, что Иван Григорьевич до начала войны окончил высшее учебное заведение, да ещё и с отличием, к тому же в тот период ему было более 30 лет и наверное, он прошёл допризывную подготовку (о которой упоминал в письме о восстановлении его в избирательных правах), трудно согласиться, что мой герой имел самое низшее воинское звание. Эту загадку мне разрешить так и не удалось.

В черновике ходатайства в Верховный совет СССР, И.Г. Тюлюлин пишет, что ушёл на фронт в составе *«санроты народного ополчения»*.[1] Информацию о погибших и пропавших без вести бойцах народного ополчения найти практически не возможно, в гос. архивах хранятся сведения только о регулярных частях Красной Армии. Значит, Иван Григорьевич сознательно выдумывает информацию о своём участии в народном ополчении, чтобы советские органы не стали искать сведений о нём.

Иван Григорьевич, согласно данным ЦАМО, призывался Владимирским городским военкоматом, хотя с 1935 года он учился и работал в Москве. Из опыта работы по восстановлению судеб погибших и пропавших без вести выпускников нашей школы мне известно, что призыв производился по месту учёбы, работы или прохождения военной службы. Следуя такой логике, И.Г. Тюлюлин должен был призываться в Москве. В столице формировались народные ополчения, и он мог вступить в одно из них. Ещё одна загадка, и та и другая версия кажутся мне вполне обоснованными: здесь либо ЦАМО ошибается, либо мой герой сознательно пишет неправду.

В мюнхенском письме Иван Григорьевич писал, что перешел к немцам под Вязьмой. Поэтому я решил подробнее узнать о боях на данной территории. То что я узнал, меня потрясло.

«Дивизии немецкой группы армии «Центр» под командованием Фельдмаршала Бока, перейдя 30 сентября в наступление, прорвали оборону советских войск на трёх участках, отстоявших друг от друга по фронту на 150 — 200 км. Совершив глубокий охват с флангов, они вышли на тылы и 7 октября окружили в районе Вязьмы значительные силы Западного и Резервного фронтов. ... В окружение попали 7 (из 15) полевых управлений армий, 64 (из 95) дивизии, 11 (из 13) танковых бригад, 50 (из 62) артиллерийских полков РВГК.

Войска оказались в тяжелейшем положении. Базы снабжения были утрачены. Немецкая авиация, господствуя в воздухе, наносила непрерывные удары. Изолировав районы окружения, она лишила возможности оказывать войскам помощь извне по воздуху. К исходу 13 октября соединения, окружённые под Вязьмой, израсходовали все боеприпасы и, лишённые возможности парировать удары врага, начали распадаться на отдельные группы и отряды, не связанные между собой. Организованное сопротивление врагу здесь прекратилось. ... Общие потери военной техники под Вязьмой и Брянском составили: около 6 тыс. орудий и миномётов (78,9%) и свыше 830 танков (83,6 % их количества на 30 сентября) Точной потери личного состава в обоих котлах становить пока не удалось».[1]

Не удивительно, что в таких условиях мог испугаться любой, всётаки в войне участвуют люди, а не роботы. Однако возможность столь лёгкого перехода на сторону немцев (как её в письме в мюнхенскую полицию описывает Иван Григорьевич) показалась мне весьма сомнительной. Вновь необходимо было обратиться к литературе. Случаи такие имели место, но во многих просмотренных мною изданиях говорилось о том, что они были не столь часты, как и массовая сдача в плен. Практически с первых дней войны попытки добровольной сдачи в плен или перебега на сторону противника были пресечены действующим законодательством.

«Уже 28 июня 1941 года совместным указом НКВД, КГБ и прокуратуры СССР была введена ответственность членов семей заочно осуждённых «изменников Родины». Постановление ГКО узаконило внесудебную расправу над самими изменниками.

16 августа верховное командование Красной Армии выпустило печально известный приказ №270. Согласно этому приказу, все командиры, политработники, сдавшиеся в плен рассматривались как дезертиры, при поимки их надлежало расстреливать перед строем. Их семьи подлежали аресту, а семьи попавших в плен солдат лишались государственной поддержки».[2] Меня возмутило, насколько легко и непринуждённо советская власть свела всех, кто оказался по тем или

[1] Семейный архив А.А. Максимовой

[1] Всероссийская книга памяти. Обзорный том. М.: Военное изд-во. 1995. С.100-101.

[2] Полян П.М. Жертвы двух диктатур: остарбайтеры и военнопленные в Третьем Рейхе и их репатриация. Москва. Ваш выбор ЦИРЗ.1996.

иным причинам в руках фашистов, под общий знаменатель изменников Родины, не разобравшись в обстоятельствах каждого конкретного случая.

В общем факт добровольного перехода казался мне не очень убедительным. Однако возникает вопрос, а зачем нужно было Ивану Григорьевичу придумывать эту легенду? Убедительного ответа я искал и в литературе и Интернете, но так и не нашел. Остаётся лишь предполагать, что он сознательно искажает факты оговаривает себя в письме в мюнхенскую полицию, добиваясь гражданства Западной Германии. Мне иногда кажется, что сам Иван Григорьевич запутался в этой вынужденной бесконечной лжи, но этого мы не узнаем никогда.

Более состоятельной в данной ситуации выглядит версия попадания И.Г. Тюлюлиным в плен, учитывая, что это было под Вязьмой.

Иван Тюлюлин понимает, что если он не погибнет в плену, то попадёт в лапы НКВД. Прошлое лишенца, судьба брата, расстрелянного по 58 статье, судьба родителей, бывших торговцев, не позволили бы моему герою выпутаться из расставленных сетей. Он оказывается между двумя жерновами. И.Г. Тюлюлин идёт на сотрудничество с немцами и начинает работать переводчиком в одной из немецких рот. В своей книге «Жертвы двух диктатур: остарбайтеры и военнопленные в Третьем Рейхе и их репатриация» Павел Полян пишет:

«Два слова о переводчиках и их статусе. Ими, как правило были поляки или западные украинцы, хоть немного знающие немецкий язык. Но иногда переводчиками были и свои соотечественники. На фоне «рядовых» остарбайтеров привилегии их статуса были ощутимы».[1]

Назад отступать было поздно, сказав «А» уже трудно удержаться, чтобы не сказать «Б». И.Г. Тюлюлин работает переводчиком в лагерях для военнопленных, меняет несколько лагерей. Первоначально его направили в основной лагерь под Минском, потом в Каунас, затем оказался *«в Польше, и в конце в лагерь под Берлином»*[2]. В 1943 году он проходит обучение в лагере Дабендорф в качестве лейтенанта армии Власова.

Изучая литературу о власовцах, нам удалось обнаружить очень интересную книгу, где отдельная глава называется «Центр пропаганды Дабендорф». Оказывается, *«зимой 1942/43 года в местечке Дабендорф под Берлином был создан учебный центр власовцев под официальным названием «Отдел восточной пропаганды особого назначения». ... За годы войны центр прошло около 5 тысяч курсантов».*[1] В этом центре выпускались такие газеты, как «Доброволец», распространявшаяся среди солдат «восточных батальонов» и «Заря» для военнопленных в лагерях и остарбайтеров. Также в Дабендорфе распространялся текст присяги «восточных добровольцев».

[1] Полян П.М. Жертвы двух диктатур: остарбайтеры и военнопленные в Третьем Рейхе и их репатриация. М., 1996.

[2] Семейный архив А.А. Максимовой

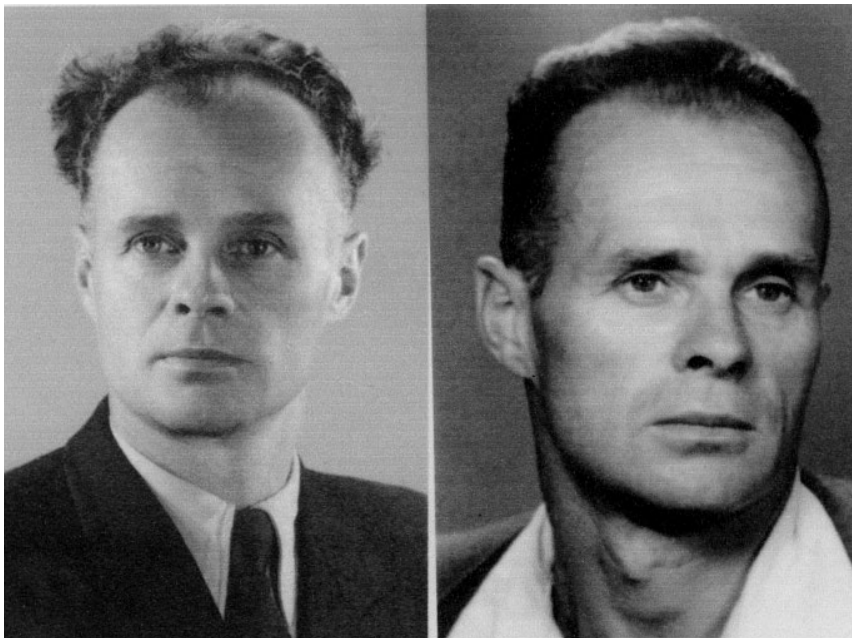
До конца войны Иван Григорьевич остается в немецких лагерях. В конце войны он — переводчик в лагере Люкенвальде. *«Из основного лагеря в Фаллингбостель нас должны были передавать русским»*[2] — пишет И.Г. Тюлюлин в письме в мюнхенскую полицию. Этот лагерь оказался в американской зоне оккупации. В этот период мой герой скорее всего решает избежать репатриации, и в итоге из американской зоны оккупации перемещается на север Германии и поселяется в городе Бремерхафен. Вспоминая те тяжёлые для него времена, он сообщает в письме в Мюнхенскую полицию о том, что тогда, в 1945-м, он скрыл, что он- русский. Но укрыться от департации было крайне сложно. *«С августа 1945 года я проживаю в Бремерхафене, где работаю учителем физкультуры»*[3], — пишет И.Г. Тюлюлин. П.М. Полян в своей книге «Жертвы двух диктатур: остарбайтеры и военнопленные в Третьем Рейхе и их репатриация» называет несколько способов избежать депортации на Родину. *«Первый и самый массовый: заявить о своём статусе «перемещённого лица» и доказать, в случае сомнений, перед комиссией своё не-советское происхождение на момент начала Второй Мировой войны. Возможны варианты: гражданство Польши, Литвы, Латвии, Эстонии... документы можно было исхлопотать или «купить» практически в любом гражданском административном органе... Часть немецкого населения Прибалтики..., как известно, была переселена в Германию ещё до её нападения на СССР, согласно сопутствующим пакту Молотова — Риббентроппа договорам. И вот тут -то Советский Союз неисповедимым образом склонился к верности международным обязательствам и отказался от репатриационных притязаний!»*[4] Этим прекрасно воспользовался мой герой.

[1] ДИП Детектив. История. Политика. 1995. №2 С.68

[2] Семейный архив А.А. Максимовой

[3] Семейный архив А.А. Максимовой

[4] Полян П.М. Жертвы двух диктатур: остарбайтеры и военнопленные в Третьем Рейхе и их репатриация. М., 1996.

Иван Тютюлин в Германии

До конца жизни мой герой так и не завёл семью, но установить связь со своими родственниками он пытался неоднократно. Об этом Алевтине Александровне сообщили в Международном консульстве при оформлении документов на оставленное им наследство.

В октябре 2004 года Алевтина Александровна с братом ездили в Германию и встречались с госпожой Бюль, которая, как было сказано выше, находилась в дружеских отношениях с моим героем. Она рассказывала, что Иван Григорьевич спрашивал их, читали ли они роман «Евгений Онегин». Он говорил, что это произведение надо читать только на русском и читал им целые главы романа наизусть. До конца жизни мой герой собирал русские пластинки, книги, журналы.

Понимая, что его возвращение на родину уже невозможно, в 1972 году Иван Григорьевич всё-таки решает принять немецкое подданство Именно в этот период он пишет письмо в полицию г. Мюнхена, где объясняет причины своего невозвращения на Родину и доказывает легитимность предоставления ему немецкого гражданства. Для получения гражданства моему герою также необходимо выйти из

советского подданства, что он и делает, написав письмо в Верховный Совет СССР. Сам текст письма мне не известен, однако Алевтина Александровна предоставила для исследования копию черновика этого письма:

«... Прошу В.С. СССР удовлетворить мою просьбу о выходе из Сов. гражданства для того чтобы принять подданство Зап. Герм. Вот уже 30 лет как я живу и работаю в ФРГ, где с 1970 г. получаю пенсию.

Мне скоро исполниться 70 лет и определённость в паспорте формально облегчит последние годы моей жизни.

Благодарный за всё и уважающий свою Родину и свой любимый русский язык

И.Г. Тюлюлин

22 ноября 1973».[1]

Конечно же ностальгия по родной культуре и тоска по родственникам томила, угнетала его, не давала покоя его душе.

Думаю, что Иван Григорьевич просто хотел мирно жить и работать по своей профессии. Он прожил почти весь XX век. Когда произошла революция ему исполнилось всего десять лет. И с этого момента в его душу постоянно вгоняли страх, заставляли писать только угодное власти, любить только советский образ жизни. Что он пережил в плену? Об этом знают только те, кто плен прошёл, прошёл все эти ужасы, тяготы и лишения. Я в плену не был, со мной не обращались как с рабом и скотом. У меня нет никакого морального права обвинять таких людей, как Иван Григорьевич. Да, он пошёл на сотрудничество с немцами, работая переводчиком и согласился вступить в армию Власова, но и вина тех, кто бросил их на неминуемую гибель в котле под Вязьмой и Брянском — огромна.

Иван Григорьевич прекрасно понимал, что вернуться в 1945-м на родину означает пойти на верную гибель самому и обречь на страдания родных и близких.

Он прожил 85 лет и умер в 1992 году. Об этом Алевтина Александровна узнала только в 2002 году. В течение 10 лет Международное консульство разыскивало родственников Ивана Григорьевича, оставившего небольшое наследство. И поиск этот начался с Литвы, настолько запутал власть мой герой! В составленном им завещании он

[1] Семейный архив А.А. Максимовой

просил не ставить на своей могиле никакого памятника или указательного знака. Его просьбу исполнили. Однако интересен и другой факт. Когда за несколько дней до смерти с Иваном Григорьевичем случился очередной микроинсульт и он попал в больницу, то он сбежал оттуда. Его сутки не могли найти, а когда всё-таки нашли его в ближайшем лесу, он повторял одну единственную фразу: *«Мне надо в КГБ»*. Что он хотел рассказать сотрудникам этой организации уже новой России, в чем признаться или покаяться? Эту тайну Иван Григорьевич навсегда унёс с собой.

Дети «врагов народа»

Лилия Павлова,
Надежда Спорышева,
Райхана Хамидуллина,
Регина Ханипова
Дети 37-го

Екатерина Новоселова
Арестант «Чучмек»

Надежда Лисицына
«...Признаны социально-опасными
для государства по классовому признаку...»

Любовь Головина
«Людей неинтересных в мире нет,
Их судьбы, как истории планет...»

Станислав Рожнев
Школа в Вятлаге

Анна Данилова
«Эх, хорошо в стране советской жить»?

Лилия Павлова

Надежда Спорышева

Райхана Хамидуллина

Регина Ханипова

Республика Татарстан,
г.Казань, лицей-интернат №4,
11 класс.
Научные руководители:
Т.П.Крашенинникова,
Е.М.Шувалова

Дети 37-го

«Я помню, как вечером серая масса рабочих выходила из леса, усталые матери бежали к своим детям, чтобы накормить и согреть их, и подарить им хоть каплю материнской ласки». Больше из лагерной жизни Рустем Исмагилович ничего не помнит, ему ведь было всего 5 лет. Быть может, этот провал в памяти был защитной реакцией — стирать из памяти тяжелые моменты жизни.

Дети, родившиеся в ссылке, дети, отправленные в детские дома, дети, оставшиеся на попечении родственников. Это все о тех, чьи родители в одночасье стали «врагами» своего собственного народа.

От того дня, когда арестовали их отца или мать и до того дня, когда из прокуратуры СССР пришло официальное извещение о реабилитации — дистанция огромного размера. Детство и юность, школа и первое место работы — все это прошло на фоне вопроса: «что же писать в графе «родители»? Мы хотели узнать, что они почувствовали, когда узнали о судьбе близких? Что для них значит Хрущев?

Вот те нелегкие вопросы, на которые мы, поколение начала 21 века, хотелось им задать.

Мы работали в читальном зале центрального государственного архива историко-политической документации Республики Татарстан. Архивные документы — это удивительные «свидетели» истории. Так, например, в ЦГА ИПД РТ

хранятся письма, которые писал сын Азат Ахметшин маме Минзиган Сагидулловне в один из мордовских лагерей. Его отец, Миннигарей Ахметович Ахметшин, был председателем Президиума Верховного Совета ТАССР. В 1938 г. расстрелян. Его мать осудили на 10 лет как жену врага народа. Мальчик, оставшийся без попечения родителей, писал: «Ах, мамочка, как же я могу забыть тебя. Ты ведь сама знаешь, что я и три часа не мог прожить без тебя», «Мама, береги себя ради нашей встречи»[1]. Встреча матери и сына не состоялась. Пока она находилась в лагере, сын погиб на войне.

В национальном музее РТ находится удивительный источник — книжка для маленького сына, сочиненная и написанная его матерью, отбывающей наказание как жена врага народа. Посвятила она ее двум своим сыновьям: Марату и Марлису Давлетьяровым. Их отец председатель правительства Татарской республики был арестован и расстрелян. Мальчики оказались в итоге в детском доме.

Огромное количество источников отложилось и в фондах общества «Мемориал».

Но есть еще такой источник как «устная история». Мы встречаемся с людьми, носителями информации об эпохе, беседуем с ними, берем интервью, составляем анкеты и вопросники. Появляются кино-, фото- и фонодокументы. Они откладываются в архиве нашего лицея. Придет время и, может быть, наша небольшая коллекция источников тоже станет подспорьем для изучения истории страны.

Чтобы узнать, что значил этот процесс для семей репрессированных, нужно понять, как они выжили. Все познается в сравнении. И лучше всего, оценку того или иного исторического факта услышать из уст очевидцев и свидетелей эпохи. Хотя мы понимаем, что любое суждение субъективно. Но также может быть субъективен и любой архивный документ. Поэтому, на наш взгляд, важно предоставить слово непосредственному участнику тех далеких событий. Это тоже важный исторический источник — эпоха глазами очевидца, взгляд семьдесят лет спустя: 1937-2007 гг.

[1] ЦГА ИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.45. См.: Эхо веков, 2001. С. 154-162.

Встреча с Рустемом Исмагиловичем Хисамутдиновым

Как-то раз завуч школы поймал его и, отчитывая за очередное хулиганство, в гневе выкрикнул: «Я тебя в тюрьму посажу!», на что мальчик ему спокойно ответил: «А я там уже был».

Рустем Исмагилович родился он 15 июля 1938 года. Его отец, Хисамутдинов Исмагил Фатхутдинович, был репрессирован и сослан в Норильск. «За отца» посадили и мать. Причем, мама Рустема Исмагиловича носила его уже под сердцем. «Сердобольные» начальники НКВД «разрешили» ей родить в Казани, а затем отправили по этапу. Рустему в то время было всего 4 месяца. Поэтому его «посадили» вместе с мамой. Пять лет маленький Рустем находился в спецпоселении в Мордовии.

«Я помню, как вечером серая масса рабочих выходила из леса, усталые матери бежали к своим детям, чтобы накормить и согреть их, и подарить им хоть каплю материнской ласки». Больше из лагерной жизни Рустем Исмагилович ничего не помнит, ему ведь было всего 5 лет. К тому же, может этот провал в памяти был защитной реакцией — стирать из памяти не самые лучшие моменты жизни.

Зато Рустем Исмагилович прекрасно помнит, как они возвращались домой, в Казань, помнит, как ехали на поезде. Как они приехали в Казань, каким ему показался этот, совсем еще новый для него, мир, Рустем Исмагилович тоже не припомнит. Да это и понятно, разве мог понимать пятилетний ребенок, что теперь его жизнь изменилась? «А мама казалась очень встревоженной, она испуганно озиралась по сторонам, как будто не узнавала свой город. Когда мы приехали домой, помню, как какая-то женщина (кажется, это была бабушка) сказала, как мне теперь кажется, на татарском: «Вернулась, доченька?!» Потом еще помню, что дома было темно — не было света. Как потом мне рассказывала мама, отключили его еще тогда, в 1938-ом, когда ее арестовали. Наш дом не подключали к электричеству вплоть до 1958-ого года, когда и отца, и мать реабилитировали». Маме Рустема Исмагиловича очень повезло, что вернулась она более или менее здоровой, что дома ее ждали любящие люди, которые не отвернулись от нее в тот трудный для нее период.

С мамой Рустем Исмагилович прожил недолго, его отправили к теткам, которые жили в другом районе города.

В детском саду его никто не выделял, к нему относились так же, как и к остальным детям. Может быть потому, что просто не знали о его семье (ведь он жил не с матерью), а может, на самом деле не придавали значения тому, что его отец — враг народа, а мать отсидела в лагере. Время было такое — многие сидели.

В восемь лет, в 1946 году, Рустем Исмагилович пошел в 1-й класс, в 37 школу г.Казани. И вот тут началось. Дети бывают порой очень жестоки, не понимая, какую боль они причиняют другим.

Обидно было до слез. «А в 10 лет я осознал себя как личность и понял, что за обиды нужно платить. И я отплатил всем обидчикам — кулаками. У меня не было отца, который мог бы объяснить, что сила не в кулаках, а мать уже ничего не могла поделать, да и не до меня ей было: она очень много работала, чтобы прокормить и одеть меня. Но денег все равно не хватало». Рустем начал замечать, что все его одноклассники одеты гораздо лучше, чем он. А он ходил в школу в залатанной одежде, доставшейся от родственников. Чувство обиды и несправедливости не давало ему покоя. И некому было успокоить, утешить его. Чтобы хоть немного самоутвердиться и не чувствовать себя таким нищим и униженным, он начинает.... «шарить» по карманам в школьной раздевалке. Чувство ущербности заставляло его ввязываться в каждую драку, чтобы хоть как-то выместить всю горечь и злобу. А драки случались часто, в основном они возникали на почве национальной неприязни, шли стенка на стенку: русские на татар, татары на русских.

Проблемы были не только с учениками, но и с учителями. Как-то раз завуч школы поймал его и, отчитывая за очередное хулиганство, в гневе выкрикнул: «Я тебя в тюрьму посажу!», на что мальчик ему спокойно ответил: «А я там уже был». Из-за трудного характера его перевели в школу №5 в Суконной слободе, тем самым, надеясь усмирить его непокорность, так как в новой школе были совсем другие нравы. Но он и там дрался так же отчаянно, никто не сумел сломить его непокорность.

Окончив школу, Рустем Исмагилович решил поступить на геологический факультет Казанского университета, но потом передумал и пошел сдавать экзамены на биологический. Первый же экзамен — английский язык — он с треском провалил, получив «двойку». Но это его не остановило. Сразу после школы, еще до поступления, Рустем Исмагилович работал на обувной фабрике. Он обратился к председателю своего профсоюза, и тот написал письмо в университет, в котором просил предоставить возможность пересдать экзамен. В приемной комиссии его узнали, так как на пересдачу он пришел через два дня. Стало понятно,

что этот молодой человек не оставит их в покое и будет приходить, пока не поступит. Уж чего-чего, а настырности и упрямства Рустему Исмагиловичу было не занимать. Он с отличием окончил школу под названием «улица» и хорошо усвоил все ее уроки. В 1957 году он был зачислен на биологический факультет Казанского Государственного Университета.

Уже будучи студентом, он узнал всю правду об отце: к матери пришел какой-то человек и подробно расспрашивал об аресте и жизни в лагере. В том же году они получили документы о реабилитации отца. Посмертно...

«Что я тогда почувствовал? Пустоту. И обиду. Обиду за то, что меня лишили отца, за то, что посадили мать...»

«Вся история России прокатилась по моей семье...»

В графе «отец» я писала:
«Отца потеряла в 1937г.».
Вот и понимай, как хочешь.

«Вся история России прокатилась по моей семье...» Так начала свой рассказ Уразманова (Матвеева) Сария Сабировна, дочь одного из тех людей, которых в те времена называли «врагом народа».

Придя на эту встречу и увидев Сарию Сабировну, мы поначалу растерялись. Какие вопросы можно задавать, а какие нет? Мы боялась спрашивать о ее чувствах в то время, когда забрали отца, а ведь именно это нас и интересовало. Но Сария Сабировна старалась подробно рассказать о тех временах. А еще она принесла нам воспоминания ее младшей сестры.

Из воспоминаний младшей сестры, Уразмановой (Мирсаетовой) Адыбы Сабировны: «В 1931 году, когда мне было шесть месяцев, наша семья переехала в г.Казань. Жили мы на ул.Волкова, дом 16, кв.2. Здесь, с 1931 г. по 17 октября 1936 г. я прожила самые счастливые моменты своего детства. Отец работал товароведом в книжном отделе Татсоюза, мама — на молочном заводе, была ударницей социалистического труда. Самой старшей из нас — Музе отец доверял во всем, делился с ней семейными проблемами, вел серьезные разговоры о своих делах на работе, совершенно по-взрослому и совершенно на равных. Обстановка в нашей квартире из двух комнат была простая. В большой комнате — родительской — стоял огромный стол, где собирались на обед в один и тот же час всей семьей. Железная двуспальная кровать для родителей, на стене вдоль нее — вместо коврика — висела

Семья Уразмановых. 1927

большая физическая карта СССР, по которой впоследствии мы, младшие дети, любили путешествовать находить реки, озера, моря, горы, острова и полуострова, города с удивительными названиями».

Сария Сабировна: «В 1937 году моя мама умерла из-за неудачного аборта. Нас осталось четверо детей. Через три месяца (мы еще никак не могли прийти в себя после смерти мамы) в ночь на 25 января забрали папу. Двое людей приехали на черной машине и сказали всего одно слово: «Собирайся». Нам никто ничего не объяснил, я только помню, что отец все время повторял: «Дети, это какая-то ошибка. Не волнуйтесь, я скоро вернусь...».

Уразманов С.Ш. 1936 г.

Уразманов С.Ш. с коллегами. 1935 г.

Но отец не вернулся ни завтра, ни послезавтра, ни через неделю. В ту страшную ночь Сария Сабировна в последний раз видела своего отца. Так четыре сестры остались сиротами...

Историческая справка. Постановление ЦИК и СНК СССР «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи женщинам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» было принято 27 июня 1936 года.

1. В связи с установленной вредностью абортов, запретить производство таковых как в больницах и специальных лечебных заведениях, так и на дому у врачей и на частных квартирах беременных...

2. За производство абортов установить уголовное наказание врачу... от 1 года до 2 лет тюремного заключения... за понуждение женщин к производству аборта... до 2 лет... В отношении беременных женщин... общественное порицание, а при повторении — штраф до 300 рублей»[1].

Сария Сабировна показала нам две удивительные фотографии. На первой — все четверо детей вместе с матерью и отцом. Счастливая

[1] СЗ СССР. 1936. № 34. Ст. 309

Отец Матвеевой С.С. – Уразманов С.Ш. (из личного дела). 1937 г.

семья. Это 1935г. На второй (год спустя) — четверо детей с отцом у гроба матери. А на следующей фотографии семьи уже не будет. Потому что не будет отца.

Хорошо, что старшая сестра Муза к тому времени завершала обучение в зубоврачебном училище, она и помогала своим сестренкам, чем могла. Поражаемся ее стойкости и силе.

Следующее воспоминание — обыск. Что искали, нашли ли что-нибудь — Сария Сабировна не помнит. Но в памяти все же осталось одно яркое пятно: «Я ясно помню малиновое пальто, которое они тоже почему-то записали вместе с другими какими-то вещами».

Интересно, а кого дети винили в том, что случилось с их отцом? Ведь был же кто-то, кого они считали виновником своих бед и такой жизни?

«Ну что вы, у меня тогда и в мыслях не было винить в этом кого-либо, тем более власть или Сталина. Я даже подумать о таком не могла, я воспринимала это как-будто так и должно быть. Я была пионеркой, и, представьте себе, в седьмом классе я даже получала сталинскую премию за отличную учебу! Все мы в те времена любили и почитали товарища Сталина, я бы даже сказала, боготворили. Мне в голову даже не могла прийти мысль, что во всем виноват Сталин. Будучи пионеркой, я ходила заниматься со слабыми учениками к ним

Семья Уразмановых. 1935

домой. Их родители меня и подкармливали, и два-три полена дров могли дать».

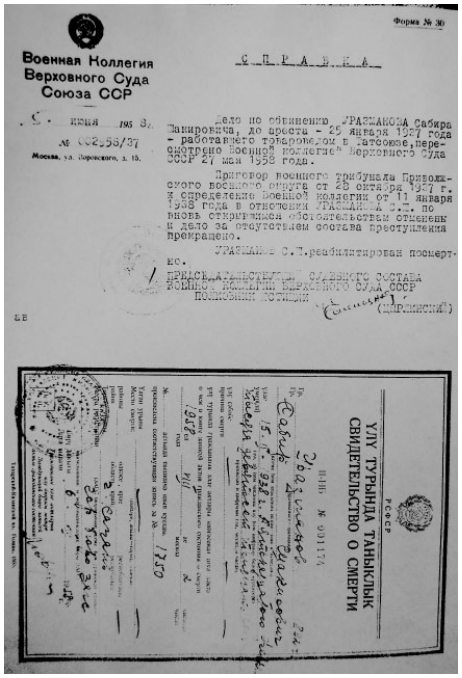
Сария Сабировна вспоминает, что постоянно подрабатывала: «убирались и мыли полы, через которые тут же перешагивал наш же ученик. Так что унижений было предостаточно», но с учителями у них были очень теплые, дружеские отношения, и класс у них был очень дружный, всегда старались помочь друг другу. Все-таки, общая беда сплачивает, ведь в то время шла война, и многие жили бедно.

В 1944 г. Сария Сабировна окончила семилетку и поступила в фармакологическое училище, по окончанию которого ей предложили продолжить обучение в Москве. Но на это нужны были деньги, которых не было. Не было и родителей, которые могли бы чем-нибудь помочь: занять деньги или найти знакомых, которые могли бы быть полезными. Очень обидно, что Сария Сабировна не смогла продолжить обучение в Москве. Но она не стала долго горевать. Ее манила романтика и она по распределению поехала работать на Дальний Восток, в Амурскую область, в город Свободный, который, как она потом узнала, был построен «на костях» репрессированных.

«По пути мы на несколько дней остановились в Иркутске. Мне кто-то сказал, что, возможно, мой отец где-то здесь. В то время я была на-

столько наивна, что все еще верила в возвращение отца. Я два дня искала его в Иркутске, пыталась хоть что-то разузнать о нем. Ночевала на вокзале под лестницей. Но так ничего и не смогла узнать».

В новом городе судьба преподнесла ей настоящий подарок, как говорит сама Сария Сабировна. Там она познакомилась со своим будущим мужем. Их судьбы были удивительно похожи: его родители тоже были репрессированы и, впоследствии, расстреляны. Видно, судьба не зря свела этих двух людей, вместе они счастливо прожили 28 лет.

Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР

СПРАВКА

Дело по обвинению УРАЗМАНОВА Сабира Шакировича, до ареста - 25 января 1937 года - работавшего токарем-лом в г.Алтайске, пересмотрено Военной коллегией Верховного Суда СССР 27 мая 1958 года.

Приговор военного трибунала Приволжского военного округа от 28 октября 1937 г. и определение Военной коллегии от 11 января 1938 года в отношении УРАЗМАНОВА С.Ш. по вновь открывшимся обстоятельствам отменены и дело за отсутствием состава преступления прекращено.

УРАЗМАНОВ С.Ш. реабилитирован посмертно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ СУДЕБНОГО СОСТАВА ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

(ШВЕЦОВ)

УЛУ ТУРЫНДА ТАНЫКЛЫК СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

Справка о реабилитации Уразманова С.Ш.

В 1958 году отца реабилитировали посмертно за отсутствием состава преступления. В свидетельстве о смерти в графе «причина смерти» стоял прочерк.

О судьбе отца она узнала много позже из статьи казанского историка Булата Файзрахмановича Султанбекова, напечатанной в газете «Советская Татария» 11 февраля 1990 года. Ее отца, Уразманова Сабира Шакировича, расстреляли 15 февраля 1938 года в числе девяти человек, которые входили в «группу» знаменитого ученого историка, педагога Хади Атласова. Все они были осуждены Военным трибуналом ПРИВО 28 октября 1937 года по статье 58-й, пунктам 2, 4, 6, 7 и 11.

«Заседание Военного трибунала ПриВО проходило за закрытыми дверями в клубе Менжинского с 23 по 28 октября. Как и определено было свыше, вел процесс бригвоенюрист Микляев, члены суда военюрист 1 ранга Тулин и военюрист Кутушев. Переводчиком был назначен секретарь Бауманского райкома ВКП(б) Улунбеков. В качестве свидетелей выступали 16 человек. Все они горячо уличали подсудимых в преступлениях, которые были названы в обвинительном заключении.

А обвинения были, даже в рамках 58-й статьи, самые серьезные: подготовка вооруженного восстания, шпионаж, пропаганда и призывы к свержению советского строя. Конкретно это звучало так. Подсудимые создали контрреволюционную националистическую повстанческую шпионскую организацию, ставившую задачу свергнуть Советскую власть и создать тюрко-татарское государство на буржуазной основе. Руководителем был назван Х. Атласов. Кроме общих обвинений, некоторым подсудимым были предъявлены конкретные: Б.Фаттахову в создании групп по переходу границы, С. Уразманову и И. Идрисову — в том, что они агенты иностранных разведок...»[1]. Практически все подсудимые, полностью или частично, отказались на суде от ранее данных показаний. Восемь из них прямо заявили, что оговорили себя и других «под воздействием следователя».

«Что я почувствовала, получив документы о реабилитации? Горечь... И нестерпимую боль из-за того, что этого не произошло раньше».

Неприязни к Сталину у Сарии Сабировны не появилось даже после XX съезда КПСС, на котором был разоблачен культ его личности. «Не могла я поверить в это. Виноват был кто угодно, но только не товарищ Сталин. Вот Берию не любила».

Как мы видим, процесс и самопознания, и понимания того, что произошло, а главное, почему это произошло, к XX съезду еще полностью не завершился. Понадобятся еще многие десятилетия, чтобы история страны не преподносилась с точки зрения только тех, кто управлял страной.

«А к Хрущеву?» — спрашиваем мы. «Для меня Хрущев был и остается светлым человеком, несмотря на то, что многие его ругают. С приходом Хрущева стало легче жить, появились хорошие квартиры. Но самая главная его заслуга в том, что он набрался смелости и освободил столько людей, которые были осуждены ни за что. Я благодарна ему за это» — ответила Сария Сабировна.

Сайдашева Земфира Нурмухаметовна

Наша жизнь, наконец, изменилась к лучшему.
Мы уже не боялись того, что судьба наших родителей как-то негативно повлияет на нашу жизнь

Сайдашева Земфира Нурмухаметовна, профессор Казанской музыкальной консерватории. Мать двоих детей, а с некоторых пор и счастливая бабушка.

[1] Султанбеков Б.Ф. Султан-Галеев: Судьба. Люди. Время. Казань, 1991. С.96-97.

Земфира Нурмухаметовна родилась в мае 1938 года. Отец был директором обувного комбината, где, в основном, работали глухонемые. Мама занималась воспитанием детей.

Совсем по-другому сложилась бы судьба Сайдашевых, если бы не события, произошедшие в ночь с 21 на 22 декабря 1937 года. «За отцом приехали ночью. Никаких слез, прощаний не было. Пришедшие за ним люди сказали, что скоро он вернется. Ничего не велели брать с собой». Но отца они больше не увидели. И Земфира Нурмухаметовна знает его только по фотографиям. Кроме нее ещё была старшая сестра, которой было 17 лет, и два брата 14 и 10 лет соответственно. Ее мама была беременна.

Из устных воспоминаний мамы, рассказанных Земфире: «Однажды возникла мысль броситься под трамвай. Хорошо помню, как подошла к рельсам, но тут вдруг ты сильно зашевелилась в животе. Это меня остановило. В один из этих дней, когда меня дома не было, по-видимому, зашел Касыйм Сулейманов (брат отца), возвращаясь по пути из командировки. Увидев пустую комнату и сидящих в пальто детей, он все понял. Вечером я, сильно уставшая, легла спать. То ли ночью, то ли под утро (было ещё темно) в дверь постучали. Я думала, что приехали за мной.... Это была Рабига (жена Касыма). Они привезли нам дрова. Плача, я упала и обхватила её ноги. Так мы были спасены». Семья Сулеймановых еще ни одни год продолжала помогать Сайдашевым, несмотря на очень большой риск самим оказаться в лагерях за содействие семье «врага народа».

Отец не возвращался. Мать, беременная на 5-ом месяце, бегала по тюрьмам, пока не обнаружила мужа в одной из тюрем и стала носить передачи. Ей приходилось простаивать огромные очереди, порой занимая их с ночи.

Земфира Нурмухаметовна рассказывает: «Так продолжалось до 16 января. А 16 января уже 1938 года, когда мама подошла к тому окошечку и сунула сверточек, вместо этого ей самой бросили узелок и закрыли окно. Она не поняла, что же произошло, и постучалась вновь. Но в этот момент ее уже сместили другие женщины, мол, твоя очередь прошла. Мать вернулась домой, вся уставшая, оставив этот сверток на столе». Из воспоминаний старшей сестры, Наили Нурмухаметовны: «5 какой-то день у мамы не взяли передачу и вернули узелок с нижним бельем отца. Мама принесла его домой и опять куда-то ушла, а я как раз стирала и тут же взяла и папино белье. Мы с мамой думали, что отцу дали тюремную одежду. Когда стали гладить, то обнаружили зашитую суровыми нитками записку, которую прочесть было уже невозможно. Мы очень плакали,

но ничего не могли сделать. После этого у мамы не принимали передачи и сказали, что отец отправлен в ссылку на 10 лет без права переписки».

В мае родилась маленькая Земфира. Мать не могла найти работу, так как везде ее считали женой «врага народа», поэтому жили они в условиях страшной нищеты.. И тогда она приняла решение: отдать дочь в ясли-интернат. Впоследствии долгие разлуки с матерью дали свои «плоды»: «Я росла, совершенно не зная татарского языка, мама же плохо говорила по-русски. И даже происходили такие курьезные случаи: мама, забрав в очередной раз меня домой, слышала от меня такие слова, мол, хочу домой, то есть в интернат. Потому что маму я плохо понимала».

«Ангелом-хранителем» детей стал Р.Л.Поляков (директор музыкальной школы). В 1937 году, когда проходил обыск, из квартиры вывезли абсолютно все вещи. Осталось только пианино. По-видимому, предполагает Земфира Нурмухаметовна, оно было достаточно громоздким, и сразу увезти его не смогли. Директор музыкальной школы дал справку, что пианино принадлежит школе и не позволил вывести его из дома. После этого стал близким другом семьи на многие годы.

А в это время их мама все ещё ждала мужа. Это был 1948 год. Бедная женщина «дергалась» при каждом стуке в дверь. Тогда дочь не выдержала и спросила ее, почему же она так нервничала. «И тогда она мне, десятилетней девочке, рассказала правду. Только одного она мне не могла сказать: почему он был арестован. Ведь она и сама не знала. Но тогда я даже не думала, что отца считают врагом народа. Видимо нас от этого просто оберегали. С этим в жизни я встретилась много позже».

Мы решили задать главный для себя вопрос, что она чувствовала по отношению к человеку, обрекшему ее семью на такие страдания, по отношению к Сталину. «Я помню тот день, когда умер И.В.Сталин. Мы искренне плакали, ведь умер «отец народов». А вот когда я вернулась домой, мама что-то шила и тихонько пела. Я не выдержала и упрекнула ее в этом. А мама сурово на меня посмотрела и сказала: «Как тебе не стыдно?? Может отец вернется!». Может быть, потому что они были маленькие, они никого ни в чем не винили. Они просто жили. Единственное, что угнетало Земфиру Нурмухаметовна, так это нищета. Позже из-за этого у нее появились комплексы.

1957 год. Реабилитация. Земфира Нурмухаметовна прекрасно помнит эти дни. «Мама, уже и так поседевшая и уставшая, тяжело перенесла то время. Нам выдали справку о том, что отец погиб где-то в лагерях, от рака легких. Дали свидетельство о смерти». Эпоха Сталина, наконец, закончилась. В 1958 году к младшему брату отца подошел

человек, отвозивший в тридцатые годы тела убитых на Архангельское кладбище, где их скидывали в ров. В ту ночь, с 16 на 17 января 1938 года, отец Земфиры Нурмухаметовны был расстрелян и вместе со всеми брошен в яму. Тот человек узнал отца. Он не выдержал такого груза на душе и рассказал это младшему брату Нурмухамету. Но как же нужно было затмить людям разум, убедить людей в святости Сталина, что они не поверили в эту историю!

XX съезд КПСС, разоблачение культа личности Сталина, начало реабилитаций. Пришел конец тому страшному времени. К власти пришел Н.С. Хрущев. Каким же остался в их памяти Никита Хрущев? «Никита. Вот так просто мы называли Хрущева. Этот человек сделал для нас очень много. Наша жизнь, наконец, изменилась к лучшему. Мы уже не боялись того, что судьба наших родителей как-то негативно повлияет на нашу жизнь. А ведь до сих пор стоят дома, построенные именно при нем. «Хрущевки» стали нашим спасением. Так что, несмотря ни на что, Хрущев остался в моей памяти как «светлый человек».

Через несколько лет разговоры о репрессиях попытались заглушить. Об этом просто перестали говорить. «Много лет спустя, уже закончив консерваторию, я сама начала там работать. В то время ректором был Н.Жиганов. В 17 лет я совершенно не знала татарского языка, и поэтому меня на месяц отправили в деревню, и я его быстро усвоила. Однажды я пришла к Назибу Гаязовичу с просьбой прочитать пару лекций своим студентам о татарском фольклоре. Он был категорически против, ведь таким образом я могла его подставить. Его могли обвинить в национализме. А я его не послушалась и контрабандой прочитала пару лекций. Но я говорила только о тех вещах, которые уже были в этот момент опубликованы. Тем не менее, «стукнули». Через пару дней в отделе кадров меня уже ждал человек. Он представился, показал документы. Он был из КГБ. и сказал, что я обвиняюсь в национализме. Ну, я лишь посмеялась и ответила, что рассказала на лекциях только то, что уже было давно опубликовано. И на то что, якобы этого нет в программе, я лишь ответила, что сделала это просто как сравнительный анализ. Кроме того, муж у меня русский и сын тоже. В общем, мой русский муж меня, можно сказать, и спас»

Однако тени прошлого редко покидают человека. «А в 1972-ом году, когда мне нужно было снова заполнять какую-то анкету, я написала, что отец был репрессирован в 1937 году и посмертно реабилитирован. Меня тут же попросили переписать, сказав, что так писать теперь не принято. Напишите, умер в 1937 году».

Мама Земфиры Нурмухаметовны умерла в 1982 году. А в 1989

году Земфира Нурмухаметовна и ее старшая сестра Наиля Нурмухаметовна написали в КГБ письмо с просьбой выяснить судьбу отца. Их пригласили в архив и дали ответ: «Ваш отец был репрессирован и расстрелян 16 января 1938 года. Был обвинен по статье 58, за клевету на советскую действительность».

«Правду об отце мы долгое время не знали. Ведь все это было строго засекречено. И только когда началась перестройка, мы с сестрой отправили письмо. Нас пригласили и пришли туда и нам сказали всю правду. Нам вернули его документы. И я впервые держала те вещи, которые он держал. А когда мы спросили, где он был расстрелян, он опустил глаза, показывая на подвал. А об Архангельском кладбище мы уже догадывались. Ведь слухи уже распространялись. И о том, что расстрелянных штабелями скидывали в ров, мы знали. Тогда мы задали вопрос о том, когда же он погиб. И тогда мы услышали дату: 16 января. Тогда сестре стало плохо. Она не могла поверить, что та записочка была предсмертной. Мама правды так и не узнала. Хотя может оно и к лучшему?» Ведь мама ждала его до последнего.

«Зарубки детства» Нели Гараевой

И после съезда я поняла, что с нас — детдомовцев, сняли это клеймо детей врагов народа.

«Участие в антисоветской правотроцкистской националистической террористической организации. Совершение убийства С.М.Кирова, умерщвление В.В.Куйбышева, В.Р. Менжинского, А.М. Горького...» Вот что пытались инкриминировать моему отцу. Его арестовали в 1938 году, а вскоре расстреляли. Лишь более полувека спустя о его судьбе рассказала газета «Знамя»: «На первых допросах Гариф Сиразетдинович категорически отрицал инкриминированную ему вину, однако через некоторое время стал давать нужные следствию показания... Сегодня можно только догадываться, какой ценой они были получены...» Нашу маму также арестовали и осудили на 8 лет. Я и моя старшая сестра Лера остались сиротами».

Так начала свой рассказ кандидат филологических наук, заслуженный учитель республики Татарстан, Неля Гариповна Гараева.

Неля Гариповна помнит себя с 3 лет, когда семья Гараевых была вместе. Отец — Гариф Сиразетдинович Гараев, родился в деревне Норма Атнинского района ТАССР. После окончания юридического института был прокурором в Шугурове и секретарем райкома в Н.Челнах.

Мама — Загира Гараева, родилась в деревне Ильбяково в 1910 году. Вышла за Гарифа Сиразетдиновича, когда ей было всего 16лет. В счастливом браке у Гараевых родились две дочери: Неля и Лера. Холодной зимней ночью в феврале 1938 года в квартире Гареевых раздался стук в дверь. У входа стоял «черный воронок», из него вышли люди в военной форме и, затолкав отца в машину, увезли. Навсегда...

Эта ночь перевернула их жизнь с ног на голову. Теперь она поделилась на два периода: до и после ареста отца.

Сразу после той ночи, Загиру Шакировну вместе с дочерьми, вытеснили в одну комнату, а остальные заняли совершенно чужие люди. Мама, несмотря на тяжелое положение, не теряла бодрости духа и уверяла детей в том, что папа скоро вернется. Но надежды таяли с каждым днем. Невзирая на то, что Неля Гариповна была тогда еще совсем маленькой, чувство тревоги не покидало и ее. 15 мая 1938 года приехали и за ними. Им сказали, что их везут к отцу, но по дороге девочек разлучили с мамой, объяснив это тем, что она заболела.

Как оказалось потом, маму посадили, как жену «врага народа», на долгих 8 лет. Но встреча с ней состоялась раньше. И все это время они не переставали ждать. А пока был детдом в Овидиопольском районе Одесской области, в немецкой деревеньке Спартак.

Историческая справка. Оперативный приказ № 00486 народного комиссара внутренних дел союза ССР.15 августа 1937 года.

...Размещение детей осужденных.

19) Всех оставшихся после осуждения детей-сирот размещать:

...б) Детей в возрасте от 3-х полных лет и до 15лет в детских домах Наркомпросов других республик, краев и областей(согласно установленной дислокации) и вне Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси , Минска, приморских пограничных городов.

...22) Дети в возрасте от 3-х до 15 лет принимаются на государственное попечение[1].

Последствием перенесенного стресса для Нели, вызванного разлукой с родителями, стал псориаз. Тоска по матери была настолько сильной, что укладываясь спать каждый вечер, кто-нибудь из малышей начинал отчаянно звать, раскачиваясь головой на подушке с боку на бок: «Мамонька, иди сюда! Мамонька, иди сюда!». «Чаще всего «солировал» один мальчик. Он не просто мотал головой, но и колотил ею по подушке!»

Так они прожили до начала Великой Отечественной войны. В

[1] Книга памяти. Казань, 2000. С.46.

обстановке всеобщей растерянности и страха, когда над головой уже кружили немецкие самолеты, детдом было решено эвакуировать в безопасное место, в Сталинградскую область. Для того, чтобы сохранить жизнь обитателям детдома, приходилось плыть только ночью, спасаясь от дневных бомбежек немецкой авиации. Детей привезли на берег Волги, в поселок Сенной. Им предстояло прожить там два года. Знаменитая битва также была еще впереди и «нам суждено было услышать неумолкаемую канонаду...»

Жизнь в детдоме была нелегкой. Дети голодали. Неля Гариповна вспоминает: «Мы съели всю траву вокруг детдома, повадились ходить за капустными отбросами. Мы усвоили, что все травы, которую едят козы, съедобны».

Маленьким сестрам повезло: их решил взять в свою семью завхоз детдома. Чтобы убедиться в том, что девочки действительно сироты, он отправляет запрос по чудом сохранившемуся адресу в родную деревню их матери. Неожиданно для сестер ответ пришел от мамы. Выяснилось, что она уже два года искала их. После получения запроса из детдома, она долго не могла прийти в себя. Так в одночасье жизнь изменилась для всех.

«Как-то в октябре 1943 года я была во дворе одна: как самая младшая, я училась до обеда. Ко мне подошла женщина и спросила:

— Девочка, это детдом?

— Ага.

– А как тебя зовут?

– Неля.

— Ты же моя дочка!!

И только тут я заметила родинку над губой, о существовании которой я никогда не забывала».

Мать нашла своих детей! Слёзы радости мешали ей разглядеть, как ее девочки изменились за пять с половиной лет. Уже не дети, а подростки 9-11 лет. Стриженные наголо, в серых шапках-ушанках. Настороженные. Они не повисли на ней, а просто прижались. Много раз обманутые взрослыми, присмиревшие, готовые довольствоваться малым. И, если говорят, что все мы вышли из детства, то они вышли из сурового, детдомовского. Но они крепко ее обняли, ведь они всего лишь дети. Дети, которые, наконец, снова обрели свою мать.

Испытания, выпавшие на долю Загиры Шакировны во время пребывания в ИТЛ (исправительно-трудовом лагере), сильно ее изменили. Они похудела, осунулась. Но это не самое главное. Ее освободили

раньше срока. Вместо восьми лет, она отсидела только три! Это были самые страшные годы их жизни. Но, воссоединившись, они верили, что вместе им будет легче выстоять.

Мама забрала девочек и они переехали в Туйкино, где мама работала директором. Надежда найти отца не покидала их. Они больше не вернулись туда, где стоит их родной дом. Отрыв от родной земли сильно сказался на Неле Гариповне. Как она сама призналась: «С тех пор меня не оставляло чувство неукорененности, ощущение, что я не принадлежу ни к какой земле, А ведь человек, он как дерево, без корней жить не может».

За год они выучили, а скорее вспомнили свой родной татарский язык. Кажется, жизнь налаживалась. Им очень повезло, что к ним хорошо относились.

Но испытания на этом не закончились. Прошло столько лет, а реабилитация все не наступала. Загире Шакировне припомнили судьбу ее мужа. Жена «врага народа», отсидевшая в тюрьме, не имела права на награды, доброе имя и директорство. Да и Неле приходилось скрывать историю родного отца. Клеймо семьи «врага народа» сильно угнетало, мешало жить.

Неля, несмотря на уговоры матери, в учительницы не пошла. Поступила в КФКТ (Казанский финансово-кредитный техникум), но работать в Госбанке не смогла. Переучиваться переехали с семьей в Узбекистан, к дяде. Это было в 1952 году.

О смерти Сталина они узнали по радио. И плакали.

Нам непонятно, почему же все так глубоко переживали смерть того, кто своими решениями покалечил жизни многих и многих людей. А Неля Гариповна нам объяснила: «Мы и предположить не могли, что в наших бедах был виноват И.В. Сталин. В нашем представлении, он был едва ли не святым. Ведь не зря его называли «отцом народов».

В Узбекистане Загира Шакировна также работала директором в школе. Здесь никто не знал о ее прошлом.

1956 год. XX съезд КПСС. Разоблачение культа Сталина. Начало реабилитационных процессов. Что почувствовала Неля Гариповна?

«Вздохнула я с облегчением.... Среди фамилий, которые назывались, были родители тех детей, с которыми я находилась в детдоме. И после съезда я поняла, что с нас — детдомовцев, сняли это клеймо детей врагов народа. Тогда маму восстановили в партии».

Кем был для Нели Гариповны Н.С. Хрущев?

«Никогда не воспринимала тех гадостей, которые были высказаны в адрес Хрущева. Просто они не жили в наше время, не прошли

стольких испытаний и поэтому не чувствовали той радости, которую испытывали мы -семьи «врагов народа». Возможность спокойно ходить по улице, говорить о себе и своих близких, иметь возможность нормально учиться, жить и работать. Разве есть большее счастье? Так что, Никите Хрущеву я всегда говорила только спасибо».

Весть о посмертной реабилитации мужа нашла Загиру Шакировну лишь в 1959 году. И в тот же год, она вместе с братом и отчимом Нели Гариповны, уехала в Альметьевск.

Неля Гариповна осталась в Узбекистане. В 1959 году, окончив пединститут, вышла замуж. Вырастила трех дочерей. В 1992 году муж делает ей большой подарок -возможность вернуться на Родину. Они переезжают в Казань. «Чувство неукорененности стало постепенно вытеснялось у меня привязанностью к родной культуре, дому, республике. Ведь это очень нужные человеку вещи. Здесь расстрелян мой отец, который покоится на Архангельском кладбище. Его имя высечено на камне мемориала. Есть где поплакать и помолиться».

Марлис Давлетьяров

Мы выжили благодаря тому,
что вокруг нас были настоящие люди.

История семьи Марлиса Давлетьярова сложилась трагично. Когда ему было 5 лет, арестовали его отца, в неполных 6 лет — мать.

Его отец — Давлетьяров Ахметсафа Мустафович (1905-1938 гг.). В 1930-33 гг. на научной и педагогической работе. В 1934-36 гг. секретарь Кзыл-Юлдузского райкома ВКП(б), в 1936-37 гг. главный редактор газеты «Кзыл Татарстан». С 1937 г. председатель СНК ТАССР[1].

16 сентября 1937 г. его назначили председателем Совета народных комиссаров ТАССР, а через 2 месяца арестовали. Арестован он был сотрудниками НКВД прямо в своем рабочем кабинете. Засидевшись допоздна, он готовился к очередному заседанию правительства, которое должно было состояться на следующий день.

«Я помню пустую комнату. Мы жили тогда на улице Гоголя в доме ответственных работников №21. Это был одноэтажный особняк, там было 7 комнат. В одной из них собрались наши родственники и о чем-то разговаривали. Я тут хожу, а нас с братишкой все время выгоняли в коридор».

[1] Татарский энциклопедический словарь. — Казань, 1999. С.165.

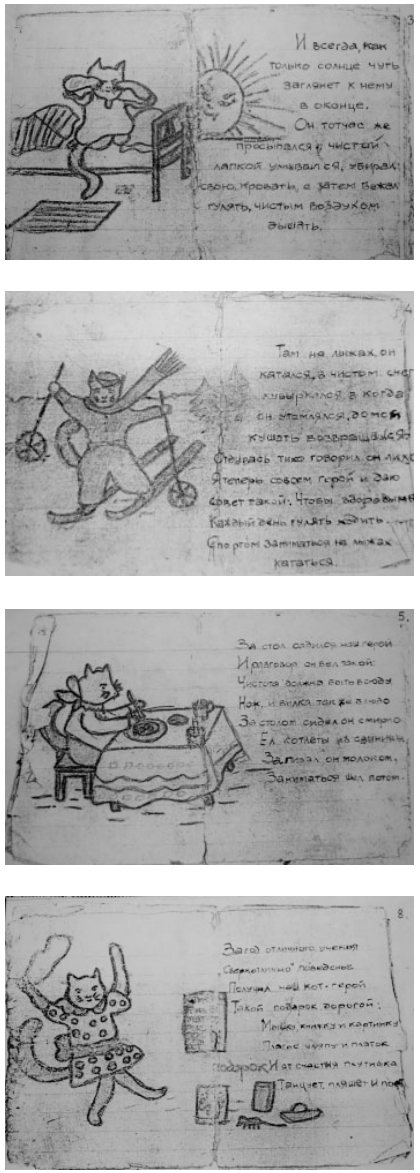
Семья Давлетьяровых. Давлетьяров А.М. верхний слева.
На руках у бабушки – Марлис. 1934.

Маленький Марлис не понимал, что никогда не увидит своего отца и что впереди еще будет арест матери.

«Как «брали» маму, мне рассказывала бабушка. Это было 12 мая 1938 г. 9 мая был расстрелян отец, а 12 мая арестовали всех жен расстрелянных. За мамой пришли ночью. Нас с братом в это время в доме не было, потому что она ходила в баню, а нас оставили у тети. Ее забрали обманным путем. Сказали, что надо подписать какую-то секретную бумагу в пользу невиновности отца, а вывозить документ из организации нельзя. И она поехала» — рассказывает Марлис Сафович.

Его мать отправили в ГУЛАГ по печально знаменитой статье — член семьи изменника родины. На следующий день она прислала записку, в которой писала, что беспокоится о детях. И все... Целый год о ней ничего не знали.

После расстрела отца, А.Давлетьярова, в справке для НКВД было написано: «Мать арестовать, детей отправить в детский дом при НКВД». За детьми пришли на следующий день после ареста

Книга, написанная матерью Марлиса Давлетьярова в лагере

Письма матери Марлису Давлетьярову из лагеря

матери. Их спасла бабушка. «За нами пришли двое. Один из них был татарин. Бабушка нас не отдала, сказала им, что они не смогут воспитать детей. И те отступили. Может и потому, что один из них был татарин».

Далетьяров М.С. 1954 г.

«Мы, дети, ничего не знали. Нам говорили, что родители в командировке. Нас оберегали от этих вестей. Я помню, что иногда, зарывшись под одеяло, давал волю слезам».

Жена бывшего председателя СНК ТАССР содержалась в мордовских лагерях. Уже оттуда много позже она смогла написать письма детям, матери, сестре. В каждом письме она беспокоилась о здоровье сыновей.

Письмо от 30 марта 1941 г.: «Дорогой мой сыночек, Марлис. Ты совсем забыл свою мамочку. Я не знаю, как ты учишься, нравится ли тебе в школе. Целую тебя крепко-крепко. Твоя мама». Марлис получил в одном из писем рукописную книжечку «Котишка-плутишка». Мама Марлиса сама написала и сочинила стихи, сопроводила их рисунками.

Марлис Давлетьяров вспоминает: «В одном письме, которое я послал, я пишу: «Мама, мы живем хорошо, а вот поспеет картошка, будем жить еще лучше».

В 1941 г. семью Давлетьяровых высылали из Казани как семью врага народа: «Пришло предписание выслать за 300 км от Казани в 24 часа. Тетя была просто в ужасе, на руках трое детей и бабушка. Она буквально прорвалась к секретарю обкома партии и говорит ему: «Вот, такое вот предписание, вы хотите, чтобы я взяла веревку и повесилась прямо у обкома?!" Но он с ней поговорил и смягчил постановление».

В итоге семья оказалась в Красноармейском районе, где прожили несколько лет. Родственников не было, есть было нечего, холодно. «Я помню, лежу на скамейке и думаю, вот прирастет желудок к позвоночнику, что я буду делать».

Чтобы спасти детей от голодной смерти, их отправили в 1943г. в детский дом.

Марлису было 10 лет, старшему брату Марату 15 лет. Вначале братьев отправили в Кураловский детдом. «Приехали ночью, стояли в каком-то помещении, узнав, что мы дети врага народа, нас не приняли, не хотели портить репутацию». Приняли их в Чистопольском детдоме. Братья стали регулярно питаться, учились.

«За месяц, помню, накопился большой ломоть хлеба. Я свой ломоть съел, у соседа съел, потом еще обед был. Почувствовал, что у меня животто большой стал. Встал перед зеркалом, смотрю: «Да, я сегодня поел».

В 1948 году Марлис Сафович покинул детдом и поступил в сельскохозяйственный техникум.

Узнать, что случилось с родителями, желание было всегда. «Мы начали встречаться людьми, которые были с моими родителями, сразу как они начали возвращаться из лагерей. Первым человеком, с которым мы встретились, был Мусин. Он был знаком с отцом». Встречались и с женщинами, которые содержались вместе с матерью в лагере.

Всю правду о своих родителях Марлис Давлетьяров узнал только в 1990-е годы.

* * *

В 1990-е гг. был открыт доступ к архивам. Ближайшие родственники, а также исследователи смогли прикоснуться к подлинным документам репрессированных. Дети репрессированных получили официальный статус. На основании ст.2-1 п.п.2 и 3 закона Российской Федерации от 18.10.91 г. «О реабилитации жертв политических репрессий», люди, оставшиеся в несовершеннолетнем возрасте без попечения одного или двух родителей, признавались пострадавшими от политических репрессий.

Противоречивость процессов, происходящих в наше время, выражается, например, и в существовании точки зрения, что И.В. Сталин был умышленно очернён. Мало того, ставится вопрос о реабилитации Сталина и отмене постановления XX съезда КПСС по докладу

Н.С.Хрущева «О культе личности и его последствиях»[1]. «Оттепель» некоторые называют зло и саркастично «слякотью». Вот для того, чтобы «оттепель» не превратилась в «слякоть» на страницах учебников, иногда полезно послушать тех, кто, несмотря на нужду, материальное неблагополучие воспринимает этот период как начало избавления от страха.

Неля Гариповна: «Никогда не воспринимала тех гадостей, которые были высказаны в адрес Хрущева. Просто они не жили в наше время, не прошли стольких испытаний и поэтому не чувствовали той радости, которую испытывали мы — семьи «врагов народа». Возможность спокойно ходить по улице, говорить о себе и своих близких, иметь возможность нормально учиться, жить и работать. Разве есть большее счастье? Так что, Никите Хрущеву я всегда говорила только спасибо».

К сожалению, процесс реабилитации действительно был свернут. Власти стыдливо в графе «причина смерти» ставили прочерк. Как сказал во время одной из наших бесед Рустем Исмагилович: «Но ведь нужно не забывать, что реабилитация тоже, к сожалению, была не долгой. Сначала выпускали, а потом пошли сажать диссидентов. И пошло по-новой. Но там совсем другая категория людей»

Общение с жертвами политических репрессий показало всю драму, через которую прошли эти люди; то, как они пережили репрессии своих родных и близких, то, как они пронесли эту тяжелую ношу через всю свою жизнь.

Все познается в сравнении. Чтобы оценить значение начала процесса реабилитации, нужно знать, с чем сравнивать.

Мы назвали наше исследование «Трудная дорога к правде». Здесь, наверное, уместно добавить: «Трудная дорога к правде длиною в жизнь»... Целая жизнь понадобилась одному поколению 1930-х годов рождения, чтобы узнать правду о своих родителях. Путь от полного неведения и незнания к полуправде, затем стыдливое умалчивание и, наконец, открытие архивов, признание юридического статуса реабилитации детей «врагов народа». На этом все...

[1] Слово товарищу Сталину / Сост. Р.Косолапов. М.,2002. С.487.

Екатерина Новоселова

Пермский край, г.Чайковский, педагогический колледж, 2 курс. Научный руководитель: В.Н.Исмагилова

Арестант «Чучмек»

(Или правдивая история о поисках родины, имени, близких...)

Изучив и сопоставив записи нетрудно прийти к выводу, что Свердловский НКВД отправлял детей репрессированных родителей 1931-1936 года рождения в Пермский облоно. Пермский облоно направлял детишек подальше от людских глаз, в глубинку. Детей везли по Каме до Ольховской пристани, а затем на лошадях — в детский дом под названием «Дача Башенина». Даты прибытия некоторых детей совпадают (не исключена вероятность, что записи сделаны в один день), но по подсчетам их набиралось самое большое 7-8 человек в один приезд.

И помни род свой до семи колен (Библия)

Эта история началась для меня в тот момент, когда я впервые увидела на встрече с пожилыми людьми Василия Викторовича Грохова. Каждый ветеран рассказывал свою историю, они были похожи на известные мне по учебникам истории рассказы... вдруг поднялся невысокий, седой, но не возрасту живой человек. Я была поражена уже первыми его словами: «*Я чувствую себя среди людей как чужой человек. Всю жизнь чего-то жду, вскакиваю на всякий шорох, но нет, я не бандит, скрывающийся от правосудия. Я — человек без роду, без племени. У каждого человека есть биографическая справка и он ее произносит с уверенностью и с гордостью. А я их никогда не*

знал! Ношу чужое отчество, имею вымышленный день рождения. Не подумайте, что сам я это сделал. Это- история. Чем больше я стараюсь узнать, тем больше возникает вопросов. Мне уже 69 лет, а я так и не узнал: где родился, кто мои родители, чья рука направила меня в возрасте примерно двух лет в детский дом без свидетельства о рождении... моя «биография началась 1938 году в детском доме Башенино Фокинского района Пермской области. Мой первый документ выписан в 1943 году — свидетельство о рождении...»

У меня в голове стучало: «Не может быть, не может быть! Как это могло случиться?!». Я начала размышлять надо всем этим и потом пришло твердое решение: найти через Совет микрорайона этого человека и постараться вместе с ним разобраться в этой истории. Первой согласилась помочь мне в работе преподаватель общественных дисциплин педагогического колледжа Венера Нагимовна Исмагилова. Затем я позвонила Василию Викторовичу, он очень обрадовался, и мы встретились — так началась наша совместная работа.

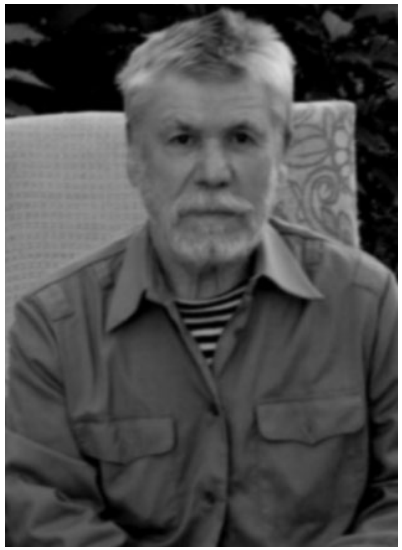
Венера Нагимовна помогла мне написать письма в ГАСО[1] и ГАПО[2]. Вместе с ней мы изучили документы в Чайковском городском архиве и детском доме.

К сожалению, «следов семьи» Василия Викторовича найти не удалось. Два областных архива — Пермский и Свердловский — на мой запрос не ответили.

Отец мой кто?
А дед мой, кто? Кто мать моя?
Откуда я?
Где колыбельные края?
Хотел увидеть их во сне, — напрасно.
Так в каком огне исчезли все?
И даже мать?
Полсотни лет хочу понять.

Я начинаю свой рассказ строчками стихотворения, автором которого является Василий Викторович Грохов. Свою первую родину он не знает, а второй родиной считает детский дом в бывшей усадьбе сарапульского лесопромышленника Башенина — это место так и называется Башенинская дача в селе Завод-Михайловский Фокинского района (ранее Осинский уезд) Пермской области. Официальное название — Фокинский детский дом.

[1] Государственный архив Свердловской области.
[2] Государственный архив Пермской области.

Василий Викторович Грохов

Во второй половине 1919 года, после освобождения Осинского уезда от колчаковцев, в Башенино была организована колония для малолетних преступников. В колонии находились дети в возрасте от 8 до 12 лет. У многих невозможно было установить фактический год рождения, имя и фамилию.

Усадьба Башенино расположена в живописнейшем месте, на берегу, а точнее: строения ее раскинулись вдоль большого пруда. Особенно впечатляет приезд летом: зеркальный пруд, окаймленный древним лесом, добротные постройки вдоль озера. Все постройки, несмотря на 100 летний возраст, выглядят добротно, т.к. были выполнены из лучшего строительного леса.

В 1932-33 годах детей в Башенино всего 12 человек. Детский дом должны были расформировать. Однако в 1936 году привезли 30 человек из Осинского района.

В 1937 году была заведена «Книга движения выпускников Фокинского детского дома». Эта книга единственный источник информации о деятельности детского дома до 1946 года. В 1946 году появились: книга приказов, ежегодно обновляемые списки детей, списки сотрудников детского дома. В музее Чайковского детского дома (приемник детского дома Башенино с 1966 года) мы нашли два простых, но очень интересных для нас документа. Это список детей на 1 января 1939 года. В детском доме проживали 68 детей. Список составлен от руки чернилами синего цвета. Записи очень краткие.

Последняя запись является единственным документальным источником, подтверждающим прибытие в детский дом Василия Викторовича Грохова. Я беру на себя смелость считать, что эта запись действительно касается Василий Викторовича и думаю, что фамилия Грохов записана ошибочно. Этот документ никем не исследовался и

нигде не упоминался, так как являлся личной записью воспитателя Раисы Николаевны. Запись свидетельствует о том, что Василия доставили в детский дом 12 марта 1939 года из Свердловского детского приемника. Социальное положение — «Свердловский НКВД».

Итак, вот передо мною список первых воспитанников Чайковского (Фокинского) дошкольного детского дома. Дата прибытия детей 1937 и 1938 годы. В этом списке из 14 воспитанников Грохов Василий Викторович отсутствует. Этот факт подтверждает, что Василий на момент составления данного списка в данное учреждение еще не прибыл.

Василий Грохов помнит два эпизода своей младенческой жизни: «*Лежу на весах, холодно, громко плачу, надо мной наклонились 2 женщины в белых халатах*». Возможно, это было в детском доме-распределителе. Всех детей в основном привозили из Перми. В *Книге движения* сведений о прибытии Василия в детский дом мы не нашли, так как в этой книге часть страниц отсутствует. Книга уже очень ветхая и вообще она чудом сохранилась среди старых вещей в одной из коробок хранилища детского дома. Мы посоветовали директору переплести книгу и хранить ее в музее.

В Башенино Василий прибыл с кличкой «Чучмек», которая так и гуляла с ним по всем детским домам. Была и «ласковая» кличка «Горох», но так его называли только в Башенино (Фокинский детский дом).

Я внимательно изучила записи по *Книге движения* выпускников Фокинского детского дома и мне удалось получить довольно скудную информацию о первых воспитанниках. Книга велась не регулярно, записи делали чернилами. Книга заполнялась по алфавиту, и старницы с фамилиями на букву «Г» отсутствуют.

С 1937 по 1941 годы дети поступали по разным документам — направлениям. Из областного дома ребенка — дети поступали с полными данными, с указанием места нахождения родителей: «мать умерла — дата», «лишена материнства», «родители в розыске», «подкидыш» — такие записи стоят в графе «Семейное положение». Изучив и сопоставив записи нетрудно прийти к выводу, что Свердловский НКВД отправлял детей репрессированных родителей 1931-1936 года рождения в Пермский облоно. Пермский облоно направлял детишек подальше от людских глаз, в глубинку. Детей везли по Каме до Ольховской пристани, а затем на лошадях — в детский дом под названием «Дача Башенина». Даты прибытия некоторых детей совпадают

(не исключена вероятность, что записи сделаны в один день), но по подсчетам их набиралось самое большое 7-8 человек в один приезд. В Пермском архиве, возможно, существуют списки детей, которых отправляли в Башенино, но ГАСО не ответил на наш запрос. Именно в Пермском облоно или НКВД детям могли дать «новые» фамилии. Очевидно, это делалось очень спешно: из дат рождения указывается в основном только год рождения, но и эти даты могут быть не точными. Все делалось для того, чтобы человек никогда не нашел свою родину, близких людей, и даже свой день рождения, имя, отчество... Этих детей не хотели отдавать и родственникам. Трудно поверить, что все это происходило в нашей стране в середине XX века!

Таких детей было много, об этом свидетельствует тот факт, что только через Башенино их прошло до 80 человек. Это только те, кто был направлен Свердловским НКВД. У некоторых детей записаны национальности (татарин, еврей, китаец, удмурт...), но именно у нерусских детей не записаны даты рождения (даже год).

Я старалась переписывать записи без «ошибок», т.е. — точно так как они были сделаны много лет назад. В графе «Сведения о родственниках» записано «Свердловский НКВД». «*Это и есть вся моя родня, которую мне подарила Родина*» — с горечью констатирует Василий Викторович. В то время, как известно, в стране происходили репрессии и Василий Викторович мог быть и сыном, скажем, генерала Грохова (расстрелян в 1936 году), или сыном секретаря Свердловского обкома партии, или любого другого «врага народа»...

Василий был очень маленького роста, худенький, но очень подвижный, отличался любознательностью и способностями в различных областях: гимнастика, танцы, пение, хорошо читал стихи, рисовал. Музыкальный работник Софья Гавриловна Каратыгина учила наиболее способных детей нотной грамоте. В 1943 году Василия перевели в другой детский дом. Но именно с Башенино связаны самые лучшие воспоминания, именно здесь он нашел через много-много лет свою вторую родину. Очень хорошо помнит некоторых ребят: Витя Гуляев, Люба Суббота, Тома Коноплева, Ваня Песков, Боря Хафизов, Зина Пименова, Гена Гурьянов, Вася Турненко — и у каждого одна запись: «Свердловский НКВД».

В детском доме с ними всегда находились молодые воспитательницы. Они умели делать всё. Сами придумывали сказки, учили детей кататься на лыжах, пели вместе с детьми, учили их танцевать, рисовать, ставить концерты, собирать лекарственные травы, грибы, учили

по голосам распознавать птиц. А если кто-то из детей заболевал или плакал, то опекали как своих собственных детей.

Очень хорошо Василий помнит эпизод, когда его пригласили к директору в кабинет. Там у него спросили: «А знаешь ли ты свое отчество?». Василий ответил «нет» и тут же спросил «А зачем это?»

Ему ответили, что у каждого человека есть отец, поэтому когда Вася станет взрослым, он будет носить имя и отчество (по отцу). Василий опять задал вопрос: А зачем нужен отец, что он делает?

Ему объяснили, что отец помогает сыну, защищает его, работает... Тогда Вася обрадовано выкрикнул: «Пишите, Викторович — я!» Он был маленьким, его часто обижали, на помощь всегда приходил старший воспитанник Виктор. Тут же и сказали, что «родился он в самый светлый пролетарский праздничный день 1 мая» так Василий «обрел» отца и день рождения.

Перед отправкой в другой детский дом, видимо, и появился на свет первый документ Василия Викторовича — свидетельство о рождении.

Такие же документы получали все дети, прибывшие в детский дом в 1937-1938 гг. В музее детского дома я нашла письмо бывшей воспитанницы этого детского дома Анны Ивановны Колеговой директору Валентине Матвеевне Хуртай:

«*Я Колегова (Дунина) Анна Ивановна 1932 года рождения прибыла в Фокинский (официальное название) детский дом в 1939 году. Выбыла в 1940 г.*

...Помню лес, где мы проводили много времени, где было много ежей. Даже один ёж жил у нас в спальне, спальня у нас была очень большая. После ремесленного училища работала 38 лет на заводе им. Свердлова. Сейчас на пенсии... Сколько я была в детском доме я не помню, меня сняли с парохода. Фамилию дали мне в Фокинском детском доме, так что подлинную фамилию свою я не знаю. В графах родители в Свидетельстве стоит прочерк, а место рождения — с. Фоки. Дата выдачи документа 12 июня 1940 года. Вот и все, что я могу вам написать». Также выглядит и документ Василия Викторовича: без записи в графе родители — отец и мать. Дата выдачи документа 1943 год, накануне отправки в Соликамский детский дом.

Впервые о семье, о доме, о фамилии Василий глубоко задумался в Соликамском детском доме, т.к. там они учились с «местными» детьми в одной школе.

В младенчестве мы не задумывались: кто мы? Откуда? Где мама и папа? Кто они? Но позже, в школе, видя чистеньких мальчиков и

девочек, без коросты, без грязи в ушах и соплей, вначале ошалело глядели на них, потом спрашивали воспитателей: «А где мои мама или папа? Откуда я взялся?» нам отвечали: неизвестно. Родили меня, положили на крыльцо к какой-нибудь бабке без имени, без фамилии, без года и дня рождения... Неужели такое бывает? Ваня Сливка, Беззубов Коля, Вороненок Миша, Боря Хафизов, Люба Суббота, Тома Коноплева, Катька Жаба, Ваня Неизвестный, Паша Зопа, Надька Гагуша, Фотя Мальцева... их очень много без роду-племени. Их всех подкинули? Еще он помнит, как однажды попал в кузницу. Запах наковальни показался ему до боли знакомым. Что-то шевельнулось внутри. Так по крупицам он собирал осколки своего прошлого.

В книге регистрации отмечено, что Василий Грохов и еще 27 воспитанников в июле 1943 года были отправлены в школу-интернат в г. Соликамск.

Василий хорошо запомнил дорогу до пристани «Симониха» около г. Сарапула. Чтобы до нее добраться детям пришлось идти пешком 20 км целый день. До пристани добрались поздно вечером и поэтому на пароход не попали. Пришлось ночевать в здании вокзала, с детьми оставалась молодая воспитательница Раиса Николаевна. Ночью в закрытые двери вокзала стучались местные хулиганы, всем было страшно, боялась и воспитательница. Утром пришел пароход. До Соликамска плыли 3 дня.

Запах пороха и арест

В Соликамске школа-интернат располагалась напротив старой церкви. Первое ощущение, которое испытал здесь Василий — голод, который сопровождал его до армии. После сытой жизни в Фокинском детдоме начались трудные четыре года поисков пищи. Эти жуткие годы Василию запомнились набегами на огороды, воровством пороха. Мальчишки воровали его на испытательном полигоне, а потом вечерами украдкой бегали взрывать. Сколько же человек остались без рук, с обожженными лицами и без ног, а сколько погибло? Вася один раз видел как погиб мальчик из местных. Вскоре после этого случая они с друзьями: с Ваней Носковым и Генкой Новиковым решили бежать на фронт. Весной 1944 года убежали, их поймали уже за территорией области, вернули в детский дом. Рядом с детским домом находился военный госпиталь. Детдомовцы часто давали раненым концерты, которые Василий запомнил на всю жизнь.

«10-15 человек-воспитанников детского дома очень старательно готовили концертную программу для выступления перед раненными бойцами. Сочиняли частушки про глупого Гитлера и фашистов, пели патриотические песни, танцевал, бойко плясали, исполняли акробатические номера. Я вместе с Мишкой Самоходкиным на полном серьезе лихо плясал «польку драчунов». Раненые хохотали и просили повторить. Потом нас разбирали по палатам и угощали хлебом с маслом, кашами, иногда даже конфетами. Признаюсь, с концертами мы усердствовали ради угощений».

Жизнь запомнилась эпизодами. 9 мая 1945 года в Соликамске праздновали Победу! Занятия в школе отменили, все ликовали, радовались. Детям привезли мороженое — целую флягу! У Васи не было ботинок, он обвязал ноги тряпками и пришел. Босиком считал идти не солидно, по такому торжественному случаю. Его просмеяли: «Что ты как немец пришел?» Пошел просить у кого-нибудь обувь, но когда вернулся, то мороженое уже кончилось, чтобы совсем не обидеть мальчонку, взрослые дали ему облизать флягу. Василий постоянно хотел есть, он был очень худым, отставал по весу от сверстников. За хорошую учебу в 1946 году его отправили в санаторий около села Мошево. Прошло уже более 3-х месяцев, но за ним не приезжали. Оказывается, школу-интернат расформировали, а детей отправили в разные детские дома. Так Василий Викторович оказался в Кунгурском детском доме. Первый день пребывания в Кунгуре запомнился Василию на всю жизнь. В этот день их повели в кино, но Василий не попал на сеанс, т.к. подрался с «ушастым» парнишкой, в последствии с которым крепко подружился. Когда вечером в столовой ребята рассказывали об увиденном в кино, Василию стало обидно, что он не попал на сеанс. Здесь же Василий Викторович впервые услышал настоящий оркестр. Его живо заинтересовала музыка. Когда он однажды пришел посмотреть, дирижер спросил его: «Хочешь играть?». Василий смело ответил: «Хочу!». Его спросили: «А что, можешь?». Мальчик честно признался: «Не могу». А уже через месяц он играл на первой своей трубе. Через год его пригласили играть в оркестр машиностроительного завода. А потом — играл Моцарта, Бетховена... Директором детского дома был однорукий человек, который жестоко обращался с детьми, однажды он избил ученика. Тогда дети написали письмо Сталину, директор начал выяснять, кто это сделал.

Где-то в конце 49-ого или в начале 50-ых годов, в газетах писали о холодной войне и угрозе III Мировой Войны. В газете «Правда»

корреспондент «Вашингтон-пост» взял интервью у Сталина: ему задали вопрос: «Будет ли III Мировая Война?». Ответ Сталина занял полстраницы, отвечал он много и неконкретно. Всех детей заставили выучить этот ответ. Василий выучил его дословно, но так и не понял, что же все-таки ответил вождь. «Почему он так много говорил?» На занятии Вася как стихотворение прочитал этот ответ. Приехала комиссия — проверять, вспоминает он. Его вызвали в числе первых. Проверяющие сидели с непроницаемыми лицами и молча смотрели на стриженного маленького мальчонку:

— Выучил?

— Выучил!

— Рассказывай!

Вася Грохов молчал, как партизан. Долго церемониться с ним не стали: выгнали за дверь. Когда вернулся в интернат, его уже ожидали люди из НКВД. Мальчика (а было Грохову 14 лет) поместили в КПЗ.

«Никаких обвинений не предъявляли. В той же камере находились еще двое: пацан и дядька, спавший лицом к стене. Парень начал задираться, наезжать на новенького. «Дядька» заворочался, поднялся и съездил обидчику Василия по лбу. Больше тот не приставал.

— Ты из детдома? — поинтересовался защитник у мальчонки и посоветовал, как вести себя с дознавателями: прикинься дураком — многое сойдет с рук. Василий так и сделал.

Вскоре его отпустили на волю: что с дурака возьмешь, долдонит одно и то».

Арестант «Чучмек» и всё, всё, всё...

Когда Василию исполнилось 16 лет, и пришла пора выходить в люди, его послали в ремесленное училище, но из-за малого роста, он не был принят. Размер обуви, как у китайца — 33. Шахтам Кизила он тоже не подошел. Нашлось место в деревне Моховая, в колхозе «Правда»... Жил в бригадном доме, при конном дворе, спал на полатях. Наволочку и матрасовку старший конюх, тетя Валя, разрешила набить соломой.

«Поскольку в детском доме нас, всех мальчишек стригли под машинку, то в деревне через пару дней услыхал, что меня крестили Арестантом. Еще через пару недель встала неразрешимая проблема: где достать еду? Десять рублей выданные в детдоме очень быстро закончились. По вечерам я приходил на склад, садился на крыльцо, ждал,

когда опустеет улица и принимался сметать в фуражку рассыпанное зерно, крупу, сахар и еще что-то... На краю деревни за чьей-то баней жадно съедал добычу.

В праздник Октября я дрался с пятью или шестью деревенскими оболтусами. Дрался, как в последний раз в жизни. Спасибо тете Вале. Она разогнала парней и притащила меня на конный двор. Десять дней я ворочался на полатях соображал и вздыхал. Хотел уехать куда-нибудь, где тепло и много-много фруктов. Но куда уедешь без паспорта?»

Продолжал жить в деревне, подбирал на складе объедки после механизаторов, которые часто выпивали и приносили себе закуску. К выпивке Василий никогда не стремился. Наверно это и спасло его от серьезных преступлений и тюрьмы. Из деревенской жизни Василий Викторович помнит такой случай: «*Я так голодал, что еле волочил ноги. Однажды увидел такую картину: идет мужик пьяный, а из сумки торчит хлеб, вот-вот выпадет. Вдруг замечаю, что за булкой слежу не только я, но и собака. Она шла тихо за мужиком, толи хотела выхватить хлеб, толи ждала, когда он выпадет сам. Хлеб выпал, я бросился к собаке, а она уже схватила хлеб и побежала, я за ней. Собака бежала хорошо и быстро, а я не мог ее догнать. Остановился и начал ее уговаривать: «Подожди, не убегай!» и так видимо жалобно получилось, что собака остановилась, посмотрела на меня, положила хлеб перед собой и начала отползать назад. Я медленно двинулся к хлебу, она остановилась. Я поднял булку ,хлеба, разломил на 2 части (равные!) и одну отдал собаке. А другую сам жадно начал есть, собака же не спешила начать трапезу...*»

В середине зимы бригадир устроила Василия на квартиру к бабке, которую все звали Григорьевной. Продолжал работать на конном дворе, возил с полей солому, дрова из леса, помогал в мастерской. На трудодни ничего не получил. Порядка в колхозе не было, никто не знал, сколько чего заработал. Василию бригадирша иногда выписывала записку и посылала на склад получить муку или картошку. Василий шел, но склад был далеко и всегда закрыт, приходится ждать.

Приходит кладовщик и выдает продукты, пока он набирает норму. Василий смотрит на рассыпанные по полу крупу, макароны, сахар и мечтает: «вот бы ночью залезть, подмести, собрать эту еду — дня на два хватило бы!» Он даже не мог додуматься, что если уж залезешь, то можно взять не с пола, а из мешков. Василий помнит, что в колхозе он был очень злым, особенно его ошарашил разговор, который он услышал через два-три месяца своего пребывания в деревне. Однажды он немного опоздал на разнарядку и когда подходил, услышал: «*А где арестант?.. Пусть едет на жерди, а то слоняется туда-сюда*». Василий понял, что говорят про него. Обидело слово «Арестант». «*У них выходит и детдом и тюрьма учреждения одной категории!*» Обидно, но промолчал. Спустя несколько дней один подросток обратился к нему назвав «арестантом». Василий не выдержал, ударил обидчика по лицу кулаком и тут же прорычал: «*Если еще кто-то обзовет — сожгу*!» Отношение сразу изменилось. Мужики даже стали предлагать закурить. Старался не воровать, боялся, что свалят все равно на него. В деревне воровство было, местные лоботрясы часто шарили по кладовкам и сеням, а колхозники подозревали Василия. Лежал по ночам и думал: «*неужели бестолковые мужики не могут догадаться, кто трясет кладовки? Ведь все просто: нажрался сметаны, колбасы, хлеба — значит дома есть не будет — ведь не резиновый же он...*»

Очень нравилось, когда посылали возить зерно на мельницу. Благодать — можно всю дорогу зерно жевать! И снова мысли: «*Наняться бы, куда-нибудь работать, все бы делал целыми днями, только бы горячий суп давали, кашу, может и котлеты...*»

Григорьевна, у которой квартировал Василий, жила бедно. Она работала истопником в школе, был у нее небольшой огород, поросенок и несколько куриц.

Утром, вернувшись с работы, она топила печь и ставила варить два чугунка: маленький для себя, большой с картошкой для свиньи. Когда она вынимала из печи большой чугун и ставила его остудить, Вася ловил момент, хватал горсть — две-три картошки и прятал в карман. Это он не считал за воровство, так как знал, что свинья съедала не все, Василий это видел сам. Однажды после двухдневного голодания, он в очередной раз «караулил» чугун. Хозяйка не отходила. Квартирант не вытерпел и пошел к чугуну, но Григорьевна опередила... «*Все помню, хотя прошло сорок лет. Видимо лицо мое выражало в высшей степени крах готовящейся операции, конец надежды, потому что глаза хозяйки сделались умными, словно что-то отгадавшие. Она поставила чугун, заглянула в него и заплакала*». Василий выскочил из дома, ушел на конный двор и старался реже оставаться с хозяйкой, ему было стыдно. Он жил в одиночку: одиночество скрашивали три любимых места: сеновал на конном дворе — мягко, но холодно, кузница — тепло, но без еды, чердак детского сада — возле труб тепло, но далеко ходить.

Запомнился Василию праздник в деревне: день Советской армии.

В этот день вся деревня была пьяна. Василий был свободен. Вернулся домой, поспать на полатях. Григорьевна в черном сидела за столом одна. На столе стояла бутылка водки, в тарелке дымилась крупная картошка... Василий хотел уйти, но она грубо остановила: «*Чего косоротишься? Сымай куфайку — помянем моих мужиков*»... В тот день Василий ел и картошку, и капусту, и грибы, и хлеб, и даже маленькие липкие конфеты! Она смотрела на парня, пила водку и ничего не спрашивала, заметно пьянела, и под конец взгляд ее стал брезгливым. Он тогда подумал, что таким взглядом, наверное, смотрят на шакалов, мокриц.... Хотел остановиться, но не мог. Было бы на столе еды на 5 человек — съел бы, не задумываясь! После этого праздника, она иногда предлагала: «Иди, поешь, в маленьком чугунке». Вася не отказывался.

Из деревенской жизни Василий Викторович помнит еще один случай: «*Однажды ночью мы пахали зябь. Зажгли костер на берегу. Увидели в реке бочку. Она плыла по воде, заледенелая, мы ее достали и хотели отогреть. Бросили в костер, а она взорвалась, рвануло сильно, нас отбросило от костра, а механику оторвало ногу. После оказалось, что это был бензин*».

Года через полтора, в конце сентября, Василию Грохову пришла повестка явиться в военкомат. Он очень обрадовался. Он считал, что про него все давно забыли, думал, что нигде не числится, что абсолютно никому не нужен.

На врачебной комиссии ему был объявлен диагноз — дистрофия. Ему сказали одеваться и ехать домой. «Не годен». Тут у Василия неожиданно проснулось красноречие, и он громко начал убеждать врачей, что здоров. Быстро шагнул к столу и с места запрыгнул на него. Затем, видя подобревшие глаза военного комиссара, сложил руки перед собой в молитве и, дурачась, попросил: «*Ну, пожалуйста, возьмите меня в Армию. Я хороший*». Военный, широко улыбаясь, сказал: «*Уговорил*!».

Его отправили в Челябинскую школу, в полк под названием «Красные казармы». Режим Василию очень понравился: еда по расписанию, собственная кровать, а нормативы он сдавал очень легко.

В армии он получил медаль за спасение жизни офицера. Рассказывать об этом не любит, так как считает, что на его месте любой человек помог бы другому человеку.

Я всю жизнь иду по краю обрыва

После армии Василий Викторович остался жить на Сахалине, работал сначала на заводе, а потом на складе — грузчиком. Его все время принуждали к воровству, но Грохова сумела поддержать одна женщина, со временем ставшая его спутницей жизни. Она отправила Василия Викторовича в Пермь к своим родственникам, чтобы он начал искать своих родных. В Перми Василий Викторович узнал, где находится Фокинский район. Приехал в 1962 году в город Чайковский. Долгое время не мог устроиться на работу, потому что никуда не брали. Ему помогла Алла Алексеевна, с которой он когда-то жил в детском доме. Она предложила Василию Викторовичу устроиться на работу в кинотеатр «Искорка» — художником. Вскоре, рассказала ему про Башенино. Василий Викторович сразу же поехал туда, для того, чтобы узнать про свое рождение, родителей, Родину.

Скорее всего, Василий Викторович был ребенком врагов народа. Этой точки зрения придерживалась и бывший директор Фокинского детского дома Валентина Матвеевна Хуртай. С Валентиной Матвеевной Василий Викторович встречался неоднократно. Однако, она не рассказала ему о существовании «Книги движения выпускников Фокинского детского дома». История складывалась обычная для тех времен: *родителей расстреляли, а его отправили в детский дом*.

Что бы хоть, что-то узнать о себе Василий Викторович устроился на работу в этот же детский дом, где провел свое детство. Но это дало мало результатов. Оказалось, что из работавших в 1938 — 1943 годах сотрудников жива только одна женщина. Она могла бы что-нибудь вспомнить. С первой встречи с ней Грохов почувствовал, что она избегает откровенных разговоров.

В 1972 году Василий Викторович прочитал в газете «Комсомольская правда» объявление о конкурсе, проводимом ЦК профсоюзов, по теме: «Детский дом нового типа». Будучи человеком, с активной жизненной позицией, он решил принять участие в этом конкурсе. Написал работу «Детский дом нового типа».

Особенно интересен тот факт, что Василий Викторович и все бывшие воспитанники детских домов считают, что выжили благодаря способностям воспитателей увлечь воспитанников трудом. «*В основе воспитания — лежит труд. Но только полезный и в меру, обязательно добровольный*» — утверждает автор конкурсного проекта.

В наше время часто можно услышать выражение: «Сын за отца не отвечает!». За кого же ответил Василий Викторович, в двухлетнем возрасте выхваченный из семьи, оторванный от Родины? Чем глубже я вникала в эту непростую судьбу, тем больше у меня появлялось вопросов. Как назвать действия людей, уничтоживших связь поколений?

Прошло много лет с тех пор. Василию Викторовичу уже 70 лет. Сегодня нет в живых людей, которые работали в детском доме, умирают и те, кто в числе первых прибыл в Фокинский детский дом.

«*Искать виновных уже поздно*» — говорит Грохов и с ним трудно не согласиться.

«А надо ли искать?» — спросила его я. Он сказал, что не стал бы искать, если б был уверен, что все это больше ни с кем и никогда не повторится.

Однажды в автобусе слышу громкий, уверенный голос пожилой женщины: «Развели в стране бардак, а теперь сами не знают, что делать! ...Сталин вот знал, у него порядок был, Сталина бы нам сейчас...» Мне стало страшно и стыдно, больно и горько — все эти чувства нахлынули одновременно. Очень хотелось напомнить женщине, что было «хорошего» в то время, но не хватило сил. Шла и думала: «Что будет с нами через 20, 30, 40 лет? Неужели еще когда-то мне или моим внукам придется увидеть «такое» свидетельство о рождении как у Василия Викторовича Грохова?! Или услышать снова рассказы «Как мне давали в детском доме отчество?», «Кто и как решил, что я родился 1 мая 1936 года»?... А где — то, в глубинке, в стороне от людских глаз появится малограмотный, беспринципный чиновник — «шутник». Он будет, направо — налево, раздавать прибывшим детишкам имена, фамилии, дни рождения, царапая затылок и от его низкого культурного уровня «появятся на свет»: Жаба, Гугуша, Мимика, Сисиска... или Чучемеков Абдулай Белибердыевич...

При выполнении работы использовались подлинные документы Чайковского государственного архива, личные документы В.В. Грохова и воспоминания воспитанников и сотрудников Фокинского детского дома.

Надежда Лисицына,
г.Тверь, школа №37, 9 класс.
Научный руководитель:
В.А.Шарипова

«...Признаны социально-опасными для государства по классовому признаку...»[1]

И вот в августе 1937 года Григория Михайловича в очередной раз арестовали. Когда его уводили, то ни Евдокия Никандровна, ни Михаил не подозревали, что видят его в последний раз. На этот раз Васьковский обвинялся согласно пунктам 2, 7, 10, 11 статьи 58 УК РСФСР. Как видно в самый жестокий год репрессий власть ему припомнила все.

Полина Григорьевна Матушанская, жительница нашего поселка, прожила долгую и трудную жизнь, в 2005 году ей исполнилось 87 лет. Ее отец Григорий Васьковский когда-то был в числе крестьян-переселенцев из Центральной России в Сибирь.

И мне было очень интересно услышать рассказ человека, чьи родственники и она сама были свидетелями исторических процессов в жизни России.

Подолгу беседуя с ней, я узнала, что в судьбе ее семьи, как в капле воды отразилась история судеб многих и многих крестьянских семей России, которые в поисках лучшей доли заселяли просторы Урала, Сибири и дальнего Востока.

[1] Эта работа основана на устных и письменных воспоминаниях П.Г. Васьковской-Матушанской, а также использованы фотодокументы из архива ее семьи.

В поисках лучшей доли...

По рассказам Полины Григорьевны в Псковской губернии в Опочецком уезде Глубоковской волости было село Васьково. Село это получило свое название по имени здешнего помещика Васьковского. Многие из жителей села тоже носили эту фамилию. Отсюда ведут свой род Васьковские, предки Полины Григорьевны по отцовской линии. Ведь, как известно, фамилии крепостным крестьянам в стародавние времена давали по фамилиям их владельцев-помещиков. И эти сведения, и воспоминания о крепостном детстве бабушка Анна Павловна Васьковская рассказывала внучке Полине в конце 20 годов. Сама она родилась в 1840 году. Полина Григорьевна помнит, что в 1930 году в семье справлялось 90-летие Анны Павловны. Вообще род Васьковских — это род долгожителей. Так дочь Анны Павловны Агафья прожила 110 лет!

Отмена крепостного права была самым важным событием в 19 веке в нашей стане. И недаром Александра II называют царём «освободителем». Но после его реформы, когда крестьяне получили право на собственную землю, оказалось, чтобы прокормить немалую семью крестьянам выделенной земли не хватало, а денег на покупку других участков не было.

От безденежья и безземелья, чтобы не погибнуть от голода, людям приходилось наниматься в батраки к более богатым и зажиточным, или работать на помещика. Борьба шла за каждый клочок земли, и крестьяне часто бунтовали. В этой ситуации царское правительство, еще до начала «столыпинских» реформ стало переселять безземельных крестьян в Сибирь и на Дальний Восток. При этом переселенцы получали ряд существенных льгот.

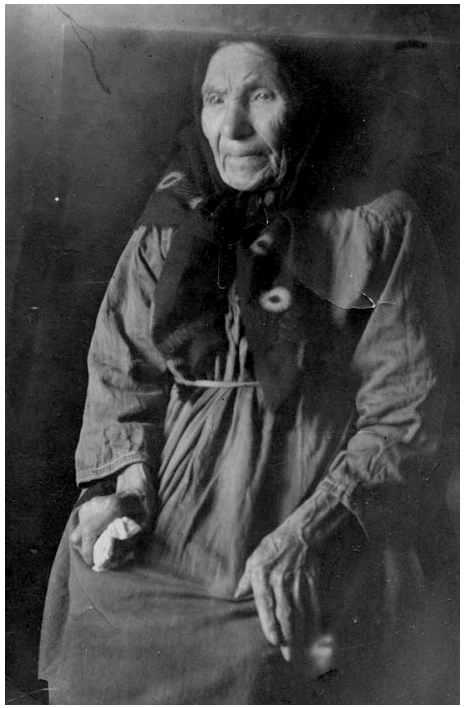
Но вернёмся к семье Васьковских. Анна Павловна, выйдя замуж за Михаила Васьковского, родила четырнадцать детей, но в живых осталось только четверо: сыновья Григорий, Филипп и дочери Агафья и Анна.

Вот эта семья Васьковских вместе с семьями родственников Воронинских и Мягковых и другими односельчанами в 1900 году и решили переселяться в Сибирь, в Енисейскую губернию[1].

С Воронинскими и Мягковыми семья Васьковских породнилась через детей. Дочь Агаша вышла замуж за Андрея Мягкова, а Аня — за Михаила Воронинского.

То есть, из Пскова они ехали в специальных составах до Красноярска, а дальше могли выбирать место своего поселения и брать земли по количеству членов семьи мужского пола.

[1] Ныне Красноярский край.

Анна Павловна Васьковская, бабушка Полины Григорьевны. 1930 г.

Полина Григорьевна упомянула, что в тех местах переселенцев называли чалдонами или попросту первопроходцами. Значит, их было много, раз появилось такое определённое название.

После Красноярска некоторые переселенцы направлялись дальше за Енисей. Семья Васьковских и другие их односельчане остановились в районе реки Бирюсы — одного из притоков Енисея.

В начале жизни в Сибири крестьянам-переселенцам приходилось трудиться от зари до зари, чтобы освоить новые земли.

«Первым делом все принялись корчевать деревья: толстые брёвна шли на строительство мельницы, средние были предназначены для домов, а ветви и корни использовались как топливо», — так рассказывает Полина Григорьевна.

А вот что она пишет о тех временах в своих записках:

«Этих людей — переселенцев можно смело назвать героями. Только представьте себе: зимой трескучие морозы 40 — 50 градусов. Летом миллиарды гнуса (комары, мошки, оводы, слепни) — все кровососущие, да ещё при жаре 30 -35 градусов.

Переселенцы должны были в самом начале выкопать землянки, где была расположена «вечная» мерзлота, которая начиналась всего в 10 -15 сантиметрах от поверхности. Да ещё нужно было сперва спилить (почти под корень) вековые сосны, лиственницы, ели и другие деревья. Затем нужно было из этой массы срубленного леса заготовить брёвна (одно дерево на несколько частей) в зависимости от его

назначения: для стройки домов, дворовых построек — средние стволы, для мельницы наиболее длинные и толстые.

Да ещё необходимо было ошкурить эти брёвна от смолисто коры, и всё это доставить к месту назначения. Затем надо было выкорчевать все пни, на месте которых сразу же проводили распашку земель под посевы зерновых и огородных культур. Кругом была нетронутая тайга...

Здесь-то мой отец Григорий Михайлович и проявил себя с лучшей стороны, — продолжает свой рассказ Полина Григорьевна, — *он закончил всего четыре класса церковно-приходской школы и был не очень силён в грамоте, но руки у него были просто «золотые». И столяр, и слесарь, и механик — всё умел делать.*

Он построил паровую мельницу, и, причём жернова нужно было везти за семьдесят километров. Ну, тут уж собрались все родственники и помогли в перевозке жерновов-глыб. Их тащили от деревни к деревне, по две лошади с частыми отдыхами, но всё-таки работа была сделана».

Вот такими неимоверными трудами была основана деревня Долгий Мост. И одними из основателей ее были и псковские крестьяне Васьковские.

Встретились Григорий Васьковский и Евдокия Федотова и поженились в 1910 году. Было им по 20 лет, они оба родились в один год — 1890. И если Григорий покинул Псковский край в 10-ти летнем возрасте, то Евдокия перебралась в Сибирь вместе с родителями, когда ей было 16 лет.

У семьи Васьковских к тому времени уже была мельница, они вели торговлю и были зажиточными людьми. Григорий Михайлович по торговым делам ездил в северные районы Енисейской губернии, занимался и скупкой мехов.

Григорий Михайлович был работящим, предприимчивым и, как считает Полина Григорьевна, талантливым в технике человеком.

Он сам усовершенствовал разную сельскохозяйственную технику. И даже пытался собрать подобие современного комбайна. Два брата Васьковских — Григорий и Филипп и их семьи работали, не покладая рук. И Полина Григорьевна уверяет, что работников у них не было. Работала вся семья. Никто не жалел своего здоровья, и не на кого не надеялся.

Меж тем, как и сейчас, так и тогда в России было расслоение людей на бедных и богатых. И часто в одной деревне, люди, приехавшие и осваивавшие новую землю на одинаковых условиях, потом жили по-разному.

Некоторые односельчане завидовали зажиточным крестьянам, а сами работать не хотели.

По словам Полины Григорьевны, был в селе такой человек по фамилии Шаренда. Имя его за давностью лет стерлось из памяти, но фамилию Шаренда она запомнила на всю жизнь. Этот Шаренда принес много зла семье Васьковских и, по мнению, Полины Григорьевны, все из-за зависти.

Меж тем, в октябре 1918 года в семье Васьковских родилась младшая дочь. При крещении девочка получила имя Пелагея, но позже ее стали именовать, более благозвучным на взгляд окружающих, да и самой девушки, Полиной.

Но мирная и спокойная жизни семьи переселенцев Васьковских закончиться очень скоро. На это повлияют череда событий, случившихся как в стране, так и в селе Долгий Мост.

Годы гражданской войны

В Сибири гражданская война была ожесточенной. Большевистскую власть в тайге представляли партизаны. Такие отряды действовали во многих районах Енисейской губернии, в том числе и в Абанском районе, к котормуотносилось село Долгий Мост. Руководителями партизанского движения в губернии были командиры Кравченко и Щитинкин. Петр Щитинкин известен тем, что взял в плен барона Унгерна. Позже Щитинкин написал книгу воспоминаний, в которой всячески клеймил колчаковский террор, и ни слова не упомянул о методах партизанских расправ.[1]

Большевикам противостояла армия Колчака, которая состояла не только из царских офицеров. В отрядах адмирала были представителей разных сословий, которым не по душе новая власть.

Так для ориентации в сибирской тайге колчаковским отрядам необходимы были знающие местность люди. Таким был Григорий Васьковский, и он стал проводником у «белогвардейцев».

«*Когда эти отряды были уже очень близко от Долгого Моста, отец стал уходить почти каждую ночь...*».

Крестьянам, составлявшим тогда большинство населения Енисейской губернии, трудно было сделать выбор: какую власть поддержать? Немало было тех, кто намеревался переждать смутное время и не поддерживал ни ту, ни другую сторону. Но логика гражданской войны требовала от каждого определенных поступков. И человек поневоле втягивался в противостояние.

[1] Щитинкин П.Е. Борьба с колчаковщиной. Новосибирск, 1929.

Два противоборствующих лагеря образовались и в семье Васьковских.

В самом селе Долгий Мост появился партизанский отряд, куда вступил восемнадцатилетний Иван, сын брата Григория Васьковского Филиппа.

Родные, а особенно дядя, Григорий Васьковский, не одобрили этот шаг Ивана. И это в последствии повлияет на их отношения.

«Вся округа словно раскололась на две части — сторонников и большевиков, поэтому и убили моего дядю. Но отец не был ни на чьей стороне, хоть он и стал проводником у Колчака».

Стал «красным» партизаном и Шаренда. Свою ненависть к богатому односельчанину Григорию Васьковскому он пронес через годы.

Тогда, 1919 году в сибирских селах, как и по всей России, большевики развернули борьбу с состоятельными крестьянами (кулаками). Началось перераспределение земельных участков, изъятие излишков, с точки зрения новой власти, зерна и других продуктов. В стране тогда проводилась политика военного коммунизма и внедрение продразверстки.

Первой жертвой этой борьбы в семье наших героев стал Филипп Васьковский.

«Однажды вечером отец с братом возвращались после работы на мельнице домой. Вдруг отец вспомнил, что забыл кое-что сделать и решил вернуться, Филипп не стал его ждать и пошёл один. И вот его подстерегли за углом и подстрелили. Весть об этом быстро разнеслась по деревне, так как все друг друга знали и переживали. Через некоторое время кто-то добежал до нашего дома и сказал его жене, что Филиппа убили. Вскоре у женщины сразу отнялись ноги (потом отец сделал ей деревянную тележку). Моему отцу пришлось взять всех под свою опеку, теперь ему приходилось работать за двоих».

Кто убил Филиппа Васьковского, так и осталось неизвестным. Как предполагают в семье, убить должны были Григория Михайловича. Они с братом были очень похожи, одного роста и, возможно, убийцы приняли одного брата за другого. Братья в сумерках возвращались с мельницы, и один из них был убит из-за угла.

В 1919 году Григорий Васьковский был признан социально-опасным элементом.

И под угрозой расправы он сам и его семья вынуждены были спешно бежать из села в город Канск. Так семья Васьковских в первый раз потеряла все нажитое имущество.

Из записей Полины Григорьевны: «*О бегстве из насиженного места от разбоя и партизанского нашествия я узнала, когда стала школьницей от своей 90-летней бабушки Анны Павловны Васьковской (матери моего отца — Васьковского Григория Михайловича). В конце лета 19 года, глубокой ночью началась стрельба, крики людей, лай собак, ржание лошадей...*»

Подробности о том, как семье пришлось бежать из села, Полина позже узнала из рассказов своей бабушки Анны Павловны.

«Сбор побега возглавила наша мама, и помогали ей в этом деле мои подрастающие родственники и двоюродная сестра Анастасия. С трудом удалось достать две повозки, хозяйские были реквизированы то ли партизанами, то ли колчаковцами...В одну из запряжённые с грехом пополам повозок поместили нашу бабушку, меня, брата, сестру и маму. В другую повозку посадили жену убитого дяди Филиппа, у которой отнялись ноги, с ней посадили старшую нашу дочь — Анастасию Филипповну.

А в это время стая погромщиков расстаскивали вещи, били стёкла, рвали картины и всё, что висело на окнах и дверях. Как всегда бывало в таком положении, набежали прежние друзья, враги, всё тащили, ломали, скот уводили, ящики разбивали, и что попадало под руку, забирали в свои дома.

Я очень трудно перенесла дорогу, всё время кричала и плакала, бабушка меня старалась успокоить, а мама даже предложила ставить меня на дороге: найдёт кто-нибудь — хорошо, не найдёт — будь, что будет. Теперь, думая, что такое могло произойти, я упрекаю свою маму, хоть и её можно понять. Ведь в столь короткое время ей пришлось очень многое пережить, и нервы были на пределе».

Городок Канск находился в семидесяти километрах от Долгого Моста. Сюда и добрались теперь уже вынужденные переселенцы Васьковские. Начиналась новая жизнь, но с чего она начиналась? Не было ничего, семья приехала в чужой город, на пустое место, но назад пути не было, а значит, надо было срочно искать выход.

И он нашёлся, а точнее нашлись добрые люди. В Канске у Григория Михайловича был партнер по торговле по фамилии Гусев. Он и выделил семье Васьковских баньку.

Григорий Васьковский вернулся к семье только после разгрома колчаковской армии, который произошел в том же 1920 году. А вскоре и сам Колчак был расстрелян.

Начало репрессий

После возвращения домой, Григорий Михайлович устроился слесарем на канский чугунно-литейный завод. Там ему платили неплохие деньги, но главным было то, что на заводе рабочим выделяли участки земли. Семья Васьковских получила небольшой надел земли недалеко от города на берегу реки Кан. Вскоре Григорий Васьковский на заработанные деньги или на оставшиеся от прежней жизни купил в Канске большой пятистенный дом. В этом доме разместилась его семья и семья брата Филиппа.

Григорий Михайлович содержал не только свою семью, но и семью погибшего брата, его жену и дочь Анастасию.

И будто бы жизнь стала налаживаться. Дети Анна и Михаил стали учиться в школе. А Полина была еще мала и большую часть времени проводила с бабушкой Анной Павловной.

Между тем семье требовалось все больше и больше средств. Ведь на содержании Григория Михайловича, как уже говорилось, было большое семейство: мать, жена, трое детей, жена брата и его дочь.

В 1923 году уходит с завода и становится закупщиком пушнины конторы Сибторга, так как и это дело он знал хорошо.

Через три года, в 1926, он, накопив денег, как раз в разгар НЭПа Григорий Михайлович на паях со знакомым покупает мельницу в с. Шеломки. Позже он становится членом товарищества, которое держало несколько паровых мельниц в округе. Кроме того, Григорий Михайлович по просьбе компаньонов стал обслуживать мельницы, как механик.

Часть зарплаты, по уговору с компаньонами. Григорий Васьковский получал деньгами, а часть мукой. Это давало возможность излишки продавать.

В 1926 году настала пора Полине идти в школу. О первой учительнице Софье Поликарповне Каргополовой она всё время вспоминает с благодарностью.

«Это была высокая, статная женщина, очень серьёзная и строгая. Она ещё при царе работала в школе. Всегда ходила в чёрном платье и никогда не *повышала голос»*.

Потом, когда в школе стала работать сама Полина Григорьевна, она старалась быть похожей на свою первую учительницу.

«Ещё в 1926 году Асылиха, жена одного из компаньонов отца, пронюхала, что скоро настанут плохие времена, и быстро нашла место

для жительства подальше от этих мест. Они переехали в Свердловск. Первые два компаньона долго уговаривали отца бросить всё и уехать с ними, даже дом ему подыскали. Но папа не соглашался, он считал, что ничего плохого государству не сделал, и его не тронут».

Но, к сожалению, Григорий Михайлович Васьковский оказался не прав.

«Осень. Начало сентября, я только стала ходить в четвёртый класс. Софья Поликарповна как всегда встречала нас у крыльца. Но сегодня что-то было не так. Она не дождалась, пока я взойду на крыльцо, и сама вышла мне на встречу.

Я поздоровалась, но учительница взяла меня за руки и сказала: «Полина, ты только не плачь. Сегодня в школу не ходи и завтра тоже. Вообще, ты в этой школе больше учиться не будешь. А теперь иди домой, там у тебя что-то с отцом случилось. Только не плачь!» А ведь в тот момент она сама чуть не плакала».

В 1927 году Григория Михайловича арестовали. Обвинение ему предъявлялось по ст. 58—8 УК РСФСР[1].

Но 2 сентября 1927 года выездная сессия Сибкрайсуда в г.Канске оправдала Григория Михайловича Васьковского.

Но передышка была недолгой, уже 1928 году Григория Михайловича снова арестовали.

Снова был суд, но Григория Васьковского судили по уголовной ст.107 ч.2 УК РСФСР, как спекулянта, обвиняя в том, что он продавал излишки муки по цене выше государственной.

Никакие доводы Григория Михайловича о своей невиновности, на суд не подействовали. Тем более, что против него свидетельствовали не только «красный» партизан Шаренда, но собственный племянник, тоже бывший партизан, Иван Васьковский.

1928 год стал годом, когда начались репрессии против крестьян.

Как известно, в начале этого года Сталин начал рассылать местным партийным работникам телеграммы, в которых требовал применять жестокие меры по отношению к кулакам.

А на местах власть старалась указания по уничтожению зажиточного крестьянства выполнить и перевыполнить.

[1] «Ст. 58-8. Совершение террористических актов, направленных против представителей советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организации, и участие в выполнении таких актов, хотя бы и лицами, не принадлежащими к контрреволюционной организации...»

«ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от «11 мая 1928 года»

Слушали: Дело № 56843 по обвинению гр. Желякевич Петра Михайловича, Мельникова Василия Ивановича, Васьковского Григория Михайловича по 2 ч. 107 ст. УК.

Постановили: доп. 3.

Желякевич Петра Михайловича, Мельникова Василия Ивановича, Васьковского Григория Михайловича — выслать через ППОГПУ на Урал, сроком на три года, считая срок с 17/1- 28 года. Войти с ход. в През. ЦИК СССР о конфискации хлебопродуктов и мельницы.

Дело сдать в архив».

В деле Григория Васьковского есть и выписка из протокола № 61/К Заседания Президиума ЦИК СССР от 22 августа 1928 года.

На этом заседании, рассмотрев ходатайство ОГПУ о конфискации, постановили:

«*Изъять у гр-н*

1) Набель Густава Индриковича
2) Искакова Асылгарея Фаткудина
3) Жилякевич Петра Михайловича
4) Мельникова Василия Ивановича

10) Васьковского Григория Михайловича,

осужден. по делу № 56843 Пост. ОСО. СОВ. при Колл. ОГПУ от 11/5 к высылке из Канского Округа на Урал сроком на ТРИ года каждый по 2 ч. 107 ст. УК.

Изъять хлебопродукты и мельницы»

Подписал протокол заседания президиума секретарь ЦИК СССР Авель Енукидзе

Григория Михайловича приговорили к трём годам ссылки в селе Берёзово. Тогда это село входило в состав Уральской области, а теперь находится на территории Тюменской. И хотя формально Васьковского судили как уголовника, но тогда он во второй раз был признан «социально-опасным элементом». Вместе с Григорием Васьковским «социально-опасными элементами» были признаны и другие его компаньоны.

А вскоре, в 1929 году, были раскулачена и вся семья Васьковского. У них во второй раз отобрали все нажитое имущество: дом, сельхозпостройки, сельхозинвентарь, лошадей, коров и другую домашнюю живность. Тогда же пострадала не только семья Васьковских, но и

семья Федотовых, братья Евдокии Никандровны Васьковской. Петр Федотов был участник русско-японской войны, вернулся с дальневосточного фронта инвалидом. Федор Федотов самый младший в семье, так и не успел жениться.

И семья Петра Федотова, и семья его родителей, с которыми жил Петр, тоже были раскулачены.

Мать Петра и Федора Агафья Харитоновна отказалась ехать на поселение и осталась без крова и еды. Вскоре ее и других таких же бездомных людей собрали и вывезли на Север. Там условия для пожилой и больной женщины были невыносимы. Кормили ее местные люди, но у них кроме рыбы другой еды не было.

И пожилая женщина решила вернуться домой, ей не хотелось умирать на чужой стороны. Невероятно, но она преодолела огромное расстояние пешком: к концу пути вся обувь стёрлась, до дома Агафья Харитоновна дошла практически босиком и умерла буквально на пороге дома своих родственников. Полина Григорьевна вспоминает, что и Петр и Федор были участниками крестьянских восстаний, но в какие годы, не помнит. До того, как я начала розыск сведений о крестьянских восстаниях в Сибири, я и не представляла, что борьба с советской властью, а по сути «гражданская война» велась до начала 30 годов. Ведь официально, она закончилась в 1924 году.

Наиболее значимым было восстание летом 1931 года, охватившее Дзержинский, Тасеевский, Абанский и Канский районы Енисейской губернии. Особенностью этого восстания было то, что возглавили его бывшие красные партизаны. Участники партизанско-крестьянского движения (так называли себя повстанцы) написали и приняли документ, который назвали «Требование», где они объясняли, почему взялись за оружие. Это «Требование» раздавалось и читалось по деревням Канского округа.

Именно в Абанском районе Канского округа находились села и Долгий Мост и Нижняя Пойма. Но неизвестно, в каком из восстаний принимали участие Федор и Петр Федотовы. Арестованы они были в 1929 г.

Сведений о том, где отбывал ссылку или срок наказания Федор Федотов, нет. Но известно, что в 1931 году он был отправлен на строительство Беломорско-Балтийского канала. Первой великой стройкой с применением массового труда заключенных стал именно Беломоро-Балтийский канал имени И.В. Сталина, который построили руками репрессированных очень быстро (с 1931-1933 гг.) На его стро-

ительство бросили заключенных СЛОНа — первого лагеря ГУЛАГа. Был ли сам Федор Федотов на Соловках, можно только гадать.

О Петре с 1929 года ничего не было известно. Но со временем до родственников окольными путями дошла весть о том, что и Петр, и Федор были расстреляны в 1937 г.

Дальнейшая судьба его дочерей Петра Федотова, оставшихся без близких родственников отца, матери и бабушки, сложилась по-разному.

Марфа Федотова, которая называла себя Машей из детдома взяла дальние родственники Федотовых. В годы войны Марфуша потеряла продуктовые карточки, и скрыла это от родственников. В результате переживаний и голода, она вскоре умерла. Было это в 1942 году.

А Анфиса воспитывалась в семье Васьковских. Сами члены семьи Васьковских после раскулачивания стали жить у разных родственников.

Полина в то время нигде не училась, так как ее из-за ареста отца исключили из школы. А в это время Григорий Михайлович отбывал ссылку. Сначала он вместе с другим механиком Густавом Набелем пытался искать работу в селе Берёзово. Но там работы для ссыльных не было, только зимой дороги расчищать от снега или чинить, что попросят местные жители. Поэтому там они пробыли не долго, вторым местом их ссылки стало село Самарово той же Тюменской области. В районе этого поселения стали строить рыбный завод на реке Оби, и нужны были рабочие. Туда и устроились Григорий Михайлович и Густав Набель, и всё последующее время работали на этом заводе. «*Папаня пересылал нам деньги, что было огромной помощью в нашем положении*» — рассказывала Полина Григорьевна.

В 1932 году Григорий Васьковский вернулся из ссылки.

После ссылки Григорий Михайлович решил поселиться с семьей в Тюмени. Перед тем, как забрать семью, он обошёл все близ лежащие к городу поселения и выбрал место недалеко от города. Приехав в Канск, он отметился местном ГПУ, и стал собираться на новое место жительства. Родственники его уже ждали и скоре все вместе Васьковские перебрались в Тюмень. Вместе с ними поехала в новые края и воспитанница Анфиса Федотова.

«Скажите Полина Григорьевна, а ваш отец что-нибудь рассказывал вам о ссылке?»- спросила я.

«Папаня никогда не обижался на это незаслуженное наказание, но не любил вспоминать о нём, хоть это было и не справедливо».

Наверное, при детях об этом не говорили, да и сами старались не обсуждать такие вопросы. Теперь у Григория Васьковского стояла всё та же самая задача — прокормить семью. Григорий Михайлович стал работать механиком машинно-тракторной станции (МТС) недалеко от города. Как механик он отвечал за рабочее состояние машин, а значит за ход полевых и уборочных работ.

Юность Полины

«Тюмень нас встретила неплохо. И крыша над головой была, и у отца работа, и мы учиться стали», — вспоминает Полина Григорьевна.

Здесь, в Тюмени, Полина поступила в железнодорожную школу в пятый класс. Наконец-то, она снова могла учиться, в классе она была старше своих одноклассников на два года.

Почти все воспоминания Полины Васьковской о 1932-1934 годах связаны со школой.

«Ну, во-первых — говорит она, — *в этой школе меня немножко приодели. Мы же, как одевались? Старые штанишки брата надела, подвязала, чтобы не спадали, рубашонку нацепила и побежала. А у учителей у всех свои дети были, вот они и принесли мне кому, что не жалко было. Кто валенки, кто платьице, кто туфли, хоть старые, поношенные, но всё же. Даже два пальто нашли, одно серое, другое синее и костюмчик с шапкой в придачу».*

Учиться Полина Григорьевна любила, была прилежной и послушной ученицей, и это замечали учителя. Так она проучилась пятый класс.

«А в шестом классе по школам пошёл указ, организовать самоуправление учениками. Требовались хорошие ученики в ученический комитет, и кого же туда назначили? Полю Васьковскую. Уж не буду врать, не знаю, за какие такие заслуги меня туда выбрали, но все учителя проголосовали единогласно. Я учителей очень уважала и не могла им перечить, раз назначают, значит надо, но сама поначалу очень стеснялась приходить на собрание. Я долго не могла привыкнуть, что меня преподаватели ставят наравне с собой, спрашивают совета, выслушивают мнение».

Для четырнадцатилетней девочки это было в новинку, к тому же собрания требовали принятие сложных решений, на плечах висела ответственность, но Полина справлялась.

«Меня даже иногда с уроков снимали, — продолжает она свой рассказ, — чтобы решить какой-нибудь вопрос. А когда вся школа собира-

лась в актовом зале, то непременно я выходила на сцену и говорила объявления».

Полю (так её стали называть учителя) также посылали проверять проведение каких-нибудь мероприятий, например, спортивных соревнований

Так прошло два года. Наступил 1934 год.

Однажды в школу приехала комиссия из института, ищущая хороших учеников в студенты. В школе весь день обсуждали случившееся. Полину (к тому времени она уже перешла в восьмой класс) встретили в коридоре и привели в учительскую.

Полина Григорьевна Матушанская, 1932 г.

Там сидело несколько человек — мужчин и женщин, с серьёзным видом, которые рассказали, что в городском университете открылся новый факультет географии, а студентов катастрофически не хватает. Все или не знают что это такое, или не хотят туда поступать. Набор на все факультеты уже прошёл, а геофак оказался в трудном положении: преподаватели есть, указание из Москвы есть, а студентов нет.

Всё это приводило к нехватке географов в Тюменской и Красноярской областях. Требовались люди, чтобы строить заводы и фабрики, дома и дороги, чтобы добывать полезные ископаемые. Их приглашали из Москвы. Поэтому стояла срочная необходимость в обучении географов.

Посмотрев на оценки Полины, а они были очень хорошие, в комиссии решили, что она им подходит, и объявили ей: «*Никакого восьмого класса не будет. Ты идёшь учиться в институт!*»

Таким образом, без экзаменов она стала самой настоящей студенткой.

Полина Григорьевна рассказывала, что в институт на факультет географии были набраны люди разных возрастов, а главное, с разным уровнем знаний.

«Моего возраста там было ещё две девушки, а остальные — старше. Учились люди даже среднего возраста, уже много лет работавшие в школе. И, естественно научить нас всех хотя бы азам было очень трудно, тем более срок был маленький — около двух лет. Программа была сокращена».

И действительно, у Полины Григорьевны сохранились фотографии студенческих лет, на них некоторых студентов легко можно перепутать с преподавателями.

«Почти все предметы (геологию, географию, петрографию и другие) преподавал профессор Юрий Петрович Иорданский. И только астрономию, которую никто не понимал, вела старушка «времён царя Гороха», закончившая ещё при царе Московский институт.

Поначалу учиться было очень сложно, часто оставались после лекций, задавали вопросы. Потом нам сделали рабочими днями субботу и воскресенье, но по желанию. Я всегда приходила на эти занятия, потому что понимала, знания надо получать сейчас.

Частенько заглядывал профессор под видом каких-то своих дел. Но сам всё равно старался нам помочь, давал рассматривать и изучать горные породы и полезные ископаемые. Потом мы быстро обедали и возвращались в аудиторию, где обычно сидели часов до десяти вечера»,- говорит Полина Григорьевна.

Вскоре, однако, Иорданский был арестован, а позже расстрелян. А вместо Иорданского в институте стал преподавать молодой парень.

В Книге Памяти Тюменской области о репрессированном профессоре приведены следующие сведения:

«Иорданский Юрий Петрович. 1883 г., с. Городня Тверской губ. Ссыльный. Зав. кафедрой тюменского пединститута, профессор. Арестован 5.11.1937 г. Осужден «тройкой» Омского УНКВД 15.3.1938 г. Расстрелян в Тюмени 21.3.1938 г. Реабилитирован 14.8.1956 г.»

На выпускной вечер отец привёз Полине туфли, которые были ей велики и неаккуратно покрашены, а платье сшили из грубой ткани. Но всё равно на душе у неё было тепло. После выпускного все поехали на экскурсии, а она осталась дома собирать вещи. У нее уже было направление на работу.

1936 год. Полину направили на Северный Урал в город Тавду. С небольшим количеством вещей (одеяло сатиновое, простынь, пододеяльник, подушка, кружка и платье) её в дорогу ее провожал отец.

До Свердловска на поезде ехала двое суток. Прибыв на место, до школы дошла, спрашивая дорогу у прохожих.

«Завуч — пожилой человек Сельменский Алексей Алексеевич очень обрадовался: «Ой, мне смена приехала!» — всё время повторял он. Пришёл заведующий горроно Кучин Юрий Алексеевич. Познакомились. А в это время ученики открывали дверь и говорили: «Новая учительница приехала!»

В этом городе было очень много ссыльных политических, и поэтому в школе они тоже работали. Это были бывшие «белые» офицеры -литератор и физик, а их жёны вели литературу. *«Вы бы видели, какие они доброжелательные и воспитанные. Я довольна и счастлива, что с самого начала была в окружении такого коллектива»*.

О своей работе в Тавдинской школе Полина Григорьевна вспоминала с удовольствием.

В это время как раз в школе готовили поход, транспорт к которому должен был предоставить Лазарь Борисович Матушанский, инженер лесокомбината, который шефствовал над школой № 1.

Через мгновение в комнату кто-то вошёл. *«А вот и он»*,- сказала Зарихина, и они поздоровались. Полина Григорьевна испугалась, схватила со стола первую попавшуюся газету (она оказалась на немецком языке) и стала делать вид, что читает, хотя сама старательно прятала своё лицо.

Вошедший обратился к Зарихиной со словами: *«А у нас что, новая учительница, так надо познакомиться, а зовут то её как?» «А вы сами спросите»*, — ответила учительница.

Лазарь Борисович подошел к Полине, и только тут она заметила, что газета перевёрнута вверх тормашками.

«Это я понимаю, человек недавно приехал, а уже газеты читает, да ещё на немецком языке. Только вот почему она перевернута?»

Полина Григорьевна не растерялась, она ответила:

«А я уже всё прочитала, а теперь картинки рассматриваю». Вот так и познакомились.

1937 год

Полина жила свой молодой и по-своему счастливой жизнью, а меж тем семью ее родителей ожидала трагедия.

Михаил Григорьевич продолжал работать в МТС механиком. Вместе с Григорием Михайловичем и Евдокией Никандровной в те годы жил сын Михаил и какое-то время дочь Анна.

И вот в августе 1937 года Григория Михайловича в очередной раз арестовали. Когда его уводили, то ни Евдокия Никандровна, ни Михаил не подозревали, что видят его в последний раз. На этот раз Васьковский обвинялся согласно п.п. 2, 7, 10, 11 ст. 58 УК РСФСР. Как видно в самый жестокий год репрессий власть ему припомнила все.

Насколько серьёзными были обвинения по этим статьям, я убедилась, познакомившись с их расшифровкой:

«58-2.Вооружённое восстание или вторжение в контрреволюционных целях и, в частности, с целью насильственно отторгнуть от Союза ССР и отдельной республики какую-либо часть её территории...

58-7. Подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации, совершённый в контрреволюционных целях...

58-10. Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений...

58-11. Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений...»[1]

Таким образом, Григорий Михайлович Васьковский, был признан не только социально-опасным элементом для государства по классовому признаку, но и врагом народа. Григория Михайловича Васьковского обвиняли, в том числе и в том, что он привёл сельхозтехнику в состояние негодности и сорвал посевную, а также в участии в контрреволюционной организации. Всего по этому делу проходило около сорока человек.

10 октября Тройкой УНКВД по Омской области Григорий Васьковский был приговорен к высшей мере наказания. Расстреляли его 12 октября 1937 года вместе с другими осужденными по этому делу.

Как сообщили по нашему запросу из Тюменского «Мемориала», расстрелы в городе совершались в подвале так называемого «Дома НКВД», расположенного на ул. Семакова, 18. Сам дом НКВД — несмотря на усилия мемориальцев — был разрушен, на его месте возведен учебный корпус Тюменского госуниверситета. Напомню, что тогда в 1937 году были уничтожены не только Григорий Васьковский и братья Федотовы. Григория Михайловича уже не было в живых, а его жена Евдокия Никандровна продолжала носить ему передачи в тюрьму НКВД. Носила до тех пор, пока один пожилой охранник сжалился над ней и сказал: *«Мать, не ходи сюда больше, убили их всех, расстреляли!»*

[1] Росси Ж Справочник по ГУЛАГу. 2 ч. М., 1991.

Полина Григорьевна Матушанская (первый ряд третья справа). Тавда, 1938 г.

С этого момента семья жила в ожидании собственного ареста. Все очень тяжело переживали раннюю смерть отца. Григорию Михайловичу было всего 47 лет. Но, конечно, больше всех переживала Анна Никандровна. Вскоре она осталась в доме вдвоем с воспитанницей Агашей. В этот момент ей помогла семья священнослужителей, которые сами пострадали от советской власти.

Анна Никандровна пережила своего мужа больше, чем на сорок лет. И вспоминая Григория Михайловича, всегда плакала и приговаривала: «*Ни за что убили хорошего человека...*»

А Полина Григорьевна вспоминает, что расстрел отца как врага народа не отразился на ее судьбе.

«*В моей школе все сразу узнали, что мой отец враг народа, но ни единого вопроса и упрёка, касающихся этой темы я не услышала. Наоборот, все переживали и говорили: «Какой ты Полина враг народа (ведь если в семье кого-то таким назвали, то и все члены семьи становятся врагами народа), всё ещё выяснится!».*

Полина Григорьевна такое поведение своих сослуживцев объясняет тем, что в Тавде проживало много тех, кто сам невинно пострадал от советской власти.

В 1938 году Полина Григорьевна вышла замуж за Лазаря Борисовича Матушанского. Надо сказать, семья Матушанских ранее проживала в Киевской области. Это была многодетная еврейская семья ремесленников. Матушанские перебрались на Урал, спасаясь от голода на Украине.

В 1939 году в семье Полины и Лазаря Матушанский родился первенец — сын Геннадий.

В том же году семья Полины и Лазаря Матушанских переехали в город Архангельск. Лазарь Борисович был направлен в Архангельскую лесотехническую академию. Вместе с ними в Архангельск они взяли Евдокию Никандровну и Анфису.

Лазарь Борисович стал учиться в академии, а Полина Григорьевна не захотела сидеть дома и устроилась работать в школе, за Гришей и за Анфисой присматривала бабушка.

Вскоре Лазарь Борисович стал учиться до самого вечера по ускоренной программе. И хотя обучение было рассчитано на три года, учился он в академии только год. Однажды он пришёл домой и сказал жене Полине: «*Собирайся Полинка, домой едем!*»

«*Было 30 декабря 1940 года, вечер, когда к нам домой пришли мои ученики, Лазарь был в академии, решал последние дела, а я сидела дома с мамой и сыном*», — вспоминала Полина Григорьевна.

В этот вечер все её благодарили за работу и очень сожалели об её отъезде.

Полина Григорьевна до сих пор тепло вспоминает своих архангельских учеников и их родителей.

Как не хотелось уезжать из Архангельска, большого города, но пришлось вернуться в Тавду. Лазарь Борисович снова стал работать лесокомбинате, но уже главным инженером, а Полина Григорьевна вернулась в свою школу.

Война и новые испытания

Так жили до 22 июня 1941 года. Когда началась Великая Отечественная война, стали разносить повестки, на второй день на завод принесли повестку и Лазарю Матушанскому. Но там её спрятали и дали время сдать производство до 10 августа.

Именно в августе Лазарь ушел на фронт. «*Набрали целый состав военных. Где-то часов в пять вечера этот состав тронулся в сторону фронта. Кажется, что его провожали всем городом*», — вспоминает

Полина Григорьевна. Но так как её муж имел высшее образование, его оставили на переподготовку в городе Свердловске. Там по ускоренной программе Лазарь Матушанский закончил Уральское военно-политическое училище, и на фронте служил политруком в артиллерийских войсках.

Проводив мужа на фронт, Полина вскоре родила дочку Ольгу. И опять для семьи Васьковских-Матушанских начались тяжёлые времена. На ее руках сталось двое малолетних детей, мать и воспитанница.

Она вспоминает: *«Когда муж уходил на фронт, он сказал, что запрещает нам запасаться продуктами, так как должно достаться всем, а мы не пропадём. Но он не подумал, как нам будет трудно выживать».*

Чтобы прокормить семью, Полина Григорьевна вынуждена была кроме преподавания в школе работать на заводе, делать тару для снарядов. Детьми, как и раньше, занималась Евдокия Никандровна.

Полина Григорьевна вспоминает:

«На заводе нас подкармливали. Обычно принесут большую тарелку с горячим кипятком, а на самом донышке несколько разбухших зёрнышек. Я нисколько не преувеличиваю, правда, водичка была подсоленная, и туда добавляли капельку масла.

Эта тарелка была на двух человек, я обычно сидела за столом с другой учительницей, и мы всё время считали, сколько зёрнышек в тарелке, обычно было от четырёх до десяти.

Но, правда, давали ещё по маленькому кусочку недопеченного хлеба, сделанного из не перемолотых зёрен или вообще из зерновых отходов. Половину я съедала на заводе, ведь надо было ещё до вечера работать, а оставшуюся часть приносила домой».

В 1942 году в Тавду стали всё чаще прибывать составы с эвакуированными детьми из Ленинграда.

«На них было страшно смотреть. Из вагонов их снимали на руках и доносили до скамеек. Бледные, они были похожи на обтянутых кожей скелетов, от голода они не могли ходить.

Детей раздали по квартирам, нам досталась девочка Милочка. Кормить её надо было осторожно, понемножку, чтобы ей не стало плохо. Кое-как девочка ожила».

Слушать военные новости запрещали, и поэтому ходили разные слухи, например, что скоро будут бомбить Свердловск. Ещё Полину Григорьевну пугали слухи о том, что особенно жестоко немцы расправляются с евреями. Она очень боялась и за мужа и за детей, и боялась, что немцы могут дойти и до Урала.

Но тут случилось несчастье в семье старшей сестры Анны, был арестован ее муж Алексей Никифорович Несмеев. Об этом Полина Григорьевна узнала из Аниного письма. В своем письме она просила сестру и мать срочно приехать в Новую Еруду, и взять под свою опеку детей.

Сама Анна со дня на день ожидала увольнения с работы. Учительнице, муж которой признан опасным для государства, было не место в советской школе

Позже выяснилось, что муж Анны Алексей Несмеев собрал самодельный приёмник и слушал новости, что было в то время запрещено. Соседи об этом узнали и донесли, его арестовали и отправили в лагерь под Норильск. Там Алексей Несмеев пробыл четырнадцать лет.

Когда я узнала, что муж сестры Полины Григорьевна был заключен в ГУЛАГ только за то, что просто слушал радиоприемник, то с трудом в это поверила. Почему власти во всем видели какой-то умысел? Почему пытались закрыть рты и заткнуть уши у людей?...

Но вернемся к воспоминаниям Полины Григорьевны.

«Мы с мамой посоветовались и решили, что и нам в Тавде оставаться опасно. Надо ехать к сестре. Врач из больницы узнал, что мы собираемся уезжать, и выделил нам килограмм сахара и крупы.

Быстро собрали необходимые вещи, сложили их в ящик, который всё время несла мама, так как я отвечала за детей. Оля на руках, Гена за пальто держится, мама еле тащит ящик с вещами, вот таким я запомнила наш переезд. Особенно мне было жаль маму, ведь вещей было немало, ехали вначале осени, и надвигалась зима»,- вспоминала Полина Григорьевна.

Сначала они доехали до Красноярска, потом до Новой Еруды надо было плыть по Енисею на пароходе. Полина Григорьевна запомнила, что погода была очень плохая, штормило, дул сильный, порывистый ветер и шёл холодный дождь. Плыли долго, несколько дней, а сходить на берег пришлось ночью, но к пристани нельзя было приблизиться из-за плохой погоды.

На новом месте Полину Григорьевну сразу взяли директором школы, но от уроков она отказалась, предоставила возможность работать сестре. Но на сестру, как вспоминает Полина Григорьевна, не давали хлебных карточек. И на Евдокию Никандровну тоже не давали. Обе, и мать и дочь, являлись близкими врагов народа.

В итоге хлеб получала лишь Полина Григорьевна, да дети, которых в семье оказалось пятеро, включая и воспитанницу Анфису. Хорошо еще, что Полина Григорьевна получала деньги, которые полагались жене офицера-фронтовика. Иначе бы эта большая семья не выжила. Удивительно, какой мелкой и мстительной может быть государственная власть, лишая слабых и беззащитных куска хлеба. Там, на Севере, Полина Григорьевна получила легочное заболевание, дети тоже постоянно болели. Сказывались и нехватка витаминов, и долгая зима и тяжелые условия... Сестры жили тяжело и мечтали выбраться на Большую землю.

24 апреля 1945 года Лазарь Борисович написал письмо, примерно такого содержания:

«Полина, знай, что мы с тобой уже живём в Киеве. Война кончается! Мы гоним Гитлера в хвост и в гриву...»

Это письмо семья получила 9 мая. *«Мы все забегали по* соседям... *Сколько радости тогда было! А когда об окончании войны объявили по радио, то все танцевали и пели весь день»*, — говорит Полина Григорьевна.

В своем письме Лазарь Борисович просил жену, как можно скорее ехать в районный центр, получать документы на выезд на Украину. Лазарь Матушанский, видно, уже жил предвкушением победы и не мог дождаться того дня, когда он вывезет семью на свою родину.

Полина Григорьевна отправилась в районный центр выполнять указания мужа. В мае на Севере еще лежал снег, а реке был лед. Вот хрупкому весеннему льду Полина отправилась в дорогу. Ехать было страшно, так как, бывало, что санки с людьми проваливались под лёд, но другой дороги не было.

«Но вместо документов мне вручили похоронную... Лазарь Борисович погиб 24 апреля 1945 года под Кёнигсбергом, было написано там. Сколько слёз я пролила в тот день! Как я не хотела расстраивать родных!».

Майор Лазарь Матушанский погиб именно в тот день, когда написал письмо семье, когда строил планы на будущее... Первый бой он принял в битве за Москву в декабре 1941 года, воевал и на Калининском фронте, а значит, мог быть в Твери. А погиб в Восточной Пруссии под Кенигсбергом.

Послевоенные годы. Реабилитация

Как пережила Полина Григорьевна гибель мужа, ей вспоминать тяжело до сих пор. Но она была женой погибшего фронтовика, а это давало некий статус, некую охранную грамоту...

Такой «грамоты» не было у ее сестры Анны. Ее статус — «жена врага народа». Как бы то ни было, но сестры решили перебираться на Большую землю.

Летом 1945 года Полина Григорьевна одна выехала в Красноярск искать пристанище и работу. Жить на Севере семья уже не могла из-за болезней, которые преследовали там и детей и взрослых. В Красноярске в то время обосновалась семья родственников Воронинских. Полину приютила родная сестра отца Анна Михайловна.

Позже в Красноярск выехала Евдокия Никандровна с внуками Геной и Олей.

А в 1946 году туда же переехала и Анна Григорьевна Несмеева со своими детьми и воспитанницей Анфисой. В Красноярске собрались осколки когда-то большой семьи Васьковских. Оставшись без поддержки мужа, Полина Григорьевна была согласна на любую работу. В 1945 году её приняли учителем в железнодорожную школу на станции Енисей (первая станция от Красноярска). Недалеко от школы семье выделили двухкомнатную квартиру.

С 1947-1950 год работала инспектором железных дорог. Однажды в контору, где она работала, пришла девушка, которая хотела устроиться на работу. Девушка была уроженка Долгого Моста и узнала Полину.

Подойдя к ней, она шепотом сообщила, что в селе *«до сих пор на вашем доме висит табличка — дом кулака Васьковского Григория Михайловича»*. И совсем тихо рассказала, что начальник отдела кадров расспрашивал и про саму Полину и про ее родственников.

Полина Григорьевна знала, что начальник отдела кадров собирал о ней сведения, и потому была встревожена сообщением малознакомой девушки.

Но все обошлось и на этот раз.

А 1950 году Полина Григорьевна поступила в педагогический институт Красноярска (учительский институт, который она закончила в 1936 году давал только среднее образование) и закончила его в 1954 году. После окончания института, она осталась там работать, обучала учителей географии.

Мужа Анны Григорьевна Алексея Никифировича Несмеева освободили из ГУЛАГа только 1956 году.

Вернулся Алексей Никифоровичем много пережившим человеком. Дети встретили его как чужого. Ведь эти четырнадцать лет, что отец провел в ГУЛАГе, они прожили врозь и по-разному. Только один раз в 1948 году, когда Несмеев уже жил на поселении, они могли увидеться за все эти годы.

Вскоре после освобождения, Алексей Несмеев как геодезист уехал в Бурятию, звал с собой Анну Григорьевну, но она не согласилась покидать Красноярск. Так семья Несмеевых распалась.

Но еще до отъезда в Бурятию Алексей Никифорович стал хлопотать не только о своей реабилитации, но и о реабилитации своего тестя Григория Михайловича Васьковского. И самого Алексея Несмеева и Григория Васьковского реабилитировали тогда же, в 1956 году. И Григорий Васьковский и Несмеев были признаны пострадавшими от политических репрессий. Семьи Васьковских тогда получила небольшую компенсацию.

Но Григорий Михайлович был реабилитирован только по делу 1937 года.

Ведь то, что сам Григорий Васьковский, как кулак, и вся его семья в 20-е гг. подвергалась репрессиям, и после смерти Сталина считалось правомерным и законным.

И только с наступлением перестройки и выходом закона «О реабилитации...» в 1991 году семьи Васьковских, Федотовых, Матушанских, Несмеевых стали хлопотать о реабилитации. На сбор документов по фактам репрессий ушло много несколько лет.

Но так как, по мнению компетентных органов, не хватало доказательств для установления самого факта таких репрессий семьи Васьковских, Полина Григорьевна вынуждена была обратиться в суд.

«Судья нам попалась плохая, все время упрекала, меня в том, что документов не сохранилось, свидетелей тоже мало осталось. Она говорила, что я специально ждала смерти всех родственников, чтобы одной получат деньги, и всё время откладывала судебное разбирательство. Но после того как в 2000 году нашлись два тома личного дела моего отца, присланные из Тюмени, разбирательство началось».

Вскоре вместо Полины Григорьевны в суд стала ходить её дочь Ольга Матушанская.

По свидетельству Ольги Лазаревны Матушанской, особенно противились реабилитации Васьковских прокуратура Тавды и Красноярска.

В 1996 году Матушанской Пелагее (Полине) Григорьевне была выдана справка о признании её пострадавшей от политических репрессий.

В документе об этом говорится так:

«Установить факт применения политических репрессий к семье Васьковских: Григорию Михайловичу, 1890 г.р., Евдокии Никандровне, 1892 г.р., Анны Григорьевны, 1911 г.р., Михаила Григорьевича, 1914 г.р., Пелагеи Григорьевны, 1918 г.р. в 1919 году в селе Долгий Мост Абанского района Красноярского края как к лицам социально опасным для государства по классовому признаку.

Установить факт изъятия дома, сельхозпостроек, сельхозинвентаря, домашней утвари, лошадей, коров, свиней, овец и кур...

Установить факт применения политических репрессий к семье Васьковских...в 1929 году в городе Канске Красноярского края, выразившейся в виде раскулачивания.

Установить факт изъятия S дома, сельхозинвентаря, домашней утвари, лошадей, коров, принадлежащих Васьковскому Г.М., 1890 г.р., проживающему в городе Канске Красноярского края».[1]

К сожалению, до признания семьи Васьковских пострадавшими от репрессий не дожили ни мать, ни брат, ни сестра Полины Григорьевна. Евдокия Никандровна умерла в 1977 году. Она так и не приняла советскую власть, которая принесла столько горя ее семье.

Михаил Григорьевич Васьковский умер в 1979 г. Анна Григорьевна Васьковская-Несмеева скончалась в 1986 г.

И тем более они не узнали о том, что их самих власть признала жертвами репрессий!

Только в 2004 году Полину Григорьевну Матушанскую признали репрессированной и выдали справку о реабилитации. Компенсацию за утраченное имущество Полина Григорьевна, как единственная оставшаяся в живых из семьи репрессированных Васьковских, пока так и не получила.

Ведь до сих пор ни бывшие раскулаченные, а тем более участники «белого» движения не вызывают понимания и сочувствия не только у власти, но и у обывателей.

Да и взять родственников репрессированных? Некоторые старались быть более советскими, чем окружающие их люди. Полина Григорьевна свое время была активной комсомолкой. А после реабилита-

[1] Из решения суда Московского районного суда г. Твери от 30 августа 2004 г.

ции отца вступила в партию. Ни мать, ни сестра, ни брат не одобрили ее поступок. Кроме всего прочего, родные опасались, что этим Полина может привлечь к себе излишнее внимание. А если кто-то бдительный дознается, что биография ее отца такая не советская?...

Сама она говорит так: «*Я никогда не верила, что мой отец враг народа!*».

Но в анкетах, по ее же признанию, Полина Григорьевна никогда не упоминала о том, что отец был колчаковцев, что был из зажиточных крестьян, и писала, что он был «*крестьянином-середняком, наемных работников не имел...*».

Но это тема деликатная, и не мне судить Полину Григорьевну за то, что поддалась соблазну быть как все. Ведь вступала она в партию после хоть и частичной, но реабилитации отца. А реабилитация как бы означала тогда, что партия исправляет свои ошибки. Да и многие ли знали тогда о масштабах репрессий?! Ведь и сейчас немало тех, кто не верит, что репрессии такие были!

В декабре 2004 года Полине Григорьевне пришло письмо из Тюмени.

В конверте были фотографии памятника жертвам репрессий. Как позже выяснилось, этот памятный знак установлен на окраине Текутьевского кладбища г. Тюмени.

Это было место массовых захоронений в 30-х гг. Предположительно, именно там был похоронен и Григорий Васьковский. Открытие памятника состоялось 30 октября 1998 года. Памятник представляет собой каменную глыбу, на глыбе крест из белого мрамора, на мраморной плите надпись:

Памяти жертв сталинизма 1937-1938 год.
Покоятся здесь в тишине
Обычные граждане, мирные люди,
Убитые не на войне...

В Тюменской Книге памяти, где есть сведения о профессоре Иорданском, есть запись и о Григории Васьковском.

«**Васьковский Григорий Михайлович**. 1890 г., д. Васьково Псковской губ. Мастер тюменской МТС. Арестован 27.8.1937 г. Осужден «тройкой» Омского УНКВД 10.10.1937 г. Расстрелян в Тюмени 12.10.1937 г. Реабилитирован 13.10.1956 г.»

Послесловие

И сколько же ушло лет на восстановление попранной справедливости! Многим не хватило и целой жизни, чтобы дождаться тех времен, когда власть, хоть и сквозь зубы, признала совершенные деяния в годы репрессий произволом против своих граждан. Таких крестьянских семей, как Васьковские и Федотовы, как семья моих прадеда и деда Лисицыных, в годы репрессий пострадали сотни тысяч по всему бывшему Советскому Союзу..

Именно по этой причине из этих родов остались единицы. Так случилось с семьей Петра Федотова. Из всей семьи выжила одна Анфиса Федотова! От Федора Федотова осталось только имя, и помнят его только родные. Ни Петра, ни Федора Федотова, ни Андрея Мягков нет в ни в красноярской, ни иркутской Книгах памяти. Где затерялись их следы? Думала ли крепостная крестьянка Анна Михайловна Васьковская, что ей ее детям придется пережить восстановление крепостного права по-советски?

И Михаил Григорьевич Васьковский, и мой прадед Феоктист Михайлович Лисицын были великими тружениками, на которых держалась Россия. Чем эти работящие крестьяне могли угрожать советскому государству? Тем, что мыслили иначе, чем коммунисты, имели свой собственный взгляд на жизнь и не хотели ходить строем? Неужели эти люди и были врагами народа? Некоторым людям, в семье которых были репрессированные, приходилось менять фамилии, чтобы скрыть своё происхождение, нередко они меняли место жительства и переезжали туда, где о них никто не знал.

Именно после уничтожения тех, кто кормил и обеспечивал сам себя, сельское хозяйство в нашей стране пришло в упадок. Его не может поправить и новые законы, которые дают право сельским жителям иметь большие наделы земли.

Мой отец, Николай Егорович Лисицын, поверив в перестройку, в начале 90-х гг. захотел возродить хозяйство своего деда и отца в деревне Поповка, где когда-то жили его предки, и решил заняться фермерским хозяйством.

Но жители Поповки были против этого намерения и пытались призвать администрацию сельского округа не давать землю Лисицыным, мотивируя это тем, Николай Лисицын — внук и сын кулака. Отцу удалось все-таки получить землю в своем родовом селе, он завел большое хозяйство, так как не разучился много и хорошо рабо-

тать. Он получил кредит в банке, но вся прибыль от хозяйства пошла на выплату по этому кредиту. И теперь отец занимается только выращиванием картофеля. Не получилось стать фермерами и у многих других жителей Тверской области. Против возрождения крестьянства были и власти и многочисленные потомки, таких, как Шаренда.

Благодаря этой работе я задумалась о том, что такое власть и как она влияет на жизнь целого народа и каждого отдельного человека. И понять, что основа государства — не безликое «население», а каждый человек в отдельности.

Любовь Головина

Иркутская область, г. Братск, лицей № 1, 11-й класс.
Научный руководитель
Л.Н. Корюкина

«Людей неинтересных в мире нет, Их судьбы, как истории планет...»

(История семьи)

Они не заставили себя долго ждать... 1937 год стал последним для большинства троцкистов, попавших на конвейер репрессий. Таковым он явился и для родителей Виктора Сербского. Расстрельный лагерь Серпантинка ознаменовал заключительный виток их жизни. Оттуда они уже не вернутся.

Тринадцатого октября 1937 года, согласно решению Тройки УНКВД по Дальстрою, был приведен в исполнение приговор в отношении Захарьян Евгении Тиграновны и Сербского Соломона Наумовича. Постановление о расстреле Е.Т.Захарьян и С.Н.Сербского Тройка УНКВД по Дальстрою приняла на втором своем заседании 7 сентября 1937 года. А первое составлялось двумя днями раньше.

Названием своей работы я не случайно выбрала строчки из стихотворения Е.Евтушенко. Я считаю, что ничто не может живее, ярче и интереснее рассказать об истории страны, чем отдельная человеческая жизнь. Изучению жизни «планеты» по имени Сербский, я и посвятила свою исследовательскую работу.

Виктор Соломонович Сербский — человек, за плечами которого очень тяжелый и трагический жизненный путь. Трагичное заключено уже в самом его рождении: родился он 1 мая 1933 года в Верхнеуральском политизоляторе. Рождение новой жизни, праздничный день 1 мая и... политизолятор! Ссылка в утробе матери... Невозможно равнодушно говорить об этом, а ведь таких детей было множество.

«Первые впечатления о мире у Вити были: решетка, часовый, «волчок» и надзиратели. В 1936 году, после окончания срока, родителей Вити не выпустили на свободу, а отправили в лагерь на Колыму. Мальчику было три года, он рос среди взрослых, жил их интересами, рано научился говорить, умел читать, но никогда не видел детей. В магаданском лагере заключенных он встретил Эммочку, девочку-ровесницу. Ее мать была осуждена по 58-й статье и находилась в ссылке, когда наступил тридцать шестой год. А почти всех ссыльных по 58-й статье, без всякого суда и следствия вновь арестовали и отправили в лагеря..., а затем расстреляли. Эммочку и ее мать отправили на Колыму, но каким-то чудом мать избежала расстрела в лагерном изоляторе... Маленький Витя рассматривал Эммочку с восхищением и даже потрогал, желая убедиться, что она живая. Потом он сказал своей маме: «Эммочка — самая красивая девочка на свете, она, как принцесса из сказок, которые ты мне рассказывала!» С тех пор дети играли вместе и очень привязались друг к другу», — так написала о маленьком Вите Галина Нурмина[1].

И такие «дочери» и «сыновья» в лагерях были не редкость. Какие же воспоминания о детстве могут быть у этих детей? На этот вопрос Виктор Соломонович ответил: «Что я помню? Барак. Потом в Бирюсинском детдоме, ухаживая за животными, я очень часто вспоминал его — в свинарнике, конюшне, коровнике были такие же не до потолка перегородки, как в бараке на Колыме. В каждой из клетушек много народа и плотный запах. В этой толчее мы с мамой». Мама Вити, Евгения Тиграновна Захарьян, «все время боялась, что у нее отберут сына, и поэтому всюду, где бы она ни была, куда бы ни шла, не расставалась с ним. Ребенок тоже был к ней привязан. Они как будто слились. Она всегда держала его на руках, а он, обняв ее за шею, смотрел ей в глаза». (Из воспоминаний Галины Нурминой).

[1] Нурмина — литературное имя писательницы Галины Александровны Воронской, отец которой, известный литкритик и редактор Александр Константинович Воронский, стал жертвой сталинских репрессий: его арестовали и расстреляли в 1937 году. Были арестованы также его жена, Сима Соломоновна, и дочь Галина.

Е.Захарьян. Фото из следственного дела. 1929 г.

С.Сербский. Фото из следственного дела. 1929 г.

Ой, мамочка, не будь же ты боякой:
Нас охраняют с ружьями вояки,
Никто не сможет своровать меня.
Мы, мамочка, не бойся. Если леший
Переползет колючку у запретки
Его застрелит с вышки дядька меткий —
Он сильный, смелый и всегда поевший.

Это воспоминание о разговоре с мамой входит в цикл «Бесед с портретами родителей» Виктора Соломоновича Сербского. Галина Нурмина пишет в своем очерке «Матери и дети», в котором рассказывается о тяжелых судьбах детей, репрессированных вместе со своими родителями: «Вохровцам пришлось держать его (Витю), он вырывался, плакал, кусался, хотел идти вместе с матерью.

— Ненавижу! Пустите меня! Я хочу быть с мамой! — кричал он.

Мать увели. Рыдающего Витю отправили в детдом». И вот для ребенка начинается «счастливое детство, о котором так заботилось НКВД. Теперь в судьбе маленького Вити возникает целая вереница детских домов: Владивосток, Тулун, Квиток, Бирюса. Они менялись один за другим.

Детям не говорили правды о том, где их родители, и тогда дети

сами сочиняли их судьбы. «У всех они геройски сражались или погибли на фронте». Только у немногих в графе «Сведения о родных» значилось:

«Отец в РККА, мать умерла», а у абсолютного большинства: «Нет, неизвестно, в заключении».

Вот что вспоминает о своей детдомовской жизни Виктор Соломонович:

«В Бирюсинский детдом я вместе с другими детьми, а нас было 24, приехал в первый класс из Квитковского детдома. Этот же находился на острове в 10 километрах от города Тайшета и представлял собой несколько просторных изб, выстроенных по всей деревне и отнятых у раскулаченных. Все время, что шла война, провел в детдоме».

В детдомах Витя познал вместе со своими товарищами унижение и презрение, безразличие, с которым относились к детям «врагов народа»:

И лишь детям «врагов народа»
Государство позволило своим трудом
Кормить себя в детдомах и ФЗУ.

В школе Витя учился хорошо. Унаследовав от родителей ум и память, он, в отличие от большинства своих ровесников, с легкостью переходил из класса в класс, оставшись на второй год только в первом. «Сначала в школе, — рассказывает Виктор Соломонович, — я не умел читать. Из-за этого я «сидел» в первом классе два года. Тексты, которые мне задавали, я заучивал наизусть и рассказывал в школе по памяти». «В ссылке в Тобольске, когда мне не было и трех лет, — вспоминает Сербский, — мама обучала меня азбуке. Она пекла крендели-буквы и разрешала съесть только тогда, когда я правильно называл букву. Такую вкусную азбуку придумала мама, за неимением обыкновенной.

После маминой азбуки, — говорит Виктор Соломонович, — книжную я не понимал». Но, благодаря унаследованному от своих родителей упорству, маленький Витя сумел в скором времени научиться читать и после уже никогда не отставал от сверстников.

Виктор Соломонович стал первым из детей «репрессированных и высланных в Бирюсинском детдоме, кто окончил полный курс обучения. Школу он окончил с серебряной медалью... И теперь перед Витей лежала большая дорога в самостоятельную жизнь. В 1950 году Виктор

Соломонович поступил в Иркутский Горно-металлургический институт. Об этом периоде своей жизни Виктор Соломонович говорит: «Учился отлично, за что не был принят в Ленинградский университет, и в 1955 году закончил Иркутский горно-металлургический институт, куда попал после школы, сменив романтику-мечту на разум голый». В том же году Виктор Сербский приехал на работу в освобожденный от лагерей печально знаменитый Норильск. Этому заполярного городу будут отданы 12 лет работы молодого специалиста. Потом Норильск сменился Братском.

В 1956 году Виктора Соломоновича нашли родственники по линии матери, а именно сестра Евгении Тиграновны — Анна. Она в 1956 году обращается с заявлением к начальнику УСВИТЛа НКВД СССР, в котором просит сообщить, живы ли и где находятся мать и сын, которые были сосланы в лагерь совхоза «Эльген». УМВД Московской области «объявил заявителю, Захарьян Анне Тиграновне, что разыскиваемая, Захарьян Евгения Тиграновна, отбывая наказание, умерла в лагере 10 января 1942 года от крупозной пневмонии, а установить местонахождение сына 3-х лет Вашей сестры, арестованной в 1936 году, не представляется возможным за давностью времени».

Позже Анна Тиграновна обратилась в организацию Красного Креста. Там ей сообщили, что мальчик находился в Бирюсинском детдоме, откуда ушел, достигнув совершеннолетия. Анна Тиграновна ездила во многие детдома и интернаты. Спустя некоторое время она нашла своего племянника, когда тот уже окончил институт.

«Зимой 1957 года в цехе Норильского комбината, где я работал мастером смены, — рассказывает Виктор Соломонович, — меня позвали к телефону, и сквозь грохот станков я едва расслышал взволнованный голос жены. Она сообщала, что в Норильский горздрав пришло письмо: меня разыскивают родственники из Москвы. Я задал ей всего один вопрос: «Как звали мою маму?» Она ответила: «Женя». В 1958 году у Виктора Соломоновича родилась дочь Женя, которую назвали в память о матери. «Это имя много лет было моей мальчишеской тайной. Никогда и никому я не говорил, как звали мою маму. Двадцать лет я старательно прятал его, как единственную мамину вещь», — вспоминает Виктор Сербский.

Виктора Соломоновича разыскали сестры матери. Тетки, Мина и Анна, поведают племяннику о судьбе своей сестры все, что знали сами. Жаль только, что эти сведения будут отражать биографию Жени лишь до отъезда в Москву. Они подробно рассказали Викто-

ру Соломоновичу об их семье, той среде в Баку, в которой росла его мама, которая родилась пятым ребенком в семье известного доктора медицины. Очень яркие воспоминания о младшей сестре сохранила в своей памяти Анна. В них Женя уже выступает как юная революционерка и непреклонный борец: «Однажды я увидела Женечку сидящей около мамы и с книгой в руках, которых у нас было очень много хороших. Помню, как-то весной, когда Жене было уже 14 лет, она сидела с толстым томом К.Маркса, (очевидно решив одолеть его), не выпуская его из рук, а я, веселая двадцатилетняя девушка, стремилась гулять на бульвар. И, смотря на согнувшуюся над Марксом Женю, стала ее убеждать: «Ну, ты так высохнешь, если будешь сидеть и изучать философию; выходи, смотри, какая погода, как хорошо кругом, пойдем». Но Женя отмахивалась от меня, не споря с моими доводами: «Нет, не пойду». Анна также рассказывала: несмотря на то, что Женя в семье была самой младшей, она имела взгляды и идеи самые серьезные и уже была связана с коммунистической организацией Баку и ходила на собрания и совещания БакСовета.

О многом поведали тетки Виктору Солмоновичу, но их рассказ относился только к детству Жени и частично к юности. А предстояло еще узнать самое главное — всю историю революционной борьбы родителей, их лагерную судьбу. «Что было до детских домов? За что были репрессированы родители? Какие испытания им пришлось перенести?» — вопросов много. Но узнать правду представлялось возможным, только ознакомившись с подлинными документами. С тех пор Виктор Соломонович начинает делать запросы. Подозревая, что родителей расстреляли, он просит выслать ему свидетельства их смерти. Так, на первой стадии поиска, в 1963 году сын получает из Магаданского ЗАГСа свидетельство о смерти, где значится, что Захарьян Евгения Тиграновна умерла 10 января 1942 года от крупозной пневмонии, а из Спецотдела «Заключение» о регистрации 13.10.1937 г. смерти заключенного Сербского Соломона Наумовича от тромбофлебита. И лишь четверть века спустя, добившись реабилитации родителей, Виктор Соломонович получит повторные свидетельства о смерти, где будет названа, наконец, истинная причина их смерти — расстрел...

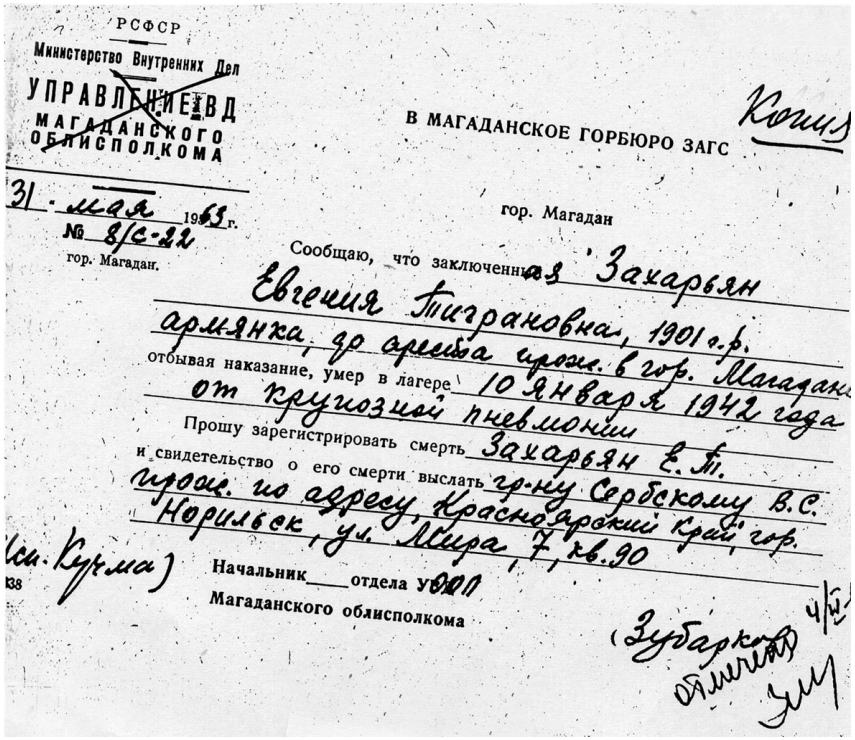
Такие же запросы делала и сестра Евгении Захарьян Анна. Впрочем, правды она не добилась. Анна Тиграновна написала на Лубянку. Лубянка отправила запрос в Магадан. И вот составлен документ. Отвечают зам. начальника первого спецотдела Магаданского Управления внутренних дел майор Румянцев и оперуполномоченный первого спецотдела того же управления капитан Гресь.

Далее по тексту следует: «В соответствии с указанием КГБ при СМ СССР № 108 сс от 24 августа 1955 года, направляем заявление гр. Захарьян Анны Тиграновны о розыске сестры Захарьян Евгении Тиграновны, 1902 года рождения, арестованной в 1936 году в г. Тюмени — для приобщения к архивно-следственному делу, хранящемуся в Вашем архиве. Произведенной проверкой установлено, что по учетам УМВД Магаданской области проходит Захарьян Евгения Тиграновна, 1901 года рождения, уроженка города Тифлиса, которая, отбывая наказание по первому приговору, осуждена вторично тройкой УНКВД по Дальстрою 7.IX.1937 года к ВМН — расстрелу, приговор приведен в исполнение 13.X.1937 года». На этом могло бы и закончиться письмо, ибо на запрос Анны Захарьян уже дан ясный ответ: сестра расстреляна без суда 13 октября 1937 года в Магадане. Куда уж яснее? Но не тут-то было! «Лисы» из Магаданской госбезопасности начинают заметать следы: «Начальника первого спецотдела УМВД Московской области просим объявить заявит. Захарьян Анне Тиграновне, проживающей по адресу гор. Москва, Г-19, Филипповский переулок, дом 12, квартира 10, что разыскиваемая Захарьян Евгения Тиграновна, отбывая наказание, умерла в лагере 10 января 1942 года от крупозной пневмонии». Как хорошо была отлажена «технология государственной лжи». И ведь такие ответы были характерными для того времени. Они, как будто написанные по шаблону, отсылались в качестве ответа на все запросы родственников.

Виктор Соломонович тоже не был исключением. Многие из его многочисленных запросов или оставались без ответа, или содержали типичную фразу: «Отказать за неимением сведений». Виктор Сербский долгие годы буквально по крупицам собирал те крохи информации, которые ему удавалось «выудить» из КГБ.

«Захарьян Евгения Тиграновна, 1901 года рождения, уроженка города Тифлиса, армянка, гражданка СССР, из семьи служащих, замужняя, бывший член ВКП(б)...» — значилось в документах и справках. Там же об отце: «Сербский Соломон Наумович, 1907 года рождения, уроженец г. Бердичева Киевской области, еврей, гражданин СССР, из семьи служащих, женатый, член ВКП(б) с 1923 по 1928 гг. (исключен за троцкизм)».

Такими скудными сведениями о родителях снабжал сына КГБ. Но, к счастью, у Виктора Соломоновича появился еще один источник: воспоминания людей, знавших его родителей по ссылкам и лагерям,

РСФСР
Министерство Внутренних Дел
УПРАВЛЕНИЕ НКВД
МАГАДАНСКОГО
ОБЛИСПОЛКОМА

В МАГАДАНСКОЕ ГОРБЮРО ЗАГС

Копия

31 мая 1963 г.
№ 8/с-22
гор. Магадан.

гор. Магадан

Сообщаю, что заключенная Захарьян
Евгения Тиграновна, 1901 г.р.
армянка, ур армянка прожив. в гор. Магадане
отбывая наказание, умер в лагере 10 января 1942 года
от крупозной пневмонии

Прошу зарегистрировать смерть Захарьян Е.Т.
и свидетельство о его смерти выслать гр-ну Сербскому В.С.
прожив. по адресу, Красноярский край, гор.
Норильск, ул. Мира, 7, кв.90

(ст. Кужма)

Начальник ___ отдела УВД
Магадан облисполкома

(Зубарков)

Справка о смерти Е.Т.Захарьян. Магадан, 1963

арестованных и отбывавших срок вместе с ними. Так, Виктор Соломонович случайно прочел в книге «Краеведческие записки» рассказ Александры Соломоновны Берцинской, повествующий о жизни «неотошедших» троцкистов в лагерях. Среди множества имен и фамилий Берцинская с особой теплотой и нежностью называет имя Евгении Захарьян. Она описывает глубокую стойкость, выдержку и мужество Жени: «В Москве мы часто бывали в ее студенческой комнатушке (училась она в институте Плеханова), всегда до отказа заполненной студенческой молодежью, ведущей нескончаемые горячие споры. Но Женя слыла молчальницей, в споры никогда не вступала, предпочитая (с большим вниманием) слушать других. Да и вся она — миловидная, с копной каштановых волос, заплетенных в длинную косу, с приветливым ласковым взглядом — была так женственна, что и в голову не приходило, что она может быть борцом».

Александра Берцинская и ее муж, Тигран Аскендарян, принадлежали к «отошедшим троцкистам», то есть в свое время они приняли участие в оппозиционном крыле, а потом отказались от защиты своих взглядов, подписав соответствующее заявление, вернулись из ссылки, получили возможность закончить образование и даже были восстановлены в партии. Но были и такие, кто ни от чего не отказывался и продолжал защищать свои прежние позиции, оставаясь в ссылках и изоляторах. Их называли «неотошедшими троцкистами». К числу их и принадлежала Евгения Захарьян.

Берцинская с мужем попали в ссылку в Минусинск, а каким репрессиям подверглась Женя, не знали. А она, как выяснил потом Виктор Соломонович, благодаря своим запросам в КГБ, была отправлена в 1929 году в ссылку на Урал, в Кудымкар. Там и познакомятся родители Сербского. Отец Виктора Соломоновича за активную троцкистскую деятельность в этом же году был осужден на 1 год политизолятора, а затем последует ссылка на 2 года туда же, на Урал... В 1931 году после освобождения из ссылки родители Виктора Соломоновича будут лишены права проживать в 12 городах. Долгие годы спустя, их сын напишет в своих поэтических мемуарах «Беседы с портретами родителей»:

Перед освобождением из ссылки
Вам определили «минус 12»,
Не пустили домой —
в Москву и Харьков,
Направив на поселение в Курск.

«Здесь они и решили дать жизнь ребенку, — говорит Виктор Соломонович, но их лишили и этой призрачной свободы, и мама выносила меня в Бутырках...» Затем годы заключения в политизоляторах, бесчисленные тюрьмы, ссылка в Тобольск. Об этой ссылке горестные воспоминания сохранила детская память:

Я услышал стук в дверь
И голос мамы: — Минуточку.
Они вошли втроем.
Я запомнил только третьего —
Солдата с ружьем, вставшего у
двери. Мама сказала: — Тише,
ребенок спит.
Они увели отца.

Ни на волосок не отступая от намеченной цели — добиться правды, Виктор Соломонович продолжает делать запросы в КГБ, просит дать разрешение ознакомиться с документами. Настойчиво добывая хоть какую-нибудь информацию, Виктор Сербский сумел-таки выстроить хронологию лагерного пути своих родителей.

Сербский Соломон Наумович — член ВКП(б) с 1923 по 1928 год. В 1929 году арестован и осужден по одним документам на 3 года ссылки, по другим — на 1 год политизолятора с последующей ссылкой на 2 года. В 1931 году лишен права проживать в 12 пунктах сроком на 3 года. В 1932 году осужден на 3 года, в 1933 году — на 3 года политизолятора. Другие документы называют иные даты: в 1934 году осужден на 3 года ссылки, в 1935 году — за принадлежность к оппозиции к трем годам ссылки в город Тобольск. От 28.7.35 г. идет запись о том, что он выслан в Омскую область сроком на 3 года. 26 мая 1936 года осужден на 5 лет ИТЛ. Последнее наказание отбывал в Магаданской области. «Находясь в заключении, работая бухгалтером в ОЛП им. Берзина, 15 августа 1937 г. был вновь арестован и 7 сентября 1937 г. осужден, 13 октября 1937 г. расстрелян в Магадане». (Из протокола допроса ГУГБ и ответа КГБ СССР Управления по Магаданской области).

Захарьян Евгения Тиграновна — член ВКП(б) с 1918 по 1928 год, исключена, как и муж, за принадлежность «к оппозиции большевиков-ленинцев» (как отмечает сама она). С 1918 по 1928 г. была на комсомольской и партийной работе. В 1929 г. арестована и осуждена на 3 года ссылки на Урал. В 1931 г. лишена права проживать в 12 пунктах сроком на 3 года. 24 октября 1932 г. арестована в Курске и осуждена на 3 года политизолятора; ; в 1933 г. — на 3 года ссылки в Казахстан (город Петропавловск). В 1935-1936 годах находится в ссылке в Казахстане и Тобольске, откуда отправлена в Севвостлаг. 1 июля 1936 года осуждена на 5 лет ИТЛ. 15 августа 1937 г. была вновь, так же, как и муж, арестована, 7 сентября 1937 г. осуждена, а 13 октября 1937 г. расстреляна в Магадане.

Из дат и цифр видим, что часто арестовывали не освобожденных, находящихся в заключении или ссылке, назначали новый срок, хотя прежний еще не кончился или только начинался.

На крупном колымском прииске, носившем имя тогдашнего правителя Колымы Берзина, и довелось А.С. Берцинской и Тиграну Аскендаряну встретить Женю Захарьян. «Повстречались, но решили не

подходить, так как начнутся споры, кто из нас прав...» «Кроме того, — пишет Тигран, — я не знал, что собой представляет ее муж, насколько ему можно доверять — я же с ним раньше не был знаком. А потому лучше знакомство не возобновлять». Лагерь находился в поселке Хатынгнах. По прибытии туда Тиграна поместили в барак, носивший название «барак КРТД». Обитали в нем те, кого Особое совещание «наградило» этой статьей (контрреволюционная троцкистская деятельность). Но отличался этот барак от прочих не только своим названием, но и внутренним устройством. Помимо обычных двухэтажных нар наличествовали в нем и небольшие клетушки, отгороженные одна от другой низкими дощатыми стенками. Именно эти клетушки запали в живую и чуткую память маленького Вити. В этих клетушках жили семьи тех самых «неотошедших троцкистов». Как раз в одной из этих каморок Тигран и заметил Женю Захарьян. Она жила с мужем и маленьким ребенком. Эти «отдельные квартиры», битком заполненные народом, как животными сарай, ужасно действовали на человеческую психику. Об этом тяжело даже читать, не то, что вспоминать.

Колыма многие годы была необходима для того, чтобы упрятать подальше и побольше ненужных, а то и просто враждебных советскому строю людей, задержать их здесь подольше, а то и навсегда «приморить». Внедрять понятие о Колыме как месте, откуда не возвращаются, входило в комплекс государственной идеологии запугивания людей.

Репрессии против заключенных сопровождают всю историю Севвостлага.

Подобные расправы могли быть и отдельными случаями, без которых репрессивная система, в силу своего злодейского характера, просто не могла обойтись, но были в истории Колымы периоды, когда «растрельная» практика приобретала характер заранее спланированных массовых кампаний.

Осужденные постановлениями Особого совещания НКВД СССР за КРТД по самой страшной «литерной» статье тех лет (отсутствовавшей, кстати, в Уголовном кодексе РСФСР) едва ли обольщались перспективой выжить в лагерях. Тем яростнее было их сопротивление лагерному режиму, тем отчаяннее борьба за свои права политических заключенных, тем настойчивее требование сносных условий существования и посильной работы.

Евгения Тиграновна Захарьян говорила арестанткам, сосланным отбывать срок на Колыму вместе с ней: «Вы себя считаете винова-

тыми перед Сов. властью и едете отбывать наказание в ИТЛ, а мы ничем не провинились перед Соввластью, а, наоборот, боролись и будем с ней бороться. Мы идейные мученики». (Из агентурной записки). И они, действительно, таковыми являлись. Сколько горя, сколько страданий заставило тоталитарное государство перенести троцкистов, особенно «неотошедших», только за их политические убеждения. Гонения и высылки многих сломили и вынудили отказаться от своих якобы контрреволюционных взглядов. Но были и такие, кого никакие испытания не смогли сломить, не смогли заставить отступиться от собственных убеждений, от своего мировоззрения. В числе таких непоколебимых борцов оказались и родители Виктора Соломоновича.

Из протокола допроса гражданки Захарьян Е.Т. от 28 февраля 1929 г.: «Я при первом допросе следователям ОГПУ заявила, что от взглядов, изложенных в платформе большевиков-ленинцев не отказываюсь, никаких показаний о моих оппозиционных связях и работе давать не буду». Она не только не считает себя виновной, но и категорически протестует против «безответственного и антипартийного ведения дела следственными органами», которое выразилось в предъявлении ей «совершенно огульных, нелепых обвинений...». Евгения Тиграновна смело называет все эти обвинения ложными, так как они «не могут быть подтверждены никакими действительными данными». И далее прямо заявляет: «Нелепость предъявленных обвинений может говорить только об одном — о стремлении во что бы то ни стало подвести под ссылку или тюрьму людей, стоящих на платформе ленинской оппозиции, независимо от их работы. Если дело в ленинских убеждениях, а не в деле, надо говорить об этом прямо, а не разыгрывать комедию с вымышленными ролями. Участвовать в этой комедии не желаю, потому от всяких показаний отказываюсь».

К делу троцкистов прилагаются листовки-призывы с эпиграфом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», в которых они обращаются ко всем большевикам-ленинцам (оппозиционерам), заявляют о своей принадлежности к международному левому объединению, призывают к борьбе за реформу ВКП(б) и установление пролетарской демократии, мечтают об интернациональном пролетарском единстве и мировой революции; выражают веру в то, что приближается «переломный момент, когда решатся судьбы пролетарской диктатуры», говорят об экономическом и политическом положении в стране: «...голод и отчаяние охватывают широкие массы пролетариата и крестьянства. Безнадежно провалилась ставка на сплошную коллективизацию... Политикой сталинской бюрократии страна доведена от частичного до всеобщего хозяйственного кризиса».

Как бы мы ни относились к троцкистам, понятно, что вызывало их протест: создание командно-административной системы, опиравшейся на насилие и репрессии в отношении всех классов и слоев советского общества, насаждение культа личности и т.д.

В архивных документах НКВД о С.Н. Сербском и Е.Т. Захарьян говорится, что «оба они являются крупными троцкистскими кадровиками... играющими очень большую организаторскую роль среди основного ядра троцкистов». Доносительство в лагере, как и во всем государстве, было развито широко. Из одного лагерного документа узнаем, что некий Яковлев доносит помощнику начальника Р.О. Нестерову 1.03.1937 г. о записке для «з/к Сербского» и подтверждает стойкость троцкистов: «Подсудимые голодают и требуют экспертизу их работы, держат себя стойко, и процесс, видимо, будет сорван таким их поведением». В донесении от 14.02.1937 г. некто Вендровский сообщает оперуполномоченному РО Павлову, что «руководящую роль в группе, несомненно, играет з\к Сербский». О его непреклонности гласит и Меморандум: «Настроен непримиримо к существующему строю».

Поражает идейная убежденность этих людей, стойкость, преданность своим взглядам. С.Н. Сербский на сборнике философских статей Плеханова пишет Николаю Болмашову: «В тяжелые годы ренегатства, предательства и подлости, сохранившему душу молодую и преданность пролетариату, бойцу за коммунизм, как мыслили Маркс, Энгельс и Ленин».

Средствами борьбы заключенные троцкисты избрали невыходы на работу и голодовки. И отец, и мать Сербского были активнейшими представителями этой группы, большевиками-ленинцами, как они себя называли. Они противостояли лагерному режиму. Об этом сопротивлении нахожу упоминание в очерке А.С. Берцинской «Неотошедшие троцкисты»: «Здесь от труда они не отказались, но предъявили условия: семьи не разлучать и дать работу в соответствии со специальностью каждого из них, то есть тем самым отказывались выполнять уготованные им тяжелые физические работы. Встретив отказ своим требованиям, «неотошедшие» не подчинились и в защиту своих требований объявили голодовку. Результатом голодовки было то, что требования «неотошедших» удовлетворили и, разослав их с семь-

ями в глубинные пункты Колымы, дали указания — использовать по специальности».

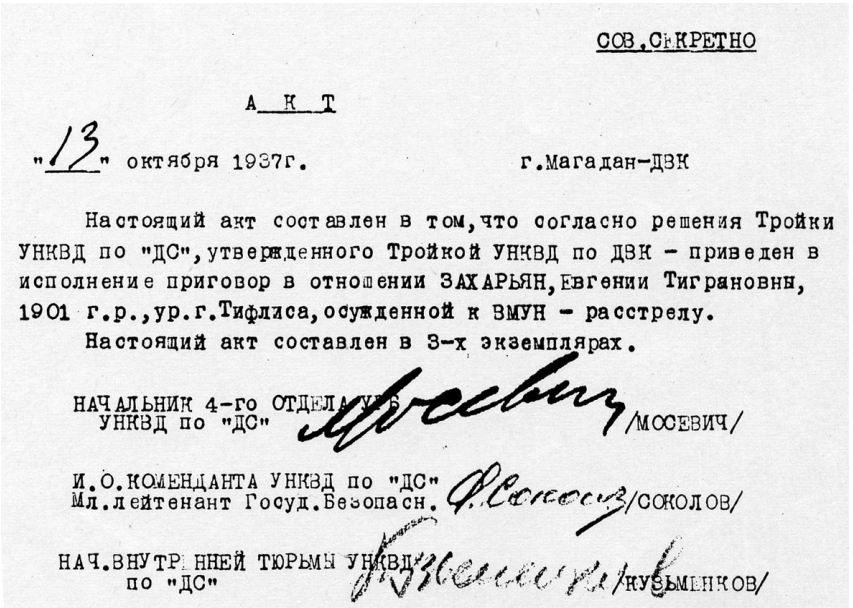
У лагадминистрации и отделений НКВД были свои способы борьбы с дерзким контингентом (а более стойких и организованных борцов с лагерным режимом, чем троцкисты, Колыма не знала ни до, ни после 37-го года): РУР (рота усиленного режима) и ШИЗО (штрафной изолятор) — за невыход на работу, искусственное кормление — против державших голодовку. А голодовка по-прежнему оставалась неотъемлемой частью сопротивления троцкистов. Активными участниками таких массовых актов протеста были и родители Сербского. Так, группа троцкисток, державших голодовку, в числе которых находилась и Евгения Захарьян, пишет заявление прокурору НКВД и начальнику ОЛПа, в котором сообщает о «методах варварской расправы» и борьбы с голодающими. «23 августа, на 13-й день (а для двоих из нас — на 18-й) день голодовки, объявленной за самые элементарные условия существования в лагере, — пишут троцкистки, — на нас был совершен налет медперсонала... для совершения искусственного питания». Протестующие женщины так описывают этот процесс: «Вся обстановка кормления представляла собой занимательное зрелище для уголовных, собравшихся в большом количестве во дворе, когда совершенно обессилевших людей носили на руках в амбулаторию. После кормления, несмотря на резко ухудшившееся состояние голодающих, никакого санитарного и медицинского наблюдения установлено не было. На все требования был ответ, что распоряжения об этом не получено, что попытки вызвать врача безрезультатны, то есть никакого врача не было». Женщины выразили бурный протест против насилия над ними.

Сербский С.Н. был не только активным участником актов протеста троцкистов, но и вел организационную работу среди них, занимался сплочением кадров и фактически был лидером троцкистской группы заключенных. Также он принимал участие в голодовках, о чем свидетельствует справка: «ЦИК СССР. НКВД СССР. Целиком и полностью присоединяюсь к заявлению политзаключенных коммунистов с требованием об установлении полит. Режима и объединения с т.т. Впредь до удовлетворения этих требований объявляю голодовку. С.Сербский».

Сербский С.Н. и Захарьян Е.Т. не только не отказались от своих политических убеждений, будучи в лагере, но даже пропагандировали необходимую реформу ВКП(б) и установление пролетарской демократии. Они организовали библиотечку из провезенного с собой в лагерь большого количества литературы, в том числе значительной части «контрреволюционной» (сочинения Троцкого и произведения других «контрреволюционеров» — Каменева, Рязанова и проч.). Книги, принадлежащие им, были во время обыска изъяты у других троцкистов, находящихся на прииске им. Берзина. «Для своих контрреволюционных целей, — как значится в донесении начальнику ОЛП, — Сербский С.Н. и Захарьян Е.Т. использовали не только имеющуюся у них антисоветскую литературу, но и партийную литературу они превращали в орудие распространения контрреволюционных взглядов, сопровождая высказывания классиков марксизма своими контрреволюционными комментариями». Когда читаешь документ, замечаешь, что «контрреволюционный» навязчиво приписывается чуть ли не к каждому слову. Энкавэдэшники, пытаясь устранить неугодных себе троцкистов, предписывали всем их действиям контрреволюционную направленность, едва ли понимая, в чем заключается сущность этого слова.

В другом донесении начальнику ОЛП говорится о проводимой троцкистами в бараке № 2 контрреволюционной работе: «Удобным местом сборищ этой группы троцкистов является отделенная от общего барака комната, где живет ярый троцкист Сербский Соломон Наумович с женой Евгенией Митрофановной (отчество перепутано)... Как система — ежедневно в одно и то же время они собираются в этой комнате, куда заходят другие заключенные из соседних бараков, коих они безусловно обрабатывают».

Чтению и обсуждению книг, а также чаепитию энкавэдэшники тоже приписали контрреволюционность. По акту таких «сборищ» на запрос начальника ОЛП и был составлен этот документ, утверждающий незаконность и вредительство подобных собраний. В документе также говорится об антисоветском воспитании ребенка: «У Сербского и Захарьян имеется сын 4-5 лет, которого мать воспитывает в контрреволюционном духе, т.е. запрещает ребенку петь пионерские песни, учить стихи пионеров-октябрят, не дает возможности понять ребенку, кто был Владимир Ильич. Ребенок резвится, слыша имена вождей рабочего класса СССР от детей вольнонаемных служащих, но мать категорически и с угрозами воспрещает ему их воспринимать. Если мальчик случайно вырвется и соединится играть с пионерами прииска, мать Захарьян сейчас же уводит его домой и делает ему свое нравоучение». «Ребенок, — как значится в том же документе, — ли-

СОВ.СЕКРЕТНО

А К Т

"13" октября 1937г. г.Магадан-ДВК

Настоящий акт составлен в том,что согласно решения Тройки УНКВД по "ДС",утвержденного Тройкой УНКВД по ДВК - приведен в исполнение приговор в отношении ЗАХАРЬЯН,Евгении Тиграновны, 1901 г.р.,ур.г.Тифлиса,осужденной к ВМУН - расстрелу.

Настоящий акт составлен в 3-х экземплярах.

НАЧАЛЬНИК 4-го ОТДЕЛА УГБ УНКВД по "ДС" /МОСЕВИЧ/

И.О.КОМЕНДАНТА УНКВД по "ДС" Мл.лейтенант Госуд.Безопасн. /СОКОЛОВ/

НАЧ.ВНУТРЕННЕЙ ТЮРЬМЫ УНКВД по "ДС" /КУЗЬМЕНКОВ/

«Расстрельный» акт Е.Т.Захарьян. Магадан, 13.10.1937

шен всякой возможности получить должное воспитание, лишаясь детского развлечения, как участия с пионерами в играх, посещения дет. площадки и сада, он выращивается замкнутым от действительности советского веселья и радостей детской жизни и выковывается в будущего троцкиста». Как бережно заботилось НКВД о должном воспитании и образовании детей, родителей, которых оно репрессировало! Чтобы дети не переняли от своих родителей стремление к правде, борьбе с беззаконием и жажду свободы, им необходимо было дать «хорошее» воспитание... И дети будут получать его в детдомах. В конце вышеизложенного документа приписана роковая фраза: «Жду ваших указаний...»

Они не заставили себя долго ждать... 1937 год стал последним для большинства троцкистов, попавших на конвейер репрессий. Таковым он явился и для родителей Виктора Сербского. Расстрельный лагерь Серпантинка ознаменовал заключительный виток их жизни. Оттуда они уже не вернутся.

Тринадцатого октября 1937 года, согласно решению Тройки УНКВД по Дальстрою, был приведен в исполнение приговор в отношении Захарьян Евгении Тиграновны и Сербского Соломона Наумовича. Постановление о расстреле Е.Т.Захарьян и С.Н.Сербского Тройка УНКВД по Дальстрою приняла на втором своем заседании 7 сентября 1937 года. А первое составлялось двумя днями раньше.

В то время наблюдалось повсеместное создание Троек УНКВД. Оно напрямую связывается с тем, что впоследствии стали называть «ежовщиной». «Ежовщина», на Колыме ее назовут «гаранинщина», покатится по территории Дальстроя. О «гаранинщине» на Колыме Галина Нурмина пишет в очерке «Матери и дети»: «Лагерь жил своей страшной, дикой жизнью: увозили женщин на расстрел, давали новые «гаранинские десятки» — прибавление к сроку еще десяти лет... Работали в лесу при морозе в 50 градусов. «Дай норму, а то получишь новый срок за саботаж». Новый срок постоянно висел над нами как Дамоклов меч».

Пройдет еще месяц-два, и каждый из «властителей Колымы» сам попадет в захват репрессивной машины.

Только в 1988 году Виктор Соломонович после тридцатилетних усилий добился полной реабилитации родителей, узнал правду, которую власти продолжали тщательно скрывать. И уже после реабилитации он получит повторные «Свидетельства о смерти», где будет названа, наконец, истинная причина смерти родителей — расстрел.

Одна из его «Бесед...» пронизана глубокой скорбью и болью души:

Могилу вашу не нашел,
Памятник не поставил —
Сыновий долг не исполнен.

Но я думаю, что этот долг исполнен. Доказательство тому — документ, присланный КГБ СССР Управлением по Магаданской области в ответ на заявление Сербского В.С.: «... от 29.09.88 года ... дело в отношении Сербского, Захарьян и других прекращено за отсутствием в их действиях состава преступления. Таким образом, родители Сербского В.С. по их осуждению Тройкой УНКВД по «Дальстрою» 07.09.37 г. к ВМН (высшая мера наказания) полностью реабилитированы». Сам Виктор Соломонович создал памятник своему отцу и матери книгой «Беседы с портретами родителей». Она впервые была издана в 1993 году в городе Братске. Эта маленькая книжка является «частью истории нашей страны через историю одной семьи», — так говорит о ней сам поэт.

В своей работе я попыталась рассказать тяжелых временах в истории нашей страны, пробудить у читателя удивление и восхищение теми людьми, которым пришлось противостоять тоталитарному режиму, которые не отступились от своих целей и убеждений, даже перед угрозой смерти. Когда читаешь безликие, хотя и ужасающие цифры из учебника истории, до конца не понимаешь чудовищности происходившего. История семьи Сербских помогла мне и, думаю, поможет многим почувствовать чужую боль своей.

Станислав Рожнев,
г.Киров, Вятская гуманитарная гимназия, 9 класс.
Научный руководитель:
Г.А.Кропанева

Школа в Вятлаге.
1930-е-1950-е годы

Школа в поселке Лесном родилась вместе с лагерями. Сначала было выстроено деревянное одноэтажное здание на 8 комнат. Учеников было в первый год чуть более тридцати. Очевидно, начальство уже предполагало, что количество заключенных будет увеличиваться, а значит увеличится и контингент военных и вольнонаемных. Детей будет больше. Так и получилось. В период «расцвета» Вятлага (50-е годы) детей школьного возраста было уже почти 1500 человек.

Мое открытие Вятлага

Начиная эту работу, я мало что знал о Вятлаге. Знал лишь, что это был один из сталинских лагерей, в котором в конце 1930-1950 гг. содержалось большое количество заключенных, многие из которых были осуждены по политическим статьям. Но мои одноклассники и даже учителя знали еще меньше: большинство не знали совсем, а некоторые говорили: «Вятлаг — это какая то постройка», «жилище», «ветеринарный лагерь» и другое. А ведь Вятлаг, Вятский лагерь, находился на территории нашей области, возможно, в семьях опрошенных были репрессированные родственники.

Наверное, это происходит потому, что в школьных учебниках о сталинских лагерях — один абзац.

Вятлаг входил в состав лагерей ГУЛАГа (главного управления лагерями). Значит это один из «островов архипелага ГУЛАГ» (по выражению А.И. Солженицына). Мы узнали, что через этот лагерь прошло более 100 000 человек, в том числе репрессированных по политическим и национальным мотивам. Это официальная цифра, но в ходе исследования мы в этом усомнились, так как видели карточки заключенных с номерами намного большими, чем эта цифра.

В имеющихся публикациях я нашел описания многих сторон жизни Вятлага. А какой была школа в этом «особом мире»? В изученной нами литературе об этом практически не говорится.

Так определилась **цель** моего исследования: изучить жизнь общеобразовательной школы п.Лесное в 1930-1950-е годы — в период расцвета системы ГУЛАГа. Я понимал, что вряд ли смогу найти какие-либо документы, большинство из их давным-давно уничтожены, но еще живы люди, которые могут рассказать об этом времени.

Первый шаг был познакомиться с литературой о Вятлаге. Сначала казалось, что ее почти нет. Но, кто ищет — тот всегда найдет. Действительно, научной литературы, основанной на документах и проверенных фактах, мало. Главная из книг — исследование В.А. Берлинских «Вятлаг»[1].

Следующий наш с учительницей шаг — поездка в поселок Лесное — бывшую «столицу» Вятлага. Хотелось увидеть все своими глазами. Поездку мы назвали громко — экспедиция. Но готовились к ней по-настоящему. Составили план экспедиции, целью которой был сбор материала по теме исследования.

Все началось с дороги. Нужно было ехать по железной дороге до Верхнекамска. Это северо-восток Кировской области. Расстояние 350 км. Дальше поезд не ходит. Железная дорога, построенная заключенными в 30-е годы, стала разрушаться, ездить опасно. Дома нас предупредили, что до Лесной от Верхнекамска около 30 км, ходит конвойный вагон и проверяют документы. Но ничего этого не случилось. Эти места, очевидно, перестали быть запретной зоной. Пришла дрезина, на которой мы поехали в Лесное. Народу набралось много: местные жители, много военных. Сели так, чтобы хорошо все было видно. Кругом сплошные леса и болота, деревья какие-то тощие, наверное, на болотах строевой лес не растет или это новый лес, выросший на месте вырубленного заключенными? Дорога прямая, ширококолейная, от нее ответвления в лагерные поселки и туда, где заготавливали лес. Сколько же нужно было сил, что-

[1] Бердинских В.А. История одного лагеря (Вятлаг). М., 2001.

бы в этих гибельных местах сделать насыпи и проложить дорогу («А по бокам-то все косточки русские...) Наверное, не только русские! По этой дороге везли заключенных в особых, прозванных в народе столыпинскими, «зарешетчатых» вагонах. По учебнику истории знаю, что Столыпин проводил переселенческую политику, специальные вагоны предполагали перевозку людей и скота на новые места, в основном в Сибирь. Петр Аркадьевич не мог предполагать, какую роль они сыграют в годы репрессий. Изредка попадаются остатки лагпунктов: забор, колючая проволока, вышки. Узнаем, что сейчас здесь осталось всего 2 колонии: одна, где сидят «бытовики», то есть за бытовые преступления, и «полосатики» — рецидивисты (так их называют из-за лагерной одежды).

Раньше лагеря шли еще на 200 км севернее поселка Лесное. Настоящие «севера» — так говорят местные жители. Действительно, зимой здесь сорокоградусные морозы — обычное дело. Летом же — жара, море комаров и гнуса.

Дорога до поселка дала нам новые сведения и пищу для размышления. Улица Вокзальная, улица Социалистическая, улица МОПРа... Невысокие, в основном деревянные дома.

В школе поселка Лесное, где мы остановились, нас встретили очень радушно, дали нам, что называется, кров и пищу. Но самое главное — помогли собрать материал о школе периода Вятлага. Мы смогли взять интервью у многих людей: бывшего директора школы, учителей, много проработавших в ней, бывших учеников, а также старожилов поселка. Собрался интересный материал, который мы положили в основу работы.

В школе, к сожалению, нет музея, но нам показали большие альбомы с фотографиями и рукописными текстами, которые отражали школьную жизнь нескольких десятилетий.

Библиотекарь школы Татьяна Васильевна Голубева провела нас по поселку. Она приехала сюда вместе с родителями еще до войны, всю жизнь прожила здесь, отлично знает его историю. Она показала нам, где располагалось Управление Вятлага, Дом Культуры (типовое неприглядное здание), которое выстроено на месте старого деревянного красивого здания, школу, в которой сейчас никто не учится, дома с башенками, где когда-то жило вятлаговское начальство, сейчас эти здания одряхлели и покосились.

Наши наблюдения, а также мнения тех, у кого мы брали интервью — поселок Лесное, бывшая столица огромного сталинского лагеря Вятлаг, приходит в упадок. Не стало дармовой рабочей силы ты-

Коллектив учителей, 1950-е годы.

сяч заключенных, которые создали здесь всё ценой своего здоровья и часто жизни, и все пришло в упадок. Плохо отапливаются дома, нет хорошей питьевой воды, какой то непонятный для нас «летний водопровод», когда вода зимой льется из колонки беспрестанно (чтобы трубы не замерзли), образуя горы наледи. Старая школа закрыта, хотя вполне могла бы работать, по мнению старожилов.

Но начальство приказало закрыть: «В школе деревянные перекрытия, опасно в случае пожара». Учеников чуть более 500. В интернате живет 9 детей. А когда-то в Лесном было более полутора тысяч учеников. Учителя жалуются на плохое отопление. «Температура в моей библиотеке зимой 4 градуса, в классах чуть теплее, ребята надышат», — говорит Т.В. Голубева. А главное у населения нет работы. «Сейчас Лесное никому не нужно, все живут временно» (учитель З.П. Негря). «Здесь тяжелая аура, долго жить здесь трудно, хочется уехать...» (учитель В.В.Мухачева).

Перед отъездом из поселка мы посетили кладбище. Далеко виден католический крест, его несколько лет назад поставили латыши в память о своих гражданах, погибших в Вятлаге. Но ни одного памятного знака о погибших россиянах мы не увидели.

Из истории Вятлага

Обратимся к книге В.А.Бердинских «История одного лагеря». «Вятлаг возник в 1937 году как один из 7 «лесных» лагерей в системе ГУЛАГА. Он располагался на северо-востоке Кировской области (Вятского края) в непроходимой тайге. Расстояние от областного центра, г. Кирова 350 км.

Соединяла эти пункты ширококолейная железная дорога, она постепенно, по мере расширения лагеря, обрастала сетью дорог, которые шли все дальше на север, а так же непосредственно к пунктам заготовки леса».

В 1938 году вблизи станции Лесная был построен крупный лесозавод, а рядом с ним «Соцгород», будущий поселок Лесной, центр «столица» Вятлага. (Лагерное начальство мечтало построить социалистический город: благоустроенный, со школой, дворцом культуры, с бассейном, со стадионом). Сюда в 1939 году было переведено Управление Вятлага.

Поселок располагался в гибельном болотистом месте. На наш вопрос, зачем нужно было строить на болоте, ответы старожилов были разные: «чтобы заключенным труднее было убежать», «наверное, чтобы заключенные сильнее почувствовали свою вину перед государством». Сначала это было небольшое селение сплошь деревянное, к центру вела улица Вокзальная. Вдоль дороги тянулись заборы с колючей проволокой (базы лагеря). По другую сторону деревянные бараки. Вплоть до 50-х годов на окраине этого поселка можно было увидеть такие экзотические для наших мест жилые помещения как юрты. Это были глинобитные постройки с печками-буржуйками, в них жили немцы-спецпоселенцы и другие представители вятлаговского населения.

В период «расцвета» Вятлага, а это конец 40-х-50-х годов, поселок выглядел уже иначе, чем сейчас. По воспоминаниям опрошенных нами жителей, поселок был благоустроен. За эти годы заключенными была сделана ирригационная система, чтобы осушить низину, в которой находился поселок. Были прорыты канавы, обложены внутри деревянными кругляками. Центральная часть поселка была значительно приподнята за счет наносной земли. Трудно даже представить, какое количество земли вручную было перенесено, какой каторжный труд заключенных вложен в тот поселок. По воспоминаниям Т.В. Голубевой, такая же каторжная работа была проведена в близлежащем

совхозе. «Однажды, собирая в лесу ягоды, я обнаружила огромные котлованы. Земля из них, плодородная ее часть, была вручную вырыта и перенесена за несколько километров на совхозные земли. Эту работу делали женщины-заключенные, которые работали в совхозе».

В центре поселка была площадь: с одной стороны прекрасное деревянное здание — Дом культуры, с другой — двухэтажные дома Управления лагеря. Рядом были жилые дома для лагерного начальства. Это двухэтажные деревянные постройки с некоторыми деталями европейского, готического стиля (башенки на крышах, высокие, крутые скаты, необычная внутренняя планировка).

Невдалеке был стадион, окруженный трибунами. И сейчас видно невооруженным глазом, что здесь большой слой наносной земли, т.к. место высокое и сухое. (Сколько же ее нужно было перенести на такое большое пространство?).

В центре площади был поставлен памятник Ленину из светло-серебристого металла. Отлит он был заключенным художником. Типичный для городов и поселков всей страны. (Сколько их безликих стоит до сих пор!). Интересен тот факт, что раньше вместо этого памятника стоял другой — скульптура «Чекист с овчаркой».

«Но основная жизнь Вятлага сосредоточивалась не в поселке Лесном, а в лагерных пунктах, расположенных вдоль железной дороги, где были тысячи и тысячи заключенных и люди, их охранявшие. Руками заключенных вырубалась тайга, территория обносилась забором с колючей проволокой и сторожевыми вышками. Это запретная зона. Внутри сооружались сначала палатки, а затем -бревенчатые или щитовые бараки для заключенных, помещения для лагерных служб (невозможно представить, как можно было выжить зимой в палатках, ведь для северных краев холода за минус 40 не редкость). По воспоминаниям тех, кто пережил эти времена, «волосы примерзали к стенам палатки». Постепенно зоны благоустраивались: появлялась пекарня, баня, магазин, клуб, начальная малокомплектная школа для детей сотрудников. Здесь же была производственная зона, где работали заключенные»[1].

В Вятлаге — огромном лесозаготовительном комплексе — «лагерный контингент» колебался от 16.000 до 25.000 тысяч человек в год. Заключенные валили лес, занимались вывозкой, выпускали самую разнообразную лесопродукцию. Обеспечить выполнение плана было главной задачей вятлаговского начальства. План во что бы то ни ста-

[1] Бердинских. Указ.соч.

Лесная средняя школа №2, 1951 г.

ло, любой ценой! И здесь «контингент» не жалели. Труд на лесоповале был чрезвычайно тяжел, до середины 50-х годов, практически не было никакой механизации: деревья валили ручными лучковыми пилами по пояс в снегу или по колено в болотной жиже, вывозили на лошадях. Укладывали в штабеля и грузили вручную. «Берегите лошадей» — читаем в приказах управления, но нигде нет упоминания «берегите людей». Долго на таких работах даже физически крепкие люди не выдерживали, становились инвалидами, умирали.

Особенно много погибло в Вятлаге в годы войны (до 30%). Места захоронения большинства погибших неизвестны.

Школа в Вятлаге

Школа в поселке Лесном родилась вместе с лагерями. Сначала было выстроено деревянное одноэтажное здание на 8 комнат. Учеников было в первый год чуть более тридцати. Очевидно, начальство уже предполагало, что количество заключенных будет увеличиваться, а значит увеличится и контингент военных и вольнонаемных. Детей будет больше. Так и получилось. В период «расцвета» Вятлага (50-е годы) детей школьного возраста было уже почти 1500 человек.

К деревянной одноэтажной школе пристроили здание интерната. В нем была большая нужда, т.к. на лагерных пунктах, которые шли

Лесная школа, класс 6 «А», 1950-51 уч.год.

вдоль железной дороги, были небольшие начальные школы. Дети на лагпунктах жили и учились в непосредственной близости с лагерем, они поневоле очень рано познавали изнанку жизни.

После окончания 4-го класса дети с лагпунктов учились в школе в поселке Лесном, а жили в интернате. На выходные уезжали домой.

В 1957 году была выстроена взамен старой деревянной школы — новая трехэтажная школа. Там были просторные классы, прекрасный актовый зал и удивительная для такой глухомани библиотека с большим читальным залом. Все, у кого мы брали интервью (из тех, кто учился в этой школе), очень гордятся, что учились именно в этом здании.

Но рос лагерь — росла и школа. Дети учились в две смены, тут же была и вечерняя школа. Понадобилось еще одно здание. Так в 1965 г. появилось здание, в котором сейчас располагается средняя общеобразовательная школа № 1 поселка Лесное. Такое у нее официальное название. Это уже совсем другое здание, выстроенное по типовому плану — безликое и неудобное и школа другая.

В вятлаговские времена школа официально находилась под

Лесное, 1977 г. Выпуск 1952 г.

управлением отдела образования области, но она была в запретной зоне, поэтому главным начальником было Управление Вятлага. Работники политуправления были в курсе школьной жизни. С одной стороны Управление оказывало большую материальную помощь школе, да и сама школа была построена по приказу Управления и строили ее заключенные. Ремонт школы, оборудование — все это делалось по приказу из Управления. «В годы войны и тяжелое послевоенное время подкармливали детей, — вспоминает Н.И.Вощенко, — из столовой поселка в школу привозили булочки, оладьи. Однажды разрешили для нас в швейных мастерских лагеря пошить нам костюмы и пальто, так я обзавелась плюшевым пальто». С другой стороны Управление следило за политическим климатом. Пришел в школу, однажды, инструктор политотдела, увидел стенгазету на стене, прочитал и приказал снять. В чем дело? Оказывается, прочел слова Гёте: «Лишь тот достоин чести и свободы, кто каждый день идет за них на бой». Он счел это призывом к побегу, ни больше, ни меньше.

Учителя

Представить, кто и как учил детей в Лесновской школе в вятлаговский период, помогли нам бывшие учителя. Мы встретились с бывшим директором школы Александрой Николаевной Барышниковой, она начала работать с 1959 года, 20 лет была директором; завучем и учителем литературы Э.Н.Шубниковой; учителем биологии и географии В.В. Мухачевой; учителем истории З.П. Негря; учителями математики: Л.В. Путинцевой, Г.А. Долговой, С.В. Беляевым; учителем английского языка Хлусьяновой В.И.; библиотекарем Т.В. Голубевой и другими. Многие из названных сами учились в этой школе.

А.Н. Барышникова вспоминает: «Учительский коллектив был большой, до 70 человек. Среди них большую часть составляли жены военных, чьи мужья служили здесь (в Лесном стояла воинская часть). Все они были приезжие. Работали хорошо. В отличие от других учителей были лучше обеспечены. Когда приезжали в Лойно на районные семинары, выделялись из всех: красивые, ухоженные, одеты в бекеши, на ногах сапожки. В зале сразу раздавался шепот: «лесновские приехали!».

Приезжали сюда молодые специалисты по распределению, но долго не задерживались: отработают срок и уезжают. Текучесть педагогических кадров -одна из особенностей этой школы.

Были среди учителей сосланные и бывшие заключенные. Так, немецкий язык преподавала Наталья Григорьевна Закс. Ее семья была выслана из Латвии (г. Лиепая). Мать была преподавателем музыки, сама она до ссылки училась музыке, но вынуждена была работать в школе. Это были высококультурные и образованные люди.

Математику преподавал долгие годы Сергей Васильевич Беляев. Сейчас ему 82 года.

Вспоминает С.В. Беляев:

«Родился и жил на юге России, в Ростовской области. После окончания школы учился в Ростовском государственном университете на физико-математическом факультете. На втором курсе в 1947 году был арестован и осужден по 58-10 статье (антисоветская пропаганда и агитация). Была студенческая компания, один из студентов, написал стихотворение «Кто он?» (О Сталине). Сергей Васильевич помнит его даже через 60 лет».

Кто он?
Самолюбивый, самовластный,
Тиран России и палач,
Агнец бесчестный, пес спесивый,
Любимец женщин, знающий их плач.
Иосифом зовут его, Иудой прозывают
Некоронованным царем в Кремле он восседает.

Если прочитать первые буквы каждой строчки, получится слово «Сталин». Кто-то донес, и вся компания была арестована.

Сергей Васильевич говорил, что во время следствия его не «прессовали», как других. Но сам факт ареста (а арестовали его в общежитии университета) был настоящим шоком. «Я не мог есть».

До сих пор не может понять, как это все могло случиться! Студент-отличник, председатель студенческого профкома — осужден за стихотворение?

Итак, 5 лет лагерей. Оказался в Вятлаге. «За убийство давали 8 лет, а за Есенина — 10 лет. Во время обыска спрашивали: «У вас есть сборник Есенина?».

В Вятлаге он был на 12 лагпункте (Станция Има). Повезло, что недолго был на общих работах, — иначе бы не выжил. Работал экономистом подсобного хозяйства. «Всего насмотрелся. Было такое впечатление, что человеку как в детской игре сказали «Замри». И я замер».

Большинство тех, кто прошел лагеря, даже после освобождения боялись сказать лишнее, держались замкнуто.

После освобождения Сергей Васильевич уехал их этих гиблых краев на свою родину -в южные края. Но лагерное прошлое преследовало его еще долгие годы. В Буденовске, где он остановился, его нигде не брали на работу. Начальник одного отдела кадров сказал ему: «Если бы ты был даже моим братом, я и то не смог бы тебе помочь».

Сергей Васильевич возвращается в Лесное, в Вятлаг, теперь уже добровольно. Работает учителем в школе рабочей молодежи и заочно заканчивает Уральский государственный университет. На наш вопрос, были ли ограничения при приеме в университет, Сергей Васильевич был реабилитирован: «Проректор госуниверситета сказал мне: «Судить — то надо тех, кто вас судил».

Много лет С.В. Беляев проработал с детьми: преподавал математику, вел шахматный кружок, был организатором детского спор-

та. (Шахматы и во время заключения были для него большим утешением).

Награжден значком «отличник народного просвещения».

Трудно сказать, как бы сложилась жизнь этого учителя если бы не те беззакония, которые творились в сталинские времена. «Ни в одной стране мира не было такой статьи, чтобы садили не за дела, а за слова. В Вятлаге в мое время большинство было политических».

Ученики

Состав учеников общеобразовательной школы, которая находилась в таком необычном месте — среди заборов, вышек, колючей проволоки — был разный.

Сначала, когда поселок только создавался, это были дети военнослужащих и вольнонаемных. Состав их часто менялся, т.к. военных приказом переводили с одно места на другое. Поэтому трудно проследить судьбу их детей.

Из интервью с жительницей поселка Н.И. Вощенко: «Приехали в поселок в 1940 г., отец служил в военной охране, поселок только строился. Поступила в 4-й класс. Школа была деревянная, только что выстроенная».

В годы войны в школе появились дети спецпереселенцев: поволжских немцев, прибалтов. «В школе у нас был настоящий интернационал».

Просматривая школьные альбомные, мы обратили внимание на большое количество нерусских фамилий: Кисснер, Кунстман...

Среди учащихся школы было немало детей бывших заключенных. Их родители не имели права после освобождения уезжать из поселка или боялись возвращаться из-за повторных арестов. Примером может служить семья П.А.Фалько.

«Я родился 27 июня 1937 г. в г. Мытищи Московской области. Мой отец, Александр Гордеевич был агрономом, закончил Тимирязевскую академию, в 1931 году был послан партийными органами в Монголию, передавать опыт организации колхозов. Работа была трудная: монголы были скотоводами, кочевниками, заниматься сельским хозяйством не хотели.

Было не только трудно, но и опасно. Отец спал с наганом под подушкой.

По возвращении из Монголии в 1937 году отец получил назначение в аппарат Наркомзема. Он был начальником спецотдела, который занимался стратегическими запасами продовольствия и техники. Страна тогда уже готовилась к войне.

В 1937 году в Наркомземе шли повальные аресты. Отец, видимо, что-то предчувствовал. По рассказам родных, он вечерами, держа меня на руках, часами ходил по комнате. В ночь на 30 ноября 1937 года его арестовали. Обвинение -японский шпион.

Маме на Лубянке предложили отказаться от мужа. Она не приняла предложение. Через год ее арестовали. Сначала Невинская тюрьма, потом этапом в Алжир (Акмолинский лагерь жен изменников Родины). Осенью 1939 г. ее этапом перевели в Вятлаг. Там была очень высокая смертность. А мама была врачом, она окончила в 1931 году 1-й Московский медицинский институт. После ареста родителей детей оставили родственникам. Отец был расстрелян 8 февраля 1938 года. Мать видела много горя. Когда закончился срок, она взяла детей в поселок Лесное.

Вместе с братом мы прожили в поселке 11 лет. Учиться начал в школе, в деревянном здании. На первом уроке в 1 классе учительница спросила меня, какие буквы алфавита я знаю. Я назвал всего 4: О (баранка), С (полбаранки), П (ворота) и Ф (франт). Весь класс захохотал, а я заплакал. Они жили с родителями, их готовили к школе, а меня до переезда в Лесное воспитывала бабушка. Главная ее забота была накормить меня. Жили очень бедно. Это я понял уже позднее: однажды я нашел коробок спичек, бабушка была так рада, что долго меня хвалила. Обычно, прежде чем зажечь печь, она выходила на улицу и смотрела, из какого дома шел дым, потом шла туда и брала угольки, чтобы затопить свою печь. Шла война, нищета была страшная. Бабушка меня любила, жалела, ведь я был оторван от родителей. Иногда рассказывала сказки. Но большего дать не могла.

До 3 класса я хромал в учебе. Не мог отличить, где подлежащее, где сказуемое. А потом еще заболел корью и остался на второй год. Потом поправился, окреп и преодолел комплекс отстающего».

Мы спрашивали тех, кто давал интервью, была ли разница между детьми, которые сидели в одном классе, например, дети охраны и дети бывших заключенных. «Трудно было детям немцев-переселенцев. Шла война, у многих были погибшие на войне, поэтому на них переносили свое раздражение: дразнили, лупили. Иногда гоняли с криком: «Бей фрицев!» (В.В.Мухачева). «Лишь с годами, вместе взрослея, понимали, что это хорошие ребята. Взрослые немцы из-за своей эрудиции и дисциплинированности занимали в поселке наиболее квалифицированные должности: киномеханика, часовых дел мастера, води-

Выпуск, 1950 год.

теля машин-лесовозов, мастера в литейке и механических мастерских. Я дружил с Артуром Кунстманом. После 10-го класса идем как-то по поселку и я раскудахтался. Счастливое время! Можно куда угодно ехать поступать учиться, Артур, грустно улыбнулся: «Павел, а у меня даже еще паспорта нет. Жду разрешения». До этого детям немцев разрешалось выезжать только в определенные города». (П.А.Фалько).

В поселке было много бывших заключенных. В своем интервью В.Филимонов, бывший ученик школы, сказал, что этим не упрекали, а за слова «твой отец-зек», можно было получить по физиономии. Различия были только между детьми начальства и остальными».

В основном разница была в материальном положении.

«Дети военнослужащих ходили в перешитом из военной одежды. Шинели, брюки и курточки из габардина и сукна, что выдавали военным раз в два-три года. На 5 лагпункте была большая швейная мастерская, где заключенные шили одежду. Мы же ходили в обносках. Я, например, в 10 классе ходил в школу в телогрейке. Однажды я стал требовать у матери новую рубашку, она расстроилась, стала совать мне деньги — иди купи! Но купить было нечего. (П.А.Фалько).

«Дети начальников носили красные галстуки из шелка. А мы из сатина или штапеля, края этих галстуков вечно закручивались. Мы завидовали им». (В.В.Мухачева)

Разница была и в условиях жизни. Одни жили в благоустроенных домах -другие в бараках.

«Мы жили с братом и мамой в доме, где стены были засыпные, поэтому 2 печки топили и утром, и вечером. Сами рубили рейку для печек, чистили снег. Когда в семье появился отчим, он тоже, как и мама, был из заключенных, после освобождения работал в Вятлаге главным энергетиком жить стало легче» (П.Фалько).

Классы с литерами «Д» и «Е» обычно полностью состояли из лагпунктовских детей. Эти дети были бедновато одетыми (в платках, сапогах), послушными, учились средне. Проблем с ними особых не было. К окончанию школы классов «Д» и «Е» уже не было, оставался 1-2 десятых класса. Уезжали, переходили в вечернюю школу или устраивались на работу». (М.В .Путинцева)

П.А.Фалько вспоминает: «Школа была для нас как дом родной. Даже вечером снова бежали в школу: в библиотеку, физкультурный зал, кружки. Там учили нас настоящие профессионалы. Учили отлично, мы не задумывались, как они оказались в поселке. Многие выпускники свободно поступали в столичные вузы».

Рассматривая школьные альбомы того времени, мы обратили внимание, что жизнь учеников лесновской школы внешне ничем не отличалась от жизни учеников других школ за пределами запретной зоны. Учились по тем же программам и учебникам, воспитывались в коммунистическом духе.

Пионерские сборы, линейки, комсомольские собрания, ленинские уроки, клятвы верности партии и правительству, соревнования между классами...

И вместе с тем здесь был другой мир: заборы, вышки, колючая проволока -лагеря рядом со школой и жилыми домами.

На наш вопрос, знали ли, что творилось в лагерях, и как они к этому относились, мы получили противоречивые ответы.

«Не представляли, не задумывались», «сидят-значит заслужили», «узнали после выступления Н.С. Хрущева». В это трудно поверить.

Из воспоминаний Т.В.Голубевой:

«Когда мы жили в интернате, то каждый день просыпались от шарканья сотен тысяч ног — это заключенных гнали на работу. В колоннах были разные люди. Иногда уголовники выкрикивали разные

гадости. Мы понимали, что это изгои и старались подальше от них отходить. Читая Чехова о посещении острова Сахалина, где были каторжане, я понимала, что нужно жалеть заключенных, но не могла. Только позднее, уже взрослой, я поняла, что среди заключенных было много невинно осужденных.

Из воспоминаний П.А.Фалько:

«Жизнь наша проходила в окружении зон: 2 км х 2 км. колючая проволока, бараки для заключенных, помещения для охраны. За зоной щитовые дома для семей сотрудников.

В Лесном находилась центральная следственная часть, куда привозили заключенных на разные пересмотры. Водили их под конвоем.

Однажды мой приятель, Шура Барышников, сказал мне: «Хочешь, я покажу тебе зеков?» И показал. Вели строй людей в замасленных телогрейках, 8 человек охраны, ружья со штыками, немецкие овчарки. Я был обескуражен, т.к. собственными глазами видел, как по Москве вели пленных немцев: нормально одетые, в пилотках, охраны гораздо меньше. Ведь это были враги, а у нас, в Лесном, свои, советские люди. С 1944 по 1947 г. в поселке работали пленные немцы. Они строили стадион, пляж, ремонтировали дороги. Нас, мальчишек, удивляло то, как охранялись колонны пленных немцев и как водили колонны наших заключенных. Строгость по отношению к заключенным была в несколько раз выше. Немцы были одеты во все свое. Поэтому зимой им очень сильно доставалось от наших морозов.

Потом я много раз видел разводы заключенных: построение, переклички, по бокам охрана с собаками.

Однажды, уже старшеклассниками, мы шли гурьбой мимо колонны заключенных, и кто-то из нас крикнул им что-то обидное, и тогда один из молодых парней в колонне заключенных сказал: «От тюрьмы, да от сумы не зарекайся». Я это -запомнил надолго. Один раз, мой сосед по парте Кухтиков (сын начальника Вятлага) показал мне в окне, как вели заключенного: руки за спиной, голова опущена. Знаешь, кто это? Это автор песни «Темная ночь» Владимир Агатов. Эту песню пела вся страна.

Случались побеги. Тогда весь поселок вставал на уши: кордоны, патрули и прочее. В 1954 году на 5 л/п вспыхнуло восстание. А это рядом. Вызывали карательную роту. Подавили силой. Моя мама, как врач, участвовала в устранении последствий. Несколько дней обрабатывали оставшихся в живых раненых заключенных».

«Я жил на «Комендантском» у самой зоны, был школьником, когда случилось восстание заключенных. Был свидетелем подавления: выгнали всех на озеро, окружили войсками, слышен был лай собак, горели прожектора. Было страшно. После мы на этом месте находили ножи, заточки». (В.Филимонов). «1954 г. Зима. Я с другом по школе Сережей Красиковым катался на коньках. Видим, что какой-то солдатик подвыпивший (как нам показалось) пристает ко всем. Нарывается. Мы с другом уже собрались принять меры, но в раздевалке этот солдатик вдруг расплакался. Говорит: мы их стреляем, кровь брызжит во все стороны, а они стоят. Это был солдат из карательной роты. Подавляли их бунт (восстание) на 5 л/п. Говорит, что третью ночь не может заснуть. Потом я уже узнал, что есть такое понятие как «Вьетнамский синдром». По сути это — же мальчишка -18 лет. Задние ряды в целях защиты держали передние ряды. Мы много об не задумывались. Вступали в пионеры, в комсомол. Может, принимали нас строже. В Вятлаге все резко изменилось после смерти Сталина. Даже нам детям, было заметно, что начались послабления. Началась планомерная реабилитация, политические стали возвращаться в родные месса. В поселке стало скучнее.

Выпускники школы сохранили добрую память о школе. Приезжают на встречи выпускников. В 1989 году отмечалось 50-летие школы. Было очень много народа, концерт, банкет, некоторые бывшие ученики (Наркевич) приезжали специально, чтобы получить документы осужденных родителей (первый отдел позволил им это сделать), сходить на могилы родственников.

По моим, возможно, не очень точным подсчетам, дети бывших заключенных получили лучшее образование. При поступлении в вуз я скрыл, что родители мои были репрессированы. В анкете я указал: мама — врач (а еще она была узницей Алжира — Акмолинского лагеря жен изменников Родины); отец — умер (а был расстрелян в 1938 году). А я вошел в категорию «детей Алжира». (П.А.Фалько).

Взрослые

Кто были родители вятлаговских школьников? С одной стороны — это сотрудники лагеря. Обратимся к книге В.Бердинских «Вятлаг». «В период расцвета их насчитывалось до 5 тысяч человек. Всех вольнонаемных можно разделить на несколько категорий: члены семей начсостава, охрана, специалисты, колхозники-переселенцы из близле-

жащих сел, бывшие заключенные, оставшиеся на работе после освобождения. Жены начсостава работали бухгалтерами, экономистами, нормировщиками, учителями, медиками»[1].

Дети с далеких лагпунктов свезены в интернат в п. Лесном. Жены-матери живут с мужьями одни. Оторванность от мира, постоянное соседство одних и тех же людей, специфические условия работы постоянный многоуровневый контроль («под колпаком») — все это тяжелая психологическая нагрузка, которая часто изменяла личность не в лучшую сторону. «По отношению к зеку они — непреступная крепость с виду и в любой момент сумеют одернуть тебя. Они — всё, а ты — изгой!», — с горечью вспоминал один из бывших заключенных.

Среди военных и вольнонаемных работников лагеря были разные люди. В войну и сразу после нее, в лагере было много солдат и офицеров — фронтовиков, направленных в лагерь.

Сверхжестокой, противоестественной была сама лагерная система, которая подминала людей под себя, раскрывала порой в человеке самые черные стороны его личности. У всех были семьи, дети. Вятлаговская система не могла не отражаться на обстановке в семьях, на воспитании детей.

Другая категория родителей — бывшие заключенные или те, которые приехали в Лесное со своими детьми к заключенным. Они были запуганы арестами и всем пережитым. Страх за себя, свою семью, неуверенность в завтрашнем дне накладывал свой отпечаток на обстановку в семье.

«В наших семьях, т.е. семьях репрессированных, всегда был страх: боязнь новых, вторичных- арестов. У мамы было главное слово на всю жизнь: «Тише, тише!». И когда я приходил и говорил: «Я хочу тебе что-то рассказать», — она умоляла: «Тише, тише!» Так она была напугана на всю оставшуюся жизнь». (П.А.Фалько)

Родители старались детей уберечь от всего, что сами видели в лагере, умолчать, предостеречь. Они всеми силами старались дать им образование. «Только образование поможет тебе выбиться в люди!». Они понимали, что родители «политические» -клеймо для детей.

Большой трагедией был распад семей из-за арестов родителей. Один в одном лагере, другой в другом. Годы в разлуке, гибель родителей, новые семьи, «двойные», «тройные» дети. Примером могут служить семьи Фалько, Веремьёва и других.

[1] Бердинских. Указ.соч.

Среди заключенных по политическим статьям было много замечательных людей, которые оказали большое влияние на культуру поселка, его население, облагородили нравы.

«У нас был замечательный театр, состоявший из осужденных. Ставили спектакли и играли в них профессионалы, попавшие в лагерь как правило по политической статье. Их привозили и увозил под конвоем. Некоторые были расконвоированы, имели специальные пропуска». Кроме того среди заключенных, отбывших срок, были люди, которые создали для детей балетную школу, обучали музыке, шили костюмы. Ребята учились у профессионалов. Кроме театра из осужденных, существовал народный театр, агитбригады, которые выступали не только в Лесном, но выезжали в другие города. Культбригада была до 150 человек». (Н.И.Вощенко).

При центральном клубе была детская творческая студия. Большинство наших респондентов называли имена руководителей: М.А.Шульер — класс вокала, Е.Н.Оскар — детский ансамбль, С.П.Авербах и Ф.Ф.Брауземан — балетмейстеры.

На всю жизнь им запомнились детские спектакли: «Снежная королева», «Золушка», «Двенадцать месяцев», сцены из классических балетов, «Вальс цветов» из «Щелкунчика», «Танец маленьких лебедей» из «Лебединого озера» П.Чайковского. В них были заняты многие школьники, посещающие детский сектор. В Вятлаге этого времени было немало литераторов, писатели Давыдов, Муравьев, поэты Чичибабин, Гидаш и другие.

В зоне лагеря находилось немало любителей футбола, которые создавали команды и организовывали соревнования между бригадами, бараками. В одном из подразделений в 60-е отбывал наказание знаменитый футболист Эдуард Стрельцов, которого называли «русским Пеле». Сначала он работал на лесоповале, а затем его перевели в хозобслугу. Одновременно он тренировал футбольную команду заключенных. И вот однажды было объявлено, что на стадионе поселка Лесное состоится встреча команд «Динамо» и заключенных. Стадион был полон. «Пришла вся школа» — вспоминает Путинцева. На этой встрече Стрельцов показал, как играют футболисты высшего класса.

В Вятлаге в это время находился известный футбольный тренер А.А.Келлер. Он был репрессирован как немец и мобилизован в трудармию. Впоследствии он тренировал кировское «Динамо», а после отъезда из Кирова был тренером в ташкентском «Пахтакоре» и вывел ее в высшую лигу. Футболисты были кумирами мальчишек.

* * *

Изучив литературу, собрав и проанализировав устные источники, я пришел к следующим выводам:

Вятлаг был «государством в государстве» со своими законами, традициями, моралью, через него прошли тысячи заключенных, многие из которых там погибли.

Школа в Вятлаге была частью этого «государства», типичной школой в системе ГУЛАГа. С одной стороны она строила свою учебно- воспитательную работу как любая общеобразовательная школа за пределами запретной зоны. Ученики получали хорошее образование, вступали в пионеры, в комсомол, успешно поступали в ВУЗы страны. С другой стороны, лагерное окружение не могло не отразиться на школе и детях:

- школа находилась под контролем Политуправления Вятлага;
- среди учителей были люди не по своей воле попавшие сюда;
- состав учащихся был неоднороден: от детей лагерного начальства до детей заключенных;
- вместе с тем лагерное окружение осталось в детской памяти: разводы заключенных, унижение человеческого достоинства, рассказы о лагерных порядках. Но только став взрослыми, бывшие ученики осознали, что их школьное детство прошло на одном из «островов ГУЛАГа», наложив отпечаток на их последующую жизнь и взгляды.

Анна Данилова
г. Владимир, гимназия №3,
10 класс.
Научный руководитель:
В.С.Бузыкова

«Эх, хорошо в стране советской жить»?

Анализируя учебник конституции, я сделала для себя вывод, что автор учебника сам полностью зависел от той политической системы, в которой он жил. Отсюда такая путаница в изложении фактов, нелепость примеров, откровенная ложь. Он выполнял социальный заказ. Он имел одну полную свободу: без стеснения критиковать дореволюционное прошлое России, описывать ужасы послевоенного капиталистического мира. Он был обязан запугать советских школьников чудовищным положением простых людей на западе, их полным бесправием и нищетой.

«Мы в сердцах и на знамёнах Конституцию несём»

Школьные учебники в своём роде очень интересные документы истории. У каждого поколения учащихся были свои учебники.

В нашем школьном музее в разделе по истории школы 40-60-х годов экспонируется много учебников 50-х годов. Для моего исследования я отобрала учебное пособие по Конституции СССР для 7 класса, учебник немецкого языка для 7 класса и несколько учебников русского языка для начальной школы.

Наибольший интерес у меня у меня вызвал

учебник по Конституции СССР 1953 года выпуска. Вводная статья к учебнику заканчивается такими строчками:

«Человеческое счастье
Это ты нам, Сталин, дал,
Ты его в законе нашем
Буква в букву записал,
И с тобой наш ясный сокол,
Мы с дороги не свернём,
Мы в сердцах и на знамёнах
Конституцию несём!»[1]

Уже сам пафос этих стихотворных строк — яркое свидетельство культа личности Иосифа Сталина и самого социалистического строя, закреплённого Конституцией СССР в 1936 году. По моему мнению, все главы, которые я опишу, являются очень противоречивыми, и некоторые даже очень далеки от реальности. Конечно же, я не могу судить об обстановке, которая была в то время, с такой же объективностью и точностью, как историки, но я постараюсь показать свои впечатления от прочтения данного учебника.

Все главы учебника по Сталинской конституции написаны на ярком контрасте жизни в СССР и странах капитализма, одной из которых раньше была и царская Россия. Сталинская конституция показывает преимущества жизни в социалистической России и несправедливости конституций капиталистических стран и, прежде всего, США, Франции и Англии.

Факты, которые приводит автор учебника в целях убеждения школьников в преимуществе жизни в СССР, вызвали у меня большое удивление. Так, в 5 части 11 главы учебника, посвящённой правам советских граждан, и в частности праве на образование, которого лишены дети США, на страницах учебника повествуется об ужасном состоянии большинства американских школ. *«В начальной американской школе восемь классов, в которых учатся дети от 6 до 16 лет. Все классы обычно ведёт один учитель. Вот описание одной из школ, взятое нами из американского журнала «Лук» за 1946 год:*

«В одной классной комнате занимаются ученики всех восьми классов. Пока малыши читают вслух, старшие вынуждены чем-нибудь заполнять время. Продолжительность школьного дня определяется дневным светом, — когда становится невозможно читать, учительница закрывает школу. Электричество не проведено, и даже керосиновые лампы являются редкой роскошью, их зажигают только по особо торжественным дням. Дневной свет едва проникает в класс, здесь почти всегда царит полумрак. Зимой температура в комнате падает ниже нуля, школьники и учительница дрожат от холода. Водопровод и канализация отсутствуют. « ...». Более двух миллионов детей учатся в подобных школах»[1].

Боевых действий на территории США в годы Второй мировой войны не было. Эта страна стабильно развивалась. Наверное, в отдельных школах в негритянских кварталах были проблемы с материальным обеспечением школ, были там и беспризорные дети, которые нигде не учились, но чтобы миллионы американских школьников учились в таких ужасающе страшных условиях, какие приводит автор учебника — в это невозможно сегодня поверить. А вот советские школьники верили полностью, особенно сельские. Отсутствием водопровода и канализации в школе сельских школьников тех лет было не напугать, да и отсутствием электричества тоже, и только отсутствие керосиновых ламп и дров для отопления печей могло окончательно убедить учеников 7-х классов в преимуществе учебы в СССР, в преимуществе Сталинской конституции, заботе товарища Сталина о советских детях. И совсем счастливыми, читая эти строки, чувствовали себя городские школьники, которые учились в школах, где были не только электричество и печки, но водопровод и канализация, тем более что ими большинство учащихся небольших городов могли пользоваться только в школе. Учёба в школе с такими коммунальными благами да ещё с разными учителями по предметам, а не с одним по всем, как в ужасно несчастной Америке, должна была убедить советских школьников в том, что они живут в самой счастливой и справедливой стране в мире. И их вера была искренней.

Очень заинтересовала меня в учебнике статья о «Свободе совести». И действительно, она оказалась не просто противоречивой, но и саморазоблачающей. В статье говорится о том, что «Советская власть декретом от 5 февраля 1918 года провозгласила свободу совести и отменила всякие ограничения, связанные с религией». Но тем же декретом советская власть отделила школу от церкви, лишив верующих права свободно воспитывать своих детей в духе православной или иной веры. *«Советская власть объединяет и защищает всех трудящихся независи-*

[1] Конституция СССР. Учебное пособие для 7-ого класса средней школы. М.: Учпедгиз. 1953.

[1] Конституция СССР. М., 1953, с.177.

мо от их религиозных воззрений и их отношения к религии, — пишет автор учебника. — *Советская власть не только не преследует граждан за то, что они верят в какую-то сверхъестественную силу, но и защищает верующих от гонений за религиозные воззрения*». И вот здесь автор не смог ни только найти, но даже придумать ни одного хоть сколько-нибудь убедительного примера строкам учебника. Но без примера нельзя. В качестве примера в учебнике говорится о том, что советское правительство «*разоблачило преступления немецких фашистов, грабивших и разрушавших церкви, глумившихся над религиозными чувствами верующих*». Но сегодня известно, что на оккупированных территориях немцы, наоборот, открывали церкви, разрешали вести службы, чтобы тем самым привлечь советских людей на свою сторону. Далее автор учебника говорит о том, что Сталин и коммунистическая партия не одобряют религию. «*Темные верующие массы покорно терпят всякое угнетение,* — пишет автор учебника. — *Если бы советские люди слушались религиозных наставлений, они никогда бы не свергли угнетателей и не построили счастливой социалистической жизни*». Автор учебника называет верующих «темной» массой и открыто противопоставляет «советских» людей этой массе. «*Вот почему Сталинская конституция,* — пишется в учебнике, — *обеспечив подлинную свободу совести, предоставила всем гражданам и свободу антирелигиозной пропаганды, т.е. право бороться против всякой религии путем убеждения, пропаганды*». Но это уже абсурд! О какой свободе совести может идти речь, если против верующих можно открыто бороться. Эти строки учебника свидетельствуют о том, что никакой свободы совести в СССР нет.

В другой статье учебника под названием «Советский суд и его задачи» говорится о том, что суд необходим советскому государству «*во-первых, для борьбы с врагами Советской власти», а во вторых, для обеспечения среди трудящихся новой социалистической дисциплины*». В качестве примера в учебнике рассказывается о тот, как «*в маленьком городке близ нашей западной границы в 1919 году появился землемер*». Жил он тихо и спокойно со своей внучкой, и никто не знал, что этот Адам Адамыч, дедушка пионерки Тамуси, «*был капитаном германской службы, матерым шпионом, переброшенным в Россию еще перед первой мировой войной. Под полом его комнаты была спрятана маленькая радиостанция, с помощью которой он тайно передавал в Германию добытые им шпионские сведения. Однажды Тамуся поздним вечером застала дедушку за этим занятием. «Дедушка, что ты делаешь?!» — воскликнула она. Он бросился на внучку и задушил ее. По*

приговору Советского суда германский шпион был расстрелян»[1]. Ни название городка, ни время совершения этого преступления не названы, что заставляет сильно сомневаться в его подлинности. Чем-то вся эта история напоминает легенду о Павлике Морозове, предостерегает школьников не быть чересчур доверчивыми к их родителям. Среди них могут оказаться «матерые шпионы». Трудно поверить, чтобы советские школьники действительно верили в то, что их родители могут быть врагами народа, но что у других могут, наверное верили.

Другой пример учебника рассказывает о том, как «*Советский суд карает за кражу, хищение государственной собственности*». В учебнике приводится пример одного судебного дела во Фрунзенском суде города Иваново о хищении растительного масла с фабрики имени Крупской. «*Дело было очень запутанное*», но все-таки было выявлено, что организатором воровской шайки оказался «*благообразный тихонький человек, церковный староста*», который первоначально проходил по делу свидетелем. Но с помощью тонких вопросов судья доказал, что именно он «*скупал краденое масло для церковных лампад. Суд сурово наказал преступников*». Дело действительно запутанное. Зачем самому организатору воровской шайки надо было скупать краденое масло? И много ли масла надо для церковных лампад? Сомневаюсь. А вот настроить школьников против людей верующих этот пример, наверняка, мог.

В главе о правах и обязанностях советских граждан часть 3 выделена восклицательным знаком: «Блюсти дисциплину труда!». В этой статье говорится о том, что не все советские люди хотят работать хорошо, поэтому в советской стране «в интересах самих же трудящихся» принимаются меры к тому, чтобы заставить этих людей работать с полной отдачей. И затем в учебнике приводятся примеры, за что и как строго наказываются «отсталые люди». «*За неявку на работу без уважительной причины рабочие и служащие государственных, кооперативных, общественных предприятий и учреждений предаются суду и по приговору народного суда наказываются исправительно-трудовыми работами по месту службы на срок до 6 месяцев с удержанием заработной платы до 25 процентов. За самовольный уход с предприятий и из учреждений рабочие и служащие по приговору народного суда подвергаются тюремному заключению на срок от 4 до 6 месяцев. За выпуск недоброкачественной продукции (брака) виновные предаются суду как за государственное преступление, равносильное вредительство*».[2]

[1] Конституция СССР. М., 1953, с.153.
[2] Конституция СССР. М., 1953, с.205.

«*Такая строгая дисциплина*, — заканчивает эту часть статьи автор учебника, — *установлена по требованию самих рабочих, не желающих терпеть в своей среде лодырей, прогульщиков, летунов и бракоделов*». Я считаю такие меры очень жестокими и абсолютно ненужными. Из-за таких жестких условий работы многие люди попадали под суд и даже сидели в тюрьмах. А объясняются эти жестокие дисциплины детям, учащимся как требование самих рабочих, которые «*не желают терпеть в своей среде лодырей, прогульщиков, летунов и бракоделов*».

В связи с этой статьей, по моему мнению, каждый может привести свои примеры из жизни знакомых или родственников. Вот, например, моя бабушка, когда была совсем молоденькой девушкой, получила в годы войны распределение на лесоповал. Все знают, что даже крепким мужчинам не очень легко работать там, а бабушка, маленькая и хрупкая, должна была работать там. Конечно же, эта перспектива не очень то и радовала ее. Решили идти на крайние меры. В течение нескольких недель она скрывалась в лесу, но от тюрьмы спасло то, что она получила перераспределение. Сейчас это воспринимается с улыбкой, но тогда это могло изменить всю жизнь. Но не всем так повезло. Например, жительница села Сорогужино Юрьев-Польского района — Тамара С., о которой мне рассказал один знакомый, была осуждена и провела в местах лишения свободы целых 3 года (!) за то, что опоздала на работу на 15 минут. Такие случаи не оставляют равнодушными людей даже сейчас.

9 глава учебника называется «Политические свободы». Все части этой главы состоят из небольших частей. Первая часть — «Царская власть душила свободу». Кратко, ярко и показательно. Некоторые фразы, как, например: «*В старой России были особые чиновники, которые наблюдали за тем, чтобы никакие «вольные» мысли не проникали в печать*», поражали меня, и я задавала себе вопрос: «А разве в СССР не было того же самого?»

В следующем абзаце автор описывает сами политические свободы и приводит статьи из Конституции. Одной из предоставлявшихся советским гражданам свобод, была свобода слова и печати (т.е. право выражать свои мнения устно и в печати). В моем понимании свобода слова это возможность выражать свои личные, собственные мысли, которые не зависят от чужого мнения. Но разве здесь все мнения не должны были быть направлены только на одно: на поддержку и восхваление коммунистической партии, ее идеологии и ее вождя товарища Сталина?!

В 10 параграфе 11 главы учебника под названием «Лживая буржуазная де6мократия», автор пишет:

«*В каждой капиталистической стране издание газет и журналов сосредоточено в руках нескольких компаний крупнейших капиталистов, «королей печати», которые держат у себя на службе целые банды наемных разбойников пера» и могут таким образом распространять через печать какие им угодно взгляды, какую угодно ложь и клевету*»[1]. Так автор характеризует издателей капиталистических стран, но в третьем номере газеты «Работница» за 1953 год, хранящемся в нашем школьном музее, я на первых страницах прочитала статью под названием «*Будьте бдительны», которая показывает мастерство советских разбойников пера. «Нет такого преступления,* — пишет журналист, — *на которое не пошли бы империалисты и их презренные наймиты. Об этом убедительно говорят чудовищные злодеяния разоблаченной в Москве шайки врачей-отравителей. Установлено, что участники этой террористической группы, используя свое положение и злоупотребляя доверием больных, преднамеренно, злодейски подрывали их здоровье, губили больных неправильным лечением. Жертвами этих извергов пали товарищи А. А. Жданов и А. С. Щербаков. Шайка презренных выродков, скрывавшихся под маской профессоров-врачей, в первую очередь старалась подорвать здоровье руководящих советских военных кадров, вывести их из строя и тем самым ослабить оборону страны. Установлено также, что все участники террористической шайки врачей являлись наемными агентами иностранных разведок, продали им душу и тело*».

По-моему на международном конкурсе разбойников пера этот автор оказался бы в числе призеров. При цитировании данного автора даже мой компьютер подчеркнул слово «выродки», как бранное, которое нельзя использовать в литературном языке. Вот только ответных статей обвиняемых не было ни опубликовано, ни процитировано в данном номере журнала. «Враги народа» не имели права на свободу слова и печати в СССР.

Анализируя учебник конституции, я сделала для себя вывод, что автор учебника сам полностью зависел от той политической системы, в которой он жил. Отсюда такая путаница в изложении фактов, нелепость примеров, откровенная ложь. Он выполнял социальный заказ. Он имел одну полную свободу: без стеснения критиковать дореволюционное прошлое России, описывать ужасы послевоенного капиталистического мира. Он был обязан запугать советских школьников чудовищным положением простых людей на западе, их полным бесправием и нищетой. Отсюда все главы учебника построены на контрасте: сплош-

1 Конституция СССР. М., 1953, с.192.

ные преимущества жизни в СССР и полное бесправие и незащищённость людей в странах капитализма. Учебник был рассчитан на школьников, мнения, взгляды на жизнь которых еще не сформировались, которые были лишены какой-либо возможности узнать другую правду о свободе и несвободе в стране советов и сильнейших капиталистических странах. И в тоже время, читая учебник, я понимала, что если бы я жила в то время я, наверное, и сама бы верила всем приведенным в нём примерам и фактам. Уж очень красочно и ярко они расписаны. К тому же учебник проиллюстрирован рисунками, показывающими грандиозные стройки коммунизма, счастливых рабочих и крестьян, прекрасные советские санатории и курорты, больницы, библиотеки, школы и жилые новостройки. Они действительно завораживают.

Учебники конца 40-х годов — это учебники первых послевоенных лет. Я просмотрела несколько учебников русского языка для начальной школы. У меня сложилось не просто мнение, но убеждение в том, что такие учебники действительно были не только учебными пособиями, которые учили школьников грамотно писать, но они все были пронизаны идеологией правящей в стране системы, восхвалением социалистического строя, Коммунистической партии и её вождя товарища Сталина. В учебниках много примеров есть и из произведений русской классики, но, в целом, все примеры, правила, устные задания и письменные упражнения формировали мировоззрение ученика, убеждая его, что он живёт в самой могучей, самой большой, самой свободной, самой справедливой и самой прекрасной стране в мире.

«Всех слов дороже нам слова: «За советскою границей
Страна родная и Москва. Не сыскать такой страны,
Здесь ярче солнце, шире дали, Где бы все могли учиться,
Здесь говорит с народом Сталин» И трудиться и лечиться,
Были с детства все равны».

«Уж и есть за что, Русь могучая, Степи привольные, горы крутые,
Полюбить тебя, назвать матерью, Воды глубоких морей и озер -
Стать за честь твою против недруга Всё ты вместила, Родная Россия,
За тебя в нужде сложить голову». В свой необъятный бескрайний
простор.
.....
Ленинским словом и сердцем согрета
Сталинской мудрою волей крепка,

Красной звездою, звездою Советов
Ты озарила, Россия века» [1]

Учебники немецкого языка также имеют хорошо выраженную политическую и идеологическую окраску. В них помещены тексты о первом ученике Симбирской гимназии Владимире Ульянове, о любви советских школьников к товарищу Сталину, о том, какой прекрасной становится послевоенная Москва, как исчезают с её лица церкви и храмы (значит не только фашисты глумились над чувствами верующих, как об этом пишет учебник Конституции СССР), о том, как иностранные рабочие борются за свои права, о подвигах советских людей в годы войны.

Анализ всех учебников, по которым учились советские школьники в послевоенные годы убедил меня в том, что в СССР вся жизнь советской школы находилась под мощным контролем партийных органов. Все учебники, все пионерские и комсомольские газеты, все издания детской художественной литературы были направлены на формирование у ребёнка с детских лет не только мировоззрения, но и мироощущения, что он — самый счастливый человек на земле, потому что он живёт в СССР. В «Дневнике учащихся 8-а класса за 1951-1952 год» я нашла тетрадный листок в линейку с «Гимном 9-а класса», который заканчивается такими строчками:

«Пускай же спросит нас Отчизна,
Ответим непоколебимо:
«Мы плоть от плоти коммунизма,
Мы дети партии любимой».

Самовар, чугун, угли, боты, валенки, керосин — и ясная вера в коммунистическое будущее

Чем больше я изучала документы школьного архива первых послевоенных лет, тем ярче проявлялся контраст между картинами счастливого детства в советской стране, которое дано в школьных учебниках и детской художественной литературе и реально тяжелыми условиями быта учащихся и их семей. В архиве музея храниться немало воспоминаний выпускниц школы 40-ых, 50-ых годов. Они были записаны в разные годы ребятами, занимавшимися в нашем музее, или присланы почтой из других городов, где сегодня живут многие бывшие ученицы

1 Поляков В.Г., Чистяков В.М. Русский язык. Учебник для 3 класса начальной школы. М.: Учпедгиз, 1951.

3-ей женской школы. К сожалению, описаниям быта в этих воспоминаниях уделено не так много внимания, как бы мне хотелось. И все-таки даже они позволяют увидеть, как плохо жило большинству детей.

В воспоминаниях Анны Бухман, окончившей нашу школу с золотой медалью в 1950-ом году, рассказывается, что в военные и первые послевоенные годы ее мать при отсутствии подсолнечного масла жарила картошку на рыбном жире, который имел такой отвратительный запах и вкус, что ее сестры (в семье было четверо детей) отказывались от еды. В магазинах также не было многих вещей первой необходимости. В воспоминаниях Л.В. Дракуновой, выпускницы 1951 года я прочитала о том, что ее мать, узнав, что в магазине будут продавать ситец, заняла очередь с вечера и стояла всю ночь, а с открытием магазина купила семь метров ситца. Она также пишет, что очень трудно было купить учебники. Девочки устанавливали очередь, кто кому будет передавать тот или иной учебник. На всю жизнь Лидия Васильевна запомнила чувство радости, которое она испытала, когда мама на рынке купила ей за сто рублей учебник по истории древнего мира. А реальная цена школьного учебника не превышала 1,5-2 рублей! Специальной спортивной обуви и костюмов не было. По возможности их шили родители. Если не было спортивного костюма, то девочки на физкультуре занимались прямо в платьях. Вспоминая походы на сельхоз работы, выпускница 1948 года Л.Е. Крохина описывает поездку в Небыловский район, где они серпами убирали хлеб и складывали скирды. Еще одна выпускница 1948 года Изабелла Ивановна Дятлова в своем письме вспоминала, что в первые послевоенные годы, как и в войну нечем было отапливать школу «Мы сами ездили заготавливать дрова, чтобы можно было хоть немного обогреть школу. Однажды, мы привезли машину дров, а слезть с машины уже не могли, так замерзли». В нашем музее храниться фотография поездок девочек на грузовиках на помощь колхозу. Однако, несмотря на все эти ужасы жизни, выпускницы называют годы своей учёбы в школе счастливыми. Но воспоминания об этих счастливых годах в школе у всех выпускниц очень одинаковы: все любили заниматься в драмкружке, петь в школьном хоре, танцевать; ответственно относились к комсомольским поручениям, комсомольским собраниям, помогали отстающим, помогали колхозникам; сами готовили все вечера, выпускали стенгазеты.

Я решила встретиться с некоторыми выпускницами нашей школы послевоенных лет и Вера Сергеевна помогла мне в этом. Мне всё-таки хотелось выявить, какая была повседневная жизнь школьниц и в чем

заключается феномен «ностальгии», по тому времени, которое они называют счастливейшим.

Первая моя встреча была с Галиной Михайловной Ефимовой (в девичестве Мешалкиной), которая состоялась в школьном музее. Она училась в нашей школе с 1 по 10-ый класс и окончила её в 1950-м году с серебряной медалью. Она рассказала, что в школе с первого класса была лидером. Она старалась быть лучшей. Ей хотелось всегда делать много хороших дел. Похвала и благодарность учителей для неё много значили, и она старалась быть достойной, чтобы и учителя и школа могли её гордиться. Галина Михайловна не только хорошо училась, но и прекрасно пела, занималась в балетном кружке при городском Дворце пионеров, занималась в школьном драмкружке, была председателем совета дружины им. Олега Кошевого, а став комсомолкой, секретарём комсомольской организации.

Мне в её рассказе запомнился один эпизод. Однажды утром, быстро позавтракав. Она встала перед трюмо и начала выполнять различные па, которым их обучали в балетном кружке. Радио было включено и в передаче рассказывалось об одном выдающемся человеке. Он говорил о том, что чтобы он не делал в жизни, он всегда делал это с полным сознанием, что его мама наблюдает за ним и оценивает его поступки. И Галя сразу остановилась. Она представила себе свою маму и то, как она отнеслась бы к её поведению: кровать не убрана, посуда после завтрака не вымыта, она стоит перед зеркалом и любуется своей ладной фигуркой и своим умением хорошо танцевать. Это её сразу отрезвило. И она поняла, как она ещё от идеала той хорошей девочки, которой её мама всегда была бы довольна. Вот этот маленький эпизод, рассказанный Галиной Михайловной — яркий пример, как советская пропаганда действовала на ум и сознание подростков, как она хотела вылепить из них идеального человека коммунистического будущего! А ведь у Галины Михайловны было очень тяжёлое детство.

После ареста отца в 1935 году по 58 статье, она с матерью и старшей сестрой вынуждены были уехать из Москвы к родственникам во Владимир. Чтобы устроиться на работу её матери пришлось оформить развод с отцом. Родственники очень боялись, что кто-нибудь узнает о том, что у них живут члены семьи врага народа. Чтобы как-то оправдать своё проживание у них, мать Галины Михайловны делала по дому всю черную работу и вставала в 5 утра, чтобы приготовить еду на всех прежде, чем уйти на работу. Жили и спали они в прихожей на широком сундуке. Лишь после возвращения через пять лет отца, они стали снимать в частном доме по улице Ильинской-Покатой комнату с кухней. Галина Михайловна

считает, что они жили хорошо, у них в комнате была оттоманка, большое зеркало и даже, пусть потёртый, но ковёр на полу. По тем временам такие предметы обстановки воспринимались как предметы определенной роскоши. Галина Михайловна вспоминала, что, когда они учились во вторую смену, то было очень страшно ходить чрез речку Лыбедь. Мальчишки из 9 школы (она была впритык к третьей школе) пытались обидеть девочек. Один влюблённый в Галину Михайловну мальчик из 4 класса так стал ей серьёзно угрожать за её равнодушие к нему, что она пожаловалась сестре. И она на своей работе договорилась с одной девушкой, которая была известна как участника бандитской шайки, поговорить с этими мальчиками. И действительно, эта девушка пришла в школу, и, встретив мальчиков после уроков, сказала: «Кто тут из вас обижает Галю? Будете иметь дело со мной». И, вынув бритву, добавила: « Я вас вот этой бритвочкой быстро всех почикаю». Это возымело действие. А уже в старших классах, в подобной ситуации. Галя само обратилась на своей улице к одному парню, которого на современном языке можно назвать «авторитетом» и он тоже пришёл к школе в то время, когда Галю поджидали «женихи», и, подойдя к ним, спросил: «Кто обижает Галю? Будете иметь дело со мной». Почему, будучи активной комсомолкой, Галя не обратилась ни в милицию, ни к администрации школы? Наверное, такие ситуации в те времена было принято решать вот таким путём. Сейчас, про такую форму решения похожей проблемы даже невозможно было бы подумать!

Несмотря на всю комсомольскую активность, отличную учебу и дисциплину, судимость отца сыграла в юности для Гали отрицательную роль. В 9 классе её избрали членом обкома комсомола и выдвинули делегатом на 11 съезд комсомола. И вот тут-то и выяснилось, что её отец был когда-то врагом народа. И её не отправили на съезд. По той же причине её не взяли пионервожатой в пионерский лагерь для детей сотрудников УВД, а в институте, несмотря на отличную учёбу и активную комсомольскую работу, отклонили её кандидатуру на присвоение сталинской стипендии. Партия и её вождь были беспощадны ко всем, кто имел какое-нибудь отношение к людям, «провинившимся» перед Родиной. Но Галина Михайловна, уже завербованная и закрученная в водовороте идеологической и политической пропаганды, так на долгие годы и осталась преданной этой системе. Большую часть своей жизни она проработала инструктором обкома партии, ответственной за работу вузов и школ.

Вторая моя встреча состоялась с выпускницами 1949 года: Леной Черняевой, Валентиной Чиковой, Ириной Петруниной и Раисой Гущиной. Встреча проходила дома у Лены Павловны Черняевой (Чеботнягиной), В теплой дружеской обстановке. Наша встреча длилась более четырех часов, но время пролетело незаметно. Когда они услышали мою просьбу рассказать об их повседневной жизни дома в те далёкие годы, они были очень удивлены, но со смехом стали вспоминать своё «счастливое» детство в родном доме. Слушая их рассказы, я холодела от ужаса, представляя, чтобы было со мной, если бы я была на их месте.

Валя Чикова жила в полуподвальном помещении, окна которого находились на уровне земли. В доме было полно крыс, так как рядом с домом была помойка. По ночам они бегали по столу, окну, стульям, и когда мать работала в ночную смену, она брала с собой в постель какой-нибудь тяжёлый предмет, чтобы в случае, когда крысы очень «разойдутся» с шумом бросить этот предмет в темноту. Это пугало крыс, и они на время успокаивались. Раиса Ивановна Гущина говорила тоже и о своём жилье. У них был очень хороший кот, и по утрам они обнаруживали перед дверью по 5-8 крыс, уложенных их охотником. Рая с младшей сестрой не вставали с постели до тех пор, пока отец не уносил всех крыс.

Жить было страшно. Валя Чикова вспоминала, как однажды ночью к ним полезли через окно воры. Она проснулась от стука: она увидела, что её мать стоит посреди комнаты и стучит кочергой в потолок. На втором этаже жил военный. Он услышал и выстрелил. Воры убежали. Но на следующую ночь вновь полезли. Мать опять стала стучать. После этого случая на окно установили ставни.

Мать Вали Чиковой не имела образования и бралась за любую работу, чтобы кое-как свести концы с концами. Одно время она вязала на дому на специальной машине какие-то красивые чулки, которые в то время были в моде. Если случайно одна петелька спадала, то весь чулок быстро распускался до пятки. Важно было вовремя ухватить эту петельку. Валя помогала матери в этой работе. С большой гордостью и радостью она вспоминала случай, когда её за хорошую работу наградили талоном на платье. Вот этот случай и был в её детском понимании и заботой государство о детях.

В школе все девочки занимались в разных кружках. Какое-то время один молодой человек вёл в их школе кружок бальных танцев. На одном из занятий он показал танго. Девочки были в восторге. Но учителя каким-то образом узнали об этом и на следующее занятие все пришли в актовый зал и сели вряд. Девочки заметили, что учитель вне себя от раздражения. Он провёл это занятие, но в школе его больше не было. Так было прекращено тлетворное влияние запада.

Большое впечатление на меня произвёл рассказ Лены Павлов-

ны Черняевой (её характеристика комсомолки 8-а класса хранится в нашем школьном музее) о том, как они с подружкой Галей, устав от голодной жизни, решили оставить школу и поступить в техникум молочно-мясной промышленности, о наборе в который прочитали в газете. Девочки надеялись, что, окончив этот техникум, они всегда будут вдоволь иметь мяса и молочных продуктов.

Техникум находился в Детчинском районе Калужсчкой области, в 18 км от станции Суходрев. Он был расположен на территории бывшего мужского монастыря. В одном из корпусов монастыря было само училище, а рядом два больших барака для студентов. Вблизи также были домики, в которых жили преподаватели и обслуга техникума. И кругом — голое поле. Преподаватели все были поселенцами из осуждённых по 58 статье. Чтобы как-то прокормиться, Лена и Галя ходили по ближайшим деревням, обменивая мыло на картошку. Посылки с мылом им присылали из дома родители, которое они варили сами на дому. Также девочки работали уборщицами в техникуме. В конце декабря 1947 года , накануне денежной реформы им выдали 150 рублей старыми деньгами, а 15 рублей новыми. Старые деньги надо было истратить до 1 января, а купить в магазине было нечего. Все-таки девочкам удалось найти в одном магазине кильку в томате, и они на все деньги купили консервы. Им также на первую половину января выдали по две буханки хлеба. Девочки обрадовались, что они долго будут есть кильку с хлебом. Радость омрачилась тем, что полученный ими хлеб, было невозможно есть, так как он был (для веса) смешан с землёй. Есть его было нельзя. А ведь в Сталинской конституции говорилось о том, в социалистическом обществе человек трудится свободно на благо всего общества, а поэтому не может работать плохо. Почему же работники, выпекая хлеб, смешивали его с землёй? Что-то всё не складывалось хорошо по этой самой справедливой конституции в мире!

Учащихся техникума часто на лошадях вывозили в соседние колхозы помогать колхозникам. Работали, конечно, бесплатно: перебирали проросшую пшеницу, молотили эту проросшую пшеницу. В бараках, где жили студенты, в каждом помещении жило по 8 студентов. В помещении стояло четверо нар: на одних нарах спали по две студентки. Промаявшись год, Лена Черняева бросила техникум, не кончив курса.

Раису Ивановну Гущину после окончания пединститута направили на работу в одно большое село в отдалённом от центра Гороховецком районе. Описание школы, в которой она начала работать, мне очень напомнило ту школу в Америке, которую описывал автор учеб-

ника по Конституции: водопровода и канализации не было, электричество давали тоже редко, учились при керосиновых лампах. В селе не было ни клуба, ни библиотеки, ни больницы. Чтобы куда-то попасть, надо было обращаться к извозчику. Была такая профессия на деревне. Колхозники в селе жили очень плохо.

Валя Чикова и Ира Петрунина после окончания школы поступили в московские вузы. В один из московских техникумов поступила и Лена Черняева. Они с восторгом говорили о жизни в Москве, о том, что в московских магазинах было можно купить всё, только денег было очень мало. Студенты любили посещать музеи, ходить на разные экскурсии. Но голод мучил всех постоянно. Валя Чикова к концу 2 курса была настолько истощена, что даже была вынуждена обратиться к врачу. Её прописали уколы глюкозы. Смерть Сталина девочки восприняли как огромное горе. Они пытались попасть на похороны вождя, и чуть было не погибли. Даже из села, где работала Раиса Ивановна, одна учительница ездила тоже в Москву, и чуть не погибла. Так перевернула простое человеческое мировоззрение умных людей сталинская система «идеологического промывания мозгов».

Во время встречи выпускниц школы в декабре 2005 года учительница истории школы тех лет рассказывала, что, когда в Москве стали впервые проводить кремлёвские елки, одному классу их школы посчастливилось побывать на ней, благодаря помощи бывшего начальника отдела образования, переведённого в Москву. Учителей на ёлку не пустили, а повели в только что открывшуюся Оружейную палату. Великолепие музея их поразило. Посетители боялись ходить по великолепным коврам, и всё хоти сойти на паркет, а караульные солдаты, стоявшие вдоль дорожек, сквозь зубы еле слышно говорили: «Ходите по коврам. Ходите по коврам». Так пугала советских людей нормальная для европейца обстановка!

Характеризуя это тяжёлое послевоенное время, мне ещё хочется рассказать об одном документе нашего музея. Это — сложенный вдвое листок, на котором дан перечень вещей купленных учительницей математики Ириной Романовной Роговой, которая жила вместе со своим отцом (она была выпускницей нашей школы 1935 года). Вещей довольно много: самовар, кухонный стол, лампа, чугун, тяпка, боты, валенки и прочее. В списке указываются расходы на дрова, угли и керосин. Весь этот список — характеристика уровня быта советских людей. Великая армия, великая наука, великий народ, великая страна — а простой советский человек живет как в железном век! Но он не знает

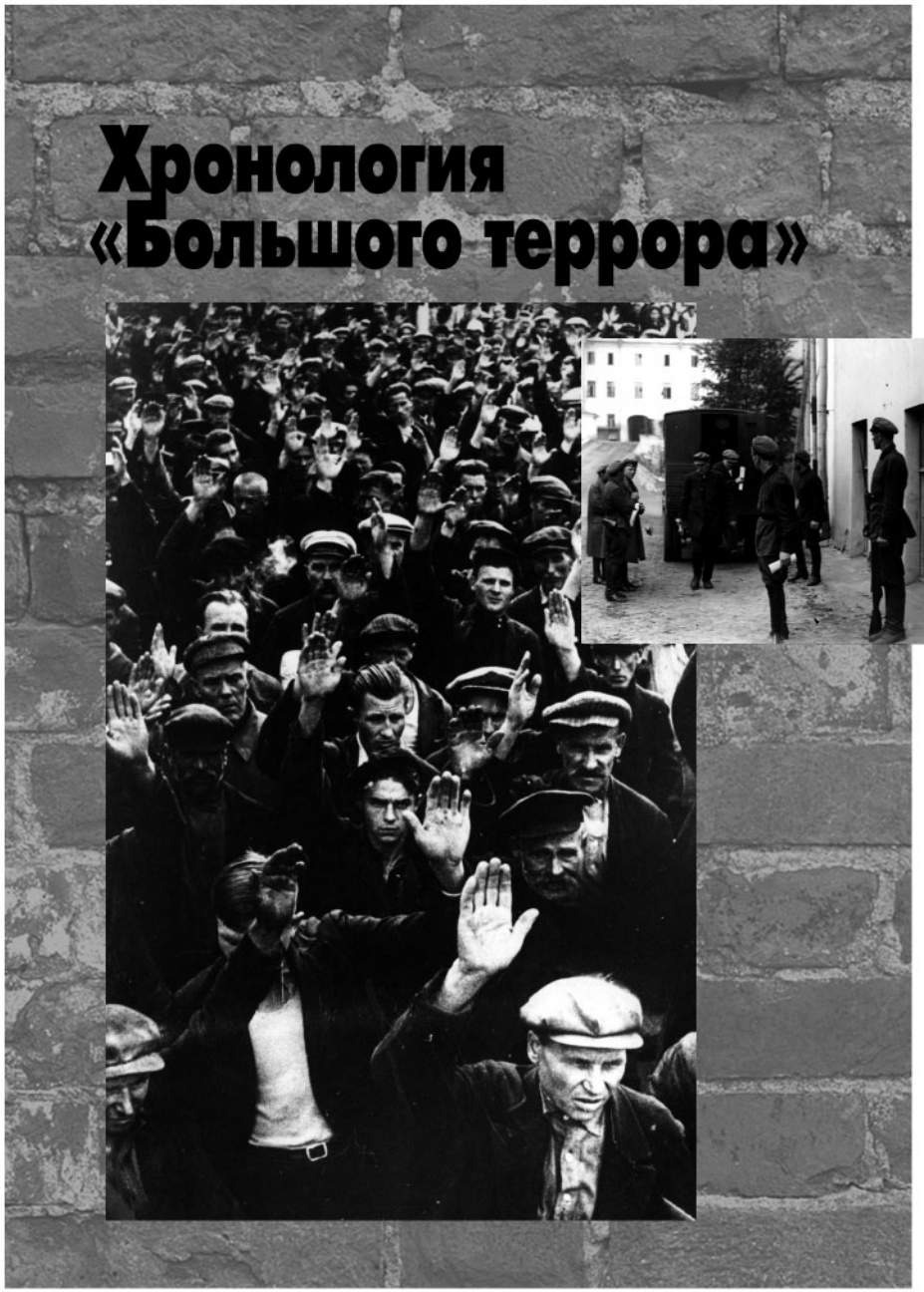
об этом, об этом знает товарищ Сталин и его «соратники». Вот на этом незнании и держалась великая империя диктаторов от пролетариата!

* * *

Работая над темой «Эх хорошо в стране советской жить?», я просмотрела и проанализировала многие документы экспозиции и архива нашего школьного музея послевоенного времени. Я считаю, что все они являются уникальными документами истории того времени, когда в СССР царствовала сталинская конституция, сталинская идеология, сталинский режим. Я пришла к убеждению, что в СССР самой мощной индустрией была индустрия идеологическая. На современном языке, я назвала бы это идеологическим шоу бизнесом. Вся жизнь советской страны была охвачена этим бизнесом: наука и культура, медицина и педагогика, промышленность и сельское хозяйство, радио и печать. При полном отсутствие влияния из вне не поддаться влиянию этого идеологического напора, политического насилия было невозможно. И конечно, первыми жертвами этого идеологического бизнеса, гигантского политического давления были школьники. Все документы, о которых я рассказываю в своем исследовании, являются подтверждением.

Мои встречи с выпускницами школы послевоенных лет наравне с документами школьного архива говорят о том, что подавляющая часть населения страны жила в нищенских условиях. Для народа, о котором в высоких степенях говорилось так много с трибун съездов, в действительности делалось очень мало, да и сам народ не очень то старался работать на промышленных предприятиях и в хозяйстве. Дефицит предметов первой необходимости и их крайне низкое качество говорят об ошибочности сталинских идей, что свободный труд на благо всего социалистического общества способен изменить сознание человека, заставить его трудиться со всей отдачей.

Вера советских людей сталинского времени в счастливое коммунистическое будущее и реальный приход коммунизма были беспечны вот этим «ноу-хау» товарища Сталина. Это заставляло народ забыть о своей плохой жизни, отодвигало ее на второй план, по сравнению с планами партии приблизить счастливое коммунистическое будущее. Возможно, что на документах нашего школьного музея, на рассказе о встречах с выпускницами нашей школы послевоенных лет, мне удалось показать весь миф сталинского времени, выраженного во фразе популярной песни советских школьников «Эх, хорошо в стране советской жить!».

«Большой террор»: 1937–1938. Краткая хроника

1936 (основные события, предваряющие разворот репрессий в 1937–1938 гг.)

9 марта

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О мерах, ограждающих СССР от проникновения шпионских, террористических и диверсионных элементов». Декларируется, что в СССР «скопилось большое количество политэмигрантов, часть из которых является прямыми агентами разведывательных и полицейских органов капиталистических государств», в связи с этим ужесточается процедура получения разрешений на въезд в СССР зарубежным коммунистам, закрываются «переправы» («окна» на границе) Коминтерна, производится полный переучет политэмигрантов, создается комиссия (под председательством секретаря ЦК Н.И.Ежова) для «очистки от шпионских и антисоветских элементов» аппаратов Профинтерна, МОПРа (Международная организация помощи борцам революции) и другие международных организаций на территории СССР.

25 марта

Нарком внутренних дел СССР Г.Г.Ягода вносит предложение в Политбюро ЦК ВКП(б) «всех троцкистов, находящихся в ссылке и ведущих активную работу, арестовать и отправить в дальние

лагеря, троцкистов, исключенных из ВКП(б) при последней проверке партийных документов, изъять и решением Особого совещания при НКВД направить в дальние лагеря сроком на 5 лет», а «уличенных в причастности к террору» расстрелять. 31 марта свой положительный отзыв на записку Ягоды представляет Прокурор СССР А. Я. Вышинский.

20 мая

Постановление Политбюро ЦК о репрессировании троцкистов (по записке Ягоды от 25.03 и Вышинского от 31.03).

19 июня

Нарком внутренних дел СССР Ягода и Прокурор СССР Вышинский представили в Политбюро ЦК ВКП(б) список 82-х «участников контрреволюционной троцкистской организации, причастных к террору» с предложением привлечь их к суду. В списке — Зиновьев, Каменев и др.

29 июля

Закрытое письмо ЦК ВКП(б) «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока» (обвинение в убийстве Кирова, подготовке покушений на членов Политбюро; педалируется связь троцкистских агентов с гестапо), резкое усиление широкой пропагандистской кампании против бывших троцкистов.

19—24 августа

В Москве проходит открытый судебный процесс (заседание Военной коллегии Верховного суда СССР) по делу «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра». Председатель суда В.В.Ульрих, гос. обвинитель А.Я.Вышинский. Обвиняемые: Г.Е.Зиновьев, Л.Б.Каменев, Г.Е.Евдокимов, И.Н.Смирнов, С.В.Мрачковский и др. Среди обвинений: убийство С.М.Кирова, подготовка покушений на Сталина, Ворошилова, Жданова, Кагановича, Орджоникидзе. Все 16 обвиняемых приговорены к высшей мере социальной защиты и расстреляны 25.08.1936. В разных регионах страны прошли «дочерние» процессы, на которых осуждено более 160 человек.

14 сентября

Арест Ю.Л.Пятакова, через два дня К.Б.Радека, — будущих главных обвиняемых на процессе по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра» (январь 1937).

25 сентября

Телеграмма в Политбюро от Сталина и Жданова из Сочи: «Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение тов. Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздало в этом деле на четыре года».

26 сентября

Г.Г.Ягода освобожден от должности наркома внутренних дел СССР и назначен наркомом связи СССР. Н.И.Ежов назначен наркомом внутренних дел СССР с сохранением должностей секретаря ЦК ВКП(б) и председателя КПК при ЦК ВКП(б).

29 сентября

Политбюро принимает Постановление ЦК ВКП(б) «Об отношении к контрреволюционным троцкистско-зиновьевским элементам», в котором содержится важная идеологическая новация: «а) До последнего времени ЦК ВКП(б) рассматривал троцкистско-зиновьевских мерзавцев как передовой политический и организационный отряд международной буржуазии. Последние факты говорят, что эти господа скатились еще больше вниз и их приходится теперь рассматривать как разведчиков, шпионов, диверсантов и вредителей фашистской буржуазии в Европе». Из этой предпосылки делается вывод: «б) в связи с этим необходима расправа с троцкистско-зиновьевскими мерзавцами, охватывающая не только подследственных <…>, дела которых еще не закончены, но и тех, которые раньше были высланы».

19—22 октября

В Новосибирске проходит «кемеровский процесс» по делу о взрыве 23.09.1936 на кузбасской шахте «Центральная». На суде «выяснилось», что диверсию организовала подпольная троцкистская группа в сговоре с инженерами из числа старых «спецов», что нити заговора тянулись в Москву. Все 9 подсудимых приговорены к расстрелу, ряд фигурантов дела выведены на процесс «Антисоветского параллельного троцкистского центра» в январе 1937 года.

13 ноября

Циркуляр НКВД СССР о выявлении и разгроме «эсеровского подполья» (начало повсеместных арестов бывших эсеров на воле и в ссылке).

13 ноября

Приказ НКВД «Об усилении борьбы с крушениями на железнодорожном транспорте» (каждая авария должна рассматриваться как возможная диверсия).

29 ноября

Прокурор СССР издает распоряжение проверить законченные дела прошлых лет о пожарах, авариях, выпуске недоброкачественной продукции и т. п. «с целью выявления контрреволюционной вредительской подоплеки этих дел и привлечения виновных к более строгой ответственности».

4 и 7 декабря

Пленум ЦК ВКП(б). Отчет Ежова о раскрытых троцкистских группах, совершенных ими диверсиях, о количестве арестов по «троцкистским делам» (несколько тысяч человек); в частности, названы подсудимые готовящегося процесса: Пятаков, Радек и др., выдвинуты новые обвинения в адрес Бухарина и Рыкова, заявлено о существовании «антисоветского правого центра». На основании доклада Ежова проведено обсуждение вопроса о причастности Бухарина и Рыкова к «преступлениям троцкистов» и к террору (резолюция: «Принять предложение т. Сталина: считать вопрос о Рыкове и Бухарине незаконченным. Продолжить дальнейшую проверку и отложить дело решением до следующего пленума ЦК»).

17 декабря

Постановление СНК СССР «О выселении к.-р. элементов из Азербайджана в Иран и отдаленные районы СССР». Мотивация: очистка приграничных и режимных местностей от неблагонадежных элементов.

1937

6 января

Всесоюзная перепись населения. Полученная численность населения страны оказалась гораздо меньше ожидавшейся. Результаты переписи объявлены недостоверными (сент. 1937) и засекречены. Разработчики и организаторы переписи — репрессированы.

8 января

Циркуляр Наркомюста и Прокурора СССР: военным трибуналам предписывается рассматривать дела, «по которым может быть разглашена военная, дипломатическая или государственная тайна», как правило, без участия обвинения и защиты. В эту категорию попадали, в частности, дела по обвинению в измене родине, шпионаже, диверсии и терроре.

23—30 января

Второй открытый процесс в Москве по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра». Председатель суда В.В.Ульрих, гос. обвинитель А.Я.Вышинский. Подсудимые Г.Л.Пятаков, К.Б.Радек, Л.П.Серебряков, Г.Я.Сокольников и другие обвинялись в организации саботажа, диверсий и шпионажа в пользу Германии и Японии, в заговоре с целью расчленения СССР и реставрации капитализма. 13 человек приговорены к смертной казни; расстреляны 1 февраля 1937 года. В газетах развернута пропагандистская кампания, демонстрирующая массовый энтузиазм и ненависть к «врагам народа».

27 января

Политбюро утверждает проект Постановления ЦИК СССР о присвоении Н.И.Ежову звания Генерального комиссара государственной безопасности (одновременно выходит Постановление ЦИК о переводе в запас Ген. комиссара гос. безопасности Г.Г.Ягоды).

9 февраля

Циркуляр НКВД об усилении оперативной работы по «эсеровской линии».

18 февраля

Смерть члена Политбюро ЦК ВКП(б) Наркома тяжелой промышленности Г.К.Орджоникидзе. Есть данные, что Орджоникидзе с 1936 года оказывал определенное сопротивление репрессивной политике Сталина, во всяком случае, старался защитить сотрудников своего ведомства. Согласно официальному сообщению, он «внезапно скончался от паралича сердца во время дневного сна». Существует устойчивая версия, что смерть Орджоникидзе наступила в результате самоубийства; некоторые современники полагали, что Орджоникидзе был убит по заданию Сталина.

23 февраля—5 марта

Пленум ЦК ВКП(б), почти целиком посвященный политическому обоснованию разворачивающихся массовых репрессий, прежде всего, в среде партийной и хозяйственной элиты. Значительная часть Пленума (23—27.02) была посвящена «делу Бухарина-Рыкова» (основной докладчик Н.И.Ежов); 27 февраля оба они были исключены из партии и арестованы. Установочные доклады В.М.Молотова и Л.М.Кагановича (28.02) касались «уроков вредительства, диверсии и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов» в промышленности и на транспорте, доклад Ежова (01.03) — вражеской деятельности в НКВД. В докладе Сталина «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» (03.03) беспощадная борьба с врагами постулировалось как важнейший приоритет партийной работы на современном этапе. По логике Сталина, поскольку троцкисты и иные политические противники превратились «в оголтелую и беспринципную банду вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, действующую по заданиям разведывательных органов иностранных государств», в борьбе с ними нужны «не старые методы, не методы дискуссий, а новые методы, методы выкорчевывания и разгрома». На Пленуме выступили 73 человека, 56 из них в 1937—1940 годах были расстреляны, 2 кончили жизнь самоубийством.

27 февраля

Ежов представляет на утверждение членам Политбюро первый «список лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного суда СССР», включающий фамилии 479 человек, мерой наказания для которых был определен расстрел. В течение следующих полутора лет такие списки регулярно подавались из НКВД на утверждение Сталину и его ближайшим сподвижникам — только после их визы дела поступали на судебное рассмотрение Военной коллегии. Всего в этих 383 списках более 40 тысяч человек. Подавляющее большинство из них были осуждены к расстрелу.

15 марта

Приказ НКВД СССР, ужесточающий режим в тюрьмах особого назначения НКВД. Окончательная отмена существовавшего с начала 1920-х годов специального режима для содержания заключенных, признававшихся властью «политическими».

17 марта

Закон СССР о запрещении крестьянам покидать колхозы без согласия администрации и подписанного трудового соглашения с будущим работодателем. Законодательное оформление лишения крестьян права на свободу передвижения.

27 марта

Циркуляр НКВД СССР об усилении агентурно-оперативной работы по «церковникам и сектантам». Утверждается, что «церковники и сектанты» активизировались в связи с принятием новой Конституции и ведут подготовку к выборам в советы, «ставя своей задачей проникновение в низовые советские органы». Предписываются меры, направленные на «выявление и быстрый разгром организующих очагов нелегальной работы церковников и сектантов»: внесение раскола в церковные общины, ослабление материальной базы церкви, затруднение участия в выборах и т. д.

2 апреля

Директивное письмо ГУГБ НКВД СССР о возрастающей активности германских разведорганов, об организации ими в СССР актов террора и диверсии, а также «массовой фашистской работы в среде немецкого населения» с целью создания «повстанческой базы»; об усилении борьбы с агентами германской разведки.

8 апреля

Политбюро утверждает новое Положение об Особом Совещании при НКВД СССР. ОСО получает право заключать в тюрьму на срок от 5 до 8 лет лиц, подозреваемых в шпионаже, диверсии, терроре, вредительстве (ранее могло осуждать к ссылке или лагерю на срок до 5 лет).

29 апреля

Директива ГУГБ НКВД СССР о бывших меньшевиках, преимущественно находящихся в ссылках, которые подозреваются в «нелегальной работе, направленной на воссоздание меньшевистской партии», в диверсионно-террористических намерениях и стремлении заключить блок с эсерами, троцкистами и правыми с целью вооруженного свержения советской власти. Предписывается «немедленно приступить к быстрому и полному разгрому меньшевистского подполья».

7 мая

Директива ГУГБ НКВД СССР об усилении агентурно-оперативной работы среди физкультурников. Объявляется о ликвидации ряда групп среди физкультурников, «ведших активную работу по подготовке террористических актов против руководителей ВКП(б)».

14—29 мая

Аресты военачальников — основных обвиняемых по делу о «военно-фашистском заговоре в РККА».

23 мая

Постановление Политбюро о высылке из Москвы, Ленинграда, Киева «всех исключенных из ВКП(б) за принадлежность к троцкистам, зиновьевцам, правым, шляпниковцам и др. антисоветским формированиям». Также предписано выслать все семьи оппозиционеров, осужденных к расстрелу или на срок свыше 5 лет.

8 июня

Директива ГУГБ НКВД СССР «Об агентурно-оперативной работе по антисоветским тюрко-татарским националистическим организациям». Отмечается активизация «националистических элементов» в Азербайджане, Крыму, Татарии, Узбекистане, Таджикистане, Казахстане, захват ими руководящих постов, «блокирование с троцкистами и правыми и прямая ориентация на фашизм», «организация повстанческих кадров для вооруженного выступления в момент войны против СССР», «совершение местных террористических актов и подготовка центрального террора». Приказано «во всех восточных национальных республиках и областях работу по разгрому националистического подполья рассматривать как работу первостепенной важности».

11 июня

Дело о военно-фашистском заговоре в Красной армии рассмотрено Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР под председательством В.В.Ульриха (гос. обвинитель А.Я.Вышинский). Восемь военачальников — М.Н.Тухачевский, И.Э.Якир, И.П.Уборевич, В.М.Примаков, В.К.Путна, А.И.Корк, Р.П.Эйдеман, Б.М.Фельдман осуждены к смертной казни (расстреляны в ночь на 12 июня). Начало массовых арестов в армии. Всего в течение 1937—1938

года. репрессировано не менее 32 тысяч военнослужащих РККА — от маршалов до рядовых.

15 июня

Инструкция НКВД СССР о проведении (в соответствии с решением Политбюро от 23 мая) операции по выселению из Москвы, Ленинграда, Киева, Ростова, Таганрога, Сочи лиц, вычищенных из ВКП(б), и членов семей репрессированных. Начало операции — 25 июня.

21 июня

Совместный приказ Наркома обороны и Наркома внутренних дел с обещанием освобождения от уголовной ответственности лиц командного и рядового состава РККА, причастных к контрреволюционной деятельности и добровольно явившихся с повинной.

23—29 июня

Пленум ЦК ВКП(б); доклад наркома внутренних дел СССР Н.И.Ежова о заговоре, существующем во всех звеньях партии и государства.

28 июня

По записке секретаря Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р.И.Эйхе о вскрытой в крае контрреволюционной повстанческой организации среди высланных кулаков Политбюро принимает постановление о создании «для ускоренного рассмотрения дел» в ЗСК «тройки». В состав тройки входят начальник Управления НКВД Миронов (председатель), секретарь крайкома Эйхе и краевой прокурор Барков. Тройка по ЗСК — первый из внесудебных органов 1937—38 годов, обладавший правом приговаривать к расстрелу.

2 июля

Политбюро принимает Постановление «Об антисоветских элементах» и 3 июля направляет его телеграммами секретарям региональных парторганизаций. В директиве, подписанной Сталиным и Молотовым, говорилось: «ЦК ВКП(б) предлагает всем секретарям областных и краевых организаций и всем областным, краевым и республиканским представителям НКВД взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке админис-

тративного проведения их дел через тройки, а остальные менее активные, но все же враждебные элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД. ЦК ВКП(б) предлагает в пятидневный срок представить в ЦК состав троек, а также количество подлежащих расстрелу, равно как и количество подлежащих высылке». Этой телеграммой началась подготовка так называемой «кулацкой операции».

5 июля

Постановление Политбюро «О женах осужденных изменников родины», согласно которому «все жены изобличенных изменников родины право-троцкистских шпионов подлежат заключению в лагеря не менее, как на 5—8 лет», а дети — помещению в детские дома и закрытые интернаты.

7 июля

Прокуратура СССР специальным циркуляром предписывает «обеспечить, чтобы хулиганские действия, сопровождавшиеся или конкретно выраженные в контрреволюционных либо шовинистических выпадах» квалифицировались по ст. 58—10 (антисоветская пропаганда), либо по ст. 59—7 (пропаганда, направленная «к возбуждению национальной или религиозной вражды») УК РСФСР (т.е. были приравнены к государственным преступлениям).

14 июля

Открытие канала Москва—Волга (ныне — Канал им. Москвы), длиной 128 км, построенного силами заключенных. К этому моменту были арестованы несколько сот заключенных и вольнонаемных, работавших на строительстве, 218 из них были расстреляны по обвинению в заговоре с целью покушения на Сталина и Ежова в момент их приезда на торжественное открытие канала.

20 июля

Постановление Политбюро с требованием немедленного издания приказа НКВД «об аресте всех немцев, работающих на оборонных заводах и высылке части арестованных за границу».

20 июля

НКВД издает указание «приступить к организации детального учета работающих на жел. дор. транспорте поляков, перебежчиков,

политэмигрантов и политобмененных из Польши, военнопленных польской армии, бывших польских легионеров, бывших членов польских антисоветских партий, как ППС и других, независимо от того, имеются на них компрматериалы или нет». Начало интенсивной подготовки «польской операции».

24 июля

Директива НКВД СССР о мерах предотвращения бактериологических диверсий. «Наряду с подготовкой бактериологической войны, посредством сбрасывания с самолетов бактериальных бомб, распыления бактерий с самолетов, распространения эпидемических заболеваний при помощи специальных летательных приборов и т.п. разведывательные органы генеральных штабов главное внимание обращают на организацию актов бактериальных диверсий и массовый террор, частью через специально засылаемую агентуру и в особенности через агентуру, вербуемую на месте в СССР». Приказано начать аресты лиц «из числа иностранных подданных, бывших иностранцев, принявших советское гражданство, лиц, связанных с заграницей», и активных антисоветских элементов, работавших на водопроводных и бактериологических станциях, в научно-исследовательских институтах и лабораториях, занимающихся микробиологией.

25 июля

Оперативный приказ НКВД СССР № 00439 «Об операции по репрессированию германских подданных, подозревавшихся в шпионаже против СССР» (в первую очередь имелись в виду работавшие на оборонных заводах и на транспорте). Аресты начались 29 июля. С осени операция постепенно стала распространяться на некоторые категории советских немцев и других граждан, обвиняемых в связях с Германией и шпионаже в ее пользу. Тогда же для осуждения стал использоваться «альбомный порядок» (см. 11 августа). По «немецкой операции» в течение 1937—1938 года было осуждено 55 005 человек, из которых 41 898 приговорены к расстрелу.

27 июля

Директива ГУГБ НКВД о выявлении и аресте участников военного заговора в разведорганах РККА.

31 июля

Оперативный приказ НКВД № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» утверждается в Политбюро ЦК ВКП(б). Одновременно утверждаются сроки «кулацкой операции» и ассигнования на ее проведение, а также принимается решение об организации шести новых лесозаготовительных ИТЛ, куда должны направляться осужденные по этой операции. Приказ определял контингенты, подлежащие репрессии: быв. кулаки, оставшиеся в деревне или осевшие в городах, быв. члены соц. партий, священство, «бывшие белые» и т.д., а также «уголовники», т.е. люди, ранее судимые по общеуголовным статьям УК. В отношении «наиболее активных а/с элементов» операция должна была проводиться также в тюрьмах, лагерях, трудпоселках. Приказ устанавливал количественные «лимиты» по первой (расстрел) и второй (заключение в лагерь) категориям для каждого региона СССР, а также фиксировал персональный состав «троек», выносящих приговоры (нач. УНКВД, секретарь обкома, обл. прокурор). Приговоры выносились заочно, т.е. без вызова обвиняемого, а также без участия защиты и обвинения, обжалованию приговоры не подлежали. Специально указывалось, что приговоры к расстрелу должны приводиться в исполнение «с обязательным полным сохранением в тайне времени и места приведения». Согласно приказу, операция должны была продлиться 4 месяца, за это время было намечено осудить к расстрелу 75 950 человек, заключить в лагерь — 193 000 человек (всего 268 950 человек). Сроки операции неоднократно продлевались, регионам предоставлялись новые дополнительные «лимиты». Всего в ходе «кулацкой операции», в основном завершенной к весне—лету 1938 года, было осуждено не менее 818 тысяч человек, из которых расстреляно не менее 436 тысяч человек.

Июль

Указание Политбюро, разрешающее применять физические методы воздействия при допросах в ходе следствия по к.—р. преступлениям. В официальном порядке директива о применении пыток, по всей видимости, не рассылалась, и в архивах не обнаружена. Содержание ее восстанавливается по телеграмме ЦК ВКП(б) от 10.01.1939, ограничивающей применение пыток, и по дискуссии на июньском пленуме ЦК КПСС 1957 года. Возможно, Сталин устно сообщил содержание директивы Ежову, который передал его руководящему составу

НКВД—УНКВД в ходе совещания 16—20 июля (практически поголовные избиения на допросах фиксируются с конца июля — начала августа 1937).

1 августа

Постановление СНК и ЦК ВКП(б) о борьбе с вредительством в области хлебозаготовок.

3 августа

Директива ЦК ВКП(б) об организации «в каждой области по районам 2—3 открытых судебных процессов над врагами народа — вредителями сельского хозяйства». Предписывается «широко освещать ход судебных процессов в местной печати».

5 августа

Начало «кулацкой операции». Массовые аресты тех, кто был намечен к осуждению по 1-й категории.

5 августа

Директива НКВД о проведении операции по приказу № 00447 в ГУЛАГе: установление лимитов (только по 1-й категории) для лагерей. Осуждение заключенных не предполагало нового следствия, приговоры выносились тройками на основании справок лагерной администрации.

7 августа

Указание Вышинского прокурорам республик, краев, областей, что в ходе реализации приказа № 00447 предварительной санкции прокурора на арест не требуется.

11 августа

Оперативный приказ НКВД СССР № 00485 «О ликвидации польских диверсионно-шпионских групп и организаций ПОВ [Польской военной организации]» (его проект утвержден Политбюро 9 августа). Репрессированию подлежали, в частности, «быв. военнопленные польской армии, перебежчики из Польши, политэмигранты и политобменянные из Польши, бывшие члены ППС [Польской социалистической партии] и других польских политических партий». Одновременно предписывалось прекратить освобождение по концу

срока из лагерей всех, подозреваемых в шпионаже в пользу Польши, дела их передавать на Особое совещание. Наиболее жестким репрессиям подверглись представители польской диаспоры, работавшие в военно-стратегических отраслях (транспорт, связь, оборонная промышленность, армия, органы безопасности, и т.п.), а также польские культурные сообщества. Приказ создавал особый внесудебный орган — «двойку» (Комиссию Наркома внутренних дел СССР и Прокурора СССР) и «альбомный» порядок оформления дел (рассмотрение дел производилось заочно, по спискам, сшитым в «альбомы»). Этот механизм применялся при проведении всех «национальных операций». По «польской операции» в течение 1937—1938 года было осуждено 139 815 человек, из которых 111 071 приговорены к расстрелу.

15 августа

Оперативный приказ НКВД СССР № 00486 о репрессировании «жен изменников Родины, членов правотроцкистских шпионско-диверсионных организаций, осужденных Военной коллегией и военными трибуналами по первой и второй категории, начиная с 1-го августа 1936 года». Устанавливался порядок ареста и осуждения Особым совещанием при НКВД на 5—8 лет женщин — ЧСИР («членов семей изменников родины») и помещения их детей в детские дома и ясли. Дети старше 15 лет, признанные «социально-опасными», подлежали аресту. Всего по этой операции было арестовано более 18 тысяч жен и «изъято» более 25 тысяч детей.

16 августа

Организованы новые лесные лагеря ГУЛАГа НКВД: Ивдельский, Каргопольский, Кулойский, Локчимский, Тайшетский, Томско-Асинский и Устьвымский ИТЛ, куда должны направляться, в основном, заключенные, осужденные по приказу 00447 (2-я категория).

17 августа

Директива НКВД о распространении действия приказа № 00485 от 11 августа о «польском шпионаже» на Молдавскую АССР в отношении «румынских шпионов». Аресту подлежали, в первую очередь, перебежчики и эмигранты из Румынии. Вскоре «румынская операция» была распространена на всю территорию Украины, а затем и на другие регионы СССР. Всего в рамках операции было осуждено 8 292 человек, из них к ВМН — 5 439 человек.

22 августа

Циркуляр НКВД СССР «Об иностранцах». Исходя из утверждения, что «подавляющее количество иностранцев, живущих в СССР, является организующим началом шпионажа и диверсии», предписывается прекратить продление видов на жительство гражданам Германии, Польши, Японии и ряда других стран.

29 августа

Циркуляр ГУГБ НКВД СССР «Об оперативных мероприятиях по борьбе с отравлениями и бактериологической диверсией в частях РККА». Предписывается дела об отравлениях красноармейцев вести «в особо ударном порядке, добиваясь обязательного вскрытия организаторов и активных участников отравлений — заговорщиков, шпионов, диверсантов», а также «решительно очистить и укрепить агентуру во всех звеньях пищевого блока и санитарной службы (продскладах, столовых, кухнях, пекарнях, лабораториях, аптеках, водокачках и т.п.).

4 сентября

На Украине и в ряде других регионов СССР началась вторая стадия «кулацкой операции» — аресты по 2-й категории (подлежащие заключению в лагеря).

5 сентября

Политбюро расширяет права Особого совещания при НКВД СССР, разрешив приговаривать перебежчиков из Польши, членов Польской социалистической партии и др. по делам об антисоветской деятельности к 10 годам тюрьмы.

10 сентября

Телеграмма СНК СССР и ЦК ВКП(б) (в развитие телеграммы от 31 августа) во все регионы Союза, обязывающая «устроить по области, краю от двух до трех показательных судов над вредителями по хранению зерна, приговорить виновных к расстрелу, расстрелять их и опубликовать об этом в местной печати».

14 сентября

Постановление ЦИК СССР (повторяющее решение Политбюро от 11 сентября, принятое по предложению Вышинского) «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союз-

ных республик»: «1. По делам о контрреволюционном вредительстве и диверсиях обвинительное заключение вручать обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дел в суде. 2. Кассационного обжалования по делам о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58—7 УК РСФСР (вредительство) и 58—9 УК РСФСР (диверсия) и соответствующими ст.ст. УК других союзных республик — не допускать. 3. Приговора о высшей мере наказания (расстреле) приводить в исполнение немедленно по отклонении ходатайств о помиловании».

20 сентября

Оперативный приказ НКВД № 00593 «О мероприятиях в связи с террористической, диверсионной и шпионской деятельностью японской агентуры из так называемых харбинцев» (проект утвержден Политбюро 19.09). Репрессировались «бывшие служащие Китайско-Восточной ж.д. и реэмигранты из Манчжоу-го, осевшие на железнодорожном транспорте и в промышленности Союза». В проведении «харбинской операции» использовались те же механизмы, что и при проведении польской и других национальных операций. По «харбинской линии» в течение 1937—1938 года было осуждено 46 317 человек, из которых 30 992 приговорены к расстрелу.

28 сентября

Постановление СНК СССР «О выселении корейцев с территории Дальневосточного края». Депортации подлежали корейцы со всей территории ДВК (а не только из пограничных районов, как предполагалось постановлением от 21 августа). Формальная цель переселения — «пресечение проникновения японского шпионажа в Дальневосточный край». На основании этого постановления также подвергались арестам и депортации корейцы, проживавшие в других регионах СССР. К концу октября из ДВК в Среднюю Азию и Казахстан было вывезено 36 442 семьи, насчитывающие 171 781 человек. Вместе с ними были вывезены из ДВК еще около 10 тысяч человек — китайцев, поляков, немцев, харбинских репатриантов и др.

2 октября

Постановление ЦИК СССР, вводящее в качестве меры наказания по делам о шпионаже, вредительстве и диверсионных актах лишение свободы на срок до 25 лет (ранее предельный срок заключения по УК — 10 лет).

2 октября

Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мерах борьбы с вредительством в животноводстве». Предлагается «организовать по каждой республике, краю и области от 3 до 6 открытых показательных процессов с широким привлечением крестьянских масс», «изобличенных во вредительстве приговаривать к расстрелу». В качестве вредителей назывались «как изобличенные ветеринары, зоотехники, лаборанты биофабрик, так и работники местных земельных и совхозных органов».

4 октября

Циркуляр ГУГБ НКВД об ужесточении надзора за арестованными в следственных тюрьмах в целях предотвращения самоубийств. «Некоторые работники ГУГБ забывают, что враг не прекращает своей борьбы и после ареста, прибегая нередко, в целях скрытия своей преступной деятельности, к самоубийству». «Имевшие место случаи самоудушения и самоповешения арестованных <...> и особенно выбрасывание из окон во время допроса — результат отсутствия элементарных предупредительных мер со стороны многих НКВД—УНКВД». Устанавливались более строгие правила проведения обысков, очки и пенсне выдавались только по требованию следователя, запрещалось иметь собственные (с воли) лекарства, затягивались сетками пролеты лестниц и т.д.

8 октября

Приказ Прокурора СССР Вышинского, ужесточающий наказание за «разговоры»: предложено «квалифицировать контрреволюционные выступления, содержащие одобрение террористических актов, а также высказывания террористических намерений в отношении вождей партии и Советского правительства по ст. 17 — 58—8 УК РСФСР» (т.е. как пособничество террору). Ранее такие высказывания квалифицировались по ст. 58—10 (контрреволюционная агитация).

10 октября

Директива НКВД СССР об освещении в печати фактов проявления бдительности трудящихся.

12 октября

На Пленуме ЦК ВКП(б) по предложению Сталина Н.И.Ежов избран кандидатом в члены Политбюро.

23 октября

Приказ НКВД СССР №00693 «Об операции по репрессированию перебежчиков — нарушителей госграницы СССР». Предписывается арест всех перебежчиков, «независимо от мотивов и обстоятельств перехода на нашу территорию», осуждение их (в том числе и «оставшихся не разоблаченными как агенты иностранных разведок») к заключению в тюрьмы или лагеря.

28 октября

Приказ НКВД СССР № 00698 «О пресечении к.-р. шпионской, террористической, диверсионной деятельности личным составом посольств и консульств Германии, Японии, Италии и Польши». Предписывалось немедленно арестовать всех советских граждан, имеющих постоянные связи с иностранными консульствами и посольствами, ограничить контакты сов. граждан с иностранными представительствами.

[1 октября—5 ноября]

Директива НКВД, приказывающая «в ближайшие дни обеспечить оперативный разгром церковного и сектантского контрреволюционного актива, подвергнув аресту всех участников шпионских, повстанческих и террористических формирований, в том числе пытающихся вести подрывную работу в связи с выборами [в Верховный Совет СССР]».

3 ноября

Директива НКВД СССР о форсировании массовых операций («кулацкой», «национальных», против ЧСИР). Сроком их окончания определено 10 декабря 1937 года.

4 ноября

Директива ГУРКМ НКВД СССР о подготовке операции по преступным элементам среди кочующих цыган.

30 ноября

Директива НКВД СССР о проведении массовой репрессивной операции по линии «латвийского шпионажа». Операция проводилась в рамках «национальных операций». Репрессировались, в первую очередь, политэмигранты и перебежчики из Латвии, активисты латышских клубов и обществ (в т.ч. просветительских, латышских стрелков и др.) и т.д. По «латышской линии» в течение 1937—1938 года было осуждено 21 300 человек, из которых 16 575 приговорены к расстрелу.

11 декабря

Директива НКВД СССР о продлении всех массовых операций («кулацкой» и «национальных») до 01.01.1938.

11 декабря

Директива НКВД СССР о проведении массовой репрессивной операции среди греков. Арестованные обвинялись в шпионаже и националистической деятельности. Операция проводилась в рамках и методами «национальных операций». Основному удару подверглись греческие колонии на Юге России, в Закавказье и в Крыму. По «греческой линии» в течение 1937—1938 года было осуждено 12 557 человек, из которых 10 545 человек приговорены к расстрелу.

14 декабря

Директива НКВД СССР о репрессиях по «латвийской линии» (30.11) распространена на «перебежчиков финнов, эстонцев, литовцев, болгар». Фактически аресты по эстонской и финской «линиям» начались еще в сентябре. В 1937—38 годах по «эстонской линии» было осуждено 9 735 чел., из них к расстрелу 7 998 человек, по «финской линии» осуждено 11 066 человек, из них к расстрелу 9 078 человек.

17 декабря

Директива НКВД о рассмотрении дел о побегах заключенных из лагерей на «тройках», о расстреле всех беглецов и об объявлении приговоров приказами по лагерям.

20 декабря

Торжественное заседание Московского актива в честь 20-летия ВЧК—НКВД в Большом театре. От Политбюро с приветствием выступил А.И.Микоян («У нас каждый трудящийся — наркомвнутделец», «Славно поработал НКВД за это время» и т.п.). Ежов в юбилейном специальном приказе по НКВД заверил партию и Сталина, что «наркомвнудел будет наносить врагам советского народа еще более меткие, еще более сокрушительные удары».

22 декабря

Директива НКВД о репрессиях среди китайцев на Дальнем Востоке. Приказано немедленно арестовать всех китайцев, «проявляющих провокационные действия или террористические намерения».

26 декабря

Директива НКВД с требованием «решительности и беспощадности» в проведении «национальных операций». Указание проводить дополнительные аресты вне зависимости от объявленных сроков окончания операций.

1938

7 января

Указание ГУГБ о контроле переписки военнослужащих: «За последнее время в адреса военнослужащих РККА идет значительное количество документов, принявших массовый характер, в которых сообщается о репрессиях (аресты, высылки, и т.д.), применяемых к врагам народа. <...> Все воинские документы такого содержания задерживать и направлять в распоряжение 5 отделов УГБ».

14 января

Директива НКВД СССР о продлении работы «троек» до особого распоряжения.

14 января

Директива Прокурора СССР о фактах неправильного увольнения с работы родственников репрессированных «лишь по мотивам родственной связи с арестованными» (Решение Политбюро об этом — 9 января). Запрещение записывать в трудовые книжки в качестве причины увольнения «за связь с врагом народа» и т.п.

15 января

Указание ГУЛАГ НКВД СССР о лишении зачетов рабочих дней и запрещении производить зачеты впредь почти всем категориям осужденных по политическим обвинениям (25.08.1938 на заседании Президиума Верховного Совета СССР Сталин предложил вообще отменить практику условно-досрочного освобождения заключенных; 19.04.1939 это предложение было оформлено приказом НКВД).

18 января

Директивы НКВД СССР об «исчерпывающей ликвидации эсеровского подполья» (в особенности бывших эсеров, вступивших в компартию) и о чистке эсеров в армии. Во исполнение этих распоряжений в течение одной недели (до 25.01.1938) по Союзу было арестовано около 12 тысяч человек.

21 января.

Циркуляр ГУГБ НКВД с запрещением администрации тюрем ГУГБ разрешать свидания и передачи заключенным, выдавать справки о нахождении заключенного в данной тюрьме, вступать в переговоры и переписку с родственниками осужденных.

31 января

Постановление Политбюро о продолжении «кулацкой операции» и дополнительных лимитах для 22 регионов (57 200 человек, из них 48 000 по 1-й категории). Срок окончания операции в этих регионах — 15.03—01.04.1938. Остальные регионы должны закончить операцию 15.02.1938. 1 февраля соответствующие директивы издает НКВД.

31 января

Постановление Политбюро о продлении до 15.04.1938 операции «по разгрому шпионско-диверсионных контингентов из поляков, латышей, немцев, эстонцев, финн, греков, иранцев, харбинцев, китайцев и румын» с оставлением «существующего внесудебного порядка рассмотрения дел»; указание провести «аналогичную операцию» в отношении болгар и македонцев. 1 февраля издана соответствующая директива НКВД.

31 января

Постановление Политбюро «О перебежчиках» с ужесточением карательных санкций по отношению к ним. Для перебежчиков на территорию СССР, чьи «преступные намерения» будут установлены — расстрелы по приговорам военных трибуналов, для остальных — 10 лет тюрьмы по решению ОСО.

5 февраля

Открыта вторая очередь лесных лагерей ГУЛАГа НКВД СССР: Вятский, Красноярский, Онежский, Северо-Уральский, Унженский, и Усольский ИТЛ.

11 февраля

Приказ НКВД СССР №0051 с повторным (см. 11 августа 1937 г.) запрещением освобождать из лагерей осужденных «по признакам польского шпионажа» и перебежчиков из Польши, закончивших срок. За два месяца до освобождения предоставлять на них материалы в Особое совещание при НКВД.

14 февраля

Директива НКВД СССР об усилении работы по меньшевикам и анархистам. «Следствие по этим делам вести с задачей установления организационных связей <...> с правыми и троцкистами и иностранными разведками». Особое внимание приказано обратить на меньшевиков и анархистов, вступивших в ВКП(б).

17 февраля

Постановление Политбюро о дополнительном лимите по «кулацкой операции» для Украины — 30 тысяч человек.

23 февраля

Директива НКВД СССР об использовании наклейки фото на паспортах для выявления лиц, подлежащих репрессии (фотокарточки на паспортах были введены 23.10.1937 Постановлением ЦИК СССР и СНК СССР). В качестве примера для подражания фигурировала Белоруссия: «Специально проинструктировав работников милиции, проводящих наклейку фотографий на паспорта и прикрепив работников УГБ для конкретной помощи аппарату милиции, НКВД БССР только по 20 промпредприятиям гор. Минска выявил скрывавшихся перебежчиков — 122, т.н. политэмигрантов — 17, лиц иностранного происхождения (немцев, румын, харбинцев и пр.) — 644».

2—13 марта

Третий открытый политический процесс в Москве по делу об «Антисоветском правотроцкистском блоке». Н.И.Бухарин, А.И.Рыков, Н.Н.Крестинский, Г.Х.Раковский, А.И.Икрамов, Г.Г.Ягода и другие обвинялись в убийстве С.М.Кирова, отравлении В.В.Куйбышева и М.Горького, заговоре против В.И.Ленина и И.В.Сталина, в организации промышленного саботажа, диверсий, в заговоре с целью расчленения СССР и т.д. Председатель суда В.В.Ульрих, гос. обвинитель А.Я.Вышинский. 17 обвиняемым вынесен смертный приговор (расстреляны 15 марта).

8 апреля

Н.И.Ежов назначен по совместительству наркомом водного транспорта.

24 апреля

Директива НКВД СССР об арестах лиц, подозреваемых в террористически-диверсионных намерениях, усилении агентурного наблюдения за родственниками репрессированных (прежде всего, за детьми старше 15 лет), и охране партийных и советских руководителей в связи с первомайскими торжествами.

21 мая

Приказ НКВД СССР «О работе троек с объявлением инструкции тройкам НКВД по рассмотрению дел об уголовных и деклассированных элементах и о злостных нарушителях положения о паспортах». Приказ регламентировал деятельность так называемых «милицейских троек» (не путать с «особыми» или «судебными» тройками по приказу 00447), которые с 1935 года имели право в административном порядке приговаривать к высылке или к 3—5-летним срокам заключения в лагерь лиц, принадлежавших к «социально-вредным» или «социально-опасным» элементам (т. е. людей, не занятых «общественно-полезным трудом», нарушителей паспортного режима, и т.п.). Согласно приказу от 21.05.37 в ведение «милицейских троек» попадали и другие категории правонарушителей — например, скупщики краденого, хулиганы и воры-рецидивисты, конкретную вину которых уже не надо было доказывать в суде. За период 1937—1938 года эти тройки, действующие в каждом регионе, приговорили к различным мерам наказания не менее 400 тысяч человек.

24 июня

Директива Наркомата Обороны об увольнении из армии военнослужащих «немцев, латышей, поляков, эстонцев, литовцев, финнов, румын, корейцев и других национальностей, не относящихся к народам СССР» (в первую очередь увольнению подлежали все родившиеся или проживавшие за границей, а также имеющие там родственников). Все уволенные проверялись органами безопасности и многие из них подверглись репрессиям.

6—12 июля

Серия директив ГУГБ НКВД об усилении репрессий в Дальневосточном крае. Приказано «в 7-ми дневный срок подготовить массовую операцию по изъятию участников белогвардейского повстанческого подполья, бывших белых офицеров, бывших активных участников белых армий и различных антисоветских банд, <...> антисоветских элементов из бывших партизан, антисоветского актива, церковников и сектантов, всех шпионов и подозрительных по шпионажу немцев, поляков, корейцев, латышей, финнов, эстонцев, греков, иранцев, харбинцев». Для ускорения процедур осуждения Ежов дает разрешение командированному в ДВК Фриновскому рассматривать вместе с прокурором края «альбомы» по «национальным операциям», выносить приговоры на правах ОСО по делам об арестованных женах «врагов народа» и другому «антисоветскому элементу», инициирует работу в ДВК Выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР.

22 августа

Первым заместителем Наркома внутренних дел СССР вместо М.П.Фриновского назначен Л.П.Берия (Фриновский назначен наркомом ВМФ СССР).

27 августа

Циркуляр НКВД «О порядке регистрации односторонних разводов между супругами, из которых одна сторона находится в заключении» (разрешено одностороннее расторжение брака по желанию супруга, оставшегося на воле).

9—19 сентября

Публикация в «Правде» «Краткого курса истории ВКП(б)», написанного под редакцией и при участии И.В.Сталина. 1 октября — издан отдельной книгой.

15 сентября

Постановление Политбюро о передаче «оставшихся нерассмотренных следственных дел на арестованных по к.-р. национальным контингентам» «на рассмотрение Особых троек на местах»; о предоставлении права особым тройкам выносить приговоры по 1-й 2-й категориям, «а также возвращать дела на доследование и выносить решения об освобождении обвиняемых»; о приведении решений «особых троек по первой категории <...> в исполнение немедленно». В состав особых троек входят по должности нач. УНКВД, 1-й секретарь обкома/крайкома, прокурор. Персональный состав троек Политбюро не утверждало. Тройки рассматривают дела на арестованных до 1 августа 1938 года по «национальным линиям» и должны закончить свою работу в двухмесячный срок.

17 сентября

Приказ НКВД СССР № 00606 об образовании Особых Троек для рассмотрения дел на арестованных в порядке приказов НКВД СССР № 00485 и других («национальные контингенты»). Рассмотрение дел на Особых тройках заменило «альбомный порядок», установленный в августе 1937 года.

29 сентября

Директива НКВД СССР об укреплении режима в трудпоселках, которые «превратились в очаги контрреволюции». Приказано провести «необходимые мероприятия по разгрому контрреволюционного подполья в трудпоселках».

8 октября

Решение Политбюро о создании комиссии (Ежов, Вышинский, Берия и др.) для разработки проекта «постановления ЦК, СНК и НКВД о новой установке по вопросу об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» (симптом близкого прекращения массовых операций).

14 ноября

Директива ЦК ВКП(б) об учете и проверке в партийных органах ответственных сотрудников НКВД СССР. «В результате этой проверки органы НКВД должны быть очищены от всех враждебных людей, обманным путем проникших в органы НКВД, от лиц не заслуживающих политического доверия».

17 ноября

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» (утверждено Политбюро 15 ноября). Прекращается деятельность всех чрезвычайных судебных органов, запрещается производство массовых операций, аресты раз-

решается производить только с санкции суда или прокурора. Восстанавливается ранее существовавший порядок согласования арестов с заинтересованными ведомствами и партийными органами.

25 ноября

Н.И.Ежова на должности наркома внутренних дел СССР сменяет Л.П.Берия.

26 ноября

Приказ НКВД СССР № 00762 в развитие Постановления от 17 ноября. Отменяются все оперативные приказы и директивы о проведении массовых операций; все следственные дела, находящиеся в производстве, передаются в судебные органы и Особое совещание; декларируется возвращение «к нормам социалистической законности».

1 декабря

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О порядке согласования арестов», заменяющее прежнее. 8 декабря соответствующая директива разослана по органам НКВД.

22 декабря

Директива НКВД СССР считать утратившими силу все приговоры внесудебных органов (тройки, двойка, Особое совещание), если они не были приведены в исполнение или не были объявлены осужденным до 17 ноября.

28 декабря

Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле» установило административные взыскания за опоздания на работу и прогулы.

10 января 1939 года

Телеграмма Сталина всем региональным руководителям ВКП(б) и НКВД о применении пыток: «ЦК ВКП стало известно, что секретари обкомов — крайкомов, проверяя работников УНКВД, ставят им в вину применение физического воздействия к арестованным, как нечто преступное. ЦК ВКП разъясняет, что применение физического

воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП. <...> ЦК ВКП считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружающихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод».

Статистические итоги «Большого террора»
Октябрь 1936—ноябрь 1938
По делам, которые вели органы госбезопасности (органы ГУГБ НКВД)

Арестовано — не менее 1 710 тысяч человек.

Осуждено — не менее 1 440 тысяч человек.

В том числе приговорено к расстрелу — не менее 725 тысяч человек.

Из них:

- «Тройками» по «кулацкой операции» — не менее 436 тысяч человек.
- Комиссией Наркома Внутренних дел СССР и Прокурора СССР («двойками») до сентября 1938 года и «особыми тройками» в сентябре-ноябре 1938 года по «национальным операциям» — не менее 247 тысяч человек.
- Военной коллегией Верховного суда СССР, Спецколлегиями областных судов, военными трибуналами — не менее 41 тысячи человек.

Кроме того за тот же период:

- Осуждено «милицейскими тройками» как «социально вредный элемент» (СВЭ) — не менее 400 тысяч человек.
- Подвергнуто высылкам и депортациям в административном порядке — не менее 200 тысяч человек.
- Осуждено судами общей юрисдикции по общеуголовным обвинениям — не менее 2 миллионов человек, из них в лагеря отправлено не менее 800 тысяч человек.

Сост. Н.Г.Охотин, А.Б.Рогинский

(Опубликовано в №74 газеты «30 Октября». Печатается с сокращениями)

«Совсем по-другому я теперь смотрю на историю...»

Послесловие составителя

Представляемый читателям очередной[1] сборник работ школьников, присланных на исторический конкурс «Человек в истории. Россия 20 век», который ежегодно, с 1999 года, проводит общество Мемориал, посвящен трагической дате в российской истории 20 века: годовщине Большого террора 1937-1938 годов.

Никакой специальной номинации по этой теме не объявлялось, и это сделали организаторами конкурса совершенно сознательно[2]. Нам важно было показать (и за 8 лет существования конкурса мы даже не сотни, а тысячи раз имели возможность в этом убедиться), что тема репрессий, описание арестов, высылки, депортаций, возникает без всяких специальных призывов, сама собой, когда школьники рассказывают истории своих семей, описывают судьбы разных людей, живших в России в 20-50-е годы прошлого века.

И это их собственный, хоть и не всегда осознанный, ответ тем, кто сегодня пытается снова внушить обществу, что подростки не поймут трагизма нашего прошлого, что, узнав правду о нем, вырастут антипатриотами, что им нужна специально сконструированная *счастливая* и не отягощенная призраками прошлого идентичность.

Это очень *весомый* ответ, поскольку сегодняшние школьники, несомненно, становятся не только свидетелями того, что происходит с памятью о репрессиях, о Гулаге в российском обществе, но и жертвами интенсивного процесса новой мифологизации и инструментализации советского прошлого, и, прежде всего, сталинского периода. Такие процессы приносят свои плоды: все данные социологических опросов, проведенных в последние годы, показывают неуклонный

[1] Это десятый сборник работ победителей конкурса опубликованный Мемориалом.

[2] В отличие от нашей обычной практики, как так это было, например, в конкурсе 2004-2005 года, когда главной номинацией стала тема « Цена победы».

рост «рейтинга» Сталина, на фоне других фигур российской истории. И среди тех, кто оценивает деятельность Сталина положительно, к сожалению, все больше молодых.

* * *

Прежде всего, надо отдать себе отчет в том, что сталинская эпоха для сегодняшних молодых *очень* давнее прошлое. Это порою трудно представить себе людям, чьей жизненной целью было- сделать все, чтобы российское общество узнало правду о прошлом; убежденных в том, что, узнав эту правду, наше общество навсегда *простится* с этим прошлым.

Однако процесс преодоления оказался гораздо труднее и мучительнее, чем это представлялось в конце 80-х —начале 90-х годов, когда появились на свет нынешние 15-18-летние. Что могли они знать о сталинской эпохе, и о долгой и мучительной борьбе за историческую правду, которая предшествовала их рождению? К тому же их родители, их близкие, занятые в эти годы трудным процессом врастания в новую жизнь, да и просто выживанием, слишком часто погружали их в неотрефлексированную ностальгию, задним числом окрашивая минувшую эпоху в светлые тона. А пока они росли, наше прошлое снова все больше и больше становилось предметом общественной борьбы.

С чем же сталкиваются они сегодня в пространстве культурной и коллективной *памяти* о политических репрессиях и терроре? Для понимания этого присылаемые ежегодно тысячи работ на конкурс « Человек в истории» вот уже в течение восьми лет служат для нас хорошим барометром.

* * *

Для родителей нынешних старшеклассников и студентов, и фактически уже для их бабушек и дедушек — главными носителями памяти о репрессиях были живые свидетели, люди, пережившие ГУЛАГ. Эта память жила в тайных, запретных комнатах прошлого, жила не только в кухонной и семейной истории, но и в молчании, в сокрытии правды, и может быть, еще и поэтому вызывала такой интерес.

Каждый, кто серьезно изучал лагерную мемуаристику, или записывал биографические интервью, знает, какими противоречивыми, односторонними и полными мифов бывают рассказы очевидца. (Можно вспомнить, как скептически относился к «сложению» разных памятей,

Варлам Шаламов, который был убежден в том, что это не может дать истинной картины ГУЛАГа). И все- таки именно живая память была главным источником знания о репрессиях в 50-80-х годах 20-го века.

Но у нынешних молодых такого непосредственного источника фактически больше нет. Сегодня беседа с живым очевидцем для них большая удача (об этом свидетельствуют многие работы нашего исторического конкурса). Тут у них еще меньше шансов на встречу, чем с военными ветеранами. Уходят и самые последние сталинские жертвы — те, кто оказался в лагерях уже в послевоенные годы. Да и где нашим подросткам их найти — если таких людей уже нет в собственной семье? Встречи с ними сегодня очень редко устраиваются в школах, и старшеклассники едва ли попадают на мероприятия, где они могли бы познакомиться с жертвами политических репрессий.

Сегодня их главные свидетели — это те, кто в 30-40-е годы сами были детьми, или, в лучшем случае, уже школьниками; дети репрессированных, пережившие травму ареста и расставания с родителями, помещенные НКВД в детские дома или передававшиеся с рук на руки родственникам, росшие с клеймом « сын» или «дочь врага народа»[1]. Именно эти люди (как можно судить и по работам, помещенным в этот сборник) являются сегодня главными носителями коллективной памяти о репрессиях. Безусловно, их рассказы, если они способны поделиться этим опытом, действуют на подростков, особенно на семейном уровне:

Из рассказов моих родственников, документальных свидетельств я узнала о тех страшных событиях, которые пришлось пережить всем советским людям, в том числе и моим родственникам. Я хотела понять причины тех трагических событий, которые «сделали» моих родственников «врагами народа», одного лишили жизни, а других превратили в изгоев. Страшно подумать, что ещё два десятилетия назад об этом нельзя было ни говорить, ни тем более, *разбираться в причинах. Моя бабушка говорит, что в семьях, в которых были репрессированные, старались долгое время не упоминать о них. Информацию о них скрывали, словно хотели вычеркнуть их из памяти*[2].

Кроме того, это рассказы бывших *детей*, тогдашних ровесников нынешних подростков, и их детский опыт вызывает у них особый интерес.

[1] По принятым по инициативе общества «Мемориал» российским законам эти люди также считаются официально жертвами политических репрессий.

[2] Здесь и ниже выделенные курсивом цитаты из работ, публикуемых в этом сборникею

Однако, свидетельства детей «врагов народа» — это лишь сегмент памяти о репрессиях, в нем нет непосредственной информации о механизме террора, нет и реального лагерного опыта. Их опыт, их травма другого рода. Эти люди с самого раннего детства жили с раздвоенным сознанием. Многие, продолжая верить в невиновность своих родителей, были вынуждены всячески доказывать свою лояльность и преданность режиму, и сами постоянно испытывали страх перед возможными репрессиями. Тяжелая травма приспособленчества и двоемыслия, переносилась и в той или иной форме на последующие поколения. Мы видим, как этот травматический опыт передается и нынешним молодым, — например, в виде фразы, которая цитируется во многих сочинениях, поскольку эти люди повторяют ее в разговорах со школьниками: едва ли не все заверяют, что, несмотря ни на что, «не озлобились», не стали противниками советской власти, в свое время вступили в коммунистическую партию, сделали советскую карьеру. И поэтому едва ли не самое трудное для сегодняшних подростков — понять, как же все это совмещалось в сознании людей, как включались механизмы вытеснения, как загонялись вглубь полученные в детстве глубочайшие травмы?

* * *

С уходом живых свидетелей сталинских репрессий, с постепенным исчезновением *коллективной* памяти, становится ясно, что сегодняшних молодых фактически уже окружает пространство *истории*, а не живой *памяти*.

Что остается им в виде этой истории, существующей в формах *культурной* памяти о политических репрессиях, о Большом терроре? Это пространство, которое в конце 80-х- начале 90-х обещало стать пространством общенациональной памяти, за прошедшиеи пятнадцать- семнадцать лет не только не сделалось таковым, но и явно все больше сужается.

И все же, что из этой культурной памяти реально доступно нынешним подросткам?

Это, прежде всего, художественная литература, включенная в школьные программы и предназначенная для обязательного чтения. Но на фоне постоянного сокращения школьных часов, отведенных на литературу, сокращается и список произведений, посвященных репрессиям. Фактически в программе оставлены лишь «Один день Ива-

на Денисовича» Солженицына и «Реквием» Ахматовой. Выведены из списков для обязательного чтения и «Доктор Живаго» Пастернака, и «Жизнь и судьба» Гроссмана, и «Колымские рассказы» Шаламова.

Судя по тем цитатам, которые используют в своих сочинениях школьники, которые они берут в эпиграфы, — в их памяти в основном задерживаются строки «Реквиема» Ахматова, которые они цитируют чаще всего, иногда и без ссылок на автора.[1].

Все остальное — опубликованные в эти годы многочисленные лагерные мемуары, и тем более историография по теме ГУЛАГа, читается лишь теми, кто специально интересуется этой темой, а их, естественным образом, становится все меньше. Как правило, даже студенты гуманитарных факультетов не могут одолеть «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына, не знают лагерной мемуаристики, которую когда-то в самиздате читали их родители. Мимо них проходит и главное достижение историков за минувшие годы — опубликованные сборники рассекреченных архивных документов, раскрывающих механизм репрессий.

И что отнюдь немаловажно — в процессе новой ревизии нашего прошлого книжные магазины наводнены разного рода литературой и квази-исторической, и псевдо-популярной, в которой осуществляется явная и неявная реабилитация сталинского режима, самого Сталина, его соратников, и, прежде всего, органов госбезопасности. Разобраться молодым читателям в этом мутном глянцевом море очень трудно.(Примеры выжимок из такого рода литературы и текстов, взятых из неотфильтрованного интернета мы, к сожалению, все чаще встречаем сегодня и в работах присылаемых на наш конкурс).

В школьной программе по истории углубленному изучению террора и политических репрессий также фактически нет места, разумеется, нет и специального пособия на эту тему:

Начиная эту работу, я мало что знал о Вятлаге. Знал лишь, что это был один из сталинских лагерей, в котором в конце 1930-1950 гг. содержалось большое количество заключенных, многие из которых были осуждены по политическим статьям. Но мои одноклассники и даже учителя знали еще меньше: большинство не знали совсем, а некоторые говорили: «Вятлаг — это какая то постройка»,

[1] Надо признать, что некоторую положительную роль играют появившиеся в последние годы телесериалы и по романам Булгакова и по «Доктору Живаго» и по роману А. Рыбакова «Дети Арбата» и по роману Солженицына « В круге пером» и совсем недавно по биографии и рассказам Варлама Шаламова. Однако школьники, как правило, не часто смотрят подобные экранизации.

«жилище», «ветеринарный лагерь» и другое. А ведь Вятлаг, Вятский лагерь, находился на территории нашей области, возможно, в семьях опрошенных были репрессированные родственники.

Наверное, это происходит потому, что в школьных учебниках о сталинских лагерях — один абзац.

* * *

Итак, мы видим, что через письменные и литературные источники, да и через школьные учебники, память о репрессиях передается все слабее. А что происходит у нас с *местами памяти* о преступлениях сталинизма, которые должны стимулировать интерес и внимание к этой теме? До сих пор в России нет *общенационального памятника,* нет музейного комплекса, который стал бы символом расчета с прошлым, и создание его в ближайшие годы представляется все менее реальным.

Конечно, за эти годы возникло много разного рода памятных знаков и закладных камней, посвященных памяти жертв политических репрессий. Они ставились, как правило, по общественной и даже частной инициативе отдельных граждан, иногда в длительной борьбе с местными властями, и в основном на местах массовых расстрелов или захоронений жертв. Но к этим памятникам ездят сегодня, в основном, дети погибших, и в очень редких случаях, в день памяти жертв политических репрессий — 30-го октября, отдельные учителя приводят туда и школьников. (Как показывает опыт нашего школьного конкурса, такого рода мероприятия , производят впечатление на подростков, и у них возникает желание узнать побольше и о репрессиях и о судьбах конкретных людей).

Но этот день все-таки не стал общенациональным днем памяти и скорби — в сильной степени потому, что российская власть и общество не стремятся сделать память о политических репрессиях фундаментом для строительства нового общества. Нет сегодня национальной программы сохранения и распространения этой памяти. Поэтому так мало мемориальных досок и памятников в городах и они почти отсутствуют в деревнях и поселках. А как мы убеждаемся при чтении школьных работ, если бы на сохранившихся домах были надписи: *в этом доме были арестованы....отправлены в ссылку.... депортированы такое- то количество людей, среди них детей...* — то это, несомненно, действовало бы и на подростков[1].

[1] Очень хороший пример установления местного памятника жертвам репрессий при активнейшем участии школьников — в деревне Новый Курлак Воронежской области, откуда каждый год приходят работы на наш конкурс.

Как показывают многие сочинения, именно желание не только узнать, но и своей работой увековечить память о человеке, у которого нет могилы, двигало многими молодыми авторами:

Проезжая по ул. Ленина, невольно обращаешь внимание на старинное здание с надписью «Николаевская аптека». Необычность здания, названия вызывают желание узнать об этой аптеке, о ее истории.

В процессе сбора информации мне удалось установить, что владельцами этой аптеки с момента ее появления были немцы. А последний ее хозяин В.Берман был репрессирован. Причем выяснилось, что такая же судьба была и у многих других немцев, проживавших в первой половине XX века в нашем городе. Эта тема глубоко заинтересовала меня. Мне как будущему историку важно было провести собственное историческое исследование, тем более что данная тема в нашей области недостаточно изучена. В основу моего исследования была положена трагическая история немецкой семьи — семьи бывшего владельца Николаевской аптеки В. Бермана. Свою работу я решила назвать строчкой из стихов поэта Николая Майорова «Им не воздвигли мраморной плиты». Многие репрессированные граждане погибли в тюрьмах и лагерях НКВД. Родственники погибших и пропавших без вести до сих пор не знают всю страшную правду об их судьбе, о месте их захоронения, где можно склонить голову в память о родных и близких.

В российских городах не водят экскурсий под условным названием «Топография террора», школьникам не показывают здания, где в сталинские годы были следственные тюрьмы, где размещались органы безопасности. Несомненно, такого рода экскурсии, мемориальные доски, на которых было бы написано количество арестованных и расстрелянных в этом месте людей, сыграли бы свою роль в формировании культурной памяти.

Очень мало школьных музеев, где собирались бы такие материалы о политических репрессиях о терроре.(В нашем конкурсе как раз есть очень удачные отдельные примеры такой работы, по собиранию свидетельств о судьбах репрессированных школьников и учителей).

Да и в настоящих краеведческих и исторических музеях, как правило, слабо представлена тема репрессий, даже в тех местах, где города возводились на местах лагерей руками заключенных.

Кроме того, многие экспозиции такого рода были созданы в начале 90-х годов, с тех пор не обновлялись и порою имеют доморощенный и несовременный вид. В эпоху огромных видео- и электронных возможностей для создания современных экспозиций и инсталляций, такие

выставки не могут привлечь внимания современного подростка. Почти нет музеев в реальных *местах* памяти о ГУЛАГе, там, где были лагеря.[1]-

Отсутствие *визуального* ряда ,- одна из основных трудностей в создании для молодых культурной памяти о политических репрессиях и Гулаге. Эта память передавалась предыдущим поколениям лишь в вербальной форме, устной или письменной, а для нынешних подростков гораздо большую роль играют зрительные впечатления.. Нет документальных киносвидетельств о ГУЛАГе, (существует лишь несколько небольших фильмов пропагандистского характера, самый известных из них о Соловках начала 30-х годов, по сути ничего не показывающий из реальности этого лагеря). Редкие, чудом сохранившиеся, фотографии, сделаны вольнонаемными (например, или во время спектаклей лагерных театров), но разве могут они хоть в какой-то мере передать атмосферу ГУЛАГа? Таким образом, мы и в самом деле лишены чрезвычайно важного для нынешних молодых людей визуального механизма воздействия.

Тем большее значение приобретают архивные источники, документы, уже одним своим видом, бумагой, формулировками и орфографией, создающие для школьников аутентичную атмосферу эпохи. Работы школьного конкурса свидетельствуют о том, какое сильное впечатление на подростков производят, например, документы из следственных дел, тюремные фотографии, сделанные при поступлении заключенного, письма из лагерей и в лагерь(особенно детские из детских домов) , рисунки. Поэтому одним из важнейших направлений формирования культурной памяти о политических репрессиях, несомненно, могла бы стать *архивная педагогика,* когда какие-то учебные часы школьники с учителями проводили бы в архивах, знакомясь с реальными документами по истории террора.

* * *

Очевидно, что если процесс создания общенациональной памяти о терроре будет приостановлен, фактически сведен на нет, то есть реальная опасность, что сталинская эпоха, чем дальше, тем все больше, будет представать перед молодым российским поколением либо в виде телевизионного китча, либо как образы из документальных съе-

[1] Исключением является музей «Пермь 36» возникший по инициативе энтузиастов в бывшей зоне для политических заключенных. Но лагеря —то были повсюду, а этот музей фактически единственный и находится в уральской глуши.

мок сталинской эпохи, рисующих, прежде всего, пропагандистскую монументальную. красоту *Большого стиля*..

И все же девятилетний опыт мемориальского школьного конкурса свидетельствует о том, что интерес к трагическому прошлому России 20-века у молодых безусловно есть, что можно искать и находить формы и способы для серьезного и честного разговора с ними, и что школьники вполне способны включаться в строительство нашей сегодняшней культурной памяти о репрессиях.

Выборка из наиболее характерных работ на эту тему, помещенная в этом сборнике, кажется нам в этом смысле весьма показательной.

Эти тексты свидетельствуют о том, что:

Память эффективнее всего передается через историю семьи и человеческую историю. Это вызывает не только сочувствие и боль, но и желание понять:

То, что я услышала, узнала, увидела за год моей работы — меня потрясло. Совсем по-другому я теперь смотрю на историю, на жизнь, быт своих односельчан. Когда читаешь учебник, даже архивные материалы — не ощущаешь боли, того ужаса, который слышишь из уст переживших чудовищную несправедливость по отношению к себе, своим детям, близким и родным.

Архивные документы — их сухой, не пафосный но ужасающий «кафкианский» язык смысл, могут также чрезвычайно сильно воздействовать на поколение, будущих юристов и нотариусов, и они могут стать союзниками в борьбе за открытие архивов:

Читая протокол допроса, я поняла, как тяжело было Николаю Никитичу в тюрьме, ведь он оговаривает не только себя, но и своих знакомых в Казани...Проанализировав протокол допроса, я поняла, насколько необоснованными были обвинения, выдвинутые против него: на вопрос следователя о контрреволюционной, антисоветской агитации мой родственник прямо отвечает, что это были «обывательские разговоры»

Погружаясь в это прошлое, школьники начинают понимать отрицающий всякое правосудие механизм репрессий:

Меня очень поразил, тот факт, что моего прапрадеда Чукашева Николая Никитича тройка НКВД Татарской АССР 6 января 1938 осудила к высшей мере наказания, а уже 14 января того же года решение тройки приведено в исполнение. А как же право на обжалование? По-

милование? Почему не суд вынес решение о лишение человека жизни, а какая-то «тройка НКВД»?

Пытаясь понять причины происходившего, школьники убеждаются в абсурдности всей системы террора и начинают осознавать, что это значило для их близких , и для все страны:

Что же представляет собой моя семья... Из четырех прадедушек — репрессировано было три (Наум Наумов расстрелян, Иван Свиридов (лагерь под Воркутой), Константин Панаиотиди, (высылка в Сибирь), из двух дедушек — один

На почве этого знания у них исчезает циничное и равнодушное отношение к прошлому:

Недоумение, боль и гнев возникает при виде этого сфабрикованного дела на «врага народа». Малограмотный человек, работающий дворником при школе №26 на Проспекте Революции — «агитатор»?! Где, кого и о чем он агитирует? Кто его слушает? Кому какой вред несут мысли безграмотного человека?!

Никогда бы не подумала, если бы ни это дело, что вот так просто, за вскользь произнесенное вслух слово, фразу можно было поплатиться жизнью. Наверное, и сам обвиняемый, будучи арестованным во второй раз, едва ли понимал, какая судьба ожидает его, поэтому продолжал возмущаться несправедливостью и нарушением прав по таким ничтожным, в сравнении с потерей жизни, поводом.

Репрессии для очень многих семей, судьбы которых описывают наши школьники, начинаются гораздо раньше 37-года, и год Большого террора ставит в судьбах их прадедов лишь последнюю трагическую точку . И что их исследования в очередной раз опровергают снова и снова оживающий миф о том, что репрессии 37 были направлены в основном против партийной номенклатуры, потому что среди героев их работ — жертвы всех операций 37-го года.

И главное, что каждое поколение должно для себя заново осваивать пласты нашей истории, и что многие из них к этому готовы:

В этом году я решила писать работу о судьбе репрессированного. Я уже готова к этому. Мой дедушка много рассказывал мне о Сталине, Ежове, Берии, какое страшное было время, как уничтожали людей, «гноили» в лагерях, унижали человеческое достоинство, и как любой простой человек мог стать «врагом народа».Мой прадед Сапогов Гри-

горий Иванович был послан в тюрьму и расстрелян как «враг народа». Никто об этом в семье не говорил, кроме деда.

Не могу согласиться с теми взрослыми, которые говорят: «Тебе еще рано этим заниматься. Будешь старше, тогда». А кто вообще может определить, когда рано или когда поздно? Я слышу аргумент — не нужно разрешать детям во всем этом «копаться». И, может быть, нам не всегда понятны многие процессы, происходившие в нашей стране, но пропустить через себя судьбы людей, разглядеть, где справедливость и несправедливость — мы в состоянии.

О конкурсе «Человек в истории. Россия — XX век»

Всероссийский конкурс «Человек в истории. Россия — XX век» проводится с 1999 года Международным «Мемориалом» при поддержке Союза краеведов России, Международного благотворительного фонда им. Д.С.Лихачева, Кафедры региональной истории и краеведения Российского государственного гуманитарного университета.

В состав жюри входят известные российские ученые, писатели, общественные деятели. Председателем жюри — историк, действительный член Российской академии образования, Сигурд Оттович Шмидт.

Цель конкурса — способствовать сохранению исторической памяти и сближению поколений. Его задача — привлечь школьников к изучению российской повседневности, региональной и семейной истории.

Участники конкурса пишут исследовательские работы, темы и материалы для которых они находят, записывая рассказы о прошлом исторических свидетелей, работая в региональных архивах и школьных музеях, изучая семейные фотографии и документы

Работой школьников руководят педагоги — учителя школ, руководители краеведческих и исторических кружков.

За восемь лет существования конкурса в архиве Международного «Мемориала» собрано более 21 тысячи исторических работ. Около трети из них прислано из региональных центров. Остальные — из малых городов и деревень.

Лучшие работы прошедших исторических конкурсов опубликованы в девяти сборниках на русском языке. Это четыре сборника «Человек в истории. Россия — XX век» (2000, 2001, 2002, 2003), сборник «Время местное, прошедшее: Работы победителей V и VI Всероссийских конкурсов исторических исследовательских работ старшеклассников 2003-2004 и 2004-2005» (2006), выпущенные в издательстве «Звенья», а также четыре тематических сборника (в 2004 году опубликован сборник работ чеченских школьников «Быть чеченцем: Мир

и война глазами школьников», в 2005 году — сборник «Цена победы: Российские школьник о войне», в который вошли работы, посвященные Отечественной войне, в 2006 году — сборники «Мы все с одной деревни: Школьники села Новый Курлак Воронежской области о судьбах своих земляков» и «Полустертые следы: Российские школьники о еврейских судьбах»).

В 2003 году на немецком языке был издан первый сборник лучших работ школьников. В 2006 году вышли переводы сборника «Быть чеченцем» на немецкий («Zu wissen, dass du noch lebst» — «Знать, что ты еще жив...») и норвежский («E vжre tsjetsjener Vitnesbyrd fra krigens barn») языки, а также сборник «Смутные времена» («Unruhige Zeiten»), включающий работы российских и немецких школьников, победителей конкурсов «Человек в истории. Россия — XX век» и аналогичного немецкого конкурса

С 2001 года конкурс входит в сеть европейских исторических конкурсов Eustory.

Адрес оргкомитета конкурса:
127051 Москва, Малый Каретный переулок, 12
Тел. 699-65-04
E-mail: konkurs@memo.ru
http: //www.konkurs.memo.ru

Спонсоры конкурса

МОО «Открытая Россия» (РФ)
Фонд «Память, ответственность и будущее» (ФРГ)
Фонд имени Генриха Бёлля (ФРГ)
Фонд Форда (США)
Фонд Кёрбера (ФРГ)

Конкурс поддержали:

Правительство Москвы (РФ)
Исследовательский Центр «Жизнь и судьба» (Италия, Турин)
Радиостанция «Серебряный дождь»
Фонд имени Фридриха Науманна (ФРГ)
Международный исследовательский центр российского и восточноевропейского еврейства
Евроазиатский еврейский конгресс
ГМИИ им. А.С.Пушкина
Школа «Интеллектуал»
Журнал «Отечественные записки»
Журнал «Преподавание истории в школе»
Интернет-издание «Стенгазета»

Жюри конкурса

Шмидт Сигурд Оттович, председатель жюри, академик Российской академии образования, председатель Союза краеведов России, Москва

Алексиевич Светлана Александровна, писатель, Минск

Асмолов Александр Григорьевич, чл.-корр. Российской академии образования, зав. кафедрой психологии личности МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

Гранин Даниил Александрович, писатель, Санкт-Петербург

Даниэль Александр Юльевич, руководитель программы «История инакомыслия в СССР» Международного Мемориала, Москва

Иванов Сергей Аркадьевич, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова и СПбГУ, Москва

Кобак Александр Валерьевич, исполнительный директор Международного благотворительного фонда имени Д.С. Лихачева, Санкт-Петербург

Козлов Владимир Фотиевич, зав. кафедрой региональной истории и краеведения РГГУ, Москва

Липман Мария Александровна, главный редактор журнала “Pro et Contra”, Московский центр Карнеги, Москва

Марголис Александр Давидович, генеральный директор Международного благотворительного фонда спасения Петербурга-Ленинграда, Санкт-Петербург

Рогинский Арсений Борисович, историк, председатель правления Международного Мемориала, Москва

Хубова Дарья Никитична, историк, продюссер, Москва

Щербакова Ирина Лазаревна, историк, председатель Оргкомитета конкурса, Москва

Содержание

Под корень
Екатерина Ремезова
Бывшие... 5
Светлана Гераськина, Татьяна Кузьмина, Динара Хайрова
Под прицелом власти. История семьи священника Кашина 29
Михаил Смородин
«Слухи доходят ужасные...» 65
Анна Арсенюк
Безжалостный механизм... 81
Анна Малина
«Им не воздвигли мраморной плиты» 91

Годы окаянные
Арина Габайдулина, Николай Нарижний, Анастасия Подольская, Елена Хаваева
«Налицо антисоветская агитация...» 111
Екатерина Аксенова
Годы окаянные 131
Полина Герасименко
Из России в Россию 149
Диана Шмелева, Любовь Юдина 161
Звонкая песнь металла... и горькие судьбы кузнецов 161
Шмелёва Диана, Любовь Юдина, Ксения Шаталова
Рыбинские поповны 183

Широким бреднем
Наталия Чулкова
История одной семьи — «немецкая операция» в Москве 195
Екатерина Семина
«И я от ветра прячусь за спинами предков. Мне нечем больше укрываться» 213

Тимур Гайсин, Максим Назаров
Единственный свидетель 231
Дарья Ткачева
«А память об отце жива...» 253
Михаил Савчук
На трибуне осталась фуражка 271
Полина Реутова
«...Меня избивали и мучили...» 289
Антонина Буевич
Письма из фанерного сундучка 305
Александра Клапиюк, Татьяна Родионова, Мария Шнякова 313
Собирать кости не страшно, страшно ходить по ним 313

Эшелон тронулся
Мария Гордина, Владимир Чубуков 331
Нары, клопы и баржа смерти 331
Юлия Сеелева
Из Бессарабии в Сибирь 343
Хава Хаматханова
Эшелон тронулся... 369

Такую цену они заплатили
Сергей Козлов
Такую цену они заплатили 389
Максим Егоров
«Страницы времени: человек и эпоха в дневнике
Юрия Никифорова 1937 — 1944 годов» 399
Виктор Савельев
«Мне надо в КГБ...» 419

Дети «врагов народа»
Лилия Павлова, Надежда Спорышева,
Райхана Хамидуллина, Регина Ханипова 441
Дети 37-го
Екатерина Новоселова
Арестант «Чучмек» 465
Надежда Лисицына
«...Признаны социально-опасными для государства
по классовому признаку...» 479

Любовь Головина
«Людей неинтересных в мире нет Их судьбы, как истории планет...» 507
Станислав Рожнев
Школа в Вятлаге. 525
Анна Данилова
«Эх, хорошо в стране советской жить»? 545

Хроника «Большого террора» 561

Послесловие составителя
«Совсем по-другому я теперь смотрю на историю...» 590

О конкурсе «Человек в истории. Россия — XX век» 601